

Джунит
Гулд

Творящие
любовь

Элизабет-Энн — бывшая тexasская Золушка, ставшая одной из самых богатых женщин мира, незадолго до смерти открывает последний в своей жизни отель. Ее любимая правнучка наследует огромную гостиничную империю, которой управляет в лучших традициях династии Хейл, где женщины рождаются, чтобы завоевывать — власть, деньги, мужчин. Жестоким ударам судьбы они противопоставляют твердость духа, ум, бесстрашие, дерзость...

- [Джудит Гулд](#)
  -
  - [РЕКВИЕМ](#)
    - [КВЕБЕК, ШТАТ ТЕХАС](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
  - [I](#)
    - [НЬЮ-ЙОРК](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
      - [6](#)
      - [7](#)
      - [8](#)
      - [9](#)
      - [10](#)
      - [11](#)
  - [II](#)
    - [НЬЮ-ЙОРК](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
      - [6](#)
      - [7](#)
      - [8](#)
      - [9](#)
      - [10](#)
      - [11](#)
      - [12](#)
      - [13](#)
      - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)

- [III](#)

- [РИМ, ИТАЛИЯ](#)

- [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)

- [IV](#)

- [КВЕБЕК, ШТАТ ТЕХАС](#)

- [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)

- [АЛЛИЛУЙЯ!](#)

- [КВЕБЕК, ШТАТ ТЕХАС](#)

-

-

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)

- [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)
  - [34](#)
  - [35](#)
-

Джудит Гулд

Творящие любовь

Эту книгу с любовью посвящаю Глэдис Эллисон, которая дала мне старт много лет назад.

Из справочника «Четыреста избранных Форбса», 1982 год.

Элизабет-Энн Хейл

Наследство, недвижимость, гостиничный бизнес. Живет в Нью-Йорке. 88 лет. Дважды вдова. Имеет дочь (две дочери и сын умерли), внука, правнучку. Единолично возглавляет одну из влиятельнейших семей, занимающихся гостиничным бизнесом. Родилась в Техасе, рано осиротела. Решительно руководит семейным бизнесом. Владеет почти 400 отелями и 695 мотелями по всему миру. В 1979 году продала 100 отелей за 520 миллионов долларов. Первое состояние заработала во время кризиса 1929 года. Живет в пентхаусе собственного отеля, всюду разъезжает в «роллс-ройсе» 1921 года выпуска, также доставшемся по наследству. «Состояние легко заработать, если вы доживете до моего возраста». Возможно, богатейшая женщина в мире. По минимальной оценке, ее состояние составляет 1,9 миллиарда долларов.

Колеса внушительного «линкольн-континенталя» глотали асфальтовые мили ^[1] шоссе Браунсвилль — Квебек. Дороти-Энн Кентвелл, сидящая рядом с мужем на коричневом кожаном сиденье, безучастно смотрела в окно. Кругом расстилались бескрайние просторы Техаса. Орошаемые поля и плантации цитрусовых сменялись маленькими безликими городками. «И не городками даже, — подумалось ей, — а всего лишь скоплениями унылых домов, облупившихся и грязных, выцветших под лучами жаркого солнца». Над равниной угрожающе нависло тяжелое серое небо. Машин было мало, изредка им встречался грузовик или легковушка. Монотонный пейзаж завораживал. Казалось, Манхэттен остался где-то в прошлом.

Дороти-Энн искоса взглянула на большую урну, стоящую на сиденье рядом с ней, ничем не напоминавшую обычный сосуд, выдаваемый после кремации, отлитый по шаблону, унылый и некрасивый. Причудливые завитки сияющего серебра устремлялись вверх в удивительном рисунке в стиле рококо. Изящно выкованные ручки превращались в листья плюща. Такой же орнамент украшал основание.

Буччеллати могли гордиться своим творением.

Женщина медленно наклонилась, чтобы коснуться урны. Ей показалось, что серебро должно хранить тепло ее прабабушки, Элизабет-Энн Хейл, но металл оказался гладким и холодным. Если произведение Буччеллати весило семь фунтов, то много ли значила горстка хранимого им пепла?

Всего три дня назад ее прабабушка была жива. Они разговаривали, старушка улыбалась Дороти-Энн, поцеловала ее. Всего три дня назад.

А теперь от Элизабет-Энн остался только пепел.

Дороти-Энн отвернулась. Слезы навернулись на глаза. Они могли бы принести облегчение, смыть усталость последних бессонных, полных горя дней и ночей. Но плакать нельзя. Если она сейчас заплачет, то долго не сможет остановиться. И, кроме всего прочего, ее ждала работа.

Ребенок, которого она носила, шевельнулся. Дороти-Энн смахнула слезы кончиками пальцев и села поудобнее.

«Если бы прабабушка смогла прожить подольше, чтобы увидеть это дитя, — с грустью подумала она. — Осталось всего три недели». Закрыв глаза, женщина прислушалась к движениям внутри располневшего тела: сильный толчок, потом еще один и легкое шевеление ребенка. Обычно в такие минуты она особенно остро чувствовала свою близость к ребенку, ощущала нежность к нему. А сейчас Дороти-Энн хотя и слышала движения младенца, но изнуренное тело казалось странно чужим и обособленным.словно ее ребенок живет в другой женщине.

— Дорогая, с тобой все в порядке?

Вздрагнув, она открыла глаза и повернулась к своему мужу Фредди. Сосредоточившись, он старался и смотреть на нее, и следить за дорогой.

— Все отлично, — прозвучал тихий ответ. Она улыбнулась, наклонилась к мужу и

успокаивающе положила руку ему на плечо.

Фредди знал, что жену мучила бессонница со дня смерти прабабушки, но она не хотела волновать его, показывая, насколько измучена и слаба.

— Не волнуйся, милый. Со мной все в порядке. Просто устала. — Ее голова удобно устроилась на спинке сиденья.

«Еще несколько недель, — подумала она. — Еще несколько недель, и я подарю Фредди его ребенка». Но эта мысль пробудила беспокойство, змеей проникшее сквозь туман ее измученного сознания. А будет ли малыш ждать эти несколько недель? А если все произойдет раньше? А что, если ребенок родится завтра или даже сегодня?

Дороти-Энн снова поменяла положение тела, потрясла головой, чтобы отогнать плохие мысли. Она не должна была позволять доктору Дэнверсу так волновать ее. Конечно, он врач, даже один из лучших, но Дэнверс все-таки перестарался, когда отговаривал ее от поездки в Техас. В конце концов, до срока еще три недели. И доктор не понимал всей важности последней воли прабабушки.

Она всего лишь попросила Дороти-Энн развеять ее пепел в Квебеке, на своей родине. Правнучка поняла такое желание. Она знала, что должна выполнить его как можно скорее. Этого хотела Элизабет-Энн, и это нужно самой Дороти-Энн. Ей необходимо знать, что душа прабабушки наконец успокоилась, обрела такой долгожданный и заслуженный покой. Дороти-Энн понимала, что силы ее на исходе и она рискует морально и физически. Но дело должно быть сделано.

Женщина закрыла глаза, снова пытаясь унять тревогу и хоть немного отдохнуть. Но так трудно бороться с чувствами. Горе было настолько ошеломляющим, потеря столь глубока, что это причиняло физическую боль. Сможет ли она когда-нибудь справиться со всем этим?

Вдруг улыбка тронула ее губы. Неужели правнучка сможет забыть прабабушку, сделавшую ей на день рождения подарок ценой в тридцать один миллион долларов?

Тогда, одиннадцать лет назад, ей исполнилось девять. Дороти-Энн почувствовала, что сможет снова вернуться в тот день, проживи она хоть сто лет...

17 октября 1974 года. Осень. Маленькая девочка, положив подбородок на скрещенные руки, смотрела в окно спальни большого дома в Тарритауне. Внизу вовсю трудились садовники, собирая опавшие желтые листья. Но это ее не интересовало. Она высматривала машину своей прабабушки, которая должна была появиться из-за высокой стриженной живой изгороди, охранявшей дальний конец изгибающейся дороги.

Дороти-Энн давно оделась и ждала уже около часа. Нэнни, гувернантка, разрешила девочке надеть любимое красное платье с крахмальным кружевным воротничком и маленькими блестящими пуговицами. Ведь не каждый же день ребенок празднует свое десятилетие. Прабабушка заедет за ней и отвезет в город, чтобы отметить это событие как полагается.

Дороти-Энн взглянула на фарфоровые часы с пастушками, стоящие на подоконнике. Сердце забило сильнее. Двадцать семь минут второго. Еще три минуты, и появится машина прабабушки. Малышка твердо знала: Элизабет-Энн никогда не опаздывает.

Девочка села и, раскачиваясь на стуле, смотрела, как длинная изящная стрелка совершает три последних стремительных оборота. Как только часы показали точно половину второго, она подбежала к окну и прижалась носом к стеклу, сразу затуманившемуся от ее дыхания. Ее глаза загорелись.

Вот и величественный черно-желтый «роллс-ройс». Его сверкающий капот с

хромированной решеткой радиатора и большими фарами только-только показался из-за изгороди.

Дороти-Энн выскочила из комнаты и побежала через устланный ковром холл. Вот и сверкающие перила лестницы. Привычным прыжком она уселась на них верхом и мягко поехала вниз.

С площадки первого этажа на нее сурово и неодобрительно смотрела Нэнни. Дороти-Энн тут же затормозила, вцепившись в перила так, что у нее загорелись ладони, медленно спустила ноги и проделала остаток пути по лестнице с достоинством, присущим леди.

Девочка застенчиво улыбнулась гувернантке, но ответной улыбки не получила. Ну и ладно. Нэнни не так уж и плоха, хотя и не очень часто улыбается. Внешность воспитательницы завораживала воспитанницу. Нэнни было за пятьдесят. Седая, с серыми глазами. Ее фигура, неизменно затянутая в черные платья, удивительно напоминала контурную карту Африки из-за внушительного бюста и не менее внушительных ягодич, удивительно контрастирующих с тонкими и прямыми, как палки, ногами.

Не говоря ни слова, Нэнни посмотрела на Дороти-Энн, протянула рыжевато-коричневое шерстяное пальто и помогла ей надеть его. Потом девочка отступила назад и приготовилась к инспекционному осмотру. Гувернантка словно ставила галочки в списке, критический взгляд замечал все. Волосы аккуратно причесаны, платье застегнуто на все пуговицы, подпушка не оторвана. Подошла очередь последней проверки.

Нэнни наклонилась совсем близко к лицу Дороти-Энн. Между ними не осталось и двух дюймов.

— Дыхни! — велела она.

Девочка добросовестно открыла рот и выдохнула Нэнни прямо в нос. У той вспыхнули глаза. Она выпрямилась, опустила руку в карман и достала белый, твердый, как камень, леденец. Дороти-Энн взяла его, развернула, отдала целлофан обратно, сунула мятную конфету в рот и отработанным движением языка забросила ее за щеку. Резкий вкус мяты напоминал лекарство, но она удержалась от гримасы.

Нэнни снова наклонилась и стала застегивать девочке пальто, начав с верхней пуговицы.

— Не забудь о своих манерах. Как только ты сядешь в машину, скажи: «Здравствуйте, прабабушка. Очень любезно с вашей стороны пригласить меня», — строго предупредила она.

Дороти-Энн торжественно кивнула.

— Если ты получишь подарок, открывай его *медленно*. — Нэнни многозначительно на нее посмотрела. — Не рви обертку на куски и не забудь сказать: «Благодарю вас, прабабушка. Я всегда ценю ваши подарки».

Девочка снова кивнула. От мяты во рту собралось много слюны, но она старалась не глотать — так ужасный вкус сконцентрируется в одном месте.

Следом за гувернанткой она пошла к выходу и стояла с ней рядом, пока дворецкий открывал тяжелые двойные двери из красного дерева. На улице она вдохнула холодный свежий воздух. Бодрящий ветер продувал долину Гудзона, гнал белые облака и давал новую работу садовникам, все еще возившимся с листьями.

Только Дороти-Энн услышала, что двери за ней захлопнулись, она перегнулась через балюстраду и выплюнула леденец. Он присоединился к своим собратьям под прикрытием подстриженного тисового дерева. Вытерев рот тыльной стороной руки, с криком радости

девочка побежала к ожидавшей ее машине.

Сорок минут спустя огромный лимузин остановился под желтым навесом отеля «Палас Хейл» на Пятой авеню. Оба швейцара бегом спустились по устланной красным ковром лестнице, почти отталкивая друг друга, чтобы открыть дверь «роллс-ройса». Дороти-Энн осторожно вылезла со стороны улицы, захлопнула дверцу обеими руками и обошла машину. Широко открытыми глазами она смотрела на швейцаров. Они казались близнецами в своей светло-голубой униформе с рядами блестящих пуговиц и золотыми эполетами.

Шофер-японец, в прошлом борец сумо, гордившийся своими широкими плечами и внушительным животом, молча достал из багажника сложенную инвалидную коляску Элизабет-Энн. Дороти-Энн никогда не видела таких огромных людей. Девочке казалось, что Макс — несколько странное имя для борца сумо, но прабабушка объяснила ей, что так звали ее первого шофера, поэтому всех последующих она называла так же.

Пока они ехали из Тарритауна в город, мисс Бант, прабабушкина сиделка, занимала переднее сиденье рядом с Максом. Теперь же она осторожно взяла у него коляску и разложила ее. Сиделка крепко держала кресло за ручки, пока шофер нагнулся к дверце машины.

— Вы готовы, миссис Хейл? — спросил он.

Элизабет-Энн строго посмотрела на него, но не двинулась с места.

— Готова, как всегда, — раздался ее голос. Она немного глотала слова.

Макс осторожно вынес ее из машины и так же осторожно посадил в кресло, прикрыв ноги пледом.

Дороти-Энн пристально следила за ритуалом, загипнотизированная всем, что делает Элизабет-Энн. Так было всегда. Она вознесла свою прабабушку на пьедестал, понимая, несмотря на совсем юный возраст, что старшая из рода Хейлов очень необычная женщина.

Хотя после последнего удара нижняя половина тела Элизабет-Энн осталась парализованной, никто никогда не слышал от нее жалоб. Она даже не казалась беспомощной. Когда прабабушка ходила, в ее осанке чувствовалось достоинство. Прикованная к инвалидной коляске, она сохранила царственную манеру держаться. Высокая, худая, с седыми, всегда завитыми волосами, Элизабет-Энн носила серьги филигранной работы из белого золота с крупными нефритами.

Яркий дневной свет не скрывал ни одного из прожитых ею семидесяти девяти лет. Кожу на лице покрывала тонкая сеточка морщин, как на старом живописном полотне, если его рассматривать при сильном увеличении. Но освещение раскрывало не только возраст. Очевидной становилась и ее уникальная неукротимая сила. Ошибки быть не могло — Элизабет-Энн рождена для успеха. Именно это поражало в ней больше всего. Домашняя женщина, окруженная плюшем и полировкой, и одновременно предприниматель, один из проникательнейших и богатейших в мире, основательница транснациональной империи, составной частью которой были четыреста фешенебельных отелей, расположившихся во многих странах.

— Спасибо, Макс, — четко произнесла Элизабет-Энн, удобно устроившись в кресле. Ее ясные голубые глаза остановились на Дороти-Энн, а брови вопрошающе поднялись: — Можно начинать?

Дороти-Энн кивнула.

Элизабет-Энн подняла руку в грациозном и величественном жесте:

— Мисс Бант!

Сиделка отступила в сторону, а швейцары подошли ближе. Они покатали кресло по пандусу, а девочка и мисс Бант шли рядом по покрытым красным ковром ступеням. Инвалидная коляска достигла верхней площадки, и мисс Бант снова взялась за ручки и покатила ее к зеркальным, сверкающим гравированной медью, дверям «Палас Хейл», уже открытым услужливыми швейцарами. Дороти-Энн заметила, что вход обрамляют искусно подстриженные в форме шара деревца в круглых медных кадках, сияющих, как золото. Она впервые заметила выгравированный вензель — сплетенные буквы «О» и «Х». «Отели Хейл».

Это открытие было последним штрихом, заставившим ее почувствовать свою значимость. Так вишня, венчающая мороженое с фруктами и орехами, придает завершенность блюду. «Прабабушка носит фамилию Хейл, и я одна из них», — с гордостью подумала девочка.

Элизабет-Энн сняла весь Тропический зал, поэтому они были вдвоем. Зеркальное великолепие расположилось на восемнадцатом этаже, и Дороти-Энн считала это место самым замечательным на свете. Журчанием воды в фонтанах, множеством экзотических растений и высокими пальмами ресторан воссоздавал атмосферу тропиков. Крики сидящих на жердочках яркой расцветки попугаев и бледных какаду довершали картину.

Ленч проходил под аккомпанемент струнного квартета. Их обслуживал усатый метрдотель, ему помогали два подобострастных официанта. Еда была простой, но изысканной: салат из крупных креветок, красный салат-латук с авокадо, омары и соте из зеленого шпината. Элизабет-Энн и Дороти-Энн болтали, пока девочка с удовольствием опустошала тарелки, не оставив даже шпината.

На десерт официант и метрдотель принесли украшенный глазурью именинный торт. Сияли расставленные по кругу девять свечей. Следуя церемониалу, его поставили перед Дороти-Энн, квартет заиграл «С днем рождения!», а Элизабет-Энн запела неожиданно чистым и мелодичным голосом.

Потом принесли французское ванильное мороженое и бутылку охлажденного «Дом Периньон». Прабабушка разрешила Дороти-Энн выпить полбокала неразбавленного шампанского. С десертом было покончено, музыканты ушли, и они остались одни. Шум фонтанов и голоса птиц стали слышнее. Прабабушка посмотрела в другой конец зала, и Дороти-Энн проследила за ее взглядом. Двое мужчин с кейсами направлялись к их столику.

— Джентльмены, — произнесла Элизабет-Энн с горделивым жестом, — разрешите вам представить мою правнучку, мисс Дороти-Энн Хейл.

Джентльмены посмотрели вниз, на нее, и протянули руки, обтянутые сухой тонкой кожей. Дороти-Энн осталась сидеть и вежливо ответила на рукопожатие. Обоим уже исполнилось по шестьдесят, а одинаковые седины и костюмы в тонкую полоску довершали сходство.

— Мистер Бернштейн, мистер Моррис. Садитесь, пожалуйста.

Мужчины подчинились, поставив свои кейсы рядом со стульями. Локти Элизабет-Энн лежали на столе. Сплетя пальцы, она посмотрела на правнучку и перешла к делу.

— Мистер Бернштейн и мистер Моррис — адвокаты.

Девочка выглядела испуганной, и прабабушка засмеялась:

— Не смотри так на них, дорогая. Они не собираются тебя арестовывать, — быстро сказала она. Улыбнувшись, Элизабет-Энн сделала глоток кофе. Потом выразительно посмотрела на Дороти-Энн поверх чашки: — Они только собираются вручить тебе подарок.

— Любимая!

Голос, казалось, выплыл из водоворота озвученных цветных воспоминаний.

— Любимая...

Мягкий голос, Дороти-Энн хорошо знала и любила его. Она открыла глаза и оказалась в настоящем. Ей пришлось потрясти головой, чтобы прийти в себя.

— Проснулась, милая? Мне показалось, что ты разговариваешь во сне.

— Нет... Нет, я всего лишь задремала. Теперь все в порядке. — Она ободряюще улыбнулась Фредди, хотя на самом деле и не была уверена, действительно ли это так. Только что Дороти-Энн вернулась на одиннадцать лет назад, она была на Манхэттене. Прошлое казалось таким реальным... Может быть, этот разговор ей только снится... Но нет, за окнами машины мелькали все те же поля. И так же болело сердце.

— Мы почти приехали, дорогая.

Женщина посмотрела на мужа, постаралась улыбнуться и снова отвернулась к окну. Интересно, сколько она проспала? По всей видимости, не так мало. Вечереет, и Фредди уже свернул с трассы. Но Дороти-Энн не чувствовала себя отдохнувшей.

Небо потемнело еще больше, на горизонте собрались низкие, быстро бегущие грозовые облака, напоминающие рисунок углем. Желтоватые и грязно-коричневые отблески окрашивали их края, словно солнце старалось вырваться из плена.

— Надвигается буря, — заметил Фредди. — Да, неважно все это выглядит.

Он зажег сигарету, затянулся, и оранжевая точка засветилась в сгущающейся темноте.

Внимание Дороти-Энн неожиданно привлек дорожный указатель, показавшийся впереди. Облупившийся, старый экземпляр поп-арта, появившийся задолго до того, как само это слово начало путешествие по свету. Большой, прямоугольный, украшенный сверху выцветшей короной. Маленькие шарики, венчавшие ее, давно обломали, а позолоту смыли дожди и унес ветер. Теперь корона напоминала острый зуб, пытающийся откусить кусочек неба.

Указатель приблизился, и Дороти-Энн прочитала выцветшую, но все же сохранившуюся надпись.

«Хейл, гостиница для туристов».

Надпись появилась здесь намного раньше, чем отели «Хейл» выросли по всему свету, словно грибы после дождя. И задолго до того, как одна из высоколобых дизайнерских команд с Мэдисон-авеню придумала изящно переплетенный двойной вензель «ОХ». Этот мотель был началом.

Они уже проехали мимо, и приют туристов остался сбоку от дороги, да он и не заслуживал больше одного взгляда. Тысячи подобных заведений расположились по всей стране по обочинам дорог, подобных этой, старых и не использующихся после того, как построили новые скоростные трассы. Это было еще одно скопление ветхих домиков, отделенных друг от друга стоянками для машин, под одинаковыми высокими рифлеными крышами, когда-то новенькими, выкрашенными в сияющий оранжевый цвет, а теперь ржавыми и вылинявшими от солнца и ветра.

Но этот мотель существенно отличался от своих собратьев тем, что носил имя Хейл. Именно отсюда начиналась транснациональная империя Элизабет-Энн.

«Неужели это возможно?» — Дороти-Энн задавала себе вопрос, рассматривая мотель, пока Фредди парковал машину. Эта мысль вертелась в ее затуманенном, измученном мозгу. Может ли столь ничтожное заведение стать трамплином для развития сети фешенебельных отелей по всему миру? Как могла одинокая женщина создать одно из крупнейших

состояний, не имея ничего, кроме нескольких домиков?

Ответ покоился внутри урны работы Буччеллати, и Дороти-Энн осторожно поставила ее к себе на колени, прижав к животу, стремясь приблизить сосуд к ребенку, которого она носила. Серебро уже не казалось холодным и безжизненным. Она почти ощущала тепло, струящееся сквозь него.

Фредди помог ей выйти из машины, но урну женщина несла сама. На этом она настояла. Они перешли через шоссе наискосок от мотеля. Сгущались сумерки. Дороти-Энн шла как будто под гипнозом. Вдруг она споткнулась, на лбу выступил холодный пот, и тут она без возражений отдала урну мужу.

Взгляд ее заволокло слезами, когда Фредди открыл крышку. Не говоря ни слова, он передал урну жене.

Дороти-Энн молчала. Поднялся ветер, гневные грозовые тучи опустились еще ниже.

Она медленно перевернула сосуд. Ветер подхватил пепел, закружил в неожиданно образовавшемся смерче, превратив его в длинную серую полосу, и тут же упали первые крупные, тяжелые капли дождя, прибывая прах к земле.

В это мгновение Дороти-Энн поняла, почему Элизабет-Энн просила развеять ее пепел здесь — все должно кончаться там, где начинается.

Небеса словно взорвались в тот момент, когда они только повернули назад, и одновременно первый приступ боли опоясал ее.

2

На кухне, в домике управляющего мотеля миссис Рамирес прислушивалась к раскатам грома. Подняв тяжелое тело со стула, она подошла к окну, раздвинула занавески и выглянула на улицу.

Небо стало почти сине-черным, ночь наступила, молния сверкала все ближе. Скоро начнется ливень, он прибьет к земле посевы и переполнит ирригационные каналы. Бури, подобные этой, случались крайне редко, но она прожила в этих местах всю жизнь и могла предсказывать погоду по тому, как опухли ее лодыжки: она ошибалась куда реже, чем эти шарлатаны-метеорологи с телевидения. Гнетуще жаркий, раскаленный добела день предвещал страшную бурю. Рабочие-мексиканцы, высаживавшие аккуратные ряды саженцев, рано ушли с поля, торопясь попасть домой до того, как начнется дождь. Миссис Рамирес подумала о том, что ее муж и сын могут остаться у ее брата в Мексикана-Тауне и переждать грозу.

Она все еще смотрела на улицу, и вдруг брови ее поднялись. В темноте ей удалось разглядеть большую машину, припаркованную недалеко от дороги. Потом показались мужчина и женщина. Они медленно выходили из посадок, женщина осторожно ступала, согнувшись, словно от боли, мужчина ее поддерживал.

Ослепительно вспыхнула молния, и свет в домике погас. Миссис Рамирес ругнулась вполголоса: можно подумать, одной грозы недостаточно, нужно было еще и электричеству отключиться.

Она минуту подождала, чтобы глаза привыкли к темноте, потом отодвинула стул и направилась к плите, где в большой металлической кастрюле булькали бобы со свиной, нашла свечку и коробок спичек, чиркнула спичкой о косяк и зажгла свечу. В комнате стало немного светлее. Первые капли дождя застучали по металлической крыше. Инстинктивно

она взглянула вверх. Судя по звуку, капли были большие, тяжелые, мощные, из тех, что больно лупят по лицу, если ливень застал вас на улице.

В эту же минуту раздался стук в дверь. Нахмурившись, миссис Рамирес подошла к двери и открыла ее. В неверном свете свечи она увидела высокого, приятного мужчину, одной рукой поддерживавшего, почти тащившего, женщину. В другой руке он держал тяжелую на вид серебряную урну. По их лицам текла вода, оба промокли насквозь. У них за спиной блестящие струи дождя пронизывали темноту ночи.

— Входите быстрее, а то все намокнет, — поторопила их миссис Рамирес. В ее хриплом голосе слышался мексиканский акцент.

Как только они оказались внутри, она надежно закрыла дверь и подняла свечу повыше. Незачем было напрасно тратить слова. Она взглянула на Фредди Кентвелла:

— Ей пришло время рожать?

— Не знаю... Мне так кажется, — ответил Фредди со страхом. — Мы были в поле, она вдруг вскрикнула и упала, почти потеряв сознание.

— Идите за мной, — велела Фелиция Рамирес, подхватывая Дороти-Энн под другую руку и помогая Фредди отвести ее в спальню.

Она поставила свечу на туалетный столик, и Фредди осторожно уложил жену на кровать. Он поставил урну рядом со свечой, взглянул на Дороти-Энн и убрал ей волосы с лица. Лоб был горячим.

— У нее жар, — сказал он, напряженно глядя на миссис Рамирес.

— Как часто у нее схватки? — спросила толстуха.

— Я не знаю, — поколебавшись, ответил он. — Одна была и прошла.

— Подождем следующую, потом заметим время.

— У вас есть телефон? — поинтересовался Фредди, взяв свечу.

— В соседней комнате. Оставьте свечу здесь. Я еще принесу. Нельзя оставлять роженицу без света. — Она заговорила чуть громче: — Если ребенок появится на свет в темноте, он будет слепым.

Напуганный ее суеверием, Фредди поставил свечу на место и собрался было пойти за Фелицией, но Дороти-Энн схватила его за руку. Он повернулся и взглянул на жену. Ее глаза потускнели и казались пустыми, голос ослабел:

— Фредди!

Он улыбнулся ей, но ее пальцы вцепились ему в руку с поразительной силой.

— Не оставляй меня одну, Фредди, — прошептала она, — пожалуйста.

— Я буду рядом, дорогая. Но я должен позвонить доктору.

Дороти-Энн слабо кивнула.

Муж сжал ей руку:

— Постарайся расслабиться и отдохнуть. Тебе понадобятся силы.

Она снова кивнула и закрыла глаза.

— Я постараюсь, — тихо произнесла женщина. Утомление снова нахлынуло на нее. Она прислушалась к удаляющимся шагам мужа. Наступил неожиданный покой.

В Тропическом зале отеля «Палас Хейл» тишины не было. Даже когда мистер Бернштейн вынул документы из папки, попугаи и какаду продолжали свой концерт. Дороти-Энн вспомнила, как мистер Бернштейн доставал бумаги, просматривал их, передавал мистеру Моррису, который тоже их проглядывал. Наконец оба закончили, удовлетворенные

результатом. Все было в порядке.

Мистер Бернштейн повернулся к Элизабет-Энн, сжал руку в кулак и осторожно кашлянул:

— Вы уверены, что хотите совершить эту сделку?

— Мистер Бернштейн, — последовал сухой ответ, — как вам известно, восемнадцать мне уже исполнилось. Следовательно, я могу пить и голосовать, и уж конечно, распоряжаться принадлежащими мне деньгами и имуществом по своему усмотрению.

— Конечно, конечно, — успокаивающе проговорил он и взглянул на Дороти-Энн: — Мисс Хейл!

Внезапно девочка поняла, что адвокат обращается к ней.

— Да, сэр?

— Ваша прабабушка решила преподнести вам... Гм!.. Очень щедрый подарок ко дню рождения.

— Действительно, очень щедрый подарок, — подтвердил мистер Моррис кивая.

— Фактически, хотя все бумаги подписаны сейчас и с этого момента отель ваш, — продолжил мистер Бернштейн, — вы вступите во владение только после того, как вам исполнится восемнадцать. Вы понимаете, что я хочу сказать?

Дороти-Энн кивнула:

— Вы имеете в виду, что я буду распоряжаться им по доверенности.

Мистер Бернштейн несколько удивился, но быстро взял себя в руки.

Элизабет-Энн устроилась поудобнее в своем кресле, с гордостью улыбнулась, но голос ее оставался сдержанным:

— Мистер Бернштейн, может быть, мы не будем читать документы? Я слаба телом, но в здоровом уме. И голова у меня хорошо работает. Не подписать ли нам бумаги?

— Телефон там. — Фелиция Рамирес оторвалась от зажигания свечей и указала толстым пальцем на стену кухни.

Фредди кивнул, снял трубку и поднес к уху. Тишина. Он быстро нажал несколько раз на рычаг и повернулся к Фелиции:

— Он не работает.

Женщина отбросила спичку и направилась к нему.

— Дайте-ка, я попробую. — Она взяла трубку у него из рук, послушала, нажала на рычаг. Выждав минуту, она медленно повесила трубку. — Это все гроза. Провода, наверное, порваны.

— И что же нам делать?

— Может быть, вам съездить в город на вашей машине? — предложила Фелиция.

— Она застряла. Я так расстроился, когда Дороти-Энн упала в поле. Я отнес ее в машину и стал выезжать. Но, видимо, слишком быстро. Колеса увязли в песке, и, чем больше я старался выбраться, тем глубже садилась машина. Ее теперь не вытащить. — Он провел рукой по волосам и спросил: — А у вас нет машины?

— У мужа есть машина, — спокойно ответила она, — но он еще не вернулся. При такой погоде муж наверняка останется в городе. Скоро стемнеет, а до города пять миль. В такую грозу ехать невозможно.

Голова Фредди дернулась.

— Что мы будем делать? — прошептал он. — Нам и в голову не приходило, что будет

такая буря... и что у Дороти-Энн начнутся роды.

Фелиция Рамирес выпрямилась со спокойным достоинством и мягко положила руку ему на плечо.

— Я женщина, — сказала она. — У меня шестеро детей, и я помогала рожать другим. Я знаю, что делать. Идите к жене. Успокойте ее и помогите ей отдохнуть. Я нагрее воды и приготовлю чистые полотенца. Эта ночь будет долгой.

Когда Фелиция вернулась в спальню, Дороти-Энн не спала, а металась по постели. Она пыталась сесть, но через минуту ее голова снова падала на подушку. Внезапно гримаса искажала ее лицо, и новая схватка заставляла женщину выгибать спину. Она широко открывала глаза и задыхалась от боли. Фредди участливо держал жену за руку, но миссис Рамирес выглядела спокойной.

— Отлично, — произнесла она. — С последней схватки прошло много времени. Теперь она немного отдохнет перед родами.

Дороти-Энн упала на кровать. Боль прошла Фелиция откинула простыню, покрывавшую роженицу, и начала осторожно осматривать ее. Мексиканка нахмурилась и впервые за все время начала волноваться. У нее самой и ее сестер был широкий таз, словно специально созданный для того, чтобы давать начало новой жизни, а эта женщина была узенькой и худой.

Она жестом приказала Фредди придвинуться поближе и понизила голос так, чтобы Дороти-Энн не смогла услышать ее слов.

— Слишком узкий проход, — озабоченно прошептала она. — Она очень маленькая.

Маленькая. Произнесенное шепотом слово дошло до затуманенного сознания Дороти-Энн, и ее вновь закружил водоворот воспоминаний. Да, она была маленькой и подписала бумаги почерком школьницы, потом подождала, пока адвокаты поставят свои подписи. Мужчины в костюмах в полоску поздравили ее с получением подарка и ушли. Мисс Бант выкатила Элизабет-Энн на улицу для прогулки, и тут прабабушка попросила ее оставить их с девочкой наедине. На Пятой авеню было шумно от оживленного движения. Немного помолчав, прабабушка наконец произнесла:

— Дороти-Энн!

Правнучка подошла поближе.

— Посмотри вверх, Дороти-Энн, — голос Элизабет-Энн поднялся до взволнованного шепота. — Посмотри на «Палас Хейл».

Девочка послушно запрокинула голову и посмотрела на отель. Сотни и сотни тонн бледного известняка казались волшебным невесомыми. Словно свадебный торт, здание росло вверх в своем поистине королевском великолепии, нанизывая ярус за ярусом террасы и балконы, увенчанное двумя башнями настолько высокими, что они, казалось, задевали за быстро несущиеся в ярко-голубом небе облака. Дороти-Энн опустила голову и повернулась к прабабушке, вопросительно глядя на нее.

Элизабет-Энн подъехала ближе, взяла ее руку и сжала.

— Это *твое*, — прошептала она, аквамариновые глаза ее сияли. — «Палас Хейл» отныне принадлежит тебе, и только тебе одной. С днем рождения, Дороти-Энн.

Дороти-Энн проснулась от барабанной дроби дождя по крыше. Фредди наклонился над ней, глаза полны страха и беспокойства.

Она осторожно повернулась к нему. Лицо ее побледнело и осунулось.

— Гроза кончается? — раздался ее шепот.

Миссис Рамирес, казалось, удивил звук ее голоса.

Она отрицательно покачала головой.

— Мой ребенок? — тихо спросила Дороти-Энн и положила руку на простыню, укрывавшую ее. — С моим ребенком все будет в порядке?

— У вас будет прекрасный ребенок, — мягко заверила ее Фелиция. Она подошла к Фредди и тоже наклонилась над женщиной, убирая с ее лица прядь влажных волос. — Предназначение женщины в том, чтобы давать жизнь. Разве не так?

Дороти-Энн в сомнении покачала головой. Фредди помог ей повернуться на спину.

— Раз вы проснулись, я посмотрю, как у вас дела. Я все равно собиралась будить вас, — сказала мексиканка и повернулась к Фредди: — Мне понадобится кастрюля горячей воды.

Мужчина кивнул и отправился на кухню, довольный тем, что может помочь. Миссис Рамирес присела на край кровати и взяла руки Дороти-Энн в свои. Пальцы молодой женщины были влажными и холодными.

— У вас болит что-нибудь?

Дороти-Энн взглянула в темные глаза Фелиции:

— Да.

— Что?

Дороти-Энн села и медленно повернулась. Простыня упала, обнажив полные, тяжелые, налитые молоком груди.

Миссис Рамирес отметила это про себя. С кормлением ребенка проблем не будет. Она вопросительно посмотрела на Дороти-Энн, робко потянувшуюся к своей пояснице.

— Здесь болит.

— Поясница?

Дороти-Энн кивнула утвердительно.

Фелиция бросила на нее странный взгляд, встала и отбросила в сторону простыню. Обнаженная женщина задрожала от неожиданного холода.

— Это не займет много времени, — извиняющимся тоном произнесла миссис Рамирес.

Она услышала шаги Фредди и обернулась. Он нес дымящуюся кастрюлю с горячей водой. Мексиканка взяла у него кастрюлю, поставила на прикроватную тумбочку и, крепко сжав губы, погрузила руки в воду. Она ошпарилась, но не произнесла ни звука. Тщательно вымыв руки, дала им высохнуть.

Не говоря ни слова, Дороти-Энн легла на спину, спустилась с подушки и послушно развела бедра в стороны. Миссис Рамирес встала перед ней на колени.

Дороти-Энн ощущала, как пальцы женщины двигаются внутри нее, грубые и чужие. Она напряглась.

— Я буду осторожна, — прошептала миссис Рамирес. — Пожалуйста, расслабьтесь. Я не сделаю вам больно.

Дороти-Энн слабо улыбнулась и закусил губу.

Продвигая руку вперед, Фелиция старалась не хмуриться. Шейка матки еще недостаточно широко раскрылась, но все-таки она расширилась. Им придется еще долго ждать.

Миссис Рамирес наклонилась к Дороти-Энн и прижалась ухом к огромному животу. Послушала немного и удовлетворенно кивнула. Она смогла расслышать сердцебиение плода,

четкое и незаглушаемое биением сердца матери. Отлично.

Начав было накрывать молодую женщину простыней, она вспомнила, что надо проверить еще одно. Много лет назад, когда она рожала Цезаря, старая повитуха проверяла положение ребенка.

Фелиция спустила простыню ниже. Одна рука внутри, другая на животе женщины, она аккуратно прощупала положение плода. У нее перехватило дыхание. Может быть, она что-то делает не так? Проверила еще раз. Нет, все так и есть. Ребенок лежит неправильно. Мексиканка повторила движение еще раз, просто для того, чтобы убедиться. Ошибки быть не могло.

Она вытащила руку и сказала:

— Пойду вымою руки. — Фелиция подала знак Фредди, чтобы он вышел за ней. Оказавшись на кухне, она обернулась к нему: брови изогнулись, руки подняты вверх, как у хирурга, ожидающего, пока ему наденут перчатки.

— Что случилось? — поинтересовался Фредди.

— Ребенок лежит поперек, — мрачно констатировала миссис Рамирес. В ее глазах полыхала тревога. — Он должен идти головой вперед, вот так... — И жестом показала, как именно, глаза ее казались янтарными в свете свечи. — А ребенок вашей жены лежит вот так... — и провела рукой поперек своего живота.

Прежде чем Фредди смог ответить, они услышали слабый стон Дороти-Энн из соседней комнаты и быстро вернулись к ней.

— Что с тобой? — спросил Фредди.

— Я услышала, что вы шепчетесь, — чуть слышно пробормотала она. У нее на бровях все еще блестели капли пота, глаза казались стеклянными. — Мой ребенок... мой ребенок умирает, правда?

Миссис Рамирес сурово посмотрела на нее и перекрестилась.

— Не говорите так, — проворчала она.

— Нет. Я знаю, что это правда. Я наказана, и мой ребенок умрет.

Удивленный ее словами, но, сознавая, что его молодая жена практически бредит, Фредди убрал влажные волосы со лба Дороти-Энн и мягко спросил:

— Наказана? За что? Ты не сделала ничего такого, что заслуживало бы наказания, дорогая.

— Нет, сделала, — простонала Дороти-Энн. Она снова чувствовала себя измученной, ей хотелось избавиться от страха, нахлынувшего на нее. Глаза ее закрылись. Но она прогнала сон, решив сказать все, вытащить правду на свет божий. — Ты не знаешь, Фредди. Только прабабушка понимала. Она защищала меня, но теперь ее нет, и я должна заплатить.

— Дороти-Энн, ты говоришь глупости.

— Нет, Фредди. Теперь я должна заплатить, — проговорила она, дыша поверхностно и тяжело.

— Бога ради, да за что же?

— Я... я убила мою мать. Я убила ее, а теперь и прабабушки больше нет... Она одна... — Ее голос прервался.

— Она одна что?

— Понимала, — еле различимым шопотом прошептала Дороти-Энн.

В тот день, когда Элизабет-Энн Хейл и ее четверо детей оказались в самом центре Манхэттена, жара достигла девяноста шести градусов по Фаренгейту, и Нью-Йорк напоминал раскаленную печь. Асфальт на улицах плавился под ногами, а здания, казалось, расплывались в душном воздухе, обволакивающим их стены.

— Куда едем? — спросил шофер такси, нанятого у Пенн-стейшн, как только Элизабет-Энн уселась рядом с ним на переднее сиденье. Он озабоченно поглядывал на детей, возившихся сзади, но, взглянув на Элизабет-Энн, смутился.

В свои тридцать три года она не была красавицей, но волнение делало ее лучезарной. У нее было приятное лицо с прямым тонким носом и блестящими глазами, напоминающими великолепные аквамарины чистой воды. Несмотря на это великолепие, главным ее украшением были длинные пшенично-золотистые волосы, на зависть густые и здоровые. Она безжалостно заплетала их в косу и закалывала, чтобы они ни за что не цеплялись. Белая блузка и длинная серая юбка из набивного ситца выгодно подчеркивали талию. Шею украшал медальон — цветок анютиных глазок в стекле, подаренный ей мужем ко дню помолвки.

Элизабет-Энн взглянула на водителя широко открытыми глазами, блестящими на загорелом лице.

— Вы не могли бы порекомендовать нам какую-нибудь гостиницу? Приличную, но не слишком дорогую? — спросила она.

— Конечно, могу. В этом городе сотни гостиниц.

В зеркало ему были видны три девочки и маленький мальчик на заднем сиденье. Багажник машины, заполненный вещами, не закрывался до конца. Автомобиль даже присел немного под таким весом.

— «Мэдисон Сквайр» — хороший отель. Не дешевый, но и не дорогой.

— Пусть будет «Мэдисон Сквайр», — ответила женщина, подумав при этом, что они все равно там останутся, хотя бы и на одну ночь, даже если это окажется слишком дорого. Путешествие всех утомило, а утром они смогут найти другую гостиницу. А потом она первым делом займется поисками квартиры для себя и детей.

Такси влилось в поток машин.

— Откуда вы приехали?

— Из Техаса. — Ее голос звучал чисто и резко.

— Никак не могу понять вас, людей из провинции. Зачем ехать на каникулы в этот грязный, шумный город, когда у вас дома свежего воздуха сколько душа пожелает?

— Мы не на каникулы. Мы будем здесь жить.

Таксист покачал головой.

— А я-то не могу дождаться того дня, когда смогу бросить все это и купить маленький домик где-нибудь в глуши. Особенно когда такая жара.

— Мы к жаре привыкли.

— Да уж, в Техасе-то, верно, жарковато.

— Жарковато.

— И чем вы там занимались? У вас было ранчо?

— Ранчо? — Она по-детски рассмеялась. — Нет, в Техасе не только ранчо. Там есть много чего другого. Очень много. — Застенчиво улыбнувшись, Элизабет-Энн отвернулась к окну и задумалась, разглядывая город.

Она была хозяйкой трех владений в Квебеке, штат Техас: «Меблированные комнаты Хейл», кафе «Вкусная еда» и мотель «Хейл, гостиница для туристов», который она построила рядом с новым шоссе. Меблированные комнаты и кафе были проданы, и не за бесценок. Она, конечно, не собиралась трубить об этом, но у нее в кошельке лежал чек почти на тридцать тысяч долларов. Это задел для исполнения мечты, дорожка в другую жизнь, в новое будущее для нее и детей. На это будущее будет работать и доход, все еще получаемый ею от мотеля, оставленного в крепких и надежных руках. Элизабет-Энн знала, что денег хватит. При надежном финансовом обеспечении ей будет легче одной вырастить четверых детей.

Она повернулась на сиденье и улыбнулась детям, но они этого, видимо, и не заметили. Их глаза были прикованы к открытым окнам, необыкновенно высокие здания и хорошо одетые люди, толпящиеся на тротуарах, завораживали.

Элизабет-Энн переводила взгляд с одного ребенка на другого, начиная с Регины. Она с любовью и гордостью смотрела на свою старшую шестнадцатилетнюю дочь. Регина обещала превратиться в прелестную женщину. Своими густыми пшеничными волосами, спускающимися до пояса, она напоминала мать в молодости. Крепкое тело не портил ни один грамм лишнего жира. И все благодаря бесконечной домашней работе там, в Квебеке. Регина была серьезной девушкой, уже почти взрослой, но веснушки на носу были совсем еще детскими. В ее живых, пытливых глазах Элизабет-Энн увидела жизненную энергию и силу. Когда повитуха-мексиканка шлепнула ее, она не заплакала, а возмущенно завопила.

Элизабет-Энн перевела взгляд. Четырнадцатилетняя Шарлотт-Энн досталась ей тяжелее всех, но зато, с иронией подумала Элизабет-Энн, она и лучше всех удалась внешне. Те же длинные золотистые волосы, но невероятно густые и шелковистые. Высокий — для ее возраста — рост, грациозность, белая безупречная кожа, бледно-розовые губы маленького рта и аквамариновые глаза, так похожие на ее собственные, но такие ясные, одновременно завораживающие и пугающие. Светлые волосы, сложение и глаза придают ей особую красоту, Элизабет-Энн может признать ее выдающейся.

Ребекка — самая младшая из девочек, ей всего одиннадцать, и самая чувствительная. Она не так невероятно красива, как Шарлотт-Энн, нет в ней и врожденного ума Регины, но она изо всех сил старается компенсировать это со всей присущей ей настойчивостью. Если в Регине и Шарлотт-Энн черты Элизабет-Энн и ее мужа были смешаны в равных долях, то в Ребекке этот баланс был нарушен. Крупная и неуклюжая, она лицом походила на отца, унаследовав его крепкие и тяжелые черты. Ее глаза были темнее глаз матери, под золотистыми бровями, повторяющими цвет волос. Из трех дочерей Элизабет-Энн щадила Ребекку больше других. И не потому, что она моложе остальных, а потому, что ей не доставало красоты, грации, интеллекта, и девочка уже достаточно поработала, стараясь справиться со своими недостатками. К тому же Ребекке плохо удавалось скрывать неуверенность в себе. Эта уязвимость делала ее еще дороже сердцу матери.

И, наконец, маленький Заккес. Ему только что исполнилось четыре, но каждый раз, когда она смотрела на него, у нее перехватывало дыхание. Он — точная копия своего отца,

Заккес Хейл-старший в миниатюре. Тот же целеустремленный, умный взгляд и та же потрясающе загадочная улыбка. Вот и теперь ее сердце сжалось, она наклонилась и поправила белокурые пряди, упавшие ему на глаза. Мальчик не обратил на мать никакого внимания. Его мечтательный синий взгляд не отрывался от городского пейзажа. «Это действительно сын Заккеса, — подумала она, — его глаза, губы, жутковатое переселение душ, живое напоминание, которое я должна холить и лелеять».

Элизабет-Энн грустно покачала головой. У нее прекрасная семья, но у детей нет отца. Уже четыре года она живет без Заккеса. Четыре года, как счастливые дни ее замужества кончились так неожиданно. Маленький Заккес уже жил в ней, когда его отец оставил ее. Любовь, с которой они зачали сына, которая должна была продлиться всю жизнь, разлетелась вдребезги так же легко, как тонкая хрустальная рюмка разбивается о каменный пол.

Заккес был для нее всем. После трагической смерти родителей, фермеров, а впоследствии циркачей в Квебеке, Элизабет-Энн росла у приемной тетки, доброй и любящей женщины, воспитавшей девочку так же хорошо, как она управлялась с делами в меблированных комнатах и кафе. Элизабет-Энн унаследовала этот бизнес после смерти тетки. Тяжелая работа и одиночество — с этим она выросла и жила. При воспоминании о прошлом Элизабет-Энн часто казалось, что она не знала счастья до встречи с Заккесом. Как и все дети фермеров, он приехал в Техас со Среднего Запада в надежде сделать состояние. Они полюбили друг друга с первого взгляда. Блестящий, быстрый, остроумный рассказчик и великолепный слушатель, к тому же красивый, настолько красивый, что у нее даже заболело сердце. Они поженились молодыми, но Заккес оказался достойным человеком, отличным отцом, терпеливым и надежным, великолепным любовником и другом.

И вдруг все это кончилось. Неожиданно и ужасно. Конец всему положил глупый и бессмысленный несчастный случай, разлучивший их.

Заккес был на строительстве мотеля, который они с Элизабет-Энн возводили рядом с шоссе. Это была идея жены, ее мечта, и он с готовностью согласился. Хотя стройка и заберет все отложенные деньги, но он уже убедился в правильности ее поступков. Но теперь, когда работа была в самом разгаре, дела шли плохо. Все откладывалось снова и снова, потому что странным образом срывались поставки материалов со складов Секстона. У них уже кончались деньги, но ни Элизабет-Энн, ни Заккес не видели решения проблемы. Они оба знали, что Секстон, влиятельный человек в графстве, намеренно саботирует строительство. Ему принадлежала большая часть земли, он вел дела, у него не было ни малейшего желания получить конкурентов в лице Хейлов.

Однажды поздно вечером, когда все уже разошлись, Заккес отправился на стройку поговорить с Секстоном о сорванных поставках. Мужчины поссорились, и Заккес стоял рядом, когда Рой Секстон в порыве гнева бросился вперед, споткнулся на неровной земле и упал, ударившись головой о край трубы.

Хейл сбежал. Он понимал, никто не поверит, что смерть Секстона не его рук дело. Они с Элизабет-Энн слишком много выигрывали от такого поворота событий. Он оставил жене записку с объяснением случившегося и извинениями за то, что по глупой случайности оказался теперь на волосок от смерти, — суд, контролируемый семьей Секстонов, приговорил бы его к повешению, и за то, что уезжает без нее. Он не имеет права, говорилось далее, разрушать ее жизнь и жизнь детей. Но Хейл умолял ее остаться, вырастить детей, достроить мотель и воплотить в жизнь их общую мечту.

Даже сейчас при мысли о нем глаза Элизабет-Энн заволокло слезами. Но все-таки со дня трагедии прошло уже четыре года, и сегодня, когда они начинали новую жизнь, все это казалось далеким прошлым. Она долго жила, не получая от мужа вестей, одна сражаясь с финансовыми трудностями, с одиночеством, заботилась о детях. Элизабет-Энн справилась, даже преуспела, но она сознавала, как мало радости приносят ей успехи в Квебеке. Стало очевидно, что ей тоже надо уехать из Техаса, подальше от воспоминаний о разрушенной семейной жизни, и найти такое место, где ее мечты не будут ничем ограничены и смогут реализоваться.

«О, Заккес, — снова подумала она, бессознательно теребя цепочку на шее, — где бы ты ни был, помни, что я люблю тебя. Только оставайся свободным и наслаждайся, как можешь, своей новой жизнью. Ты все еще мой, ты в моем сердце и в сердцах наших детей».

Такси остановилось у отеля «Мэдисон Сквайр» на углу Мэдисон-авеню и Тридцать седьмой улицы, и воспоминания и боль отступили. Элизабет-Энн глубоко вздохнула и храбро распрямила плечи перед лицом сумбурного, чужого, нового мира и другой жизни, которую она надеялась создать для себя и своих детей.

— Спасибо, — поблагодарила Элизабет-Энн шофера, расплатившись с ним. — С багажом мы сами справимся.

Швейцару хватило одного взгляда на их одежду, и он перестал обращать на них внимание, но во взгляде осталось суровое неодобрение. Даже носильщик, начинавший действовать сразу же, как приезжали постояльцы, отступил назад.

Элизабет-Энн и девочки выгрузили вещи и молча смотрели, как отъезжает такси. Машина уехала, и женщина почувствовала себя ужасно одиноко. Ее твердая уверенность, что перед ними открывается блестящее будущее, развеялась, словно туман под порывами сильного ветра. Забрехала суровая действительность. Без мужа, с четырьмя детьми, она оказалась без знакомых в чужом городе, с его толпами людей и огромными домами, не похожими ни на что, виденное ею раньше.

Элизабет-Энн храбро улыбнулась, чтобы ее страх не передался детям. Запрокинув голову, она оглядела устрашающе огромное здание гостиницы, возносящееся тридцатью четырьмя этажами над Мэдисон-авеню. Пугающий монументализм сооружения с его украшенными пилястрами и резными фронтонами заставил ее почувствовать себя маленькой и незначительной, но показался красивым. Значительно позднее Элизабет-Энн узнала, что так расточительно украшен только фасад. На долю остальных трех сторон отеля остался лишь банальный грязный кирпич.

Она ободряюще кивнула детям.

— Давайте войдем, — проговорила мать, прежде чем храбрость снова покинула ее.

Элизабет-Энн подхватила два больших потертых чемодана, девочки, гримасничая, взяли по одному и пошли за ней следом, а маленький Заккес замыкал шествие, крепко прижимая к груди коробку из-под ботинок, полную его любимых игрушек.

Они остановились перед вращающимися дверями, размышляя, как бы им протащить вещи через узкие стеклянные отсеки да и самими не остаться на улице.

Решение проблемы оказалось простым. С тяжелым вздохом швейцар открыл замаскированную стеклянную панель рядом с вращающейся дверью и придержал ее, пока они входили.

— Спасибо. — Элизабет-Энн благодарно улыбнулась ему.

Но его лицо по-прежнему ничего не выражало.

Переступая через порог холла, она постаралась подавить страх, напомнив себе, что как хозяйке мотеля в Квебеке ей тоже приходилось принимать путешественников. Она обратила внимание на окружающую обстановку. По ее мнению, если «Мэдисон Сквайр» и не выглядел по-домашнему приветливым, то вестибюль был величественно элегантным.

Поставив чемоданы, Элизабет-Энн коснулась своего кулона. Внимательно она оглядела холл, отметив и блестящие мраморные стены, прожилки мраморной мозаики на полу, медь и хрусталь огромной люстры, сверкающей над головой, симметрично расставленные широкие диваны и кресла в стиле Людовика XVI. Шарлотт-Энн и Ребекка бросили чемоданы и шлепнулись на парчовую обивку. Заккес-младший с гиканьем рванулся вперед и прыгнул на выбранный им диван. Регина пошла к массивной стойке вместе с матерью, одаривавшей портье обезоруживающей улыбкой. Но она не смогла изменить замкнутое высокомерное выражение его лица.

— Нам нужно две комнаты, — заявила Элизабет-Энн. — Одна с двумя кроватями, другая с тремя.

Стройный темноволосый человек бросил взгляд на ее чистую, но провинциальную одежду, пренебрежительно фыркнул и надменно объявил:

— Семь долларов за обе комнаты. Боюсь, что свободны у нас только комнаты на втором этаже. Вида из окна нет, только освещение. При такой жаре вы там сваритесь.

Я могу предложить вам отель «Алгонкин», или «Плаза», или любой из других многочисленных прекрасных отелей...

Элизабет-Энн, быстро оглядевшая около семидесяти бирок, на половине из которых был ключ, означавший, что номер свободен, продолжала радостно улыбаться.

— Я уверена, что эти комнаты нам прекрасно подойдут.

— Ну, если вы настаиваете...

— Да, я настаиваю.

Портье начал что-то говорить, но пристальный взгляд женщины заставил его задуматься, и он замолчал. Выловив две связки ключей, прикрепленных к широким медным бляхам с выгравированным номером комнаты, он положил их на стойку.

— Семь долларов вперед.

Элизабет-Энн отсчитала деньги. Служащий придвинул их к себе, одновременно шлепнув ладонью колокольчик, вызывающий рассыльного. Колокольчик только слабо звякнул, как женщина остановила его рукой.

— Только ключи, пожалуйста. Мы сами найдем дорогу и отнесем вещи.

— Как вам будет угодно, — произнес портье с осуждающим вздохом.

— Благодарю вас, мистер...

— Смит.

— Благодарю вас, мистер Смит.

Элизабет-Энн подхватила свои потертые чемоданы, дети сделали то же самое, и они направились к мраморной лестнице с надежными блестящими перилами.

Служащий громко прочистил горло. Элизабет-Энн обернулась с вопросительным выражением на лице.

— Лифт вон там, — сказал Смит, показывая в противоположную сторону. — Достаточно позвонить.

Женщина кивнула и повернула обратно.

— Благодарю вас, мистер Смит.

Он не ответил. Не соизволил. В его неулыбающихся глазах ясно читалось: *деревенские остолопы*.

Вскоре после того, как стемнело, дети заснули, утомленные длинным волнующим днем.

Элизабет-Энн, скрестив руки на груди, медленно подошла к окну и выглянула. Да, служащий был прав. Несмотря на открытые окна, в комнате жара не спадала. Но, как оказалось, если высунуться наружу и изогнуться вправо, можно увидеть маленький вертикальный срез Манхэттена: высокий компактный пейзаж его небоскребов, мерцающих и сверкающих в ночи.

Ее обуревали противоречивые чувства: с одной стороны, миллион фантазий, с другой стороны, она спрашивала себя, что, ради всего святого, она делает в самом шумном и чужом городе в мире. Как будто она оказалась в другой стране, где нет ни одного знакомого человека и где говорят на многих языках. После уже знакомого ей одиночества в Техасе зачем терпеть суету и суматоху Нью-Йорка, орды спешащих, неулыбающихся людей?

Она не сумела подавить вздох, сорвавшийся с губ. Элизабет-Энн знала, что привело ее сюда: Квебек больше не удовлетворял ее амбиции, не соответствовал размаху ее планов. Ей страстно хотелось строить, создавать, и все возможности для этого были *здесь*, среди толпы и шума, где сдерживаемая энергия электризовала воздух. Она чувствовала, что в этом городе ей удастся осуществить свою мечту, лелеемую с самого детства. Для этого придется немало потрудиться. Не мешало бы и немного удачи.

Элизабет-Энн улыбнулась, удивляясь дерзости и нахальству собственных амбиций. Другие девочки мечтали о встрече с прекрасным принцем, который увезет их в прекрасный замок, где они будут жить долго и счастливо. Все, но только не она. Ее мечты были куда более практичными, но все-таки по-своему романтичными. Элизабет-Энн Хейл всегда воображала себя владелицей большого отеля. Она в детстве видела один такой и с тех пор думала только об этом. Ей вспомнились ее одинокие бесконечные детские игры, когда воображение переносило ее из банальных меблированных комнат в сверкающий дворец, полный украшенных драгоценностями гостей, *ее* гостей. Она бы предложила им изысканные блюда, тихую музыку, великолепные комнаты, и они бы выстраивались в очередь, чтобы увидеть ее, остаться с ней в самой роскошной в мире гостинице.

Она росла, но картина, созданная детским воображением, никогда не менялась, становясь все отчетливее в ее голове. Коляски превратились в автомобили, газовые светильники стали электрическими, но осталось ее видение красоты, отпечаток ее личности. Чем старше становилась Элизабет-Энн, тем все чаще она представляла не один шикарный отель, а два, три, сотню. И все они принадлежали ей. *Ей*.

Меблированные комнаты, кафе, мотель в Техасе были только началом. Она всегда это знала. Это был первый шаг на пути воплощения мечты в жизнь. Чтобы ее фантазия, ставшая всепоглощающей и вырывавшаяся наружу, стала явью, ей необходимо было уехать из Техаса в Нью-Йорк. В этом не могло быть сомнений. Она станет важной персоной. Дайте только время, и Элизабет-Энн засияет ярче, чем все ночные огни Манхэттена вместе взятые, многоцветнее, чем калейдоскоп красок Бродвея. В этом городе даже воздух пропитан процветанием и успехом. Куда бы вы ни пошли, кругом слышен перезвон кассовых аппаратов, глотающих наличные. Рожденная в Техасе, коренная американка, воспитанная своей страной, Элизабет-Энн только много лет спустя смогла понять, что она ничем не отличалась от орд иностранцев, прошедших через Иллис-Айленд. Ее родина не Литва или

Греция, но в некотором роде она *была* иммигранткой.

Сейчас женщина твердо знала только одно: здесь она справится со всем, здесь преуспеет.

Элизабет-Энн чувствовала это.

Но прежде всего ей нужно найти жилье. Потом, когда она и дети будут устроены, она отправится завоевывать этот город.

2

Элизабет-Энн не думала о встрече с Людмилой Кошевалаевной Ромашковой, да и русская белоэмигрантка не предполагала, что встретится с ней. У них не было ничего общего, кроме городского дома на Грэмерси-Парк-Саут. Это их и объединило.

Элегантный пятиэтажный дом с бледным гранитным фасадом и изящными окнами первого этажа оставил Людмиле предусмотрительный адмирал Российского императорского флота, бежавший от большевиков с ней — любовницей, четырем царскими пасхальными яйцами работы Карла Фаберже и номерным многомиллионным счетом в швейцарском банке. Злодейка-судьба сразила адмирала кровоизлиянием в мозг прямо накануне свадьбы, долженствующей воплотить в жизнь обещание жениться на Людмиле, его неофициальной спутнице в течение семнадцати лет. Только после длительного и широко освещенного прессой сражения в суде с полными ненависти другими наследниками адмирала, а также со всей русской общиной она получила скромную компенсацию за все годы, посвященные любовнику. Людмиле достался только прекрасно обставленный городской дом, где они жили с адмиралом. Оставшись без гроша, она постепенно перестроила три верхних этажа так, что получились отдельные квартиры, сдаваемые ею тщательно подобранным жильцам.

— Кто там? — отозвался наконец раздраженный голос с явным акцентом после того, как Элизабет-Энн постучала в шестой раз.

— Я увидела снаружи табличку «Сдается квартира», — громко ответила миссис Хейл, стараясь перекричать истерический лай собак за дверь. — Мне бы хотелось посмотреть ее.

— *Кто?*

— Я хочу посмотреть квартиру! — Элизабет-Энн заговорила громче.

Пауза.

— Почему вы не сказали об этом раньше?

Раздалось клацание многочисленных задвижек, и дверь приоткрылась на длину предохранительной цепочки. Огромный серый глаз, театрально подведенный черным карандашом, оглядел ее с головы до ног.

— Это *они* вас послали?

— Они?

— Большевики!

Элизабет-Энн сдержала улыбку.

— Нет, я не большевичка.

— Хорошо.

Дверь с шумом захлопнулась, цепочка, звякнув, с грохотом упала, и Элизабет-Энн оказалась лицом к лицу с Людмилой Кошевалаевной Ромашковой.

Элизабет-Энн зачарованно смотрела на миниатюрную женщину, почувствовав мгновенно возникшую симпатию к незнакомке. Рост госпожи Ромашковой, должно быть, не

превышал четырех футов и трех дюймов^[2] вместе с высокими каблуками, но тем не менее она производила внушительное впечатление. Людмила держалась с врожденным достоинством, и ее осанка говорила о других, лучших временах. Даже экзотический акцент, хотя и довольно забавный, свидетельствовал о хорошем воспитании. Он так гармонировал с ледяными дворцами, коронами, усеянными бриллиантами, и мантиями, отороченными горностаем.

«Это личность, женщина с прошлым», — подумала Элизабет-Энн. Она и не знала, насколько оказалась близка к истине.

Хотя в то время, когда Элизабет-Энн встретила с ней, чудесная жизнь Людмилы в России осталась далеко позади, но вы бы никогда этого не сказали, взглянув на нее. Людмила сохранила красоту и грацию, и привилегия ничего не делать сохранилась, но манера поведения изменилась. Ее фигура с тонкой талией и пышной грудью отлично смотрелась, но тонкое овальное лицо исчертили морщины, предательская паутина опутала когда-то безупречную кожу. Она одевалась так же, как когда-то в России, по петербургской моде тысяча девятьсот шестнадцатого года. Ее платья, быть может, и износились, их повредила моль, но это лишь подчеркивало их увядающую красоту. Людмила куталась в шали, окаймленные вышивкой, одевалась в царственную тяжелую парчу, больше подходящую для холодных русских зим, чем для умеренного климата Нью-Йорка. После смерти адмирала она никогда не снимала ожерелье работы Фаберже, присланное им на другой день после их знакомства: золотая цепочка с малахитовым яйцом, украшенным золотой филигранью.

Общее впечатление оказалось таковым, что Элизабет-Энн изумилась, но не испугалась.

— Ну? — спросила Людмила Ромашкова. — И чего вы ждете? Входите же, входите.

Элизабет-Энн посмотрела под ноги, опасаясь наступить на одну или нескольких из четырех мальтийских болонок, тьякавших у ее щиколоток.

— Все в порядке, — успокоила ее хозяйка. — Ребятки знают, что им надо убраться с дороги. Входите скорее.

Она взяла Элизабет-Энн под руку, почти втащила ее внутрь, закрыла дверь, лязгнули многочисленные засовы.

— Вы боитесь взломщиков? — задала вопрос молодая женщина.

— Взломщиков? Взломщики, ха! — Людмила Ромашкова быстро обернулась к ней, глаза ее сверкали. — Если бы они были взломщиками. Нет, они куда хуже. Дьявол! Сначала я боялась красных, потом белых. Со взломщиками я бы как-нибудь справилась. — Ее брови драматически поднялись, потом выражение лица смягчилось. — Заходите, выпейте со мной чаю. Мы поговорим, а потом посмотрим квартиру.

Госпожа Ромашкова пошла в гостиную. Впереди бежали собачки. Мрачная, душная комната поражала так же, как и сама хозяйка. Помещение больше походило на запасник музея, чем на гостиную. Мебель была наставлена так тесно, что сразу становилось ясно: эти вещи раньше украшали все пять этажей особняка. Когда глаза Элизабет-Энн привыкли к темноте, она смогла разглядеть два рояля, три кушетки, четыре консоли, мраморную колонну, канделябр времен Наполеона, два письменных стола, ларь в стиле барокко, средневековый сундук, темный елизаветинский стол и подсвечник — золото и хрусталь — в стиле ампир. Попугаи из мейсенского фарфора, лампы с истертыми шелковыми абажурами, кресла с позолоченными ножками или подставками для ног, гобелены, фотографии в серебряных рамках, иконы в серебряных окладах и египетские древности под стеклом

теснились рядом и громоздились друг на друга в веселом, буйном и противоречивом великолепии. Это был бы рай для антиквара, но, несмотря на стесненность средств, эмоции госпожи Ромашковой всегда брали верх над практичностью. Ей и в голову не приходило расстаться хоть с одним экземпляром.

— Вот *это* настоящий чай, — объявила Людмила, наливая совершенно черную жидкость и разбавляя ее кипятком из гигантского серебряного самовара.

Элизабет-Энн приняла из ее рук хрупкий хрустальный стакан в серебряном подстаканнике и уже собралась было опустить в чай кусочек сахара.

— Нет, *нет!* — воскликнула Людмила. — Сахар надо взять в рот и запивать чаем.

Элизабет-Энн сделала так, как ей сказали. Напиток был горьким и крепким, абсолютно непохожим на то, что она любила, а с сахаром он приобрел приторно-сладкий вкус.

— Вот так надо пить чай. — Людмила отпила из стакана и удовлетворенно вздохнула. Она уютно устроилась на зеленом бархатном сиденье круглого дивана, рассчитанного на четырех человек, с богато украшенной серединой. Созданный в эпоху Наполеона III, он, казалось, попал сюда из фойе оперы времен Второй империи. Элизабет-Энн сидела напротив хозяйки в кресле с прямой спинкой эпохи Регентства с обюссоновской обивкой.

Наконец госпожа Ромашкова наклонилась вперед, поставила свой стакан рядом с самоваром, возвышавшимся на восьмиугольном складном украшенном слоновой костью столике, принадлежавшем когда-то бедуинам. Потом, устроившись поудобнее, потребовала:

— Итак, теперь расскажите мне все о себе.

— Все? Обо мне? — Элизабет-Энн казалась застигнутой врасплох. — Да тут и рассказывать нечего.

— Всегда есть что рассказать. — Людмила вздернула подбородок и рассудительно кивнула. — Вы замужем?

Элизабет-Энн поставила стакан.

— Да, — осторожно сказала она, — но я одна.

— А ваш муж? Он не с вами?

Женщина отрицательно покачала головой.

— Вы разведены?

— Не совсем так.

— М-да, мужчины. — Людмила сердито затрясла головой. — Я иногда спрашиваю себя, зачем мы, женщины, связываемся с ними. Но вы можете сами оказать себе услугу. В следующий раз найдите симпатичного русского. Они лучше всех, — закончила хозяйка, подкрепив свои слова решительным кивком.

— Я запомню это, — улыбнулась Элизабет-Энн.

— Очень советую. — Людмила открыла хрупкую деревянную шкатулку для сигарет, аккуратно выбрала одну, вставила ее в длинный костяной мундштук и зажгла. Тут же густое синее облако едкого дыма обволокло ее. Людмила опустила веки.

— У вас есть дети?

Элизабет-Энн кивнула:

— Четверо.

— *Четверо?*

— Ну да. Я надеюсь, вы ничего не имеете против...

— Дети шумят, носят грязь и все портят. Я всегда говорю: хотите снять квартиру, не имейте детей, — сурово сказала госпожа Ромашкова.

— Что ж... Тогда я пойду. Элизабет-Энн поднялась на ноги и улыбнулась, как бы прося прощения: — Спасибо за восхитительный чай.

— Да вы едва к нему притронулись! — Палец Людмилы обвиняюще указывал на стакан гостыи. — Садитесь и допивайте. Расточительство — грех.

— Но я действительно должна идти, — запротестовала Элизабет-Энн. — Я должна найти для нас квартиру и не могу напрасно тратить время.

— А кто говорит, что вы даром теряете время? Мы пойдем наверх, и я покажу вам квартиру. Она маловата для пяти человек, но очень милая.

— Но... я подумала, что вы не хотите сдавать квартиру семье с детьми.

Людмила царственно пыхнула сигаретой.

— Обычно я этого не делаю, — беззаботно сказала она. — Как только мне говорят, что дети не шумят и не ссорятся, я говорю себе: «Людмила, плохи твои дела». Но, если человек говорит, что он пойдет искать другую квартиру, тогда я знаю, что все в порядке. — Ромашкова улыбнулась Элизабет-Энн сквозь дымовую завесу. — А теперь допивайте ваш чай.

3

Элизабет-Энн взглянула на Регину и с надеждой улыбнулась:

— Что ты думаешь?

Регина задумчиво оглядела спальню:

— Очень мило. Я думаю, всем здесь понравится.

Мать выглядела так, словно с ее души свалился груз.

— Именно поэтому мне и хотелось, чтобы ты увидела квартиру первой, хотелось услышать твое мнение. — Она прошлась по маленькой комнате, огибая мебель. — Квартира меньше, чем мне бы хотелось, и намного дороже. Но очень хорошие соседи и школы. Но главный козырь — парк. Госпожа Ромашкова, то есть, я хотела сказать, Людмила... — Элизабет-Энн рассмеялась. — Иногда мне трудновато называть ее Людмилой. Она *выглядит* как госпожа, как графиня или что-то в этом роде.

Регина тоже засмеялась:

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Элизабет-Энн продолжила:

— Она сказала мне, что парк частный. Только те, кто живут вокруг него, имеют ключи. Хозяйка даст их и нам. Вам, детям, нужен свежий воздух и безопасное место для игр, а это идеально подходит.

Регина кивнула.

— Но ведь одной спальни не хватает?

Элизабет-Энн пожала плечами:

— Я могу отказаться от собственной спальни. Это не слишком большая жертва ради того, чтобы иметь парк в своем распоряжении. Мне будет достаточно удобно на кушетке в гостиной. — Она замолчала и с любовью огляделась. — И мебель, предоставленная нам Людмилой, очень красива. Везти все из Квебека обошлось бы намного дороже, да и вещи там значительно хуже.

— Главное, чтобы тебе здесь нравилось, мама, чтобы тебе было удобно.

— Я знаю, что вам всем тоже будет хорошо. — Элизабет-Энн тепло обняла Регину и, не

отпуская ее, нахмурилась. — Все равно это большая перемена, и она пугает меня.

— Иначе ты ничего не добьешься.

Мать покачала головой:

— Ты права, иначе ничего не выйдет. Пойдем, посидим в гостиной.

Она первой прошла через узкий холл и остановилась на пороге, любуясь комнатой, небольшой, но с высоким потолком и мраморным камином. Единственное окно выходило на принадлежащий Людмиле заросший сад за домом. В тихие дни Элизабет-Энн могла представить, что она не в одном из величайших городов мира, а где-то в мирном провинциальном оазисе.

Но в самой квартире ничто не напоминало провинцию. Поселившись в Манхэттене, миссис Хейл решила, что ее жилище станет отражением атмосферы города: эклектика, модный стиль, уходящий тем не менее корнями в прошлое. В то же время их дом должен стать их крепостью, где она и дети смогут чувствовать себя в безопасности, где можно будет отдохнуть на почтительном расстоянии от высокого напряжения и суматошной энергии, встречающих их за порогом. Стены она выкрасила в насыщенный синий цвет, но потолок оставила белым. Используя лишь несколько больших вещей из людмилиной обстановки, включая два огромных позолоченных зеркала и светлый бежевый ковер, ей удалось создать иллюзию большего простора.

Одну из стен гостиной целиком занимали встроенные книжные полки. Многоцветные корешки книг, принадлежащих хозяйке, переливались живым радужным спектром. Но что более важно, здесь были и полное собрание сочинений Диккенса, и новые книги по психиатрии, и многое другое. Элизабет-Энн понимала, что это поможет ей пополнить свое скромное образование. Ее зачаровывали тома, которые она теперь имела возможность прочесть.

В общем, это была просторная комната, ее легко было содержать в чистоте. Элизабет-Энн предпочитала, чтобы вся семья собиралась в большой кухне, поэтому гостиной они будут пользоваться редко, испытывая к ней уважение.

— Не знаю, как тебе это удалось, мама, но здесь уже сейчас как дома, — сказала Регина.

Весь Нью-Йорк, казалось, наслаждался погодой предвечерней порой в последнюю субботу сентября. Выпадают иногда такие дни ранней осенью. В Центральном парке расположились на пикник семьи, дети играли в мяч, няни толкали коляски с младенцами по мощеным дорожкам. За всеми наблюдал случайный полицейский. Над головой воздушные змеи скользили в безоблачном небе.

«Если бы не высокие освещаемые солнцем дома, окружающие парк, — подумала Элизабет-Энн, — я бы легко вообразила себя не в городе, а где-нибудь в пасторальной провинции, одной из тех, что мы видели в последний уик-энд в музее».

Она оглянулась и посмотрела на детей, счастливо визжащих и гонящихся друг за другом по травянистому склону. Мать не знала, как поступить. Они все так хорошо проводили время. Ей не хотелось нарушать очарование дня. Но через минуту она окликнула их и подозвала к себе. С неохотой дети подошли к скамейке, на которой она сидела. Маленький Заккес шумно выражал свое недовольство.

— Но еще рано, мама, — запротестовала Шарлотт-Энн. — Неужели нам уже пора домой?

— Нет, — успокоила ее мать. — Просто мне надо кое-что обсудить с вами. А потом вы сможете поиграть, — пообещала она.

Девочки кивнули и сели с ней рядом.

— Я ждала несколько дней, прежде чем сказать вам это. — Взгляд Элизабет-Энн скользил по лицам детей. — Я нашла работу. Начинаю в понедельник.

Шарлотт-Энн уставилась на нее, открыв рот. Обретя голос, она недоверчиво проговорила:

— Работу? Но я думала, что мы получаем достаточно денег от мотеля. И кроме того, ты сама говорила, что у нас немалые сбережения в банке.

— Так оно и есть. Но у всех есть мечты. У всех нас, включая и меня. Что вы так на меня смотрите? Я еще не *настолько* стара.

— Мечты? — спросила Регина. — Что это за мечты?

— О, скоро вы узнаете.

— Где ты собираешься работать? — поинтересовалась Ребекка.

Элизабет-Энн повернулась и указала на элегантное белое здание, поднимавшееся из-за деревьев, словно сказочный замок.

— В отеле «Савой плаза».

— И что ты будешь делать? — задала вопрос Регина.

Элизабет-Энн откинулась на спинку скамьи и сложила руки на коленях.

— Я буду горничной.

— Горничной! — с ужасом воскликнула Шарлотт-Энн. — Мама, но это же *грязная* работа. У нас в Квебеке ее выполняли *мексиканцы*.

— Мы не в Квебеке, дорогая, если ты этого еще не заметила.

Шарлотт-Энн вскинула голову в явном замешательстве.

— Кроме того, — добавила Элизабет-Энн, — я не собираюсь навсегда оставаться горничной. Это ненадолго.

— Но... *зачем* вообще тебе нужно ею быть? — спросила Ребекка.

— Я хочу посмотреть, как работают в больших гостиницах, вот зачем.

— А разве мы не можем оставить нашу квартиру и немного пожить в одной из них? — не унималась девочка.

— Нет, это не одно и то же. — Элизабет-Энн села на край скамьи, и глаза ее засветились от предвкушения. — Видишь ли, дорогая, я хочу посмотреть на дело *изнутри*, с точки зрения служащих. Я хочу узнать, как построена работа в крупных отелях и что нужно для того, чтобы руководить ими.

Дети смотрели на нее во все глаза, явно удивленные.

— Есть одно «но», — продолжала Элизабет-Энн. — Я буду работать в ночную смену. Начало в десять вечера, смена в шесть утра. Но я не думаю, что наша жизнь в этом случае превратится в хаос. Пока вы будете в школе, я посплю. Пока вы будете спать, я поработаю. Утром я приду домой, приготовлю завтрак и провожу вас. А когда вы придете домой, я уже встану.

— Если тебе так уж приспичило работать в отеле, — стояла на своем Шарлотт-Энн, — то неужели не нашлось другой работы?

— Ты имеешь в виду, кроме работы горничной?

Шарлотт-Энн кивнула.

— Я могу мыть посуду на кухне или быть служительницей в туалетной комнате для дам,

если тебе это больше нравится. — Элизабет-Энн взглянула на девочку с любопытством. — Тебе это больше понравится?

Глаза Шарлотт-Энн сузились:

— И совсем не смешно.

— Я и не собираюсь тебя веселить. Но я намерена поработать в нескольких гостиницах в разном качестве. В настоящий момент я начинаю снизу.

Шарлотт-Энн отвернулась.

— Я надеюсь, что ты хотя бы не станешь всех оповещать о том, что ты собираешься делать, — пробормотала она.

«Так вот в чем дело», — подумала Элизабет-Энн. Она закусила губы и вздохнула, стараясь сдержать раздражение. Шарлотт-Энн явно не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал, что ее мать работает прислугой. По всей вероятности, она уже рассказала всей школе о том, что ее семья материально независима.

— Нет ничего плохого в том, чтобы быть прислугой, — подчеркнула Элизабет-Энн. — От честного труда еще никто не умер. Ничего постыдного в этом нет.

— Мама, — застенчиво произнесла Ребекка.

— Да, дорогая?

— Если хочешь, я могу помочь. Я могу даже пойти работать. Мне кажется, это намного лучше, чем ходить в школу.

Элизабет-Энн быстро обняла младшую дочь.

— Я думаю, — сказала она со смехом, — сейчас для тебя лучше всего ходить в школу.

Шарлотт-Энн безучастно смотрела на них. Не говоря ни слова, она встала, пошла вверх по травянистому склону и села в тени деревьев. Ее сестры и брат снова затеяли игру, но девочка отказалась присоединиться к ним.

Ее первый рабочий день, и работа почти потеряна. Обстоятельства как сговорились: она опаздывает.

Элизабет-Энн словно встала не с той ноги. Подумать только, она была так осторожна, все рассчитала по минутам. Ей казалось, что все под контролем, но сразу миллион проблем неожиданно посыпались, словно из рога изобилия, как только она направилась к двери. Заккес заснул очень быстро, но проснулся от шумной ссоры Регины и Шарлотт-Энн. Пришлось вмешаться, а потом мальчик отказался засыпать, пока мать не споет ему колыбельную. Не успела она выйти за дверь, полил дождь, и ей пришлось возвращаться наверх за зонтиком. И в довершение всего поезда в метро опаздывали. А потом без видимой причины состав остановился в туннеле, и время, казалось, остановилось, пока он наконец снова не двинулся в путь.

Имея всего одну минуту в запасе, она влетела в служебный вход «Савой плаза» и вбежала в комнату, где переодевались горничные, как раз в ту минуту, когда вся ночная смена, затянута в хрустящую от крахмала черно-белую униформу, по-военному выстроилась в одну линейку. Экономка миссис Уинтер всегда проверяла персонал перед началом работы. Эхо ее быстрых, четких шагов уже слышалось в коридоре.

Элизабет-Энн в панике оглядела огромную гардеробную. Она начала говорить, но одна из женщин покачала головой и призвала ее к молчанию. У нее все еще не было формы, но ей стало ясно, что если она начнет сейчас ее искать, то точно опоздает. Хуже того, ее уволят.

— Эй!

Элизабет-Энн посмотрела на горничную, стоявшую в левом конце строя, маленькую негритянку с веселыми темными глазами. Она отчаянно жестикулировала, показывая, что Элизабет-Энн должна встать с ней рядом.

В ту секунду, когда она заняла свое место, миссис Уинтер вступила в комнату с сердитым выражением лица, не менее устрашающим, чем у старшины в учебной роте.

Элизабет-Энн наклонила голову и посмотрела направо. Горничные застыли, выпятив грудь, словно голуби, подняв подбородок и держа руки по швам. Она не верила своим глазам. Происходящее скорее напоминало военный парад, чем начало работы гостиничной прислуги!

А миссис Уинтер продолжала обход. Она величественно дошла до середины, энергично повернулась на каблуках и встала перед горничными, широко расставив ноги.

— Добрый вечер, дамы, — четко произнесла экономка.

— Добрый вечер, миссис Уинтер, — хором отозвались женщины.

Элизабет-Энн вытянула шею и в изумлении смотрела на миссис Уинтер. Ей никогда еще не приходилось видеть подобной женщины. Очень маленькая, почти карлица, но с необыкновенно агрессивной манерой держаться. Ее черное шерстяное платье было строгого покроя, и от всей ее фигуры веяло строгостью. Когда-то ее волосы были цвета меда, но сейчас в них мелькали седые пряди. Взгляд был тяжелым, а красные губы вечно поджаты.

— До моего сведения дошло... — начала было миссис Уинтер и оборвала фразу на полуслове: ее взгляд упал на Элизабет-Энн. Морщины раздражения прорезали лоб экономки. — *А это* еще что такое? — холодно спросила она.

Элизабет-Энн сделала шаг вперед:

— Мне сказали прийти...

— *Молчать!* — рывкнула миссис Уинтер, словно выстрелила из ружья.

От смущения густой румянец залил щеки Элизабет-Энн. Ей даже показалось, что она ослышалась. Она и припомнить не могла, когда с ней в последний раз говорили в таком тоне. Явное сочувствие горничной, стоявшей рядом, только усугубляло положение. Элизабет-Энн вдруг осознала, что все остальные затаили дыхание. С одной стороны, миссис Уинтер уже нашла себе жертву, но, с другой стороны, ее гнев мог в любую минуту обрушиться и на них. Непроизвольно Элизабет-Энн сделала шаг назад и встала в общий строй.

— Поднимите голову и смотрите вперед, — резко сказала миссис Уинтер. — Вы же молодая женщина, а не черепаха.

Глаза Элизабет-Энн гневно сверкнули. Она ожидала всего, но только не этого. Тем не менее женщина сделала так, как ей сказали.

«Попридержи свой характер, — предупредила она себя. — Тебе *нужна* эта работа. Ты должна узнать, как функционируют такие предприятия, но тебе не придется долго терпеть подобное обращение. Всего несколько дней, в худшем случае несколько недель. Потом можно будет найти другое место».

Сухой звук решительных шагов миссис Уинтер прокатился по комнате, и маленькая женщина встала прямо перед Элизабет-Энн.

— Ваше имя?

Это был не вопрос, а приказ, слетевший с тонких губ.

— Элизабет-Энн Хейл.

— Говорите громче. И когда вы обращаетесь ко мне, вы должны добавлять «мадам».

Элизабет-Энн судорожно плотнула. Она едва знала эту вызывающую раздражение женщину, но уже презирала ее. Ей было невыносимо стоять и переносить такое обращение, но могла ли она выбирать? В будущем она постарается по возможности реже встречаться с миссис Уинтер. Кроме того, она не должна с ней сражаться. Лучше не давать повода для упреков.

— Да, мадам, — спокойно сказала она.

— Осмелюсь предположить, в отделе кадров вам сказали обо мне.

— Да, мадам.

— Уверена, что они это сделали, — сухо проговорила экономка. Замолчав, она посмотрела Элизабет-Энн прямо в глаза и произнесла: — Не слишком-то хорошее начало. Вы понимаете это, миссис Хейл?

Элизабет-Энн вскинула подбородок.

— Я буду строго следить за вами. Если вы дорожите работой, вам придется побегать.

С этими словами миссис Уинтер повернулась на каблуках и вышла.

4

— Меня прозвали Даллас, — с тexasским акцентом представилась маленькая горничная-негритянка, — я ведь оттуда. — Она взяла высокую стопку свежевystиранных полотенец из шкафа и передала Элизабет-Энн. — Ты понесешь это, а я возьму вторую стопку.

Горничная забрала из шкафа полотенца и отработанным движением ноги закрыла дверцу.

— Ты из Техаса? — спросила Элизабет-Энн.

Они пошли по устланному ковром коридору.

— Угу.

— Я тоже оттуда.

— Правда? — Даллас выглядела довольной. — Тогда нам, тexasцам, лучше держаться вместе, дорогая. Эта миссис Уинтер только и ждет удобного случая, чтобы выкинуть нас вон. Она это сделает, как только сможет.

— В этом случае мы должны сделать так, чтобы ей не к чему было придрататься. Так ведь? — решительно заявила Элизабет-Энн.

Даллас округлила глаза.

— Ты новенькая, милочка. Ты скоро во всем разберешься. Суть не в том, что ты делаешь, а в том, что она постарается найти огрехи. Подожди, сама увидишь. — Женщина многозначительно кивнула. — Единственное, чего я не понимаю, так это что здесь забыла такая симпатичная белая женщина, как ты.

Элизабет-Энн ответила с полуулыбкой:

— Работу, Даллас, работу. На самом деле нет никакой разницы, горничной быть или экономкой, как миссис Уинтер. Ей просто больше платят.

— Еще бы! Хотела бы я знать, сколько она принесла домой в прошлую пятницу. — Даллас покачала головой и прищелкнула языком. Потом она услышала в отдалении звяканье ключей и прошептала: — Тс.

Спустя секунду Элизабет-Энн увидела миссис Уинтер. Она вышла из-за угла и пошла впереди них по коридору; Только войдя в пустую комнату, где нужно было сменить

полотенца, женщины возобновили разговор.

— Ты ведь поможешь мне, Даллас? — мягко спросила Элизабет-Энн. — Введешь меня в курс дела?

— Конечно. И миссис Уинтер мне велела, так? Прежде всего запомни: как только услышишь бряцанье ключей, значит, миссис Уинтер где-то поблизости. И второе: тебе нужно купить приличные туфли для работы, дорогая. В этом, — она показала на обувь Элизабет-Энн, — ноги распухнут, как дыни. Это тебя быстро доконает.

В течение следующей недели каждую ночь Элизабет-Энн доводила себя до изнеможения. Она и не представляла, что работа настолько тяжела. Все время на ногах, нет минутки для передышки. Поясница болела. Казалось, она только и делает, что нагибается и выпрямляется. За первый день работы она прониклась глубоким уважением к Даллас. Маленькая горничная всегда держала себя в руках и никогда не жаловалась. Каким-то образом ее хорошее настроение передавалось окружающим. За это Элизабет-Энн была ей благодарна.

Она быстро поняла, что ночные смены тяжелее дневных, потому что ночью работает меньше персонала. Ее очень расстраивало то, что она не находила возможности поговорить с кем-нибудь, кроме Даллас, к которой ее прикрепили на всю первую неделю. Потом Элизабет-Энн будет работать одна, и это ее пугало. У нее не было опыта. Кругом тысяча вещей, потенциальных источников проблем, и со всем этим ей придется справляться самой.

Чтобы подготовить ее, Даллас попыталась припомнить различные ситуации, в которых оказывалась сама, — бурные, душераздирающие и веселые моменты:

— ... Вот здесь стояла я, а вот тут он в чем мать родила. Ох, и дернула же я оттуда, быстро перебирала ногами, как только могла. Вот что я сделала.

... Эта сукина дочь заявила, что я украла кольцо. Будь уверена, на следующее утро уборщица нашла его на ковре. Там, в этом номере, столько всего было, как она себя-то там не потеряла. Но вообще-то она могла бы и посмотреть. Господи, я чуть было не потеряла тогда работу, а передо мной даже и не подумали извиниться.

... Она рожала ребенка прямо здесь на кровати, а гостиничный доктор не мог отойти от мужчины с сердечным приступом...

Истории Даллас путали Элизабет-Энн многообразием ситуаций, выходящих из-под контроля. А она знала, что миссис Уинтер только и ждет ее ошибки. Это навело ее на мысль, что экономка выиграет гонку, а она потеряет работу.

Но больше всего ее мучило то, что она все яснее понимала: ей придется очень долго поработать прислугой, прежде чем она поймет, как действует этот механизм. Люди, похожие на миссис Уинтер — швейцары, менеджер, администратор ресторана, орда портье, — уже имели опыт. Она не могла преодолеть дистанцию короткими перебежками. Но в конце концов «Савой плаза» дал ей общее представление о работе гостиницы. Она быстро научилась оценивать квалификацию работников.

Но бросать все было рановато. Во всяком случае, не сейчас. Она решила хотя бы доказать миссис Уинтер, на что способна Элизабет-Энн Хейл.

Когда она возвращалась домой утром и брызги рассвета заливали небоскребы Пятой авеню бледным утренним светом, ей хотелось только добраться до постели. Но такой возможности она не имела. Ей приходилось оставаться на ногах еще несколько часов, будить детей, готовить им завтрак и отправлять в школу. Она должна была экономить время. Как

это сделать, она ясно и не представляла. Но она обязана была это сделать. Элизабет-Энн с удивлением обнаружила, что вести дела в маленьком городке намного легче, чем работать в гигантском отеле, во власти капризов персонала и звонков сотен постояльцев. У нее были строго определенные обязанности. Работа каждой горничной включала в себя специально регламентированные занятия, но никому и в голову не приходило отказать гостю в какой-либо просьбе, даже если ее выполнение и предполагало вдвое больше работы.

— Ты выглядишь совершенно измотанной, — сказала ей Даллас на четвертый день работы. — Придешь домой, постарайся выспаться.

Элизабет-Энн криво улыбнулась. Как объяснить негритянке, сколько ей надо сделать дома? Что у нее четверо детей и собственное хозяйство?

Только значительно позже она узнала, что Даллас приходилось куда хуже, чем ей. У горничной не было сбережений, на которые она могла бы рассчитывать.

Женщина зависела от еженедельных выплат, а этого всегда не хватало. Ее муж сидел в тюрьме, и она одна воспитывала шестерых детей. Чтобы свести концы с концами, ей приходилось днем убирать квартиры.

Когда Элизабет-Энн узнала об этом, ей стало стыдно, что она считала свой случай исключительным.

Две недели самостоятельной работы прошли спокойно. В пятнадцати комнатах на шестом этаже, которые были ее епархией, жили бизнесмены, пожилая вдова, несколько семейных пар и одна семья с двумя близнецами. Ее вызывали в любой час ночи, если с двойняшками происходил «несчастный случай». Ей приходилось убирать за дельцами, напившимися и чувствовавшими себя плохо, приходиться по вызову вдовы, потому что старая женщина не могла уснуть и ей требовалась компания. Но в целом дела шли хорошо. Элизабет-Энн не допустила ни одной оплошности, но при встрече с ней миссис Уинтер всегда поджимала губы.

«Она все еще надеется поймать меня, — говорила с удовлетворением Элизабет-Энн самой себе, — и ее убивает то, что ей это не удастся».

В то время, когда Элизабет-Энн встречалась с Даллас, ежедневно во время проверок в десять вечера и в конце смены в шесть утра, горничная понимающе улыбалась. *Молодец*, казалось, говорили темные глаза. Но Элизабет-Энн угадывала и невысказанную тревогу подруги: *миссис Уинтер всегда начеку*.

Это случилось в четверг вечером, за несколько часов до того, как Элизабет-Энн следовало отправляться на работу. Вся семья ужинала за большим овальным столом на кухне. Девочки хорошо себя вели, как всегда, но Шарлотт-Энн была необыкновенно предупредительной, особенно по отношению к Ребекке и маленькому Заккесу, которым она всегда любила командовать.

Мать смотрела, как Шарлотт-Энн резала мясо в тарелке Заккеса на тоненькие кусочки. Никогда раньше это не вызывало у нее энтузиазма. Закончив, она мягко спросила Ребекку:

— Не добавить ли тебе еще немного соуса?

Ребекка покачала головой:

— Нет, спасибо.

— Тогда, может быть, еще картошки?

Девочка удивленно подняла брови.

— Нет, спасибо, — с трудом ответила она, гадая, что же затевается.

Элизабет-Энн поджала губы, также теряясь в догадках, что происходит с Шарлотт-Энн. Когда они кончили есть, Шарлотт-Энн первая отодвинула стул и начала убирать со стола.

— Сегодня моя очередь мыть посуду, — объявила она.

Удивление было всеобщим.

Элизабет-Энн с любопытством посмотрела на дочь, но так ничего и не сказала. Она знала: недолго осталось ждать, чтобы Шарлотт-Энн показала коготки.

Только после того, как посуда была вымыта, насухо вытерта и убрана и Шарлотт-Энн отчистила до блеска двойную эмалированную раковину, она подошла к матери. Пробило девять часов, и Элизабет-Энн одевалась в алькове за занавеской, служившем гардеробной, собираясь в «Савой плаза».

Шарлотт-Энн кашлянула, прочищая горло.

— Мама, — раздался ее непривычно ласковый тихий голос.

— Что случилось, дорогая? — спросила мать, не поворачиваясь.

Шарлотт-Энн глубоко вздохнула:

— У меня уже много подруг в школе. И за последние три недели я проводила у них в доме каждый субботний вечер и оставалась на ночь.

— Да, это так.

Элизабет-Энн вышла из алькова в гостиную, поправляя манжеты на блузке. Она встала перед зеркалом, висящим над каминной полкой, критически оглядела себя и увидела отражение Шарлотт-Энн. «Вот оно», — подумала Элизабет-Энн, увидев, что дочь поджала губы.

— Девочки ночуют друг у друга по очереди, — напомнила Шарлотт-Энн. — Это что-то вроде вечеринки в пижамах. Даже если у кого-то недостаточно кроватей, как у Терезы, то мы наваливаем одеяла и подушки...

Элизабет-Энн обернулась к ней:

— И теперь ты считаешь, что пришла твоя очередь ответить на приглашение?

Шарлотт-Энн кивнула.

— Значит, мы обязательно устроим сонную вечеринку здесь, — сказала Элизабет-Энн.

— Скоро? Пожалуйста, мама!

Элизабет-Энн выгнула бровь:

— Как скоро?

Шарлотт-Энн заговорила громче:

— В эту субботу? Тебе это подходит?

— В *эту* субботу? — Элизабет-Энн посмотрела на нее. — Но... это же послезавтра. У нас остается маловато времени.

— Ты же все равно будешь на работе. Я все сама сделаю, — быстро пообещала дочь.

— Но ты еще слишком мала. Другие родители будут настаивать, чтобы за вами присматривали.

— Я уже говорила с тетей Людмилой, и она пообещала, что приглядит за нами. Она не против. Она одинока и любит компанию, ты же знаешь. — Шарлотт-Энн умоляюще смотрела на мать. — Я знаю, это не очень приятное известие, но мы никого не побеспокоим, правда.

Элизабет-Энн вздохнула, но все-таки слабо улыбнулась дочери.

— Что же, тогда отлично. Я согласна, если только ты и твои подружки не будете

слишком шуметь и не давать спать твоим сестрам и брату.

Лицо Шарлотт-Энн расцвело, и девочка бросилась матери на шею.

— Спасибо, мама! Я так тебе благодарна, — с этими словами она чмокнула Элизабет-Энн в щеку.

— Я рада, — улыбнулась та. — Я приготовлю вам хороший ужин прежде, чем уйти. — И, задумавшись на минуту, добавила: — Может быть, даже испеку торт...

— Я сама испеку.

— Ты лучше постарайся хорошо провести время, дорогая.

— Так и будет! На *это* можешь рассчитывать.

— Кстати, в котором часу вы обычно собираетесь?

— В шесть, шесть тридцать, — Шарлотт-Энн пожала плечами, — что-то около этого.

— Хорошо. Наконец-то я смогу познакомиться с некоторыми из твоих подружек, о которых ты столько рассказывала. Мне бы этого очень хотелось.

— И они хотят с тобой познакомиться, мама. Я им все о тебе рассказала.

— Рассказала? — удивилась Элизабет-Энн.

— Кое-что, — дочь потупилась, и ее голос стал кротким. — Ты же не станешь говорить девочкам, где именно ты сейчас работаешь. Не скажешь, мама?

Элизабет-Энн безучастно посмотрела на Шарлотт-Энн. Она так и не поняла — и не приняла — причины, по которым ее мать работала горничной. Что же она наговорила подругам? Ну, это скоро выяснится, это точно. Шарлотт-Энн — настоящая сказочница, уж она-то постаралась, чтобы фамилия Хейл звучала как можно внушительнее. Вне зависимости от обстоятельств девочка всегда старалась произвести впечатление на людей, поднять престиж семьи и подчеркнуть ее собственную значимость. Именно Шарлотт-Энн возражала против переезда на Грэмерси-Парк из-за размеров квартиры. А потом, выяснив, что они будут жить в привилегированном районе, тут же сменила пластинку. «Можно подумать, — удивилась тогда Элизабет-Энн, — что идея переезда принадлежит именно ей».

Мать озабоченно вздохнула. Иногда она чувствовала, что совсем не понимает Шарлотт-Энн, настолько девочка была ей чужой. Временами ее охватывал страх, что она так и не сможет понять ее. Но ведь она ее дочь, и поэтому Элизабет-Энн любила ее. Она была уверена, что и Шарлотт-Энн по-своему, расчетливо, но любит ее тоже.

5

Взволнованные разговоры и взрывы смеха остались за закрытой дверью квартиры. Элизабет-Энн торопливо спускалась по лестнице. Было уже почти половина десятого, времени у нее в обрез. Ей нужно было выйти из дома как минимум на пятнадцать минут раньше, но девочки не отпускали ее. Если она опять опоздает, по вине подземки или своей собственной, придется объясняться с миссис Уинтер.

Но, о чудо, ничто не помешало ей. Не успела Элизабет-Энн спуститься на платформу, как поезд на полном ходу вылетел из туннеля и заскрежетал тормозами, останавливаясь. Она мысленно поблагодарила благоприятное расположение звезд и добралась до «Савой Плаза» в рекордно короткий срок. Ей даже удалось поболтать пять минут с Даллас, пока надевала форменное платье.

— Господи! — воскликнула негритянка, уперев руки в бока, когда Элизабет-Энн повесила в шкафчик свое лучшее платье. — Ну ты и разоделась сегодня. Особый случай, да?

Женщина улыбнулась.

— Не совсем так. Одна из моих дочек устроила вечеринку для подружек.

— Ты очень мило выглядишь.

— Спасибо, Даллас.

Их разговор прервал звук шагов миссис Уинтер, раздавшийся в коридоре. Горничные выстроились в ряд, а миссис Уинтер прохаживалась перед ними, придирчиво разглядывая словно проглотивших шомпол женщин. До этого дня все шло настолько хорошо, что Элизабет-Энн стояла выпрямившись, осмелев не скрывать уверенности в себе, как бывала горничная.

Миссис Уинтер завершила обход и важно выпятила грудь.

— Мне сказали, что сегодня вечером необходимо обратить особое внимание на шестой этаж, — многозначительно произнесла она. — Это касается номера 614, находящегося в вашем ведении, миссис Хейл.

Экономка повернулась к Элизабет-Энн, глаза ее сверкали.

Элизабет-Энн старалась подавить замешательство. Она и еще несколько ирландок составляли белое меньшинство среди прислуги ночной смены. Миссис Уинтер называла негритянок по имени, а белых по фамилии. Это было нечестно, но, не видя выхода, все страдали молча.

— Поэтому я хочу изменить обычное распределение обязанностей. Минни, — экономка указала на одну из горничных и резко продолжила: — Ты возьмешь на себя комнаты Даллас на пятом этаже. А ты, Даллас, позаботишься о комнатах миссис Хейл на шестом этаже. Что же касается вас, миссис Хейл, то в связи с тем, что вы умеете справляться с трудностями и... выглядите наиболее... м-м... достойно, вы будете обслуживать только номер 614. Вы будете это делать в любое время и выполнять все, что потребуется, что бы это ни было. Вы поняли меня?

Элизабет-Энн кивнула:

— Да, миссис Уинтер.

— Все остальные свободны. — Экономка подождала, пока горничные друг за другом выйдут из комнаты. Потом снова повернулась к Даллас и Элизабет-Энн: — Сегодня вечером в номере 614 поселится очень важный гость. — Она сделала многозначительную паузу. — Мисс Лола Бори.

Даллас вскрикнула от удивления, но миссис Уинтер предпочла этого не заметить. Даже у Элизабет-Энн сердце учащенно забилось. Лола Бори — легенда, самая яркая звезда кинематографа, жизнь которой находилась под пристальным вниманием публики и которой подражали миллионы американок.

— Необходимо, чтобы сегодня вечером все прошло гладко, — предупредила миссис Уинтер. — Любое пожелание мисс Бори, каким бы странным или трудновыполнимым оно вам ни показалось, должно быть исполнено. Буквально. Ясно?

Элизабет-Энн кивнула.

— Хорошо. — Миссис Уинтер помолчала. — Но важнее всего, чтобы никто — публика, фотографы, журналисты — не докучал мисс Бори. Она потребовала полного уединения, и администрация отеля намеревается выполнить это условие. Мы наняли дополнительных охранников. Они будут стоять в вестибюле. Но если кому-нибудь все-таки удастся подняться наверх, то не пустить их будет вашей обязанностью, миссис Хейл. Само собой разумеется, что вы не должны ни с кем обсуждать увиденное.

— Да, мадам.

— Ну что ж, отлично.

Миссис Уинтер жестом отпустила их, и женщины заторопились к выходу.

— Не могу поверить, — благоговейно проговорила Даллас, пока они поднимались наверх в служебном лифте, — Лола Бори! Я видела ее в десятке картин. Боже мой! Подумать только, что я увижу ее живьем. — Негритянка покачала головой. — Когда я расскажу об этом дома, мне никто не поверит, я знаю.

— Только подумай сначала, прежде чем будешь рассказывать, — предупредила ее Элизабет-Энн.

— О, я буду осторожной. Поверь мне. — Даллас снова покачала головой и прищелкнула языком: — Я все еще не могу в это поверить. Представь только, Лола Бори здесь, в отеле. *Настоящая* знаменитость!

В своем роскошном трехкомнатном номере Лола Бори чувствовала себя одновременно пьяной и подавленной. Джин сделал свое дело, обстановка гостиной с пятнами розовой обивки мягко кружилась в тумане. Лола старательно подняла тело с кушетки, но ее повело, как только она встала на ноги. Сжав губы, женщина постаралась собраться. «Джин, мне нужно еще джина».

Она поплелась к двери и начала возиться с замком.

— Черт побери! — выругалась она сквозь зубы. Потом прижалась лицом к двери и тихо заплакала. Ей не нужен джин, ей нужна компания. Постояв так минуту, Лола оттолкнулась от двери и побрела обратно к кушетке. Увидев отражение в зеркале с золоченой рамой, она озадаченно уставилась на него, потом медленно подошла ближе. — Это не я, — пробормотала она и облизнула губы. — Это совсем не я.

Актриса покачала головой, с вызовом глядя на карикатурное изображение, послушно повторившее ее движение. Помада на губах размазалась, а знаменитые голубые глаза заплыли и опухли. Правильная линия высоких скул, один из главных ее козырей, неожиданно потеряла всю свою привлекательность, щеки ввалились. Белокурые волосы с платиновым отливом потускнели и растрепались.

Лола Бори оцепенело смотрела на отражение в зеркале и не могла поверить, что оно ее собственное.

И вдруг, сжав голову руками, она судорожно зарыдала, согнувшись пополам. Это *не* Лола Бори, кричал рассудок. *Этого не может быть.*

Она в зените славы, ее карьера достигла вершины, и на этой вершине Лола Бори собиралась остаться навсегда, царствуя с высоты позолоченного пьедестала, далеко-далеко от остальных людей. Она ни в ком не нуждалась и не собиралась менять своих привычек. Но одного она предвидеть не могла: появилось звуковое кино.

Лола в оцепенении упала на кушетку и невидящим взглядом уставилась перед собой. С ней было покончено. Все произошло как раз сегодня после полудня. Еще и восьми часов не прошло, как этот ублюдок Джозеф фон Рихтер, продюсер со студии, сидел в этой самой комнате с ней рядом вот на этой самой кушетке. Его уничтожающие слова все еще эхом отдавались у нее в мозгу.

— Вы не можете получить эту роль, — важно произнес он с немецким акцентом. — Только не в «Войне и мире».

— Вы, конечно, шутите, Джозеф, — весело ответила она.

Но его следующие слова и очевидная искренность тона поразили ее.

— Нет, моя дорогая, — мягко ответил продюсер. — Ваша карьера закончена. Это я пришел сказать вам. — Он помолчал, взглянул на нее, потом неловко отвернулся. — Радуйтесь, что она продолжалась так долго.

Сначала ей захотелось высмеять его, но слова Джозефа не выходили у нее из головы. Она знала, что этот момент должен наступить, и боялась его. Теперь она не могла думать ни о чем, кроме черного губельного облака, сгущающегося вокруг нее, душащего ее. Актриса постаралась говорить спокойно, но с ее губ сорвался лишь слабый шепот:

— Так вот почему я проходила звуковые пробы.

— Да. — Он многозначительно склонил голову. — У вас есть внешность, Лола, но нет голоса. Он слишком высок. Как только зрители услышат вас, вы станете посмешищем.

Лола вскочила на ноги.

— Мне следовало бы убить тебя, грязный ублюдок! — крикнула она дрожащим от ненависти голосом. — Мне следовало бы убить тебя! — И зарыдала.

— Завтра, на премьере «Женщины под вуалью», — спокойно продолжил продюсер, — зрители увидят последний фильм с Лолой Бори. Мне очень жаль. Поверьте мне.

Она долго плакала, потом вытерла глаза тыльной стороной ладони.

— Я думаю... — Лола постаралась снова взять себя в руки. — Я думаю, что моя звезда закатилась навсегда. — Это прозвучало как предположение.

Лицо ее собеседника ничего не выражало, но в глазах была грусть.

— Вы слишком долго снимались, Лола. Ничто не вечно. Так всегда бывает в кино.

Ничто не вечно.

Эта фраза снова и снова возвращалась, накидываясь на нее из темных углов комнаты. Никто не может ей помочь, она должна страдать в одиночестве. Да и к кому она могла бы обратиться? Кто успокоит ее кровоточащее сердце? Кто скажет ей, что делать, куда идти теперь, когда все потеряно?

И вдруг имя молнией сверкнуло у нее в мозгу: Лэрри.

Лэрри, ее бывший муж, банкир, занимающийся инвестициями. Он всегда был таким сильным и предприимчивым. Пока они были женаты, он любил ее, молился на нее. Однажды Лэрри попытался скупить все копии фильма с ее участием, показавшимся ему скандальным. Он хотел, чтобы она принадлежала только ему одному. Во время их короткого брака он любил ее сильнее, чем кто-либо другой. Он не хотел развода. Инициатива принадлежала ей, она на этом настаивала.

Но любит ли Лэрри ее до сих пор?

Она сжала губы. Если любит, то у нее есть шанс. Многие годы они не разговаривали, с тех самых пор, как она ушла от него. Ей было известно, что Лэрри в Нью-Йорке. И, по ее сведениям, он до сих пор одинок. Правда, стал еще богаче.

Ее сердце забилося: так было всегда, когда она становилась перед камерой. Ей стало смешно. Джозеф не прав. *Есть* по крайней мере еще одна роль, которую она может сыграть. Она может снова заполучить Лэрри, выйти за него замуж и занять место одной из первых дам города.

Возбуждение охватило ее, подогреваемое предвкушением удачи и джином. Лола схватила телефон и попросила телефонистку соединить ее с домом Лэрри. Когда-то она тоже жила там и не могла забыть номер телефона.

Ей едва удавалось сдерживать нетерпение, пока на другом конце провода раздавались

гудки. Но как только она услышала знакомый баритон, ее прошиб холодный пот. Лэрри ответил весьма официально и сдержанно:

— Лола? Чем могу быть тебе полезен?

Женщина нахмурила брови, концентрируя внимание на каждом произносимом слого, стараясь не глотать слова:

— Ты мне нужен, Лэрри.

На другом конце провода молчали. Прошло довольно много времени, прежде чем он снова заговорил, так что она даже испугалась, что их разъединили.

— Когда-то я тоже нуждался в тебе, Лола, — в голосе Лэрри не было горечи. Он просто констатировал факт, но от этого ей стало еще хуже.

— Я знаю об этом, Лэрри. Я была душой. Пожалуйста, давай попробуем еще раз. Во имя нашего прошлого.

Он снова долго молчал, потом мягко ответил:

— Мне очень жаль, Лола. Некоторые вещи нельзя изменить. Я не Господь Бог, да и ты тоже не всемогуща. Мы не сможем воскресить то, что уже умерло. То, что случилось, — он вздохнул, — случилось. Наши две жизни не слились в одну. А теперь, если ты позволишь...

Но тяжелое дыхание Лолы прервало его на полуслове. Ей показалось, что чернота сгущается вокруг нее. Она старалась избавиться от ужасного видения.

— Лэрри, — выдавила она. — Я *должна* увидеть тебя. Я теперь совсем одна. Я потеряла надежду. Я... я больше не могу это выносить, Лэрри. Если я не поговорю с кем-нибудь, то... я *покончу* с собой.

— Еще одно мнимое самоубийство? — Его слова словно окатили ее ледяной водой.

Лола закрыла глаза и понизила голос до шепота:

— Нет, Лэрри. В этот раз все будет по-настоящему. Честно. — Она начала плакать. — Все кончено, Лэрри. Все кончено. Я больше не буду сниматься.

— Но почему? — уже мягче спросил Лэрри. — Тебе всегда нравилось играть. Это у тебя получается лучше всего. Зачем же бросать?

— Из-за звука. Все дело в моем *голосе*. Им не нравится мой чертов *голос*.

— Мне очень жаль. Я не знал.

— И я не знала. — В ее глазах появилось отсутствующее выражение. — Так что, как видишь, Лэрри, на самом деле все кончено. Все, что у меня осталось, — это ты.

— Где ты сейчас?

— В «Савой плаза».

— У меня сейчас люди, но я скоро освобожусь. Хорошо?

Она кивнула. Глаза наполнились слезами.

— Спасибо, Лэрри. Я скажу... им... охране... чтобы тебя впустили. Они... никого... не пускают.

— Назови им только имя «Лэрри», без фамилии. Не нужно никаких охранников. Нам не нужно, чтобы репортеры узнали, что мы снова виделись. Этого нельзя допустить. Вспомни, как они обошлись с нами в прошлом. В такой рекламе мы больше не нуждаемся. Ни в коем случае.

— Да, Лэрри, — ее полный раскаяния голос выражал покорность. — Я обещаю.

— Отлично. Я приеду примерно через час.

Эмма Рёск не носила обручального кольца и не была помолвлена. Она работала ночной

телефонисткой в «Савой плаза», а ее приятель-фоторепортер обещал на ней жениться, как только у него будет достаточно денег, чтобы содержать семью.

— Мы не можем пожениться сейчас, милочка, — снова и снова втолковывал он Эмме. — У меня недостаточно сбережений. За скандальные новости не так уж хорошо платят.

— Но я же могу продолжать работать, — предложила она. — Так мы сможем прожить, Барни. У многих пар и этого нет, и они как-то справляются.

— Но я хочу иметь не только жену, но и семью. Я хочу подарить тебе большой дом. У нас будет много детей. Вот что я тебе скажу, Эм. Как только я нападу на отличную новость, за которую мне хорошо заплатят, мы свяжем себя брачными узами. Но до той поры нам надо подождать. Идет?

Она с сомнением покачала головой.

— Я постараюсь тебе как-нибудь помочь.

— Гм, — теперь пришла его очередь сомневаться, — теперь, когда мы договорились, может быть, ты и *сможешь* помочь.

Эмма даже подскочила от радости:

— Каким образом?

— Ты же работаешь в «Савой плаза», правда? Там останавливаются многие важные особы. Ты же слушаешь их телефонные разговоры. Если ты узнаешь что-нибудь важное, ты позвонишь мне, и я прилечу со своим фотоаппаратом. Если за это заплатят, все будет в порядке, дорогая.

Сначала она колебалась.

— Это очень опасно, Барни. Меня... могут поймать.

— Не поймают, если ты будешь осторожна. Посмотри на это по-другому, как на взнос.

— Взнос?

— В наше будущее семейное гнездышко.

Она делала так, как просил Барни, но все разговоры навевали скуку. Ей не удавалось подслушать ничего такого, что могло бы помочь ее приятелю. До сегодняшнего дня.

Когда она разъединила Лолу Бори с ее собеседником, Эмма сразу вспомнила о словах Барни. Подслушанный ею разговор нес в себе столько новой информации, что ей надо было все хорошенько обдумать.

Что могло сравниться с новостями о Лоле Бори?

Девушка медленно огляделась, чтобы убедиться, что ее не поймают. По ночам на коммутаторе отеля работало вполсилы меньше телефонисток, чем днем, поэтому рядом с ней никого не было.

Эмма подключилась к линии. В висках у нее стучало от волнения. Это наконец случилось! Как только Барни принесет долгожданные сенсационные снимки, ему прибавят зарплату, и она сможет надеть подвенечное платье. Она чуть не подпрыгнула, когда Барни снял трубку.

— Барни, — ее голос был непривычно тихим. — Ты помнишь, о чем мы с тобой договаривались?

Услышав звонок из 614-го номера, Элизабет-Энн заторопилась по коридору к комнатам Лолы Бори. Она не страдала звездоманией. С ранних лет миссис Хейл приходилось бороться за существование, поэтому в ее голове оставалось маловато места для мечтаний о героях

фильмов. Но она смотрела несколько лент с участием Лолы Бори и не смогла устоять перед очарованием актрисы. Но в тот момент, когда Элизабет-Энн увидела звезду перед собой, все иллюзии — если таковые у нее имелись — рассеялись.

Сначала Элизабет-Энн в изумлении подумала, что это не могла быть одна и та же женщина. Эта пьяно покачивающаяся ведьма с распущенными белесыми волосами, опухшими глазами, одетая в бледно-голубой атласный халат, сползающий с плеч, не могла быть той изысканной очаровательной леди, увиденной ею на экране.

Лола Бори уперла одну руку в бедро и рассматривала Элизабет-Энн сверху вниз.

— Ко мне должны прийти. — Она высоко подняла голову, вытягивая лебединую шею. — Я хочу, чтобы вы сказали об этом охране и встретили джентльмена, когда он появится.

Элизабет-Энн наклонила голову:

— Да, мадам.

— Моего гостя зовут Лэрри. К нему следует обращаться по имени. Никакой охраны. Он будет один. Никого больше не пропускать. — Лола покачнулась, потом осторожно прислонилась к косяку. — Вам все ясно?

— Абсолютно, — заверила ее Элизабет-Энн.

Элизабет-Энн стояла у лифта. Ночной портье позвонил и сказал, что человек по имени Лэрри поднимается наверх. Когда двери открылись, у горничной от изумления брови поползли вверх: маленький человечек с квадратной сумкой, прикрытой пальто, вышел из кабины. Он был одет в такую рвань, что никак не походил на гостя, ожидаемого Лолой Бори. Но и сама звезда не очень-то соответствовала ожиданиям.

— Я Лэрри, — представился мужчина, переступая порог лифта.

— Сюда, пожалуйста, — вежливо сказала Элизабет-Энн. — Мисс Бори ждет вас.

Она провела гостя по коридору, потом постучала в белую дверь номера 614.

— Войдите, — раздался изнутри приглушенный голос.

Элизабет-Энн открыла незапертую дверь, отступила в сторону, чтобы дать дорогу мужчине, и быстро ее захлопнула.

Лола Бори стояла перед зеркалом, расчесывая волосы в пьяном отупении.

— Немного рановато, Лэрри, — проворчала она. — Ты сказал, что придешь через час. Я даже не успела привести себя в порядок...

Актриса повернулась к гостю, и кровь отлила у нее от лица.

— Кто вы такой? Что вы здесь делаете? — изумленно выдохнула она.

Барни отбросил в сторону пальто, прикрывавшее камеру, сверкнула вспышка, и искры полетели на ковер. Бесстрастный фотоаппарат запечатлел для вечности трагическое падение погасшей звезды.

За все годы, что миссис Уинтер проработала в «Савой плаза» сначала в качестве горничной, потом помощницы экономки, а затем и экономкой ночной смены, никто не видел ее в таком возбуждении. От гнева ее лицо побагровело. Она шагала взад и вперед перед Элизабет-Энн и Джоном Холмсом, ночным портье.

В тени у нее за спиной стоял высокий незнакомец. Его черные волосы блестели, только на висках серебрились седые нити. Элегантный вечерний костюм и шелковый плащ не могли скрыть широких плеч и узких бедер. Лицо было приятным, но черты резкими, с внушительным носом и пухлыми чувственными губами. Правый глаз был синим, а левый прикрывала черная повязка. Он потерял глаз во время несчастного случая на охоте, и повязка придавала ему вид пирата, смелого, но утонченного. Мужчина стоял очень прямо, не мигая наблюдал за Элизабет-Энн и Холмсом. Повязка мешала Элизабет-Энн разглядеть выражение лица.

Миссис Уинтер проговорила сквозь зубы:

— Вот *этого* джентльмена ждала мисс Бори. Я не могу понять, как вы могли принять того мерзавца за этого джентльмена.

Холмс понурил голову, а Элизабет-Энн держала подбородок поднятым. Взгляд у нее был непреклонный. Ее чувства выдавали только порозовевшие щеки, что было неправильно понято миссис Уинтер. Элизабет-Энн не испытывала ни страха, ни стыда. Она сердилась на старуху, выговаривавшую им перед незнакомцем.

— Доктор дал мисс Бори успокоительное, — продолжала экономка, нахмурившись и сложив руки на груди. — Не представляю, как мы сможем объяснить происшедшее. — Она перевела дух и обрушилась на Холмса: — Как ты мог свалить такого *дурака*? Как ты мог пропустить фотографа наверх? — Потом повернулась к Элизабет-Энн: — А вы! Провести его в комнату мисс Бори! Это скандал. *Скандал*, — миссис Уинтер с отвращением покачала головой. — За все годы моей службы в отеле не происходило ничего подобного.

— Я же не знал, что он фотограф, — жалко пролепетал Холмс, его лицо посерело. — Он назвал себя Лэрри.

— Мисс Бори сама приказала мне отвести «Лэрри» в ее номер, как только он появится, — спокойно добавила Элизабет-Энн. — Как посторонний мог узнать, что надо назвать это имя?

Миссис Уинтер опустила руки, игнорируя вопрос горничной.

— Главное, что никто из вас не заподозрил подвоха. Мне в это поверить чрезвычайно трудно.

— У нас не было оснований подозревать, будто прессе известно, что мисс Бори ждет гостя, — возразила Элизабет-Энн. — Во всяком случае, мисс Бори известна своей... эксцентричностью. Как мы могли ожидать появления самозванца?

В эту минуту вошли два одетых в униформу охранника, и миссис Уинтер повернулась к ним.

— Мы закончили обыскивать отель, — сказал один из них с видимым смущением. — *Этого* фотографа нигде не нашли. Некоторые говорят, что видели, как он уходил через выход на Пятьдесят девятую улицу.

— Благодарю вас, — холодно сказала экономка. — Вы оба были в холле, когда он входил, и не смогли перехватить его. Можете войти и присоединиться к нам. То, что я намереваюсь сказать, касается и вас тоже.

Заметно нервничая, охранники встали рядом с Элизабет-Энн и Холмсом.

— С этой самой минуты, — миссис Уинтер показала на часы, — все четверо уволены. И я постараюсь, чтобы вас никогда больше не приняли сюда на работу. — Она зловеще улыбнулась. — Никаких рекомендаций вы не получите.

— Но это не наша вина! — воскликнул портье. — Мне нужна эта работа. У меня жена,

она должна вот-вот родить.

— Надеюсь, что в следующий раз вы будете более осмотрительны.

— Мадам!

Голос был мягкий, но властная нотка явственно слышалась в нем. Красивый незнакомец заговорил впервые и вышел из полумрака на свет.

Миссис Уинтер вопросительно взглянула на него.

— Этот инцидент был крайне неприятным, — произнес он. — Но, учитывая тот факт, что людям надо было установить *мою* личность, и более того, что жертвами его стали мисс Бори и я, а не отель, мне кажется, что у меня есть право кое-что сказать, не так ли?

— Конечно.

Миссис Уинтер постаралась остаться невозмутимой, но голос звучал раздраженно.

Мужчина невозмутимо продолжал:

— Как вы могли догадаться, мисс Бори сейчас не совсем в себе. Она перенесла личную потерю. Я виновник ошибки этих людей, так как в моих инструкциях я просил указать только мое имя.

Миссис Уинтер насторожилась:

— Вы очень добры, сэр, но это не ваша...

— Вина? — Он поднял руку, призывая ее к молчанию. — Мадам, совершенно очевидно, что как раз эти четверо служащих абсолютно невиновны. Мне кажется, кое-кто подслушал мой разговор с мисс Бори и предупредил прессу. Именно этот человек и виновен в случившемся.

Бледное лицо экономки стало багровым. На какое-то мгновение Элизабет-Энн показалось, что женщину прямо сейчас хватит удар.

— Я думаю, — продолжал незнакомец, — что, учитывая обстоятельства, все уже достаточно пострадали для одного вечера. Я дружен с владельцем этого отеля и уверен, что несколько слов обо всех вас и уверения с моей стороны и со стороны мисс Бори в том, что мы забудем об этом случае как можно быстрее, решат дело ко всеобщему удовлетворению. Это будет лучше любого поспешно наложенного наказания. — Он повернулся к миссис Уинтер.

Сначала экономка заколебалась. Ее раздирали противоречивые чувства: ярость от того, что ее власть была поставлена под сомнение, страх, что этот господин поговорит с владельцем отеля, и облегчение от того, что ни он, ни Лола не собираются взваливать на нее ответственность за случившееся.

— Ну, что же, если вы настаиваете, сэр... — запинаясь, произнесла она.

Он улыбнулся, показывая белоснежные зубы:

— Да, я настаиваю.

— Очень хорошо.

Миссис Уинтер хлопнула в ладоши:

— Вы все, живо по своим местам. Но позвольте мне предупредить вас, — с этими словами она указала пальцем на несчастную четверку, — если что-либо подобное произойдет снова и если вы проявите впредь хоть малейшую инициативу... — Невысказанная угроза тяжело повисла в воздухе. — Принимайтесь за работу.

Трое мужчин с облегчением заторопились из комнаты.

— А чего вы ждете? — холодно взглянула экономка на Элизабет-Энн.

Элизабет-Энн строго смотрела на миссис Уинтер. Ее голос был холоден, так же как и

взгляд:

— При всем уважении к вам мне кажется, что вы должны перед нами извиниться.

Миссис Уинтер уставилась на нее:

— Неужели?

— И более того. С этого момента я отказываюсь от места. Работать под вашим руководством невыносимо. Если бы я была владельцем отеля, я бы не позволила, чтобы с моими служащими обращались подобным образом. Может быть, другие слишком нуждаются в этой работе, чтобы терпеть вас, но я, благодарение Богу, пока еще до этого не дошла.

— Вы безнравственная молодая женщина. Да как вы смеете отвергать мою доброту!

— Это вы безнравственны, миссис Уинтер. Что же касается вашей доброты, то вам, по моему, не оставалось ничего другого. Не так ли? — Элизабет-Энн перевела дух. — Спокойной ночи.

— Счастливого избавление, я бы сказала, — набросилась на нее экономка. — Как только я увидела вас, я знала, что от вас надо ждать неприятностей. Немедленно заберите свои вещи из гардероба и не смейте больше переступать порог этого отеля. Можете не снимать униформу. Соберите вещи и *немедленно* вон.

— С радостью, мадам.

Элизабет-Энн заметила удивленное выражение на лице одноглазого незнакомца. Она торопливо вышла в гардеробную комнату, расположенную по соседству. Надев пальто поверх униформы и повесив на руку собственное платье, женщина вернулась обратно. Миссис Уинтер и незнакомец уже ушли.

Когда она шла по Пятьдесят восьмой улице, торопясь на станцию подземки на Лексингтон-авеню, ее догнала машина и поехала с ней рядом. Элизабет-Энн взглянула на шофера черно-желтого «роллс-ройса» и перестала обращать на автомобиль внимание.

— Мисс!

Женщина раздраженно взглянула на автомобиль. Ее окликнул одноглазый незнакомец.

— Мне нечего вам сказать, — сурово произнесла она. — Вам не кажется, что вы и ваша драгоценная мисс Бори уже достаточно натворили для одного дня? — Элизабет-Энн вскинула голову и продолжила путь.

— Могу ли я подвезти вас до дома?

— Я доеду на метро, благодарю вас.

Она пошла быстрее, искоса поглядывая на него.

— Вы довольно независимы, правда? — Голос неуловимо изменился.

Она продолжала смотреть прямо перед собой:

— Хотелось бы так думать.

Неожиданно Элизабет-Энн пересекла Мэдисон-авеню и сделала вид, что собирается идти по Пятьдесят восьмой улице и дальше. Она знала, что шоферу придется либо ехать прямо, либо повернуть направо на Мэдисон-авеню, либо повернуть налево и направиться к верхней части города. Так как машина продолжала следовать за ней по Пятьдесят восьмой улице, она повернулась, дошла до Мэдисон-авеню и скрылась за углом. Подождав немного, Элизабет-Энн выглянула из-за угла дома.

Когда красные габаритные огни внушительного «роллс-ройса» смешались с другими на Парк-авеню, она глубоко вздохнула, прислонилась к стене и уткнулась подбородком в стопку вещей, которую держала в руках. На глаза навернулись слезы разочарования. Она злилась на непорядочность мира, не столько из-за себя, сколько из-за тех, кому отчаянно

нужна работа. Ее гнев распространялся не только на миссис Уинтер. Незнакомец по имени Лэрри, его пьяная подружка-звезда и их уловки также ее злили. Если бы Лэрри не заступился за них, как полагается джентльмену, то пошли бы они все на улицу. О них и не вспомнил бы никто.

«А все из-за него, — с неожиданной горечью подумала она, продолжая путь. — Если бы не он, никто из них не попал бы в эту ужасную ситуацию». Без таких Лэрри и Лол она прекрасно обойдется. Спускаясь на платформу подземки, Элизабет-Энн с надеждой думала о том, что ей удастся вычеркнуть из памяти это неприятное происшествие, да и Лэрри с Лолой заодно. Тем более что она была совершенно уверена, что Лэрри уже и думать про нее забыл.

Но Элизабет-Энн ошиблась.

Когда желто-черный «роллс-ройс» остановился около городского особняка на северной стороне Семьдесят четвертой улицы, человек на заднем сиденье все еще барабанил пальцем по подлокотнику.

Господи, да ведь у этой женщины есть характер. Характер и еще что-то неуловимое, необъяснимое словами. Впечатление независимости. Высокомерие. Самоуверенность. Черты человека, который не может быть просто горничной.

Так кто же она тогда?

Ему захотелось разузнать о ней побольше, и он дал себе задание все выяснить.

Но судьба не позволила ему выполнить задуманное. На следующее утро Лолу Бори нашли мертвой в ее номере в «Савой плаза». Она приняла чрезмерную дозу снотворного. Лэрри пришлось заниматься похоронами бывшей жены.

Горничная из «Савой плаза» стала всего лишь мучительным воспоминанием.

А Элизабет-Энн, в свою очередь, вдруг обнаружила, что ей не удастся забыть мужчину, о котором она ничего не знала, кроме имени. Хотя они виделись всего несколько минут, его образ без труда возникал в ее воображении: единственный темно-синий глаз, виденный ею мельком, высокий рост, внешность, осанка человека, уверенного в себе. Она думала о красивом одноглазом незнакомце, и его силуэт без приглашения появлялся перед ней в любой час дня и ночи.

Другое дело Заккес. Иногда, и это случалось все чаще, Элизабет-Энн не могла даже вспомнить, как он выглядел. После стольких лет совместной жизни его изображение потускнело. Что-то изменилось, а она так и не могла понять, что именно.

От этого Элизабет-Энн злилась. И чувствовала себя виноватой. Заккес ушел всего четыре года назад. По закону и совести он все еще оставался ее мужем и отцом ее детей. Она не имела права похоронить его в тайниках своей памяти и допустить, чтобы незнакомец стал тем, кого так страстно желала и к кому стремилась ее душа. Но слишком многое помогло одноглазому Лэрри стать ее заветной мечтой.

Во-первых, эта черная повязка на глазу, которую он носил с такой бросающейся в глаза уверенностью, с такой *гордостью*. Это говорило о его независимом характере, легко принимающем вызов, сродни ее собственному.

Во-вторых, его честность, хотя ей и не хотелось этого признавать. Он *заступился* за гостиничную прислугу перед миссис Уинтер, что требовало немалой смелости. Ей-то это было прекрасно известно.

Сыграло свою роль и то, как он заговорил с ней через приоткрытое окно «роллс-ройса»,

когда его чувственные губы — или она все это придумала? — кривила дьявольская усмешка.

Но больше всего этому способствовали события, нагромоздившиеся одно на другое за эти двадцать четыре часа, драматично и неразрывно связавшие Лэрри с канвой ее жизни. Сначала события с фотографом и миссис Уинтер. За этим последовала жуткая стычка с Шарлотт-Энн, произошедшая как только мать вернулась домой. И в довершение всего, чтобы уже никогда и никто не забыл эту ночь, в утренних газетах появилось сообщение о самоубийстве Лолы Бори. И снимки, сделанные тем самым проклятым фотографом, с которого и начались все неприятности, сопровождали колонки текста.

Все вместе создавало впечатление незабываемого ночного кошмара. И, казалось, все вертится вокруг Лэрри.

Элизабет-Энн не ожидала, что события развернутся таким образом. Она лишь нанялась на работу, чтобы поближе познакомиться с гостиничным бизнесом, и бросила ее из-за миссис Уинтер, из-за разочарования, из-за того, что узнала все, что было возможно узнать на месте горничной.

В подземке, по дороге домой, она мечтала только об одном: посвятить несколько спокойных часов себе и выспаться, чтобы проснуться посвежевшей и помолодевшей.

Элизабет-Энн с трудом поднималась по лестнице с вещами в руках. Она остановилась на минуту на площадке, чтобы перевести дух, уставшая намного больше, чем в те дни, когда она работала всю ночь. Инцидент с фотографом и миссис Уинтер вымотал ее и морально и физически.

В квартире горел свет, и вечеринка Шарлотт-Энн была в самом разгаре. Мать слышала возбужденные голоса, яркий луч света выбивался из-под входной двери.

Она переложила вещи на одну руку, открыла сумочку, достала ключи и открыла дверь. Сначала никто не услышал, как она вошла. Войдя в гостиную, Элизабет-Энн наткнулась на Людмилу, сладко спящую в кресле: голова упала набок, руки на коленях, глаза закрыты, из приоткрытого рта раздается громкий храп. Шарлотт-Энн и ее подружки расположились на горе одеял и подушек, наваленных на пол, хихикая над какой-то шуткой. Послушав храп Людмилы, они шептались что-то друг другу и разражались хохотом.

— Вот так вот я и хррраплю, — передразнила одна из девочек. Она открыла рот, пародируя Людмилу, и издала носом храпящий звук.

Остальные захихикали. Хотя они и заметили Элизабет-Энн, смех не утихал.

— Мама! — с удивлением воскликнула Шарлотт-Энн. Потом вскочила на ноги и продолжила: — Я не думала, что ты вернешься так скоро.

— Я тоже не думала. — Элизабет-Энн утомленно улыбнулась.

— Я считала, что тебя пригласили переночевать. — Шарлотт-Энн сделала паузу, а потом произнесла с ударением: — На вилле «Саутгемптон».

Элизабет-Энн посмотрела на дочь. Впервые та впутывала мать в свою ложь. Ей захотелось тут же положить этому конец, прямо здесь и сию секунду, но она подавила это желание, сообразив, что сейчас не время и не место читать дочери нравоучения. Можно подождать до завтра, когда ее подружки уйдут.

Шарлотт-Энн повернулась к девочкам:

— Маму постоянно приглашают провести уик-энд в чем-нибудь загородном доме. — Потом она подошла ближе к матери и спросила, понизив голос: — Почему ты вернулась так рано? Что-нибудь случилось?

— Ничего такого, что не могло бы подождать до утра. — Элизабет-Энн посмотрела

через коридор на закрытую дверь спальни: — Сестры и брат спят?

Шарлотт-Энн кивнула. Только теперь она заметила сверток в руках у матери. Ее глаза потемнели, когда она узнала платье, в котором мать была этим вечером. Девочка быстро выхватила его из рук Элизабет-Энн и сделала вид, будто пристально рассматривает его.

— Мама! Это же вещи, которые ты оставила в «Саутгемптоне» летом. Миссис Белмонт очень мило сделала, что сохранила их. — Она выдавила из себя смешок. — Только почему бы ей было не одолжить тебе чемодан? — С невероятной скоростью, словно отбрасывая ядовитую змею, она сунула платье в альков за занавеску. У нее за спиной школьницы обменялись удивленными взглядами.

В это время, ни о чем не думая, Элизабет-Энн медленно расстегнула пальто, представив на всеобщее обозрение длинное платье горничной с белым воротничком, манжетами и накрахмаленным фартучком. Она медленно опустилась в кресло, откинув голову назад и прикрыв глаза. Несмотря на шараду Шарлотт-Энн, как же все-таки хорошо оказаться дома. Может быть, она наконец сможет успокоиться.

Вдруг до нее донеслось оживленное перешептывание девочек.

Она открыла глаза. Подружки Шарлотт-Энн бурно что-то обсуждали, бросая на нее косые взгляды. Шарлотт-Энн стояла у двери, бледная и дрожащая.

Элизабет-Энн взглянула на дочь, удивленная ужасным выражением ее глаз.

— Шарлотт-Энн, что случилось? — озабоченно спросила она, пытаясь угадать, что же так поразило девочку.

Шарлотт-Энн отвернулась.

— Н-ничего, — жалобно пробормотала она.

Элизабет-Энн в смятении оглядела комнату. Напряжение ощущалось физически. Не понимая происходящего, она почувствовала, что Шарлотт-Энн только что изгнали из заветного кружка в ее же собственном доме. И в собственном доме Элизабет-Энн.

Явным лидером среди школьниц была привлекательная девочка с острым подбородком и глазами, как у лани. Она поднялась на ноги, показывая, что «совещание» окончено.

— Уже поздно, миссис Хейл, — запинаясь, сказала она, стараясь не встречаться с Элизабет-Энн взглядом. — Я знаю, мы собирались остаться на ночь... — И оглянулась на других, ища поддержки. Школьницы торжественно кивнули. — Но нам лучше сейчас пойти домой, миссис Хейл.

Элизабет-Энн выглядела удивленной. Она выпрямилась в кресле, опираясь руками на подлокотники.

— Но почему? — Она переводила взгляд с одной девочки на другую, но те отводили глаза. — Мне казалось, что вы хорошо проводите время.

— Мы... то есть я хочу сказать, я... не очень хорошо себя чувствую. Мы соберем вещи и найдем такси. Мы можем поехать ко мне домой.

Элизабет-Энн быстро взглянула на Шарлотт-Энн. Ту трясло, как в ознобе.

Пока девочки собирались, проснулась Людмила. Оглядывая всех круглыми глазами, она сонно спросила, раскатывая букву «р»:

— А который сейчас час? Уже утро?

Удаляющиеся шаги девочек еще слышались на лестнице, когда Шарлотт-Энн взорвалась.

— Я думала, что вот-вот умру, завопила она. — О Господи! Я никогда больше не смогу посмотреть им в лицо. Я и в школу-то не смогу вернуться.

Элизабет-Энн удивленно посмотрела на нее:

— А в чем, *собственно*, дело?

— Ты хочешь сказать, что не знаешь?

— Боюсь, я действительно не знаю, — спокойно ответила Элизабет-Энн.

Шарлотт-Энн повернулась к матери, ее глаза горели лютой ненавистью. Слезы текли по ее щекам, а губы сердечком скривились от боли.

— Только взгляни на себя, мама, — прошипела она. — Ты приходишь сюда и начинаешь демонстрировать свою униформу. Униформу *горничной*.

Элизабет-Энн изумленно посмотрела на себя. Она все еще была одета в форменное платье. После всего того, что произошло этим вечером, она и думать об этом забыла. А теперь Шарлотт-Энн считает, что мать нарочно так поступила.

— Разве ты не видишь? — воскликнула дочь. — Теперь они *знают*, что ты обыкновенная служанка. Вот почему вечеринка так закончилась и они не захотели иметь ничего общего со мной.

И девочка взглянула на мать с таким отвращением, какого Элизабет-Энн никогда не доводилось видеть.

— Дорогая, я вовсе не собиралась портить праздник. Поверь мне. У меня был ужасный вечер, и я просто...

— У *тебя* был ужасный вечер! — У Шарлотт-Энн на шее натянулись жилы. — Я *ненавижу* тебя!

— А тебе не кажется, что, если бы ты сказала им правду, вместо того чтобы накручивать всю эту ложь, они бы не возражали? — спокойно сказала Элизабет-Энн.

— А у тебя, мама, конечно, на все готов ответ, да? Ну так и я тебе отвечу. — Шарлотт-Энн топнула ногой. — Я *ненавижу* тебя, мама! Я *тебя ненавижу*!

Элизабет-Энн побледнела и не могла шевельнуться. Она не могла поверить своим ушам. Может быть, она и была неосторожна от переутомления, но реакция Шарлотт-Энн выходила за всякие рамки.

— Успокойся, пожалуйста, дорогая. Я уверена, мы сможем все обсудить и...

— Я не собираюсь больше никогда с тобой разговаривать, — всхлипнула дочь. — Никогда, пока я жива.

Она закрыла лицо руками, вбежала в ванную комнату и с такой силой хлопнула дверью, что задрожали стены.

Элизабет-Энн смотрела ей вслед. Голова у нее кружилась.

Людмила подождала немного, потом поднялась на ноги.

— Мне кажется, — медленно заговорила она, спросонья ее акцент стал еще сильнее, — нам следует спуститься ко мне и дать ей время прийти в себя. — Ее глаза озорно блеснули. — Хоть у нас сейчас и сухой закон, но у меня есть несколько бутылочек отличного бордо тысяча девятьсот девятого года. Пойдемте. — Людмила взяла Элизабет-Энн под руку. — Я думаю, что нам обеим полезно выпить по рюмочке. Я права?

Элизабет-Энн еще раз посмотрела на вино, поиграв бокалом. Густой рубиново-красный напиток завораживающе переливался в хрустальных гранях.

— В чем дело? Вы пьете вино или ждете, пока оно настоится? — проворчала Людмила. — Это происходит в бутылках.

Элизабет-Энн с извиняющейся улыбкой отпила глоток. Вино было мягким, ароматным

и удивительно крепким. Она почувствовала, как уходит напряжение.

— Так-то лучше, — заметила хозяйка. — Итак, что мы имеем? Девочки быстренько сбежали, а Шарлотт-Энн на вас сердится. И вы потеряли работу. — Она поджала губы и покачала головой. — Хороший выдался денек, ничего не скажешь.

— Это можно повторять снова и снова. Но что же мне делать? — еле слышно спросила Элизабет-Энн. Даже болонки, казалось, чувствовали мрачное настроение женщин и не подавали голоса. — Я пошла работать в первый же попавшийся отель только для того, чтобы посмотреть изнутри, как руководят большой гостиницей. — Лицо ее болезненно скривилось. — Но теперь с этим покончено.

Людмила осуждающе взглянула на свою собеседницу.

— Почему вы не сказали мне об этом раньше? — резко спросила она. — Я бы вас предупредила. Вы никогда не сможете узнать, что такое гостиничный бизнес, если будете всего лишь горничной. Если вы хотите этим заниматься, то вам нужны деньги. И все. Вы просто покупаете отель и нанимаете помощников. Это так просто. — Людмила закурила одну из своих резких сигарет и скрылась в окутавшем ее ядовитом облаке дыма.

— Деньги! — Элизабет-Энн протестующе хмыкнула. — Это единственное, чего никогда не бывает достаточно.

— Но вы говорили, что у вас есть сбережения. — Людмила искоса взглянула на нее сквозь пелену дыма. — И много их у вас?

— Много? — без всякого выражения переспросила Элизабет-Энн. — Это зависит от того, что вы имеете в виду. Для одних это много, для других мало. Но для того, чтобы купить отель? — Она горько рассмеялась.

— Это не имеет значения. Если вы очень чего-либо хотите, вы это получите.

— Все не так просто, и вы сами об этом знаете. Вы все время жалуетесь, что вам не хватает денег.

Людмила раздраженно махнула сигаретой:

— Хватает! Что значит хватает? Я-то слишком стара, чтобы пускаться в азартные предприятия. Если бы я была помоложе... — В ее серых глазах засветился хитрый огонек, и она слабо улыбнулась. — Когда я была помоложе, я все время рисковала. Я стала содержанкой, а это рискованное предприятие. Я судилась здесь из-за денег моего любовника, что еще опаснее. Но если бы мне немного денег и ваши годы...

— То что было бы? — подзадорила ее Элизабет-Энн, боясь показать свой растущий интерес.

— Вы говорили мне, что каждую неделю получаете доход от... от...

— От мотеля.

— Отлично. Можно ли на это жить, оплачивать счета?

Элизабет-Энн утвердительно кивнула.

— Значит, то, что лежит в банке, это, как вы говорите, лишние деньги?

— Нет, — поправила ее собеседница, — это то, на что мы можем рассчитывать при непредвиденных обстоятельствах.

— Сколько у вас на счете? Это не просто любопытство, вы понимаете. Надо знать, достаточно ли этой суммы.

Элизабет-Энн заколебалась. Деньги, лежащие на ее счету, неприкосновенны. О них не следовало объявлять даже друзьям.

— Пожалуйста, я только хочу *помочь*, — поторопила ее Людмила с мягкой

настойчивостью. Она пересела поближе к краю сиденья и, взяв женщину за руку, успокаивающе улыбнулась. — Мне не важна точная цифра. Хотя бы приблизительно, сотня это долларов или тысячи долларов, чтобы знать, могут ли эти деньги работать. Понимаете?

— Да, я думаю, да. — Элизабет-Энн высвободила руки и задумчиво пригубила вино. — Не вижу причин, чтобы скрывать это от вас. — Она сделала паузу. — У меня около тридцати тысяч.

— Тридцать тысяч! Господи, да чего же вам беспокоиться? — Стареющее, поблекшее лицо Людмилы порозовело и засветилось от удовольствия. — Этого достаточно.

— Для покупки отеля? — Элизабет-Энн покачала головой. — Нет, для этого мне нужны сотни тысяч.

Людмила увещевающе погрозила ей пальцем.

— Нет, — многозначительно сказала она, — если вы попытаете счастья.

— Я как-то не уверена, что мне нравятся ваши слова, — медленно проговорила Элизабет-Энн. — Мне никогда не нравилось рисковать, особенно моими деньгами. Я не игрок по натуре.

— Вы говорили, что построили мотель и вели дела, не так ли?

Элизабет-Энн кивнула.

— А если купить гостиницу, то это риск, да? — пристально посмотрела на нее Людмила.

— Ну что же, я полагаю, что можно сказать и так.

— Отлично. — Людмила с удовлетворением откинулась на спинку и выпустила облако дыма. — Прежде всего вам надо поменять банк. Нам поможет один человек из «Восточного манхэттенского сберегательного банка». Его зовут Владимир Никольский. Мы познакомились давно, еще в России. Он единственный белоэмигрант, с которым я вижу. Владимир знает, с кем вам надо посоветоваться, чтобы заработать деньги. Для этого есть специалисты. Но прежде всего... — Она долго задумчиво смотрела на Элизабет-Энн. Накрашенный ноготок касался губ, выразительные серые глаза осматривали подругу с головы до ног. — Гмм... — пробормотала она, словно самой себе, — да, пожалуй...

Молодая женщина ответила ей насмешливым взглядом.

— Что это вы на меня так смотрите?

— Потому что важнее всего произвести впечатление, — терпеливо, будто ребенку, объяснила Людмила. — Можно выглядеть преуспевающей до того, как вы ею станете. Поэтому прежде всего мы займемся вами. Все.

— Займемся мной?

Людмила быстро кивнула, раздавила сигарету в чаше, служившей ей пепельницей, и прищурилась.

— Да, мы займемся вами, — провозгласила она таким тоном, что молодая женщина поняла: спорить бесполезно. У Людмилы уже созрел план.

Глаза Лестера Лоттомэна, помощника управляющего «Восточным манхэттенским сберегательным банком», задумчиво поджавшего губы, проглядывали нагромождение цифр, отражающих по минутам колебания активов банка. Через мгновение он снял очки в серебряной оправе, потер уставшие глаза и отодвинул грессбух в сторону. Когда-то давно подведение баланса, проверка и перепроверка бесконечных чисел вознаграждали его немислимое терпение пьянящим трепетом свершений. Тогда он находил любую пропущенную ошибку, ибо Лоттомэн обладал долготерпением охотника. Но эти времена миновали. Цифры превратились в бессмысленные иероглифы и наводили на него смертельную скуку.

— Мистер Лоттомэн!

Резкий голос испугал его, Лоттомэн вздрогнул и посмотрел на приближающегося к нему мистера Никольского, управляющего банком.

— Мистер Лоттомэн, это миссис Элизабет-Энн Хейл, — произнес Владимир Никольский, указывая на стоящую с ним рядом женщину. — Я надеюсь, что вы уделите ей максимум внимания и окажете необходимую помощь.

Мистер Лоттомэн кивнул, посмотрел на Элизабет-Энн и чуть приподнялся в кресле.

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил он, жестом указывая на кресло по другую сторону стола.

Миссис Хейл не торопясь села.

— Я буду в своем кабинете с госпожой Ромашковой, — сказал Никольский Элизабет-Энн с легким поклоном. — Когда вы закончите, присоединяйтесь к нам.

— Благодарю вас.

Когда Лоттомэн снова сел, он вдруг неожиданно для себя почувствовал симпатию к этой Элизабет-Энн Хейл, элегантно одетой, хорошо держащейся, но выглядящей уязвимой.

— Чем я могу вам помочь, миссис Хейл?

Элизабет-Энн выпрямилась.

— На моем счету в вашем банке лежит тридцать тысяч долларов, мистер Лоттомэн. Каждый месяц я получаю приличный доход от моего мотеля в Техасе.

Служащий ободряюще кивнул.

— Мне бы хотелось войти в гостиничный бизнес здесь, в Нью-Йорке.

— Вы хотели бы *купить* отель?

Утвердительный кивок.

— Мне стало известно, что существуют способы увеличения моего вклада. Возможно, тогда я смогу купить отель.

— Вы имеете в виду вложение капитала?

— Да, — Элизабет-Энн глубоко вздохнула. — Господин Никольский был настолько любезен, что познакомил меня с вами, потому что вы состоите в родстве с одним глубокоуважаемым банкиром, занимающимся инвестициями.

— Лоуренс Хокстеттер из компании «Хокстеттер-Стреммель». Да, он мой шурин.

— Мне бы хотелось встретиться с ним. Видите ли, господин Лоттомэн, я действительно хотела бы вложить деньги. Но только при условии, что риск будет разумным.

Он задумчиво смотрел на нее. Перед ним сидела привлекательная, явно умная женщина, разбирающаяся в делах. Его шурин будет только доволен таким знакомством, да и господин

Никольский оценит любую помощь, оказанную Лестером его другу.

— Дело в том, миссис Хейл, что как раз сегодня вечером господин Хокстеттер устраивает прием в своем городском доме. Я думаю, мы сможем там присутствовать.

— Только в том случае, если это удобно, — не без колебаний ответила Элизабет-Энн. — Мне не хотелось бы быть навязчивой.

— Уверяю вас, вы ошибаетесь. — Господин Лоттомэн неожиданно улыбнулся. — Я заеду за вами в восемь часов.

Элизабет-Энн продиктовала свой адрес, и они обменялись рукопожатием. Лестер Лоттомэн проводил ее странно задумчивым взглядом. Что-то было такое в ее спокойном достоинстве, что привлекало его. Лестер Лоттомэн стал, наверное, первой жертвой ее обаяния.

Но не последней.

* * *

— Регина? Шарлотт-Энн? Есть кто-нибудь дома?

Элизабет-Энн прислушалась, потом пожала плечами и вынула ключ из замочной скважины. Подняла сумки с покупками, внесла их в крошечную квартиру и обернулась, чтобы убедиться, что дверь захлопнулась за ней.

Женщина прислушалась к тишине дома. Что-то в ней было такое, что становилось ясно: никого нет. Она предположила, что Регина отправилась с сестрами и братом в парк. Матери не хватало приветствий детей и их взволнованных отчетов о проведенном дне. Но и тишина ее радовала.

После того как они с Людмилой вышли из банка, та отправилась домой, а Элизабет-Энн пошла по магазинам. Теперь она чувствовала себя измученной. Ей надо было купить вечернее платье для сегодняшнего вечера, хотя она и сознавала, что вряд ли сможет соперничать с другими гостями в городском доме Хокстеттера.

Элизабет-Энн бросила ключи в фарфоровую вазу на столике в прихожей, сняла шляпу и освободилась от пальто. Вешая пальто на вешалку, она заметила незнакомое отражение в зеркале. Сначала Элизабет-Энн остолбенела, а потом сообразила, что видит в зеркале себя. Ей стало смешно. Она все еще не привыкла к новой «себе», женщине, возникшей после обещаний Людмилы «заняться ею».

Она удовлетворенно посмотрела в зеркало, изучая свое лицо. Неужели она действительно настолько изменилась или дело только в новой одежде и другой прическе, темной комнате и обманчивых тенях?

Элизабет-Энн подошла ближе. Нет, она и в самом деле *изменилась* с тех пор, как три месяца назад они въехали в эту квартиру. Теперь она хорошо одета и ухожена, спасибо Людмиле. Элизабет-Энн поняла: ее подруга была права. Хорошее платье и стиль сделали ее жизнь легче. В магазине, ресторане, банке ее внешность говорила: вам придется хорошенько поработать, чтобы угодить мне.

Но перемены, с удивлением констатировала она, коснулись больше глубин ее существа, нежели внешней оболочки. В ее чертах светилась зрелость, которой не было раньше. ореол уверенности в сочетании с ее врожденной чувственностью придавали ей просто королевский вид.

Для начала Людмила изменила Элизабет-Энн прическу. Она настояла на визите к модному парикмахеру, объяснив, что потом они смогут сами придерживаться выбранного стиля. Никаких причудливых стрижек и никаких причесок, подобных тем, что она делала в Квебеке. Теперь Элизабет-Энн зачесывала волосы назад, но под бархатными шляпками-колокольчиками этого не было видно. Две короткие косички цвета канзасской пшеницы, подхваченные маленькими элегантными бантиками, прикрывали уши, словно драгоценные украшения, и делали серьги лишними. Ее светлые брови изменили цвет и форму: их выщипали в тонкую ниточку и подкрасили для большей выразительности. Глаза подчеркивали тени наиболее близкого к аквамарину оттенка. Еще немного кармина на губы, вот и вся косметика, которой она пользовалась.

Если частица ее вновь обретенной уверенности в себе происходила от измененной внешности, то большую часть этой уверенности давала новая одежда: в ней она чувствовала себя намного удобнее, чем в простом наряде, который носила раньше в Техасе. Уж совсем не для Манхэттена длинные юбки строгого покроя и пастельных оттенков блузки из ее прошлого гардероба. Нью-Йорк — город космополит, требующий шика. Те вещи, что она хотела бы купить, были ей не по карману, но она умудрялась сочетать качество и стиль, выбирая идущие ей цвет и покрой. Короче говоря, она одевалась элегантно, но по средствам, спасибо Людмиле.

Ее подруга показала ей магазинчики в Нижнем Ист-Сайде, полные подержанных вещей.

— У многих бедных еврейских иммигрантов богатые родственники, — сказала ей Людмила. — Они помогают бедным родственникам, отдавая поношенную одежду.

Так на Очард-стрит среди сутолоки и толкотни, тележек и разносчиков Элизабет-Энн нашла магазин подержанных вещей Зелигмана и свои нынешние вещи. Может быть, вещи были и не новые, но их высокое качество и аура изысканности, которую они ей придавали, были первоклассными.

— Всего двух пуговиц не хватает, — говорил ей Марти Зелигман, владелец магазина, пока Элизабет-Энн рассматривала блузку без воротника и с присборенными у плеча прозрачными рукавами, мягко облегающими запястье.

Блузка была в отличном состоянии, но Элизабет-Энн засомневалась. Пуговицы были достаточно необычными, им трудно будет найти замену.

— В этом вы можете покопаться бесплатно, — предупредительно сказал Зелигман, показывая им с Людмилой ящик с маленькими перламутровыми пуговицами.

Людмила настояла на покупке. Элизабет-Энн обнаружила, к своему большому удовольствию, что, когда они заменили все пуговицы на перламутровые, блузка стала еще красивее. Нежные переливы перламутра оттенял материал цвета кофе с молоком. Надевать драгоценности не требовалось. Блузка сразу же стала ее самой любимой. Перед и спинку украшала тесьма такого же оттенка, а край на уровне бедер заканчивался бахромчатой каймой из маленьких, похожих на жемчужины, вышитых тамбуром шариков, которые в сочетании с перламутровыми пуговицами придавали ей утонченный аристократизм.

Любая другая женщина стала бы носить эту блузку с юбкой такого же цвета, но только не Людмила, а Элизабет-Энн быстро согласилась с ней. Они вместе выбрали шерстяную юбку в складку чуть за колено грязно-белого цвета, модель, поступившую непосредственно из дома моделей Уорта в Париже. До Элизабет-Энн она украшала не худенькую титулованную вдову с Карнеги-Хилл, но несколько липших складок сделали блузку пригодной для ношения. Что же касается жакета, Людмила в очередной раз настояла на

контрасте и выбрала шерстяной жакет сочного вишневого цвета, как только что сорванные с дерева ягоды.

Ушли в небытие крепкие деревенские ботинки с высокой шнуровкой. Элизабет-Энн и девочки носили туфли из мягкой упругой кожи на небольшом каблучке и с ремешком у лодыжки. Теперь она была так же хорошо одета, как и любая матрона из общества, и при этом за малую толику настоящей цены.

Закончив рассматривать себя в зеркале, Элизабет-Энн подобрала сумки, вошла в гостиную и опустила их на кушетку, служившую ей кроватью и прикрытую бежевым мохеровым пледом.

От двери раздался скрежет поворачиваемого ключа.

— Мама! Ты дома?

Жизнерадостный голос словно ворвался в комнату: таким образом Ребекка всегда оповещала о своем приходе. Будучи самой младшей из трех сестер, она еще не страдала от резкой смены настроения, как старшие девочки, уже сражавшиеся с трудной порой взросления. По характеру Ребекка больше всех походила на мать. Она была самой простодушной из детей, меньше всех склонной к вспышкам гнева, никогда не прекословила и была самой чувствительной. Иногда в голове у Элизабет-Энн появлялась невольная мысль, что Ребекка — ее любимица, но когда так случалось, мать старалась отогнать ее.

Элизабет-Энн твердо напоминала себе, что каждого из детей в какое-то время она любила больше остальных. Но на самом деле она любит их всех одинаково.

Эти размышления заняли лишь секунду, и Элизабет-Энн уже раскрыла объятия, приветствуя Ребекку.

— Как дела, дорогая?

Ребекка улыбнулась ей.

— У меня все отлично, — ответила она, задыхаясь после быстрого подъема по лестнице. А потом слова торопливым потоком обрушились на мать: — Регина заставила нас идти пешком до Сентрал-стейшн, но Заккес устал, и нам пришлось нести его большую часть пути, а Шарлотт-Энн жаловалась, что у нее волдыри на пятках... — Девочка перевела дух и продолжила: — Они поднимаются, — и хихикнула. — Регина, Шарлотт-Энн и Заккес поднимаются, — поправилась она, — а не волдыри. Впрочем, они тоже.

Элизабет-Энн рассмеялась и взъерошила девочке волосы:

— Кажется, вы неплохо провели время.

— Просто замечательно! И мы были осторожны, правда-правда. Регина за этим следила. Мы не разговаривали с незнакомыми людьми. И мы видели такие красивые вещи на витрине. А про свитер Шарлотт-Энн сказала, что ей до смерти такой хочется. Но он такой дорогой! — Девочка трагически вздохнула. — Но он бы ей так пошел, мама, честное слово, пошел бы.

Ее глаза так ярко блестели, что Элизабет-Энн еле сдержала улыбку.

— Может быть, ты сможешь показать мне этот свитер, — предложила мать, подумав, что раз Шарлотт-Энн так хочется его приобрести, то она могла бы купить его и припрятать до Рождества. До праздников оставалось чуть больше месяца.

Элизабет-Энн обернулась, услышав топот ног вваливающихся в квартиру детей. Регина несла на руках заснувшего Заккеса.

— Привет, мама, — тихонько сказала она, боясь разбудить малыша.

— Привет, дорогая.

Шарлотт-Энн вошла хмурая, понуриив голову.

— Привет, — пробормотала она сквозь зубы по дороге в спальню.

Элизабет-Энн молча посмотрела ей вслед. Их ссора произошла довольно давно, но девочка продолжала вести себя так, словно они поругались лишь час назад. Она до сих пор оставалась мрачной и ограничивала общение несколькими небрежно брошенными словами.

Пройдет еще немного времени, и трещина в их отношениях исчезнет, в этом Элизабет-Энн была уверена. Но даже эта мысль мало успокаивала ее. Она терпеть не могла стычек, не выносила, когда люди выходили из себя. В такой ситуации слишком много теряешь. И еще больше она ненавидела игру в молчанку Шарлотт-Энн.

«Это не дает боли утихнуть, вот что происходит с Шарлотт-Энн», — сказала она себе.

Ребекка заметила сумки с покупками.

— Ой, мама, ты ходила по магазинам! — возбужденно воскликнула она.

— Да, меня пригласили сегодня на обед.

Ребекка завладела сумками и начала в них рыться. Достав платье, купленное в магазине Зелигмана, она благоговейно присвистнула. Креп цвета беж, гофрированная отделка углом спускается с плеч до бедер, длинные рукава с отложными манжетами, двойная юбка до лодыжек с разрезом. Платье, классическое по своей простоте, воздушное, спадало свободными, красивыми и пышными фалдами. Кроме всего прочего, оно не требовало времени на переделку. Его можно было надеть этим вечером. Только пятнышко у ворота выдавало то, что его уже надевали. Но это легко исправить, приколов брошку.

— Какое красивое, — зачарованно прошептала Ребекка. — А куда ты идешь, мама?

— Деловой визит, — объяснила Элизабет-Энн. — Джентльмен из банка обещал меня познакомить с банкиром, который занимается инвестициями. Вот почему я иду. Я бросаю вас не ради развлечений.

Последние слова прозвучали просительно.

Ребекка уронила платье на кушетку.

— А этот джентльмен, он... красивый?

Мать удивленно взглянула на нее.

— Почему ты спрашиваешь?

Ребекка пожала плечами.

— Так он красивый?

— Не знаю, я об этом даже не подумала.

— Мама?

— Да, дорогая?

— Мы так давно не видели палу.

— Знаю, моя хорошая, — мягко ответила Элизабет-Энн.

— А мы еще *когда-нибудь* его увидим?

— Очень на это надеюсь, — спокойно сказала мать, чувствуя набегающие слезы.

— Я тоже на это надеюсь. — Ребекка помолчала. — Но знаешь, что хуже всего?

Элизабет-Энн отрицательно покачала головой.

— Я не могу даже вспомнить, как он выглядел. — Ребекка повернула к матери лицо с дорожками слез. — А ты ведь помнишь, правда, мама?

Та постаралась улыбнуться, но ее била противная дрожь.

— Конечно же, я помню, дорогая, — подтвердила она. — Конечно, помню.

Но когда Элизабет-Энн крепко прижала дочь к себе и закрыла глаза, то, как бы она ни

старалась, ей никак не удавалось воскресить в душе четкий облик Заккеса Хейла.

Людмила медленно обошла вокруг Элизабет-Энн. Ее строгие пронизательные серые глаза были задумчивы.

— Платье отличное, — наконец сказала она. И предупредила, погрозив пальцем: — Но будьте осторожны с булавками, а то уколетесь.

— Я буду осторожна, — пообещала молодая женщина, благодарная за совет.

Как всегда, Людмила все заметила: где мягкая гладкая ткань собиралась слишком толсто и где она не спадала так, как следовало. Элизабет-Энн знала: менее критичный взгляд и не заметил бы неравномерное распределение складок.

— Туфли так себе, но ничего, сойдут, — медленно проговорила Людмила, будто обращаясь к самой себе. — Но вот драгоценности... — На ее лице появилось выражение отвращения, она помахала рукой в воздухе. — Брошь никуда не годится.

Элизабет-Энн уныло посмотрела на украшение, приколотое ею у ворота, чтобы скрыть пятно. Камея досталась ей в наследство от тетки, и она всегда дорожила ею. Но Людмила права.

— У меня это единственная брошь, — призналась Элизабет-Энн. — А мне надо так или иначе скрыть пятно.

— Не волнуйтесь. Я одолжу вам одну из своих. А какое пальто вы наденете?

Элизабет-Энн кивнула в сторону стула.

— Это? — воскликнула Людмила с ужасом. — Нет. Нет, *нет и нет*. Никогда.

— Но это все, что у меня есть для такой погоды, — запротестовала Элизабет-Энн. — Мне придется его надеть.

— Я вам одолжу свое.

— Оно мне точно не подойдет.

— Почему? Из-за размера? — Людмила явно была оскорблена. — У меня есть шубка, специально для русской зимы, длинная — на мне она достает до земли. Даже рукава слишком длинны. Вам будет в самый раз. Так, а который час?

Элизабет-Энн бросила взгляд на часы, тикающие на камине.

— Он будет здесь меньше чем через пятнадцать минут.

— Пятнадцать минут! — воскликнула Людмила. — У нас нет ни секунды лишней. Я сейчас же вернусь.

Элизабет-Энн покачала головой, когда крошечная пожилая женщина выбежала из комнаты. Господи, что бы она делала без своей русской подруги?

Несколько минут спустя задыхающаяся нагруженная Людмила поднялась вверх по лестнице. Она несла два огромных деревянных ларца с драгоценностями, огромная шуба из настоящей русской рыси волочилась за ней по полу.

— Людмила! — в ужасе воскликнула Элизабет-Энн. — Я не смогу это надеть!

— Вы должны.

— Но только не шубу. Это же...

— Бешеные деньги. Я знаю, — нетерпеливо дернула плечом Людмила в ответ на возражения. — Вы, главное, не волнуйтесь.

— А вдруг я ее потеряю?

— Потеряете? — Людмила вытаращила глаза. — Ни одна женщина еще никогда в моей жизни не теряла свои меха. А теперь... — Она поставила шкатулки на стол. — Мы выберем драгоценности. — Она нагнулась над шкатулками, открыла их и начала в них копаться.

Элизабет-Энн не смогла сдержать изумленный возглас. Людмила всегда жаловалась на нехватку денег, и, если квартиросъемщик не мог заплатить в определенный день, она говорила, что с ней обязательно случится сердечный приступ. Но в двух ларцах хранились поистине королевские сокровища! Бриллиантовые диадемы, нитки рубинов и жемчуга всех размеров и форм, кольца, серьги, браслеты и броши — драгоценности, подаренные адмиралом. Украшения хаотично грудились в шкапулках, нитки жемчуга завязались узлом, отдельным сережкам невозможно было сразу найти пару.

— *Vom!* — неожиданно воскликнула Людмила. — Вот то, что нужно! — Она поднесла брошь к свету. — Правда, красиво? — спросила пожилая женщина, даже не стараясь скрыть удовлетворение. — Ее создал в Петербурге Эдуард Вильгельм Шрамм, работавший у Фаберже. Разве она не произведение искусства?

Элизабет-Энн смогла только молча кивнуть.

— Что же вы стоите? Возьмите! Не бойтесь до нее дотронуться, — проговорила Людмила и сунула брошку в руки Элизабет-Энн.

Та медленно поднесла украшение к лицу. Длинной три дюйма, шириной два, оно представляло собой эмалевый эллипс, обрамленный рубинами и бриллиантами и пересеченный византийским крестом из тех же драгоценных камней.

— Словами такое не описать, — сказала Элизабет-Энн.

— И что дальше? Приколите ее. Нет, дайте, я сама. — Людмила сняла камею и приколотла русскую брошь точно на то же самое место. Потом отступила назад и всплеснула руками. — Восхитительно! А теперь надевайте шубу. — Она подняла ее и помогла Элизабет-Энн одеться.

Да, Людмила была права. Шуба, слишком длинная для маленькой женщины, у Элизабет-Энн спускалась немного ниже колен, а мех на рукавах был вровень с манжетами платья.

— О Господи! — выдохнула Людмила. — Вы сногсшибательны.

Элизабет-Энн повернулась к зеркалу и не поверила своим глазам, такой она выглядела элегантной.

— Я никогда не смогу отблагодарить вас, — тепло обратилась она к Людмиле. — Вы просто моя фея-крестная!

— Нам всем иногда не помешали бы крестные.

Раздался звонок в дверь.

— А теперь вперед, пока ваша карета не превратилась в тыкву!

Элизабет-Энн нагнулась и сердечно обняла ее. Крошечная изгнанница из России привстала на цыпочки и троекратно расцеловала подругу по русскому обычаю: в обе щеки и в губы.

Лестер Лоттомэн улыбнулся Элизабет-Энн.

— Ну вот мы и приехали, — сказал он, когда такси подъехало к стае сверкающих лимузинов, чьи водители собрались маленькой группой на тротуаре.

Женщина посмотрела в окно на городской особняк Хокстеттера и почувствовала, как ее оставляют последние крупинки уверенности. Это был не городской дом, во всяком случае, не такой, какими уставлена Грэмерси-Парк или улицы Гринвич-Вилледж. Этот дом

принадлежал к вымирающей породе настоящих дворцов в миниатюре, когда-то украшавших Пятую авеню. Она еще плотнее закуталась в шубу, по-новому признательная Людмиле за ее щедрость.

Лоттомэн помог Элизабет-Энн выйти из машины, а она все еще благоговейно не сводила глаз с особняка. Три этажа гордо высились над окружающей его оградой из кованого железа. Ступеньки вели к резным двойным дверям первого этажа, обрамленным старинными фонарями. Яркий свет, лившийся из высоких французских окон с закругленным верхом, подчеркивал переплеты рам. До слуха Элизабет-Энн донеслись приглушенные звуки музыки. Они, казалось, спрашивали, как она осмелилась прийти сюда, на встречу с Лоуренсом Хокстеттером. Как могла она просить такого человека помочь ей с вложением капитала, который для него значил не больше — она поняла это только сейчас, — чем потерянная сдача.

Лестер Лоттомэн нервно засмеялся.

— Мы не можем вот так здесь стоять. Мы замерзнем. Давайте все-таки войдем.

Смущаясь, он взял Элизабет-Энн под руку и повел ее мимо ворот, потом вверх по широким чисто выметенным ступеням к парадной двери. Дворецкий сразу узнал его.

— Добрый вечер, мистер Лоттомэн, — сказал он тихо. У него был явный английский акцент, а лицо ничего не выражало.

— Добрый вечер, Бевин.

— Остальные гости в гостиной, сэр. Я полагаю, мистер Хокстеттер ждет вас.

Он поклонился Элизабет-Энн.

— Вы позволите вашу шубку, мадам?

Та лишь крепче сжала пальцами воротник. Ей не хотелось выпускать из виду ценный мех, но потом она напонила себе, что вряд ли внутри она сможет оставаться в шубе.

— Да, спасибо, — ответила Элизабет-Энн, вновь обретая свои манеры.

Бевин взял ее шубу, а она разглядывала холл, где кругом был только первоклассный мрамор: начиная от скульптур, укрывшихся в нишах, до перил лестницы, поднимающейся через три этажа до гигантской застекленной ротонды.

— Сюда, пожалуйста, миссис Хейл, — сказал Лоттомэн, касаясь ее руки.

Он повел Элизабет-Энн через холл, лакей в ливрее открыл перед ними высокие двери. При виде гостиной у нее перехватило дыхание. Стены комнаты покрывали великолепные фрески с изображением древнего Рима, с его ушедшими в прошлое храмами и статуями, вазами и важными павлинами, колоннами, карнизами, нежно-розовыми облаками и румяным закатом. Роспись украшала не только стены, но и потолок, и даже двери, поэтому комната казалась просторной и величественной. Но множество кресел и диванов с зеленовато-золотистой обивкой делали ее жилой, уютной, сводя на нет сходство с музеем. Повсюду расположились композиции из цветов. Бежевый ковер, гармонирующий с цветом ее платья, устилал гостиную от стены до стены. За огромным концертным роялем сидел пианист-негр в смокинге и тихо напевал, наигрывая мелодию Коула Портера.

Но еще более ошеломляющее впечатление производили гости. Элизабет-Энн насчитала двадцать человек, а потом бросила это занятие, сообразив, что продолжать подсчет бессмысленно. Никогда еще ей не доводилось видеть столько красивых пар, элегантных, отлично сшитых смокингов и великолепных вечерних туалетов. А сколько слуг снуют между гостями с серебряными подносами, уставленными бокалами с шампанским, и это в разгар сурового закона.

Элизабет-Энн решила, что это может быть только выдуманый мир Голливуда. Она даже ущипнула себя, чтобы доказать самой себе, что все происходит на самом деле, а не в фантастически закрученном сне. Женщина почувствовала, что она переступила порог другого измерения, иного мира, чьи двери открыты только для самых выдающихся, обладающих политической властью, красивых, благополучных и добившихся успеха.

— Лестер Лоттомэн! Ах ты, *повеса*!

К ним направлялась женщина, затянутая, словно упакованная в футляр, в облегающее серебряное платье. Ей не хватало только русалочьего хвоста. Ее украшали ожерелье и серьги с турмалином и бриллиантами и хищная акулья улыбка.

— З-здравствуй, Марисоль, — Лоттомэн заикнулся настолько мучительно, что Элизабет-Энн посмотрела на него краешком глаза. — Я... я не знал, что ты здесь будешь.

— Я? Я готова была *держат пар*, что ты не придешь!

Женщина перевела взгляд на Элизабет-Энн, потом снова повернулась к Лоттомэну.

— Боюсь, что это *совсем* не понравится Эдит, — сказала она, надув губы. — Нет, *совсем* не понравится.

— Да нет же. — Его кадык нервно дергался. — Эдит у с-своей кухни. Миссис Хейл заинтересована во вложении денег в «Хокстеттер-Стреммель», поэтому я... я подумал, что для нее это лучший способ познакомиться...

— Если нет кота в дому, мыши ходят по столу, да? — Ледяные глаза Марисоль озорно блеснули. — *Очаровательно!* И ты туда же, Лестер! А мы-то все считали тебя унылым синим чулком. Но я сохраню твою тайну. Мой рот *на замке*. Главное, чтобы тебе было хорошо. Представь себе, я встретила этого необыкновенного молодого немца в Ньюпорте, и Хенци последовал за мной в Нью-Йорк. — Она доверительно понизила голос, убедившись при этом, что Элизабет-Энн услышит каждое слово. — Он словно *конь*, клянусь. Во всяком случае, я так боюсь, что он найдет себе выгон позеленее. Я хочу, чтобы ты с ним познакомился. Это заставит его поревновать, а то у него и соперников нет. Так любовь становится пресной. — Марисоль дернула плечиком, сверкнула в улыбке всеми зубами, схватила Лоттомэна за руку и потащила его сквозь толпу гостей. — Это займет не больше минуты, дорогая, — ласково пропела она, обращаясь через плечо к Элизабет-Энн и посылая ей поцелуй.

Лоттомэн обернулся и беспомощно посмотрел на нее. Элизабет-Энн пожала плечами и улыбнулась. С минуту она неловко потопталась на месте, глядя, как его засасывает людской водоворот. Ей было неловко стоять с пустыми руками, и она взяла бокал шампанского с подноса, предложенного лакеем, но чувство пустоты не исчезло.

Многие гости бросали на нее любопытные взгляды, некоторые, не скрываясь, долго и оценивающе рассматривали ее, и Элизабет-Энн ощущала это. Она отвернулась, в тепле лицо ее разгорелось. Женщина чувствовала себя ненужной, одинокой в этом сверкающем фантастическом мире, где она никого не знала и которому она не подходила.

Элизабет-Энн медленно пересекла зал к остановилась около рояля, потягивая шампанское. Время шло, а Лоттомэн все не возвращался. Иногда она ловила его взгляды, обращенные к ней через всю гостиную. Он постоянно оборачивался, ища ее глазами, но женщина по имени Марисоль пока не собиралась оставить его в покое.

— Черт побери, — сквозь зубы выругалась Элизабет-Энн.

Не нужно было ей приходить, она заранее это знала, но теперь ничего уже не поделаешь. Она пришла сюда, чтобы встретиться с Лоуренсом Хокстеттером, одним из

известнейших в стране финансовых чародеев, по мнению некоторых, прекрасным тактиком бизнеса, по мнению других — пиратом. Единственного человека, который мог ее представить, похитили. Ее сомнения росли, но только Элизабет-Энн собралась уже было уходить, как услышала за спиной знакомый сочный баритон:

— Простите, мы с вами, кажется, где-то встречались?

Вздвогнув от неожиданности, она обернулась к говорившему и чуть не пролила шампанское. «Это же *он*, — подумала женщина с ужасом. — Боже милосердный. *Он*».

В нескольких дюймах от нее стоял привлекательный незнакомец из «Савой плаза», приятель Лолы Бори, один из тех, кто доставил столько хлопот. «Мужчина, — напомнил ей тихий внутренний голос, — предотвративший большие неприятности, хотя сам и являлся их причиной». Мужчина, которого ей, как она ни пыталась, забыть не удалось.

Но Элизабет-Энн не прислушалась к внутреннему голосу. Она не могла ни двинуться, ни заговорить, лишь глупо на него смотрела. Ей пришла в голову мысль, что он еще более привлекателен, чем показался ей на первый взгляд. Иссиня-черные волосы зачесаны назад, седина на висках блестит, как начищенное серебро. Держится подчеркнуто прямо, но похож на пантеру, готовую к прыжку. Резкие, но привлекательные черты лица тоже ассоциируются с хищником. Чувственные губы чуть улыбаются. Маленькие бриллиантовые пуговицы на его рубашке насмешливо ей подмигивают. Элизабет-Энн заметила, что в этот раз повязка на его глазу кожаная, а не из ткани, словно кому-то взбрело в голову подчеркнуть его бесшабашный вид.

И она, затерянная в толпе чужих людей, потерявшая своего спутника. Единственный виденный ею ранее человек встречал ее в наряде горничной. Она чувствовала себя, как дешевая самозванка. У нее нет права быть здесь, и сейчас ее выставят.

— Мне кажется, что во время предыдущей нашей встречи вы были одеты иначе, — сказал он, сияя дерзкой синеваой единственного глаза.

Или в его взгляде было презрение?

— Или у вас вошло в привычку с треском проваливать вечеринки?

Элизабет-Энн ошетибилась, словно дикобраз, выставивший все свои колючки.

— Прошу меня извинить... — Она повернулась, чтобы отойти, но мужчина удержал ее за локоть. Незнакомое тепло его пальцев ощущалось сквозь тонкую материю платья.

— Не так быстро.

Она посмотрела вниз, на его руку.

— Я думаю, что вам лучше дать мне уйти, — прошептала она.

Он засмеялся, сверкая белоснежными зубами.

— Один раз я вас уже отпустил, помните? Не уверен, что мне стоит так поступать и на этот раз. Я не привык бегать за горничными.

Кровь бросилась ей в лицо. Как он смеет так оскорблять ее! Призвав на помощь все свое самообладание, она обвела взглядом зал, надеясь найти Лестера Лоттомэна, но его не было видно.

— Я не собираюсь терпеть оскорбления, — холодно ответила Элизабет-Энн.

— Неужели? — спросил незнакомец, отпуская ее локоть.

— Представьте себе.

Она обернулась и посмотрела на него. Их взгляды встретились. Они никак не могли отвести глаз друг от друга, и Элизабет-Энн ощутила, что ее чувства резко изменились, а колени ослабели.

«Почему он так на меня действует? — сердито подумала она. — Почему он выглядит еще красивее, чем тогда? И почему я не могу ему сопротивляться?»

Элизабет-Энн первая отвела глаза и отвернулась, еще раз оглядывая комнату в поисках своего спутника. Но тот как сквозь землю провалился.

— Ищете кого-нибудь? — спросил незнакомец. — Вашего спутника, так я полагаю.

— Вы правильно полагаете, — прозвучал резкий ответ.

Элизабет-Энн старалась больше на него не смотреть. Ее чувства к нему были так сильны, так незнакомы ей и непреодолимы. Как мог незнакомец так наполнить ее ненавистью и... томлением? Да, ей просто надо делать вид, что его нет. Может быть, он тоже оставит ее в покое и уйдет.

— Может быть, ваш спутник бросил вас?

Этого нельзя было спустить.

— Нет, не бросил. Я в этом уверена.

— Могу ли я вам предложить еще немного шампанского, пока вы ждете?

Действительно, ее рука была пуста. В своем замешательстве Элизабет-Энн даже не осознала, что уже поставила бокал на рояль, а проходящий мимо лакей его унес.

— Я... — нерешительно начала она, но передумала и фыркнула: — Нет, благодарю.

— Не смею спорить с вашим решением, особенно во время сухого закона. Это же преступление, сколько здесь льется вина, не так ли? Но, как бы там ни было, вы все еще не сказали мне, что привело вас сюда. Может быть, тоже преступление?

Элизабет-Энн негодуя вскинула голову:

— Я не обязана отвечать вам. Но, если вам так хочется знать, я пришла сюда, чтобы встретиться кое с кем.

— Что вы говорите! И с кем же это?

Она искоса посмотрела на него и торжествующе хмыкнула:

— С мистером Лоуренсом Хокстеттером.

Его брови резко взлетели вверх.

— Вот оно что. Вы, видно, вращаетесь в высоких сферах. Вы лично знакомы с мистером Хокстеттером?

Она почувствовала, что ее раздражение вот-вот вырвется наружу.

— Иначе как бы я сюда попала?

Мужчина оглянулся вокруг.

— Мне кажется, что вы не многих здесь знаете.

Она резко возразила:

— Внешность может быть обманчива.

— Понятно.

Незнакомец убрал с лица сводящую ее с ума улыбку.

— Тогда вы, может быть, окажете мне честь и представите меня некоторым из своих друзей. Например, я был бы счастлив познакомиться во-он с той женщиной.

Элизабет-Энн насторожилась:

— С какой?

— Вот с этой леди в белом и зеленом, — указал он.

Элизабет-Энн тоже посмотрела на нее, самую элегантную среди гостей. Высокий рост, острые скулы, царственный нос и породистое лицо. В ней было что-то от гончей хороших кровей. Черные блестящие волосы женщина собрала в пучок на затылке. Правое запястье

украшал тройной бриллиантовый браслет. Ожерелье из двух ниток очень крупного черного жемчуга обвивало лебединую шею. Прозрачное платье из белого шифона украшали изящно вышитые бледно-зеленые листья.

— Вы, конечно же, с ней знакомы? То есть вы только что сказали мне...

— О! — Элизабет-Энн стиснула кулаки. Она и рассердилась, и испугалась. Самой поставить себя в такое положение перед этим невыносимым незнакомцем. Кроме того, ее никак не назовешь искушенной во вранье, да и маловато она практиковалась в этом искусстве. А сейчас именно ложь представлялась ей единственным путем к спасению. — Конечно, я с ней знакома, — раздраженно ответила женщина.

Незнакомец кивнул.

— Мне она тоже кажется знакомой. Я уверен, что встречался с ней раньше, но не могу вспомнить ее имени.

Элизабет-Энн глубоко вздохнула. Пути назад не было.

— Ее зовут Глория, — быстро сказала она.

Элизабет-Энн еще не поняла, что происходит, а мужчина уже тащил ее сквозь толпу по направлению к незнакомке.

— Что вы делаете? — беспомощно пролепетала она.

— Мы с вами сейчас поболтаем с Глорией.

Они достигли группы, где царила эта женщина.

— Глория... — начал он со смехом.

Женщина с любопытством оглянулась на его голос.

— Лоуренс Хокстеттер, вы хотите сказать, что после стольких лет вы все еще не запомнили моего имени?

Мужчина глуповато усмехнулся Элизабет-Энн. А ей хотелось только одного — провалиться на этом самом месте.

— Извини, Робин, — обратился он к женщине. — Это была всего лишь шутка, причем довольно дурного вкуса. Это все из-за шампанского. Вот эта молодая женщина... — Он взглянул на Элизабет-Энн. — Да она совсем бледная. Ей, наверное, нехорошо. Будь душкой, Робин, отведи ее в дамскую комнату, хорошо?

— Вы просто *ужасны*, — прошептала ему Элизабет-Энн. — Вы нарочно подставили меня...

Но Лоуренс Хокстеттер не обратил на нее внимания. Он сказал Робин на ухо:

— И что бы там ни было, не выпускай ее из виду. Я не хочу, чтобы она ушла ни под каким предлогом. Да, и скажи Бевину, чтобы он поменял карточки на тарелках. Во время обеда она должна сидеть слева от меня.

Робин удивленно округлила глаза.

— Да, пусть она сидит слева, а ты, Робин, сядешь справа.

Удовлетворенно кивнув, Робин поспешила вслед за Элизабет-Энн, прокладывая себе путь через салон, словно сомнамбула, медленно и с достоинством, хотя у нее все дрожало внутри.

Поговорив с Бевинем, Робин отправилась в дамскую комнату, где уже находилась Элизабет-Энн. Она усадила женщину в одно из обитых воощенным ситцем кресел.

— Отдохните несколько минут. Если вам что-нибудь понадобится, скажите мне, я буду рядом.

Элизабет-Энн кивнула и в оцепенении села. Пусть давление немного снизится. Никогда еще не чувствовала она себя такой униженной, такой оскорбленной и такой *рассерженной*.

Закрыв глаза, Элизабет-Энн откинулась на спинку и несколько раз глубоко вздохнула. Ей надо успокоиться и постараться осмыслить ситуацию. В хорошенькую же ловушку она попала. Но нет ни одной проблемы, которую нельзя решить, не поразмыслив над ней как следует. Или есть такая?

— Вам лучше? — спросила Робин.

Элизабет-Энн взглянула на нее и кивнула.

— Отлично. Вы уже не так бледны. — Робин улыбнулась, достала шагреновую пудреницу от Картье, открыла ее, взглянула в зеркальце в золоченой оправе и начала пудриться. — Я бы не стала так расстраиваться из-за Лэрри, — небрежно посоветовала она.

— Почему вы так говорите? — Голос Элизабет-Энн все еще немного дрожал.

— Потому что у него самые ужасные шутки. — Робин критически посмотрела на себя в зеркало и добавила еще пудры. — Ему так нравится разыгрывать людей. Держу пари, что на этот раз он подшутил над вами.

Улыбка у Элизабет-Энн получилась кривой.

— Я сама помогла ему в этом.

— Гм. Это не существенно. Но хочу сказать только одно в его оправдание.

— Что же?

— Он относится ко всем одинаково — к мужчине, женщине, ребенку. И не делает никаких исключений для так называемого слабого пола, — в ее голосе появились тоскливые нотки. — И все же у него неплохо получается, когда он обращается с женщиной, как с леди.

Закончив пудриться, Робин шумно захлопнула произведение Картье, повернулась к Элизабет-Энн и слабо улыбнулась.

— И все-таки мне не понятно, как вам это удалось. Конечно, вы очень привлекательны, но простите мне эти слова, красота недорого стоит. В этом городе полно женщин куда привлекательнее, чем мы с вами.

— Боюсь, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, — удивилась Элизабет-Энн.

— Да полно вам! За последние несколько лет вы первая женщина, сразившая Лэрри.

Элизабет-Энн почувствовала, как кровь прилила к щекам. Она опустила глаза.

— Я уверена, что вы ошибаетесь, — тихо пробормотала она.

— Я? Ошибаюсь? — Робин от души расхохоталась. — Ни за что. Послушайте меня! — Она подошла к креслу, шифоновый шлейф плыл за ней следом, села рядом с Элизабет-Энн и взяла ее за руку. — Когда-то я страстно желала Лэрри. Но женился-то он на другой.

— И до сих пор женат?

Робин отрицательно покачала головой.

— Нет. Но он выбрал ее, а не меня. Потом они очень некрасиво развелись. Все газеты только об этом и писали. Тем временем я вышла замуж, поэтому к тому моменту, как Лэрри освободился, я не была свободна. Теперь мы просто друзья, почти как брат и сестра. Но любим мы друг друга даже больше, чем прежде.

— Но почему же он не *женился* на вас? — Против своей воли Элизабет-Энн увлеклась рассказом. — Почему он женился на той, другой женщине?

— Потому что она предложила ему то, чего у меня не было. Я думаю, что у вас есть то же самое, что он хотел найти в своей бывшей жене. Только Лэрри заблуждался на ее счет. Он довольно долго ее переоценивал. Видите ли, Лэрри больше всего любит тайну. Его всегда

интригуют люди, которые, по его мнению, больше скрывают, нежели показывают окружающим. Чтобы ему было что разгадывать. Но его жена провела его. Она хорошо держалась вначале, хотя он достаточно быстро обнаружил всю ее пустоту.

— И поэтому он с ней развелся? Именно потому, что она перестала быть для него загадкой? — сказанное шокировало Элизабет-Энн.

— Ну, это только часть их проблемы. Основной причиной послужил фильм, в котором она снялась. Лэрри счел его слишком непристойным и постарался скупить все имеющиеся копии. Она дико разозлилась и обвинила его в том, что он де мешает ее карьере и Бог знает в чем еще. В результате она-то и подала на развод.

— Так она была актрисой.

— Да, и очень талантливой. Вы, возможно, слышали о ней. Она недавно покончила с собой.

Холодок пробежал по спине Элизабет-Энн. Ее пальцы беспокойно зашевелились, а голос упал до шепота:

— Это не... — Она огорченно простонала: — Это не могла быть...

— Лола Бори. Она самая. — Робин покачала головой и грустно улыбнулась. Потом хлопнула в ладоши и оживилась: — Ну, хватит сентиментальной болтовни. Нам пора идти. Думаю, что обед вот-вот подадут. Уж я-то хорошо знаю этот дом. И подадут его без нас, если мы не поторопимся.

— Вы идите, — быстро сказала Элизабет-Энн. — И... спасибо.

— За что же это? — удивилась Робин.

— За то, что вы мне рассказали.

— О! Да это все ерунда. Если мы становимся друзьями, то нам не следует *очень* многое скрывать друг от друга. Разве не так? Я имею в виду, что немного тайн — это даже пикантно, но слишком много... — Робин покачала головой, поднялась с кресла и протянула руку Элизабет-Энн: — Пойдемте поедим.

— Я не могу — взмолилась та. — Я должна уйти...

— Ерунда. И слышать об этом не желаю. Вы остаетесь.

— Разве вы не понимаете? Я не могу смотреть ему в глаза. Только не сейчас.

— Почему? Вы все еще смущены его детской выходкой?

Элизабет-Энн молчала. Как ей объяснить, что ее унижение бледнеет в сравнении с тем, что она только что узнала? То, что Лэрри Хокстеттер был мужем Лолы Бори — той самой Лолы, в чьем самоубийстве она не могла хоть частично, но не винить себя, — все изменило. Теперь она знала, что не сможет взглянуть ему в глаза никогда до конца своих дней. Он явно радовался возможности посадить ее в лужу. Как же он должен ее ненавидеть!

Робин неправильно истолковала ее молчание.

— Не сердитесь на него за его шутки, — посоветовала она. — Я ведь уже сказала вам, что он со всеми так обходится. Он не нарочно выбрал вас. Кроме того, рано или поздно Лэрри подойдет и извинится. А вы не упустите такого случая. — И продолжила: — Я не собиралась вам этого говорить, но Лэрри послал меня за вами, потому что ему не хочется, чтобы вы ушли.

— Не могу этому поверить, — с горечью сказала Элизабет-Энн. — Ему просто захотелось еще меня помучить. Я этого не выдержу.

— Все не так, дурочка вы этакая, — ответила Робин со смехом. — Вы его *покорили*. А теперь идите. — Она подняла Элизабет-Энн с кресла и улыбнулась: — Никому не повредит

немного перекусить. И поговорить немножко. Вы это скоро увидите. Ни Лэрри Хокстеттер, ни Робин Морган не считают «нет» ответом.

Элизабет-Энн посмотрела ей в глаза:

— А вы не могли бы принять мое «нет»?

— Боюсь, что не могу. — Робин подтолкнула ее к двери. — Да, и еще одно.

Элизабет-Энн озабоченно подняла брови.

— Если мы собираемся подружиться, а я уверена, что так и будет, почему бы вам не начать доверять мне?

Элизабет-Энн коротко кивнула.

Если бы ей сейчас сказали, она бы не поверила, но именно так началась их дружба на всю жизнь.

Гости уже сидели за столом, когда вошли Элизабет-Энн и Робин. Элизабет-Энн не слишком уверенно смотрела по сторонам. Она была еще в большем замешательстве, чем раньше. Обед задерживался явно из-за их отсутствия.

Робин обернулась к ней и ободряюще улыбнулась.

— Соберитесь с духом, — весело прошептала она. — Мы *должны* быть важными. Если бы опаздывал кто-то другой, они бы уже начали. И, Бога ради, *помедленнее*. Это наш большой выход.

Она задержала Элизабет-Энн, заставляя ее идти медленнее, одновременно озаряя гостей своей царственной улыбкой, в которой не было и тени извинения.

Когда они подошли к столу, Элизабет-Энн заметила только два свободных места — слева и справа от хозяина дома. Да, ей не удастся легко отделаться, в панике подумала она. Лоуренс Хокстеттер постарался сделать так, чтобы она оказалась у него под рукой, живая мишень для града его шуток.

Ей казалось, что она никогда не дойдет до начала стола. В принципе, столовая была рассчитана на тридцать четыре персоны. Но если немного потесниться, а так и было в этот вечер, то за столом умещалось пятьдесят человек, локоть к локтю, но с достаточным комфортом. Так же как и в гостиной, высота потолка достигала двадцати футов, но здесь панели были расписаны так, что создавалось впечатление резьбы по камню, поэтому свод не казался чересчур высоким. Настенная роспись представляла пастухов и пастушек, классические кривоватые оливковые деревья, облака на розовом небе и пухленьких херувимов, резвящихся в воздухе. Под ногами расстилался чудесного рисунка обюссоновский ковер гигантских размеров. Стол шестнадцатого века освещали четыре хрупкие венецианские люстры, сияющие огнем тонких восковых свечей. Пятьдесят похожих стульев принадлежали эпохе Людовика XIV. Китайский фарфор был подлинным, а мейсенский с цветочным рисунком имел золотую кайму, уотерфордский хрусталь соседствовал с массивным серебром времен короля Георга.

Элизабет-Энн не сумела скрыть своего удивления при виде Лестера Лоттомэна и Марисоль, занимающих наименее почетные места почти в самом конце стола. Лестер явно не верил своим глазам, а на лице Марисоль, куда более выразительном, читалась чистой воды зависть.

— Сударыни, — сказал Лэрри Хокстеттер достаточно громко, так, чтобы все сидящие за столом его слышали, — я надеюсь, что мы не заставили вас спешить?

— Не волнуйся, дорогой Лэрри, — заверила его Робин. Она нагнулась, поцеловала его в

щеку и села справа от него. — Я знаю, я ужасно тщеславна. Да и Элизабет-Энн такая же. — Она оглядела стол. — Зато *наши* носы не блестят.

— Действительно, не блестят, — ответил он. — Но наши чуют запах еды. Но я и представить себе не мог, что ты так беспокоишься о косметике, Робин. Лилии не требуется позолота.

— Что касается меня, то мне ее всегда не хватает, — ответила она, и оба вежливо рассмеялись.

Элизабет-Энн вдруг почувствовала, что ее напряжение спало. Никто и не вспомнил о ее поспешном уходе из гостиной. Речь шла только об их опоздании к обеду.

То, что последовало за этим, оказалось самым длинным обедом в жизни Элизабет-Энн, правда, при этом самым элегантным и чарующим. Лэрри Хокстеттер оказался на высоте — заботливый хозяин, прекрасный рассказчик, полный очарования и юмора. Робин прекрасно парировала его остроты, и они отлично друг друга дополняли.

Но Элизабет-Энн все больше и больше жалела свою новую подругу. Робин любила Лэрри, это бросалось в глаза, правда, как и то, что он не испытывал ответного чувства. Во всяком случае, с его стороны речь могла идти всего лишь о симпатии. И все-таки они казались лучшими друзьями, и оба старались втянуть Элизабет-Энн в разговор. Вскоре она уже не жалела, что осталась, и быстро изменила мнение о красивом хозяине дома.

— Лэрри вывозит своих поваров из Парижа, — сообщила Робин, как только подали первое блюдо — омаров в сливочном соусе, украшенных трюфелями, в фарфоровых чашках. — В этой стране им никто и в подметки не годится. Только надо дождаться десерта.

— Почему именно десерта?

— Скоро сами увидите.

И Робин улыбнулась с видом заговорщика.

Элизабет-Энн еда показалась не только превосходной на вкус, но и прекрасно украшенной, не отставала и сервировка. На горячее подали жаркое из телячьих ребрышек. На каждом подносе лежали шесть порций ребрышек, плавающих в собственном соку и украшенных с одной стороны гофрированной розеткой из белой бумаги. По кругу расположился бордюр из картофельного пюре, запеченного до коричневой корочки. Он не позволял соку растечься по всему блюду и попасть на овощи. Внутри бордюра помещались горошек, вершушки спаржи и морковь.

Но Робин была права: именно десерт заслуживал права называться основным блюдом.

— Лэрри посылал своего шеф-повара на Мурано, чтобы тот научился выдувать стекло, — сказала она через стол, когда каждому гостю подали сахарное яблоко, наполненное абрикосовым муссом. Элизабет-Энн изумленно смотрела на свое. Плод в натуральную величину был сделан так искусно, что казался стеклянным. А внутри светился абрикосовый мусс. Ей не хотелось есть его, настолько оно было красивым. Но как только она взяла в рот первый ломтик, удивительный десерт словно живой затрепетал у нее на языке.

Они сидели вдвоем перед камином в комнате наверху. Гости уже давно разошлись, Робин ушла последней. Внизу слуги занимались уборкой. Теперь Элизабет-Энн и Лэрри остались одни.

— Должен сказать, что вы выбрали далеко не самый прямой путь, чтобы познакомиться со мной, — заметил Лэрри. — Почему вы не договорились о встрече и не пришли ко мне в

офис?

— Потому что я не знала, какой минимальный вклад принимает ваша компания. И кроме того... — Элизабет-Энн позволила себе улыбнуться, а в ее аквамариновых глазах блеснула сталь, — я не заинтересована в том, чтобы ваша контора занималась моими делами. Я хочу, чтобы это делали вы лично.

Он отпил коньяк из своей рюмки.

— Вы все хорошенько продумали, так?

— Не совсем. Я новичок в подобных делах. Я просто стараюсь быть осмотрительной.

— А если я решу не заниматься персонально вашими делами, что тогда?

Элизабет-Энн разгладила платье на коленях.

— Не знаю, — не сразу ответила она, потом посмотрела на него: — Что ж, найдутся другие, я уверена.

— Найдутся, — кивнул он. — Таких компаний в Нью-Йорке около дюжины. Но это не «Хокстеттер-Стреммель».

Элизабет-Энн согласно кивнула.

— Я знаю, что для такой компании, как «Хокстеттер-Стреммель», тридцать тысяч долларов не деньги. — Элизабет-Энн помолчала. — Но для меня это сумма.

Лэрри хмыкнул:

— Не позволяйте никому убедить вас в обратном. Это большая сумма с любой точки зрения.

Она удивленно взглянула на собеседника. Он не был таким тщеславным в бизнесе, каким был в своей частной жизни.

— Сказано истинным банкиром.

— Каковым я не являюсь, — подчеркнул он. — Я просто вкладываю деньги других людей, основываясь на догадках, экономических прецедентах, последних достижениях компаний и чистом инстинкте.

— Как вы думаете... — медленно начала Элизабет-Энн и рассмеялась совсем по-детски. — Я знаю, это нечестный вопрос. Но как вы думаете, смогу ли я настолько увеличить свой капитал, чтобы купить отель?

— Делая правильные вложения при хорошей экономической обстановке... Не вижу причин, почему вы не сможете этого добиться. Как только вы накопите несколько сотен долларов, вы сможете начинать понемногу играть, чтобы ускорить процесс накопления.

— Играть? — Она помолчала, потом нахмурилась. — Что это еще за игры?

— Больше рисковать. Играть на разнице в ценах. Купить отель, приобретя закладную. И все в таком роде. Но для начала нам надо просто и осторожно вложить ваши деньги. Деньги делают деньги. Первые сто тысяч всегда достаются тяжелее всего. Также и с первым миллионом.

— Но это относительно... безопасно?

— Достаточно безопасно. Но вся наша жизнь — сплошной риск. Никто вам не даст стопроцентной гарантии в подобных вещах. Не скажи я вам этого, я бы обманул вас.

— А если бы вы были на моем месте? Что бы *вы* сделали?

— В точности то же самое, — хмыкнул он. — Если бы у меня хватило ума найти кого-нибудь, похожего на меня самого.

— Достаточно честно, — согласилась Элизабет-Энн. — Завтра я принесу вам в контору чек на тридцать тысяч долларов.

— Можно сделать еще лучше, — проговорил он, поднимая бокал. — Я заеду за вами на машине, и мы позавтракаем вместе. Вы сможете передать мне чек, и мы это отпразднуем.

Элизабет-Энн улыбнулась:

— Вы всегда все делаете по-своему, мистер Хокстеттер.

— Лэрри, — поправил он с мягкой настойчивостью. — Если мы хотим насладиться дружеским и взаимовыгодным партнерством, вы должны называть меня Лэрри.

— Хорошо, Лэрри.

Она поднялась на ноги и протянула руку:

— До завтра.

Лэрри взял ее руку в свою, пожал и долго не отпускал.

— До завтра. Бевин проследит, чтобы Макс отвез вас домой.

Элизабет-Энн спустилась по лестнице, тихонько напевая.

Лэрри, негромко насвистывая, направился в спальню.

Ни один из них даже не догадывался, что ровно через триста шестьдесят два дня, 29 октября 1929 года, после самого крупного краха на бирже, весь мир будет у их ног.

9

Элизабет-Энн смотрела мимо Лэрри Хокстеттера. Ее взгляд был устремлен в окно на конические крыши и шпили зданий внизу.

С тех пор как они с Лэрри начали завтракать вместе два раза в неделю в отдельном кабинете компании «Хокстеттер-Стреммель» на тридцать седьмом этаже над Семидесятой Пайн-стрит в самом центре финансового мира, она часто, мечтая, смотрела на цитадели банков в Нижнем Манхэттене. Сколько раз Элизабет-Энн пыталась раньше представить себе, как выглядит мир с такой выгодной точки зрения, но ей это не удавалось. Теперь она сама испытала, что значит взлетать на такую высоту, и не единожды, но вкус магической новизны не исчезал. Ей казалось: протяни руку — и коснешься крыш кончиками пальцев. Лишь сейчас она поняла, почему так богато украшены верхушки каменных гигантов. Это не для тех, кто внизу, им все равно не видно, а для тех, кто может любоваться ими с высоты таких же зданий. Мир небоскребов был на самом деле еще дальше от простого человека с улицы. С такой высоты корабли, входящие в гавань и покидающие ее, казались маленькими и незначительными, поток людей напоминал муравейник, а их проблемы казались несуществующими. Важен был только ее бизнес.

За прошедшие десять месяцев совместный ленч превратился в традицию. Они пропустили всего два или три раза.

Элизабет-Энн снова перевела взгляд на Лэрри и улыбнулась ему через стол. Если бы в тот вечер в особняке Хокстеттера кто-нибудь сказал, что за столь короткий срок ее капитал вырастет подобным образом, она бы только громко рассмеялась. Но это было совсем не смешно.

Лэрри отодвинул десерт в сторону и положил бумаги на скатерть. Элизабет-Энн придвинула их к себе и перевернула к себе текстом. Всего четыре страницы. На первом, титульном, листе в центре было аккуратно напечатано:

Секретно

Отчет о ценных бумагах и капиталовложениях

Элизабет-Энн Хейл

по состоянию на 28 октября 1929 года

Она улыбалась в предвкушении цифры, когда переворачивала страницу. Вдруг улыбка застыла на ее лице. На какой-то момент Элизабет-Энн показалось, что машинистка ошиблась. Она вопросительно посмотрела на Лэрри.

Его лицо оставалось непроницаемым.

Элизабет-Энн снова взглянула на страницу. Та же самая цифра словно прыгнула ей в глаза. Меньше чем за год ее тридцать тысяч долларов превратились в... Разве это возможно? Она и представить себе такого не могла.

Пораженная, она снова посмотрела на цифру.

— Сто шестьдесят семь тысяч триста сорок три доллара и девяносто два цента, — медленно прошептала Элизабет-Энн.

«Нет, — решила она, — это, должно быть, ошибка».

Перелистала страницы, водя пальцем по колонкам чисел, отражающим вложения капитала, дивиденды и приобретенные акции. Здесь была и новая горнорудная компания «Хошшу инвестментс» в Северной Дакоте, обнаружившая неделю назад золотую жилу.

Наконец она тяжело вздохнула и закрыла отчет. Ей вдруг показалось, что она не сможет произнести ни слова.

— Это впечатляет, — тихо сказала Элизабет-Энн. — Это даже... *пугает*.

— Если вам кажется, что сумма увеличилась слишком быстро, — объяснил Лэрри, — то это только потому, что вы предоставили мне карт-бланш, чтобы я смог вкладывать деньги сразу же, как увижу выгоду. Иногда маленькая птичка кое-что чирикала мне на ушко. Это случалось не так уж и часто, но если это звучало неплохо, но не настолько хорошо, чтобы оказаться правдой, то я руководствовался моей интуицией. Но ведь это было ваше решение: оставаться в стороне и дать мне возможность самому со всем управляться.

Элизабет-Энн рассмеялась:

— Я очень рада, что поступила именно так.

— И я рад.

— Лэрри... — начала было она.

Но ей пришлось подождать, пока Берти, дворецкий и повар в одном лице компании «Хокстеттер-Стреммель», уберет со стола. Он походил скорее на привидение, чем на человека, но готовил, как ангел.

Улыбнувшись, Элизабет-Энн сказала ему:

— Все было восхитительно.

Берти с достоинством поклонился:

— Благодарю вас, мадам. Кофе?

— Да, пожалуйста.

Он налил кофе из серебряного кофейника на боковом столике и поставил перед ними чашки из прозрачного английского фарфора. От черного кофе поднимался пар.

Как только Берти ушел, Элизабет-Энн занялась своей чашкой. Ее лицо ничего не выражало.

— Я чувствую себя немного виноватой, Лэрри.

— Виноватой? — Лэрри усмехнулся. — Да почему же? Только потому, что честно заработала немного денег?

— Ты знаешь, что не из-за этого, Лэрри. — Она снова нахмурилась. — Все дело в тебе.

— Всегда к вашим услугам, мэм. — Он галантно поклонился.

Но ей было не до шуток.

— Это нечестно, — взорвалась она. — Мой капитал настолько увеличился только потому, что находился под твоим неусыпным контролем. Ты заботился о нем гораздо больше, чем даже требовалось.

— Виноват, мэм.

Элизабет-Энн переплела пальцы и задумчиво поднесла к губам. За эти десять месяцев они с Лэрри стали очень близки. С самого начала он физически притягивал ее, но она изгнала эти чувства в память о Заккесе. И Лэрри увлекся ею. Нет, пламя не погасло, но им пришлось притушить его. Они прониклись уважением друг к другу, пока однажды не осознали, что их дружба переросла в нечто большее. Она любила его, а он ее.

Любовь развивалась медленно, особенно у нее. Но как только Элизабет-Энн осознала это, удар оказался точным и оглушил ее. Лэрри начал приглашать своего делового партнера на обед к себе домой или в ресторан, они ходили в театр. Впервые после бегства Заккеса Элизабет-Энн пригласила мужчину к себе домой, не зная, как девочки примут его. Они его приняли, но сначала было тяжело. Больше всех ее удивила Шарлотт-Энн. С одной стороны, она была счастлива познакомиться с настоящей светской знаменитостью, по слухам, одним из пяти самых богатых людей Нью-Йорка. А с другой стороны, когда Лэрри ушел, именно Шарлотт-Энн повернулась к матери и заявила:

— Он достаточно мил, мама. Мне он нравится, но никто не сможет занять место папы. *Никогда.*

Элизабет-Энн удивленно посмотрела на нее:

— А кто сказал, что у меня подобные планы?

— Это же очевидно, мама. Как только он оказывается рядом, ты краснееешь, а лицо прямо светиться начинает. Когда ты знаешь, что скоро с ним увидишься, ты целый день напеваешь. Это не значит, что я возражаю против ваших встреч. Мне он *нравится*. Но папа все еще где-то бродит, я *знаю*. И я не думаю, что ты должна связывать свою судьбу с кем-либо, пока нам точно неизвестно, что случилось с отцом.

— Дорогая, я не собираюсь связывать свою судьбу с Лэрри. Ты правильно сказала, он милый человек, умный и привлекательный. Но у тебя нет повода для волнений. — Элизабет-Энн слабо улыбнулась. — Я никогда не сделаю ничего такого, что могло бы скомпрометировать мои чувства к вашему отцу.

— Да, мама.

Через день после этого разговора Лэрри пригласил ее в театр, а потом они поужинали у него дома. Еда была легкой, шампанское опьяняло, и им обоим захотелось заняться любовью. Элизабет-Энн долго боролась с собой, потом вырвалась из объятий Лэрри и хрипло произнесла:

— Нет, Лэрри. Это неправильно. Не сейчас. Мы не можем любить друг друга, пока Заккес жив.

Лэрри согласился, и вскоре она ушла. Напряжение между ними стало непереносимым. Они не виделись до следующего традиционного совместного ленча. Сначала возникло ощущение неловкости, но как только он снова пригласил ее куда-то, все встало на свои места. К вопросу близости они больше не возвращались. И даже не целовались. Но их любовь продолжала расти, питаемая, может быть, теми желаниями, которые они подавляли.

Элизабет-Энн снова взглянула на Лэрри через стол. От ответил ей своим обычным спокойным взглядом.

На какое-то мгновение ей стало плохо. Она любит его, сомнений быть не могло. И он любит ее. Но раз он не может доказать ей свою любовь физически, он нашел другой способ сделать это — он все свое внимание уделил ее капиталовложениям. «И все это ради... чего?» — спросила она себя. Он не получил даже поцелуя. Она, Элизабет-Энн, взрослая женщина, живет в Нью-Йорке, достаточно богата, ей выпала редкая возможность полюбить во второй раз. И боится близости с мужчиной, которого... что? Любит? Желает?

Нет, поправила она себя, *не боится*. Да и ощущения ее — не просто вожделение. Она испытывает чувство *вины* за то, что любит другого мужчину, вот и все. А чувство вины возникает от того, что где-то в глубине души она все еще любит Заккеса, все еще любит то, что он собой олицетворяет, хотя и не может четко вспомнить его лицо. Она любит и детей, их с Заккесом детей, живое доказательство их любви. Как только у нее возникают сомнения, она должна просто посмотреть на детей.

Но Заккес ушел, напомнила она самой себе. И она не может позволить детям управлять ее судьбой. Это нечестно. И по отношению к Лэрри, и по отношению к самой себе.

И вот сейчас, сидя лицом к лицу с Лэрри, Элизабет-Энн глубоко вздохнула и тихо начала:

— Лэрри... — Голос ее дрогнул. — Сегодня вечером... — Ее глаза встретились через стол с его единственным бездонным полуночно-синим глазом, и Элизабет-Энн показалось, что ее засасывает бесконечный водоворот. — Давай... увидимся сегодня вечером. Я так долго ждала. Я не знаю...

Он печально посмотрел на нее. Лэрри слишком любил и уважал Элизабет-Энн, чтобы принуждать ее.

— Ты уверена, что хочешь этого? — мягко спросил он. — Совершенно уверена?

Она кивнула:

— Совершенно уверена.

Неожиданно в дверь постучали, и строго одетая женщина средних лет заглянула в комнату.

— Мистер Хокстеттер, — извиняющимся тоном произнесла она, — вам звонит мистер Уортон. Он говорит, что у него срочное дело. Я могу перевести звонок сюда.

— Да, пожалуйста. — Лэрри отодвинул стул, улыбнулся Элизабет-Энн, пересек комнату, взял трубку и некоторое время слушал. Коротко бросив что-то, он повесил трубку, задумчиво сжал губы. Потом он поспешно подошел к столу, взял отчет о состоянии дел Элизабет-Энн и нажал на кнопку селектора. — Мисс Гордон, принесите мне папку, где собраны сведения о моих собственных вложениях. Пожалуйста, побыстрее.

— Что случилось? — спросила Элизабет-Энн. — Что-нибудь не так?

— Не так? Нет, вовсе нет. Кто-то пытается сбить нас с толку, я это чувствую. Явно пахнет жареным. Мне позвонили из «Хошшу инвестментс». Акции полетели вниз, словно сумасшедшие.

— Но... почему? — Элизабет-Энн не сводила с него глаз. — Я думала, что они только что обнаружили новую жилу.

— Которая истощилась. — Лэрри сурово улыбнулся. — Так они утверждают.

— Значит, мы будем продавать? — предположила Элизабет-Энн.

— И да, и нет. Мы будем продавать все, *кроме* акций «Хошшу». Их мы будем покупать. — Лоуренс сжал губы и кивнул, продолжая размышлять вслух: — Что-то затевается. Старый Мэн Каррузерс не дал бы и слову просочиться, если бы жила иссякла,

пока сам бы не продал свою долю достаточно быстро. Но нет, он продолжает покупать. Они, должно быть, натолкнулись на месторождение. Я думаю, что Каррузерс пытается сбить цену, чтобы потом скупить весь пакет.

— Мы тоже покупаем?

— Мы будем из кожи вон лезть, чтобы купить акции до того, как он наложит на них свои жадные ручонки. Продадим все и соберем наличные.

— А... — голос Элизабет-Энн задрожал, — а если ты ошибаешься?

— Тогда, моя дорогая Элизабет-Энн, — весело заявил Лэрри, — нам останется только утопиться. — Он хмыкнул, его лицо засветилось от возбуждения.

Таким Элизабет-Энн его еще не видела. Теперь она поняла, почему он напоминает пантеру.

— Ты иди, — сказал он Элизабет-Энн. — Вечером увидимся. Пока что мне надо поработать. Для тебя и для себя. Я хочу, чтобы к пяти часам у нас с тобой была большая часть акций «Хошшу инвестментс».

В шесть часов вечера Лэрри позвонил Элизабет-Энн домой. Она сама подошла к телефону.

— Fait accompli^[31], — сообщил он. — Поздравляю вас, миссис Хейл. Большая часть акций «Хошшу инвестментс» — уж не знаю, хорошо это или плохо, — теперь в наших руках.

— Мне можно радоваться или об этом еще рано говорить? — осторожно спросила она.

— Пока еще рановато. Но дошедшие до меня слухи вселяют надежду. Каррузерс ждал, пока акции не упадут с восьми с половиной до четырех долларов за акцию. Но я его перехитрил и купил все акции по четыре с половиной. Я слышал, на нем лица нет. Особенно с тех пор, как он начал игру со своими собственными акциями и ждал, не выбросят ли их на рынок другие.

— Значит, он вышел из игры?

— Нет, у него еще немного осталось. Немного, но достаточно для того, чтобы попортить нам кровь.

— Что ж, вроде неплохо.

Это было утверждение, а не вопрос.

— Позволю себе сказать — даже очень неплохо.

— А если... — Элизабет-Энн сумела вовремя остановиться.

На другом конце провода раздался смех:

— А если окажется, что я прав, то сколько ты будешь стоить? Это тебя интересует, верно?

— Ну, я имею в виду, что мне хотелось бы знать, но...

— Если, повторяю, если я прав, то можешь прочесть благодарственную молитву. Ты будешь стоить...

Элизабет-Энн затаила дыхание.

И вдруг Лоуренс резко сменил тему:

— Быстренько одевайся во что-нибудь симпатичное. Сегодня вечером мы будем праздновать.

Она крепче сжала трубку.

— Лэрри! Это нечестно. Ты не договорил.

— Действительно, нечестно. — Он усмехнулся.

— Вот так-то лучше. Скажи мне.

— Хорошо. Но помни, что это игра. Точно будет известно не раньше, чем примерно через неделю.

— Я буду... помнить об этом, — дрожащим голосом пообещала она.

— Что же, вот уже час, как ты *можешь* стоять больше миллиона.

Элизабет-Энн сглотнула и уставилась на телефон.

— Миллион... — выдохнула она.

— Или больше. Или ничего.

— Мне кажется, — медленно проговорила Элизабет-Энн, ошеломленная перспективой потерять или выиграть такой кусок, — я чувствую, что сейчас упаду в обморок.

— Не делай этого, дорогая. Ты всех переполошишь. Ну, ради меня.

— Хорошо, Лэрри.

Когда Элизабет-Энн повесила трубку и посмотрела на себя в зеркало, ее глаза сияли. Будущий миллион уже не казался таким важным.

Он назвал ее «дорогая».

Коляска, запряженная белой лошастью, медленно катилась в темноте под шепот деревьев Центрального парка. Кучер в высокой шляпе расположился на сиденье впереди, а Элизабет-Энн и Лэрри сидели сзади прямо перед сложенным черным парусиновым верхом. Вокруг них огни Манхэттена сверкали и переливались всеми цветами радуги. Город почти окружил их сияющим, как драгоценное ожерелье, кольцом. Над ними темно-синий, словно морская гладь, бархат неба расцветили тысячи бриллиантовых звезд. Они были так близко, что Элизабет-Энн, казалось, могла протянуть руку и набрать целую пригоршню.

Она поуютнее устроилась на жесткой скамейке.

— Можешь себе представить: я не ездила в коляске с тех пор, как уехала из Техаса. Там мы мечтали об автомобилях, а здесь все наоборот. Просто *наслаждение* такая прогулка.

И женщина тихонько рассмеялась.

Лэрри повернулся к ней, его рука обнимала ее за плечи.

Лицо Элизабет-Энн вдруг стало серьезным.

— Спасибо тебе, Лэрри, — мягко поблагодарила она.

— За что? Что я такого сделал?

— За то, что ты понимаешь, как нелегко для меня то, что... ну, то, что мы собираемся сделать. — Элизабет-Энн нервно рассмеялась.

Его рука заставила ее повернуть голову к нему.

— Скажи это, — тихо попросил он. — Здесь нечего стыдиться. Любовь прекрасна. Найди слова.

Элизабет-Энн глубоко вздохнула.

— Ну, заняться любовью, — она застенчиво улыбнулась. — Так лучше?

— Намного.

Лэрри крепче прижал ее к себе, чтобы она почувствовала теплую силу его рук, ощутила его мужественность. Элизабет-Энн положила голову к нему на плечо и мечтательно взглянула в ночное небо.

— На самом деле я хотела поблагодарить тебя за то, что для меня все стало легко. Все было так романтично. Сначала обед при свечах. Теперь эта прогулка в коляске.

Его объятия стали крепче. Полный страстного желания, он наклонился, чтобы

поцеловать ее, и засмотрелся в ее освещенные луной глаза, в эти бездонные аквамариновые озера, наполненные ожиданием, удивительного светло-голубого оттенка, какого ему не доводилось встречать.

— О Боже, да ты же красавица, — изумленно прошептал Лэрри, и его губы чуть коснулись ее лица.

Волна предвкушения подхватила Элизабет-Энн, мурашки пробежали с головы до пяток. Лэрри склонился ниже и крепко прижался губами к ее губам. Она закрыла глаза и потянулась к нему, прижимаясь все сильнее. «Если что-то может длиться вечно, — мысленно взмолилась она, — то пусть это будет этот миг».

— Мне кажется, — спокойно предложил он, согревая дыханием нежную кожу ее щеки, — что нам пора отправиться домой.

Тогда она открыла глаза и взглянула на него с таким безграничным доверием и нежностью, что другой ответ ему и не понадобился.

Его спальня располагалась на втором этаже. Шторы были плотно задернуты. Комната представлялась раем, тихим укромным мирком. Как и внизу, ее стены украшали фрески итальянского художника. Безмолвные архитектурные детали — панели, пилястры, лепнина на потолке — были лишь обманом зрения, но казались настолько реальными, что до них хотелось дотронуться рукой. Огромная кровать притаилась под изысканным зеленым шелковым балдахинном, а спинка, инкрустированная золотом, дополняла ощущение почти осязаемой роскоши.

Но Элизабет-Энн в объятиях Лэрри забыла о том, что ее окружает.

— Какие у тебя красивые волосы, любимая, — нашептывал он, вынимая шпильки из кос, уложенных над ушами. Освобожденные волосы упали, и Лэрри подхватил их почти благоговейно, пропуская пряди сквозь пальцы, словно золотой песок. — Как красиво, — повторял он снова и снова.

Элизабет-Энн тряхнула головой, совсем распуская прическу. Его пальцы добрались до маленьких пуговок сзади на платье.

— У тебя великолепные плечи. — Платье поползло вниз, а Лэрри награбил поцелуем каждое плечо. — Ты и представить не можешь, как я мечтал коснуться тебя.

Он поцеловал ее в губы, и голова Элизабет-Энн стала легкой и пустой. Лэрри вдруг оказался у нее за спиной, неожиданно такой же обнаженный, как и она, мощные бедра касались ее. Ягодицами она почувствовала мощь его вставшего члена. Лэрри нежно поцеловал ее затылок и резко повернул к себе лицом, так что ее груди легли, словно в чаши, в подставленные им ладони, а его пальцы ласкали их, и снова приник к ее губам глубоким поцелуем, как будто пытаясь утолить жажду из источника ее женственности. Элизабет-Энн застонала, откинув голову назад, водопад пшеничных волос окутал ее. Она наслаждалась ощущениями, которые он дарил ей.

— Люби меня, — шепнула Элизабет-Энн. — Люби меня, Лэрри, сейчас.

Он касался ее ушей, быстрые движения языка и легкое дыхание доводили ее до сумасшедшего, все возрастающего экстаза. Его губы двинулись вниз, лаская грудь, прикасаясь к отвердевшим соскам, возбуждая и дразня ее, но не доводя до последней черты. Легко куснув ее пупок, чуть спустился по тугой гладкой коже живота. Когда, наконец, он добрался до укрытого белокурыми волосами холма, она громко застонала и крепко вцепилась в его мускулистые плечи, и взрыв наслаждения сменился набегающими волнами

удовольствия. Элизабет-Энн блаженствовала, она чувствовала себя вознагражденной и настолько парила в небесах, что не была даже уверена, не наступил ли уже конец света.

Без предупреждения Лэрри легко поднял ее на руки и отнес, словно жертву богам, на свою гигантскую кровать под балдахином.

А потом он так мягко опустил ее в море золота и зелени, что она даже ничего не почувствовала. На какое-то мгновение он застыл, не в силах двинуться с места, и только смотрел на нее, раскинувшуюся в ореоле разметавшихся золотистых волос.

Лэрри опустился на колени рядом с ней, и Элизабет-Энн потрясло его пропорционально сложенное тело, каждую черточку которого подчеркивал приглушенный свет ламп. Его влажные пальцы ласкали ее соски. Она выгнулась навстречу этим рукам инстинктивным кошачьим движением, ее торс оторвался от постели, белоснежная шея жаждала поцелуя, губы полураскрылись, обнажая великолепные ровные зубы. Они коснулись друг друга, словно две молнии, и его язык провел черту мучительного наслаждения от пупка до ложбинки между грудями и дальше по шее к уху. Лэрри уткнулся, постанывая, в гладкую впадинку ее плеча, а потом его губы снова двинулись к сокровенному уголку ее тела, затененному колечками волос. Элизабет-Энн судорожно ухватилась за него, но он отвел ее руки в сторону.

— Позже, — шепнул он, — полежи пока спокойно.

Она кивнула и судорожно глотнула. Это была мучительная игра. Еще несколько минут, и Элизабет-Энн уже не могла больше выносить ее. Руки помимо воли вцепились в Лэрри, с губ срывались вздохи и стоны наслаждения. Он стремительно рванулся вниз, обхватил ее и поцеловал. Она чувствовала, что его пенис становится все больше, и вдруг запаниковала, неожиданно испугавшись завершающего акта.

Казалось, он почувствовал ее смятение и поэтому вошел в нее одним сильным, мощным толчком. Потом ритм замедлился. Лэрри ласкал ее снова и снова, пока каждое его движение не стало отзываться в ней все новым всплеском наслаждения. Лэрри погружался в нее раз за разом с отчаянной страстью. Элизабет-Энн вскрикнула, крепко обвила его руками, стиснула бедра, двигаясь с ним в одном ритме. Вдруг он издал глубокий стон, наполнив ее собой. Ее тело задрожало, взрыв удовольствия поглотил все. Лэрри содрогнулся и рухнул на нее, пряча лицо на ее благоуханной груди.

Он прерывисто дышал, и каждый выдох охлаждал ее разгоряченную кожу. Элизабет-Энн долго не могла говорить, и они лежали так, касаясь друг друга телами. Только этого они и хотели.

Наконец он спросил:

— Ты сможешь сегодня остаться? — Его голос звучал приглушенно.

— Я бы очень хотела, но не могу. — Она провела пальцем по его позвоночнику. — Ты же знаешь. Девочки... Предполагается, что я должна подавать им хороший пример, а хорошая мать всегда ночует дома.

Лэрри рассмеялся и повернулся к ней, опершись на локоть.

— В таком случае, — рассудительно сказал он, — пора начинать второй раунд.

Элизабет-Энн посмотрела вниз: удивительно, его член снова был готов к бою. Она хмыкнула:

— Ненасытный мерзавец.

Элизабет-Энн вернулась домой поздно. Два часа уже пробило. Она спокойно поднялась

по лестнице и постаралась как можно тише войти в квартиру. Открыв входную дверь, женщина на цыпочках вошла в гостиную и остановилась как вкопанная. Девочки сидели на кушетке, сна не было ни в одном глазу, но они упорно избегали смотреть на нее. Лица их покраснели от слез.

Элизабет-Энн захлестнула волна стыда и презрения к самой себе. Она переводила взгляд с одной на другую, ее мучило чувство вины. Потом мать опустила глаза. У нее разболелось сердце: такими несчастными они выглядели.

«Значит, они как-то догадались, чем я занималась, — подумала Элизабет-Энн. — Девочки знают, что я обманула своего мужа, их отца. Я должна была об этом подумать, но искушение было слишком сильным. Как мать, я не выдержала испытания».

«Господи, прости меня», — мысленно взмолилась она.

— Девочки... — хрипло прошептала Элизабет-Энн.

Шарлотт-Энн и Регина толкнули сестру, заставляя ее подняться. Как всегда, от имени всех будет говорить Ребекка.

Дрожащими руками девочка протянула матери два листка бумаги. Письмо.

— Я... Я думаю, тебе лучше сесть, мама, — проговорила она, заливаясь слезами.

Элизабет-Энн взглянула на письмо и узнала мелкий, такой знакомый почерк мужа. Она даже не сразу поверила своим глазам. После стольких лет молчания — и вдруг весточка. И именно сегодня вечером. Но прежде, чем чувство вины затопило ее, она начала читать, и слова причинили ей боль, обжигшую душу.

«Моя дорогая жена и любимые дети!

Я знаю, что это письмо, пришедшее из небытия, станет для вас ударом. После стольких лет молчания это все, что я могу послать вам. Это огорчает меня. Когда вы его получите, благодарение Богу, все уже будет кончено. Да это и к лучшему. Вы должны доверять мне и верить всем сердцем.

Я пишу из Техаса, но вернулся я туда несвободным человеком. Пишу вам из тюремной камеры. Прошлому все-таки удалось до меня дотянуться, хотя я долго от него убегал. Прошу вас, поймите меня, когда я говорю, что это принесло мне облегчение, что я почти благодарен, ведь гонка закончилась. Она ничего мне не дала, потому что я был вдали от вас.

Меня приговорили к смерти. Я знаю, как нелегко прочесть эти слова, но, пожалуйста, поймите, насколько я *благодарен*. Наконец-то я буду свободен, впервые за долгое, долгое время. Начальник тюрьмы — хороший человек, он пообещал мне не отправлять письмо до тех пор, пока приговор не приведет в исполнение. Я боялся, что иначе вы приедете сюда. А моим последним желанием было уберечь вас от мучительного прощания. Это моя последняя воля и, пожалуй, единственное, что я могу для вас сделать. Прошу вас, простите меня за мое долгое молчание. Этим письмом я не хотел причинить вам горе. Пожалуйста, примите то настроение, с которым оно написано. Я люблю тебя, дорогая моя жена. Все годы, когда я прятался и убегал, я по-прежнему любил тебя. Именно любовь поддерживала меня, и лишь она хоть как-то облагораживает мой недостойный конец. Только ты и наши дети имели и имеют значение.

Дорогая, ты молода и красива. А юность, говорят, легче переносит удары. Пусть так и будет, ради меня. Я не хочу, чтобы мои усилия пропали даром. Теперь, когда ты знаешь мою судьбу, взгляни на это, если можешь, *моими* глазами. Наконец-то мы оба получим свободу. Наше прошлое осталось позади. Я могу остановиться, а ты можешь построить свою жизнь

по-новому. По-новому и *лучше*. Не отгораживайся от мира стеной. Ты можешь еще подарить столько любви, счастья и смеха. Я только надеюсь, что ты сможешь соединить свою судьбу с мужчиной, более достойным твоей любви, чем я. Как бы ты ни поступила, только не грусти обо мне. Не проливай слез. Я знаю, что ты делала это все эти годы. Если бы совесть позволила мне, я бы вовсе не стал писать эти строки, чтобы уберечь тебя от еще большего горя, но ты *должна* узнать, что произошло, и стать в конце концов свободной, снова полюбить, начать жизнь сначала. Сделай это, дорогая, ради меня. Иначе моя смерть будет бесполезной, а мне невыносимо так думать.

Помни только одно. Я не печалюсь. Как может грустить человек, оставляющий после себя единственное, что имеет значение, — прекрасную семью? Это мое завещание, и только оно успокаивает меня и дает мне смелость вынести последние часы.

Чего еще может желать человек?

Всегда любящий вас, ваш муж и отец,

З.».

* * *

Лицо Элизабет-Энн посерело.

Ее жизнь, все, ради чего она жила и что любила, казалось, рушится у нее на глазах.

Заккес, ее муж. Отец ее детей. Ложно обвиненный. Заккес мертв.

Неужели такое возможно? Разве можно казнить человека за преступление, которого он не совершал? Действительно ли жизнь его кончилась? При их последней встрече он был так полон жизни, тепла. Неужели эти листки бумаги — последнее, что она получила от него?

Комната поплыла у нее перед глазами, лица детей кружились все быстрее и быстрее, пока все не поглотила темнота. Элизабет-Энн потеряла сознание.

Это случилось за полночь, в пятницу утром, 29 октября 1929 года. Всего за несколько часов рынок ценных бумаг рухнул и началась Великая депрессия.

Беда коснется всей Америки, но это не будет беспокоить Элизабет-Энн довольно долго. Личное горе заслонило все. Потерять деньги — одно, а неожиданно потерять любимого человека — совершенно другое.

10

Мир сошел с ума. Ее жизнь пошла под откос.

Словно смертельно раненное животное, Элизабет-Энн забилась в свою нору и перестала действовать. Она безучастно лежала на своей кушетке, полуодетая, прикрытая шерстяным пледом, и отказывалась вставать. Все происходило так, будто она болела. И Элизабет-Энн действительно болела. Она чувствовала себя так плохо, как никогда в жизни. Но только от этой болезни ее не могли вылечить лекарства, прописанные доктором. Заккес умер, и что-то в ней умерло вместе с ним. В тот момент, когда она прочла письмо, земля перестала вращаться и остановилась. Больше не существовало секунд, минут, даже часов и дней.

Элизабет-Энн совершенно ушла в себя, неспособная общаться даже с детьми, а те заперлись в своей комнате, такие же несчастные и печальные, как и она. Но дети могли хотя

бы плакать. А ее боль терзала и мучила душу. Горе ощущалось физически и настолько захватило всех, что даже маленький Заккес, еще не понимавший, что произошло, инстинктивно почувствовал, что что-то не так и мама совсем не похожа на себя. Он стал таким же тихим, погруженным в себя, как и Элизабет-Энн, с одной только ничтожной разницей — мальчик испугался.

Прошли два дня и ночь. Горе девочек не уменьшилось, но они начали двигаться, словно зомби. Это был первый шаг, пусть небольшой, на долгом пути к тому, чтобы справиться с несчастьем и принять трагедию, захватившую их.

Элизабет-Энн все еще оставалась в состоянии такого глубокого шока и настолько ни о чем не беспокоилась, что это была почти кататония, хотя, может быть, и не совсем соответствующая медицинскому описанию. Она не могла принять решения и не чувствовала, чтобы страдание, пронизывающее ее так глубоко, утихло. Женщина осознавала происходящее вокруг, но все казалось сном. Она понимала, что сейчас как никогда нужна детям, но первое время у нее не было сил справиться с собой. Ее собственная боль была такой невыносимой. Элизабет-Энн смогла лишь воздвигнуть невидимую стену между собой и миром, и никому, казалось, не удавалось проникнуть сквозь нее. Прошедшие дни исчерпали запас ее жизненных сил. Ей не на что было больше рассчитывать.

Прошло еще три дня, и стойкость молодости стала более очевидной. Девочки все еще переживали и иногда начинали плакать, но постепенно автоматически принимались что-то делать. Регина приготовила еду, и все по очереди попытались накормить мать. Но Элизабет-Энн оставалась безучастной. Она не проглотила ни кусочка.

Девочки с беспокойством переглянулись.

Уже пять дней она голодала.

Людмила начала волноваться.

Она не могла вспомнить дня, чтобы к ней не зашла Элизабет-Энн или Людмила не поднялась к ней. Но вот уже какое-то время о Хейлах ни слуху ни духу. Она знала, что они дома, — ей были слышны шаги в квартире наверху. Бесчисленное количество раз Людмила намеревалась подняться к ним, но что-то останавливало ее. Интуитивно она чувствовала, что Элизабет-Энн и девочки хотят, чтобы их оставили в покое. Какая бы причина ни заставила их запереться в четырех стенах, она была уверена, что это нечто сугубо личное. Но ее задевало, что они не пытаются поделиться с ней своими сердечными горестями. И все-таки она уважала их потребность в одиночестве.

Но дни шли за днями, а Элизабет-Энн все не появлялась, и лестница не дрожала по утрам под ногами девочек, идущих в школу. На мягкое лицо Людмилы легла печать озабоченности. В волнении она ходила по своей квартире из угла в угол.

«Это совершенно не похоже на Хейлов, — сказала она самой себе. — Настолько не в их характере. Что же там могло случиться?»

Вдруг у нее мелькнула ужасная мысль. Сегодня суббота, вторая суббота месяца, день, когда Элизабет-Энн должна платить за квартиру. Она никогда не задерживала выплату. А вдруг... а вдруг она потеряла все свои деньги во время краха на бирже? Людмила медленно опустилась в кресло, глубоко задумавшись. Не она ли, Людмила Ромашкова, предложила Элизабет-Энн вложить деньги? Не она ли посоветовала первым делом найти того, кто подскажет, куда вложить деньги? А что, если данный ею с добрыми намерениями, но не вовремя совет полностью разорил подругу?

У Людмилы закружилась голова, она закрыла глаза. Кто может заглянуть в будущее? Кто мог предугадать, что такое несчастье обрушится на страну и проглотит не одно состояние? Если ее худшие опасения оправдаются и Элизабет-Энн действительно осталась теперь без гроша, то в этом есть и ее, Людмилы, вина. Как-нибудь она подруге поможет.

Да, Элизабет-Энн горда. Причиной ее затворничества может быть то, что она не в состоянии заплатить за квартиру.

Она могла потерять все, что имела.

А может быть, Элизабет-Энн настолько раздавлена потерей, что даже не может справиться с этим или взглянуть в лицо женщине, предложившей ей вложить деньги?

И что хуже всего, она может подумывать о самоубийстве.

Каждый день газеты пестрят сообщениями о десятках людей, потерявших состояние или сбережения всей жизни, застрелившихся, отравившихся газом или вскрывших себе вены.

При мысли об этом Людмилу охватил холодный ужас. Она вскочила на ноги, не имея больше сил сидеть и ждать. Людмила знала: наверху произошло что-то страшное. Элизабет-Энн, девочки и маленький Заккес были для нее чем-то большим, чем простыми квартирантами. Они стали ее друзьями. Они были ее *семьей*.

Людмила поднялась по лестнице, чтобы выяснить раз и навсегда, что же случилось.

Сначала Людмила тихонько постучала в дверь и услышала движение в квартире, потом приглушенный голос одной из девочек, предположительно Ребекки, но наверняка сказать было трудно. Когда к двери никто не подошел, Людмила постучала громче, потом еще громче и, наконец, ударила в дверь ногой.

Остановившись, чтобы перевести дух, она услышала скрип половицы, увидела силуэт, заслонивший тусклый свет, пробивающийся из-под двери, и ей показалось, что кто-то разглядывает ее в глазок.

— Это я, Людмила, — сказал она, надеясь, что ее голос звучит весело.

Снова скрипнули половицы, и до ее слуха донеслось перешептывание. Наконец дверь открылась настолько широко, насколько позволяла цепочка. Показался огромный глаз Ребекки.

— Ребекка! Слава Богу, с вами все в порядке... — Голос Людмилы сорвался. Женщина вдруг нахмурилась.

Ребекка всегда такая жизнерадостная, сияющая, а сейчас глаза ее припухли и казались безжизненными.

— Привет, тетя Людмила, — тихо отозвалась девочка.

— Привет, Ребекка, — произнесла Людмила, приподняв от любопытства бровь. — Как я рада тебя видеть. Можно мне войти? Я хочу поговорить с вашей мамой.

— Она никого не хочет видеть.

Ребекка начала закрывать дверь.

— Подожди. — Людмила быстро просунула ногу в щель между дверью и косяком. Гордо выпрямившись, насколько позволял ее рост, она заговорила своим командным голосом: — Я требую, чтобы ты немедленно открыла дверь.

Ребекка колебалась. Ее сестры вряд ли послушались бы, но она была еще достаточно мала и выполнила приказ старшего. Девочка угрюмо кивнула, подождала, пока Людмила уберет ногу, закрыла дверь, сняла цепочку ипустила Ромашкову. Та бросилась через порог с криком:

— Элизабет-Энн! Элизабет-Энн!

Она поспешила в темную гостиную, как вдруг ей под ноги что-то попало. Раздался треск, Людмила глянула вниз и с отвращением отвернулась. Она наступила на столовую тарелку с засохшими остатками еды. Еще не веря своим глазам, Людмила нахмурившись оглядела комнату, где обычно царил образцовый порядок. Шторы не раздвигали, воздух застоялся. На полу валялась одежда. Грязные полотенца и немые стаканы загромождали стол. Это было настолько не похоже на Элизабет-Энн, чья чистоплотность граничила с набожностью.

Потом Людмила разглядела свою подругу, безжизненно лежащую на кушетке, и затаила дыхание. Элизабет-Энн смотрела прямо на нее, но женщина поняла, что аквамариновые глаза ничего не видят. Они смотрели как будто сквозь нее. В ужасе она заметила, насколько измождена Элизабет-Энн.

Людмила подошла к кушетке и присела на краешек.

— Вы больны? — негромко спросила она. Когда Элизабет-Энн не ответила, она коснулась ладонью ее лба. — Жара нет. — Медленно Людмила опустила руку и взглянула на подругу.

Голова Элизабет-Энн безвольно упала набок, она продолжала смотреть в никуда.

Людмила нагнулась ниже.

— Я сейчас вернусь, — пообещала она, похлопав Элизабет-Энн по плечу. — Не волнуйтесь, я вызову врача.

Впервые Элизабет-Энн проявила признаки жизни.

— Нет, — прохрипела она, — не надо врача.

Людмила посмотрела на Ребекку, которая шаркая приближалась к ней. Вид ребенка поразил ее в самое сердце. Она осторожно потрясла Элизабет-Энн:

— Что случилось? — В голосе Людмилы звучала тревога. — Это из-за денег? Вы потеряли ваши деньги во время краха на бирже?

Элизабет-Энн закрыла глаза.

— Пожалуйста, — прошептала она умоляюще, — оставьте меня в покое. Это все, о чем я прошу.

— *Нет.* Мы друзья. Или вы об этом забыли? — напомнила Людмила. — Если что-то случилось, я имею право помочь.

— Никто не может помочь, — вздохнула Элизабет-Энн. — Даже Господь Бог. Никогда.

Людмила внимательно посмотрела на Ребекку. Та торжественно кивнула.

— Ради всего святого, что здесь случилось? — воскликнула Людмила.

Не говоря ни слова, Ребекка пожала плечами и отошла, присоединившись к Регине и Шарлотт-Энн, стоявшим на пороге спальни. Все они смотрели на Людмилу почти с тем же выражением, которое было написано на лице Элизабет-Энн. Что же могло произойти, отчего все так угрюмо? Людмила ничего не понимала.

Вдруг маленький Заккес оттолкнул сестер и вбежал в гостиную. Он прижался к Людмиле, уткнулся лицом в ее колени и начал громко всхлипывать.

Одной рукой Людмила гладила малыша по голове, а другой отыскивала руки Элизабет-Энн. Коснувшись их, она задохнулась: безжизненные пальцы и ладони холодные, как лед. Людмила поняла, что она может никогда не узнать, отчего Элизабет-Энн и дети в таком плачевном состоянии. Да, вконец концов, это и не ее дело. Если Элизабет-Энн захочет когда-нибудь поделиться с ней, ради Бога! Не захочет, ну и не надо. Сейчас у нее и так много

дел. Прежде всего надо вывести семью из состояния подавленности и уныния.

Людмиле были знакомы такие кризисы, она неоднократно их переживала и умела с ними справляться. В таком случае необходимо действовать.

Она резко встала, подошла к окну и отодвинула занавески. Сияющий солнечный свет ворвался в комнату. Людмила как можно шире распахнула окно, и неожиданный поток воздуха показался опьяняюще свежим.

Женщина повернулась к девочкам и хлопнула в ладоши.

— А теперь, — провозгласила она голосом, не терпящим возражений, — мы все примемся за уборку. Здесь отвратительный беспорядок. Ты, Регина, берись за веник. Шарлотт-Энн, вооружайся шваброй. Ребекка, помоги мне навести порядок.

Девочки переглянулись, словно подавая знак друг другу. Медленно, почти неохотно, но они послушались.

Людмила поспешила вниз, порывшись в шкафу, обнаружила свой старый, самый старый шарф от Гермеса и повязала им волосы. Несколько часов она работала рядом с девочками, чистила, полировала и вытирала пыль. Это оказалось хорошим лекарством: девочки даже начали тихо переговариваться. Разговор нельзя было назвать оживленным, но все-таки это было начало.

— Я есть хочу, — наконец пожаловался Заккес.

Людмила перестала мыть окно и задумалась. Она была все время слишком занята, чтобы понять, что проголодалась. А сейчас, стоило ей об этом подумать, как в животе тут же заурчало.

— Я иду на кухню, — объявила Людмила, отложив тряпку. Она сходила к себе и вернулась с очень небольшим количеством продуктов. Пока девочки продолжали уборку, она занялась едой. У нее еще ничего не было готово, как в дверь забарабанили.

— Кто-нибудь, откройте дверь! — крикнула она через плечо. — Я на кухне, готовлю. — Людмила опустила ложку в горячую овсянку, поднесла ее к носу и критически принялась. По ее мнению, пахло просто замечательно. Это была не простая фабричная овсянка, а дорогой ирландский сорт, более грубый, который она считала настоящим лакомством. Она не заметила лиц девочек и их тяжелых вздохов, когда они зашли взглянуть, что готовит тетя Людмила.

В дверь снова постучали, еще громче и настойчивее.

Нахмурившись, Людмила вышла в холл и распахнула дверь.

— Это вы, — проворчала она.

Лэрри Хокстеттер с удивлением посмотрел на нее. Ему не удалось сдержать смех. Людмила выглядела на удивление странно в своем старом парчовом платье, потрепанной шали на плечах, малахитовое яйцо Фаберже украшает шею, а волосы повязаны старым шарфом. Она выглядела одновременно как маленькая императрица и как последняя посудомойка.

— Ну и что здесь смешного? — прошипела женщина.

Лэрри постарался согнать улыбку с лица.

— Нет, совершенно ничего, — с трудом выдавил он.

— И нечего стоять здесь как идиоту, входите.

— Благодарю вас, мадам, — снимая шляпу и склоняясь в поклоне, сказал он. — Ничто не может сравниться с приветливым приемом, особенно когда его оказывает красивая женщина.

Людмила угрожающе замахнулась на него ложкой:

— Вам бы, молодой человек, лучше попридержаться язык. — Она сурово на него взглянула. — Долго же вы собирались зайти с визитом.

— Я звонил, наверное, сотню раз. Но никто не отвечал, и я решил, что никого нет дома.

Вдруг он нахмурился, принюхался и сморщил нос:

— Господи! Чем это так ужасно пахнет?

Людмила выпрямилась во весь рост.

— Это, *monsieur*^[4], запах еды, которую я готовлю, — ядовито парировала она. — Не нравится, можете не есть.

— Простите мне мою ошибку. Виноват. Конечно же, неприятный запах идет снизу, а я подумал, что отсюда. А *этот* запах, — Лэрри сделал вид, что принюхивается, — совершенно восхитителен. Честное слово. — И Хокстеттер улыбнулся Людмиле.

Ее лицо смягчилось.

— Почему вы так долго? — заговорщически прошептала она. — Я звонила вам почти пять часов назад.

— Я думал, заседание никогда не кончится. Мне удалось вырваться из банка всего пятнадцать минут назад.

— Я надеюсь, что вам удастся что-нибудь сделать. Никто не говорит, что случилось, но вся семья ведет себя так, словно конец света уже наступил.

Лэрри повесил на вешалку пальто и шляпу и достал из нагрудного кармана толстый пакет. Помахав им в воздухе, он сказал:

— Это обязательно поднимет ее на ноги. Вот увидите.

Людмила с сомнением посмотрела на него:

— Надеюсь. Она все еще лежит там и молчит.

Людмила проводила Лэрри в гостиную. Когда он увидел Элизабет-Энн, у него мороз прошел по коже. Но Людмила ободряюще улыбнулась и жестом предложила ему подойти поближе. Она заметила, как быстро изменилось выражение его лица. Веселое, хорошее настроение сменилось глубокой озабоченностью.

— Элизабет-Энн, — позвал он полным заботы голосом, подойдя к кушетке. — Дорогая, что случилось?

Она взглянула на него. «Нет, она смотрит не на меня, — с болью подумал он, — а *сквозь* меня».

— Что происходит, любовь моя? — негромко спросил Лэрри, коснувшись рукой ее щеки. — Что с тобой, ты больна?

Ее губы слабо шевельнулись, и ему пришлось нагнуться еще ниже, чтобы разобрать ее слова.

— Ты все-таки жив, ты не умер, — прошептали потрескавшиеся запекшиеся губы, и она успокоенно закрыла глаза.

Лэрри дотронулся пальцами до ее сухого рта.

— Господи, да ты же совсем обезвожена. — Он обернулся и крикнул: — Кто-нибудь, принесите воды и положите побольше сахара.

— Я не хочу пить, — еле прошептала Элизабет-Энн.

— Нет, хочешь. И выпьешь все, что я тебе дам.

— Оставь меня в покое, — взмолилась она. — Никто не хочет оставить меня в покое.

— Сначала ты выпьешь, а потом я оставлю тебя в покое, договорились?

Элизабет-Энн слабо кивнула. Шарлотт-Энн принесла чашку воды. Лэрри взял ее, приподнял голову Элизабет-Энн, помог ей сесть и поднес чашку к губам:

— Пей.

Она подчинилась, словно ребенок, тяжело больной ребенок, потерявший последние силы. После того как чашка опустела, Лэрри осторожно помог ей опуститься на подушку. Он встал и жестом приказал девочкам выйти за ним на кухню.

— Что-то произошло, — сердито прошептал он. — Я еще никогда никого не видел в таком...

Его взгляд упал на темную булькающую овсянку.

— Вы собираетесь есть *это*? — недоверчиво спросил он.

— А для чего, по-вашему, это готовится? — спросила Людмила с порога.

— Все оставайтесь здесь. Я хочу поговорить с вами, но сначала мне нужно позвонить.

Он вернулся в гостиную и назвал телефонистке номер своего городского дома.

Бевин, невозмутимый дворецкий, снял трубку после второго звонка. Лэрри приказал ему соединить его с кухней. Через секунду ответил шеф-повар.

— Марсель? Это мистер Хокстеттер. Сколько времени вам нужно, чтобы приготовить праздничный обед? Час? Нет, я не могу вам дать столько времени. У вас двадцать минут. Все должно быть горячим и питательным. И побольше фруктов и овощей. Не забудьте что-нибудь сладкое. Уложите все в корзины для пикника. Я пришлю за ними Макса с машиной. И пусть кто-нибудь придет сюда вместе с ним.

Скрестив руки на груди, Людмила с уважением наблюдала за ним из кухни своими серыми глазами. «Ах, — мечтательно подумала она, — совсем как в былые дни в России. Федор поступил бы точно так же, упокой Господи его душу».

Лэрри спустился вниз отдать распоряжения шоферу, потом снова поднялся в квартиру и вошел в кухню, где его ждали Людмила и девочки.

— Ну? — спросил он. — Кто-нибудь скажет мне, что довело вашу мать до такого состояния?

Девочки избегали его взгляда.

— Я жду.

Ребекка судорожно глотнула.

— Мы... мы не можем вам сказать, — проговорила она дрожащим голосом и зарыдала. — Это слишком ужасно! Слишком ужасно! — Девочка бросилась к Людмиле, и та обняла ее.

Лэрри вздохнул.

— Как хотите. Только помните, если вам захочется с кем-нибудь поговорить, я к вашим услугам в любое время. Хорошо?

Регина и Шарлотт-Энн молча кивнули.

Он пошел обратно в гостиную и присел на краешек кушетки.

— Элизабет-Энн!

— Ты обещал оставить меня в покое, — чуть слышно произнесла она.

— Ты должна кое-что подписать.

Элизабет-Энн кивнула:

— Хорошо.

Он достал бумаги из конверта, развернул их и протянул ей ручку.

Элизабет-Энн не протестовала и даже не спросила, что это за документы. Она склонно

поставила подпись и вернула ручку.

— Готово. А теперь, пожалуйста... — взмолилась она. — Ты получил все, за чем приходил.

Лэрри перелистал страницы.

— Ты должна поставить свои инициалы на каждой странице.

Она безучастно выполнила его просьбу.

— И еще здесь, где вносились изменения.

Он сложил бумаги и положил рядом с ней.

— Ты даже не спросила о своих деньгах.

— Не спросила.

— Если мне не изменяет память, мы не разговаривали после той черной пятницы. Ты не хочешь узнать о состоянии твоих дел?

Элизабет-Энн угрюмо покачала головой. Ей было все равно.

— Послушай меня, — в его голосе появилось возбуждение. — Наша игра удалась. — Наша игра удалась. Там действительно оказалось месторождение. Оно даже больше, чем я мог надеяться! По чистой случайности мы продали все наши акции за несколько дней до того, как они превратились в бесполезные бумажки. Но на шахту кризис не влияет.

Ты теперь, наверное, стоишь миллионы. *Миллионы*. — Лэрри нахмурился: — Ты слышала, что я сказал?

— Миллионы.

Ее голова упала набок, а взгляд устремился в пространство.

Он осторожно, но твердо потряс ее:

— До тебя дошло хоть одно слово из того, что я сказал?

— Что-то о миллионах. Ты потерял миллионы.

От отчаяния его глаз стал круглым, и он еще сильнее потряс ее, словно стараясь разбудить.

— Да будешь ты меня слушать или нет, черт возьми? *Никто* из нас не потерял ни *гроша*. Мы стоим больше, чем раньше.

Она моргнула:

— Я не понимаю.

— «Хошпу инвестментс». Помнишь?

Элизабет-Энн пожала плечами:

— Ты хочешь сказать, что все пропало. Теперь это не имеет никакого значения.

— Ничего *не* пропало. — Он засмеялся. — Ты настоящая миллионерша в двадцать четыре карата.

— Что толку иметь деньги, если банки закрылись?

Лэрри снова засмеялся:

— Банки! Да кто думает о банках? Мы говорим о *золоте*. Прекрасном, желтом золоте, какое и Крезу не снилось! Сначала я боялся, что жила окажется слишком маленькой. А вдруг в ней всего несколько дюймов ширины, и все? Но все оказалось не так. У нас сорок восемь унций^[5] чистого золота на каждую тонну.

— Что?

Выражение ее лица изменилось. Ей потребовалось много времени, чтобы осознать его слова, но она их все-таки поняла.

— Протяни руку, дорогая. У меня есть кое-что для тебя.

Она раскрыла ладонь.

— Посмотри-ка. — Лэрри достал из кармана что-то, выглядевшее как грубые булыжники, и вложил ей в руку. — Там таких очень много.

Элизабет-Энн поднесла камни к лицу, и у нее перехватило дыхание. Грубые, но блестящие золотые самородки. Она смотрела на них, загипнотизированная желтым богатством, в течение веков очаровывавшим человечество.

— Ты хочешь сказать... — и голос подвел ее. Это было недоступно ее пониманию. — Мы правда ничего не потеряли?

— Потеряли? Да нет же, черт побери! Нас, вероятно, всего двое на всю страну, не проигравших в этой игре.

— Но... как же такое может быть?

— Ты поверила мне, и я сыграл. И мы выиграли.

С ее лица сходило потерянное выражение, а мысли роились у нее в голове. Заккес ушел навсегда. Его жестоко убрали с этой земли, и с этим ничего нельзя поделать.

Но Лэрри жив. И не только жив. Он с ней рядом, здесь, сейчас. Благодаря ему ее состояние не потеряно. Если он говорит правду, то она разбогатела. Стала такой богатой, что сможет осуществить свои мечты. Может ли такое быть? Неужели судьба решила, что, отняв Заккеса у нее и детей, поступила и так достаточно жестоко?

— А теперь взгляни на подписанные тобой бумаги, дорогая, — негромко сказал Лэрри, на его губах играла загадочная улыбка. — Посмотри, что ты себе купила всего за тысячу долларов.

Его единственный глаз горел от возбуждения.

— Но если денег так мало, стоит ли их тратить? Не должна ли я их приберечь?

— Нет, не должна, потому что по всему городу и по всей стране нет спроса на недвижимость. Сейчас покупатель — король. Народ разорен. Людям нечем платить по закладным. Банки распродают закладные направо и налево, стараясь покрыть убытки. Конечно, тебе придется еще заплатить двадцать три тысячи долларов по закладной, но ты уже приобрела себе имущество.

— Двадцать три тысячи долларов! Но... — Ей не хватало слов.

— Тебе это по карману, поверь мне. Для тебя это капля в море. Мы поступим так. Каждые две недели ты будешь еще что-нибудь покупать.

Элизабет-Энн недоверчиво покачала головой. Такого просто не может быть. Слишком много и слишком быстро. Ей, наверное, снится сон. Может быть, казнь Заккеса — ночной кошмар, а теперь ей снится более приятный сон?

— Что я купила за двадцать четыре тысячи долларов? — тихо спросила она.

— Прочти. — Он буквально сунул ей под нос уже подписанные ею документы. — Прочти их, ради Бога. — Лэрри бросил бумаги ей на колени.

Ее глаза заскользили по страницам. Медленно она начала читать. Приходя в себя, Элизабет-Энн читала все быстрее и быстрее, пока не дошла до последней страницы. Наконец она откинулась на спинку и ошеломленно посмотрела на него. Ее дыхание стало прерывистым, грудь быстро вздымалась и опускалась.

— Отель «Мэдисон Сквайр»?

Он кивнул.

— Он мой? Это правда?

— Как говорят дети: сердце, замри, надежда, умри, палка мне...

— Не надо! Тебе в один глаз и так попало достаточно, на всю жизнь хватит.

Лэрри слабо улыбнулся:

— Согласен, это был неважный выбор считалочки.

— Но... *Лэрри*. — Она вдруг выпрямилась, и от волнения, и от новой тревоги. — Но мы *не можем*. Не можем просто пойти туда... и нажиться на несчастье людей. Это *воровство*.

— Нет, ты не права То, что ты сейчас делаешь, — это выручаешь людей из беды. Если они не могут платить по закладным и по векселям, они банкроты. У них ничего нет, но они все равно должны выплатить оставшуюся сумму по закладной. Как ты не понимаешь! Ты *помогаешь* людям и одновременно помогаешь себе.

Элизабет-Энн не могла произнести ни слова.

— И это только начало! — торжествующе воскликнул Лэрри. — Вот увидишь. Ты хотела иметь гостиницу, так?

Она кивнула.

— Вот ты ее и получила. Но у тебя будет еще больше. Это только начало. Дома, отели... ты их купишь целую кучу. И почти задаром. Никогда еще на моей памяти не было более подходящего времени для покупки недвижимости. Экономическое положение изменится, посмотришь. А у тебя будет *сеть* отелей от побережья до побережья.

— Это пугает меня, — тихо ответила Элизабет-Энн.

— Неужели? Может быть, бедность все-таки страшнее?

Женщина кивнула.

Его глаз сверкнул.

— У тебя есть золото, оно будет приходить, каждый день. Только подумай об этом, дорогая. У тебя все будет. Твои мечты становятся явью. Не сразу, но у тебя будет не один отель, а много.

Но Элизабет-Энн не могла думать об этом столь рассудительно. Не сейчас. В этот момент она могла думать только об одном-единственном отеле, да и это было нелегко.

Элизабет-Энн посмотрела на купчую.

— Он мой? — недоверчиво пробормотала она. — «Мэдисон Сквайр» действительно принадлежит мне?

— Все твое. Все полностью, на сто процентов твое.

— О, Лэрри.

И наконец Элизабет-Энн начала плакать. Она обняла Лэрри.

— Я... Я даже не знаю, что сказать. Именно тогда, когда мир рушился вокруг меня... — Она удивленно обернулась на стук. — Кто бы это мог быть?

— Дверь, — сказала Людмила и заторопилась в прихожую.

Элизабет-Энн вытянула шею. Один из лакеев Лэрри появился в дверях, нагруженный двумя плетеными корзинами, похожими, скорее, на чемоданы. Элизабет-Энн посмотрела сначала на слугу, потом, не говоря ни слова, на Лэрри.

— Я думаю, что это еда, — пояснил он. — Тебе понадобятся силы, дорогая. По-моему, ты несколько дней ничего не ела.

Слезы текли у нее по щекам.

Лакей оглянулся, быстро передвинул несколько мешавших ему стульев и расстелил плед прямо на полу гостиной. Когда он открыл корзины, Элизабет-Энн не поверила своим глазам. В них привычной рукой были аккуратно сложены тонкий фарфор, тяжелое серебро, рюмки ручной работы и белые льняные салфетки. Молчащие от удивления Элизабет-Энн и девочки

следили, как ловко мужчина расставлял блюда. Он открыл шампанское и стал по очереди доставать изделия шеф-повара: тончайшие кусочки копченого лосося, украшенные прозрачным лимоном и петрушкой, розетки с икрой, обложенные льдом, тосты, яйца с перцем и жареное мясо по-татарски, крошечные корнишоны, куски холодной жареной курицы, тонкие куски розового ростбифа, маринованные овощи, бархатные персики и гроздь бананов, великолепные глазированные пирожные и торт с кремом.

Элизабет-Энн поняла, что она проголодалась.

— Как только мы закончим наш маленький пикник, — предупредил Лэрри, — мы отправимся в город и посмотрим отель. Хотел тебе сказать: как владелица ты имеешь право занять королевский люкс. Почему бы тебе не переехать туда с детьми? Я там был один раз на приеме у одной герцогини из Европы, и, если меня не подводит память, это огромное помещение на последнем этаже. Там даже кухня есть. Хотя ты будешь слишком занята, чтобы готовить. Ты сможешь пользоваться обслуживанием в номерах или питаться в ресторане отеля. Но главный козырь люкса — терраса. Там посажены деревья и кусты.

— Королевский люкс? Для нас? — Элизабет-Энн изумленно смотрела на него. — Разве мы можем? Я хочу сказать... Это правда?

Лэрри засмеялся.

— Все никак не сообразишь, что это твое? Это *твое*, дорогая. Это принадлежит тебе.

— Н-но я не могу показаться... — Элизабет-Энн сбилась, самолюбие взяло верх. Она пропустила волосы сквозь пальцы. — Мне надо вымыть голову, принять ванну и одеться. В таком виде я никуда не могу идти. Шарлотт-Энн, наполни для меня ванну. Регина, дорогая, поищи мои бежевые туфли...

— Ого! Не так быстро! — захохотал Лэрри. — На все хватит времени. Давайте сначала поедим.

Элизабет-Энн неожиданно прыснула.

— Мне кажется, я сейчас заплачу.

Он вытер слезы у нее на щеках.

— Ты уже плачешь, дорогая.

— О, Лэрри, я так счастлива. Ты спас мне жизнь.

— Ну, я бы так не сказал.

— А я говорю, — она торжественно кивнула, — ты это совершил.

— Тогда сделай мне одолжение. Я хочу посмотреть отель один. Договорились?

— Посмотреть? — Элизабет-Энн подскочила. — Ты согласишься, Лэрри Хокстеттер! Будешь смотреть, пока тебя не начнет тошнить. Вот мое слово.

Возбуждение передалось всем. Неожиданно, словно по волшебству, девочки и даже маленький Заккес развеселились, оживленно заговорили, засмеялись, заплакали. Переживая самую страшную трагедию в их жизни, они возродились к жизни.

И так начали свое существование отели «Хейл».

В этот раз, когда они появились в «Мэдисон Сквайр», их ожидал совсем другой прием. «Роллс-ройс» отлично сработал. Как только гигантская машина подъехала к дверям, к ней бегом устремились швейцар и носильщик. Они так старались угодить, хотя все семь пассажиров еще не успели выйти из автомобиля.

— Добрый день, мадам. Добрый день, сэр, — торжественно произнесли оба одновременно.

Лэрри проигнорировал их, Людмила фыркнула, а Элизабет-Энн мило улыбнулась. Дети смотрели на огромное здание широко открытыми сияющими глазами.

— Багаж, пожалуйста, — обратился носильщик к Максусу.

Огромный шофер, стоявший, скрестив руки, отрицательно покачал головой, не говоря ни слова. Носильщик быстренько ретировался, а швейцар будто по воздуху перелетел к стеклянным дверям, распахнул боковую дверь во всю ширину и придержал ее. Его глаза странно скользили поверх голов.

За стойкой стоял тот же самодовольный мистер Смит, напоминавший в этот момент часового. Сейчас никакого пренебрежения в его манерах не было. Он явно не узнал вошедших.

— Добрый день, дамы, — приветствовал их Смит, — добрый день, сэр.

Он одарил Людмилу, Элизабет-Энн и Лэрри нервной натянутой улыбкой и лишь недовольно мигнул, когда маленький Заккес испустил вопль и помчался по вестибюлю. Портье озабоченно выгнул бровь:

— У вас забронированы номера?

— Нет, мистер Смит, — слабо улыбнулась Элизабет-Энн, — мы ничего не бронировали.

Его явно удивила такая осведомленность. Потом он самодовольно улыбнулся и, поправив галстук лакированным ногтем, пошел на уступки:

— Конечно, это не обязательно.

— Я так не думаю, — вежливо ответила Элизабет-Энн. — Кто-нибудь может показать нам королевские апартаменты?

Она ничего не смогла с собой поделаться: при виде его растерянности душа ее запела.

— Да, конечно, мадам, — заикаясь, ответил он. — Одну минуту.

Смит ударил ладонью по звонку и открыл книгу регистрации, перевернул ее и подвинул к Элизабет-Энн.

— Будьте так добры зарегистрироваться.

Лэрри вышел вперед и захлопнул книгу.

— Я думаю, это необязательно. Как вы полагаете? — мягко спросил он.

Мистер Смит издал странный горловой звук:

— Но, сэр, правила гостиницы требуют...

— Мистер Смит, правильно? — Тон Лэрри не предвещал ничего хорошего.

— Да, сэр. — Портье был сбит с толку.

— Вам пока еще неизвестно, старина, но с этой самой минуты именно миссис Хейл устанавливает правила в этом отеле. Видите ли, она собирается постоянно жить здесь.

— Да, сэр, но...

— Также, полагаю, вам следует знать, что она владелица этого заведения.

Мистер Смит густо покраснел.

— О! Я... да, конечно, — запинаясь больше обычного, выдавил служащий. — В... в этом случае я лично провожу вас в королевский люкс.

Он щелкнул пальцами в воздухе, и из офиса позади стойки появилась худощавая ухоженная женщина средних лет.

— Миссис Карлтон, — Смит даже не соизволил обернуться к ней, — замените меня, пожалуйста.

— Слушаюсь, мистер Смит.

— Если понадобится, я наверху в королевских апартаментах. — Портье вышел из-за стойки и повернулся к Лэрри и Элизабет-Энн. — Будьте так любезны следовать за мной, пожалуйста, — произнес он с легким поклоном и пошел через холл к лифтам, громко стуча кожаными подметками.

Элизабет-Энн, Людмила, Лэрри и дети последовали за ним, но они не спешили. Элизабет-Энн внимательно осматривала роскошный вестибюль. Она глубоко вздохнула и обвела взглядом холл, не находя в себе сил поверить, что маленький сверкающий дворец теперь действительно принадлежит ей. Это казалось таким же невозможным, как исполнение прекрасного сна.

Мистер Смит ждал их у лифта, а одетый в униформу лифтер широко распахнул дверь кабины. Его поведение ясно давало понять, что портье уже просветил его насчет Элизабет-Энн.

Когда все вошли в лифт, лифтер закрыл дверь и нажал на рычаг. Пока кабина медленно ползла вверх, мистер Смит прокашлялся и извиняющимся тоном произнес:

— Королевские апартаменты занимают полностью два верхних этажа отеля. Я боюсь, что лифт доходит только до первого из них. Там, конечно, есть лестницы, одна большая, а вторая для прислуги и аварийных ситуаций.

— Все в порядке, мистер Смит, — заверила его новая владелица.

Тот кивнул и застыл, пальцы опущенных рук нервно подрагивали. Элизабет-Энн взглянула на подвижную стрелку над дверью, указывающую номер этажа. Когда они были почти на уровне восьмого, раздался звонок вызова и загорелся желтый сигнал, но они не остановились.

— Минуту, пожалуйста, — сказала Элизабет-Энн.

И лифтер, и Смит одновременно повернули к ней головы. Лифт подскочил и остановился между этажами.

— Кто-то на восьмом этаже вызывал лифт. Я права?

— Да, миссис Хейл, — застенчиво ответил лифтер.

— С этой минуты, за исключением срочных случаев, я хочу, чтобы лифтеры останавливали кабину по первому требованию. Не имеет значения, кто находится в лифте. Здесь все должно быть к услугам гостей, а не моей семьи. Постояльцы платят хорошие деньги за то, чтобы остановиться в этой гостинице. Мы будем ублажать их, чтобы они снова и снова возвращались сюда. Ясно? Не вижу никаких неудобств для моей семьи или обслуживающего персонала в том, чтобы угодить людям, уплатившим деньги. В этом отеле на каждый доллар они должны получить больше услуг, чем где бы то ни было еще.

— Да, мадам, — пролепетал лифтер.

Элизабет-Энн кивнула.

— Отлично. Я хотела бы также отметить, что на панели лифта есть пятна, и рычаги неплохо было бы почистить.

— Слушаюсь, мадам.

Она улыбнулась.

— Ну раз мы так хорошо понимаем друг друга, все будет в порядке. А теперь давайте спустимся на один этаж и подберем того, кто вызывал лифт.

Отвернувшись, она поймала одобрителный взгляд Лэрри и пожала плечами. Пока она может идти своим путем — а с отелями «Хейл» так и будет, — у нее будет только один

ясный девиз: ничто не может быть чересчур, если речь идет о ее гостях. Ей хочется, чтобы они возвращались. Снова и снова.

Именно поэтому, и она в этом твердо уверена, ее отель будет выгодно отличаться от прочих.

Пока они добрались до королевских апартаментов, новость была известна уже всему отелю. Как только лифтер распахнул дверь, их приветствовала горничная — маленького роста ирландка, лет сорока. Ее черно-белая униформа была накрахмалена так, что хрустела.

— Добрый день, миссис Хейл, — сказала она с грубым акцентом. — Добро пожаловать в «Мэдисон Сквайр». Меня зовут Мойра, я постоянно обслуживаю этот номер. Что бы вам ни понадобилось, достаточно только позвонить.

— Спасибо, Мойра, — тепло улыбнулась ей Элизабет-Энн и повернулась к Смигу: — Я уверена, что Мойра сможет нам все здесь показать. Я ценю то, что вы нашли время лично проводить нас сюда.

Смит старался изо всех сил скрыть свое волнение. Ему не пришлось по душе быстрая отставка.

— Как вам будет угодно, — сказал он, механически кланяясь.

— Кстати, мистер Смит, — медленно спросила Элизабет-Энн, — не могли бы вы мне сказать, когда заканчивается дневная смена?

— В пять часов.

Женщина посмотрела на часы.

— Отлично. В нашем распоряжении полчаса. Проследите, пожалуйста, чтобы все служащие из дневной смены собрались к этому времени в ресторане. Я хочу поговорить с ними.

— Да, миссис Хейл.

— Мне хотелось бы познакомиться с ночной и утренней сменами. Соберите их, пожалуйста, также после окончания работы.

— Но... между сменами восемь часов разницы. Может быть, вам лучше отдохнуть и...

— Мистер Смит, — терпеливо произнесла Элизабет-Энн, — отдыхают гости, а не персонал. С этого момента я не только владелица «Мэдисон Сквайр», но и служащая гостиницы.

— Да, миссис Хейл.

Получив выговор, он попятился в лифт и только после того, как дверь закрылась, позволил себе стереть со лба капли пота.

Никто никогда не говорил Элизабет-Энн, как происходит первая встреча с боссом. У нее в памяти хранилось только ее собственное знакомство с миссис Уинтер.

— Волнуешься? — спросил ее Лэрри, когда она готовилась к предстоящей встрече с персоналом.

Элизабет-Энн кивнула и закрыла глаза.

— Если хочешь, могу пойти с тобой, — предложил он.

Она взглянула на него и болезненно улыбнулась.

— Прости, но не надо, — ответила она мягко. — Это я должна сделать сама. Иначе я никогда не смогу завоевать их уважения.

По выражению его лица Элизабет-Энн увидела, что он прекрасно ее понимает.

Когда Элизабет-Энн вошла в ресторан — большой зал, где за столами, уже накрытыми к обеду, собралась дневная смена, казалось, воздух потрескивал от напряжения и тревоги. Как только новая хозяйка показалась в дверях, мистер Смит подошел к ней, а все присутствовавшие быстро встали. Ремонтники, горничные, бухгалтеры, телефонистки, работники кухни, портье, носильщики, рассыльные, официанты, повара и швейцар — перед ней стояли все те, кто работал в одну из восьмичасовых смен в «Мэдисон Сквайр». Это был источник жизненной силы отеля. Без них, без оказываемых ими услуг — и она ясно сознавала это — гостиница стала бы просто пустой коробкой.

Элизабет-Энн медленно обошла зал. Ее аквамариновые глаза строго оценивали каждого, кого представлял ей мистер Смит. Она пожала каждому руку, стараясь запомнить имена и лица. Людей было много, но Элизабет-Энн была уверена, что через некоторое время она сможет называть их всех по имени и познакомиться с ними поближе.

Наконец представления закончились, и Элизабет-Энн повернулась ко всем лицом.

— Садитесь, пожалуйста, — произнесла она неожиданно хрипло. Ей пришлось откашляться.

Заскрипели стулья, захрустела накрахмаленная униформа, но, несмотря на это, тишина оставалась напряженной. Казалось, что ее, словно масло, можно разрезать ножом.

Элизабет-Энн глубоко вздохнула. Она так же нервничала, как и все остальные, но только ей не следовало этого показывать. Хозяйка должна все держать под контролем. Перед ней ее служащие, и, чтобы заставить их выполнять ее приказания, ей нужно завоевать не только их уважение, но и любовь.

Элизабет-Энн быстро пересчитала присутствующих — перед ней сидели девяносто семь человек. С этого момента она несла за них ответственность. Перед такой тяжелой ношей Элизабет-Энн почувствовала себя совершенно одинокой. Она еще раз сделала глубокий вдох, пытаясь успокоиться, и сложила руки перед собой.

— Леди и джентльмены, — тихо начала Элизабет-Энн, — я знаю, что у вас был тяжелый день. Вы устали и торопитесь домой. Поэтому я постараюсь не задержать вас надолго. — Она сделала паузу и успокаивающе улыбнулась. — Вы не знаете меня, а я не знакома с вами. Так что мы на равных. Через несколько дней мы будем знать друг друга лучше. Многие из вас давно работают здесь, некоторые пришли недавно. Для старых служащих особенно тяжело узнать, что гостиница, в которой они проработали долгие годы, поменяла владельца, потому что обычно за этим следуют и перемены в управлении. Да, бывает и так, но не всегда. Я прекрасно понимаю, что вы сейчас чувствуете. Новые хозяева могут оказаться придирчивыми, и вам снова придется доказывать, на что вы способны. Кому-то не понравлюсь я, возможно, кто-то не понравится и мне. — Она позволила себе усмехнуться. Все-таки ей удалось разбить лед. Служащие выглядели чуть менее обеспокоенными. — Тем не менее, — продолжила Элизабет-Энн, — все это несущественно. Главное, кому вы должны нравиться, — гостям. Я собираюсь превратить «Мэдисон Сквайр» в сияющую звезду среди всех отелей этого города, и даже *страны*, но для этого мне понадобится помощь каждого из вас. — Она замолчала, переводя взгляд с одного лица на другое. Все слушали очень внимательно, впитывая каждое ее слово. — Вы узнаете, что я своего рода фанатик, когда речь идет о чистоте и качестве услуг. Нам всем придется чистить и драить все до блеска. А так как я теперь живу наверху, мне будет очень легко наблюдать за всем и за каждым из вас. Это вовсе не означает, что я хочу вас напугать. Совсем нет. Вам просто придется побыстрее поворачиваться. — Элизабет-Энн снова замолчала. Служащие

осторожно переглядывались. — Начиная с завтрашнего дня руководитель каждой службы отеля должен познакомить меня с работой своего участка. Это касается и ресторана, и бельевых шкафов в коридорах, а также бойлерной и отопительной систем в подвале. Это необходимо, ведь я хочу узнать отель снизу доверху и знать его лучше, чем любой из вас. Мне бы также хотелось познакомиться с каждым из вас, ведь все мы — одна команда. Так случилось, что «Мэдисон Сквайр» принадлежит мне, но я такая же служащая, как и вы. А теперь перейдем к довольно неприятным вещам. Когда вы придете на работу завтра утром, зайдите в отдел кадров. Вы все должны принести заявления об увольнении.

Люди, сидящие в зале, зашумели.

Элизабет-Энн подняла руку, призывая к молчанию.

— Это не означает, что все вы будете уволены. Вы сразу же будете снова приняты на работу, но на новых условиях. Каждому из вас придется пройти испытательный срок. Это даст нам возможность проверить, насколько хорошо мы срабатываемся. Если кто-то нам не подойдет, это не значит, что его тут же вышвырнут вон. В этом случае вы получите компенсацию и рекомендации. Я понимаю, что вам придется нелегко, но это даст вам шанс показать, чего вы стоите. — Она опустила голову. — В следующую пятницу каждый ответственный должен представить мне свои соображения о том, как можно улучшить работу на его участке. — Элизабет-Энн заговорила тише, так что всем пришлось прислушиваться, чтобы расслышать ее. — Вы увидите, что, несмотря на все мои требования, я собираюсь щедро вознаграждать за тяжелый труд. Тот, кто заслужит, получит прибавку. Естественно, прибавки не будут сыпаться на вас просто так. Каждому из вас придется доказать, что он ее заслужил. — Она перевела дух и ослепительно улыбнулась. — Между тем позвольте мне повторить, что я рада возможности работать с вами. И не забывайте, что все мы одна команда. Я рассчитываю на вас. Я хочу, чтобы наша гостиница всегда была готова принять гостей. Наша репутация станет лучше. Все это в ваших руках. И чтобы побудить вас к действию, несмотря на заявления об увольнении, которых я жду от всех вас, я с этой минуты увеличиваю все ставки на десять процентов.

Всеобщее замешательство, осторожный шепот.

Элизабет-Энн продолжала улыбаться.

— Что ж, будем надеяться, что все вы это заслужили. Спокойной ночи. — Она повернулась и вышла из зала.

Ее провожала мертвая тишина. Казалось, можно услышать, если пролетит муха. Как только она закрыла за собой дверь, все заговорили разом.

Лэрри ждал ее в коридоре.

— Слышал я твою речь, — сказал он, усмехнувшись.

— Подслушиваем, значит?

— Нет, я просто проходил мимо. Ты хорошо говоришь. Очень хорошо.

Элизабет-Энн нервно улыбнулась. Теперь, когда встреча уже закончилась, она могла высказать свои опасения.

— По правде говоря, — добавил Лэрри восхищенно, — ты была великолепна. Ты не только показала им, что у них над головой всегда занесен карающий меч, чтобы они работали как следует, но и дала им явно завышенную прибавку к жалованью, чтобы они знали, как много могут потерять. — Он сурово улыбнулся. — Мне кажется, я недооценивал тебя. Ты настоящая деловая женщина, куда более способная, чем я себе представлял.

— Я тоже об этом не догадывалась, — тихо согласилась она.

— Ну а теперь, когда ты это доказала, не поехать ли нам ко мне домой? У меня еще осталось полно шампанского.

Элизабет-Энн покачала головой:

— Спасибо, нет. Не потому, что я не могу пить, просто день был ужасный.

Лэрри наклонился и поцеловал ее в губы.

— Я завтра заеду и привезу шампанское, целый ящик, чтобы отпраздновать новоселье, договорились?

Она ослепительно улыбнулась в ответ:

— Мне это доставит удовольствие. И знаешь что, Лэрри?

Он удивленно поднял брови.

— Спасибо.

— За что это?

— Лэрри, ты знаешь за что. За все. За все.

Бархат ночного неба усыпали звезды. Было холодно. Элизабет-Энн через стеклянные высокие двери вышла на террасу. Вокруг нее сверкал и переливался огнями Манхэттен, сказочная страна высоких светящихся хрустальных башен. Ей не спалось: слишком богат неожиданными событиями оказался прошедший день.

Ее переполняло острое, удивительное, восхитительное чувство предвкушения и возбуждения. Еще совсем недавно ее семья останавливалась в этом отеле, но обстоятельства были совсем другими. Казалось, только вчера она смотрела из окна этого здания, полная решимости штурмом взять лежавший внизу город и создать прекрасное будущее для себя и детей. Ее замыслы начали сбываться. Эта терраса, это здание на Мэдисон-авеню принадлежали ей, только ей одной.

Элизабет-Энн глубоко вдохнула мягкий ночной воздух. Она наслаждалась своим головокружительным успехом. Но ее глаза сверкали решимостью. Да, она далеко продвинулась вперед за короткое время. Но, по ее мнению, недостаточно далеко. Еще так много предстояло сделать. Оставалось столько незавершенного, еще так много надо создать — и все это из ничего. Господи, она покорит этот город, приручит многоголосого, кишашего людьми гиганта и назовет его своим. А совершив это, Элизабет-Энн завоюет страну и весь мир.

Отели «Хейл».

Она наслаждалась звуками этих двух коротеньких слов, ощущала их вкус, они таяли у нее на языке, отдавая ей свою силу и мощь. Отсюда, с высоты Манхэттена, было легко черпать силу из настоящего, заглядывать в будущее, чувствовать биение сердца планеты. И совсем просто представить себе гостиничную империю, раскинувшуюся по всему земному шару.

Долго стояла Элизабет-Энн на террасе «Мэдисон Сквайр» одна, глядя на уснувший город, строя планы и мечтая, полная решимости воплотить в жизнь все задуманное.

Она не услышала звука его шагов, но почувствовала его присутствие, когда Лэрри вышел на террасу и встал рядом с ней. Элизабет-Энн медленно повернулась к нему.

— Я думала, ты ушел, — тихо произнесла она, глядя в его освещенное луной лицо. — Я думала, что до завтра уже не увижу тебя.

— Я и ушел, — ответил Лэрри. — Но завтра кажется таким далеким. Мне захотелось

вернуться и увидеть тебя. Я знал, что ты здесь, наблюдаешь за своим миром.

— Виновна, — рассмеялась женщина.

— Красиво, правда?

Она кивнула, в глазах блестели слезы.

— Лэрри, — прошептала Элизабет-Энн, — о Лэрри! Ты сделал меня самой счастливой женщиной на земле.

Он прижал ее к себе. Элизабет-Энн удовлетворенно вздохнула, почувствовав тепло его тела.

— Мне хотелось видеть тебя счастливой, — прошептал Лэрри, целуя ее затылок. — Я хочу, чтобы ты всегда была счастлива. Ты и я, мы с тобой особенные, Элизабет-Энн. Именно поэтому мы стоим сейчас здесь, а не там, внизу. Мы оба отваживаемся мечтать. Мы осмеливаемся пользоваться случаем и хватаем судьбу за рога, чтобы реализовать наши замыслы.

— Я люблю тебя, Лэрри. — Ее шепот был едва слышен в тишине ночи.

— И я люблю тебя. — Он поцеловал Элизабет-Энн, чувствуя, как она дрожит.

Их поцелуй длился долго, вокруг мягко переливались огни. Потом Лэрри взял ее за руку и повел в комнаты. Они поднялись по широкой лестнице на второй этаж пентхауса и прошли в огромную спальню. И пока на востоке не показалось солнце, они наслаждались любовью, забыв обо всем, даря радость друг другу, празднуя успех и исполнение желаний.

II
ШАРЛОТТ-ЭНН

В эту пятницу, точно в семь часов утра, в дверь спальни Шарлотт-Энн деловито постучали три раза. Стук разбудил ее. Так начиналось каждое утро рабочей недели в течение всего года.

— Отстань, — пробормотала, как обычно, Шарлотт-Энн.

И, как всегда, ее слова проигнорировали. Дверь открылась, и Даллас, подруга Элизабет-Энн из «Савой плаза», нанятая в качестве экономки и получавшая теперь намного больше, торопливо вошла в комнату, сияя хорошим настроением. Правда, на этот раз она не была нагружена огромным подносом с едой. У нее были строгие инструкции от Элизабет-Энн: сегодня вся семья должна собраться за завтраком.

— Доброе утро, — пропела Даллас, подходя к высоким, до потолка, окнам, и отдергивая плотные занавеси светло-кремового цвета.

— Отстань, Даллас, — раздраженно простонала Шарлотт-Энн и, нахмурившись, сунула голову под подушку.

— Ну-ну, мисс Шарлотт-Энн, ваша мама велела разбудить вас ровно в семь, и я вытащу вас из кровати точно в указанное ею время. Сегодня утром все завтракают вместе. Ваша мама хочет обсудить с вами что-то очень важное.

Даллас ухватила за угол белоснежного атласного стеганого одеяла и потянула его к себе. Эта ежедневная сцена, повторявшаяся сотни раз между Шарлотт-Энн и Даллас, стала уже ритуалом, и девушка, прекрасно зная о том, что последует дальше, крепко вцепилась в свой конец одеяла. Произошла жестокая схватка, из которой Даллас вышла победительницей — так всегда и бывало. С одной стороны, она в отличие от Шарлотт-Энн уже давно проснулась, а с другой стороны, скользкий атлас никак не желал держаться в пальцах Шарлотт-Энн.

И как только девушка уступила быстрому и сильному рывку Даллас, одеяло скользнуло к спинке кровати и сложилось там мягко очерченной гармошкой. Шарлотт-Энн задрожала, но ей было хорошо известно, что этим она не разжалобит Даллас. Экономка не из тех, кто привык нянчиться с детьми, да к тому же семнадцатилетнюю Шарлотт-Энн она считала вполне взрослой.

Элизабет-Энн Хейл дала Даллас карт-бланш на управление домом и детьми. Экономка знала, что хозяйка полностью доверяет ей, и серьезно относилась к возложенным на нее обязанностям, следя за тем, чтобы дети росли хорошо воспитанными и послушными. Миссис Хейл стала очень занятой женщиной, и у нее самой не всегда хватало времени для детей. Ей пришлось уступить часть своей власти, и Даллас не собиралась ее подводить.

Шарлотт-Энн в кружевной рубашке цвета небеленого холста свернулась калачиком от холода, засунув голову под подушку.

— Вставайте, спящая красавица, — тихонько ворчала Даллас, осторожно, но достаточно сильно похлопывая ладонями по подушке. — Сегодня такой прекрасный день. Пока еще немного пасмурно, но погода улучшится. Чувствуете, как пахнет? — Она подняла голову, принялась и улыбнулась. — В воздухе наконец запахло весной.

Так как Шарлотт-Энн по-прежнему отказывалась отвечать, женщина покачала головой и огляделась, в сотый раз задавая себе вопрос, почему такая красивая комната досталась такой ленивой девушке. Даллас много лет проработала в роскошных отелях, но из всех виденных ею комнат эта нравилась ей больше всех. Здесь все дышало женственностью и грацией. Стены украшали резные панели во французском провинциальном стиле, но вся обстановка — стулья, изогнутое изголовье кровати, пузатые деревянные комоды, туалетный столик с зеркалом и банкетка перед ним, тонкие газовые занавеси и более тяжелые драпировки — цветом напоминала слоновую кость с несколькими вкраплениями мягкого желтого оттенка. На туалетном столике, комодах, прикроватных тумбочках расположились горшки с бледно-желтыми грациозными нарциссами. В комнате было что-то очень женское и одновременно солнечное. Даже в самый дождливый день Даллас казалось, что здесь задержался солнечный луч.

Такая спальня могла бы принадлежать и принцессе. Но в глазах Даллас дочери Элизабет-Энн и были ими, а маленький Заккес — принцем. Коронованный принц и принцессы империи, уже включающей в себя семь отелей — три здесь, в Нью-Йорке, и по одному в Балтиморе, Филадельфии, Бостоне и Вашингтоне, округ Колумбия. И это, не считая «Хейл, гостиницы для туристов» в Техасе. И, забыв, напомнила экономка самой себе, про долю в очень богатой золоторудной компании. А судя по тому, что маленькие, но внимательные глаза Даллас сумели рассмотреть, сегодня Элизабет-Энн Хейл собирается купить еще один мотель, где-то на шоссе номер один.

Но экономка не завидовала успехам хозяйки. Достижения Элизабет-Энн наполнили ее совершенно противоположным чувством: она поверила в женщин. Иногда, правда, ей все еще казалось невероятным, что женщина, которую она встретила когда-то в униформе горничной, стала теперь владычицей растущей империи «Хейл».

«Я рада за нее, — подумала Даллас, усмехнувшись. — Она этого заслуживает, да и я тоже. Мне теперь хорошо платят, я уверена, что меня не выгонят, да и условия лучше, чем где бы то ни было», — отметила она про себя. Ей теперь не приходилось работать в двух местах, да и на еду она не тратила ни цента. Остатки с ресторанной кухни женщина всегда могла отнести домой. Трудно поверить, но она даже начала откладывать понемногу каждую неделю, чтобы обеспечить будущее своих детей.

— Ну, вставайте же, лапочка. — Даллас потянула за уголок кремовой подушки.

— Ладно, ладно, — раздраженно пробормотала Шарлотт-Энн приглушенным подушкой голосом. Она сердито отбросила ее в сторону, села, зевая и протирая кулаком глаза, пытаясь прогнать остатки сна. Девушка поражала своей красотой, несмотря на растрепанные волосы.

Со времени переезда Хейлов в «Мэдисон Сквайр» прошло около полутора лет, Шарлотт-Энн очень повзрослела и казалась намного старше своих семнадцати лет. Пропала юношеская пухлость, она стала высокой и стройной. Очень тонкая талия и великолепная высокая грудь делали ее тело необыкновенно соблазнительным и создавали завораживающий контраст с пугающей фарфоровой бледностью лица, напоминающего цветок. От матери она унаследовала волосы — та же густая копна цвета зрелой пшеницы, но в светло-аквамариновых немного раскосых и чуть косящих глазах было что-то по-кошачьи хищное. И в то же время ее маленькое вызывающее лицо могло казаться обманчиво уязвимым и беззащитным благодаря бледно-розовым губам маленького рта и великолепным жемчужным зубам. Шарлотт-Энн казалась похожей на бутон, ее кукольная красота очаровывала, но это было лишь внешнее впечатление. За притворной застенчивостью

скрывались плохо замаскированная жесткость, упрямство, железная воля и изворотливый ум. Кому как не Даллас знать об этом — ведь это она первая видит Шарлотт-Энн каждое утро, пока та еще не успела надеть маску. Девушка так старалась казаться ласковой.

— Вам лучше поторопиться, — предупредила ее Даллас. — В вашем распоряжении полчаса. Завтрак в семь тридцать. Ваша мама ждет вас вовремя.

— Да слышу я, слышу, — последовал раздраженный ответ.

Экономка с подозрением посмотрела на Шарлотт-Энн и вышла, мягко прикрыв за собой дверь.

Та подождала, пока за Даллас закроется дверь, и показала ей вслед язык. Не торопясь, она спустила ноги с кровати и пошарила ступнями по полу в поисках шлепанцев. Найдя их, надела и, встав с постели, лениво потянулась. Потом натянула на себя розовый шелковый халат, затянув пояс на тонюсенькой талии, подошла к окну и загляделась. Стоял действительно один из великолепных дней ранней весны. На ее глазах становилось все светлее, тени углублялись, резче очерчивая стены домов.

Повинуясь внезапному порыву, Шарлотт-Энн открыла дверь на террасу и вышла. Ей пришлось протанцевать несколько па, обхватив плечи руками и растирая их, чтобы спастись от внезапного холода. Сквозь тонкую подошву шлепанцев терракотовые плитки пола леденили ступни. Но ощущение дискомфорта было тут же забыто. Она перегнулась через кирпичный парапет и мечтательно посмотрела на город. Тридцатью тремя этажами ниже, на Мэдисон-авеню, изредка проезжали машины, утренний час пик был еще впереди.

Шарлотт-Энн покачала головой: если посмотреть на количество автомобилей, толкающихся людей и учесть минимум свободных мест в их отеле, то и в голову не придет, что страна в пучине депрессии. С высоты она не могла разглядеть потерянные лица бредущих вниз. Лучшие номера в «Мэдисон Сквайр» были заняты, пустовали только недорогие комнаты. «Только поэтому и можно догадаться, кто пострадал на самом деле», — с замешательством подумала Шарлотт-Энн.

Она оттолкнулась от парапета и направилась в комнату, как вдруг ее взгляд поймал что-то розовое. Не может быть!

Шарлотт-Энн остановилась перед цветочным ящиком из красного дерева.

Да, так и есть. Первый в этом году крокус бросил вызов погоде, его крепко сомкнутые лепестки, похожие на крылья бабочки, показались из темной земли. «Это предзнаменование», — подумала она.

Тихонько мурлыкая что-то себе под нос, Шарлотт-Энн вернулась в спальню. Сегодня особенный день, и дальше все получится отлично, куда лучше, чем она надеялась.

Девушка закружилась по комнате, раскинув руки, и налетела на дверь ванной.

Да, события развивались *намного* лучше, чем она предчувствовала. У нее было такое ощущение. То, что ее матери целый день не будет дома, служило тому доказательством. А то, что вернется она только завтра утром, делало доказательство еще более весомым.

Ее мурлыканье превратилось в песню, пока Шарлотт-Энн наполняла фаянсовую раковину ледяной водой. Она сбросила халат и ночную рубашку, потом несколько раз плеснула себе в лицо обжигающей влагой, вытерлась огромным белым банным полотенцем и критически оглядела свое отражение в зеркале. Увиденное доставило ей удовольствие.

Шарлотт-Энн провела большим черепаховым гребнем по волосам и вдруг застыла, ее губы страдальчески искривились. А вдруг все сложится не так хорошо, как она думает? Что, если мать *догадалась* о ее планах? Может быть, именно поэтому она настаивала на

совместном завтраке сегодня утром?

Шарлотт-Энн сбежала по изящно изогнутой, покрытой ковром лестнице, нервно перевязывая волосы синей шелковой лентой. Из столовой до нее доносились приглушенные голоса.

«Черт побери, — ругнулась она про себя, расстроено поджимая губы. — Снова опоздала, а они, наверное, без меня не начинают завтрак».

Шарлотт-Энн сознавала, что чем дальше, тем больше времени тратит она каждое утро на то, чтобы одеться. А все из-за ее несносной школьной формы. Каждое утро девушка преисполнялась решимости придать платью более стильный вид и начинала экспериментировать перед зеркалом. Но не она в этом виновата, а школа Брерли. Элегантное здание на Восемьдесят третьей Восточной улице занимала самая лучшая в стране школа для девочек, но Шарлотт-Энн ненавидела ее. Еще больше ненависти она испытывала к скромным белым блузкам и темно-синим юбкам. Не ребенок же она, чтобы так одеваться. Шарлотт-Энн казалась себе более изысканной, если надевала белые короткие перчатки и перевязывала волосы лентой. Но что хуже всего, в школе учились только девочки. Как она стремилась к тому, чтобы сбросить с себя оковы этого заведения! Больше всего на свете ей хотелось сжечь ненавистную форму и переменить прическу.

Ну что ж, скоро она это сделает, пообещала Шарлотт-Энн самой себе. Очень, очень скоро. *Есть* все пойдет хорошо. Но если и нет, то представится и другая возможность.

Шарлотт-Энн замедлила свой бег и вошла в столовую медленно и грациозно.

Вся семья уже собралась за столом в дальнем конце комнаты и, как она и боялась, ждала ее. Элизабет-Энн, Регина, Ребекка, Заккес и Лэрри Хокстеттер повернулись, чтобы посмотреть на нее.

Шарлотт-Энн удивилась, увидев Лэрри, его она никак не ожидала увидеть. Семейные завтраки случались не так уж часто из-за все время меняющегося распорядка дня матери, но гости во время утренней трапезы появлялись и того реже. Она терялась в догадках из-за причин такого непривычного поворота событий.

— Доброе утро, — поздоровалась Шарлотт-Энн. Она постаралась, чтобы голос звучал ясно и весело. Девушка чмокнула мать в подставленную щеку, одарила Лэрри самой очаровательной из своих улыбок, проигнорировала сестер с братом и скользнула на свое место.

— Теперь все в сборе, — начала Элизабет-Энн, не наградив дочь хотя бы укоризненным взглядом, — и мы можем поговорить. Вам всем хорошо известно, что я никогда не принимала серьезных решений, касающихся вас, не посоветовавшись предварительно с вами. — Она сияла улыбкой, щеки ее чуть порозовели, и выглядела мать намного моложе своих тридцати шести лет. Но беспокойное движение рук выдавало ее необычное волнение.

Шарлотт-Энн мгновенно почувствовала, будто тяжелый груз свалился с ее плеч. Напрасно она волновалась. Этот разговор за завтраком не имел никакого отношения к ее планам. И она постаралась в благодарность сосредоточиться на том, что говорила мать.

— Как вы знаете, прошло почти полтора года с тех пор, как ваш отец... умер, — Элизабет-Энн осторожно подбирала слова, но ее голос все-таки дрожал.

Дети дружно кивнули, их лица вдруг стали торжественными. Элизабет-Энн бросила быстрый взгляд на Лэрри, успокаивающе держащего ее за руку, но его лицо оставалось бесстрастным.

— Наступил момент, — медленно проговорила Элизабет-Энн, — когда каждый из нас должен оглянуться назад. Мы должны взглянуть на наше прошлое, на данные нами обещания. Но мы не должны забывать и о настоящем, о том, как мы живем сейчас. Необходимо заглянуть и в будущее, подумать о том, что оно может принести нам. Вы знаете, что я очень любила вашего отца. И вы любили его. *Я все еще* люблю его. Но тем не менее его нет с нами. Это бесспорный факт. Мы все долго оплакивали его. Долгие годы мы жили одни еще при его жизни. Но теперь, несмотря на то что он навсегда останется в наших сердцах, мы должны посмотреть в будущее. Такова была и его последняя воля. — Она замолчала на мгновение, давая детям время осознать сказанное. Потом Элизабет-Энн улыбнулась и с надеждой обвела глазами всех сидящих за столом. — Мне кажется, что вы все любите Лэрри?

Дети утвердительно кивнули.

— Я говорила вам, что сегодня мы с Лэрри отправляемся в Нью-Джерси, чтобы купить еще недвижимость. Но у нас есть и другие планы, более важные. Как только все бумаги будут подписаны, мы собираемся поехать в Элктон, штат Мэриленд. Это не так далеко, и гражданские браки заключаются там очень быстро и с минимальной суетой. — Она помолчала и тихо добавила: — Мы с Лэрри решили пожениться.

Упоминание о свадьбе было настолько неожиданным, словно гром среди ясного неба. Рука Регины дрогнула, и она опрокинула на белоснежную льняную скатерть свой стакан с апельсиновым соком.

Шарлотт-Энн будто окаменела — кусок тоста в одной руке и нож для масла в другой. Двигались только ее светлые глаза, переходя с одного лица на другое. Все молчали.

Ее мать смотрела на Лэрри, они обменивались обнадеживающими улыбками, подбадривая друг друга.

Регина широко открыла рот, с ужасом разглядывая желтое пятно на столе.

Ребекка так и не отняла от губ чашку с горячим шоколадом.

Тишину нарушил семилетний Заккес.

— Ты теперь будешь нашим новым папой? — спросил он Лэрри своим звонким голосом.

Чары были разрушены, все сразу зашевелились. Ребекка опустила чашку, а Регина поставила стакан и начала вытирать лужу салфеткой.

— Мне эта мысль нравится, — ответил мальчику Лэрри, — но все зависит от тебя и твоих сестер.

— Я давно рассказала Лэрри, — нерешительно вмешалась Элизабет-Энн, — что мы всегда обсуждаем важные решения, если они касаются всех нас. Нам хотелось услышать, что вы об этом думаете.

— Да, — возбужденно закричал Заккес, — я согласен!

— Регина?

Регина перестала заниматься пятном и посмотрела через стол на мать. Девушке уже исполнилось восемнадцать, и большую часть дня, да и вечера тоже, она проводила в Колумбийском университете, погруженная в свои занятия. Регина надеялась когда-нибудь стать педиатром. Она понимала — и даже слишком хорошо, — что ее собственная жизнь еще только начиналась, и хотя мать и оставалась неотъемлемой частью этой жизни, но все-таки не была сосредоточена только на дочери. Им обеим, и матери, и дочери, пришло время строить собственную жизнь, отдельно друг от друга. Регина ясно это понимала. Когда-то все

птены вылетают из родительского гнезда, чтобы построить свое собственное. Скоро и с ней случится то же самое. Она давно лелеяла надежду, что на долю ее матери выпадет еще один шанс полюбить, и в этот раз она будет счастливее. И если новость о грядущей свадьбе поразила ее, то только потому, что показалась слишком хорошей, чтобы оказаться правдой. Это было бы исполнением ее молитв.

Регина торжественно кивнула и сдвинула брови в поисках нужных слов.

— Благословляю вас обоих, — хрипло сказала она, потом вскочила, порывисто обняла мать и поцеловала Лэрри.

— Спасибо, дорогая. Мы ценим это, и я, и Лэрри, — когда Элизабет-Энн говорила, глаза ее блеснули от слез. Она перевела взгляд: — Бекки?

— Мне, конечно, не хватает папы, — медленно произнесла четырнадцатилетняя Ребекка, постукивая пальцем по подбородку. — Но я знаю, что никто не в силах вернуть его. — Она опустила взгляд на свой горячий шоколад, словно ответ таился где-то в темной глубине чашки. — Ты права, мама. Жизнь продолжается. — Девочка кивнула и посмотрела матери в глаза. — Я — за.

Элизабет-Энн облегченно вздохнула и тепло улыбнулась младшей дочери. Потом перевела взгляд дальше и спросила:

— Шарлотт-Энн?

Услышав свое имя, та вскинула подбородок. Пока шел разговор, Шарлотт-Энн в уме оценивала, каким образом неожиданные новости повлияют на ее собственные отлично разработанные планы на будущее. Как и Регина, она уже поняла, что начинается ее собственная жизнь. Но в отличие от сестры Шарлотт-Энн смотрела намного дальше и считала, что ее судьба будет очень далека от скучной орбиты материнской жизни. Пока свадьба никак не мешает исполнению ее замыслов — а Шарлотт-Энн уверена в этом, — она согласна. Поразмыслив, она пришла к выводу, что в действительности это лучшее, что могло произойти. Ее мать очень занята, и у нее оставалось очень мало времени для семьи. А теперь, после свадьбы, хлопот у нее появится еще больше, чем всегда. Так что планы Шарлотт-Энн станут реальностью еще быстрее, на это можно надеяться. Она потратит еще меньше времени на их осуществление.

Шарлотт-Энн кивнула и одарила всех снисходительной улыбкой.

— Что ж, значит, решено. — Элизабет-Энн откинулась на спинку стула с видимым облегчением, а Лэрри вскочил на ноги, наклонился к ней и поцеловал.

— Это что еще такое! — с добродушным смешком проворчала она. — Ты помнешь мне прическу. — Элизабет-Энн с радостным чувством следила за Лэрри, переходящим от одного стула к другому, целуя и обнимая всех членов семьи.

— Мама могла поступить *намного* хуже, — заметила ему Регина, — *намного* хуже.

Довольный, Лэрри засмеялся. И тут все заговорили разом — все, кроме Шарлотт-Энн, — и никто не обратил внимания на ее задумчивое молчание. Наконец Лэрри сел на свое место и постучал ложечкой по кофейной чашке.

Стало тихо, и все в ожидании посмотрели на него.

— Прежде всего, позвольте мне от имени вашей матери и себя лично поблагодарить вас. Во-вторых, мне хотелось бы, чтобы вы знали: я не буду пытаться занять место вашего отца. Никто не сможет этого сделать. Вам не придется называть меня папой или как-то еще в этом роде. Ну, если вы только сами захотите. «Лэрри» меня вполне устроит. И в-третьих, вы окажете нам большую честь, если поедете с нами в Элктон и будете присутствовать на

нашей свадьбе. Хочу предупредить вас, что вернемся мы не раньше, чем через неделю. Из Элктона мы отправимся в своего рода рабочее свадебное путешествие, чтобы посмотреть, как идут дела в «Калверт Хейл» в Балтиморе, в «Л'Анфан Хейл» в Вашингтоне и в «Пенн Хейл» в Филадельфии. Если это как-то мешает вашим школьным или иным планам, то вы можете сразу вернуться домой из Элктона. Но если вы все-таки захотите отправиться так далеко, быть по сему. Решение за вами.

Заккес захлопал в ладоши, а Ребекка воскликнула:

— О, я бы с удовольствием поехала. — Она хихикнула. — Тем более что можно пропустить занятия в школе.

Регина задумчиво нахмурилась:

— Что касается учебы, то у меня сегодня экзамен, но...

— Тогда ты остаешься, дорогая, — быстро сказала Элизабет-Энн, потянувшись через стол и похлопывая дочь по руке. — Мы с Лэрри все понимаем. Я знаю, что к этому экзамену ты готовилась, как сумасшедшая. Если все твои усилия пропадут даром, это убьет нас. — Она улыбнулась. — Шарлотт-Энн?

Та быстро взглянула на мать. Ее светлые глаза странно затуманились.

— Мне бы... тоже хотелось поехать, но я... Но у меня сегодня тоже экзамен, — солгала она.

Элизабет-Энн взглянула на Лэрри.

— Может быть, мы подождем еще немного? — предложила она. — Тогда мы сможем подгадать так, чтобы свадьба не нарушила никому расписания. Нет никакой необходимости спешить.

— *Нет.* Абсолютно, точно, определено. Я и слышать об этом не хочу! — торопливо воскликнула Шарлотт-Энн, на ее лице читалось глубокое разочарование. Ее пульс зачастил. Успех или провал задуманного ею зависел как раз от того, оставят ли ее одну. Планируемая свадьба, отсутствие матери в течение недели явились для нее манной небесной. Свадьба *должна* состояться. — Вы должны связать себя узами, — убежденно заговорила она. — И слышать не желаю о том, чтобы откладывать бракосочетание из-за кого-нибудь из нас. Нет, если вы хотите получить *мое* благословение. — Девушка сурово взглянула на них и добавила: — Если вы намерены ждать, то, может быть, вы не настолько уверены в том, что вам необходимо пожениться?

— Да нет же, что ты! — заверила ее Элизабет-Энн.

— Тогда докажите это.

— Хорошо, раз ты настаиваешь, — с сомнением произнесла Элизабет-Энн.

— Да, настаиваю. И я уверена, что все остальные со мной согласны. — Шарлотт-Энн посмотрела на свою тарелку, пряча глаза, чтобы никто не заметил в них торжествующего блеска. По ее телу пробежала дрожь предвкушения. Сегодня по дороге в школу она зайдет в помещение администрации отеля на втором этаже под предлогом того, что ей надо напечатать статью для стенгазеты. Шарлотт-Энн проделывала это раз пятнадцать или двадцать за прошедший год. Правда, никаких статей она не печатала. Вместо них на почтовой бумаге с грифом «отелей Хейл» наверху девушка писала записки. Как и предыдущие, сегодняшняя освободит ее от занятий во второй половине дня для того, чтобы сходить к врачу. Потом она поставит подпись матери. Большая практика помогла ей сделать росчерк почти совершенным.

Шарлотт-Энн улыбнулась при мысли о том, какие же все-таки глупцы ее

преподаватели. И как они беспокоятся о ее хрупком здоровье! Ей с трудом удавалось удержаться от смеха: они были так предупредительны. Честно говоря, уже около года она и близко не подходила к кабинету врача. Шарлотт-Энн была образцом великолепного здоровья.

Что там сказал ей Микки Хойт во время их последней встречи?

«Никакая жертва не будет слишком большой».

Точно. *Никакая жертва не будет слишком большой.*

Во всяком случае, для того, чего она хочет достичь.

2

Великолепное утро сменилось кошмарным днем.

К часу небо над Манхэттенем затянули серые бугристые облака. Шарлотт-Энн подняла голову и упрекнула сама себя, что не послушала прогноз погоды, не выписала себе освобождение от занятий с полудня вместо двенадцати тридцати и к тому же отказалась взять зонтик. Ей следовало послушаться Даллас, ведь та предупреждала, что будет дождь. Но ее уже тошнило от наставлений экономки. Если не принять мер предосторожности, она вас завоспитывает до смерти. А если ее не послушаться, то обязательно получишь на орехи.

Но сегодня Шарлотт-Энн поступит по-своему. Счастливая парочка отбыла на собственную свадьбу. Им и в голову не приходило волноваться по поводу того, что задумала Шарлотт-Энн. Да и есть ли у нее самой время беспокоиться о таких пустяках, как погода, когда все ее будущее поставлено на карту?

Шарлотт-Энн торопливо пошла по заполненному толпой тротуару, бесцеремонно прокладывая себе дорогу, и вдруг первая холодная тяжелая капля дождя упала ей на плечо. Нахмурившись, она прикрыла голову книгой, а раздутый портфель крепко прижала к себе и бросилась бежать, стараясь обогнуть массовые скопления зонтов, раскрывшихся с первыми каплями дождя и напоминавших лес огромных черных грибов. Вот и Мэдисон-авеню. Ей пришлось подождать зеленого сигнала светофора, чтобы перебежать через улицу и так же быстро попасть на восточный конец Сорок второй улицы. Еще один квартал, и она внутри Грэнд Централ-стейшн.

Первые струи ливня превратились в настоящий потоп, и к тому времени, когда Шарлотт-Энн оказалась в сухой и теплой пещере станции, ее рыжевато-коричневое пальто из верблюжьей шерсти намокло. Теперь-то ей уж точно достанется от Даллас. Она перестала отряхиваться и перевела дух. Шарлотт-Энн вымокла до нитки, зубы выбивали противную дробь.

Но именно сейчас *это* волновало ее меньше всего. Ей все равно надо переодеться в дамской туалетной комнате. Когда Микки Хойт назначал ей свидание, она всегда вместо книг запихивала во вместительный портфель смену одежды. В конце концов, не может же она предстать перед ним в образе школьницы в старомодной форме, тем более после всех тех историй, что она о себе насочиняла.

Шарлотт-Энн рассказала Микки, что ей двадцать лет, она несчастна, потому что замужем за очень ревнивым мужчиной, и, следовательно, может встречаться с ним лишь украдкой. Девушка даже купила дешевое обручальное колечко и всегда водружала его на палец, перед тем как отправиться на свидание. Не было лишних деталей, если они добавляли правдоподобия ее выдумке. У нее были веские основания подозревать, что если ее любовник

узнает правду — что ей всего семнадцать и живет она с матерью, — то она попадет в настоящий переплет. Он был слишком хорошо известен в городе, слишком знаменит, чтобы выйти из этой истории незапятнанным. Его карьера, главное в его жизни, не вынесла бы крупного скандала. Если возникнет угроза его репутации, он бросит ее, как слишком горячую картофелину. А если такое произойдет, то рухнут все ее восхитительные, пленительные надежды.

Нет, этого не случится. Она просто не допустит этого.

Шарлотт-Энн устремилась в туалетную комнату. Для любого стороннего наблюдателя зашла туда школьница, а вышла совершенно другая женщина с походкой одновременно грациозной и величественной. Перед публикой предстала ослепительно красивая, модно одетая, современная с головы до ног леди.

Пробираясь через толпу нагруженных покупками людей по дороге к камере хранения, она поймала свое отражение в затемненной витрине магазина. Шарлотт-Энн впервые с тех пор, как пошел дождь, почувствовала себя довольной. Промокла она или нет, но выглядит просто сногшибательно.

Шарлотт-Энн как могла высушила волосы и заколола их так, что стала казаться старше и выше ростом. На голове — зеленая фланелевая шляпка, похожая на колокольчик, с длинным шарфом, завязанным на затылке. Блуза из джерси такого же оттенка, немного легкая для столь ужасной, холодной погоды, отлично гармонировала с плотной фланелевой расклешенной юбкой. Кашне, пояс из телячьей кожи, чулки рыжеватого-коричневого цвета создавали удивительный контраст с зеленью костюма. Шарлотт-Энн надела мягкие замшевые перчатки на оттенок светлее, чем блузка и юбка.

Одежда принадлежала матери, у которой — благодарение Богу — был почти такой же размер, как и у дочери, и Шарлотт-Энн попросту стащила ее. Этот наряд не слишком-то гармонировал с простеньким пальто школьницы, но выбора у нее не было. Попытаться стянуть одно из пальто Элизабет-Энн под бдительным взором Даллас оказалось выше ее сил. Ей и так следовало поблагодарить счастливое расположение звезд за то, что ей до сих пор удавалось брать платья матери. Правда, она действовала осторожно. После того, как Шарлотт-Энн их надевала, она сдавала их в чистку при отеле, а потом забирала и аккуратно вешала на место.

Подойдя к камере хранения, девушка нашла пустую ячейку, сунула туда свой портфель и промокшую форму и спрятала ключ в крошечную дамскую сумочку из телячьей кожи. В ее внешности не осталось ничего от девочки-школьницы. Даже манера поведения изменилась. В походке появилась волнующая чувственность молодости, приковывающая взгляд. Казалось, Шарлотт-Энн и не осознает производимого ею впечатления, хотя в действительности она полностью отдавала себе отчет в происходящем. В ее глазах сияло страстное желание, нежная белая кожа горела от предчувствия встречи, и каждый жест стал мягким и плавным.

Сидящая внутри нее взрослая женщина все время старалась вырваться наружу, прорваться сквозь внешность школьницы, но дома, среди своих, Шарлотт-Энн скрывала эту часть своего существа. Она боялась показаться смешной, страшилась насмешек и снисходительных улыбок. Но сейчас ею завладело удивительное чувство свободы и облегчения. Мужчины оценивающе смотрели ей вслед, оборачивались, а женщины бросали завистливые взгляды. Шарлотт-Энн делала вид, что ничего не замечает, но она наслаждалась каждым мгновением.

Оказавшись снова на улице, она вздрогнула от холода. Дождь полил еще сильнее. Если Шарлотт-Энн станет пережидать ненастье, то опоздает, и Микки это не понравится. Подобно своей любовнице, он воровал эти часы, и каждая минута у них была на счету.

Шарлотт-Энн подняла воротник пальто. Она снова промокнет, это ужасно, но что ей еще остается? Она не должна делать ничего такого, что раздражало бы Микки, особенно теперь, после того, что он обещал ей во время их последней встречи.

Она устремилась на восток через Сорок вторую улицу. Отель «Алгонкин» не так далеко, и если повезет, то дождь скоро кончится.

Но этого не произошло.

Пробираясь сквозь бурю, Шарлотт-Энн думала не о ливне, а о своей карьере и Микки Хойте. Да, именно в таком порядке.

Что до нее, то ее судьба решилась в тот самый вечер, около года назад, когда она впервые увидела шоу на Бродвее. Сидя в зрительном зале, дрожа от возбуждения, захваченная происходящим на сцене, Шарлотт-Энн наконец поняла, кем она хотела бы стать. Ее место не в партере, а на подмостках. Девушка сгорала от желания стать звездой, похожей на одну из тех, что очаровывали ее. Ей хотелось стать великой актрисой американского театра, купающейся в аплодисментах. Но что важнее всего, *она* станет лучшей из лучших, настоящей *великой* актрисой. Она завоеует себе массу поклонников, они будут плакать и смеяться, любить и ненавидеть. Это не казалось выдумкой, у нее есть талант, каждый это скажет.

В прошлом году в школе она начала ходить в драматическую студию и попыталась сыграть в пьесе. Ей досталась очень маленькая роль, но она так старалась, что ей удалось выделиться среди остальных, и премьера стала ее триумфом. Шарлотт-Энн сыграла настолько хорошо, что в этом году ей без борьбы досталась главная роль в великолепной короткой салонной комедии Джеймса Барри.

Она настолько увлеклась своей ролью, что запустила занятия, так что преподавателям пришлось написать язвительную записку ее матери:

«Если бы только Шарлотт-Энн уделяла столько же внимания урокам, сколько она отдает актерскому мастерству...» — так начиналась записка. Она вскипела от гнева. Неужели эти дураки ничего не видят? Слепли они, что ли? Шарлотт-Энн должна изучать актерское искусство, а не экономику и какие-то там железы внутренней секреции.

Но в тот вечер, когда сыграли пьесу, после последнего вызова на поклон, она поняла, что это стоило всех неприятностей и даже провала по геометрии. Ее так пьянили аплодисменты, что ей с трудом удавалось удержаться от того, чтобы не упасть в обморок.

Шарлотт-Энн так хорошо справлялась с ролью, что произошло невероятное. По мере того как разворачивалось действие, она действительно превратилась в свою героиню. Взрывы оваций вознесли ее на такую высоту, какой она и представить себе не могла.

Вдруг все в школе стали ею восхищаться. Ей все время говорили, что раньше никто и не замечал, насколько она красива. Даже одноклассницы, до этого относившиеся к ней свысока или никогда не разговаривавшие с ней, и даже мальчики, игнорировавшие ее до сих пор, закружились вокруг нее. Ее приглашали на свидания, к ее советам прислушивались. Никогда еще Шарлотт-Энн не пользовалась такой популярностью. Ей и в голову не приходило, какой могущественной она может себя чувствовать.

Ее судьба, столь ясно представшая перед ней во время того бродвейского спектакля,

теперь была решена бесповоротно. Она станет актрисой. Шарлотт-Энн твердо вознамерилась увидеть свое имя на афише.

Даже мать и сестры горячо поздравили ее после спектакля, но никто из них не отнесся серьезно к ее намерениям.

— Когда-нибудь, — тихо пообещала она им по дороге домой, — я стану актрисой.

— Отлично, дорогая, — ответила мать. — Ты действительно очень хорошо играла. Я на какое-то время и забыла, что это ты на сцене.

Приятные слова, настоящий комплимент, за который дорого заплатила бы любая актриса. И все-таки Шарлотт-Энн чувствовала, что никто, особенно Элизабет-Энн, не воспринял с должной серьезностью ее слова. Казалось, никто не понимает, что по сравнению с игрой на сцене все остальное ничего не значит.

Ее имя на афишах.

Незачем ей учить историю и математику. Ей нужно учиться играть, знакомиться с театром.

Шарлотт-Энн дошла до того, что однажды вечером попыталась обсудить свои планы с матерью. Элизабет-Энн улыбнулась ей:

— Но, дорогая, каждый должен знать основы. Как только ты получишь образование, ты сможешь отправиться в колледж и изучать театральное искусство. Никто и не пытается остановить тебя.

— Но... ты частенько говорила мне, что *ты* сама не получила хорошего образования, — уточнила Шарлотт-Энн, надеясь отбиться от посещения школы Брерли, чтобы ходить на актерские курсы. — Тебе это никак не повредило.

— Это правда, — ответила Элизабет-Энн. — Но поверь, много раз я думала о том, что нужно мне было учиться побольше. — Она вздохнула. — Но в Техасе мы жили по-другому. И в знаниях там не так нуждались, как здесь.

Шарлотт-Энн молча кивнула. Тем не менее ее точка зрения не изменилась. Да, мать понимала ее желание чем-нибудь заняться, но, очевидно, до нее не доходило, насколько важно для Шарлотт-Энн бросить бесполезные уроки и всей душой и телом отдаться выбранной ею карьере. Она отправилась спать с тяжелым сердцем и так и не сомкнула глаз, всю ночь напролет размышляя об игре на сцене. Эти мысли жгли ее огнем.

Но ранним утром, перед самым рассветом, ее осенило. Как она раньше не догадалась? Ведь, слава Богу, она живет на Манхэттене! Почему бы ей не пройти прослушивание? Тогда, если ей дадут роль, никто не посмеет остановить ее. Ни за что, если она сумеет проявить себя.

Конечно, со школой ей придется побороться.

Если необходимость — мать изобретательности, то честолюбие — отец хитрости. Шарлотт-Энн раздумывала недолго.

Должно же быть средство избавиться от школы! Она просто прогуляет. Нет никаких причин, чтобы ей не справиться с этой проблемой. Ведь она актриса, разве не так? И если ее поймают, что ж, тем хуже. Стоило рискнуть ради того, чтобы увидеть свое имя на афишах.

Так это и началось — прикрытия, печатание записок «от матери», объясняющих ее отсутствие в школе, «страдания» от многочисленных недомоганий, из-за которых ей приходилось «обращаться к врачу», старательная подделка материнской подписи, переодевание в туалетной комнате Грэнд Централ-стейшн. Она придумала себе имя — Карла Холл, так как не хотела пользоваться собственным. Любой актрисе нужен

сценический псевдоним, рассудила Шарлотт-Энн. Карла Холл — такое имя легко запомнить. А уж она убедит всех, что его не так-то просто забыть.

Девушка просматривала газеты. Как только ей на глаза попадалось объявление об открытом прослушивании, она тут же «заболевала» и во второй половине дня отправлялась пробовать свои силы, какому бы шоу ни требовались исполнительницы. Казалось, все прослушивания происходили либо на запущенных складах, либо в грязных репетиционных залах с изломанной мебелью в Вест-Сайде.

Пробуждение от грез оказалось жестоким. Шарлотт-Энн ожидала чего-то совершенно другого, но в прослушивании не оказалось ничего хоть отдаленно напоминающего волшебство. В большинстве случаев сценарий попадал к ней в руки только тогда, когда уже надо было громко прочесть несколько строк. Либо выплывешь, либо утонешь. Она чувствовала себя, как молоденький бычок, попавший на скотобойню, подгоняемый огромным жестоким пастухом.

Шарлотт-Энн сама не понимала, как смогла выстоять, бесчисленное количество раз ей уже хотелось все бросить и снова отправиться в школу. Соревнование оказалось куда более жестким, чем ей представлялось. Ей и в голову не приходило, сколько в городе красивых девушек, куда более талантливых, чем она. И у всех было одно желание — стать актрисой.

Шарлотт-Энн быстро научилась узнавать «театральный мусор», как они сами себя называли. У них у всех был голодный вид, они так же жаждали еды, как и успеха. Они обязательно стремились не подчеркивать свою красоту, а старались доказать, что им подходит любая роль. Их одежда была довольно поношенной и небрежной. Казалось, они и внимания не обращают на то, как одеты. Важно только то, что у них в крови горел огонь, а в этом они были уверены. На каждом прослушивании Шарлотт-Энн слишком болезненно ощущала, что одета слишком элегантно и просто сияет здоровьем.

Если прослушивания сами по себе оказались ужасными, то реакция на нее других начинающих актрис была просто мучительной. Шарлотт-Энн ощущала накатывающиеся на нее волны неприкрытой ненависти. Как-то одна девушка толкнула подружку в бок и указала на Шарлотт-Энн пальцем, потом другая изобразила леди, высокомерно подняв подбородок и надевая воображаемые перчатки. Девушка слышала как-то, каким прозвищем они ее наградили — Мисс Богатая Сучка.

У всех на лицах держалось одинаковое ледяное выражение. Шарлотт-Энн могла без труда расшифровать его: «А *этой-то* что здесь понадобилось? За кого *она* себя принимает? Если на ней и надето тряпок на сотни долларов, то неужели она думает, что получит роль?»

Девушка чувствовала себя такой одинокой, и ей не к кому было обратиться за поддержкой. Существовали две причины, заставлявшие ее приходить снова и снова: надежда на то, что представится случай проявить свои способности, и вера в собственную исключительность. Она считала, что принадлежит к немногим избранным. Но стоило Шарлотт-Энн посмотреть на остальных, как ее сердце словно проваливалось в яму.

«Если бы они только знали!» — воскликнула она про себя. Ей не хотелось отличаться от прочих. Шарлотт-Энн пожертвовала бы всем, чтобы слиться с толпой. Смешно сказать, но суть проблемы состояла в том, что ей нечего было надеть. Ее школьная форма исключалась раз и навсегда. Не могла она надеть и свои собственные вещи, в которых выглядела слишком юной, совсем девчонкой. У нее остался только один выход — постараться выглядеть старше своих законных семнадцати лет. И, как оказалось, для этого ей пришлось позаимствовать платья матери. Хуже было то, что теперь Элизабет-Энн носила дорогую, отлично сшитую

одежду, носящую неистребимый отпечаток изысканности.

«Ну что же, это просто еще одна жертва, правда, совершенно лишняя, черт бы ее побрал, — снова и снова убеждала себя Шарлотт-Энн. — Пусть себе смеются за спиной, пусть называют Мисс Богатой Сучкой. Наплевать. Я им всем покажу. Я *добьюсь*».

Прослушивание следовало за прослушиванием, снова и снова она слышала одно и то же, словно ставили заезженную пластинку:

— Спасибо. Если вы нам понадобится, мы вам сообщим. Следующая!

Очень долго Шарлотт-Энн пропускала прослушивания для музыкальных шоу или таких, где требовалось танцевать. Она знала, что никогда не сумеет напеть мелодию или изобразить простейшее танцевальное па. Но потом, вконец отчаявшись, девушка решила попытаться счастья и на этом поприще. «Не умру же я», — сказала она самой себе. Что они могут с ней сделать? Ну выгонят в очередной раз.

Речь шла о давно идущем музыкальном ревью «Дотянись до звезд», для которого набирали новый состав. Репетиционный зал, где ожидалось прослушивание, как всегда, находился в районе Сороковых Восточных улиц. В очередной раз это оказалось еще более ветхое здание, чем те, в которых ей приходилось бывать раньше. Шарлотт-Энн была двадцать восьмой из примерно пятидесяти девушек, многих она видела на предыдущих прослушиваниях. Вроде бы пока еще никто не получил роль. Между девушками возникло некое чувство товарищества. Многие знали друг друга и старались скрасить знакомым ожиданием.

Шарлотт-Энн тихо сидела на одной из потертых банкеток, дожидаясь своей очереди. Ее била дрожь. Время шло, с каждой минутой в ней росло чувство страха.

Одна за одной девушки входили в репетиционный зал, пели под аккомпанемент расстроенного пианино. У всех так хорошо получалось. Даже через закрытую дверь ей было достаточно слышно.

«Господи! — взмолилась она. — Я не могу петь или читать ноты. Я даже танцевать не умею. Я только выставлю себя на посмешище».

Не успела она произнести эти слова, как кто-то громко произнес:

— Карла Холл!

Шарлотт-Энн похолодела. Ее вызвали еще раз, и она как-то сумела встать, заставить ноги двигаться, ее покачивало. Она вооружилась единственным доступным ей оружием — распрямила плечи и приняла холодный, непреклонный, достойный настоящей леди вид.

Огромный зал был пуст и темен. Пианино стояло так, чтобы исполнитель видел его. В дальнем конце, в тени, сидели четверо мужчин и женщина. Молодой человек в мешковатых брюках вручил ей листок с нотами. Шарлотт-Энн глуповато уставилась на него, потом повернулась к пианисту. Он казался серым и неопрятным, его почти скрывала завеса сигарного дыма. Заиграло расстроенное пианино. Она посмотрела на листок с неподдающимися расшифровке нотами, зажатый в руке, и глубоко вздохнула. Может быть, ей удастся выкрутиться. Она достаточно наслушалась за последние два часа, как другие исполняли эту песню.

Шарлотт-Энн раскрыла было рот, но не смогла произнести ни звука. Пианист, сыграв вступление, остановился. В ужасе она взглянула на пятерку в конце зала, но они как будто не обращали на нее никакого внимания. Медленно Шарлотт-Энн повернулась лицом к пианисту, вращавшему глазами. Он начал сначала.

И опять ничего.

Молодой человек в мешковатых брюках подошел к ней и, вырвав листок с нотами из ее рук, широко открыл дверь:

— Следующая! Этель Броуард!

Обескураженная Шарлотт-Энн посмотрела на комиссию. Ей отказали, на этот раз и без обычного «если понадобится, мы вам позвоним».

Она не заслужила даже этого.

Словно во сне, Шарлотт-Энн увидела, как вошла следующая претендентка, приятная улыбающаяся брюнетка лет двадцати пяти. Девушка понимала, что должна уйти, но не могла сдвинуться с места. Ноги будто приросли к полу.

— В чем дело? — спросил молодой человек. — Чего вы ждете? Чуда?

Его слова вывели ее из оцепенения. Она повернулась и, зажав рот ладонью, выбежала из комнаты. Глаза щипало. Она пролетела через приемную, где другие девушки с удивлением посмотрели на нее, и заторопилась вниз по крутой лестнице. Шарлотт-Энн боялась, что ее вырвет раньше, чем она успеет выбежать на улицу.

Шарлотт-Энн прислонилась к запачканной сажей кирпичной стене, глубоко вдыхая свежий воздух. Тошнота постепенно отступила, но девушка все еще тихонько всхлипывала, слезы текли по ее щекам. Еще никогда в жизни она не испытывала такого унижения.

Шарлотт-Энн услышала чьи-то шаги и отвернулась, пряча лицо.

— Эй, детка, всегда можно попробовать еще раз, — вежливо произнес чей-то тенор. — Не все созданы для того, чтобы петь и танцевать. Вы просто попали не на то прослушивание. Такое случается сплошь и рядом.

Шарлотт-Энн вытерла слезы и шмыгнула носом.

— Я не детка, — огрызнулась она. — Мне уже двадцать.

Впервые она солгала ему, первая ложь в длинной цепи. Но в данный момент это не имело значения.

— Отлично.

Шарлотт-Энн медленно повернулась. Он возвышался над ней, красивый, сильный и все-таки какой-то скользкий и глянцевоый. Его агатовые глаза гипнотизировали, а на губах играла полуулыбка. Он был одним из тех четверых, что сидели в дальнем конце зала, но сейчас его лицо казалось ей странно знакомым. У нее возникло чувство, что она его знает, но никак не могла припомнить имени.

Мужчина хмыкнул, извиняясь:

— Прошу прощения. Я не собирался называть вас деткой. Это просто форма обращения.

Она улыбнулась и кивнула. И вдруг сердце у нее екнуло. Шарлотт-Энн поняла, почему его лицо так ей знакомо! Она видела его фотографии в газетах и журналах множество раз. В прошлом году она попала на шоу с его участием. Это же Микки Хойт, одна из самых ярких звезд нью-йоркской сцены.

Его глаза блеснули:

— Ладно, приглашаю вас на чашку кофе.

Впервые в жизни Шарлотт-Энн почувствовала к нему инстинктивное физическое влечение, как будто дремавшие в ней силы неожиданно проснулись. Она вдруг осознала, что кивает утвердительно. Шарлотт-Энн была очарована.

Микки взял ее под руку и повел по направлению к Таймс-сквер.

— Тяжело пришлось? — спросил он, пока они шли.

Шарлотт-Энн кивнула, приноравливаясь к его широкому шагу.

— Мне это знакомо, я тоже прошел через этот ад.

— Вы?

— Конечно. Вы же не думаете, что я так и родился на сцене?

Она пожала плечами:

— Нет, я просто удивилась, вот и все, — и нахмурилась. — Иногда мне кажется, что меня просто загнали в угол всеми этими отказами.

— Я бы на вашем месте не стал волноваться. Вы красивы, возможно, вы самая красивая из всех виденных мною женщин. И можете мне поверить, я немало повидал. Но вы их всех побьете. На вас лежит печать качества, у других девушек этого нет. В вас есть что-то от сдержанной леди из Новой Англии.

— Я родом из Техаса.

— Я знаю. Это чувствуется в вашей речи. Но манеры у вас прямо бостонские.

Шарлотт-Энн насупилась:

— Может быть, мне стоит избавиться от моего акцента?

Он покачал головой.

— Не стоит из-за этого волноваться. Все, что вам нужно, это хорошие роли. Во многих из них ваш акцент придется к месту.

— Но их невозможно получить.

— Не совсем так.

Она посмотрела на него с живым интересом.

— Вы знаете что-то такое, что мне неизвестно?

— Нет. Просто у меня есть то, чего нет у вас — связи. Многие люди в этом городе мне обязаны. Этот бизнес подчиняется одному закону: «ты чешешь мне спину, я — тебе». Все, что нужно мне сделать, — это потребовать некоторые старые долги, чтобы раздобыть для вас приличные сценарии. Некоторые из них вы сможете прочитать и постараетесь сыграть, не проходя подобной унижительной процедуры.

Шарлотт-Энн не могла поверить своим ушам.

— Вы действительно можете такое сделать? — Ее голос упал до шепота.

— А почему нет? — Он беззаботно рассмеялся. — Разве я не Микки Хойт?

Она торжественно кивнула.

— На это, конечно, потребуется время. Самое главное — найти для вас подходящий сценарий. Но предупреждаю: на большую роль не рассчитывайте. Просто приличная. Остальное — в ваших руках. Как вы думаете, справитесь?

— Вы еще спрашиваете!

Микки остановился:

— Вот мы и пришли.

Шарлотт-Энн посмотрела на симпатичное здание.

— Но это же не кафе, — тихо проговорила она.

— Нет. Это отель «Алгонкин». Но мы сможем получить в номере приличный кофе.

По лицу девушки было видно, что она колеблется.

— И должен признаться, я действительно заманил вас сюда. — Он обезоруживающе улыбнулся. — Причем самым бесчестным образом.

Шарлотт-Энн вспыхнула и отвернулась.

— Вы не обязаны подниматься ко мне в номер, хотя мне бы этого хотелось, — негромко произнес он. — Мы можем посидеть в вестибюле и просто поговорить.

— Нет, все отлично. — Она взглянула ему в лицо.

Его глаза неотступно следили за ней, и когда их взгляды встретились, Шарлотт-Энн показалось, что земля остановилась и никого, кроме них, не осталось в целом свете.

Словно под гипнозом она последовала за ним в гостиницу. Они поднялись на девятнадцатый этаж. На двери его комнаты красовался номер 1919. Микки закрыл дверь и запер ее.

Он повернулся к девушке и улыбнулся:

— Не волнуйся, ты не забеременеешь. Видишь ли, любовью можно заниматься и по-другому.

Она смотрела, как Микки расстегивает брюки, зачарованно уставившись вниз. Его пенис уже почти встал, огромный и пурпурно-красный. Так вот он «огурец», о котором шушукались девчонки в школе. Когда ее брат был маленьким, она видела его гениталии, но член взрослого мужчины ей довелось увидеть впервые. Ей и в голову не приходило, что он может так раздуваться или выглядеть таким агрессивным. На какое-то мгновение ее охватила паника.

Шарлотт-Энн почувствовала его руки на своем затылке, он принуждал ее встать на колени. Ковер оказался ворсистым и мягким. Она взглянула на него. Его глаза ярко горели, словно угли.

— Ну, давай, детка, — раздался его тихий хриплый голос. — Действуй, попробуй его.

«Это совсем не то, что называется заниматься любовью», — промелькнуло у нее в голове. Ну и пусть. Она сделала то, что он просил, и когда Микки испустил глухое рычание, инстинктивно отвернулась. Густой поток спермы брызнул на пол. Когда он отпустил ее, то единственное, чем она могла себя утешить, была мысль о том, что дело того стоило.

Ни одна жертва не была слишком большой.

Когда Шарлотт-Энн пришла в «Алгонкин», она вымокла насквозь и напоминала мокрую птицу. Никто не остановил ее, пока она торопливо пересекала вестибюль. Несмотря на свой внешний вид, она казалась принадлежащей к кругу избранных. В ней чувствовалась этакая небрежность человека, привыкшего к роскоши.

Шарлотт-Энн направилась напрямик к лифтам и поднялась наверх. Он всегда ждал ее по пятницам после обеда в одной и той же комнате. Теперь, после всех этих недель, комната 1919 стала ее вторым домом.

И, может быть, сегодня... Она так надеялась, что сегодня он наконец предложит ей прочесть великолепный сценарий.

Стоя перед дверью комнаты, Шарлотт-Энн стряхнула дождевики с пальто, сняла шляпку и потрясла ее, пригладила волосы и перевела дух. Потом негромко постучала три раза.

За дверью послышались шаги. Вот сейчас дверь распахнется, и Микки появится на пороге, высокий и красивый, сияя ей навстречу ослепительной улыбкой и приветствуя ее взглядом, полным обещаний.

Ключ повернулся в замке, но когда дверь отворилась, Шарлотт-Энн сдавленно вскрикнула. Перед ней стояла Элизабет-Энн.

— Мне кажется, — произнесла мать дрожащим голосом, — что нам с тобой пора поговорить серьезно.

Когда Шарлотт-Энн вышла из кабинета врача, ее лицо горело, и она избегала смотреть на мать. Ей казалось, что она никогда больше не сможет посмотреть в глаза кому-либо, особенно своей матери.

Доктор Роджерс, мрачный мужчина высокого роста с водянистыми серыми глазами, встретился взглядом с Элизабет-Энн. Он незаметно покачал головой и вернулся в свой кабинет.

Элизабет-Энн позволила себе облегченно вздохнуть. Она откинулась на спинку кресла в приемной и закрыла глаза.

По дороге домой Шарлотт-Энн угрюмо смотрела в окно автомобиля. Ни она, ни мать не произнесли ни слова. Элизабет-Энн казалась одновременно расстроенной и смущенной. Когда они добрались до дома, она молча проводила дочь до ее комнаты и, войдя следом, закрыла дверь.

— Ты все еще девственница, — тихо произнесла она, сядя на край кровати. — Слава Богу! — и посмотрела прямо в глаза Шарлотт-Энн.

Лицо дочери побагровело. Она села на банкетку возле туалетного столика и опустила голову от стыда.

— Я не собираюсь отрицать, что все случившееся стало для меня ударом, — сказала мать. — Мы с Лэрри уже собирались уезжать, когда зазвонил телефон. Это была одна из твоих учительниц. Она очень беспокоилась о твоём здоровье и просила меня подтвердить, что с тобой все в порядке.

Шарлотт-Энн только тяжело вздохнула.

— Ты понимаешь, — тихо спросила Элизабет-Энн, — что за этот год ты двадцать семь раз пропустила занятия во второй половине дня? *Двадцать семь!*

Шарлотт-Энн закрыла глаза. Она «проболела» много дней, но ей и в голову не приходило, что число окажется таким огромным.

— Я могу... объяснить, — прошептала девушка запинаясь.

— Мне бы хотелось послушать. — Элизабет-Энн заинтересованно взглянула на дочь. — Этот день принес не один неприятный сюрприз. После звонка из школы, когда Даллас убирала твою постель, телефон снова зазвонил. Естественно, она сняла трубку.

У Шарлотт-Энн засосало под ложечкой. Ей не следовало ни в коем случае давать Микки Хойту свой номер телефона. Но он так настаивал, что ей пришлось его продиктовать.

— Звонил некто по имени Микки, — продолжала мать, — и спрашивал он Карлу Холл. Даллас слишком удивилась, чтобы поправить его. Он просил передать тебе, что не сможет сегодня с тобой встретиться, но будет ждать тебя в «Алгонкине» в следующую пятницу, как обычно.

— Он что, действительно позвонил и сказал Даллас все это? — спросила Шарлотт-Энн, не решаясь поверить. — Он хотел положить конец нашим отношениям?

— Не могу говорить за него, — сказала Элизабет-Энн, — возможно, у него были такие намерения, а может быть, и нет. Но нам пришлось заняться расследованием. Лэрри отправился в «Алгонкин» поговорить с портье. Тот оказался очень скрытным и утверждал, что ничего не знает. При сложившихся обстоятельствах этого следовало ожидать. Тогда Лэрри отозвал его в сторону и сказал, что ты несовершеннолетняя и что он собирается отправиться в полицию и возбудить дело об изнасиловании. Тут портье вспомнил все. Судя по всему, комната 1919 стала очень хорошо известной своими послеполуденными встречами по пятницам, — сухо добавила она.

Шарлотт-Энн обреченно покачала головой.

— Конечно, мистеру Хойту следовало подумать заранее. Он слишком хорошо известен в городе, чтобы надеяться остаться незамеченным. Тем не менее я уверена, что виноват не только он. — Элизабет-Энн выглядела очень расстроенной. — Я не собираюсь отрицать, что ты меня разочаровала, Шарлотт-Энн. Но все мы люди. Все мы ошибаемся. Особенно пока молоды.

— Я больше не ребенок, — негромко запротестовала Шарлотт-Энн. — Я женщина, мама.

Мать посмотрела на нее и кивнула:

— Кажется невероятным, что ты выросла так быстро.

Я всегда думала о тебе, как о маленькой девочке. Теперь я понимаю, что была неправа.

— Это не твоя вина, мама.

Элизабет-Энн озабоченно вздохнула.

— Может быть, да, может быть, нет. Я не уверена, что мы когда-нибудь узнаем ответ. — Она поднялась на нос. — Мне надо разобраться в себе самой. Я предлагаю подождать до завтра, чтобы решить, что же нам теперь делать. — Элизабет-Энн направилась к двери.

Шарлотт-Энн подняла голову и взглянула на мать.

— Мама, ты ненавидишь меня? — хрипло спросила она.

Элизабет-Энн обернулась. Лицо у нее было удивленное. Впервые в жизни Шарлотт-Энн по-настоящему осознала силу характера своей матери.

— Нет. Кто говорит о ненависти, Шарлотт-Энн? Ты могла сделать что-то, что мне не нравится или чего я не одобряю. Но ведь ты моя дочь, — ее голос зазвучал громче. — Что бы ты ни сделала, я никогда не смогу ненавидеть тебя. Я люблю тебя. Когда-нибудь, когда у тебя появятся дети, ты меня поймешь.

Какое-то время Шарлотт-Энн удивленно смотрела на нее. Потом глаза ее наполнились слезами.

— Мама!

— Да, дорогая?

— Я тоже тебя люблю, — прошептала Шарлотт-Энн.

— Я знаю это, — улыбнулась мать.

— Мне, правда, очень жаль, мама! — отчаянно воскликнула девушка. — Я столько натворила! Я думала только о том, чтобы... О, черт! Я расстроила ваши с Лэрри планы. Я была такой эгоисткой.

Взгляд Элизабет-Энн смягчился. Шарлотт-Энн поняла, что ее мать сделала все возможное, чтобы справиться с этим, в высшей степени неприятным, делом. Но свои собственные чувства Элизабет-Энн Хейл старалась держать в узде.

— Я все еще могу купить ту недвижимость, — ответила мать, — и подпишу бумаги через несколько дней. Да и Лэрри вроде не собирается от меня сбежать, насколько мне известно. Все, что было намечено, вполне может подождать несколько дней. Для меня главное, чтобы ты не пострадала.

Шарлотт-Энн слегка кивнула. У нее в горле стоял комок, и она не была уверена, что сможет сказать хоть слово.

Элизабет-Энн открыла дверь:

— Позже увидимся, дорогая.

— Да, мама. — Шарлотт-Энн смотрела матери вслед. Только после того, как дверь

захлопнулась, она упала на кровать и разрыдалась.

Ее терзали унижение, угрызения совести и злость на Микки. Господи, как же она его *ненавидела*. Он не только не сумел сохранить тайну, но его поведение не достойно даже презрения. Шарлотт-Энн не следовало ему доверять. Ведь она ему сказала, что замужем и что никто не должен знать об их встречах по пятницам. Неважно, что она солгала ему. У нее на то имелась причина, и довольно веская. Но он навлек позор и на себя и на нее, ублюдох!

Из случившегося ей стало ясно только одно: Микки намеренно попытался положить конец их отношениям, причем самым омерзительным способом. А из этого следовал и другой вывод — и это ранило ее еще больше. У него и в мыслях не было помогать ей сделать карьеру. Микки просто болтал. Так ему удавалось держать ее в руках.

Шарлотт-Энн чувствовала себя запятнанной и обманутой.

— Я приняла решение, — сказала ей Элизабет-Энн на следующий день. Они сидели в гостиной. — Может быть, оно окажется болезненным, но в будущем принесет пользу.

Мать и дочь сидели вдвоем на абрикосового цвета кушетках напротив друг друга. Шарлотт-Энн полночи не спала и наконец поняла правду о Микки Хойте. Она не любила его, теперь это стало очевидным. Ее привлекло его место в обществе и то, что он обещал для нее сделать.

А ему она нравилась потому, что могла выполнять его желания. Не так-то легко оказалось трезво взглянуть на ситуацию, но это было необходимо. Поняв, что объединяло их с Микки — и особенно что разделяло, — Шарлотт-Энн повзрослела и впервые взглянула на мать не с позиций молодости, а как равная.

Ей стало ясно, что впервые она смогла по-настоящему оценить Элизабет-Энн. Привлекательная, следящая за собой женщина, настоящая леди в великолепно сшитом костюме от Джейн Реньи — жакет с баской и юбка до середины икр. Никто бы и подумать не мог, что она приехала из маленького городка в Техасе. Оглянувшись на несколько последних лет, Шарлотт-Энн поняла, что не встречала никого, кто бы так хорошо приспособивался к новым условиям, как ее мать, кто бы делал так много и с таким изяществом.

Но сейчас она внимательно слушала Элизабет-Энн, отвечая только тогда, когда это требовалось. Шарлотт-Энн приняла решение: что бы ни сказала ее мать, она не будет возражать.

— Мы обе знаем, — между тем говорила та, — что твои успехи в школе Брерли за последний год были мягко говоря неудовлетворительными.

Шарлотт-Энн криво улыбнулась:

— Они были ужасными.

Элизабет-Энн засмеялась:

— Что бы ты ни говорила, мне кажется, нет нужды бросаться столь сильными словами. Я теперь понимаю то, что любой матери тяжело признать. — Она грустно вздохнула. — То, что любимое дитя повзрослело у нее на глазах. Ты уже выросла, Шарлотт-Энн, и, пожалуй, пришло время говорить с тобой, как со взрослой.

Во всяком случае, я считаю, что твои неудовлетворительные отметки в школе в большей степени связаны с твоим увлечением театром в ущерб учебе. Поэтому, мне кажется, было бы неплохо, если бы теперь ты уделила занятиям столько же внимания, сколько сцене. Как бы там ни было, ты почти совсем взрослая, и некоторые вещи не стоит тебе навязывать.

Пригодятся ли тебе знания или нет, покажет будущее. Но мне кажется, что неплохо было бы придать тебе немного лоска. Я думаю, что даже актерская часть твоего «я» с этим согласится.

Шарлотт-Энн кивнула.

— Я хочу, чтобы ты знала — я не ругаю тебя за то, что случилось, — продолжала Элизабет-Энн. Ее голос был тих и печален. — Я тоже была слишком невнимательна, слишком много времени уделяла делам и забыла о семье. Мне следовало заметить, что с тобой происходит, но у меня не нашлось времени. Но теперь все в прошлом. А на прошлое следует оглядываться только для того, чтобы извлекать из него уроки. Иначе прожитое окажется бесполезным.

Элизабет-Энн помолчала. Важно, чтобы Шарлотт-Энн восприняла ее решение как необходимость, а не как наказание. Мать думала над этим всю ночь и целое утро не отходила от телефона. Правда, слишком часто благие намерения ведут непосредственно в ад. Так трудно поставить все на свои места.

— Я догадываюсь, — мягко начала Элизабет-Энн, — что это... приключение с мистером Хойтом очень задело тебя.

Взгляд Шарлотт-Энн стал задумчивым:

— Еще вчера мне казалось, что да, но сегодня я уже в этом не уверена. Он использовал меня, теперь мне ясно. Но я тоже пыталась использовать его. Только у меня ничего не вышло.

Элизабет-Энн кивнула:

— Очень зрелый взгляд на происшедшее. Я рада. Я представляю, насколько трудно прямо назвать вещи своими именами. Тем не менее, мне кажется, что тебе легче будет выбросить его из своей жизни, если ты окажешься от него подальше. Чувства все-таки остаются на какое-то время, особенно если речь идет о хорошо известном человеке. Всякий раз, как ты увидишь его фотографию в журнале или его имя на афише, тебе будет больно.

Шарлотт-Энн нахмурилась, размышляя.

— Не думаю, чтобы с этим были проблемы. Мне кажется, с ним покончено.

Элизабет-Энн подняла руку:

— И тем не менее школа, в которую я решила тебя перевести, — это закрытое учебное заведение.

— Мама! — воскликнула пораженная Шарлотт-Энн.

— Пожалуйста, выслушай меня, дорогая. Ты должна понять, что это отнюдь не наказание. Прекрасная школа, где ты многому научишься. И не только математике и истории, хотя этому там тоже учат. В школе Катру завершают образование. Там девушки превращаются в молодых леди, их готовят к тому, чтобы появиться в свете. И кроме того, я не думаю, что тебе повредит повариться немного в интернациональном супе.

— Интерна...

— Молодая леди должна путешествовать, Шарлотт-Энн. Я слышала, что в Швейцарии очень хорошо. Рискую повториться, и все-таки: немного образованности и изысканности еще никому не повредило. Школа Катру находится в Женеве, о ней очень хорошо отзываются. Многие американки и англичанки, а также девушки лучших семей из некоторых других стран отправляются туда. Ты познакомишься с новыми людьми, обзаведешься друзьями. Не помешает тебе выучить и иностранный язык. — Элизабет-Энн помолчала. Лицо ее стало печальным: — Мне не хочется, чтобы ты уезжала. *Поверь* мне. Я все еще с

трудом осознаю, что ты уже выросла. Если бы это было в моих силах, я бы никуда тебя не отпустила, никогда, осыпала бы ласками и окружила заботой. Но это эгоистично с моей стороны, и я отказываюсь портить тебе жизнь. Ты должна научиться самостоятельности. Теперь мне это ясно. Именно поэтому ты так старалась стать актрисой и попала прямо в руки мистера Хойта. Не его следует винить, меня.

Я искренне хочу, чтобы ты осталась в школе Катру до конца следующего года. Но если ты захочешь вернуться домой или бросить учебу после твоего восемнадцатилетия, а оно через шесть месяцев, то решение за тобой. Ты станешь совершеннолетней и по закону сможешь сама принимать решения. Если по истечении этого срока твое желание стать актрисой лишь окрепнет, я помогу тебе, чем только смогу.

Шарлотт-Энн взглянула на мать.

— Швейцария... Такое далекое слово... Я еще никогда не уезжала из дома.

Элизабет-Энн наклонилась вперед и взяла руки дочери в свои. Ее голос был таким же нежным, как и ее прикосновение.

— Наступает время, Шарлотт-Энн, когда каждый из нас делает первый шаг навстречу независимости. Именно это ты сейчас должна сделать. Постарайся взглянуть на все иначе: в результате ты будешь лучше готова к встрече с миром, чем остальные.

— Что касается твоего решения помочь мне стать актрисой. Оно останется в силе, даже если я вернусь домой через полгода?

— Да.

— Ты... на самом деле сможешь мне? — Шарлотт-Энн внимательно смотрела на мать.

Элизабет-Энн не отвела взгляда:

— Мне кажется, тебе известно, что до сих пор я никогда не нарушала своих обещаний.

Дочь кивнула.

— Если твое решение серьезно, то я сделаю все, что смогу. Я поддержу тебя деньгами, чтобы ты могла думать только об актерском мастерстве, и *ни о чем* другом. Я оплачу драматические классы, курсы или что там еще тебе понадобится. И ты сможешь жить отдельно, если захочешь. Я даже попытаюсь — если это только в моих силах — открыть для тебя все двери, какие смогу. — Мать загадочно улыбнулась. — Я слышала, что тот, кто вкладывает деньги в шоу, иногда может получить роль для своего протеже. Слава Богу, денег у меня достаточно. Я уверена, что кто-нибудь из продюсеров не откажется освободить меня от некоторой их части.

— О, мама! — Шарлотт-Энн, казалось, была готова расплакаться. Ее одновременно охватили чувства освобождения и восторга. Она ожидала от матери назиданий и наказания, а вместо этого ей предложили все, чего ей хотелось. Повинуясь порыву, девушка вскочила с кушетки, села рядом с матерью и крепко обняла ее.

— Я надеюсь, — продолжала Элизабет-Энн, — что ты пообещаешь мне научиться как можно большему в школе Катру и доставлять своим учителям как можно меньше хлопот. А что касается путешествия через Атлантику, то ты не останешься одна. Робин Морган отплывает в Европу на следующей неделе на пароходе «Иль-де-Франс». Мне удалось сделать так, что ты поплывешь тем же рейсом. Она говорит, что будет рада, если ты составишь ей компанию.

Шарлотт-Энн была счастлива. Они давно знали Робин, и девушка не только любила ее, но и восхищалась ею. Робин Морган обладала не поддающимся описанию очарованием, к которому так стремилась Шарлотт-Энн. И хотя шесть месяцев за границей, в школе, в чужой

стране пугали ее, все-таки это *ненадолго*. Прождала же она три месяца, пока Микки Хойт собирался принести сценарий для нее.

— А теперь, — Элизабет-Энн встала, — нам не повредит пройтись по магазинам и кое-что купить. Тебе нужны новые вещи. Не можем же мы допустить, чтобы представитель семьи Хейл появился в Швейцарии в обносках, правда? — Ее глаза весело блеснули. — Или в платье своей матери?

Шарлотт-Энн явно раскаивалась, это было написано у нее на лице.

— Прости меня, мама.

Элизабет-Энн засмеялась.

— Скажу тебе только одно, — она обняла дочь за плечи, — ты отдала должное моей одежде.

— Мама! — Тон Шарлотт-Энн был настолько серьезен, что мать посмотрела на нее озабоченно.

— Что, дорогая?

— Лэрри... Ты ведь собираешься за него замуж?

— Конечно! Мы уже все решили. По правде говоря, он сейчас носится по городу и обо всем договаривается. Мы поженимся здесь. Сначала гражданская церемония, а потом скромное венчание в Маленькой церкви за углом ^[6]. Будут только члены семьи и самые близкие друзья, как Робин и Людмила.

— Мне так не хочется пропустить свадьбу.

— Да я тебе ни за что и не позволю это сделать, — развеселилась Элизабет-Энн. — Я же сказала тебе, что Робин придет, разве не так? Но ведь она не может одновременно быть в двух местах сразу. И ты тоже. Бракосочетание состоится после полудня за несколько часов до вашего отплытия.

Шарлотт-Энн ощущала тепло материнского объятия. Она неожиданно осознала, насколько они любят друг друга, хотя об этом не было сказано ни слова. Девушка взяла руку матери и поднесла к губам:

— Я рада, мама. Мне не хотелось бы уехать так, чтобы между нами осталось неприятное чувство.

— Мне бы тоже этого не хотелось.

— Забавно, правда? — Шарлотт-Энн посмотрела матери в глаза. — Я и подумать не могла, что мы сможем так с тобой разговаривать.

— Помни только одно: когда бы тебе ни захотелось обсудить что-то со мной, ты всегда можешь это сделать.

Шарлотт-Энн кивнула.

— Знаешь что? — У нее на глазах показались слезы.

— Никогда еще я не чувствовала себя такой близкой тебе. Мне кажется, что мы не мать и дочь, а...

Элизабет-Энн улыбнулась ей.

— Друзья? — спросила она.

атаками отступающей зимы. Не требовалось много воображения, чтобы представить Элизабет-Энн невестой, выходящей замуж в июне.

Маленькая церковь на Двадцать девятой Восточной улице была заполнена лилиями, розами, красными гвоздиками, тюльпанами и пионами. Шарлотт-Энн почти задыхалась от волнения, пока ее мать с небольшим букетом ландышей в руках вели к алтарю. Никогда еще Элизабет-Энн не была так красива. Невесту украшало сизо-серое кружевное платье, серая шляпка из узорчатого атласа и серые атласные туфли на высоком каблуке. Шею в три ряда обвивало жемчужное ожерелье, подаренное ей Лэрри этим утром. Жених тоже выглядел великолепно в отлично сшитом темном костюме с белой гвоздикой в петлице. Изуродованный глаз скрывала темная бархатная повязка. Их бракосочетание трудно было назвать самым светским событием года, хотя, если бы они того захотели, оно легко бы стало таковым. Но это была просто приятная свадьба в присутствии членов семьи и нескольких близких друзей. Все происходило так, как им хотелось. Людмила плакала и громко сморкалась во время церемонии.

А потом, несколько часов спустя, Шарлотт-Энн пришло время уезжать. В величественный желто-черный «роллс-ройс» Лэрри — Элизабет-Энн сохранит его в прекрасном состоянии до конца своих дней, — все еще украшенный свадебными гирляндами белых цветов, загрузили новые чемоданы от Вуиттона, подарок Хокстеттера Шарлотт-Энн по случаю отъезда. Они отправились в Вест-Сайд, где был пришвартован «Иль-де-Франс».

Элизабет-Энн и Лэрри забронировали для нее большую каюту в первом классе рядом с каютой Робин, но у них едва хватило времени осмотреть ее. Не успели они подняться на борт, как густой печальный гудок лайнера разнесся в воздухе.

— Нам пора идти, — сказал Лэрри.

Шарлотт-Энн кивнула. В ее душе возбуждение смешивалось с глубокой тоской, когда она прощалась со своей семьей. Впервые за все время она действительно чувствовала себя близкой им. Только теперь Шарлотт-Энн с острой болью поняла, как отчаянно она будет без них скучать.

— Итак, миссис Хокстеттер, — спросила Шарлотт-Энн у матери, — как вы ощущаете себя замужем?

— Честно говоря, почти так же, как и раньше, — улыбнулась ей мать. — Я давно люблю Лэрри. Но отели так и останутся отелями «Хейл». Я оставлю им мое «сценическое» имя, если так можно выразиться. В светской жизни я так и останусь Элизабет-Энн Хейл, а в частной стану миссис Лоуренс Хокстеттер. — Она улыбнулась Лэрри, потом пристально посмотрела на дочь, и ее голос дрогнул. — Я буду скучать без тебя, дорогая.

— Я тоже, мама. Жаль, что меня не будет с вами во время переезда.

— Переезда? — Элизабет-Энн казалась заинтригованной. — Какого переезда?

— В резиденцию Хокстеттеров, конечно!

— Ох, дорогая моя, нет. Все как раз наоборот. Лэрри переедет к нам в пентхаус. Мы это давно уже решили. Кроме того, мне не будет уютно в особняке. Потом есть и экономическая сторона вопроса. Зачем платить жалованье огромному штату слуг, если в нашем распоряжении весь персонал отеля? Даллас и шофер — вот и все, кто нам нужен. Слуги Лэрри поступят на работу в наши отели. Так и они без работы не останутся, и вместе с этим мы сократим расходы.

— Деловая женщина, как всегда, — улыбнулась Шарлотт-Энн. — Ты никогда не изменишься, мама.

Элизабет-Энн сделала вид, что шокирована.

— Надеюсь, что нет.

У нее на глаза навернулись слезы, когда она обнимала дочь. Они поцеловались, и мать вложила в руку Шарлотт-Энн маленькую коробочку.

— Что это? — поинтересовалась та.

— Медальон, подаренный мне твоим отцом. Анютины глазки. Пусть он напоминает тебе о нас.

Шарлотт-Энн всхлипнула и снова прижалась к матери.

Лэрри обнял ее, и девушке пришлось встать на цыпочки, чтобы поцеловать его.

— Благодарение Богу, отчимы никогда не бывают злыми.

— Мне будет тебя не хватать, взрослая дочка. Я надеюсь, что ты недолго там задержишься.

— Конечно же, нет.

— Не будь так уверена. У Европы есть свое очарование. Некоторые люди влюбляются в нее и остаются там навсегда.

Потом Заккес потряс ее руку и клюнул в щеку:

— Эй, сестренка, ты точно уверена, что я не могу поехать с тобой? Пароход такой большой.

Шарлотт-Энн печально улыбнулась ему.

— Это правда, — ответила она и повернулась к Ребекке. Они обнялись. — Я знаю, мы не всегда с тобой ладили, — тихонько сказала ей Шарлотт-Энн, — но мне будет тебя не хватать. Я люблю тебя и всегда буду любить.

— Я тоже. — Ребекка расцеловала ее в обе щеки.

Шарлотт-Энн кивнула и обняла неожиданно расплакавшуюся Регину.

— Мы впервые расстаемся.

— Не беспокойся, — заверила Шарлотт-Энн старшую сестру. Они быстро расцеловались. — Я скоро вернусь. Я стану актрисой, а ты врачом. Может быть, ты мне еще рожать поможешь, а? — Ее голос вдруг стал хриплым, бравада оставила ее. — Мы очень скоро увидимся.

Регина кивнула и улыбнулась сквозь слезы.

Им не дано было знать, что они больше никогда не увидятся.

Шарлотт-Энн смотрела, как ее семья спускается с парохода. Она стояла на палубе, вцепившись в лакированные поручни, словно дерево придавало ей сил. Девушка перегнулась через перила и стала искать знакомые лица в толпе, собравшейся на причале. Разглядев их, она отчаянно замахала рукой. Снова раздался густой мрачный бас парохода.

— Что это? Ты плачешь? — раздался голос рядом с ней.

Шарлотт-Энн обернулась и увидела Робин, очаровательную в своей маленькой шляпке с вуалеткой, бросающей тень на верхнюю половину лица. Она курила, и ее сигарета дымилась в длинном мундштуке из слоновой кости.

— Лично я плачу только на свадьбах и похоронах, — объявила Робин. — И *никогда* при отплытии парохода. — Она затянулась, потом выдохнула дым. — Видишь ли, я пустила слезу сегодня днем на свадьбе твоей матери. Бракосочетания всегда на меня так действуют. — Робин помолчала. — Лэрри выбрал отличную женщину.

Шарлотт-Энн кивнула:

— Я знаю.

— Ну что ж, пойду-ка я, пожалуй, в каюту и посмотрю, распаковала ли горничная вещи. Если платья долго пролежат в чемодане, то никогда не отвисятся. Я не стану запирать дверь между нашими каютами, вдруг тебе что-нибудь понадобится. Свободно заходи в любое время. В конце концов, мы теперь соседки.

— Благодарю вас, миссис Морган.

— Миссис *Морган*? — Робин откинула голову назад и захохотала. — Милое мое дитя, не заставляй меня чувствовать себя совсем старухой. У нас с тобой впереди целая неделя, и мы будем все время натекать друг на друга. Нам следует называть друг друга просто по имени. — Она затаилась, выпустила облако дыма и покачала головой. — В поездах и на пароходах это просто *обязательно*. Ты должна называть меня Робин.

— Робин, — послушно повторила Шарлотт-Энн.

— Так-то лучше. — Робин сверкнула улыбкой, слегка помахала рукой и отправилась назад в каюту.

Снова раздался гудок. Шарлотт-Энн все еще махала своим, пока убирали сходни, и тяжелый корабль начал медленно отходить от пирса, окруженный буксирами, словно стайкой неуклюжих страшеньких лебедят, суетящихся вокруг красавицы-матери. Шарлотт-Энн все еще махала рукой, хотя лиц уже нельзя было различить. Вскоре корабль вышел на середину реки, и буксиры тянули его до тех пор, пока нос не развернулся вниз по течению.

Шарлотт-Энн вытерла соленые слезы и подняла голову. Быстро сгущались сумерки, и пурпурное небо расчертили красные и оранжевые полосы. На берегу массивные здания расцвели миллионами огоньков. Только теперь она осознала, что, приехав в Нью-Йорк много лет назад, она так и не заметила по-настоящему, насколько красив город, какое внушительное впечатление он производит. Девушка к этому привыкла. Идя по тротуарам или переходя улицы, она никогда не находила времени взглянуть *вверх*. А на этот город так и надо смотреть — запрокинув голову. Она думала о таких вещах, мысли о которых раньше никогда не приходили ей в голову. На первый взгляд пустяки, но сейчас они казались особенно важными.

— Черт побери, — выругалась она тихим хриплым голосом. — Не хочу уезжать. Не хочу ехать в эту школу в Швейцарии. Я хочу только одного — вернуться домой.

Долго стояла Шарлотт-Энн на палубе. Ее мягко окутывала ночь, пока корабль медленно огибал остров и выходил из гавани. Она прошлась по прогулочной палубе, разглядывая статую Свободы. Когда лайнер вошел в Те-Нарроус, огни города отступили и потускнели. Ей показалось, что Нью-Йорк, словно Атлантида, медленно погружается в океан. И наконец чернота моря и неба поглотила его.

Они плыли в открытом море. Свежий, холодный ветер играл ее одеждой, трепал и развевал ее юбку. Все пассажиры уже ушли во внутренние помещения. Лишь она осталась на палубе.

— Шарлотт-Энн! Господи, что ты тут до сих пор делаешь? Я чуть не весь пароход обыскала, пока тебя нашла. Даже по радио объявляли. Почему ты не отозвалась? Я уж было подумала, что ты упала за борт.

Девушка обернулась. Восхитительная Робин стояла перед ней в длинном до полу платье из тафты цвета рубина, боа соответствующего оттенка обвивало ее обнаженные плечи. В ушах, на шее и пальцах сверкали рубины и бриллианты.

— Вы великолепно выглядите. — Светлые глаза Шарлотт-Энн осматривали женщину с

головы до пят. — Сегодня вечеринка?

— Вечеринка! Нас обеих пригласили сесть за стол капитана, а ты еще даже не переделалась. — Робин в отчаянии покачала головой и пробормотала: — И она еще спрашивает: «Сегодня вечеринка?».

Шарлотт-Энн отвернулась и печально уставилась на темную гладь океана. След от парохода мягко светился. Где-то далеко позади остался дом, где ей и следовало сейчас быть. Ей необходимо время для самой себя, ей нужно побыть одной, разобраться со своими чувствами и приспособиться к временному миру лайнера и, что важнее всего, самой подготовиться к жизни в чужой стране.

— Мне кажется, что я не готова к этому, Робин, — выдавила она.

Глаза Робин сверкнули:

— Глупости! Приглашение сесть за капитанский стол — это почти королевские почести. И кроме того, ты не можешь мне отказать в удовольствии вызвать зависть окружающих, когда мы вдвоем спустимся по ступеням лестницы в зал ресторана. Ясно, что мы две самые красивые женщины на борту, и я намереваюсь разбить несколько сердец. Здесь находится потрясающий итальянский князь. Его люкс рядом с нами в том же коридоре. Князя тоже пригласили за столик капитана. Луиджи ди Фонтанези. — С губ Робин сорвался легкий вздох. — Я встречалась с ним пару раз. Он так напорист и просто *непристойно* богат. И к тому же холостяк! Женщины так и кидаются на него, но пока ему удается отбиваться. Ходили даже слухи, что одна девушка в Довиле пыталась из-за него покончить с собой. — Робин на мгновение запнулась. — Да, не следовало мне этого говорить, но не я же первая начала сплетничать, никто не скажет, что я совращаю младенца. Он несколько молод для меня. Постарше тебя, но не настолько, чтобы подойти мне. Ему где-то около тридцати. А теперь пойдем-ка внутрь. Или прикажешь мне тащить тебя и одевать? Я позволила себе просмотреть твои платья и выбрала то, что ты наденешь сегодня. Горничная уже отпарила его и принесла тебе в каюту.

Шарлотт-Энн ошеломляла напористая болтовня Робин, но она все-таки попыталась упростить ее:

— Не сегодня, пожалуйста.

— Нет, сегодня! — Тон Робин не оставлял возможности для возражений. — Я обещала твоей матери позаботиться о тебе. А для Робин Морган это значит: во-первых — и это главное, — защищать тебя от всего опасного. А Луиджи ди Фонтанези *восхитительно* опасен. А во-вторых, вывести тебя в свет. Я отказываюсь принять «нет» в качестве ответа.

— Пока ты оденешься, — нетерпеливо проворчала Робин, закуривая сигарету и меряя шагами каюту, — ужин закончится.

Шарлотт-Энн взглянула на ее мечущееся отражение в зеркале и пробормотала с полным шпилек ртом:

— Я делаю все, что могу. — Она сидела в комбинации перед туалетным столиком, ловко укладывая волосы в высокую прическу. — Все, готово, — наконец произнесла она, вынимая оставшиеся шпильки изо рта. Повернулась на стуле и посмотрела на Робин: — Ну, и как я выгляжу?

Та остановилась и одобрительно кивнула. Ей раньше не приходилось видеть Шарлотт-Энн с высокой прической, но теперь она оценила, насколько выше и изящнее кажется девушка.

— Подожди-ка минутку. Подержи это. — Она протянула Шарлотт-Энн мундштук, наклонилась и высвободила наугад несколько локонов. — Прическа не должна быть слишком безупречной, — пояснила женщина. — В тебе есть невинность юности, и это следует подчеркнуть. — Ее ловкие пальцы укладывали несколько «отбившихся от стада» прядей так, чтобы они окружали лицо. — Так, отлично. Теперь повернись и посмотри.

Шарлотт-Энн снова повернулась и посмотрела на себя в зеркало. Робин оказалась права. Уложенная немного иначе прическа удлиняла ее личико сердечком и подчеркивала волосы, растущие мысиком на лбу, о чем Шарлотт-Энн и не подозревала^[7].

— А теперь одеваться!

— Одну минуту! — Шарлотт-Энн открыла ящик и вынула изящную коробочку, которую мать дала ей перед отплытием, и достала оттуда медальон с анютиными глазками. Минуту она подержала его в пальцах, внимательно разглядывая. Раньше она никогда хорошенько не рассматривала украшение и теперь залюбовалась филигранным серебром и пурпурно-голубоватым оттенком лепестков и ярким золотом середины цветка, заключенного в стекле.

Шарлотт-Энн радовалась тому, что мать отдала ей медальон. Это было что-то родное, связь с прошлым. Она поняла, что для нее он будет значить так же много, как и для Элизабет-Энн.

— Позволь мне. — Робин взяла украшение, надела ей на шею и застегнула замок.

Девушка дотронулась до амулета. Он оказался холодным и гладким и придал ей уверенность в себе.

Встав со стула, Шарлотт-Энн подошла к кровати и взяла вечернее платье без рукавов, купленное ей матерью. По простоте фасона оно напоминало греческий хитон и было сшито из многослойного прозрачного белого шифона. Она надела его через голову, и наряд заструился вниз, облекая тело.

— Ты выглядишь... бесподобно. — Робин отступила назад, словно не веря своим глазам. — Рядом с тобой, можешь *мне* поверить, все остальные будут выглядеть слишком одетыми. — В ее голосе слышалось удовлетворение.

— Но, — на лице Шарлотт-Энн отразилось удивление, — разве этого не достаточно? Может быть, надеть браслет или немного подкраситься...

— Нет, нет. — Робин рассмеялась. — Это был комплимент. — Она вынула сигарету из мундштука, раздавила ее в пепельнице и убрала мундштук в сумочку. Потом взяла Шарлотт-Энн под руку и повела ее к двери, открыла ее и выключила свет. — Сейчас мы их сразим наповал.

5

Большой зал ресторана занимал по высоте три палубы. Негромкое журчание разговоров и отрывки элегантных музыкальных пьес доносились до самого верха огромной лестницы. Шарлотт-Энн впиалась пальцами в перила на верхней площадке и посмотрела вниз. Вся ее уверенность в себе улетучилась. Даже с такой высоты зал представлял как море элегантно одетых мужчин и женщин в роскошных платьях. Как ей хотелось в это мгновение унаследовать от матери ее хладнокровие и умение легко приспосабливаться к любым обстоятельствам.

Девушка умоляюще взглянула на Робин.

— Ты выглядишь отлично, — заверила ее та с улыбкой. — Твоя мать выбрала для тебя

великолепное платье. Оно так подходит и твоему возрасту и фигуре. Мне и в голову не приходило, что можно приобрести такой неземной и непорочный вид, всего-навсего заколов волосы в высокую прическу. Ты просто очаровательна. Идем вниз.

Шарлотт-Энн глубоко вздохнула. В зале целая армия официантов в белых куртках только что подала первое блюдо. Она увидела, что многие оборачиваются, чтобы взглянуть на нее и Робин. Несмотря на такую высоту, Шарлотт-Энн ощущала оценивающие взгляды. Большая лестница просто обязывала к величественному выходу, иначе, при отсутствии элегантности и грации, она лишь подчеркивала бы малейшие недостатки, и это пугало Шарлотт-Энн.

Девушка еще крепче ухватилась за перила. От всех этих взглядов у нее задрожали колени. Ох, если бы только они не опоздали! Если бы она не провела столько времени на палубе, то толпа спускающихся просто увеличилась бы на двух человек. А теперь они сами себе устроили парадный выход, наверняка случится что-нибудь ужасное. Либо она наступит на собственный подол, либо зацепится за ковер и полетит вниз, пересчитывая ступени.

— Подбородок *вверх*, — тихонько пропела Робин, ее губы сложились в легкую улыбку, когда она направилась вперед.

Шарлотт-Энн не могла не восхищаться ее осанкой, лебединой шеей, округлым подбородком, изяществом аристократических высоких скул. Робин, гибкая, изысканная, внешне казалась очень искренней. Когда она сделала шаг вперед, начиная долгий спуск, ее рубиновая тафта заволновалась вокруг ее тонкой талии, плотно облекая низко вырезанный корсаж.

«Вперед, — приказала себе Шарлотт-Энн, следуя за Робин и подсказывая себе: — Только иди осторожней. Аккуратно переступай атласными туфельками, и так до следующей площадки. Потом останется всего один пролет, и ты уже внизу».

Она еще раз взглянула на море повернувшихся к ним лиц. Это похоже... Шарлотт-Энн затаила дыхание. Это же совсем как на сцене. Странно, но подобная мысль прибавила ей уверенности в себе, она расправила плечи и двинулась вперед. Напряжение немного спало. Шарлотт-Энн еще не осознавала, что ее появление стало сенсацией. Она казалась такой юной и безыскусной, грациозной и свежей, словно молодая газель. При виде нее захватывало дух. Белый шифон подчеркивал каждое ее движение. С каждым шагом росла ее уверенность в себе.

Только когда Шарлотт-Энн дошла до средней площадки, где Робин, обернувшись, поджидала ее, она поняла, какой эффект произвела на сидящих внизу. Ей удалось завладеть вниманием зрителей, она это чувствовала. Словно электрическая дуга связала актрису и зал. Вместе с Робин они достигли конца лестницы, два элегантных лебедя, белый и красный. Все взгляды сидящих за столиками были прикованы к ним.

Шарлотт-Энн спрашивала себя, действительно ли при их появлении оркестр специально заиграл медленный вальс или ей это только показалось. Ее лицо порозовело, но от этого девушка стала лишь еще красивее. Робин повернулась к ней с полуулыбкой, глаза ее блестели.

Не успели они сойти с последней ступени, как, будто по мановению волшебной палочки, перед ними возник метрдотель.

— Мадам, мадемуазель. — Он ловко поклонился им обоим по очереди. — Прошу вас, сюда, пожалуйста.

Он шел впереди, показывая им дорогу. Зал сиял зеркалами. Они плыли по морю

задрапированных белым столов, сверкающих серебром и хрусталем, проходя мимо роскошно одетых женщин, чьи украшения стоили миллионы. «Иль-де-Франс» являлся флагманом пересекающей океан роскоши, и Шарлотт-Энн еще раз поразились тому, что во время депрессии столь многие выставляли напоказ свое благополучие.

Когда они подошли к почетному столику, капитан встретил их стоя — великолепная осанка, блестящий черный китель с позолотой, тонкие черты лица, седые волосы, темные глаза.

— *Bonsoir, Madame Morgan*^[8], — он склонился к протянутой руке Робин и почтительно поцеловал ее. — Это честь для меня снова принимать вас на моем корабле.

— Я польщена, капитан Лувар, что вы помните меня.

— Нет, это я польщен тем, что вы так часто плаваете на моем лайнере, мадам.

Робин повернулась к Шарлотт-Энн:

— Разрешите мне представить вам мою спутницу в этом путешествии Шарлотт-Энн Хейл.

— Очень приятно, — капитан склонился к руке девушки, — мадемуазель!

Капитан представил ее вставшим джентльменам — сплошь фраки и галстуки, и леди, оставшимся сидеть.

— Разрешите вам представить миссис Рейхенбах, — капитан Лувар начал с женщины, сидевшей справа от него.

— Мы с миссис Морган старые друзья, — пояснила полная женщина с тонкими рыжими завитками на голове и несколькими подбородками. — Я рада, что мы плывем одним рейсом, дорогая. Всегда приятно встретить знакомые лица.

— Особенно тех, кто стремится отыграть свои проигрыши в покер? — поддразнила Робин.

Миссис Рейхенбах от всей души рассмеялась, грудь ее заколыхалась. Потом она посмотрела на Шарлотт-Энн и глубоко вздохнула:

— Вы прелестно выглядите, моя дорогая. Так ужасно вспоминать о своей прошедшей молодости.

Шарлотт-Энн благодарно улыбнулась. Это было своего рода посвящение в круг избранных. Миссис Рейхенбах славилась в Нью-Йорке как хозяйка первого класса салона и жена одного из богатейших и влиятельнейших газетных магнатов страны. По слухам, он пользовался даже большим влиянием, чем Уильям Рэндольф Херст^[9].

Капитан Лувар продолжал представлять своих гостей:

— Его преосвященство кардинал Джованни Корсини, чрезвычайный посланник его святейшества Папы.

Его преосвященство вежливо улыбнулся, но тепло отсутствовало в его улыбке, тонкое и аскетичное лицо напоминало средневековых рыцарей церкви. Он поклонился:

— Добрый вечер, леди.

— Его светлость герцог Фэрфакс, и ее светлость герцогиня Фэрфакс.

Герцог, худощавый и седой, поклонился, а его сидевшая рядом жена кивнула и мило улыбнулась. Она была значительно моложе мужа и очень красива — белорозовая английская красавица.

— Его превосходительство посол и сеньора Перес де Кабраль, — продолжал капитан и галантно добавил: — Посол и сеньора Перес де Кабраль — это последний дипломатический подарок Аргентины Франции.

Посол оказался пожилым человеком с лицом эстета, а сеньора Перес — бледной красоткой из Буэнос-Айреса, с черными глазами, чувственным ртом и иссиня-черными волосами, собранными в пучок на затылке. Платье из золотой парчи, а на шее — самый большой изумруд из всех, которые приходилось видеть Шарлотт-Энн.

— Мне кажется, капитан, — произнес посол, — что ваша страна потеряла прекрасного дипломата в тот день, когда вы решили посвятить себя морю.

Тот улыбнулся, и его взгляд скользнул дальше.

— Достопочтенный судья Александр Гуд, член Верховного суда Соединенных Штатов Америки, и его жена, миссис Гуд.

Шарлотт-Энн перевела глаза. Судья — осанистый человек с львиной гривой серебристых волос. Казалось, что он неловко себя чувствует во фраке. Его тоненькая жена так и лучилась хорошим настроением.

— Очень приятно, — произнесли они хором и засмеялись.

— Мне кажется, — сказала миссис Гуд, — мы всегда говорим одно и то же в одно и то же время. Уверяю вас, мы не репетировали.

Шарлотт-Энн вежливо засмеялась.

Капитан Лувар повернулся к следующему гостю.

— Генерал Эрих фон Керстен из Мюнхена.

Краснолицый генерал Керстен — крепкое сложение и тевтонская аккуратность. Он сделал несколько шагов назад, обошел стол и щелкнул каблуками, низко склонился к ручкам дам и широко улыбнулся:

— Одна красивая женщина — подарок, а две красавицы — подарок небес.

Шарлотт-Энн почувствовала, что Робин едва удержалась, чтобы не прыснуть. Она даже обрадовалась, когда генерал занял свое место за столом.

— И наконец, — тихо произнес капитан, — его высочество князь Луиджи ди Фонтанези.

Шарлотт-Энн повернулась налево и автоматически протянула руку. Он стоял совсем рядом с ней и нежно взял ее руку в свою. И только тогда их взгляды встретились. На какое-то мгновение ей показалось, что она не может двинуться с места.

Красотой он намного превосходил всех мужчин, с которыми она встречалась. Его наглые золотисто-карие глаза словно пронизывали ее насквозь, а белоснежные зубы хищно сверкали. Он возвышался над всеми и, хотя был во фраке, Шарлотт-Энн чувствовала его физическую мощь, животная сила широких плеч атлета переходила в тонкую талию и узкие бедра. Она ощущала ненасытную чувственность его губ и циничную праздность его манер.

Князь низко склонился к ее руке, и его поцелуй несколько затянулся. У нее по коже побежали мурашки, кровь прилила к лицу.

— Вы настоящая красавица, — произнес ди Фонтанези так тихо, что Шарлотт-Энн пришлось прислушиваться.

Удивленная его нахальным, затянувшимся прикосновением, пронизавшим ее словно током, она почувствовала, что ее скулы пламенеют пожаром. Шарлотт-Энн вырвала руку и подняла глаза. Ей показалось, что она подверглась насилию. Никогда еще мужчине всего лишь одним взглядом не удавалось коснуться тайных струн ее души. Шарлотт-Энн была рада, что все остальные снова принялись за еду. Ей понадобилось время, чтобы прийти в себя и снова обрести душевное равновесие. «Да и потом, — сказала она себе, — никто ничего не заметил».

Но тут Робин встретила с ней взглядом и понимающе улыбнулась.

Шарлотт-Энн снова вспыхнула. Неужели ее чувства *настолько* заметны?

— Мадемуазель?

Шарлотт-Энн обернулась к капитану Лувару и неловко улыбнулась ему, когда он помог ей сесть. Она заняла место слева от него, а Робин он усадил справа от себя. Сначала Шарлотт-Энн испытала облегчение при мысли о том, что ей не придется сидеть рядом с Робин. Ей вовсе не хотелось видеть эти понимающие ухмылки. Что это она говорила ей там, на палубе? Князь «восхитительно опасен». «И, — добавила про себя Шарлотт-Энн, — даже очень опасен». А то почему бы та женщина в Довиле пыталась из-за него покончить с собой?

И все же, хотя девушка и была рада оказаться подальше от испытующего взгляда своей подруги, ей было как-то не по себе среди окружающих ее незнакомых людей. Все были гораздо старше ее и достигли большего. Что могло быть у нее общего с посланцем, кардиналом или князем? Шарлотт-Энн поймала себя на том, что ей бы очень хотелось затеряться за каким-нибудь другим из множества столиков ресторана.

Она неуверенно оглянулась и тут же испытала еще один удар. Только сейчас девушка поняла, кто сидит слева от нее. Князь Луиджи ди Фонтанези.

Шарлотт-Энн схватила лежащую перед ней салфетку и медленно развернула ее у себя на коленях, потом подняла голову, решив не смотреть на него и не разговаривать с ним. Все в нем пугало ее — ленивая самоуверенность, сногсшибательный внешний вид, исходящая от него магия физической силы, его выбивающая из колеи способность заглядывать ей в душу.

Она обрадовалась, когда официант поставил перед ней первое блюдо. Посмотрев вниз на неглубокую суповую тарелку, Шарлотт-Энн увидела четыре странных очищенных яйца с грибными шляпками, посыпанные красной икрой и плавающие в густом золотистом соусе. При обычных обстоятельствах такое блюдо ей бы понравилось, но сейчас, что бы ей ни подали, она могла лишь сожалеть о пропавшем аппетите. Но все-таки еда — это хоть какое-то занятие. Шарлотт-Энн взяла ложку, собираясь сосредоточить свое внимание исключительно на стоящем перед ней блюде. Но ее усилия оказались напрасными.

Она не могла не ощущать слева веселый обжигающий взгляд Луиджи ди Фонтанези. Князь смотрел на нее так пристально, точно пытался прожечь ее насквозь. Рука у Шарлотт-Энн затряслась. Она разозлилась, ей стало ясно: именно на такой эффект он и рассчитывал, как раз этого и добивался. А теперь он наверняка подсмеивается над ней про себя.

Шарлотт-Энн поджала губы. Ей самой было неприятно, что она позволила ему вывести ее из себя. Но слово «позволила» не соответствовало действительности. Девушка чувствовала себя совершенно беспомощной.

Она не могла дождаться, когда же наконец закончится ужин.

Шарлотт-Энн сосредоточилась на еде, с отсутствующим видом водила ложкой по тарелке. Вокруг нее разговор стал громче, и обрывки фраз, касаясь ее слуха, превращались в бессмысленную мозаику. Она рассеянно прислушивалась.

— Вы будете в этом году участвовать в гонках в Монте-Карло, князь Луиджи?..

— В последние десять лет в Аргентине происходят социальные реформы...

— Экономический хаос...

— С тысяча девятьсот двадцать четвертого года, герцог Фэрфакс, когда правительство лейбористов первым...

— Действительно, кардинал Корсини, договор о примирении между кардиналом

Гаспарри^[10] и премьером Муссолини...

— Париж весной — это *то* же самое, что Буэнос-Айрес зимой...

— Эффект тарифа Хаули-Смута на международную торговлю...

— Нет, Веймарская республика и президент Гинденбург...

— Князь Луиджи, вы, как авиатор...

— Но, несмотря на депрессию, Эмпайр Стейт билдинг почти *закончен*...

— Моя дорогая, дорогая миссис Рейхенбах, если бы вы только...

— Германия не позволит себя сдерживать...

Различные суждения роем вились вокруг стола. Звон хрусталя и фарфора, металлическое позвякивание серебряных приборов словно отмечали знаки препинания. Шарлотт-Энн чувствовала себя лишней, может быть, оттого что на нее никто не обращал внимания. Она была слишком занята одной-единственной проблемой — как постараться избежать внимания князя Луиджи ди Фонтанези.

— А каково ваше мнение, мадемуазель Хейл?

Шарлотт-Энн вздрогнула и повернула голову направо. Голос принадлежал капитану. Она совершенно не слышала вопроса. Кроме того, за это время принесли следующее блюдо. Она и не заметила, что теперь перед ней на тарелке лежит целый колочий омар, его красный панцирь был начинен мясом краба.

— Прошу прощения, капитан, — извиняясь проговорила Шарлотт-Энн. — Мое внимание целиком было занято этим блюдом. Оно выглядит так... так *экстравагантно*.

— Вот сообразительная молодая леди, — прогудел генерал Керстен, сидевший по другую сторону стола. — В моей стране политика и работа — это удел мужчин, а женщинам остаются кухня и спальня. Хорошо бы и другие женщины вели себя так, как вы.

Шарлотт-Энн была слишком шокирована, но прежде чем она нашлась, что ответить, заговорила миссис Рейхенбах:

— И тем не менее, генерал. Я думаю, вам известно, что многие женщины преуспевают так же, как мужчины, а некоторые и лучше них. История подтвердит мои слова. Каждый год все больше женщин достигают успеха и в профессиональной области, и в области политики.

— При всем моем уважении к вам, миссис Рейхенбах, — ответил, смеясь, генерал, — разве женщины не должны рожать и воспитывать детей?

— Я ничего подобного не говорила, — возразила женщина. — Смысл моей речи в том, что каждый должен быть справедливым. Не стоит подпитывать предубеждение по поводу мужской и женской ролей в обществе.

— Я думаю, очко в пользу миссис Рейхенбах, — подвела итог Робин. Она оперлась локтем о стол и указала на Шарлотт-Энн. — Мать мисс Хейл — деловая женщина. Она начинала с того, что построила один мотель в Техасе, а теперь ей принадлежит целая сеть мотелей и гостиниц. Миссис Хейл отлично ведет дела, ее владения продолжают расти. И еще я хочу добавить, что она одна воспитывает четверых детей. Муж ей ничем не помогал. Будучи вдовой...

— Ах! — раздраженно откликнулся генерал, прерывая Робин на полуслове и словно отгоняя прочь все достижения Элизабет-Энн одним взмахом руки. — Нашлась одна личность! Жизнь не рассчитана на личностей.

— А для кого же, позвольте узнать, *создана* жизнь? — возмутилась миссис Рейхенбах.

— Для масс, конечно. Невозможно судить обо всех на примере одной замечательной женщины, особенно добившейся успеха. Назовите мне другую, которая могла бы сравниться

с мужчиной.

— Амелия Эрхарт, — тихий голос принадлежал Луиджи ди Фонтанези.

Удивленная Шарлотт-Энн повернулась к нему прежде, чем сообразила, что делает. В первый раз за вечер он смотрел не на нее, а скрестил взгляды с генералом Керстеном.

— Ах, Амелия Эрхарт! — рассмеялся генерал. — Да, неукротимая фройлен Эрхарт вместе с двумя другими летчиками вылетела из... Впрочем, не важно откуда, в общем, они перелетели через Атлантику.

— Из Ньюфаундленда до Уэльса в тысяча девятьсот двадцать восьмом ^[11] году, — спокойно произнес князь Луиджи.

— Вот как? — Генерал снисходительно улыбнулся Робин и миссис Рейхенбах. — Но разве не ваш Чарльз Линдберг перелетел из Нью-Йорка в Париж в... в... — он посмотрел на Луиджи в ожидании подсказки.

— В тысяча девятьсот двадцать седьмом, — негромко подсказал князь.

— Вот видите! Он совершил перелет через Атлантический океан на целый год раньше, чем фройлен Эрхарт, — самодовольно заметил генерал Керстен с видом победителя. — И ему компания не понадобилась. Фройлен Эрхарт лучше было бы остаться дома и рожать детей.

— Генерал, — беззаботно начал Луиджи, — я сам дважды пытался перелететь Атлантику. Первый раз в одиночку, а второй — с двумя товарищами, как и мисс Эрхарт. И дважды мне пришлось повернуть назад. Если я не смог сделать то, что сделала женщина, значит ли это, что я плох как мужчина или что она — отличный авиатор?

— Конечно, князь, случайности происходят всегда и везде. Но я не могу согласиться с тем, что фройлен Эрхарт лучше меня только потому, что она смогла совершить полет, который вам не удался. Всегда есть оправдывающие обстоятельства.

— Но вы ведь согласны с тем, что мистер Линдберг — пилот лучше меня?

— Ну, допустим, — генерал почувствовал себя неудобно.

— Но если мистер Линдберг лучше меня как пилот, потому что смог совершить то, что не удалось мне, то почему вы не допускаете мысли, что мисс Эрхарт тоже может быть лучшим летчиком, чем я? Именно по той же самой причине?

— Как я уже говорил раньше, — возбужденно ответил генерал, — бывают случайности. Я настаиваю на своей точке зрения. Мужчины рождаются лидерами, что и доказал американец, герр Линдберг. Но в будущем даже американцев положат на обе лопатки. И сделают это *немцы*. На земле, в воздухе и на море. Мое правительство за этим проследит. А вам останется только наблюдать за тем, что происходит. Индия, когда-то основа Британской империи, сейчас бойкотирует английские товары и отвергает идею власти без правительства. Англия слабеет с каждым днем. Америка зализывает раны, прикрывшись щитом изоляционизма. Одна за другой ведущие державы сдают свои позиции. Скоро настанет день, когда Германия заявит о себе и станет могущественней, чем прежде. Мы будем нацией, с которой станут считаться.

— Понятно, — сухо вступил в разговор судья Гуд. — Очевидно, вы больше информированы, чем кто-либо из нас. Мне казалось, что слаба именно Германия. Веймарская республика едва справляется с выплатой репараций. Каким образом, по-вашему, Германия может стать сильнее, если большинству ее граждан не на что купить хлеба?

— А кто в этом виноват? — Лицо немца еще больше покраснело. — Враги высосали из Германии все соки, — прошипел он, оглядывая собеседников горящими гневом глазами. —

Но мы, немцы, не собираемся долго это терпеть. Французы, — сказал он, улыбаясь капитану Лувару, — а также британцы, — вежливый кивок в сторону герцога и герцогини, — все в Европе, да и Америка тоже, ограбили нашу родину. Но время нас рассудит. — Генерал щелкнул пальцами. — Я знаю одно: Германия больше никогда не будет слабой.

— Возможно, вы уже в курсе, генерал, — вступил в разговор посол Перес, — но я узнал недавно: вечер только начинается, ужин восхитителен, вина превосходны, присутствующие дамы необычайно красивы. Я предлагаю...

Но начавшего говорить генерала было не остановить таким изящным способом.

— Германия — легендарная птица Феникс, — убежденно провозгласил он. — Германия восстанет из пепла еще более сильной, чем раньше. Ее народ объединится в единый кулак. И это произойдет скоро. Дни президента Гинденбурга сочтены. Все больше людей поддерживают нового человека — Адольфа Гитлера...

Миссис Рейхенбах звонко рассмеялась:

— Слышала я о вашем Адольфе Гитлере и его пивном путче...

— Герр Гитлер начал несколько преждевременно. Вот в чем проблема. Когда Феникс, каковым является Германия, наконец восстанет, все изменится. — Генерал Керстен зловеще кивнул. — Вы все еще увидите. А что касается евреев, мертвой хваткой вцепившихся нам в глотку...

С громким стуком вилка миссис Рейхенбах упала на тарелку.

— Прошу прощения, генерал Керстен. Я, между прочим, еврейка, и смею вас заверить...

— Я уже говорил, — вмешался посол Перес, — что вечер слишком хорош, чтобы вести разговор о политике.

— Господин посол совершенно прав, — быстро добавил капитан Лувар.

— А вы, — слева от Шарлотт-Энн раздался мягкий голос, — еще не проглотили ни кусочка из двух поданных блюд. Может быть, поэтому вы — самая красивая женщина на корабле?

Девушка покраснела, встретившись взглядом с Луиджи ди Фонтанези. Выглядел он достаточно плотоядно.

— Сочту за честь, — добавил он, — если после ужина вы согласитесь сопровождать меня в танцевальный салон.

— Прошу... прощения, — Шарлотт-Энн отвела глаза и снова уставилась в тарелку, — но я уже приглашена, — пролепетала она. — У меня свои планы.

— Так измените их.

— Но это очень важно. — Шарлотт-Энн все еще боялась своего соседа, хотя то, как он заступился за женщин вообще и за Амелию Эрхарт в частности, потрясло ее. Шарлотт-Энн не могла отделаться от ощущения, что князь вступил в спор с генералом Керстеном исключительно ради нее. Только, может быть, она напрасно льстит самой себе?

Робин нагнулась вперед и улыбнулась.

— Но, моя дорогая, — коварно произнесла она, — я совсем не возражаю, если ты изменишь наши планы. Мне и в голову не приходило навязывать их тебе. Кроме того, есть еще одно, что я просто *сгораю* от желания сделать. Например, сыграть в покер с миссис Рейхенбах и наконец отыграться. А вы с князем отправляйтесь танцевать.

Шарлотт-Энн показалось, что ее желудок скрутило в тугий отвратительный узел. Она слушала прекрасно разыгранный монолог Робин. Неужели ничто не ускользает от ее взгляда? Интересно, она понимает, что делает? Пытаться свести ее с человеком, наводящим

на нее страх, как никто другой!

Шарлотт-Энн совсем не хотелось танцевать. Ни с кем вообще, а с князем и того меньше. Тем более что танцевать она не умела.

Девушка не осмеливалась взглянуть на Луиджи.

— Боюсь, что я танцую ужасно, ваша светлость, — пробормотала она, обращаясь скорее к омару на своей тарелке, чем к князю.

Луиджи ди Фонтанези неожиданно рассмеялся.

— Могу сказать, что вы — американцы — и вправду демократы. Действительно, к герцогу и герцогине следует обращаться «ваша светлость». Я же всего-навсего «ваше высочество».

Шарлотт-Энн снова залилась румянцем, подозревая, что все взгляды устремлены на них.

— Но тем не менее, — продолжал князь, — вы окажете мне честь, если, повинувшись вашим демократическим привычкам, будете называть меня просто Луиджи.

Она медленно повернула к нему голову.

— А что касается вашего умения танцевать — вы, как я понял, в себе не уверены, то смею вас заверить, что я танцую превосходно. Ни одной женщине не удастся танцевать ужасно, если ее веду я. А я умею это делать.

— В таком случае, — громко сказала Робин, — я уверена, что мисс Хейл будет польщена вашим приглашением и попросит вас быть настолько любезным и тоже называть ее по имени. Не правда ли, дорогая?

Были ли слова Робин утверждением или упреком, Шарлотт-Энн не поняла. В любом случае выбора ей не оставили: придется отправиться танцевать с Луиджи ди Фонтанези. Она вздернула подбородок и посмотрела прямо в темные насмешливые глаза князя.

— В таком случае, — произнесла она дрожащим голосом, — мне остается только поблагодарить вас и согласиться.

Даже пока девушка произносила эти вынужденные слова, ее сердце колотилось от возбуждения.

Князь взял ее под руку и повел в Большой салон, чьи окна с узорчатыми стеклами достигали семи ярдов^[12] высоты. Бальный зал уже заполнился танцующими парами. Сквозь набегающие волны вальса Шарлотт-Энн различала другие звуки — шуршание шелка, похрустывание атласа и тафты, шепот бархата. Пары проносились по сверкающему паркетному полу, словно грациозные танцующие фигурки из музыкальной шкатулки, заключенные в массивную драгоценную оправу танцевального салона.

Луиджи подвел ее к краю танцевальной площадки, понимая, насколько она волнуется. Шарлотт-Энн натянуто улыбнулась, но улыбка быстро увяла. Ее сердце бешено стучало. Луиджи обещал вести ее, заверил, что она будет отлично танцевать. Но теперь, когда девушка смотрела на изящных танцоров, которым это изящество явно не стоило никакого труда, повторить подобные па уже не казалось ей возможным. Все присутствующие женщины позволяли своим партнерам вести их, но ведь и они тоже *танцевали*. Шарлотт-Энн почувствовала себя несчастной и глупой. Она будет выглядеть точно клоун.

Шарлотт-Энн вдруг поймала себя на мысли о школе Катру. Почему она раньше не добралась до этой школы и не обучилась хорошим манерам, столь необходимым молодой леди? Что она делает среди всей этой роскоши, совершенно к ней не подготовленная?

Шарлотт-Энн взглянула на князя, и у нее перехватило дыхание. Он не смотрел в зал,

устремив взгляд к двери, поэтому повернулся к ней в профиль. У него было классическое алебастровое лицо римлянина, крупный нос великолепной формы, совсем как у «Давида» Микеланджело, твердый подбородок, изогнутые чувственные губы, блестящие черные волосы откинута назад. Князь напоминал ожившую римскую статую, мощную и заставляющую трепетать. Его тело и лицо свидетельствовали о длинной череде родовитых предков. Он являл собой отличный портрет пустого прожигателя жизни, но мысль о бессодержательности тут же исчезала при взгляде на высокие скулы и твердые жесткие складки, идущие от крыльев носа к углам рта.

Луиджи повернулся к ней, она увидела его в фас, и у нее перехватило дыхание. Он слегка поклонился — едва заметное движение головы, — и Шарлотт-Энн почувствовала, как его рука пробежала у нее по позвоночнику, другая приподняла ее ладонь. Он слегка развернул ее, будто драгоценный цветок, и начал двигаться, увлекая ее за собой на площадку для танцев. Она посмотрела на ноги танцующих, стараясь имитировать их движения, и тут же споткнулась. Князь подхватил ее и прижал крепче к себе.

— Нет-нет, — прошептал он, начиная медленно кружить ее. — Не смотрите под ноги, старайтесь вообще ничего не делать, только двигайтесь вместе со мной. Вот так. Смотрите... Все не так и сложно. Не надо концентрировать на этом внимание... Вот теперь замечательно.

Шарлотт-Энн кивнула. У нее закружилась голова, когда она ощутила тепло его гибкого тела, почти электрические импульсы от его прикосновений. Она взглянула ему в лицо и перестала сопротивляться. Прежде чем Шарлотт-Энн поняла, что происходит, Луиджи уже кружил ее по залу. Каждое его движение было настолько совершенным, он так изящно вел ее, что Шарлотт-Энн казалась таким же уверенным танцором, как и он. Мягкие звуки вальса размеренно повторяли каждое их движение.

Князь посмотрел на Шарлотт-Энн, его губы изогнула улыбка.

— Вы великолепно танцуете, — негромко произнес он.

— Неужели? — Девушка криво улыбнулась и чуть склонила голову набок. — Мне кажется, что вы сказали мне: будет так, потому что вы отлично ведете.

— А разве я вас обманул?

— Вы всегда так уверены в себе?

— Практически всегда. У меня есть подход к красивым женщинам. — Его глаза хитро блеснули. — Во всяком случае, так они мне говорили.

— Я понимаю. А что если я вам скажу, что у меня свой подход к красивым мужчинам?

Он усмехнулся.

— Я вам поверю. Ведь вы же сумели завлечь меня, разве не так?

— Что вы говорите!

— О чем вы думаете?

— Я думаю, что вы очень коварны, — ответила Шарлотт-Энн. — Вы намеренно смотрели на меня за ужином, чтобы я чувствовала себя неловко.

— Теперь *вы* проявляете все свое коварство.

Она взглянула на него и покраснела, но они продолжали вальсировать, не сбиваясь с ритма.

— А вы выглядите еще лучше, когда сердитесь, — улыбнулся Луиджи. — Ваши глаза сверкают, как бриллианты.

Шарлотт-Энн отвернулась. Огромный зал вращался вокруг них, словно карусель. Другие

пары рассекали воздух и негромко смеялись... доверяли друг другу тайны. Женщины страстно смотрели на Луиджи и завидовали ей. Она увидела Робин, кружащуюся в объятиях посла Переса, улыбающуюся такой знакомой улыбкой. «Значит, Робин не стала играть в покер с миссис Рейхенбах», — подумала Шарлотт-Энн. Это был всего-навсего трюк, чтобы отправить ее танцевать с Луиджи. Но Шарлотт-Энн не удалось как следует обдумать это. Вальс неожиданно закончился, пары замерли словно вкопанные, только платья дам еще летели по воздуху. Потом все вежливо зааплодировали.

Заиграли следующий вальс. Шарлотт-Энн не успела и глазом моргнуть, как Луиджи снова вел ее, уже с меньшим усилием, чем раньше.

— Так, наконец огонь в ваших глазах погас, — отметил он после долгого молчания. — Вы на меня больше не сердитесь.

Шарлотт-Энн молчала.

— Вы долго намереваетесь пробыть в Европе? — спросил князь.

Ей снова пришлось посмотреть на него вопреки своему желанию. Было в нем нечто магическое, что притягивало ее.

— Не знаю. По меньшей мере шесть месяцев. Может быть, дольше.

— Мне бы хотелось, чтобы вы остались подольше.

Она не ответила.

— Может быть, навсегда?

— Не надо, — с трудом прошептала Шарлотт-Энн. — Не надо так говорить.

— Вам это неприятно?

Девушка кивнула.

— Тогда я сменю тему разговора. — Князь помолчал. — Это ваше первое путешествие в Европу?

Она снова кивнула.

— Вы совершаете то, что у американцев называется «большое турне»?

— Нет. Я еду в Швейцарию, чтобы закончить образование.

— Значит, вы очень молоды.

Шарлотт-Энн удивленно посмотрела на него. В его голосе слышалось удивление.

Он нахмурился:

— Сколько вам лет?

Шарлотт-Энн вздохнула:

— Разве это имеет значение?

— Иногда имеет. Мне бы не хотелось совращать младенцев.

Она рассмеялась, вспомнив, как чуть раньше этим же вечером Робин произнесла те же самые слова о нем.

— Что в этом смешного? — Луиджи выглядел оскорбленным.

— Ничего. Простите меня. Просто меня рассмешила ваша фраза.

— Я неправильно употребил слово? Так? В таком случае вы должны поправить меня.

— Нет, все правильно, — Шарлотт-Энн постаралась придать лицу серьезное выражение. — Но я уже давно не младенец.

— Вот этого-то я и боюсь. — Его взгляд прожег ее насквозь, наполняя тело шокирующим теплом. Князь крепче прижал девушку к себе, и Шарлотт-Энн почувствовала крепость его объятий, прозрачный шифон платья не защищал ее от жара его бедер, она ощутила всю силу его мужественности. — Мне кажется, — прошептала Луиджи, — что я в

вас влюбился.

На этот раз Шарлотт-Энн сбилась-таки с такта, но он подхватил ее и закружил.

— Вы говорите такое всем женщинам, встречающимся на вашем пути? — спросила Шарлотт-Энн с ноткой горечи.

— Нет.

— Тогда почему вы говорите об этом мне?

— Потому что вы молоды и красивы. В вас есть какая-то свежесть невинности, которой так не хватает большинству женщин.

— Так вот что вы обо мне думаете? — Она совсем по-детски взглянула на него, подняв вверх руки, словно стремясь вырваться из его объятий.

— А разве вы не невинны? — последовал вежливый укол. — Неужели я ошибся?

— Вы... пугаете меня.

— Почему? — притворно изумился князь. — Потому что вы что-то слышали обо мне? Потому что... у меня весьма сомнительная репутация?

Она смело встретила его взгляд:

— А разве это не так?

Его лицо осталось безучастным:

— Боюсь, что так.

Шарлотт-Энн кивнула.

— Но это только часть того, что пугает меня. Дело еще и в... ну, в вашем титуле. В вашей самоуверенности.

И вы, вероятно, самый красивый мужчина... — Черт! Она прикусила губу. Как у нее с языка могла сорваться такая глупость? Девушка снова почувствовала себя школьницей.

— Физическая привлекательность может стать жерновом на шее, — ответил ди Фонтанези. — Вам это должно быть известно. Вы сами необычайно красивы. Вы наверняка заметили, что красота мешает.

Шарлотт-Энн замолчала.

— Я первый мужчина, к которому вас влечет?

Она вспомнила о Микки Хойте. Да, к нему ее влекло. Но больше ее привлекало занимаемое им положение, чем что-либо другое. Шарлотт-Энн кивнула.

— Да, меня никогда по-настоящему не влекло к мужчине. Но... но я пережила удар. И я не хочу ошибиться еще раз.

Луиджи резко остановился. Они стояли посреди зала, глядя друг на друга. Его руки все еще обнимали ее. Вокруг них под набегающие звуки вальса водоворотом пронеслись пары.

— И вы полагаете, — негромко спросил он, — что мне никогда не причиняли боль?

Шарлотт-Энн неожиданно охрипла.

— Я... я не знаю, — а потом, не сознавая, что говорит, добавила: — В Довиле, та женщина, что пыталась из-за вас покончить жизнь самоубийством...

— Это широко разрекламированная история, — коротко рассмеялся он. — Она просто хотела выйти за меня замуж. Что здесь нового?

— А вы не хотели на ней жениться?

Князь оставался спокойным.

— Нет, только не на ней.

— Но ведь она умерла или чуть не умерла. Из-за вас.

Он сурово улыбнулся:

— Чуть не умерла? Она приняла таблетки, это правда, но недостаточно для того, чтобы убить себя. Пыталась устроить мне ловушку и женить меня на себе. Для нее любые средства хороши, чтобы добиться желаемого. Но на этот раз у нее ничего не вышло.

Шарлотт-Энн отвернулась.

— Вы мне не верите? — мягко спросил князь.

— Чтобы мужчине, такому, как вы, устроили ловушку?

— Неужели я так отличаюсь от прочих?

— Да. Нет, — она смутилась. — Я не знаю.

— Та женщина, из Довиля, она баронесса. Я сразу, еще до первого свидания, предупредил ее, что наш роман будет коротким. Но она тем не менее решила, что мои слова ничего не значат. Во что бы то ни стало ей захотелось меня заполучить. Баронесса попыталась это сделать. Только через несколько недель я понял, что ей нужна только свадьба. Она решила, что, занимаясь со мной любовью... — Он прервался на полуслове.

— Что вы потом женитесь на ней?

Он кивнул.

— Баронесса выжидала достаточно долго, прежде чем сообщила мне, что, по ее предположениям, она беременна.

Шарлотт-Энн удивленно смотрела на него.

— Она на самом деле ждала ребенка?

— Я не знаю, — князь покачал головой, — и думаю, что теперь уже никогда не узнаю.

Они снова начали танцевать, только на этот раз более торжественно.

— Но... вы пытались выяснить, есть ли у нее ребенок?

— Она скрывала свою беременность, если вы это имеете в виду. Если баронесса и носила ребенка, то, должно быть, потеряла его во время попытки самоубийства или сделала аборт. А может быть, это была ее очередная уловка.

Шарлотт-Энн смотрела прямо на него.

— Мне вас жаль, — медленно произнесла она.

Луиджи наконец улыбнулся.

— Я старался вызвать жалость. Но так приятно знать, что хоть кто-то верит правде. Многие не верят. Из меня сделали людоеда — пожирателя женщин. Никто не хочет верить обратному.

— Я верю.

— Почему? Потому что кто-то также желал вас или вы страстно желали его?

— Потому что я желала его, — ответила она со вздохом. — Потому что, как та баронесса, я была готова на все. Только... — Девушка замолчала.

— Только что? — спокойно спросил он.

— Я желала не его. Мне нужно было то, что он мог для меня *сделать*. Теперь, когда я оглядываюсь назад, я стыжусь самой себя.

— Вы молоды и неопытны. Может быть, вы просто не отдавали себе отчет.

— Нет, я все понимала. А вы? — Шарлотт-Энн подняла голову. — У вас ведь есть опыт.

— Да, мне кажется, так можно сказать. Но я не смог сыграть на равных с женщиной старше меня и более опытной. — Луиджи хмыкнул. — Боюсь, что я очень легко поддаюсь соблазнам. Мне кажется, я не могу сказать «нет». Даже сейчас вам.

— Но я не пытаюсь вас соблазнить.

Он крепче прижал ее к себе.

— Я знаю. И от этого вы становитесь еще более соблазнительной.

Она опустила глаза, они танцевали молча. Вальс закончился, оркестр заиграл новый.

— Мне бы хотелось провести с вами ночь, — прошептал князь.

Шарлотт-Энн оттолкнула его.

— Мне очень жаль. — Она отрицательно покачала головой. — Но я к этому не готова.

Мне лучше уйти. По-моему, мы танцуем уже целую вечность. Я устала.

Они остановились, и Луиджи повел ее с площадки.

— Не хотите ли подышать свежим воздухом? — предложил он. — Мы можем пройтись по палубе.

Шарлотт-Энн снова покачала головой.

— Нет, мне хочется побыть одной.

— Потому что вы боитесь меня?

Она чуть поморщилась, черты ее лица исказились, и девушка снова покачала головой.

Шарлотт-Энн не понимала, что с ней происходит: ее неудержимо влекло к нему, ей так хотелось оказаться в его объятиях. Как ей объяснить Луиджи, что она боится собственных чувств больше, чем всего того, что он может с ней сделать?

Луиджи взял обе ее ладони в свои.

— Тогда я провожу вас до каюты.

— Нет, я бы предпочла, чтобы вы этого не делали.

Князь выглядел глубоко разочарованным.

— Что же, как вам будет угодно, — произнес он.

— Да, таково мое желание. Благодарю вас. — Шарлотт-Энн снизошла до легкой улыбки. — Это был замечательный вечер.

— Я увижу вас снова? — с надеждой спросил ди Фонтанези. — Завтра?

— Может быть. — Шарлотт-Энн повернулась и быстро вышла, оставив его одиноко стоять посреди зала с задумчивым лицом.

Робин подошла к нему сзади.

— Подумать только, вы никогда еще не приглашали меня танцевать, — сказала она ворчливо.

С мрачным видом ди Фонтанези повернулся к ней.

— Мне очень жаль, но мне больше не хочется танцевать. Как-нибудь в другой раз. — И, отвернувшись, он широкими шагами направился через зал.

Робин не произнесла ни слова, но проследила за его взглядом: Шарлотт-Энн была у самой двери, грациозная фигура в белом.

Впервые за много лет женщина, танцевавшая с Луиджи, не закончила вечер в его постели.

— Ты, — подчеркивая каждое слово, начала Робин, опускаясь в узкое зеленое кожаное кресло, — исчезла ужасно быстро вчера вечером. — На ней была яркая ночная рубашка с завышенной талией в стиле ампир и в тон к ней пеньюар. В руках она держала чашку и блюдце.

Шарлотт-Энн села в постели и пожала плечами.

— Я устала, — уклончиво ответила она.

— Ты и сейчас чувствуешь себя усталой? — Робин склонила голову к плечу и с любопытством посматривала на нее. — Или ты прячешься?

— Прячусь? От чего? — Шарлотт-Энн встала и потянулась.

— Не от *чего*, а от *кого*, — поправила ее Робин.

Шарлотт-Энн отбросила волосы с лица.

— А который час?

— Девять тридцать. Иными словами пора завтракать и подышать свежим воздухом. Мы не можем допустить, чтобы ты проспала все на свете. Ты еще слишком молода для этого. И кроме того... — Женщина отпила еще глоток черного кофе. — Я предполагаю, что кое-кому не терпится тебя увидеть.

Шарлотт-Энн зашла в маленькую ванную и посмотрела на себя в зеркало над раковиной. Собственное отражение ей понравилось. Она никогда еще не выглядела так хорошо отдохнувшей и не помнила, когда так крепко спала.

— В котором часу завтрак? — окликнула она Робин через плечо.

— Когда захочешь, — ответила та. — Я взяла на себя смелость заказать его сюда. Если бы я этого не сделала, то к тому времени, когда ты добралась бы до ресторана, они уже накрывали бы столы к ленчу. Твой завтрак на туалетном столике в моей каюте. Не стесняйся.

— Я и не собиралась. — Шарлотт-Энн вышла из ванной. — Я голодна как зверь.

— Это все морской воздух, — улыбнулась Робин. — У меня тоже разыгрался аппетит.

Девушка прошла в смежную каюту Робин и через минуту вернулась.

— И это *все*? — недоверчиво спросила она.

— Леди не ест утром ничего, кроме рогалика и чашки черного кофе, — сказала Робин. — Так позавтракала я, и так позавтракаешь ты.

— *Робин!* — Шарлотт-Энн нахмурилась, ее лицо исказила гримаса отвращения. — Я привыкла по утрам есть яйца, тосты, сосиски. А здесь даже сахара нет.

— А он тебе и не нужен. Ты довольно скоро привыкнешь к черному кофе.

— Но... он такой горький.

— Это его обычный вкус, и мне кажется, что тебе давно пора к нему привыкнуть.

— Но я и куска не проглотила вчера за ужином, — запротестовала Шарлотт-Энн. — Кроме того, я вовсе не толстая. Мне не нужно следовать диете.

— Это так, — согласилась Робин. — Пока не надо, потому что ты молода. Но когда тебе будет столько лет, сколько мне, ты меня вспомнишь с благодарностью. Что касается ужина, я знаю, что ты почти ничего не съела. Но это не моя вина, а твоя, поэтому не жалуйся. А теперь принимайся за свой рогалик и кофе, а потом в ванну и одеваться. У меня назначено свидание в десять на палубе. Мы собираемся поиграть в шафлборд^[13]. Тебе понравится. Это очень весело.

— А что, если мне не хочется играть?

У Робин вырвался жест нетерпения.

— Не надо все время быть такой спорщицей. Не хочешь играть, не надо. Никто тебя не заставляет. Это так просто. Но, ради Бога, съешь свой завтрак. Я налью тебе ванну.

— Я скоро буду готова, — пробормотала Шарлотт-Энн. Морщинка сомнения прорезала ее лоб между бровями. — А почему бы тебе не пойти вперед? Я присоединюсь попозже.

— Ой, нет, не надо. Я останусь здесь. Иначе ты никогда не выйдешь из каюты.

Шарлотт-Энн вздохнула и пошла за подносом с завтраком. Она отнесла его в ванную и съела, пока нежилась в пузырьках пены.

Она с удивлением заметила, что тихонько напевает себе под нос.

Но Робин, прижавшая ухо к двери и слушавшая, не удивилась. Ни тому, что девушка напевает, ни тому, сколько времени потратила Шарлотт-Энн на то, чтобы одеться.

Ярко светило солнце, и соленый морской воздух был ароматным и свежим. Холодные ветры северной Атлантики играли вымпелами и трепали французский флаг на мачте, относили назад черные клубы дыма, вырывавшиеся из мощных труб, и развеивали их у горизонта. Вокруг расстилался бесконечный синевато-серый океан, треугольники набегающих волн венчали пенные гребешки.

Робин выглядела очень элегантно в своих широких серых шелковых брюках и белом свитере. Украшением ей служила нитка круглого жемчуга. Для утра это казалось довольно смелым нарядом, но так как она не надевала его после полудня, то это было вполне приемлемо для путешествия на корабле.

Шарлотт-Энн стояла в стороне и следила за игрой в шафлборд. На ней был кашемировый свитер цвета устриц, скромная серовато-белая юбка в складку и кожаные туфли такого же оттенка, что и свитер. Она зачесала волосы назад и перевязала их шелковой лентой. Так Шарлотт-Энн казалась еще более юной и уязвимой, чем накануне вечером. Как только Луиджи издалека увидел ее, он заторопился к ней. И он понял, что Шарлотт-Энн действительно самая красивая молодая женщина на свете, по крайней мере, для него. Князь привык общаться с армией холодных, утонченных светских красавиц, и свежесть Шарлотт-Энн оказалась для него внове и заставила потускнеть рядом с ней остальных женщин, знакомых ему.

— Доброе утро. Вы радость для моих печальных глаз, — изумленно сказал он, улыбаясь ей. — Я надеюсь, вы хорошо спали?

Шарлотт-Энн улыбнулась ему и кивнула. При дневном свете Луиджи выглядел еще более красивым, чем в ресторане и танцевальном салоне. Его лицо еще больше напоминало мрамор, а темно-синий блейзер, пестрый галстук с широкими концами и белые брюки очень шли ему.

— Теперь, когда вы хорошо отдохнули, — произнес князь, беря ее под руку и отводя в сторону от играющих в шафлборд, — я настаиваю на одной вещи.

— Вот как? — Шарлотт-Энн повернулась спиной к борту и посмотрела ему в лицо, приподняв брови. Ветер тут же набросился на ее юбку. — И что же это такое?

— Вы должны полностью посвятить этот день мне.

— Но я не могу! — У нее вырвался протестующий жест. — То есть я хочу сказать, что вам моментально станет скучно со мной. — Она посмотрела на зрелую брюнетку, проходящую мимо и просто пожиравшую Луиджи глазами.

Он взглянул на женщину, потом перевел глаза на Шарлотт-Энн и усмехнулся.

— Как видите, у вас нет соперниц. Мне больше хочется побыть с вами. — Он взял девушку за руки, сжал их и заглянул ей в глаза. — Я *всего лишь* хочу быть с вами, — подчеркнул ди Фонтанези. — Неужели я так многого прошу?

Она не ответила.

— Вы позволите мне составить вам компанию или я должен попросить разрешения у кого-нибудь другого?

Шарлотт-Энн рассмеялась и неожиданно успокоилась. При ярком свете дня он казался куда менее пугающим, чем прошлым вечером.

— Если это все, чего вы хотите, — ответила она, — то кто я такая, чтобы портить вам день? Но вы должны мне кое-что пообещать.

— Что же это такое?

— Что вы не заставите меня голодать. Робин считает, что каждая женщина должна следить за своим весом, но я *умираю* с голоду.

— В таком случае я не буду морить вас голодом. «Кафе-гриль», должно быть, уже открылось. Если же нет, то я уверен, что стюард принесет нам чего-нибудь. Лично я за завтраком наслаждался икрой, но ничто не может доставить нам, итальянцам, большего удовольствия, чем женщина с хорошим аппетитом.

— Князь ди Фонтанези, вы заключили сделку. — Она хлопнула его по ладони, и они скрепили договор рукопожатием.

Весь первый день плавания прошел словно в волшебном тумане. Они купались в бассейне. Он пытался учить ее играть в теннис на залитой солнцем палубе. Они посмотрели в кинотеатре фильм «Чемпион» с Уоллесом Бири, ходили по магазинчикам, где Луиджи настоял на том, чтобы купить ей стеклянного единорога, так понравившегося Шарлотт-Энн. Потом ужинали, снова за столом капитана. И, несмотря на такой хлопотливый день, они нашли время рассказать друг другу о себе. Поздно вечером, после ужина, Луиджи и Шарлотт-Энн вышли на открытую палубу и стояли там под россыпью звезд. Полумесяц сиял высоко в небе. Волны плескались о борт судна где-то далеко внизу, и откуда-то доносились приглушенные звуки вальса. Разум подсказывал Шарлотт-Энн, что «Иль-де-Франс» — это огромный плывущий город с тысячами пассажиров и многочисленной командой, и все-таки ей казалось, что они с Луиджи стоят вдвоем на вершине утеса, выросшего посреди Атлантического океана.

Никогда еще она не чувствовала себя такой измученной, никогда так не разрывалась надвое.

Как только сияние дня сменилось сумерками и приблизился вечер, к Шарлотт-Энн вдруг снова вернулось то же самое ощущение, что и накануне. Как и вчера вечером, что-то в князе пугало ее. И в то же самое время ей так хотелось, чтобы его руки коснулись ее тела. Она представляла себе, как ее ладони дотронутся до его широкой обнаженной спины, мускулистой и теплой. Шарлотт-Энн задрожала, одновременно желая и боясь его прикосновения. Но больше всего ее мучила мысль, что он никогда не коснется ее.

Князь вел себя настолько непредсказуемо, словно принадлежал к особой породе людей. У Луиджи не было никакого сходства с американскими мужчинами, которых ей доводилось видеть. Ни один из них не обладал такой опасной чувственностью, таким вожделением, скрытым под тонким покровом алебастровой кожи. Один человек внутри нее советовал ей оказать сопротивление в нужный момент, а другой нашептывал, чтобы она, ни о чем не

думая, ответила на вызванную ею страсть, независимо от того, насколько долго она продлится, и неважно, пострадает ли при этом сама Шарлотт-Энн.

Никогда еще Шарлотт-Энн не обуревали такие противоречивые эмоции. Ее охватило смущение. Ей хотелось бы получить чей-нибудь совет, но она инстинктивно поняла, что Робин ей не поможет. Ей надо все решить самой — следовать порывам своего сердца или погасить их.

Шарлотт-Энн вдруг с ужасом сообразила, что едва знает Луиджи. Но, казалось, это не имеет никакого значения.

Она уже влюбилась в него. Но он — Луиджи ди Фонтанези, один из избранных, предмет воздыхания многих женщин, а у нее была только любовь к нему. Позволит ли она этому чувству разрастись или нет, все равно оно обречено. Ведь совершенно ясно, что ее любовь безответна.

Откуда было знать Шарлотт-Энн, что князем Луиджи ди Фонтанези, наследником одного из древнейших титулов в Италии, единственным отпрыском богатейшей и уважаемой в его стране семьи, завладели те же самые мысли? Он думал о ней.

Шарлотт-Энн взглянула на него уголком глаза. Князь стоял к ней спиной, облокотившись о поручни и глубоко засунув руки в карманы брюк, и смотрел в море. В бледном свете луны и палубных фонарей его тень вытянулась на тиковых планках пола. На его лице явственно читалась нерешительность, губы в раздумье крепко сжаты. Взгляд устремлен в пространство, но это лишь иллюзия. Его мысли здесь, рядом, он думает о Шарлотт-Энн.

Медленно Луиджи повернулся к ней. Она стояла рядом, высокая, грациозная, в призрачно-белом одеянии. Ветер крутил и рвал ее платье. Светлые глаза Шарлотт-Энн, с расширившимися, как у кошки ночью, зрачками, блеснули, встретившись с его темными.

Ди Фонтанези тоже никогда еще не испытывал такой внутренней борьбы. И Луиджи неожиданно понял, почему — он никогда еще по-настоящему не любил.

Сначала Луиджи необычайно удивился. Неужели это любовь? Бог свидетель, он достаточно общался с женщинами, а ведь ему только двадцать девять. Но всегда, будь женщина аристократкой или плебейкой, блондинкой, брюнеткой или рыжей, смуглой или розово-белой, как англичанки, он сталкивался с тем, что стоило им впервые заняться любовью, как его чувства тут же начинали угасать. Иногда медленно, иногда быстро, но пламя неизбежно гасло. Потому что всех этих женщин объединяло одно: они все считали, что постель — вернейший путь под венец. Претенденткам некогда было размышлять о том, что он может догадаться об их скрытых мотивах, что в действительности они жаждали заполучить его титул, а до него самого им не было никакого дела.

Но Шарлотт-Энн не набросилась на него, как на возможную добычу. Напротив, сначала она отвергла его. Он знал, что эта девушка не такая, как другие. Природа одарила ее естественной аурой. В ней сочетались невинность юности и царственность манер. Шарлотт-Энн оказалась достойна стать его *княгиней*. Казалось, она рождена для этого. Но что еще более важно, подумалось ему, она самая желанная женщина из всех, кого он встречал раньше. До этой встречи с Шарлотт-Энн ему и в голову не приходило объединять любовь и секс. Но теперь оба желания — жажда физического обладания, которую он всегда с легкостью удовлетворял, и таинственная любовь, всегда ускользавшая от него, — тесно переплелись, создав одно сильное, волнующее чувство, так мощно нахлынувшее на него, что он был сбит с толку. Вдруг оказалось, что Луиджи почти тоскует по простым, привычным

отношениям, существовавшем в его прошлом. Тогда он обладал преимуществом не испытывать ничего подобного. Но в этих отношениях были и свои недостатки, и только сейчас Луиджи понял, чего он был лишен. Никогда раньше не чувствовал он себя более живым, более веселым, чем теперь, когда Шарлотт-Энн находилась с ним рядом.

Здесь стояла женщина, воплотившая в себе все его мечты. Ему даже стало страшно. Он раздумывал, как поступить. Не хотелось сделать ничего такого, что могло бы напугать ее. Раз любовь встречается так редко и так чарует, он сделает все, чтобы это чувство длилось вечно.

Из нее выйдет великолепная княгиня ди Фонтанези.

Луиджи хотелось на ней жениться.

Ему казалось, что он провел на палубе уже целую вечность, пожирая Шарлотт-Энн глазами. Его тело хотело ее, но ему было ясно, что и сердце его так же, если не сильнее, желает ее. А она молча стояла и смотрела на него, высоко подняв голову, в лунном свете ее волосы сверкали, как расплавленное серебро.

— Шарлотт-Энн! — Его голос был нежен, он подошел к ней и осторожно обнял.

Она взглянула в его скульптурно вылепленное лицо. Сильные и резкие черты, и в то же время такое аристократичное и тонкое. Черные гладкие волосы блестят, темная кайма густых ресниц затеняет блестящие глаза.

Ее лицо напряглось, а глаза сверкнули, когда его сильные руки обняли ее.

— Я люблю тебя, — просто сказал Луиджи.

Шарлотт-Энн вздохнула и отвернулась.

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — прошептал он прямо в самое ухо.

Она резко вскинула подбородок и с удивлением посмотрела на него:

— Что ты сказал?

— Я хочу, чтобы ты стала моей женой, — повторил Луиджи.

Ее сердце забилося быстрее.

— Но... но ведь ты ничего обо мне не знаешь, — неуверенно запротестовала она.

— Я знаю достаточно, — твердо ответил он и прижался губами к ее губам. Бархатный поцелуй, не короткий и не длинный, почти целомудренный. Луиджи улыбнулся ей. — Ты мне не ответила. Или ответом был твой поцелуй?

— Нет... То есть я хочу сказать... Я ничего не знаю о тебе, — беспомощно закончила она фразу.

— А что тебе нужно знать обо мне? — Луиджи еще крепче сжал ее в объятиях. — Только то, что ты любишь меня.

— Кое-что еще, — слабо отозвалась Шарлотт-Энн. — Детали.

Он наконец встретился с ней взглядом и, увидев, что она говорит серьезно, негромко усмехнулся:

— Ну что же. Мне двадцать девять лет, у меня нет ни братьев, ни сестер. Мои родители живут в Италии, и они постоянно делают мне строгие выговоры за то, что, по их мнению, я напрасно трачу время, летая на аэропланах и участвуя в автомобильных гонках. Последние несколько месяцев я путешествовал по Америке, а теперь возвращаюсь в Италию. Премьер Муссолини вызвал меня, а когда дуче зовет, народ отвечает. Даже если это семья ди Фонтанези. Видимо, у него свои планы на мой счет.

— Планы?

Луиджи кивнул.

— Он хочет отправить меня в армию, а это, по всей вероятности, означает, что у меня останется совсем мало времени для полетов и гонок, хотя и то и другое я страстно люблю. — Он добродушно улыбнулся. — Я что-нибудь упустил?

Шарлотт-Энн долго смотрела на него, лицо ее было серьезно.

— Ты меня дразнишь, — сказала она.

— Может быть. Но все сказанное — правда.

Шарлотт-Энн дрожала. Она глубоко вздохнула. В голове у нее проносился водоворот мыслей. Все его слова несомненно правдивы, но эти несколько разрозненных фактов составляют лишь фрагмент его сущности. Любовь нуждается в совместимости характеров, что налагает определенные строгие обязательства и включает множество на первый взгляд не очень важных моментов. Как он себя ведет, когда сердится? Какие фильмы ему нравятся больше всего? Где он учился? Какой его любимый цвет? Амбициозен ли он? Как может она любить человека, остающегося для нее загадкой, когда она не может ответить на эти и множество других вопросов? В конце концов, что ей все-таки *известно* о Луиджи ди Фонтанези?

Практически ничего.

Да, она твердо уверена только в одном. Но только это и имеет значение.

Она хочет его.

Шарлотт-Энн мечтает разделить с ним все его секреты, сгорает от желания узнать о нем абсолютно все. Разве любовь — это не бесконечное путешествие, когда в течение долгих лет открываешь что-то новое в любимом человеке?

Шарлотт-Энн была сбита с толку. Она вздохнула. Ее глубоко укоренившийся физический страх перед ним и совершенно парадоксальное чувственное влечение к нему — казалось, он может пробудить в ней страсть одним только горящим взглядом, по ее телу пробегают почти электрические разряды при каждом его прикосновении — может быть, это любовь? Или всего-навсего сверхмощная химическая реакция в организме, связанная с физическим влечением?

«Нет, это должна быть любовь», — решила она. Отчего же еще, когда он рядом, ей не удается справиться со своими чувствами? Почему же тогда ее сердце, ее душа подчиняются ему?

— Ты так молчалива, — сказал Луиджи. Он тепло улыбнулся ей, и она затаила дыхание от страха, смешанного с предвкушением наслаждения.

— Луиджи... — начала Шарлотт-Энн, но он набросился на нее с такой жадностью, словно изголодался.

С такой страстью ей не приходилось сталкиваться. Сначала она отбивалась, хватаясь пальцами за его сильные, мускулистые руки, и вдруг обмякла и закрыла глаза, забываясь в его горячем поцелуе. Его руки ласкали ее, из объятий невозможно было вырваться, ее грудь еще крепче прижалась к его мощной грудной клетке, когда он еще более страстно поцеловал ее. Его бедра касались ее тела, и Шарлотт-Энн почувствовала идущее от него тепло и ощутила его твердый пенис, натянувший ткань брюк. И совершенно потеряла голову. Желание накатывало на нее теплыми волнами и отступало, пока водоворот чувств не закружил ее. Ей казалось, что она беспомощно захлебывается, но не могла припомнить, когда она испытывала такое наслаждение.

Луиджи оторвался от ее губ, и ее веки медленно приподнялись. Их взгляды встретились, притягивая друг друга. Он пальцами осторожно коснулся кремовой кожи ее скул, красивого

изгиба шеи, провел по волосам и ощутил юную упругость ее груди.

— Мне кажется, — произнес Луиджи, легкими поцелуями касаясь ее губ, — что нам пора доказать друг другу нашу любовь.

Ее глаза вспыхнули, и она напряглась, но не смогла вымолвить ни слова.

— Я никогда не принимаю «нет» в качестве ответа, — прошептал он, — особенно теперь, когда нам обоим так этого хочется. — Луиджи разобрался в своих чувствах и понимал, что нет никакой необходимости ждать.

Стиснув ее еще крепче, Луиджи снова поцеловал ее. Его губы двигались сначала медленно, мягко покусывая ее губы, потом его язык полностью овладел ее ртом, пока у нее не закружилась голова и ее не охватило желание. Словно во сне, Шарлотт-Энн ощущала, как ее ведут в бархатную роскошь апартаментов «Трианон».

Когда они дошли до его каюты, он взял ее за руку и довел до двери в спальню. Шарлотт-Энн на минуту задержалась на пороге, охваченная сомнением, но Луиджи поднес ее руку к губам, не говоря ни слова — они не нуждались в словах. Потом отступил в сторону, чтобы она могла войти первой. Шарлотт-Энн долго всматривалась в темноту комнаты, освещаемую только слабым светом двух ночников по обе стороны кровати, затем перевела взгляд на него. Луиджи опустил голову, его глаза мягко блестели. Она глубоко вздохнула и вошла в комнату.

Бутылка шампанского уже стояла на ночном столике, обернутое золотом горлышко самодовольно высывалось из серебряного ведерка со льдом. Нежные звуки скрипок раздавались из динамиков, расположенных в спинке кровати. Стеганое атласное покрывало на большой двуспальной кровати поблескивало золотом вышивки.

Ее сердце пропустило удар, и в ней закипел гнев. Итак, он ждал, что она проведет с ним ночь, занимаясь любовью. С чего бы тут взялось шампанское, и еще эта музыка? Ди Фонтанези все спланировал заранее и старался исполнить задуманное. Он знал, что Шарлотт-Энн придет.

Луиджи заметил ее внезапное напряжение и пояснил:

— Я всегда на ночь слушаю музыку и пью шампанское. Другие предпочитают виски или коньяк. А мне нравится шампанское. Я нахожу, что оно помогает мне заснуть.

Шарлотт-Энн кивнула и опустила голову. Гнев, налетевший, как буря, тут же стих. Мягко тикали часы. В воздухе стоял запах морской соли, к которому примешивался легкий аромат одеколона.

Шарлотт-Энн почувствовала, что он стоит позади нее. Луиджи закрыл дверь, и тут же она ощутила его руки на своей талии. Почти без усилия он развернул ее к себе лицом. Шарлотт-Энн взглянула ему в глаза, и ей стали открываться те маленькие секреты, которые ей так хотелось узнать о нем. Она заметила маленький рубец на его нижней губе, а он смотрел на ее полуоткрытые губы, на розовый овал рта, на жемчужное белоснежное совершенство ее зубов.

Шарлотт-Энн подняла руки и мягко обняла его за шею. Так началась их ночь. Они занимались любовью с огромной нежностью.

«Он волшебник, — думала она, — а я во власти его чар».

Его пальцы нежным движением ласкали мягкий бархат ее обнаженных рук. Шарлотт-Энн уже не боялась того, что должно было произойти. Через это испытание проходили все женщины с незапамятных времен, ее врожденные инстинкты поведут ее.

Шарлотт-Энн зачарованно следила за тем, как Луиджи снимал одежду, за гипнотизирующими его движениями, когда он освобождался от рубашки и брюк и

аккуратно складывал все на стул. При каждом жесте его тугие мускулы переливались и бугрились. У него были маленькие упругие ягодицы и узкие бедра. Она и не подозревала, насколько худощавым и изящным было его тело и как грациозно оно сужалось от плеч к бедрам.

Луиджи снова повернулся к ней, на лице странное оживление, сильный член достиг полноты эрекции.

Он подвел Шарлотт-Энн к кровати, нагнулся и откинул в сторону расшитое золотом покрывало. Когда он выпрямился, она положила руки ему на плечи, прижавшись губами к его рту. Его губы раскрылись навстречу ее поцелую. Ее тело дрожало, эта ночь прогнала прочь то детское, что еще оставалось в ней. Луиджи отстранился от нее и осторожно снял с нее белое платье. Шелковая материя ощущалась, как холодное, липнущее касание, слегка массирующее ее тело. Оставшись обнаженной, она стояла не шевелясь, его руки на ее бедрах, словно ждала его оценки. Луиджи по одной вынул шпильки из ее волос. Шарлотт-Энн потрянула головой, белокурые завитки заплясали вокруг ее лица. Он удовлетворенно улыбался, пропуская сквозь пальцы пряди ее волос. Шарлотт-Энн запрокинула голову. Луиджи крепче прижал ее к себе, ее груди прижимались к его груди, а его пенис к ее мягкому животу. Она застонала, и он опустил ее на кровать. Ее кожа ощутила, как сдвинулось под ней атласное покрывало, когда его мягкое тело легло на нее. Влажные губы столкнулись с влажными губами, жалящие языки играли друг с другом, захваченные чувственным танцем.

Его губы сомкнулись на ее розовых сосках, зубы чуть касались их. Потом его поцелуи посыпались градом, пробуждая каждый дюйм ее тела, его язык касался, будто дразня, плечей, локтей, нежных впадинок под коленями. Тело Шарлотт-Энн дрожало от наслаждения, она не могла больше не двигаться и начала ответно ласкать его, чуть царапая ногтями ягодицы, покручивая его маленькие твердые соски двумя пальцами. Его губы вернулись к ее груди, он слегка куснул ее, и Шарлотт-Энн почувствовала, как ее соски набухли и затвердели, словно камешки. Закрыв глаза, она отдалась изошренной пытке боли и наслаждения, воздавая ему сторицей за все его ласки, словно он наэлектризовал ее.

Медленно он оставил ее груди, поцеловал ее глубоким поцелуем и повернул на бок, лаская и целуя атласную кожу ее ягодиц. Его язык пробежал по позвоночнику, она вскрикнула и напряглась, и тут его губы добрались до ее затылка. Никогда еще Шарлотт-Энн не испытывала такого всепоглощающего наслаждения. Каждый нерв ее тела был настроен на его прикосновения. Он снова повернул ее на спину, обжигаящими поцелуями касаясь шеи, ложбинки между грудями, плоского живота. Потом мучительно медленно он склонил лицо к треугольнику между бедер. Инстинктивно она приподнялась навстречу ему. Его язык ласкал напряженный клитор, вырывая у нее глубокие стоны наслаждения, играя бархатной плотью до тех пор, пока не довел ее до исступления, сводя с ума от желания. Ее тело выгнулось дугой в агонии сладострастия.

Луиджи приподнялся, собираясь лечь на нее, Шарлотт-Энн судорожно глотнула и облизнула губы. Ей вдруг стало страшно. Его ноги коснулись ее, и она почувствовала его член между своих бедер. Он устроился там, остановился, и, когда Луиджи поцеловал ее, Шарлотт-Энн вдруг почувствовала тупую боль. Она застонала, и Луиджи застыл, потом начал отстраняться от нее.

— Нет, — прошептала Шарлотт-Энн, ее глаза были полны любви и решимости. Она покачала головой. — Все в порядке, Луиджи. Не останавливайся.

— Ты уверена?

Шарлотт-Энн кивнула, и он снова прильнул к ее губам глубоким поцелуем, одновременно медленно, но уверенно погружаясь в нее. Она вцепилась зубами в уголок подушки, пока что-то внутри нее рвалось и уступало его натиску. Шарлотт-Энн чувствовала, как что-то влажное струится по ее бедрам, пока Луиджи осторожно двигался внутри нее. Его медленный ритм становился все быстрее, пока она не забыла о боли и не начала отвечать ему, прижимаясь к нему бедрами, принаравливаясь к его темпу. Он обхватил руками ее ягодицы, прижимая ее все крепче, и Шарлотт-Энн ощутила, что они стали единым целым, спаянные воедино, а Луиджи все глубже и глубже погружался в ее лоно. Ее тело напряглось, дыхание стало прерывистым, и она вдруг ощутила, что летит в пропасть, и наступил миг взрывного, всепоглощающего наслаждения. Волны экстаза накатывали на нее, а тело Луиджи вдруг напряглось, он вскрикнул. Их тела содрогались в едином трепете удовлетворенной страсти.

Потом он рухнул вниз, прерывисто дыша, мокрый от пота. Их тела еще сливались воедино.

Спустя какое-то время Луиджи перекатился на бок и лег рядом с ней. Шарлотт-Энн смотрела в сторону, страшась встретиться с ним взглядом.

Его твердая рука взяла ее за подбородок и заставила повернуть голову.

— Я люблю тебя, Шарлотт-Энн, — торжественно прошептал Луиджи, целуя ее в кончик носа. — Я должен на тебе жениться. Ты должна принадлежать только мне.

Его взгляд развеял ее страхи, и сердце забилося ровнее.

— А ты? — мягко спросил он. — Ты хочешь выйти за меня замуж?

Шарлотт-Энн робко улыбнулась. Ее глаза сияли, но сердце тосковало. О, если бы действительно все было так просто! Но остается еще шесть месяцев до ее совершеннолетия. Она пообещала матери посещать школу Катру по меньшей мере полгода. А вдруг он не захочет ждать так долго?

Неожиданно для себя самой она почувствовала, что утвердительно кивает, и ее затопило удовлетворение. Шарлотт-Энн посмотрела на потолок, а Луиджи натянул на них покрывало. Он выключил свет, и в комнате стало темно.

Она чувствовала рядом тепло его тела, Луиджи обнял ее и уткнулся носом ей в шею. Шарлотт-Энн ощущала себя такой защищенной, расслабившейся, и долго не могла уснуть.

Последним, что пришло ей в голову, было: теперь Шарлотт-Энн знала точно, что может не волноваться. Она его любит.

И вдруг актерская карьера показалась ей лишеной всякого смысла.

7

Неизвестность убивала ее.

Никогда еще в своей жизни Элизабет-Энн так не нервничала. В ушах у нее звенело от напряжения, во рту пересохло. Но внешне она выглядела абсолютно спокойной, почти безразличной. Элизабет-Энн взглянула на Лэрри, сидящего наискосок от нее за накрытым белой скатертью столом. Он тоже был само спокойствие, хотя она знала, как все кипит у него внутри.

Они с Лэрри приготовились к последнему броску, и никто из них не знал, смогут ли они загнать добычу или нет.

— Это игра, — убеждал ее Лэрри в их черно-желтом «роллс-ройсе» по дороге на эту встречу. — Помни об этом. Здесь как в покере. Когда ставки высоки, следует о них вообще забыть. Помни, ты что-то выигрываешь, а что-то теряешь. Штука только в том, чтобы выигрывать чаще, чем терять.

Но сказать легче, чем сделать, это она теперь точно знала.

Эта особая «игра в покер» происходила не в казино или в прокуренной задней комнате сомнительного бара. Они сидели за длинным обеденным столом в роскошном банкетном зале отеля «Шелбурн» на углу Пятой авеню и Шестьдесят второй улицы. Кроме них с Лэрри, среди других «игроков» были четыре адвоката, двое представляли интересы Элизабет-Энн, а двое других — интересы Милтона Шелбурна, бухгалтеры обеих сторон и представители банков.

Элизабет-Энн посмотрела на Милтона Шелбурна. Он стал их добычей, и притом отличной. Высокий, с огромным животом, не позволявшим ему сесть к столу ближе, чем на фут. Проницательные черные удлиненные глаза, редящие черные волосы зачесаны назад, усы отлично подстрижены. На нем превосходно сшитый костюм, массивные золотые запонки высовываются из-под полосатых рукавов пиджака. До мозга костей это очень благополучный и могущественный человек, а гаванская сигара, которую он курит, только усиливает впечатление. Неожиданно Элизабет-Энн поняла, что, несмотря на эту внешнюю невозмутимость, он волнуется даже больше, чем она или Лэрри, но ему удастся этого не показывать. Фактически, несмотря на ставки, все сидящие за столом выглядят настолько степенными, словно собрались в церкви.

Элизабет-Энн сгорала от желания узнать, который час, но она и не взглянула на свои наручные часы, снова и снова повторяя себе, насколько важно им с Лэрри делать вид, что время для них не имеет значения. Они должны ублажать Милтона Шелбурна ложным ощущением безопасности, словно им было совершенно безразлично, насколько быстро закончатся переговоры. Если им это не удастся, то Шелбурн может раскусить их игру, и ему удастся вырваться из ловушки. Тогда он в последнюю минуту заключит сделку с кем-нибудь из других покупателей, предложения которых он раньше отверг.

Если дело выгорит, то это станет самой странной сделкой, в которой Элизабет-Энн доводилось принимать участие. Прежде всего, на сделку отводилось всего одиннадцать часов, хотя предполагалось, что ей об этом ничего не известно. Они с Лэрри находились в Нью-Джерси и покупали тот самый мотель, покупку которого им пришлось отложить, так же как и свадьбу, в связи с тем, что она узнала об отношениях Шарлотт-Энн и Микки Хойта. Дочь уже неделю назад отправилась в Европу на пароходе, и Элизабет-Энн наконец почувствовала себя готовой заняться делами. Как только она получила известие о том, что Шелбурн неожиданно вышел на рынок, ей пришлось настоять на изменении их планов. Вместо того чтобы инспектировать работу отелей в Балтиморе, Вашингтоне и Филадельфии, они в спешке вернулись в Нью-Йорк. После целой ночи совещаний со своими адвокатами и бухгалтером в девять часов утра Элизабет-Энн с кругами под глазами встретилась со своими банкирами, потом заторопилась, обзванивая весь город.

И натолкнулась на нечто стоящее.

Один из ее многочисленных знакомых сообщил ей сплетню о Милтоне Шелбурне. Предполагалось, что это тщательно хранимый секрет, но дело было в том, что Шелбурн оказался в очень неприятном положении. Правда, такие сведения поступили только из одного источника, но Элизабет-Энн всегда безоговорочно доверяла этому человеку раньше и

ни разу не ошиблась. Поэтому теперь для нее не имело значения, какое впечатление производит Шелбурн; выпутаться ему не удастся. В его распоряжении оставалось время только до семнадцати часов этого дня, чтобы продать отель, иначе все будет потеряно.

За несколько минут до пяти часов вечера он примет любые условия, которые они ему предложат.

Элизабет-Энн понимала, что она должна получить отель «Шелбурн». Такого рода случай выпадает только один раз в жизни. Эта гостиница занимала два квартала севернее отеля «Пьер» и представляла собой небольшой город. Здание проектировал в 1887 году Генри Дженвей Харденберг, подаривший Нью-Йорку «Дакота апартментс» и отель «Плаза». Сейчас легко признавались и гений господина Харденберга и слава отеля «Шелбурн». Огромный вестибюль с изящными арками потолка и галереями словно попал сюда из дворца эпохи Возрождения. Но отличительной чертой комплекса являлся огромный внутренний двор. Элизабет-Энн уже сейчас в воображении рисовала себе джунгли, которые можно там устроить под стеклянным потолком: сочные пальмы, журчащие фонтаны, множество орхидей в горшках. Но, по ее мнению, как и с точки зрения многих жителей Нью-Йорка, самым прекрасным в здании были два шпиля, возвышавшиеся над улицей и касавшиеся облаков.

Элизабет-Энн понимала, что если ей не удастся заключить сделку сегодня, то, по всей вероятности, эта гостиница навсегда уплывет из ее рук.

Никогда еще время так не благоприятствовало покупке собственности. По всей стране на рынке царствовала депрессия, конца которой не было видно, и спрос на недвижимость упал. Несмотря на это, отель «Шелбурн» принадлежал к тому разряду уникальных зданий, которые без благоприятного стечения обстоятельств всегда остаются вне досягаемости.

Но Фортуна улыбнулась Элизабет-Энн. Она *чувствовала* это. Чтобы превратить покупку «Шелбурна» в реальность, им с Лэрри необходимо было затянуть переговоры до тех пор, пока до семнадцати часов не останется лишь несколько минут.

Элизабет-Энн судорогой свело желудок. Сколько же еще осталось ждать до пяти часов вечера? Ей казалось, что она уже сидит за этим столом целую вечность. Этим утром в десять одновременно происходили три встречи, на которых она тоже присутствовала: нашлись еще покупатели на отель. Переговоры шли все утро, но Милтон Шелбурн крепко держался, не снижая установленную им цену. Элизабет-Энн, прекрасно знавшая о его сложном финансовом положении, не могла не восхищаться его бравадой, но остальные покупатели расстроились. Один за одним они разошлись, двое сняли свои первоначальные предложения, а третий сообщил Шелбурну, что его цена остается в силе, если она его заинтересует.

Надежды Элизабет-Энн увеличились. Третий покупатель не знал, что Шелбурн обязательно должен заключить сделку до определенного времени. Все теперь в руках судьбы. Если Шелбурн успеет вовремя связаться с этим покупателем, то отель уйдет из ее рук. Но, с другой стороны, если ему это не удастся...

Она неслышно вздохнула. Элизабет-Энн сообразила, что по случайности, достойной водевиля, именно ей и Милтону Шелбурну придется носить одни и те же доспехи — внешне неисчерпаемое терпение и полная беззаботность.

В конце концов, ей, Лэрри и адвокатам предстоит всего-навсего сделать обычную покупку. Им только надо спокойно сидеть и смотреть, как другие торгуются. Она планировала дожидаться крайнего срока, словно собирается дать больше самой высокой цены, предложенной за отель. Элизабет-Энн чувствовала — и ощущения ее не подводили, —

что если она начнет торговаться, то лишь взвинтит цену. Их молчание осталось незамеченным ни другими покупателями, ни самим Милтоном Шелбурном. Их присутствие словно ослабляло позиции других и усиливало положение Шелбурна, поверившего, что он будет вознагражден за свою выдержку. Ему и в голову не приходило, что Элизабет-Энн известна его ахиллесова пята.

В лучшие времена состояние Шелбурна достигло головокружительной суммы, но лишь малую его часть составляли собственно деньги. Ему принадлежали большие и дорогие участки земли между Манхэттеном и Бруклином, и после «черной пятницы» во время депрессии у него на глазах банки пожирали его собственность кусок за куском. Его кредит всегда был в порядке, и изначально он нажил свое состояние, перекрывая банковский кредит. Он был хорошо известен своими рискованными сделками и махинациями с быстрой куплей-продажей. Каждое его владение совершенно не зависело от других и управлялось различными компаниями. Шелбурн вел свои дела так, что даже в самом худшем случае, если некоторые из его компаний обанкротятся, остальные останутся крепкими и стойкими. Но даже он не мог предвидеть такую катастрофу, как депрессия. Действительно, его империя не рухнула вся сразу, но распалась на кусочки. Отель «Шелбурн» оставался его последним владением, так же как и участок земли, на котором он стоял. Как это случалось и с другими, отель был целиком заложен. С тех пор как его империя начала рушиться, Шелбурн неторопливо подыскивал покупателя для своей гостиницы. Но все время ему что-то мешало. То запрашиваемая им цена оказывалась слишком высокой, то покупатели снимали свое предложение в последний момент. Когда же Шелбурн наконец нашел серьезных покупателей, судьба снова нанесла ему жестокий удар. В тот день, когда бумаги должны были быть подписаны, его покупатель обнаружил, что накануне вечером полностью обанкротился. Такова была тяжелая реальность депрессии, но тот факт, что подобное случалось очень часто, не делало пилюлю менее горькой. Шелбурну казалось, что его финансовое будущее обречено.

До сегодняшнего дня.

Его решение выставить отель на аукцион оказалось достаточно интересным для того, чтобы четыре потенциальных покупателя заявили о себе и предложили свою цену. То, что двое отступили и вышли из игры, Шелбурна не беспокоило. В конце концов, одно предложение пока оставалось в силе. А судя по тому, что он слышал об Элизабет-Энн Хейл, она просто хватала всю попадавшуюся под руку недвижимость, словно завтрашнего дня могло и не быть. Ее присутствие могло свидетельствовать только об одном: ее намерения серьезны, она хочет получить отель «Шелбурн».

Его фатальной ошибкой было то, что он не знал, насколько серьезна эта женщина.

Шелбурн незаметно взглянул влево, пытаясь прочесть ее мысли. Она казалась спокойной, тихой, как и весь день до этого. Прямая спина, темный костюм, светлая блузка, нитка жемчуга придают ей вид финансовой обеспеченности. Аквамариновые глаза устремлены куда-то вдаль, а темные круги под глазами, появившиеся после двух последних напряженных дней, великолепно скрывает умело положенная пудра. Она выглядела, словно зритель, с умеренным интересом ожидающий начала пьесы.

Сознавая, что Шелбурн смотрит на нее, Элизабет-Энн постаралась держать себя в руках. Но, как только он отвел глаза, она взглянула на Лэрри, потом зашелестела какими-то бумагами, придвигая их к себе. Таким образом Элизабет-Энн пыталась украдкой посмотреть на часы и при этом не выдать себя. Прежде чем заговорить, она в задумчивости поджала

губы.

— Конечно, — медленно начала Элизабет-Энн, — нам всем хотелось бы как можно быстрее уладить это дело. — Она снова посмотрела на лежащие перед ней документы. — Меня беспокоит тот факт, и я знаю, что мистера Хокстеттера он тоже волнует, что в течение последнего года «Шелбурн» терял своих постоянных клиентов. Просматривая бухгалтерские книги, я увидела, что оперативные расходы очень высоки. «Шелбурн» требует очень большого вложения капитала.

— «Шелбурн» — первоклассный отель, — мягко вступил в разговор Милтон Шелбурн. — А персонал всегда можно сократить. — Он склонил голову в сторону Элизабет-Энн и позволил себе неискреннюю улыбку. — Судя по тому, что я о вас слышал, миссис Хейл, вы очень профессионально урезаете расходы без видимых сокращений среди услуги.

— Все может быть, но «Шелбурн» совершенно не похож на мои отели. — Элизабет-Энн потрясла бумагами, которые держала в руке. — Мои гостиницы значительно скромнее, и ими легче управлять. А «Шелбурн», как вам известно, — один из самых больших отелей в городе, в нем почти семьсот комнат и апартаментов, многие из которых нуждаются в срочном ремонте и замене мебели. Рестораны очень запущены и также требуют значительных вложений. Честно говоря, я боюсь, что мне будет трудно управлять таким отелем, так же как и заплатить за него высокую цену.

— Но вы еще даже не упомянули о цене, — подал голос старший из двух адвокатов Шелбурна.

— Да, это так. — Элизабет-Энн взяла карандаш и провела несколько линий на полях одного из лежащих перед ней документов. Потом отогнула рукав своего костюма и подчеркнуто посмотрела на часы. — Джентльмены, боюсь, уже поздно. Я предлагаю закончить на сегодня и встретиться завтра утром. — Она сделала вид, что встает.

— Подождите, — кровь отлила от лица Шелбурна. — Я уверен, что мы можем прийти к своего рода предварительному соглашению. — Предложение Элизабет-Энн оказалось для него ударом, и он впервые почувствовал, как его охватывает паника.

Элизабет-Энн затаила дыхание и посмотрела Лэрри прямо в глаза. Ловушку можно было уже захлопывать, но лицо Лэрри по-прежнему оставалось бесстрастным. Даже сейчас, когда добыча почти в руках, несмотря на возбуждение, необходимо скрыть свою радость и продолжать вести дело, не проявляя никаких эмоций. Бизнес, об этом знали они оба, не оставляет места для чувств.

— В таком случае, мистер Шелбурн, — спокойно сказала Элизабет-Энн, — позвольте мне сделать вам предложение. — Она посмотрела на его банкира и адвокатов. — Джентльмены, я предлагаю купить закладную на отель «Шелбурн». Кроме того, я предлагаю выплатить вам лично, мистер Шелбурн, шестьдесят пять тысяч долларов наличными.

Шелбурн выглядел так, будто его нокаутировали. Потом он глухо, безрадостно хмыкнул: — Вы, конечно, шутите.

Элизабет-Энн покачала головой:

— Нет, мистер Шелбурн, я никогда не шушу, если речь идет о делах. Я абсолютно серьезна.

— Но... но это же совершенно нелепо, — прошипел Шелбурн.

— Неужели? — Элизабет-Энн положила руки на стол перед собой и наклонилась к нему. Ее глаза так жестко блеснули, что Лэрри, никогда не видевший ничего подобного, считал ее поведение чрезвычайно интересным. Это еще раз доказало ему, сколь многому она

научилась и как возмужала со времени их первой встречи.

— Мистер Шелбурн, — терпеливо продолжила Элизабет-Энн, — остаток по закладной на отель составляет почти четверть миллиона долларов. Когда вы его приобрели, вы заплатили сто пятьдесят тысяч долларов, а за последующие десять лет вы выплатили четверть миллиона долларов. Мне нет нужды напоминать вам, что у вас денег нет и что рынок недвижимости переполнен. Хотя мне и не хотелось бы об этом говорить, но я навела справки, мистер Шелбурн. У вас нет возможности торговаться или отклонить мое предложение. Фактически вы разорены. Если вы не примете мое предложение, согласно которому вы все-таки получите шестьдесят пять тысяч долларов наличными, вы не только потеряете этот отель через... — Элизабет-Энн демонстративно взглянула на часы, а потом прямо в глаза Шелбурну, — через двенадцать минут, но у вас не будет даже чувства удовлетворения от того, что вы его продали. Отель перейдет в руки банка и — кто знает? — может быть, я совершу лучшую сделку, если подожду несколько лишних минут. — Она сделала паузу. Ее голос стал мягче, в нем слышалось почти сожаление. — Посмотрите на происходящее с другой стороны, мистер Шелбурн. У вас два пути — либо получить шестьдесят пять тысяч долларов, либо потерять все.

Шелбурн оказался в ловушке и понимал это.

— Кто сказал вам о семнадцати часах? — хрипло прошептал он, его лицо побледнело. — Вы? — Его голова осуждающе дернулась в сторону банкира, худого, хрупкого человека с высоким покатым лбом, в это мгновение не столько походившего на банкира, сколько на гробовщика.

— Нет, — ответил тот, качая головой, явно обиженный подобным предположением. — «Первый общий манхэттенский банк» не выдает секретов.

— Ну, кто-то да брякнул что-нибудь, — резко бросил Шелбурн. Он неожиданно весь вспотел, капли выступили у него на лбу. Владелец отеля вытащил из кармана платок и без церемоний вытер лицо. Потом нетвердо встал на ноги и повернулся к Элизабет-Энн. — Боюсь, мне придется отклонить ваше предложение, — сказал он, стараясь сохранить достоинство, и криво улыбнулся ей и банкиру. — Мне кажется, вы оба забыли, что у меня было еще одно предложение, и оно до сих пор остается в силе. Вы все это слышали. — Шелбурн позволил слабой улыбке облегчения изогнуть уголки его губ.

— Да, мы слышали, и у вас еще есть время принять мое предложение, *если* вы успеете до семнадцати часов, — напомнила ему Элизабет-Энн. — Не забывайте, после этого часа «Шелбурн» будет принадлежать банку, а не вам.

Милтон Шелбурн уставился на нее, смысл сказанного начал доходить до него.

— Вы перехитрили меня, — прохрипел он, — вы тянули время только для того, чтобы заманить меня в ловушку.

Элизабет-Энн смотрела на него с каменным выражением лица.

— Можете называть это как вам угодно, — спокойно сказала она, — только помните, пока наше предложение еще остается в силе. До семнадцати часов. В вашем распоряжении десять минут, мистер Шелбурн, чтобы заключить сделку с другим покупателем. Примете вы наше предложение или нет, все в ваших руках. Как бы там ни было, если ровно в пять часов вечера вы не примете наше предложение, мы его снимаем.

Шелбурн повернулся к своим адвокатам:

— Она может это сделать? А потом повернуться и уйти?

Те молча кивнули, избегая его взгляда.

— Это... это чистой воды *безумие!* — Он почти кричал от возмущения.

Нарочито медленно Элизабет-Энн отодвинула свой стул, встала, прошла к концу стола, взяла телефон, подтянула шнур и поставила аппарат перед Шелбурном, потом села за стол напротив него.

— Пожалуйста, звоните другому покупателю и принимайте его предложение немедленно. — Она с вызовом посмотрела на него. — Как бы там ни было, если эта сделка сорвется по какой-либо причине, у вас есть возможность принять наше предложение, пока не пробило пять часов вечера. У вас есть возможность не проиграть, — и многозначительно добавила: — Или хотя бы не потерять все.

Шелбурн облизал губы и уставился на телефонный аппарат.

— Звоните, — поторопил его банкир, — ради всего святого, звоните, мистер Шелбурн.

Дрожащими пальцами тот снял трубку и набрал номер.

Элизабет-Энн на минуту закрыла глаза. Это было выше ее сил. Это уже не бизнес, это джунгли, где нет ни правил, ни законов. Ее тяготило чувство вины, и все-таки она знала, что ее действия необходимы, что она играет *честно*. Разве не сам Шелбурн отказался от других предложений только потому, что был уверен — она предложит больше? Его алчность и недостаток проницательности стали причиной его провала, а не она.

— Соедините меня с мистером Спенсером, — голос Шелбурна от напряжения звенел как натянутая струна. — Скажите ему, что это срочно.

Никто не смотрел на него, никому не хотелось быть очевидцем его паники.

— Как это не возвращался после обеда? Он ушел отсюда много часов назад! Вы *должны* знать, где я могу найти его, — его голос сорвался. — Хорошо, если он появится раньше пяти часов вечера, попросите его перезвонить мне.

Элизабет-Энн вздохнула. Ничего хорошего в этой победе не было. Ее желудок по-прежнему крутили спазмы, как и весь день.

Шелбурн выронил трубку. Она со стуком упала на стол, а он рухнул в свое кресло.

Минуты, казалось, едва ползли. Все молчали, по очереди глядя то на часы, то на телефон.

Телефон не звонил. В шестнадцать сорок девять мистер Спенсер так и не позвонил.

Ровно в семнадцать часов Милтон Шелбурн уронил лицо в ладони.

— Хорошо, миссис Хейл, — хрипло, приглушенно прошептал он. — Я принимаю ваше предложение.

Еще не пробило и девяти, когда Элизабет-Энн наконец отложила ручку и отодвинула последнюю стопку документов.

— Готово, — тихо произнесла она.

Женщина не показывала виду, но на самом деле она и припомнить не могла, когда еще завершение работы приносило ей такое облегчение. Элизабет-Энн была на ногах уже в течение двух дней, да и напряженные переговоры с владельцем отеля, завершившиеся ужасным поражением Милтона Шелбурна, сделали свое дело. Отправиться домой, рухнуть в постель и спать столько, сколько захочется, — эти слова музыкой звучали у нее в душе.

Но Элизабет-Энн чувствовала себя не только усталой, в ее душе поселился страх. Шестьдесят пять тысяч долларов наличными плюс выплата четверти миллиона долларов по закладной, может быть, сделка и неплохая, но от истраченной суммы денег у нее кружилась голова. Знала она и о том, что реставрация отеля до прежнего великолепия потребует таких

же гигантских расходов, а сделать это *необходимо*. К тому же ни одно из уже приобретенных ею владений не принадлежало ей до конца. За все, включая мотель в Квебеке, женщина внесла только часть денег. Девиз Лэрри всегда гласил: используй ДДЛ — деньги других людей, — как только у тебя есть возможность. Нет сомнения, ДДЛ имеют свои определенные преимущества, но могут также привести и к катастрофе. Глубоко спрятанный страх мучил ее. Если богатая золотая жила иссякнет и «Хошшу инвестментс» лопнет, то Элизабет-Энн окажется точно в таком же положении, что и Милтон Шелбурн.

— Джентльмены, — заговорила она чуть хрипло, но уверенно, — мне кажется, что дело можно считать сделанным, как вы думаете? — Элизабет-Энн чуть улыбнулась им.

Они кивнули. Сам Шелбурн ушел уже много часов назад, подписав необходимые бумаги и оставив завершать все своих адвокатов. Теперь они, так же как и остальные члены «команд» Шелбурна и Элизабет-Энн, участвовавшие в переговорах, положили свои копии контракта в портфели, щелкнули замками и поднялись на ноги. Прежде чем выйти из комнаты, все по очереди слегка пожали ей руку и пробормотали поздравления.

Когда Элизабет-Энн и Лэрри остались одни, обстановка в опустевшем зале показалась им гнетущей. Элизабет-Энн наконец позволила себе показать, насколько измучена и измотана. С глубоким тяжелым вздохом женщина расслабленно откинулась на спинку коричневого кожаного кресла, в котором ей пришлось провести целый день. В глазах у нее щипало, и она потерла их костяшками пальцев.

— Ты устала, — нарушил молчание Лэрри.

Она кивнула, откинула голову назад и закрыла глаза.

Лэрри подошел к ней, встал позади кресла и положил руки ей на плечи.

— Поедем-ка домой, — предложил он, — у тебя выдался тяжелый день.

— Со мной все будет в порядке, — ответила Элизабет-Энн. — Дай мне всего минутку.

— Нам некуда спешить. — Он начал массировать ей спину, разминая напряженные мышцы сильными круговыми движениями пальцев. — Ты что-то не выглядишь очень счастливой, но это меня не удивляет. Такое состояние напоминает послеродовую депрессию. Насколько мне помнится, я всегда чувствовал разочарование, заключив сделку, подобную этой. И все-таки я должен тебя поздравить. Мы вместе с тобой провернули одну из крупнейших деловых операций периода депрессии. Ты купила отель за малую толику его настоящей цены.

— Я знаю. И это меня беспокоит, — Элизабет-Энн сдавленно вздохнула, а Лэрри продолжал делать ей массаж. — Бизнес есть бизнес, и я об этом никогда не забуду. Чистой воды теория Дарвина — выживает сильнейший. Но я не обязана это любить.

— Не обязана, верно. — Лэрри помолчал, все еще касаясь пальцами ее спины. — Но представь на минуту, что положение изменилось. Неужели ты думаешь, что Шелбурн стал бы колебаться, прежде чем тебя *обчистить*? — спросил он.

— Нет, в этом я как раз не сомневаюсь. — Элизабет-Энн выпрямилась, поймала его пальцы и задержала на своих плечах. — Я напугана, Лэрри.

Он хмыкнул:

— Почему?

— Причина одна — ведь выживает сильнейший. Сегодня сильнейшей оказалась я, — она обернулась и посмотрела ему в лицо. — А что будет завтра? Что тогда случится со мной?

Лэрри знал, что она не ждет ответа.

— А другие причины? — поинтересовался он.

— Я думаю, мне страшно и потому, что сумма оказалась столь велика. И потому, что оплата всех моих приобретений связана только с «Хошшу инвестментс». А что, если золотоносная жила иссякнет? Что тогда, Лэрри?

— Тогда мы оба утонем, — последовал суровый ответ. — Но я не думаю, что такое может случиться, во всяком случае, в ближайшем будущем. Помни одно: в бизнесе ты должна всегда опережать остальных. Именно это ты и делаешь сейчас. Иногда нужно быть консерватором, а в другое время рисковать. Штука в том, чтобы знать, каким путем идти. Сегодня следовало рисковать, и это сработало. — Лэрри наклонился и поцеловал ее в затылок. — Никогда не следует быть слишком уверенным в себе, но и не следует волноваться так, чтобы доводить себя до болезни.

Она кивнула.

— Постараюсь это запомнить. — Элизабет-Энн слабо улыбнулась.

— Что тебя еще беспокоит?

— Причин для беспокойства достаточно. Прежде всего, я владею определенным количеством недвижимости, но все окажется бесполезным, если в экономике страны будет продолжаться спад.

— Экономическое положение улучшится, поверь мне. — Лэрри сделал паузу. — Ты хотя бы представляешь себе, сколько подъемов и спадов пережила наша страна?

Элизабет-Энн покачала головой:

— Нет.

— Тогда послушай меня, и я уверен, ты почувствуешь себя лучше. В тысяча восемьсот шестьдесят девятом году у нас произошло то, что финансисты любят называть «черной пятницей». Это произошло в результате того, что инвесторы попытались сбить цены на рынке золота.

Элизабет-Энн тихонько безрадостно рассмеялась. Почти прямое попадание.

— В тысяча восемьсот девяносто третьем году, — продолжал Лэрри, — произошла похожая финансовая паника, за которой последовала четырехлетняя депрессия. Потом то же самое случилось снова в тысяча девятьсот седьмом году. И каждый раз, дорогая, мы снова вставали на ноги. Будь уверена, Соединенные Штаты выберутся и из этого капкана и победят и эту депрессию, как и предыдущие, не будь я Лоуренс Хокстеттер.

— Очень хорошо, ты меня убедил. Пока у наших постояльцев хватает денег, чтобы останавливаться в наших отелях, я постараюсь не слишком волноваться.

— Вот и отлично.

— А теперь об управлении всеми этими отелями и мотелями. Лэрри, ведь до них до всех не доходят руки! Я сама разрываюсь на части, а теперь у нас появился еще и «Шелбурн». Настало время создать компанию по управлению всеми этими предприятиями. Я поняла, что не смогу справиться с империей таких размеров — а она все продолжает расти — в одиночку. Меня на все не хватит.

— Ты собираешься назвать эту компанию... — прервал ее Лэрри.

— «Отели Хейл», — быстро ответила Элизабет-Энн.

Он рассмеялся.

— Мы уже семь дней женаты, а ты все еще настаиваешь на том, чтобы говорить «Хейл» вместо «Хокстеттер». Да, предупреждали меня насчет независимых женщин!

— Только потому, что когда-то мы с Заккесом решили построить мотель, с которого все

и началось. Таков мой долг его памяти, Лэрри. Да и дети носят фамилию Хейл. Это даст им шанс стать кем-то. У них будет чем владеть.

— Я знаю, — мягко отозвался он. — И я достаточно обеспечен, чтобы согласиться с этим.

— Я могла бы возглавить «Отели Хейл», — в голосе Элизабет-Энн появились более деловитые нотки. — Мне понадобятся два-три хороших управляющих — они станут действовать под моим руководством и будут вице-президентами, — которым я могла бы доверять. Каждый будет отвечать за управление несколькими отелями и мотелями и отчитываться только передо мной. Человек, стоящий во главе администрации каждого отеля, подотчетен непосредственно вице-президенту, кроме тех случаев, когда он будет выполнять мои личные распоряжения. В этом случае мои решения обязательны к исполнению. Служащие отелей и мотелей будут подчиняться главе администрации. Но приказы вице-президента и тем более мои могут заменить приказания управляющего. Тебе понятен общий принцип?

Лэрри одобрительно кивнул. Несмотря на усталость, расчетливый ум Элизабет-Энн все расставил по своим местам.

— Другими словами, — продолжала она, — мы установим командную цепочку, а я буду занимать вершину пирамиды.

Лэрри усмехнулся:

— Совсем как Клеопатра, радость моя.

Элизабет-Энн улыбнулась:

— Не надо меня сейчас называть твоей радостью! — Она приложила палец к губам. — Мне кажется, что было бы неплохо закрепить за каждым вице-президентом свою территорию. Он будет руководить всем в своей зоне, но ничего, кроме этого. Смотри: один занимается Нью-Йорком, другой — Пенсильванией и Нью-Джерси, а третий — Балтимором и Вашингтоном. Сразу прекратятся всякие разъезды туда-сюда. Может быть, даже ему следует жить где-то там, а не здесь, в Нью-Йорке.

— Отличная мысль, — восхитился Лэрри. — Ты быстро схватываешь.

Элизабет-Энн неожиданно нахмурилась.

— Но как мне узнать, могу ли я доверить человеку такую власть?

— Если ты собираешься и дальше расширять дело, то тебе придется поделиться властью и надеяться, что ты можешь доверять людям, которых берешь на работу. На самом деле, даже если ты не собираешься больше ничего покупать и намерена управлять только теми гостиницами и мотелями, которыми владеешь в настоящий момент, тебе все равно придется вести себя так же.

Она кивнула:

— Я не думаю, что мне стоит волноваться по поводу того, где найти хороших исполнителей. Ведь я предложу приличное жалованье и хорошие премиальные тому, кто захочет заняться этим бизнесом. Никто не станет экономить, если речь идет о найме достойного управляющего. И кроме того, сейчас рынок труда принадлежит работодателям, кругом полно служащих, оставшихся без работы или желающих получить место получше. Так и поступим, — твердо заявила Элизабет-Энн. — Но мы должны убедиться, что нанимаем *очень* хороших управляющих. Мне нужны самые сливки. — Она помолчала. — Как ты думаешь, сколько нам понадобится времени, чтобы создать компанию «Отели Хейл»?

— Не больше, чем несколько дней. В крайнем случае, неделя.

Элизабет-Энн улыбнулась. Нервозность и сомнения начинали улетучиваться. Чего нельзя было сказать о физической усталости. Пока они с Лэрри разговаривали, глаза у нее начали слипаться. Она почти уснула, сидя в кресле, но в дверь неожиданно постучали. Элизабет-Энн открыла глаза.

— Войдите, — сказала она и повернулась к Лэрри: — Кто бы *это* мог быть?

Он загасил свою сигарету и встал. В этот момент дверь распахнулась. На пороге стояли две девушки, блондинка и брюнетка. Их внешний вид не заставил Элизабет-Энн задуматься об их профессии. Проститутки, сомнений быть не могло.

Не веря своим глазам, она уставилась на них. Что же случилось с этим отелем, если девицы легкого поведения работают здесь, а не на улице? Почему же охрана гостиницы не задержала их? Если так и дальше пойдет, то они оборудуют себе здесь комнату отдыха или устроятся в вестибюле и будут предлагать свои услуги. Нет, этому миссис Хейл точно положит конец.

Но не успела Элизабет-Энн и рта раскрыть, а Лэрри уже шел им навстречу. В замешательстве она смотрела, как он достает свой бумажник и отсчитывает каждой из них по пять хрустящих стодолларовых купюр. Девушки улыбнулись Лэрри, положили деньги в сумочки и расцеловали его, прежде чем выйти из комнаты.

— Да что же это такое? — воскликнула Элизабет-Энн. И вдруг ей все стало ясно. Впервые со дня их знакомства она почувствовала, что готова убить Лэрри. — Нет, ты не мог этого сделать, — возмущенно прошипела она.

Он взглянул на нее, его лицо оставалось холодным и бесстрастным.

— Я сделал это, — прозвучал ответ. Лэрри снова закурил. — Неужели ты ожидала, что я полностью доверюсь воле случая?

— Ох, Лэрри! Все это кажется таким... таким дешевым.

— Почему это? Оттого, что девочки ждали Спенсера при выходе? Может быть, это было и нечестно, но иногда цель оправдывает средства. Афера, конечно, но ведь все сработало, не так ли? Когда Шелбурн безнадежно пытался дозвониться до Спенсера, ему и в голову не могло прийти, что тот находится прямо над ним, — хмыкнул Лэрри.

— Мне так *стыдно*, — прошептала Элизабет-Энн. В комнате стояла жара, но она обхватила себя за плечи руками, ее трясло. — Ты заманил его в сексуальную ловушку, чтобы Шелбурн не смог его найти. — Женщина в ужасе покачала головой. — А я-то думала, что Спенсера просто нет на месте.

— Элизабет-Энн, ведь все получилось. Ты должна помнить об этом. Благодаря этому многие люди счастливы. Спенсеру выпала потрясающая возможность снять напряжение, да так, что его жена ничего и знать об этом не будет. Девочки получили по двойному тарифу — и он им заплатил, и я. А ты получила за бесценок отель.

Элизабет-Энн закрыла глаза. Она не могла поверить своим ушам. Победа и до этого не очень-то ее радовала. А теперь настроение было и вовсе испорчено.

Она с трудом поднялась на ноги. Теперь им точно следовало отправиться домой. Даже оставаться в этой гостинице противно.

День принес много сюрпризов. Слава Богу, с неожиданностями покончено.

Но, когда они приехали в «Мэдисон Сквайр», клерк протянул ей телеграмму. Элизабет-Энн вскрыла ее и поняла, что сюрпризы только еще начинаются. Она все смотрела и смотрела на телеграмму, читая и перечитывая текст, прежде чем поняла его смысл:

МАМА ПОЖАЛУЙСТА НЕ СЕРДИСЬ ТЧК ВЫШЛА ЗАМУЖ ОЧЕНЬ СЧАСТЛИВА И ОЧЕНЬ ВЛЮБЛЕНА ТЧК СТАЛА КНЯГИНЕЙ ДИ ФОНТАНЕЗИ ТЧК ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМОМ ТЧК ПОЖАЛУЙСТА НЕ РУГАЙ РОБИН ТЧК Я ОЧЕНЬ ТЕБЯ ЛЮБЛЮ И НАДЕЮСЬ ЧТО ТЫ БЛАГОСЛОВИШЬ НАС ТЧК С ЛЮБОВЬЮ ШАРЛОТТ-ЭНН И ЛУИДЖИ ДИ ФОНТАНЕЗИ

За три тысячи пятьсот миль от Америки, на другом берегу Атлантики, среди темных отрогов Альп стальные колеса поезда протестующе завизжали, раздражая слух: локомотив подъезжал к станции. Экспресс был на один вагон длиннее обычного. К последнему вагону прицепили темно-синий частный вагон, украшенный гербом ди Фонтанези. Интерьер его напоминал убранство небольшого роскошного дома — гостиная, спальня, маленькая кухня, ванная и купе для личного стюарда.

Шарлотт-Энн проснулась в небольшой спальне, отделанной богатыми панелями из крепкого карпатского вяза. Ее разбудила скорее внезапно наступившая тишина, чем истощенный визг колес. Она открыла глаза. До нее доносились громкие рывкающие голоса с платформы. Шарлотт-Энн села в кровати. Потом осторожно, чтобы не разбудить Луиджи, она выбралась из постели, завернулась в розовый халат, купленный ей Луиджи в Париже, завязала пояс, затем, подойдя к окну, отодвинула тяжелые драпировки с бахромой и посмотрела на улицу.

Ей пришлось прикрыть глаза. Платформа, здания и поезд заливал слепящий свет прожекторов, придавая местности удивительный, почти нереальный вид.

Состав остановился на итальянской границе.

Шарлотт-Энн опустила окно и высунулась. Разреженный горный воздух оказался холодным. Куда бы ни падал ее взгляд, повсюду он натывался на униформу пограничников, одетых в галифе, высокие сапоги и фуражки. Форменная одежда выглядела очень официально и в какой-то мере весьма устрашающе.

Негромко хлопнула дверь и на платформу спрыгнул Альдо, собственный стюард частного вагона ди Фонтанези, одетый в белую куртку. Он остановился поговорить с каким-то официальным лицом прямо под ее окном. До слуха Шарлотт-Энн постоянно долетало «Князь ди Фонтанези, княгиня ди Фонтанези» вперемежку с быстрыми залпами итальянской речи. Она увидела, как Альдо протянул пограничникам их с Луиджи паспорта, но те даже не потрудились в них заглянуть. Потом один из них случайно поднял голову. Увидев ее в окне, он тут же приложил два пальца к козырьку, пробормотал «Scusi»^[14] и двинулся к следующему вагону.

Шарлотт-Энн задумчиво нахмурилась. Когда «Иль-де-Франс» пришвартовался в Гавре, пограничники долго рассматривали их с Луиджи, сверяясь с фотографиями в паспортах. А потом, когда поезд пересекал швейцарскую границу, им пришлось пройти через строгие пограничные формальности. Чересчур старательный швейцарец даже осмотрел их личные вещи. Что уж он намеревался там обнаружить, Шарлотт-Энн не имела ни малейшего представления. Тот факт, что вагон принадлежит ди Фонтанези и что Луиджи — князь, явно не играл никакой роли.

Но для итальянцев титул имел огромное значение. Им и в голову не пришло взглянуть на паспорта. Ни один из пограничников даже не вошел в вагон. Казалось, что она и Луиджи

обладают дипломатической неприкосновенностью. Впервые Шарлотт-Энн поняла истинную власть семьи ди Фонтанези, которой она обладала в собственной стране. Шарлотт-Энн еще не привыкла к почестям, оказываемым знати, и нынешнее положение вещей казалось ей совершенно неприемлемым.

Она собралась было закрыть окно, когда ее внимание привлекла суматоха на другом конце перрона. Какой-то молодой человек выпрыгнул из одного из вагонов в голове поезда и кинулся бежать. Но пограничникам и в голову не пришло бросаться в погоню. В этом не было никакой необходимости, потому что солдаты, заполонившие платформу, тут же окружили беглеца. Он понял, что попался, остановился и поднял руки вверх.

Пораженная молодая женщина увидела, как один из пограничников достал револьвер из блестящей кобуры, поднял руку, прицелился и выстрелил.

Звук выстрела громом отозвался в горах. Юноша дернулся, когда пуля пробила ему спину; сила выстрела толкнула его вперед. Шарлотт-Энн задрожала, а он тяжело упал на бетон лицом вниз и больше не шевелился.

Два пограничника легкой походкой подошли к нему. Один из них упер руки в бедра, а другой стал убирать оружие в кобуру. Не говоря ни слова, они резким ударом перевернули лежащего на спину. Молодой человек медленно поднял голову. Его лицо исказила гримаса боли. Пограничник занес ногу и со всей силой, на которую только был способен, обрушил ее на лицо распростертого перед ним человека.

До Шарлотт-Энн донесся страдальческий стон, и ей показалось, что она слышит хруст собственных разбиваемых скул. К горлу подступила тошнота.

Она выпрямилась и закрыла окно. На какое-то мгновение женщина прижалась лбом к стеклу, пытаясь перевести дух. Тошнота стала постепенно отступать.

Шарлотт-Энн услышала шум в коридоре рядом со спальней. Она пересекла комнату, подошла к двери, открыла ее и увидела стюарда Альдо, направлявшегося в свое купе.

Он чуть поклонился:

— Чем могу служить, княгиня?

Она обернулась: невероятно, но Луиджи крепко спал, несмотря на выстрел и стоны, — и закрыла дверь, чтобы их голоса не разбудили мужа.

— Альдо, — прошептала Шарлотт-Энн дрожащим голосом, — они только что застрелили человека...

Альдо кивнул, стараясь оставаться спокойным. На секунду ей показалось, что в темных глазах слуги сверкнула ненависть, но когда она присмотрелась внимательнее, то ничего подобного не заметила. Может быть, это была лишь игра ее воображения.

— Я видел, княгиня, — в голосе Альдо слышался явный акцент. — Вероятно, он был anarchisco^[15].

— Но... не было никакой нужды стрелять в него. Он же сдался.

Стюард пожал плечами:

— У главы любой страны много врагов. У дуче их тоже хватает.

— Но разве они не могли просто арестовать его? Зачем же стрелять ему в спину?

Альдо уставился в пол:

— Это Италия, княгиня. Здешние законы отличаются от законов Америки.

— Но...

— Постарайтесь забыть об этом, княгиня, — мягко посоветовал слуга. — Представьте, что ничего не произошло.

Шарлотт-Энн в изумлении смотрела на него:

— Но ведь это *случилось*. Я же все видела своими глазами...

— Если вам больше ничего не нужно... — Еще раз легко поклонившись, Альдо отправился в свое купе.

Она посмотрела ему вслед, а потом вернулась в спальню. Луиджи спал, повернувшись на бок, не слышно было даже его дыхания.

Шарлотт-Энн выскользнула из халата и вернулась в кровать. Матрас прогнулся, и Луиджи зашевелился и перевернулся на другой бок, лицом к ней. Он открыл глаза и сонно покосился на нее.

— Ты не спишь.

— Да, — кивнула жена. — Мы на границе, — она глубоко вздохнула. — Луиджи...

— Хмм? — Он сладко зевнул.

— Они только что застрелили человека.

— Кто?

— Пограничники.

— Не волнуйся. — Князь снова зевнул. — Никто не осмелится стрелять в тебя.

Шарлотт-Энн изумленно посмотрела на него.

— Меня не это волнует. Они стреляли ему в *спину*. Безоружному человеку. Это было ужасно...

Его голос тихо зажурчал в ответ.

— Не занимайся подобными вещами. Это дело властей. — Луиджи обнял ее. — Завтра — длинный день. Постарайся немного поспать. Тебе это пригодится.

Шарлотт-Энн смотрела на мужа, но его веки уже опять опустились. Он тут же заснул снова. Вскоре до нее донеслось его тихое похрапывание.

Поезд уже давно мчался сквозь ночь, а сон все бежал от нее. Наконец Шарлотт-Энн снова встала, надела халат и пошла в гостиную, расположенную в передней части вагона. Долго сидела молодая женщина в бархатном кресле у окна. Величественные итальянские Альпы обманчиво мирно дремали в утреннем свете. Небо казалось ясным. Резкое чередование света и тени, какое ей не доводилось видеть прежде, создавало удивительный ландшафт.

Италия.

Теперь она в Италии. Еще одна незнакомая страна, где ей не приходилось бывать раньше и которая отныне станет ее домом.

Шарлотт-Энн вздрогнула: истинное значение ее замужества впервые открылось ей. Она уже не была просто женщиной, она стала княгиней — членом одной из самых влиятельных семей Италии. Ей предстояло стать частью культуры, доселе совершенно ей неизвестной. Здесь теперь ее дом, на земле, где правят фашисты. Еще в Нью-Йорке Шарлотт-Энн читала в газетах о Муссолини, но он не произвел на нее большого впечатления. Италия всегда казалась ей такой далекой. Ей и в голову не приходило, что фашизм и дуче могут сыграть какую-то роль в ее жизни. Но теперь все изменилось. Шарлотт-Энн поняла, что подобная ситуация глубоко затрагивает ее. У нее на глазах убили человека или, во всяком случае, серьезно ранили, и пограничники вели себя по-садистски. Она увидела ужас фашизма, дотоле скрытый от нее. Да, ди Фонтанези жизнь баловала. Удалось уклониться даже от неизбежной проверки паспортов.

Как это Альдо говорил?

«Это Италия. Здесь другие законы».

Шарлотт-Энн задумалась: сможет ли она приспособиться к новым условиям жизни? Что это за законы, поощряющие жестокость и убийство? Что за страна станет ее новым домом? Увиденного ей оказалось достаточно для того, чтобы понять, насколько ей отвратителен фашизм. Сможет ли она жить под его железной пятой?

Тени воспоминаний, сомнения проносились у нее в голове. Страх переполнял ее. Ее преследовала мысль о том, как ее мать восприняла новость о ее замужестве. Конечно, она уже давно получила телеграмму, отправленную двумя днями раньше из Гавра.

Шарлотт-Энн печально улыбнулась самой себе. Элизабет-Энн, вероятно, рассердится, но сделать уже ничего не сможет. В конце концов, Шарлотт-Энн теперь княгиня ди Фонтанези, и ее матери придется просто смириться с этим фактом. Да, она с рождения носила фамилию Хейл, но теперь ее сменила.

Но несмотря на то что реакция матери волновала ее, а сцена на границе привела в ужас, не это сейчас являлось истинной причиной ее волнения. Больше всего ее мысли занимала предыдущая ночь.

Альдо застелил отороченные кружевами простыни. По словам Луиджи, их вышивали монахини из ордена Богородицы. Потом молодожены выпили по бокалу шампанского на ночь и занялись любовью. Шарлотт-Энн испытала при этом странное чувство: они любили друг друга на простынях, вышитых монахинями, давшими обет молчания.

Позже, перед тем как уснуть, Луиджи сказал ей нечто, наполнявшее ее теперь таким страхом. Шарлотт-Энн снова вздрогнула, ее сердце забилося от леденящего ужаса.

Луиджи не сообщил родителям о произошедшей на борту лайнера свадьбе.

Он вез домой жену, которую никто не ждал.

9

Чем ближе они подъезжали к вековому гнезду ди Фонтанези по извилистой сельской дороге, тем яснее видела Шарлотт-Энн, что ее муж возвращается к привычной ему жизни. От него исходило радостное возбуждение, его глаза светились гордостью. Одного этого было достаточно, чтобы Шарлотт-Энн почувствовала себя чужой, а ее сомнения усилились.

Для Луиджи за каждым поворотом открывалась новая страница воспоминаний. И он гордо говорил об этом жене. Вот здесь его однажды сбросила лошадь; вот здесь начинаются владения его семьи и простираются на двадцать километров — повсюду, насколько хватает взгляда; на холмах растут их оливковые деревья; а вот эти низкие, хорошо ухоженные зеленые ряды — их виноградники; а вот эта деревня платит ди Фонтанези ренту последние четыреста лет. Конечно, пояснил князь, ренту теперь собирают лишь как дань древней традиции. Основные доходы семье приносили вложения в банковское дело и промышленность.

В Риме их частный железнодорожный вагон отцепили, и супруги ди Фонтанези провели ночь на вилле, принадлежащей семье, рядом с садами Боргезе. А потом они отправились в поместье ди Фонтанези, расположенное в семидесяти пяти милях к юго-востоку, на блестящем новеньком красном «бугатти», ожидавшем Луиджи в столице. После величественного черно-желтого «роллс-ройса» Лэрри ехать в изящном спортивном открытом «бугатти» было, по мнению Шарлотт-Энн, равносильно катанию на «американских горках». Особенно когда за рулем находился Луиджи. Он был опытным

водителем, но ездил слишком быстро. Вместе с авиацией автомобильные гонки составляли главную страсть его жизни. Хотя Шарлотт-Энн и просила его все время ехать помедленнее, он только смеялся в ответ.

Чем ближе они подъезжали к дому, тем, казалось, быстрее мчалась машина. Это лишь увеличивало волнение Шарлотт-Энн, потому что она отнюдь не так стремилась добраться до палаццо, как муж. Женщина все больше нервничала и беспокоилась, уверенная в том, что ему следовало известить родителей об их свадьбе. А ей следовало настоять на этом. На какой прием может рассчитывать свалившаяся с неба жена? Она пыталась мысленно представить себе родителей Луиджи, суровых и аристократичных: его отца — князя Антонио, тонкого эстета, с угрожающей, почти пастырской, манерой держаться, и его мать — княгиню Марчеллу, наследницу семьи Медичи, холеную и холодную. Семья ди Фонтанези могла проследить свой род до двенадцатого века. Один из предков в пятнадцатом веке даже был Папой.

Несмотря на страх ожидания, Шарлотт-Энн не могла не любоваться красотой пролетающего мимо пейзажа. Деревни сменялись горбатыми холмами, солнечные склоны которых покрывали многолетние зеленые виноградники, возделанные на каменистой, неплодородной почве, а тенистые — серо-зеленые оливковые деревья. То там то сям поднимались кроны величественных кипарисов. Немногочисленные домики деревень то венчали самые вершины холмов, то прятались в глубоких долинах. Повсюду вдоль извилистой дороги крестьяне возделывали свои поля теми же инструментами, что и их предки. Когда сияющая машина проносилась мимо, они опускали свои мотыги и с удивлением мечтательно смотрели вслед.

Всякий раз, когда они въезжали в деревню, Луиджи сбрасывал скорость, на лице его читалось нетерпение, но Шарлотт-Энн была ему за это благодарна. Куры гордо выступали по узким пыльным улочкам, все время кланяясь в поисках еды, пока красный автомобиль не заставлял их взлетать с сердитым квохтаньем. Шарлотт-Энн, откинувшись на спинку сиденья, рассматривала строения. Штукатурка облупилась, выставляя напоказ толстые каменные стены. В каждом селении высокая каменная церковь со шпилем возвышалась над другими крышами, покрытыми разноцветной черепицей. Казалось, время на этой земле остановилось несколько веков назад. Инцидент на границе, свидетельницей которого стала Шарлотт-Энн, удалялся все дальше и дальше.

— Я не думала, что здесь так красиво, — сказала она.

Луиджи покосился на жену. Они только что проехали деревню, и машина устремилась вперед по открытому участку дороги.

— Что? — переспросил он, пытаясь перекричать шум ветра и рев мотора.

Молодая женщина сложила ладони рупором и прокричала:

— Я сказала, что здесь красиво!

Луиджи хмыкнул, и Шарлотт-Энн снова поразились его красоте, тому, что ему достаточно только взглянуть на нее и она начинает таять.

Неожиданно он притормозил и съехал на обочину. Когда Луиджи взялся за ручной тормоз, Шарлотт-Энн удивленно посмотрела на него.

— Что-то случилось? — спросила она.

Муж покачал головой:

— Мы почти приехали. Нам осталось минут пять пути.

Шарлотт-Энн кивнула.

Он нашел ее руку и сжал.

— Ты нервничаешь?

Жена сморщила нос, потом снова кивнула.

— Нет причин для волнения, — заверил ее Луиджи. — Мои родители обычно не едят молоденьких девушек на обед. — И с этими словами он снова завел мотор, и машина двинулась вперед. Еще один поворот, потом резкое торможение, поворот направо с протестующим скрежетом резины, и автомобиль съехал с дороги на еще более узкую аллею, ровную и отлично вымощенную.

— Вот мы и приехали, — провозгласил князь, когда «бугатти» миновал две каменные колонны, охраняющие въезд в поместье.

Шарлотт-Энн повернулась на красном кожаном сиденье и посмотрела назад. Каждую удаляющуюся колонну венчал серый разрушенный фрагмент мраморной статуи.

Дорога изгибалась, полого поднимаясь вверх по склону холма, усаженного оливковыми деревьями. «Бугатти» мчался мимо кипарисов, обрамлявших обочины.

— Это и есть твой дом? — спросила Шарлотт-Энн, указывая влево.

По другую сторону долины, на вершине еще одного холма, возвышалось здание, напоминавшее разросшуюся крепость из желтого камня. Сходство довершали зубчатые стены и башни.

Луиджи покосился на нее:

— Нет, это монастырь ордена Богородицы. Монахини вышивают наше белье. Наш дом, хотя мне следовало бы сказать — дом моих родителей, прямо над нами. Когда ветер дует с запада, то можно услышать звон колоколов монастырской церкви.

Дорога поднималась все выше, закручиваясь спиралью вокруг холма. Шарлотт-Энн посмотрела вниз: сквозь ветви кипарисов виднелись зеленые виноградники, оливковые рощи и деревни, рассеянные по долине.

— Посмотри вверх, — раздался голос Луиджи.

Он сбросил скорость, «бугатти» полз черепащим шагом. Шарлотт-Энн посмотрела туда, куда указывал его палец, и впервые увидела родовое гнездо ди Фонтанези.

Над ними выступала вперед широкая, огражденная перилами терраса. Сам дом немного отступал назад, его наполовину скрывала стена кипарисов. Увиденного хватило молодой женщине, чтобы понять, сколь обескураживающе огромными были его размеры. Дворец венчал собой вершину холма, откуда открывался широкий вид на окружающие окрестности.

Центральная часть дворца была четырехэтажной — это стало видно за следующим поворотом. На первом этаже ограждали вход три вздымающиеся арки, обрамленные с каждой стороны тремя высокими стеклянными дверями. Массивные закругленные окна второго этажа, выполненные в той же манере, что и арки первого, казались их отражением. На третьем этаже расположились только восьмиугольные окна. Их линия прерывалась в центре, где заканчивались вершины арок окон второго этажа. Три маленьких окошка венчали пирамиду на четвертом этаже. Над центральным возвышался флагшток с бьющимся на ветру штандартом ди Фонтанези.

Два длинных двухэтажных боковых крыла протянулись от центрального входа. Линия крыш и головокружительная архитектура фасада придавали дворцу вид белоснежной пирамиды. Чистоту цвета нарушала лишь черепица крыш, одинаковых повсюду в этой местности.

Только когда машина проехала дальше вокруг холма, Шарлотт-Энн заметила с

благоговейным страхом, что ее первый взгляд охватил только вершину айсберга. Все четыре стороны дворца оказались идентичными. Он был абсолютно квадратным и скрывал открытый внутренний дворик в центре. Огромные размеры строения напомнили ей один из гранд-отелей ее матери. Шарлотт-Энн глубоко вздохнула и постаралась подавить нарастающую дрожь.

— Я здесь вырос, — проговорил Луиджи, по-прежнему не прибавляя скорость. — Конечно, этот дом не стал моим единственным пристанищем. Сейчас я большую часть времени провожу на Вилле делла Роза в Риме, где мы провели прошлую ночь. Сюда я приезжаю навестить родителей. Мы с тобой обоснуемся в столице. Да потом есть и другие дома. Мой дед выстроил дворец в неоклассическом стиле на берегу озера Гарда. Есть еще и шале в Альпах, и дворец в Венеции. Но этот дом я люблю больше всего. Местные жители называют его «Palazzo Bizarro».

— Палаццо Бизарро? А что это значит?

— Если перевести буквально, то «Странный дворец». Но его официальное название — «Palazzo di Cristallo», «Хрустальный дворец».

Шарлотт-Энн довольно долго не могла отвести взгляда от приближающегося здания, потом повернулась к мужу и удивленно посмотрела на него:

— Но почему? Я что-то не вижу здесь много стекла, если не считать окон. Почему просто не называть его «Палаццо ди Фонтанези»?

— Ты все скоро увидишь. — Луиджи загадочно улыбнулся. — Это, конечно, палаццо ди Фонтанези. Но так называется дворец в Венеции, правда, венецианцы вместо слова «палаццо» употребляют слово «каза», а сокращенно — «ка», поэтому дом называется «Ка ди Фонтанези».

— Мне кажется, — произнесла его жена зачарованно, — что я несколько смущена.

— Не стоит смущаться, — рассмеялся князь. — Ты быстро привыкнешь.

— Ты сказал, что любишь этот дом больше других. Почему?

— Потому что *это* «Хрустальный дворец». Из-за его истории. Видишь ли, здесь наше родовое гнездо, хотя от него и немного осталось. Мой прадедущка был немного — как это ты говоришь? — не в себе. — Он постучал пальцем по лбу.

— Правильно, не в себе, — подтвердила Шарлотт-Энн.

— Это могло стать результатом слишком частых родственных браков между различными ветвями семьи. Он был нашим «Сумасшедшим Людвигом». Прадед вбил себе в голову, что необходимо снести старый дворец, который, как я догадываюсь, отвечал самым высоким требованиям, и построить этот. У него были довольно странные вкусы, сама увидишь. В молодости он много путешествовал, и турецкий дворец Долмабахче на Босфоре произвел на него большое впечатление. Вернувшись домой, он решил, что просто обязан иметь нечто подобное. К несчастью, прадед решил потягаться с султаном Абдул-Месидом. Строя этот дом, он почти разорил семью. Только рента от крестьян и арендаторов спасла моих родственников от полного финансового краха. Но этого было недостаточно. В результате многие арендаторы сейчас хотели бы выкупить у нас землю, но мои и слышать об этом не хотят. — Луиджи пожал плечами. — Сейчас мы очень богаты, но кто знает? Может быть, в будущем рента еще раз спасет ди Фонтанези.

Шарлотт-Энн теперь смотрела прямо перед собой. Они достигли вершины пологого холма, и прямо перед ней сверкал «Хрустальный дворец». Казалось, он тоже разглядывает ее своими темными закрытыми окнами, обрамленными фронтонами цвета охры.

Не успели они подъехать к главному входу, как массивная дверь распахнулась. Луиджи еще не вышел из машины, а пожилая пара уже торопливо спускалась по ступенькам. Лица озаряли счастливые улыбки.

— Луиджи! — хором воскликнули они тонкими ломкими голосами.

Тот выбрался из машины и торопливо обнял их:

— Чинция! Марко!

Князь повернулся к машине. Шарлотт-Энн как раз выходила из нее. На лице явно проступило выражение осязаемого облегчения. «Может быть, зря я так волновалась», — подумала она. В конце концов, Луиджи оказался прав. Эти люди не выглядели так, будто они едят молодых девушек на обед.

— Твои родители, видно, очень рады твоему приезду, — осмелилась произнести Шарлотт-Энн с неуверенной улыбкой, когда Луиджи снова обернулся к ней.

Муж рассмеялся.

— Мои родители? Нет-нет. Чинция и Марко помогали растить меня, но они не мои родители. Это слуги.

Молодая женщина покраснела, только сейчас поняв, сколь многому ей предстоит научиться. И пока она этого не сделает, ей лучше помалкивать.

— Так *вот* почему у него такое название — «Хрустальный дворец», — восхищенно прошептала Шарлотт-Энн, когда Луиджи, взяв жену под руку, ввел ее внутрь. Забыв о своем неудачном высказывании минуту назад, она с волнением оглядывала великолепие главного холла. Возможно, прадед Луиджи и был чуточку сумасшедшим, но он достиг волшебного эффекта.

Прямо перед ней двумя полукругами поднималась величественная мраморная лестница, покрытая богатым восточным ковром. Со стеклянного потолка ротонды, четырьмя этажами выше, спускалась массивная хрустальная люстра, чьи бесчисленные многогранные призмы сверкали в солнечном свете. Но главной отличительной чертой лестницы, придававшей ей неповторимое волшебство, была балюстрада из сверкающего резного хрусталя, укрепленная с внутренней стороны изящными латунными стержнями.

— Только на лестницу потребовалось тридцать две тысячи фрагментов хрусталя баккара, — рассказывал Луиджи. — Пятьсот канделябров и двести люстр украшают дом. Вот эта, кстати, — он указал на люстру, свисающую с потолка, — самая большая. Говорят, что она весит больше тонны.

Шарлотт-Энн смогла только кивнуть, ее взгляд стремительно оглядывал похожий на пещеру вестибюль. Казалось, повсюду на мраморных основаниях расположились хрустальные канделябры. На стенах мрамор иногда сменялся зеркалами в рамах из того же камня. Предметы романской древности укрылись в мраморных нишах. Изящно вырезанные карнизы сияли позолотой.

Шарлотт-Энн освободила свою ладонь из руки Луиджи и сделала несколько шагов вперед. Взглянув вверх, она увидела, что каждую площадку лестницы украшают мраморные колонны с позолоченными коринфскими капителями. А перила из сияющего хрусталя вьются вверх на четыре этажа.

Ледяное великолепие смягчали яркие краски ковров. Такое сочетание задевало тайную мечту о волшебном, таящуюся в глубине души каждого человека.

— Тебе нравится? — наконец спросил Луиджи.

Шарлотт-Энн повернулась к нему и сглотнула:

— Я и... представить себе не могла ничего подобного.

— Я тоже. Веришь, только когда видишь. Теперь ты знаешь, почему дворец имеет такое официальное и неофициальное названия. Он и хрустальный, и странный.

— Но главная странность в том, что дворец находится *здесь*, а не в Риме.

— Как я уже тебе сказал, мой прадед был довольно странным человеком. Уверяю тебя, что ни мой дед, ни мой отец не унаследовали это необычное сумасшествие. — Он улыбнулся. — Идем, я покажу тебе наши апартаменты. Марко принесет багаж, и ты сможешь освежиться, перед тем как встретиться с моими родителями.

Денек выдался из тех, что ей никогда бы не хотелось пережить снова. Они выехали из Рима утром, но довольно поздно. Ее и так утомила короткая остановка в Вечном городе, полном новых для нее звуков, запахов, картин, потом головокружительно быстрая езда через провинцию. Так что поражающий воображение дворец оказался тем, что она уже не могла вынести.

Его неземное великолепие скоро стало лишь еще одним кошмарным напоминанием о том, насколько далеко оказалась Шарлотт-Энн от привычного, удобного мира.

Позже она встретилась с родителями Луиджи. Хотя они и говорили по-английски, но оказали ей формально-вежливый, однако очень холодный прием. Они предстали перед ней точно такими, какими Шарлотт-Энн себе их и представляла: отец Луиджи — суровый и аристократичный, его мать — великолепно ухоженная и холодная. Когда родители узнали о состоявшейся свадьбе, поздравлений не последовало. Князь просто проигнорировал новость, а княгиня только подняла аристократические брови. Услышанное они обдумывали в молчании.

Вечером ужин подали в огромной столовой на серебряных тарелках. Стол покрывала кружевная скатерть. Все остальное, начиная с канделябров и блюд до рюмок и прибора для соли и перца, было, как ни странно, из хрусталя. Сидящие за столом вели сдержанный разговор, и сразу после ужина княгиня Марчелла Луизелла Уберти ди Фонтанези отодвинула свое похожее на трон кресло, царственно встала — она сидела в конце абсурдно длинного стола — и холодно улыбнулась.

— Луиджи, я уверена, что вам с отцом надо о многом поговорить, — заявила она на своем несколько запинаящемся, но отличном английском, выученном ею в школе много лет назад. — Мы с Шарлотт-Энн пойдем в музыкальный салон, чтобы лучше познакомиться, пока вы проведете время в курительной комнате. — Княгиня взглянула на невестку, сложив губы в вежливую легкую улыбку, но ее темные глаза сверкали стальным блеском, в котором недоставало радушия.

Шарлотт-Энн просительно повернулась к Луиджи, но он только улыбнулся ей и сказал: — Отличная идея — познакомься с твоей свекровью.

Княгиня показывала дорогу в удивительно маленькую, уютную комнату, где оказалось не так много хрусталя, чему молодая женщина очень обрадовалась. Салон оказался совершенно женственным, обставленным хрупкой французской мебелью, а не тяжелой резной итальянской, царящей в остальных комнатах дома. В убранстве преобладал бледно-голубой цвет и негрубая позолота. Один угол целиком занимал рояль. Позолоченная арфа расположилась в другом.

— Может быть, вы хотите кофе? — спросила княгиня, прежде чем они сели.

— Нет, благодарю вас, — отказалась Шарлотт-Энн.

— Отлично. Я никогда не пью кофе по вечерам. Я нахожу, что от него мне хуже спится.

Мы рано ложимся спать. — Она помолчала, потом продолжила: — Садитесь, пожалуйста. — Хрупкая женщина указала на сиденье, и Шарлотт-Энн осторожно села, стараясь прямо держать спину. Ей и в голову это не приходило, но при подобных обстоятельствах ее мать приняла бы точно такую же позу.

Княгине Марчелле ди Фонтанези исполнилось пятьдесят семь. Она была настолько же красивой и изящной женщиной, насколько значителен был ее высокий лысый муж. Теперь

Шарлотт-Энн стало ясно, от кого Луиджи унаследовал свою внешность. Высокий рост, крепкое атлетическое сложение, тело, послушное его воле, достались ему от отца, а скульптурно вылепленные черты лица — от матери. Княгиня — миниатюрная женщина — отнюдь не казалась беспомощной малышкой. Напротив, она выглядела очень крепкой: отлично уложенные седые волосы, строгий черный костюм и простая нитка великолепного грушевидного жемчуга на шее. Такие же темные глаза, как у Луиджи, только больше и пронизательнее. Но Шарлотт-Энн вдруг поняла, что ее величественное спокойствие обманчиво: перед ней злобная, напряженная и суровая женщина. Именно от нее Луиджи унаследовал этот вид пантеры, готовой к прыжку.

— Вы очень красивы, мисс Хейл, — начала княгиня, оставаясь стоять и пристально глядя на Шарлотт-Энн. — Я понимаю, что в вас так привлекло моего сына.

Молодая женщина подняла голову и, не моргнув, встретила пронизывающий взгляд темных глаз.

— Моя фамилия теперь не Хейл, княгиня, — мягко возразила она, — я теперь ди Фонтанези.

Свекровь посмотрела на нее и не удержалась от раздраженного жеста.

— Это зависит от точки зрения, мисс Хейл, — прямо заявила она. — У вас был пароходный роман, скороспелая гражданская свадьба. Женщина может носить фамилию ди Фонтанези только в том случае, если ее брак получит благословение Римской католической церкви.

— Так вот как вы представляете себе это? — воскликнула шокированная Шарлотт-Энн. — Пошлый пароходный роман?

— Ну-ну, не стоит обманывать себя, мисс Хейл.

Шарлотт-Энн резко вздернула подбородок.

— Мы с Луиджи любим друг друга, — с силой проговорила она, гордо и спокойно. — И наша любовь продлится вечно.

Слабая улыбка тронула губы хозяйки дома:

— *Вот оно что.* — Она пересекла комнату, прислонилась к небольшому бюро и сложила руки на груди, по-прежнему улыбаясь. — Сколько вы хотите?

Шарлотт-Энн в изумлении широко открыла глаза:

— Простите, что?

— Я спросила, — терпеливо повторила княгиня, — сколько денег вы хотите за то, чтобы этот глупый брак был аннулирован?

— Вы хотите откупиться от меня? — не веря своим ушам, выговорила Шарлотт-Энн.

— Ну, если вас это устраивает. Одни хотят денег, другие драгоценностей, третьи покровительства. У каждого человека своя цена. Каждый выбирает сам, по какому курсу он получит.

— Я не могу поверить, — сказала молодая женщина, поднимаясь. Она прошла через комнату и теперь возвышалась над миниатюрной свекровью. — Мне кажется, вы не расслышали, — продолжила она. — Мы уже женаты.

Княгиня откинула голову назад, ее взгляд оставался пронзительным.

— Неужели? Вы в этом уверены?

Шарлотт-Энн кивнула:

— Конечно, уверена.

Марчелла ди Фонтанези грустно покачала головой, словно пытаясь справиться с

упрямым, непослушным ребенком.

— Вы забыли об одном обстоятельстве. Вы теперь в Италии, мисс Хейл, — спокойно произнесла она. — Мы католическая страна, и законы здесь другие. Свадьба на борту парохода для нас — ничего не значащий ритуал.

Шарлотт-Энн нахмурилась.

— Что ж, для меня это не так, — бросила она.

— Значит, вы обманываете сами себя, а жаль.

Выражение лица нежеланной невестки не изменилось.

— Так вот что вы пытаетесь сказать мне? Что бракосочетание недействительно?

— Вот теперь вы попали в точку.

— А Луиджи знал, что оно не будет законным?

— Не думаете ли вы, что мой сын не знает законов своей страны и своей церкви?

Казалось, дух борьбы оставил Шарлотт-Энн. Она неожиданно почувствовала, что у нее закружилась голова. Молодая женщина не знала, правду ли ей сказали, но она испугалась.

«Это не может быть правдой, — сказала она себе. — О Господи, почему я должна общаться с этой женщиной наедине? Почему Луиджи не мог быть со мной рядом все время?» Ее плечи опустились, глаза защипало.

Княгиня решила воспользоваться моментом, ошибочно приняв разочарование и боль Шарлотт-Энн за поражение.

— Оставьте его сейчас. Сейчас как раз самое время сделать это, — хрипло прошептала она. Ее пальцы впились в руки невестки. — Вы всего лишь влюблены друг в друга. Но любовь? Что можете вы знать о любви? Вы слишком молоды. Когда станете старше, вы будете благодарить меня за то, что я не дала вам совершить этой ошибки.

Шарлотт-Энн отступила назад, освобождаясь от болезненной хватки пожилой женщины. Она медленно покачала головой, все еще находясь в состоянии шока. Теперь ей стало ясно, насколько она недооценивала родителей Луиджи. Она не ожидала, что ее встретят с распростертыми объятиями, но даже в самых страшных ночных кошмарах ей не представлялось сражение, подобное этому.

Молодая женщина с вызовом подняла подбородок:

— Княгиня, мне кажется, в одном мы пришли к согласию, — ее голос дрожал, — я не нравлюсь вам, а вы не нравитесь мне. Пусть будет так. Тем не менее я люблю Луиджи. — Шарлотт-Энн сморгнула подступившие слезы, грозившие залить щеки. — Я люблю его так, что буду сражаться за него до последнего вздоха, и всем сердцем верю, что он сделает то же самое ради меня. Насколько я понимаю ситуацию, у вас два пути. У ди Фонтанези есть власть и влияние. Либо вы принимаете нас и подтверждаете законность нашего брака, либо вы потеряете единственного сына. Мне не нужны ни ваши деньги, ни ваши милости. Меня не волнует, что вы там придумали. От меня вам не откупиться.

— Называйте это как хотите. — На лице княгини появилось выражение холодной самоуверенности. — Но все так, как сказала я. У каждого своя цена. Вам надо только назвать свою.

— Черт бы вас побрал, я не *продаюсь*! — взорвалась Шарлотт-Энн, несмотря на подступавшие слезы. — Можете вы это понять?

— Ну, зачем же столько эмоций.

С пылающими щеками, тяжело дыша, Шарлотт-Энн повернулась и бросилась прочь из комнаты.

— Куда вы направились? — крикнула ей вслед княгиня.

Молодая женщина бросила не оборачиваясь.

— Наверх, я иду собирать вещи. — Она помолчала, вцепившись пальцами в ручку двери. — Как только я с этим закончу, мы с Луиджи возвращаемся в Рим. Я вижу, нам здесь не рады.

Хозяйка дома рассмеялась:

— Вы блефуете.

— Я? — Шарлотт-Энн отпустила ручку, уперла руки в бока и вернулась к матери Луиджи. — Что ж, испытайте меня, — бросила она ей вызов. — Кроме того, нам будет намного лучше в Риме, чем в этом... этом ледяном дворце. Видите ли, вы по-своему не в себе, как и прадед Луиджи. Этот мавзолей иссушил ваш мозг. — И, помолчав, медленно добавила: — Поверьте мне, мы с Луиджи будем счастливы в Риме.

— А как же карьера Луиджи? — Княгиня справилась с минутным страхом. Ее голос снова стал мягким и хорошо поставленным. — Как быть с дуче? Дуче известил нас, что у него большие планы насчет нашего сына.

— Ну и что? Луиджи нравится летать и участвовать в автомобильных гонках. Он будет рад заниматься этим всю оставшуюся жизнь. Дуче хочет отправить его в армию. И что дальше? Он либо возьмет его, либо оставит в покое. В любом случае, судя по тому, что я видела, для Луиджи же будет лучше, если он постарается держаться подальше от этой своры фашистов-убийц.

Княгиня задохнулась, ее лицо посерело.

— Вы сошли с ума, — прошипела она. — Вам бы следовало держать ваши политические взгляды при себе. Вести такие разговоры небезопасно.

— Неужели? — Шарлотт-Энн позволила себе улыбнуться. — Что ж, в таком случае мне лучше покинуть этот морг и поделиться моими мыслями с теми, кто их разделяет. А потом я буду переезжать из деревни в деревню, из города в город.

— Успокойтесь, пожалуйста, спокойно попросила ее пожилая женщина.

Шарлотт-Энн хотелось плакать и смеяться одновременно. «Ну и фарс же мы тут разыгрываем», — подумалось ей. Она обнаружила два слабых места княгини: во-первых, ее рост — поэтому-то она и не садилась, а во-вторых, что более важно, ее безмерный ужас перед фашистами. Очевидно, могущество ди Фонтанези не простиралось так высоко.

— В глазах окружающих вы непогрешимы, княгиня, — презрительно сказала Шарлотт-Энн. — Но я вижу, что я ошиблась. Вы можете избрать и третий путь.

— И что же это за путь? — поинтересовалась мать Луиджи.

— К примеру, я пообещаю держать свои политические воззрения при себе. *При условии*, что вы не станете вмешиваться в нашу жизнь и прекратите ваши попытки разлучить нас.

— А если я откажусь?

— Тогда я начну кричать о том, что думаю, во все горло. Я стану самым ярким антифашистом, которого доводилось видеть этой стране.

— Вы и дня не проживете!

— Без Луиджи жизнь для меня ничего не стоит. И поверьте мне, я потащу за собой вас и всю вашу семью.

В темных глазах появился ужас.

— Пожалуйста, будьте благоразумны, — задыхаясь, взмолилась княгиня.

— Нет, это *вы* должны проявить благоразумие. Мне кажется, что вы согласны с тем, что

нам лучше смириться с присутствием друг друга. Я не хочу, чтобы моему мужу приходилось разрываться между женой и матерью. Я ясно выразилась?

Шокированная хозяйка дома смотрела на нее с ненавистью.

— Мы будем вежливы и учтивы, — продолжала Шарлотт-Энн. — Мы не обязаны демонстрировать взаимную любовь. Мы постараемся, чтобы наши пути не пересекались. И этот разговор, княгиня, пусть станет нашей последней схваткой. Так будет лучше. Ах, да, кстати. Вам лучше привыкнуть называть меня Шарлотт-Энн, а не мисс Хейл. Ну а мне придется привыкнуть называть вас «мама».

Княгиня съежилась.

— А теперь я предлагаю вам употребить все ваше влияние для того, чтобы наш брак признали действительным.

И с этими словами молодая женщина вылетела из музыкального салона, оставив дрожащую княгиню Марчеллу Луизеллу Уберти ди Фонтанези в одиночестве смотреть на захлопнувшуюся дверь.

Торопливо проходя по мрачному, холодному мраморному коридору с протянувшейся вдоль него шеренгой хрустальных канделябров, Шарлотт-Энн мрачно улыбнулась самой себе. Мать Луиджи и ошибалась, и была права.

У каждого своя цена.

За молчание платили золотом, следовательно, оно дорогого стоило.

На этот раз княгиня расплатилась своим сыном.

Как только Шарлотт-Энн вышла из комнаты, секретная панель в стене, скрытая полосатой, голубой с золотом обивкой, бесшумно открылась. Его преосвященство кардинал Джованни Корсини, тот самый человек, с которым она встретила во время своего первого ужина на борту «Иль-де-Франс», грациозно вошел в салон. Его длинная сутана водovorотом вилась вокруг его щиколоток. Тонкое лицо с высокими, правильными скулами оставалось бесстрастным. Ладонью кардинал толкнул панель, чтобы она закрылась.

Княгиня Марчелла ди Фонтанези озабоченно повернулась к нему.

— Вы все слышали? — спросила она по-итальянски.

Кардинал кивнул и опустился в кресло.

— У нее есть характер, — без всякого выражения заметил он.

— Характер! — фыркнула мать Луиджи. — Она напрашивается на пулю. И дело кончится тем, что эта девица всех нас подведет под расстрел. Эти современные американские девушки полагают, что им все по плечу. Все, что о них говорят, правда. Их интересует только одно — как выскочить замуж и получить титул.

Его преосвященство сцепил тонкие пальцы и поднес их к сухим губам.

— От такой не откупишься, — пробормотал он. — Теперь я вижу, насколько недооценивал ее. Я ошибся.

— Да, вы ошиблись. — Княгиня села напротив него, но боевой запал у нее уже пропал. — Что бы там ни было, я все-таки благодарна вам, что вы поспешили рассказать нам об этой свадьбе до их приезда сюда. Церковь, как всегда, получит внушительные пожертвования.

— Церковь всегда благодарна за любой дар от чистого сердца, — негромко отозвался кардинал. На его лице появилось выражение боли. — Но я приехал сюда не ради пожертвований.

Женщина сдержанно улыбнулась.

— Конечно же, нет. — Она посмотрела вниз на свои руки, нервно теребившие платье. «Кажется, мы все недооценивали эту девушку», подумала княгиня. Потом снова взглянула на служителя церкви. — Как, по-вашему, нам следует теперь поступить?

— С величайшей осторожностью, — ответил тот с полуулыбкой.

— Разумеется. — Мать Луиджи поджала губы. — Как ни неприятно мне это признать, но ей удалось найти наше единственное уязвимое место. И, кто знает? Может быть, она действительно любит Луиджи. Только время поставит все на свои места.

— Следовательно, вы хотите, чтобы брак признали действительным?

— Разве у меня есть выбор?

Кардинал пожал плечами:

— Не уверен. Все зависит от того, решится ли она на самом деле привести в исполнение свою угрозу.

— Что приведет к результатам, которые мы даже не в силах представить, ваше преосвященство, — сухо напомнила ему хозяйка дома.

Корсини многозначительно кивнул.

— Времена теперь трудные, — вздохнул он.

— Но это правда, что их брак в настоящем виде не является действительным?

— Все зависит от обстоятельств, княгиня. Для суда в Америке, Англии и Германии он действителен. Что же касается Рима, то здесь он не имеет силы. Князь Луиджи и его жена живут во грехе. Если у них будет ребенок, то он будет рожден во грехе. Она ведь даже не католичка. Я выяснил это на пароходе.

Княгиня кивнула и поджала губы.

— В этом случае, по-моему, у нас не остается выбора. Мы должны сделать так, чтобы этот брак был признан действительным как можно быстрее. Естественно, — поспешила она добавить, — мы будем только счастливы выразить свою благодарность за любую оказанную вами помощь. — Женщина многозначительно посмотрела на кардинала. — Конечно, не лично вам, а церкви.

— Разумеется, — ответил его преосвященство бесстрастно. — Я немедленно доложу обо всем его святейшеству Папе.

11

В комнате держался влажный мускусный запах. Они только что занимались любовью. Их тяжелое, прерывистое дыхание успокоилось и стало почти неслышным. Сияющая деревенская луна проливали свой свет сквозь распахнутое окно. Прохладный бриз приносил еле слышный, отдаленный перезвон церковных колоколов из монастыря, расположившегося на холме по другую сторону долины.

Шарлотт-Энн мечтательно посмотрела вверх, на темный, затканый узорами балдахин над кроватью. В лунном свете ее лицо казалось отлитым из серебра, глубокие тени прорезали его.

Она чувствовала на себе изучающий взгляд Луиджи. Потом ощутила атласное прикосновение его кожи к своей: он побуждал ее повернуться на бок. Вдыхая солоноватый аромат ее кожи, Луиджи прошептал, прижимаясь лицом к ее обнаженной спине:

— Никто не отдается любви так, как ты. — Он тихонько зарычал, делая вид, что хочет

откусить от нее кусочек, и потерся об нее носом.

— С тобой тоже никто не может сравниться, — отозвалась она, но это была лишь слабая и неискренняя попытка пошутить. Равнодушие в голосе выдало ее.

— Что случилось? — Луиджи повернулся в кровати, зажег ночник под шелковым абажуром и лег на бок, опершись на локоть. Он внимательно смотрел на жену.

— Да нет, ничего. — Шарлотт-Энн снова легла на спину, ее взгляд следовал за причудливыми узорами балдахина. Она набрала полную грудь воздуха, потом с силой выдохнула, отгоняя непослушные локоны с глаз. — Я просто размышляла, вот и все.

— О чем?

— О тебе, обо мне.

— И что же ты думала о нас? — поинтересовался Луиджи. — Ты счастлива со мной? Или я не удовлетворяю тебя в постели?

Шарлотт-Энн не смогла удержаться от смеха:

— Ты великолепен. Да ты и сам это знаешь. — Ее позабавило, что Луиджи ди Фонтанези, признанный сердцеед, нуждается в такого рода уверениях.

— Тогда в чем же дело? — обеспокоенно спросил он. — Ты выглядишь такой озабоченной.

— Неужели?

— Да, это так. — Он склонился к ее лицу. — Мы только что принадлежали друг другу, и ты выглядела такой... *решильной*. Мне показалось, что ты пытаешься забыть о чем-то. — Луиджи помолчал. — Мне хочется только одного, чтобы ты была счастлива, — сказал он, касаясь поцелуем ее губ. — Я хочу, чтобы ты всегда была счастлива.

— Я знаю, — слабо улыбнулась в ответ Шарлотт-Энн.

— У нас никогда не должно быть секретов друг от друга. Никогда, пока мы живы.

Молодая женщина кивнула. Ей стало стыдно, что она что-то скрывает от него в самом начале их брака. Недействительного брака, напомнила Шарлотт-Энн самой себе, почувствовав острый приступ страха при воспоминании о холодных словах свекрови, уверенной в собственной правоте. Больше всего на свете ей хотелось довериться Луиджи и рассказать ему о стычке с его матерью, но она понимала, что никогда не сможет обсуждать с ним это. Происшедшее касалось только ее и княгини, пусть так и будет впредь. Ей не хотелось, чтобы муж разрывался между ней и своей матерью.

— Так ты мне расскажешь, что так занимает тебя после волшебных минут любви? — И после паузы Луиджи добавил: — Может быть, это моя мать?

Женщина вздрогнула. Можно подумать, он читает ее мысли. Она негромко рассмеялась, надеясь, что смех прозвучит убедительно.

— Как тебе такое могло прийти в голову?

— Ты провела с ней сегодняшней вечер. А потом, когда мы занимались любовью, ты была так напряжена. Я никогда еще тебя такой не видел.

— Я думаю, так оно и *было*, — согласилась Шарлотт-Энн, медленно, с осторожностью подбирая слова. — Но этого следовало ожидать. Не каждый же день девушка встречается с родственниками мужа.

— И это все, что тебя беспокоит?

— А что тут может быть еще?

Луиджи пожал плечами.

— Зная мою мать, кто может быть уверен? Иногда она пугает людей, даже не отдавая

себе в этом отсчета.

— Да что ты говоришь! — Шарлотт-Энн тут же пожалела о том, что не удержалась от сарказма.

Муж утвердительно кивнул:

— Да, это так.

Она облегченно вздохнула. Луиджи хорошо говорил по-английски, но сарказм до него не доходил.

Князь ди Фонтанези был совершенно сбит с толку.

— Но если причина не во мне и не в моей матери, тогда в чем же дело? — настойчиво повторил он. — Я не хочу, чтобы между нами возникали проблемы.

— Мне тоже этого не хочется, — быстро отозвалась Шарлотт-Энн. Она повернулась на бок, чтобы видеть его лицо, ее светлые глаза сияли. — Но, Луиджи...

— Да?

— Твоя мать... ну, она... она намекнула, что мы столкнемся с некоторыми трудностями.

— Трудностями? Что еще за трудности? — заинтересованно спросил он. — Я надеюсь, ничего такого, что нельзя было бы преодолеть.

— Зная тебя, я уверена, что все препятствия преодолимы. — Она на секунду закусила губу и продолжила: — Это связано с нашим браком.

— А что с ним такое?

— Твоя мать боится, что он не будет признан церковью.

— Это действительно проблема, — сурово подтвердил Луиджи. — Тем не менее я уже думал о ней, и я не настолько уверен, что с этим нельзя справиться. Если нужно, мы можем просто пожениться еще раз.

Шарлотт-Энн сжала губы.

— Мне бы хотелось, чтобы мы были уже женаты, Луиджи, — проговорила она с мягкой настойчивостью. — Я хочу, чтобы наш брак являлся официальным с момента его заключения. Я понимаю, это звучит глупо, но я хочу знать, что я твоя жена.

— Тогда не волнуйся, — улыбнулся тот в ответ. — Я ди Фонтанези, и ты тоже. Бог знает, мы достаточно жертвуем церкви. Не бойся. Наш кардинал провернет это дело.

— Ваш кардинал?

— И твой тоже, раз ты теперь ди Фонтанези.

— Но... я не понимаю.

— Со временем поймешь. У каждой влиятельной итальянской семьи есть «семейный» кардинал, если можно так сказать. Все равно что иметь семейного врача или адвоката. Наш кардинал приведет все в порядок. Нам, конечно, придется заплатить, но ничто в жизни не дается даром.

— И кто этот кардинал?

— Ты уже с ним встречалась. На «Иль-де-Франс».

— Ты хочешь сказать, что это кардинал Корсини?

— Именно он. Так что перестань волноваться. Моя мать и кардинал вместе перевернут небо и землю, чтобы расставить все по своим местам. Моя мать — очень решительная женщина. Она всегда добивается того, чего хочет.

Шарлотт-Энн кивнула.

— А теперь сотри беспокойство со своего лица. Я же сказал, что все уладится, разве не

так?

Она улыбнулась.

— Да, ты так сказал. — И, придвинувшись к нему, крепко его поцеловала. Что бы там ни было, одно то, как он это произнес, уже почти уладило дело.

— А теперь посмотри, до чего ты меня довела, — проговорил Луиджи укоризненно, отстраняясь от нее.

— До чего? — Жена была заинтригована.

Он рассмеялся, отбросил в сторону вышитую простыню и посмотрел вниз. Шарлотт-Энн проследила за его взглядом и, не веря своим глазам, покачала головой.

Княгиня Марчелла шла по мраморному коридору в домашних туфлях. Когда она проходила мимо апартаментов Луиджи, ею овладело почти неприличное любопытство. Секунду она колебалась: остановиться или продолжать ночной обход.

Любопытство взяло верх. Свекровь вплотную подошла к двери и приложила ухо. Ее аристократичный рот скривился от отвращения, когда до ее обостренного слуха донеслись приглушенные звуки любовной сцены. Ей были слышны задыхающиеся стоны сына и крики страсти, издаваемые этой putana^[16], которую он привел в дом.

Сейчас больше, чем когда-либо, княгиня была твердо убеждена, что эта девица — худшая из трагедий, которая могла произойти с ди Фонтанези. «Только *животное* может наслаждаться таким отвратительным актом», — прошипела она себе под нос с отвращением. Ей с трудом верилось, что ее сын пал так низко.

Женщине вспомнилась ее собственная молодость. Ничего подобного тогда не происходило!

Она вышла замуж за князя Антонио тридцать один год тому назад. Молодой человек все силы отдавал учебе, а она славилась своей красотой во всей Кампании, некоторые даже говорили, что и во всей Италии. Все считали, что они прекрасная пара. Ей делали предложение бесчисленное количество раз, но девушка отклонила их, отдав предпочтение князю. И вовсе не потому, что он физически притягивал ее. Его красота была тут совершенно ни при чем. Напротив, Марчелла выбрала его именно потому, что он меньше прочих соискателей ее руки жаждал физической близости. У нее возникло ощущение, что ей удастся управлять его страстями.

А ей пришлось ими управлять. Вот уже три десятилетия она была безупречной владелицей различных дворцов, образцовой хозяйкой, красавицей, о которой ходили легенды, и великолепной женой во всем, кроме одного. Ей давно стало известно о многолетней связи мужа, но это ее вовсе не пугало. На самом деле, княгиню только радовало то обстоятельство, что ее муж удовлетворял свои отвратительные порывы на стороне. Марчелла шла на это только в самом начале, исключительно из практического интереса — ей нужен был наследник. Как только женщина забеременела, она сразу же заняла отдельную спальню и запретила мужу впредь заниматься с ней любовью.

Ей оставалось только желать, чтобы ее сын унаследовал ее физическую холодность, но по доходившим до нее историям княгиня поняла, что дело обстояло иначе. Как странно, что у Луиджи обнаружились те качества, которые она считала столь возмутительными. Явно, он унаследовал их не от нее и не от своего отца, чья тайная любовница оказалась единственной. Но сын вырос совсем другим. Он любил женщин — *всех* женщин, и в этом заключалась его главная слабость. Уже в который раз у нее промелькнула мысль: насколько было бы лучше,

если бы Луиджи стал спокойнее и рассудительнее. В нем слишком многое напоминало ей о том омерзительном, что крылось в мужчине.

Влажные, сочные звуки любовных объятий, доносящиеся из комнаты Луиджи, оживили давно забытые воспоминания о том, что казалось ей таким унижительным. Марчелла не могла понять, что заставляет женщину — любую женщину — соглашаться на подобное. Мужское вожделение... ну, это еще можно понять. В физическом смысле все мужчины — животные. Но чтобы женщина получала удовольствие? Женщина, отдающаяся этому занятию с такой страстью, по ее мнению, не могла быть приличной.

До ее слуха донеслись отдаленные шаги одного из слуг, приближающиеся из-за поворота. Она быстро двинулась вперед, чтобы не быть застигнутой за подслушиванием.

«Я и не думала подслушивать, — говорила княгиня самой себе, продолжая путь по бесконечным коридорам. — Я прохожу здесь каждую ночь, чтобы проверить, все ли в доме в порядке», — убеждала себя свекровь.

«Тогда что же заставило тебя, — спросил ее тихий голос из глубины сознания, — остановиться и прижаться ухом прежде всего к этой двери?»

И Марчелла ответила себе — слышно было даже, как щелкнули ее зубы: «Я только хотела убедиться, что не делаю ужасной ошибки. Я должна убедиться, что мое инстинктивное неприятие этой американки оказалось верным. Так оно и случилось. Эта женщина именно такая, какой, я боялась, она окажется. И даже хуже».

Когда княгиня дошла до апартаментов, которые она делила с князем Антонио, то сразу же отправилась в свою спальню. Марчелла начала было раздеваться, но она так разволновалась, что ей просто необходимо было с кем-нибудь поговорить. Она долго смотрела на дверь, ведущую в смежную спальню мужа. Многие годы княгиня не подходила к ней. Ей и сейчас очень не хотелось этого делать, но все-таки, глубоко вздохнув, она постучала.

— Да? — в приглушенном голосе князя слышалось удивление.

Она открыла дверь.

— Антонио, — негромко сказала Марчелла, — ты еще не спишь?

В комнате князя было темно. Свет, падавший из ее комнаты через открытую дверь, высветил сидящего в кровати мужа, искоса глядящего на нее. Он потянулся к ночнику и зажег его. Лицо Антонио залил теплый желтый свет.

— Марчелла? Тебя что-то беспокоит?

— Беспокоит? — Она хмыкнула и подошла чуть ближе к его кровати, стараясь не приблизиться больше, чем на расстояние вытянутой руки. В ее голосе слышалось неодобрение. — Я рада, что Луиджи вернулся. Но что касается этой американки...

Князь кивнул.

— Кардинал Корсини уже уехал?

— Нет, но я успела поговорить с ним. Я поместила его в комнату для гостей в противоположном крыле. Кардинал к ней привык. Он уезжает завтра утром, прежде чем они проснутся. Они даже не узнают, что Корсини здесь был. Я предупредила слуг, чтобы они помалкивали.

Князь Антонио смотрел на жену:

— У тебя была возможность поговорить с женой Луиджи. Что случилось?

— Женой! — фыркнула княгиня. — Она всего-навсего обычная putana. Когда я проходила мимо двери в их спальню...

— Да? — В темных глазах мужа блеснул огонек.

Марчеллу так захватила ненависть к Шарлотт-Энн, что она и внимания не обратила на возросший интерес Антонио.

— Можно было услышать звуки, доносящиеся из комнаты, — с отвращением прошипела женщина. — Все было слышно в коридоре. Это возмутительно, я тебе говорю.

— Звуки? Что за звуки?

— Ну, ты знаешь... — У нее вырвался раздраженный жест.

— Они занимались любовью?

Марчелла вспыхнула и отвернулась.

— Эта девица отвратительна. Я и подумать не могу, что она будет носить фамилию ди Фонтанези.

— Значит, она не уедет?

Жена снова повернулась к Антонио, ее глаза сверкали.

— Она отказывается. Уверяет, что любит его. Она до того дошла, что заявила мне, матери, что он никогда не оставит ее. Наверное, ей нужны наши деньги. Или это... или то, чем они занимаются по ночам. — Княгиня в отчаянии всплеснула руками. — Она угрожала мне.

— Как это?

Жена рассказала князю Антонио об угрозе Шарлотт-Энн обнародовать свои антифашистские взгляды. Легкая улыбка изогнула уголки его губ. В течение долгих лет ни у кого не хватало смелости противостоять его жене. У девочки есть характер, и он мысленно аплодировал ей.

— Главное, что Луиджи счастлив, — осторожно проговорил Антонио, завидуя сыну.

— Может быть, этого достаточно для *тебя*. Мужчины всегда держатся друг друга. Но ты представляешь себе, во что нам обойдется признание действительным этого брака? А если мы этого не сделаем, то ты представляешь, какой будет скандал?

— Нам не нужен скандал, и тебе это известно. Еще одно щедрое пожертвование...

— И еще одно, потом еще одно, — раздраженно сказала княгиня. — Нет никого более алчного, чем Рим. Ватикан просто пожирает наши деньги. Ты хотя бы представляешь себе, сколько они из нас уже высосали?

— Нам это по карману, — мягко вставил он. — Я не возражаю. И потом, ты добрая католичка.

Княгиня вскинула подбородок.

— Да, это так, — убедительно отозвалась она, не поняв его иронии.

— Следовательно, у нас нет другого выхода: надо принять ее в семью.

— Может быть, выбора у нас и нет, но я не собираюсь принимать ее, — прорычала женщина. — Ни сейчас, ни в будущем. Она просто шлюха. Меня гложет то, что Луиджи мог увлечься ею. Что касается женщин, он никогда не мог похвастать хорошим вкусом.

— Если он с нею счастлив, пусть так и будет.

— Его может осчастливить любая женщина, раз он ищет только удовольствий подобного толка.

— Мне она показалась достаточно очаровательной, — возразил Антонио. — Немного стесняется, но при данных обстоятельствах это понятно. Она очень красива.

— Да, — сухо согласилась его жена, — красива. Но многие женщины красивы.

— Ты красива до сих пор, — прозвучал спокойный ответ. — Даже красивее, чем была в

молодости.

Она удивленно посмотрела на мужа:

— Это потому, что я дама. Я не позволила страстям взять надо мной верх. Но она совсем другая. Ее красота быстро увянет.

Князь Антонио вдруг почувствовал, что в нем самом растет физическое желание. Кровь запульсировала в его поднявшемся фаллосе.

— Марчелла, — нежно прошептал он и потянулся к ней. — Cara mia^[17].

Но она уж повернулась и пошла прочь, дверь в ее спальню захлопнулась с мягким, но решительным стуком.

Князь Антонио вздохнул и откинулся на подушки. Как много времени прошло с тех пор, как умерла их любовь! Все прекратилось, когда она носила Луиджи. Сначала Марчелла использовала беременность как предлог для прекращения физических отношений, потом нашлись другие поводы. Через какое-то время он оставил свои попытки. Может быть, она никогда его и не любила. Возможно, любовь просто не существовала.

Он закрыл глаза, представляя себе звуки, издаваемые сыном и невесткой. Почти не сознавая, что делает, князь опустил руку вниз, к пенису. Ему вдруг представилась сцена: Луиджи и Шарлотт-Энн вместе, обнаженные, он безжалостно овладевает ею.

Князь Антонио ди Фонтанези чуть коснулся своей напряженной плоти, и его пронзил взрыв наслаждения.

Его последняя мысль перед тем, как погрузиться сон, была о том, что, сколько бы ни пришлось заплатить, иметь такую девушку в семье стоило того.

Князь и княгиня скоро поняли, что даже для могущественных ди Фонтанези оказалось не настолько просто умиловить властный Ватикан. Законы государства — одно, а законы церкви — совершенно другое. Только шесть месяцев спустя Рим официально признал брак Луиджи и Шарлотт-Энн.

Все это время Шарлотт-Энн старалась оставаться как можно менее заметной в «Хрустальном дворце». Между тем Луиджи отправился в Рим. Ей не позволили сопровождать мужа. По мнению кардинала Корсини — не самый удачный момент, чтобы щеголять недействительным браком перед обществом и церковью. Строгие условности следовало соблюдать. Это стало еще более необходимым, когда выяснилось, что Шарлотт-Энн беременна.

Перемирие, заключенное ею с княгиней Марчеллой, давалось молодой женщине нелегко. Правда, они обе старались не попадаться друг другу на глаза. Жить под одной крышей в течение шести месяцев оказалось тяжело обоим. Когда их дороги пересекались, они были вежливы, но о любви между ними не было и речи.

Шарлотт-Энн очень не хотелось оставаться вдалеке от Луиджи, хотя это расстояние и укладывалось в семьдесят пять миль. Точно так же она ощущала бы и семьсот. Назначение полковником авиации удерживало его в Риме, и иногда он неделями не появлялся во дворце. Шарлотт-Энн так хотелось переехать вместе с ним на Виллу делла Роза, но ей оставалось только ждать. Каждый раз, навещая ее, он шептал:

— Уже скоро. Потерпи.

Для этого требовалось терпение Иова^[18].

Только в январе Ватикан и ди Фонтанези пришли к окончательному соглашению. В конце концов это обошлось семье в пять миллионов лир, не считая пожертвованных

Ватикану столь желанных для него трех картин религиозного содержания.

В тот день, когда их брак был официально признан, княгиня Марчелла пришла в апартаменты Шарлотт-Энн. Луиджи находился в Риме, и невестка встретила со свекровью один на один.

— Мои поздравления, — сухо сказала княгиня Марчелла. — Вы можете быть довольны: у вас один из самых дорогих браков в истории. Я предлагаю следующее: вы получили желаемое, теперь собирайте чемоданы и отправляйтесь к Луиджи. Кроме того, я очень надеюсь, что вы будете держать ваши взгляды, в том числе и политические, при себе. В противном случае вы рискуете подвергнуть опасности вашу жизнь и жизнь вашего мужа. Машина вас ждет.

Хозяйка дома закрыла за собой дверь, даже не попрощавшись.

Но вскоре княгине и церкви пришлось «посмеяться последними». Ребенок Луиджи и Шарлотт-Энн, зачатый во грехе, родился мертвым. И потом, несмотря на то что Шарлотт-Энн регулярно беременела, у нее было семь выкидышей в течение следующих пяти лет.

12

Сначала их совместная жизнь казалась волшебной сказкой, воплощенной в жизнь.

Если не считать проблем с рождением ребенка, для Шарлотт-Энн первые пять лет брака стали практически безупречными. Как только она покинула лишнее любви великолепие «Хрустального дворца», ей показалось, что ее выпустили из темной, душной тюрьмы на веселый, яркий солнечный свет. Да, для этого потребовалось целое состояние и время, но в конце концов она по-настоящему *стала* княгиней Шарлотт-Энн ди Фонтанези, и Луиджи *стал* действительно ее мужем.

После приезда в Италию Шарлотт-Энн и ее мать много писали друг другу. В первом письме изобиловали объяснения, а последующие помогали ей справиться с одиночеством жизни во дворце. Приятным сюрпризом оказалось то, что Элизабет-Энн не сердилась на дочь за скороспелое «пароходное» замужество.

«Раз ты счастлива, дорогая, — писала ей мать, — то это единственное, что имеет значение. Я надеюсь, что мы обе сможем путешествовать и навещать друг друга. Я очень тебя люблю, и только одно печалит меня: Италия так далеко-далеко...»

Шарлотт-Энн испытала огромное чувство облегчения, когда прочитала первое письмо. Она снова чувствовала большую близость с матерью. Меньше всего молодая женщина ожидала быстрого материнского благословения. Она была почти уверена, что Элизабет-Энн приедет, но полученное благословение и удивило ее и обрадовало. Таким образом, тысячи миль, разделяющие их с матерью, заставили ее по-новому взглянуть на Элизабет-Энн. Шарлотт-Энн стала еще больше уважать ее. Элизабет-Энн Хейл оказалась сильной женщиной. Только теперь дочь поняла это. Она сожалела только о том, что ей потребовалось так много времени, чтобы осознать это.

Рим быстро стал для Шарлотт-Энн домом. Она поддалась очарованию Вечного города, как это происходило в течение веков со многими, посетившими его. Первоочередной ее задачей стало превращение Виллы делла Роза из надменного дворца в теплый уютный дом. Она отправила массивную резную мебель на склад. В обстановке комнат теперь преобладали медовые оттенки, их заполнили вещи из орехового дерева и мягкий блеск воощеного ситца. Ее утомили дворцы. Ей необходим был дом, где можно было создать семью.

В то время как одну часть дома отделявали заново, они с Луиджи жили в другой. Шарлотт-Энн взяла с него слово, что он не станет смотреть, пока все не будет закончено. Когда же она показывала ему по-новому обставленные комнаты, то очень нервничала. Ее страшило, что мужу не понравится то, что сделано, и он захочет вернуться к старому.

Луиджи смотрел по сторонам, не говоря ни слова переходил из комнаты в комнату. То, что он изредка покачивал головой, никак не обнаруживало ход его мыслей.

Наконец Луиджи повернулся к жене и улыбнулся.

— Мне нравится, — обнимая ее, заявил он. — Очень удобно, — и крепко поцеловал Шарлотт-Энн. — Кроме всего прочего, здесь теперь наш дом.

Шарлотт-Энн понимала, что Луиджи наградил ее самым лучшим комплиментом, на какой она только могла надеяться. Впечатление испортил неожиданный визит его родителей.

— Выглядит довольно плебейски, тебе не кажется? — спросила мать Луиджи. — Но, правда, это дело вкуса...

Шарлотт-Энн постаралась сдержать свою ярость. Ей оставалось только благодарить небеса за то, что ее новые родственники не остались надолго. Их последующие визиты оказались чрезвычайно редкими.

В первые годы их совместной жизни Шарлотт-Энн казалось, что они с Луиджи одно целое, если не считать долгих часов его отсутствия, к которым его принуждали обязанности представителя дуче в крепнувшей итальянской военной авиации. Но, когда муж оставался дома и мог распоряжаться своим временем, они проводили вместе эти часы досуга.

И все-таки им этого было недостаточно. «Даже если бы мы проводили вместе двадцать четыре часа в сутки каждый день до конца жизни, нам бы этого оказалось мало», — думала Шарлотт-Энн. Их брак был воистину заключен на небесах, и в ней жила уверенность, что это никогда не кончится.

Луиджи планировал взять несколько недель отпуска, чтобы они могли провести запоздалый медовый месяц, но у него так и не нашлось времени.

— Дуче настаивает на том, что я ему нужен. Боюсь, события развиваются так, что я буду занят еще больше, — извиняющимся тоном говорил он.

— Мне все равно, — сказала Шарлотт-Энн. — Когда ты рядом, Рим вполне подходит для медового месяца.

Если у Луиджи выдавались свободные часы, он показывал жене город и окрестности, и скоро она знала все почти наизусть. Познакомившись с Римом «для туристов», женщина увидела буйные азалии вдоль ста тридцати семи ступеней Испанской лестницы, Колизей и его множество хищных кошек, католическое великолепие Ватикана, где их гидом стал сам кардинал Корсини, показавший им большую часть общественных помещений и личных апартаментов. Они с Луиджи регулярно обедали на Виа Витторио Венето. Муж сводил ее и в термы Диоклетиана, и в замок Сант-Анджело, где расположился мавзолей Адриана. Куда бы она ни пошла, повсюду ей встречались памятники древней цивилизации.

Благодаря терпеливому наставничеству Луиджи Шарлотт-Энн научилась любить Рим. Как он отличался от сумасшедшего людского муравейника в Нью-Йорке! Она вдруг обнаружила, что поддается очарованию пейзажей, великолепных руин и широких тротуаров, обрамленных многочисленными кафе, что ей нравится контраст между древним, старым и новым. Но больше всего женщину привлекали запутанные улочки, мягкие песни теноров, вопли ребятни, играющей в аллеях и на террасах. Рим оказался волшебным и чарующим, и

если бы не присутствующие всюду военные — гордо марширующие вдоль бульваров фашисты, принужденная вежливость, если рядом оказывались солдаты, и подозрительные взгляды через плечо, ее любовь к этому городу стала бы всепоглощающей. Шарлотт-Энн все время приходилось напоминать самой себе, что Луиджи теперь тоже военный, а на монстра он совсем не похож.

Муж повсюду водил ее с собой и знакомил с местными обычаями. Однажды во второй половине дня, во время прогулки, они остановились возле уличной торговки, чтобы купить фруктов и съесть их на ходу. Шарлотт-Энн никогда не видела таких гигантских золотистых персиков, таких ярко-красных сочных помидоров и готовых взорваться, полных сока виноградных кистей. Все выглядело таким аппетитным, но она выбрала гроздь винограда. Шарлотт-Энн спросила цену на своем запинаящемся итальянском, которому ее научил Луиджи.

Продавщица, худая старая карга, ответила, что виноград стоит шестьдесят лир. Молодая женщина уже начала было отсчитывать деньги, когда муж остановил ее.

— Нет-нет! — воскликнул он. — Ты должна торговаться.

— Но... почему? — запинаясь от волнения, спросила Шарлотт-Энн. — Она же сказала, что это стоит шестьдесят лир.

— Смотри и слушай внимательно. — Луиджи взял у нее виноград, поднял грозди вверх и стал пристально рассматривать их, потом нахмурился. Покачав головой, положил их обратно, потом взял другую гроздь. Пощупал персики, затем сливы. Шарлотт-Энн смотрела, как муж снова взял выбранный ею виноград и стал трясти им перед лицом торговки. Она следила за разговором поверхностно, улавливая знакомые ей фразы.

— Тридцать пять лир, — начал Луиджи.

— Но синьор! — запротестовала старуха. — Мои дети... они голодают. Пятьдесят.

Он покачал головой и нахмурился.

— Виноград... мятый... тридцать пять.

— Сорок пять.

— Сорок.

Неожиданно для себя самой Шарлотт-Энн была заинтригована.

— Идет, идет, — наконец пробормотала торговка. Потом пожала плечами: — Что ж, придется детям попоститься... Вы здорово торговались, синьор. — И тут так яростно торговавшаяся старуха просияла широкой улыбкой, блеснув золотыми зубами.

Шарлотт-Энн отсчитала сорок лир и начала бросать виноградины по одной в рот. Они продолжили прогулку.

— Бедная женщина, — ворчливо проговорила она, покачивая головой. — Как ты мог так с ней поступить?

— Она этого и ждала, — возразил Луиджи. — В противном случае старуха бы считала, что ее лишили радости поторговаться. Смотри.

Они остановились и оглянулись назад. Пожилой мужчина покупал у старухи еще большую гроздь винограда, ожесточенно торгуясь с ней. Они сошлись на сорока лирах.

— Видела? — с улыбкой спросил Луиджи. — Иногда внешнее впечатление бывает обманчивым.

Шарлотт-Энн внимательно смотрела, слушала и училась.

Но муж знакомил ее не только с достопримечательностями Рима, сделавшими его таким известным среди туристов. Он показал ей город, который никогда не открывается

перед приезжими. Они ужинали в странном дешевом ресторанчике, любимом им и посещаемом только рабочими. Он располагался в подвальчике под двухтысячелетними развалинами катакомб. Луиджи питал твердую уверенность, что курица на вертеле, подаваемая здесь, лучшая во всей Италии.

— Это самый страшный секрет Рима, — объяснял он жене. — Я дал обязательство никому о нем не рассказывать. Если высший свет узнает это место, все будет кончено.

Шарлотт-Энн продолжала открывать для себя Вечный город и в те часы, когда Луиджи занимался делами в Министерстве обороны. Она наслаждалась прогулками по садам виллы Боргезе, чьи старые камни примыкали к стене их заднего двора. Эти прогулки, хотя и в одиночестве, приносили пользу. Шарлотт-Энн наняла учителя итальянского. Она уделяла много времени этому тайному проекту, начатому еще в «Хрустальном дворце», когда ей необходимо было занять свободные часы.

Наконец однажды вечером, когда Шарлотт-Энн почувствовала, что готова держать экзамен, она встретила Луиджи на пороге и заговорила с ним на беглом, безупречном итальянском.

— Я так горжусь тобой, — прошептал он в ответ на своем родном языке и доказал это, сводив ее в гости ко всем своим друзьям.

Но, как выяснилось впоследствии, появились и раздражающие моменты. Сначала, как только Луиджи приходил домой, он сразу же переодевался в гражданское платье. Но постепенно князь все реже и реже надевал безупречно сшитые костюмы и шелковые рубашки, пока однажды совсем не отказался от них, что не нравилось Шарлотт-Энн. Когда она обратила на это внимание, то получила в ответ:

— Дуче хочет, чтобы его офицеры все время носили форму.

— Но ты ведь уже дома. Я уверена — его приказы не распространяются на наш дом.

— И что из того? Мне так удобно.

Шарлотт-Энн не стала говорить о том, что их вечера вне дома проходят совсем по-другому с того момента, как он стал постоянно носить мундир. Окружающие теперь очень осторожно вели себя с ним, вежливо и учтиво, их каменные лица ничего не говорили об истинных чувствах.

А ведь вначале все складывалось совсем по-другому. Благодаря своему титулу и положению в Министерстве обороны Луиджи вращался в высоких сферах, но он точно так же обращался дома с обычными людьми. Шарлотт-Энн одновременно удивило и обрадовало то, что князь со всеми ведет себя одинаково, вне зависимости от классовой принадлежности или состояния кошелька. Ее забавляло, что, на первый взгляд, все искренне любили его. Его легкий, заразительный смех, простота и искренность преодолевали любые социальные барьеры. Ей постоянно приходилось напоминать самой себе, что ей-то он муж, а для всех остальных — в некотором роде национальный герой. Князь ди Фонтанези выигрывал бесчисленные автомобильные гонки, и, хотя его летные подвиги не шли ни в какое сравнение с достижениями Линдберга или Эрхарт, он все-таки стал первым итальянским воздушным асом. Но будь он князем, спортсменом или просто чьим-то приятелем, все любили его. Пока он не надел военную форму.

В течение первых быстро пробежавших лет совместной жизни произошли некоторые события, портившие общее прекрасное впечатление, которые должны были бы — это Шарлотт-Энн поняла уже много позже, оглядываясь назад, — предупредить ее о надвигающихся неприятностях. Но это было такое счастливое и беззаботное время. Они

вместе, непобедимые, и молодая женщина была твердо уверена, что ничто не сможет нарушить гармонию их отношений. Неприятные происшествия случались так редко, что казались случайностью, и она связала их между собой только тогда, когда оказалось уже слишком поздно.

В один из весенних солнечных дней, в воскресенье, произошло событие, заставившее ее поволноваться и показавшее ей, что все далеко не так безупречно, как кажется.

Луиджи вез ее за город на пикник. Они остановились, чтобы он мог показать ей находящийся на некотором расстоянии поселок дешевых домов, построенный — так объяснил Луиджи — совсем недавно по указанию дуче.

Шарлотт-Энн изумила внезапная перемена в его голосе. Когда он говорил о делах диктатора, она вдруг поняла, насколько муж восхищается вождем.

Не говоря ни слова, она съезжилась. Ему не следовало вообще привозить ее сюда, хотя бы не в такой прекрасный день. Упоминание Муссолини облаком закрыло сияющее солнце.

Шарлотт-Энн так долго молчала, что Луиджи почувствовал неладное.

— Что случилось? — поинтересовался он.

— Пожалуйста, Луиджи, давай вернемся.

— Но почему? Ты выглядишь такой расстроенной.

Шарлотт-Энн покачала головой.

— Я не расстроена, — сдержанно поправила она мужа. — Я просто сбита с толку.

— Сбита с толку? — Луиджи смотрел на нее, озадаченно нахмурившись. — Чем?

— Пожалуйста, давай забудем об этом, — попросила Шарлотт-Энн.

— *Нет*, — прозвучал ответ, и женщина заметила, что в его глазах мелькнула боль, смешанная с гневом. — Если это касается наших с тобой отношений, я хотел бы все узнать. — Князь помолчал. — Так в чем дело?

Шарлотт-Энн неопределенно махнула рукой в сторону безликого бетонного жилого дома, оставшегося позади.

— Я сбита с толку этим. — Она посмотрела на мужа.

— И тобой.

— Я не понимаю.

— Ты кажешься... — Шарлотт-Энн закусила губу, кляня себя за то, что вообще начала разговор. — Твой голос... Ну, в общем, создается впечатление, что дуче начинает тебе нравиться. — Она снова посмотрела на Луиджи.

Тот засмеялся:

— А это тебя беспокоит?

— Да.

— С чего бы?

— Потому что... потому что он *плохой*, Луиджи. Он запугивает народ. Даже твоя мать сказала мне о своем страхе перед ним.

— Когда это было?

— В тот первый вечер во дворце.

— Наверное, тогда она его боялась, а теперь не боится. Чем больше дуче доверяет мне, тем больше мать чувствует себя в безопасности.

По коже Шарлотт-Энн пробежали мурашки ужаса.

— А дуче... доверяет тебе?

— Да, все больше и больше, — подтвердил Луиджи.

— А ты? — Жена смотрела на него со странным вызовом. — А ты доверяешь ему?

— Я начинаю понимать его, — осторожно заговорил Луиджи. — Он хочет лучшего для Италии. Теперь я вижу. Сначала я в это не верил, но теперь другое дело. Конечно, что-то из того, что он делает, мне совсем не нравится. Но он хочет видеть обновленную Италию, Шарлотт-Энн. Более сильную Италию. Такую же сильную, какой она была во времена Цезарей.

Ее снова передернуло. В его голосе чувствовалась такая убежденность, какой ей не приходилось еще слышать, и это испугало ее.

— А ты, Луиджи? — мягко спросила Шарлотт-Энн. — Чего хочешь ты?

— Я? Я хочу того, что лучше для тебя. Для моей семьи. Для всей Италии. — Он улыбнулся. — Именно в таком порядке.

И все-таки Шарлотт-Энн не была уверена, что именно в таком порядке располагались его приоритеты. Луиджи менялся — это ей стало ясно, — менялся прямо у нее на глазах.

Казалось, муж понял ее страхи и взял за руку.

— Ну, давай не будем серьезными. Сегодня выходной, полдень уже позади, солнце сияет, и я свободен от дел. Сейчас время для атоге^[19], а не для забот.

Шарлотт-Энн посмотрела на него. Его глаза блестели, и как раз сегодня он надел свою элегантную ненавистную ей форму. Она не смогла удержаться от мысли: «Да, ты не на работе, но почему мне не удастся избавиться от ощущения, что твоя работа всегда с тобой, что ты приносишь ее домой? Что случилось со стремительным Луиджи, с которым я познакомилась? Где тот князь, любивший летать и участвовать в гонках? Теперь самолеты стали для него вооружением. А машины не имеют никакого значения. О гонках и разговора нет».

Слабая улыбка тронула ее губы.

— Ты прав. Глупо портить чудесное воскресенье. Давай забудем об этом.

И вскоре она забыла о разговоре.

Прошло несколько месяцев, прежде чем следующий случай снова заставил Шарлотт-Энн волноваться.

— Послезавтра мы приглашены на официальный прием в Министерство иностранных дел, — небрежно бросил Луиджи как-то за ужином.

Шарлотт-Энн как раз собиралась положить в рот кусочек телятины. Она тут же опустила вилку на тарелку.

— В Министерство иностранных дел?

Муж кивнул.

Юная княгиня тихонько присвистнула. Она уже привыкла к довольно бурной светской карусели. Правда, такой образ жизни поначалу пугал ее, но потом Шарлотт-Энн приняла его и вошла во вкус. Но прежде они вращались в кругах старой аристократии, среди военных и высокопоставленных гражданских лиц, а приглашение на прием в Министерство иностранных дел служило доказательством их перехода в еще более высокие социальные сферы.

Обычно Шарлотт-Энн не любила строгие официальные приемы и ужины с их полными собственной значимости затянутыми в мундиры офицерами под руку с щебечущими женами, но на этот раз ей захотелось пойти. Она только что оправилась от второго выкидыша. Как и в первый раз, молодая женщина добровольно обрекла себя на заточение на вилле, пока не справится с последовавшей за этим депрессией. В то же время, когда жена выздоравливала, Луиджи даже не заикался о том, что ей следовало бы сопровождать его, и она была очень ему за это благодарна. Шарлотт-Энн знала, что он выжидал, пока не почувствует, что его супруга готова выйти в свет.

— Мне бы хотелось, чтобы ты, как всегда, выглядела красавицей. — Князь улыбнулся ей через стол. — Возможно, тебе нужно сшить новое платье.

— Еще одно? — Шарлотт-Энн не смогла удержаться от смеха.

Мужчины так тщеславны, а Луиджи хуже прочих. Он пользовался каждым удобным случаем, чтобы показаться с ней в обществе, и казалось, ее платья стали предметом его особой гордости.

— Я думаю, что-нибудь синее, оттенка сапфира, будет неплохо смотреться, — задумчиво произнес он, покачивая головой. — Да, действительно, очень неплохо.

— Но ты же знаешь, что я предпочитаю пастельные тона, — запротестовала Шарлотт-Энн. — И, кроме того, синьоре Белле вряд ли хватит двух дней для того, чтобы сшить новое платье! — Она поднесла к губам бокал и отпила глоток белого вина.

— Я не думаю, что она станет возражать, — ответил Луиджи со странной улыбкой. — И потом, ты прилично оплачиваешь ее работу. С ее стороны было бы глупо не отложить в сторону другие заказы, чтобы сшить наряд для тебя.

Шарлотт-Энн скоро поняла, что спорить с ним бесполезно. На следующее утро, когда она зашла в ателье синьоры Беллы, седая портниха, широко улыбаясь, показала ей кусок бархата цвета сапфира.

— Ваш муж прислал мне его вчера утром, — сказала женщина, пропуская ткань между пальцами. — Красиво, правда?

— Да, действительно, материал очень красивый, — пришлось согласиться Шарлотт-Энн, несмотря на свой гнев на Луиджи, пренебрегшего ее пожеланиями.

— И не волнуйтесь, княгиня, — заверила ее синьора Белла. — Вы будете в нем очаровательно выглядеть. — Она обвела пальцем круг, и ее мощная грудь поднялась от оценивающего вздоха. — Это будет bellissimo^[20].

— Но платье должно быть готово завтра, — уточнила Шарлотт-Энн.

— Значит, так и будет, — ответила пожилая портниха, теребя пальцами концы желтого сантиметра, как всегда, висящего у нее на шее. — Ваши мерки у меня есть. Так что я уже скроила и сметала. Видите? — синьора Белла взяла почти законченный корсаж со своего рабочего стола, покрытого бумагой, и показала молодой женщине. — Сейчас я должна посмотреть, как это на вас сидит. Сегодня в четыре вам необходимо зайти еще на одну примерку. Последняя примерка завтра утром, чтобы подогнать платье окончательно. Оно будет доставлено к вам на виллу завтра самое позднее в три часа дня.

Синьора Белла оказалась на деле еще быстрее, чем на словах. На следующий день еще до полудня платье было уже у Шарлотт-Энн. И как только она достала наряд из коробки, все ее раздражение мгновенно улетучилось. Ей следовало это знать. У мужа безупречный вкус. Платье и в самом деле оказалось произведением искусства.

«Он хочет для нас двоих только самого лучшего», — пришлось напомнить ей самой себе.

Шарлотт-Энн чувствовала странное радостное возбуждение, когда ее одели и причесали. Луиджи обошел кругом нее, потирая подбородок, потом кивнул и улыбнулся от удовлетворения. Он выглядел необычайно довольным.

— Я никогда еще не видел тебя такой красивой, — заметил Луиджи. — От твоего вида просто дух захватывает. Платье очень тебе идет.

Глядя на свое отражение в высоком зеркале в позолоченной раме, Шарлотт-Энн понимала, что муж прав. Сапфировая лазурь бархата, казалось, изменила цвет ее глаз. Из обычно светлых, неопределенного оттенка, они стали ярко-синими.

— А теперь завершающий штрих, — мягко произнес князь. — У меня есть ожерелье. Мне бы хотелось, чтобы ты надела его сегодня вечером. — Он опустил руку в карман мундира и достал длинный узкий футляр из черного бархата и две маленькие квадратные бархатные коробочки. — Это доказательство моей любви к тебе, — прошептал Луиджи.

Шарлотт-Энн с удивлением посмотрела на него, потом не без колебаний взяла коробочки у него. В первую очередь она открыла длинный узкий футляр и изумленно вздохнула. На черном бархате лежало ожерелье из семидесяти девяти изумительно подобранных бриллиантов грушевидной формы. В середине расположился безупречный круглый сапфир в пять карат, цветом напоминающий освещенное луной море.

— Луиджи! — только и смогла произнести Шарлотт-Энн.

Не говоря ни слова, он взял ожерелье и надел ей на шею. Оно приятной тяжестью холодило кожу молодой женщины. Шарлотт-Энн повернулась к зеркалу. Бриллианты сияли, а глаза ее стали казаться еще глубже.

Медленно она открыла маленькие коробочки и обнаружила в них подобранные к ожерелью серьги с бриллиантами и сапфирами и кольцо с сапфиром в десять карат, окруженным бриллиантами.

Шарлотт-Энн стало стыдно за то, что она сердилась на мужа. Конечно же, ему пришлось настаивать на синем платье, чтобы оно подошло к драгоценностям. Какой же неблагодарной она была!

— Луиджи... это... это слишком, — пробормотала Шарлотт-Энн. — Они слишком

экстравагантны.

— Когда ты только поймешь, сага? — усмехнулся он. — Ничто не может быть слишком экстравагантным, когда речь идет о тебе.

— Но... ведь сегодня даже не день моего рождения, — пролепетала она.

— Ну и что? — спросил Луиджи, вдевая серьги ей в уши. — Как только я это увидел, то сразу понял, что эти украшения созданы для тебя. — Он вдруг замолчал, на его лице появилось выражение печали. — Я знаю, что этим не заглушить твою боль, но прими это как выражение глубокой любви твоего мужа.

— Да за что же это?

— За то, что ты смело встретила все испытания и лишения, которые тебе пришлось вынести, — прошептал муж, отворачиваясь. — Я знаю, как ты хотела ребенка и как тяжело ты переживала выкидыш.

Ее глаза наполнились слезами.

— Ну посмотри, что ты наделал! — проговорила Шарлотт-Энн, промокая глаза кружевным платочком. — У меня потекли ресницы.

Министерство иностранных дел находилось неподалеку, но они отправились туда в «даймлере» с шофером, по Пьяцца дель Пополо с обелиском в центре, потом вниз по Виа дель Корсо к Пьяцца Колонна. Поездка была короткой, но Луиджи странно нервничал, что удивило Шарлотт-Энн. Муж всегда был само спокойствие, и ей оставалось только гадать, что же явилось причиной его волнения. Шарлотт-Энн предположила, что в этом приеме крылось нечто особенное, о чем Луиджи ей не сказал. Но она знала по опыту, что допытываться бесполезно. Оставалось только ждать.

Прием начался очень приятно. Шарлотт-Энн ожидала увидеть только незнакомых людей, но среди гостей оказалось достаточно знакомых, с которыми она давно не встречалась. Они тепло встретили ее. Шарлотт-Энн представили министру обороны, холемому лысому человеку в отлично сшитом смокинге. Он познакомил ее со своей пухлой женой с улыбкой акулы. Многих из числа приглашенных Шарлотт-Энн никогда не встречала, но они, очевидно, знали, кто она такая.

В этот вечер она со многими познакомилась. Американка, по слухам принадлежащая к очень состоятельной семье, вышедшая замуж за отпрыска одного из самых влиятельных итальянских родов, казалось, вызывала всеобщее любопытство, восхищение и уважение.

Шарлотт-Энн оказалась в центре внимания.

И тут произошло первое неприятное событие этого вечера. Как только начались танцы в большом мраморном зале, министр обороны пригласил ее на первый вальс. Потом она танцевала с Луиджи, и тут его отозвали в сторону: разгорелась дискуссия между несколькими генералами и министром обороны. Шарлотт-Энн направилась к столикам буфета, накрытым белоснежными скатертями. Они едва не прогибались под тяжестью серебряных подносов с импортными икрой и лососиной, тончайшими ломтиками ветчины и искусно приготовленными крошечными канапе. Итальянское вино и заграничное шампанское текли рекой.

— Сага, — вдруг раздался у нее за спиной голос Луиджи. — Мне кажется, что вы уже встречались?

Шарлотт-Энн повернулась, и дыхание ее стало прерывистым. Она оказалась лицом к лицу с генералом Керстеном. Молодая женщина слишком хорошо помнила немца по путешествию на «Иль-де-Франс», а он выглядел точно так же, как и тогда: толстомясый,

краснолицый, с колючим взглядом голубых глаз. Ей неприятно было видеть его сейчас, точно так же, как и на пароходе, когда он так грубо спорил с миссис Рейхенбах и так зло говорил о евреях. Шарлотт-Энн боролась с собой, стараясь не показать своего отвращения. Генерал Керстен был этим вечером не в штатском, как на «Иль-де-Франс». Теперь его серая форма с черной свастикой в белом круге на красной нарукавной повязке и высокие сверкающие сапоги выглядели странно устрашающими. И только в эту минуту Шарлотт-Энн поняла, что большая часть гостей одета в точно такие же мундиры. На приеме было полно немцев.

Как и при первой встрече, генерал Керстен громко щелкнул каблуками и поцеловал ей руку.

— Вы стали еще очаровательнее, чем при последней нашей встрече, — громко провозгласил он. — Поздравляю вас с замужеством. — И, повернувшись в Луиджи, улыбнулся, а потом снова обратился к Шарлотт-Энн: — Это было очень благоприятное плавание, nicht wahr^[21]?

— Да, действительно, — вежливо согласилась княгиня, стараясь изо всех сил не показать своих истинных чувств. Этот прием слишком много значит для карьеры Луиджи.

— И подумать только, — продолжал генерал Керстен, — меня перевели в Рим. Какой прекрасный город! Мы должны часто видеться. Может быть, вы будете так любезны, что все мне здесь покажете?

— Да, конечно, — пробормотала Шарлотт-Энн, давая про себя клятву скорее стать отшельницей на своей вилле, чем водить его по городу.

— Судя по всему, — сообщил ей Луиджи, — мы с генералом Керстеном будем работать вместе.

— Да? — Женщина удивилась. — Но... но я думала, что ты представитель дуче в итальянских воздушных силах, Луиджи.

— Так и есть, — прогудел немец. — Но в Германии дела пошли совсем по-другому. Адольф Гитлер — теперь рейхсканцлер, и его первый приказ был укреплять связи с нашими итальянскими братьями. Видите ли, он восторженный почитатель вашего премьера Муссолини. Фюрер хочет для Германии того же, чего герр Муссолини хочет для Италии — тысячелетнего Рейха. А для этого Германия *должна* стать сильной. Кажется, ваш премьер столь любезен, что посылает вашего мужа ненадолго в Германию.

— Я... я не понимаю, — Шарлотт-Энн смотрела на Луиджи.

— Я сам узнал об этом всего несколько минут назад, — ответил ей муж. — Судя по всему, меня произведут в генералы.

— О, Луиджи! — прошептала она, выдавливая из себя улыбку. — Как это прекрасно!

Шарлотт-Энн спокойно обвела глазами комнату, мужчин в смокингах и мундирах, женщин в великолепных туалетах и драгоценностях. Все казалось таким обманчиво мирным и приятным, но уже сейчас она могла почувствовать что-то пугающее, какое-то скрытое течение. Словно что-то неприличное появилось посреди мраморного зала. Разговоры о тысячелетних империях пугали ее, хотя она и не знала почему.

— О, я вижу, вы уже познакомились с генералом Керстеном, — проговорил министр обороны, подходя к ним вместе с женой. Он улыбнулся Шарлотт-Энн, потом взглянул на Луиджи. — Я думаю, вы не будете возражать, если я украду очаровательную княгиню на несколько минут?

— Конечно, нет, — ответил Луиджи. — А я тем временем смогу похитить вашу

красавицу жену.

Жена министра взяла князя под руку, ее улыбка лишь подчеркнула слишком длинные зубы.

Шарлотт-Энн склонила голову и взяла под руку министра, радуясь случаю избавиться от генерала Керстена.

— Как вам нравится наш маленький прием? — поинтересовался министр, ведя ее через зал.

— Здесь очень мило. — Шарлотт-Энн наградила его улыбкой.

— А вы, княгиня, самая очаровательная женщина здесь. Мне бы хотелось, чтобы вы внесли свою лепту в некоторые наши служебные дела.

— Как вам будет угодно. — Она покраснела и слегка поклонилась, ожидая, что он пригласит ее на танец. Но вместо этого министр провел ее через зал в одну из задних комнат. Шарлотт-Энн с удивлением смотрела на него, пока он закрывал обитую материей дверь. Музыка зазвучала глуше и отдаленнее.

— Я надеюсь, что вы простите мне мою таинственность, княгиня, — начал министр, поворачиваясь к ней. — Но мне хотелось поговорить с вами наедине.

Она почувствовала неожиданную тревогу.

— Что-нибудь случилось?

— Нет-нет, вовсе нет, — успокоил он ее. — Конечно же, нет. Мне просто хотелось поговорить с вами о будущем вашего мужа. И о вашем тоже.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас.

— Минуту терпения, и вы все поймете. Простите меня, если я не стану вдаваться в подробности, но во многих странах сейчас поднимаются силы, которые изменят существующий порядок вещей в мире. Но это сейчас не главное. Важно то, что эти изменения будут к лучшему. — Министр сделал паузу и улыбнулся. — Ваш муж — влиятельный человек, княгиня. Дуче полагается на него все больше и больше. Он связывает с ним большие надежды.

Шарлотт-Энн кивнула. Все это ей приходилось слышать и раньше, а теперь она гадала, к чему все эти разговоры.

— Красивая жена, вне сомнения, отличная поддержка для карьеры мужа. В этом полковнику очень повезло.

— Вы льстите мне, — негромко сказала Шарлотт-Энн, встречаясь с ним взглядом. — Но есть одна вещь, мне непонятная. То вы называете моего мужа «полковник», то вы обращаетесь к нему «князь». Кто же он, господин министр? Князь или полковник?

— И то, и другое, конечно. — Министру стало явно не по себе. Потом он спокойно продолжил: — Как я уже сказал, вы отличная поддержка для своего мужа. И у вас есть шанс сделать для него нечто важное. Пол... князь скоро будет произведен в генералы, и, как вы знаете, даже среди генералов существует... ну, если говорить откровенно, множество каст. — Министр криво улыбнулся. — Ваш муж может стать очень могущественным генералом или одним из толпы. Многое зависит от вас. У вашего мужа есть то, в чем наша страна сегодня нуждается как никогда. Он уважаемый член старой и аристократической семьи. Дуче полагает, что для более устойчивой работы правительства ему необходима поддержка аристократии, которая в настоящий момент далеко не вся оказывает ему должное уважение. Времена меняются, княгиня. Италия входит в двадцатый век сильной страной, а опыт вашего мужа в области авиации и автомобилей... В скором будущем его опыт очень

пригодится Италии. От этого будет зависеть успех или поражение.

— Каким образом?

— К сожалению, я не вправе вам сказать. Что бы там ни было, я и почти вся Италия будем очень благодарны вам, княгиня, если вы сделаете все, что в ваших силах, чтобы помочь мужу быстро стать членом правительства. Кто знает? Вскоре он может оказаться вторым человеком после дуче.

— А чем же я могу помочь, по-вашему? — заинтересовалась Шарлотт-Энн. — Еще чаще бывать в свете? Устраивать больше приемов, заниматься делами благотворительности?

Министр улыбнулся.

— И это тоже. Но я думал о другом.

— Да, господин министр?

— Вы все еще американская гражданка, княгиня. Чтобы помочь вашему мужу попасть в правительство, а вам быть принятой обществом, завоевать больше доверия к вам и вашему мужу, вы *должны* отказаться от вашего американского гражданства и стать подданной Италии.

Шарлотт-Энн в изумлении смотрела на него, неожиданно оскорбленная его предложением.

— Вы сделаете это? — с надеждой спросил министр.

Она взяла себя в руки и постаралась ответить спокойно:

— Я, несомненно, подумаю над этим, господин министр.

— Конечно, — успокоил он ее, — но только, пожалуйста, не раздумывайте слишком долго. Для грядущих событий... Ну, я лишь хочу сказать, что важно выиграть время.

— Но, как мне кажется, получение подданства требует довольно много времени, разве не так?

— Обычно так, — улыбнулся министр. — Но в вашем случае, княгиня, можно сократить время прохождения бумаг. Все можно сделать с максимальной скоростью.

— Я понимаю, — кивнула, задумчиво нахмурившись, Шарлотт-Энн. — Как я уже сказала, я все тщательно и быстро обдумую, господин министр.

— Я знал, что вы так поступите, — он выдержал паузу, — только не раздумывайте очень долго. — Министр поклонился, повернулся на каблуках и вышел из комнаты.

Шарлотт-Энн долго сидела одна. Она гадала, знал ли Луиджи о состоявшемся разговоре. Или все было спланировано заранее. Может быть, это и послужило причиной его необычного беспокойства.

Ее рука коснулась ожерелья на шее, бриллианты и сапфир охладили кожу. Чем, как не ошейником рабыни, было это ожерелье, — подумалось ей. И был ли у нее на самом деле выбор: согласиться или оставить американское гражданство.

Шарлотт-Энн знала только одно. Она любит Луиджи всем сердцем и сделает все, что в ее силах, чтобы помочь ему, не задавая никаких вопросов. Княгиня обещала министру подумать, прежде чем даст ответ, но ответ был ей уже известен. Она сделает так, как ее попросили.

И все-таки ей не удавалось отделаться от мысли, что бриллианты и сапфиры оказались всего лишь взяткой.

Уже значительно позже произошло третье событие, куда более зловещее, и только тогда предыдущие случаи приобрели свое истинное значение. А пока Шарлотт-Энн жила на Вилле делла Роза в блаженном неведении.

Рим кружился в водовороте светской жизни. Бесконечные вечеринки и приемы, на которых следовало присутствовать, и повсюду разговоры крутились только вокруг политики. Шарлотт-Энн мало интересовал этот предмет, и ее растущая с каждым днем популярность основывалась на легкой, очаровательной светской манере поддразнивать, которой она отдавала предпочтение. В ее обществе люди чувствовали себя легко. Им не приходилось следить за каждым своим словом или защищать свои взгляды. А причина этого оказалась простой: как только появлялась Шарлотт-Энн, она тут же прекращала все разговоры о политике и ловко переводила разговор на более легкие темы.

И все-таки молодая женщина начинала ощущать, как под внешним спокойствием римского света растет волнение, основанное на «событиях», упомянутых министром, которые явно начинали проявляться. Ходили слухи о беспорядках, о строительстве военных объектов. В воздухе витала угроза войны. Приемы и ужины, затягивавшиеся до поздней ночи, превращались в обсуждение военной стратегии. Жены использовали вечеринки, чтобы обеспечить продвижение мужей по службе. Генералы обхаживали промышленников, и наоборот. Происходил обмен любезностями, и заключались сделки среди льющегося рекой шампанского, икры и вальсов.

Шарлотт-Энн чувствовала: беззаботные дни подходят к концу, но она отказывалась верить, что это произойдет. Всеми доступными ей способами молодая женщина пыталась оградить себя от наступающей опасности, и иногда ей это удавалось. На Европу явно надвигалась буря, но столицы, казалось, стояли в центре урагана и производили обманчиво мирное впечатление. Тем не менее ее беспокойство все росло, его стало трудно не замечать. Но Шарлотт-Энн боялась поделиться своими тревогами с Луиджи: а что, если он согласится, что ее страхи оправданы? Его быстрое продвижение по службе — теперь происходившее поступательно — должно было скоро привести его к должности командующего авиацией. Ее все больше беспокоил политический беспорядок, но она пыталась успокоить себя тем, что это связано с их продвижением в более могущественные круги. Шарлотт-Энн отчаянно старалась убедить себя, что все увеличивающийся хаос не ощущался ею раньше только потому, что прежде в круг их друзей и знакомых не входило такое количество иностранцев. Ведь теперь Рим был просто переполнен ими.

Немцы были повсюду.

Несмотря на дурные предчувствия, время уносило прошлое в туманную даль, и только повторяющиеся выкидыши по-настоящему омрачали жизнь Шарлотт-Энн. Она была на седьмом небе от счастья, когда Луиджи находился с ней рядом. К сожалению, он не мог часто себе такое позволять. Проходило время, и Шарлотт-Энн все реже и реже виделась с мужем, и минуты, проведенные вместе, становились все более драгоценными. Ее совершенно не интересовало, чем Луиджи занимается вместе с дуче, она дорожила только часами, проведенными вместе. Пошел уже пятый год их совместной жизни, и Луиджи стали все чаще посылать в достаточно длительные командировки в Германию. Шарлотт-Энн от одиночества впала в депрессию. Как только муж оказывался вдалеке от нее, она словно попадала в эмоциональную тюрьму.

— Я хочу поехать с тобой, — уже в который раз повторила Шарлотт-Энн Луиджи.

Он добродушно усмехнулся.

— Я должен поехать один, сага, — прозвучал грустный ответ. — Военные базы не место для женщин.

Ее лицо помрачнело, и муж предложил ей провести то время, пока он будет в отъезде, в «Хрустальном дворце». Его родители, Луиджи был в этом уверен, обрадуются ее визиту. Шарлотт-Энн отрицательно покачала головой.

— Мне нравится Рим, Луиджи, — сказала она. — Да и потом, когда ты вернешься, ты прежде всего окажешься в Риме. Я хочу ждать тебя здесь.

— Я буду скучать без тебя, — произнес он с улыбкой.

— Я тоже буду скучать без тебя. — И после паузы: — Луиджи...

— Да?

— Почему тебе приходится так часто ездить в Германию? Я не думаю, что Германии позволено иметь армию или авиацию после последней войны.

— Им разрешено иметь небольшую армию и немного самолетов, но Адольф Гитлер сейчас приобрел власть, и он хочет покончить со всем этим. По его мнению, Германия должна быть достаточно сильной, чтобы выжить, — в голосе Луиджи появились нотки страсти, а глаза заблестели. — Ты не поверишь тому, что происходит в Германии, сага, — прошептал он. — Они летают! Каждый выходной тысячи и тысячи энтузиастов поднимаются в воздух на планерах. Это стало национальным видом спорта! Они тренируются для того, чтобы сесть за штурвал, когда у Германии будет настоящая военная авиация. Дуче посылает меня в Германию, чтобы я помогал им и учил их.

Шарлотт-Энн отвернулась к окну и посмотрела на залитый солнцем задний двор с подстриженным газоном и овальным плавательным бассейном, на старые стены садов виллы Боргезе, служащие ему границей.

— Что из себя представляет Адольф Гитлер? — поинтересовалась она.

Луиджи колебался с минуту. Слово у него самого еще не сложилось мнение, и ему требовалось собраться с мыслями.

— Это очень сложный человек, — медленно начал он. — Но что-то есть в нем такое... своего рода магнетизм, излучаемый им, притягивающий к нему людей. Мне еще не доводилось видеть подобное. Он очень похож на дуче, но намного сильнее. Кажется, вокруг него аура власти. Когда Гитлер присутствует на массовом митинге, он буквально может повести народ за собой. Когда ему что-то не нравится, Гитлер ругается и неистовствует, поддаваясь вспышке гнева хуже избалованного ребенка. При этом в частной жизни он может быть предельно очаровательным и любезным. Гитлер — само противоречие, но противоречие завораживающее.

Шарлотт-Энн так и не отвела глаз от пейзажа заднего двора.

— Он тебе нравится? — спросила она.

— Честно говоря, я и сам не знаю. Мне кажется, я никогда об этом не думал.

— А он тебя... не пугает?

Луиджи нахмурился, потом рассмеялся.

— Да, ты знаешь, пожалуй, пугает.

Тут Шарлотт-Энн повернулась к нему, не желая больше ничего слушать. Ей не следовало даже спрашивать. Все было таким зловещим. Она улыбнулась.

— Скажу-ка я Магде, чтобы она выгладила тебе еще один мундир. Тебе не захочется выглядеть мятым, когда приедешь в Берлин.

И, когда женщина выходила из комнаты, она почувствовала острую боль в желудке.

Только полчаса спустя Шарлотт-Энн распознала ее причину: страх. Ей не удастся больше лгать самой себе. Теперь ей известно, что все далеко не так хорошо. Она любит Луиджи, но ненавидит фашизм во всех его уродливых проявлениях. Пока жива, ей не забыть того инцидента на границе. Но Шарлотт-Энн заключила сделку с княгиней Марчеллой: она не должна делать ничего такого, что могло бы повредить Луиджи или другим ди Фонтанези. Шарлотт-Энн слишком любила своего мужа. Она была ему образцовой женой, и поэтому ему завидовали многие в Риме. Другие жены — об этом поговаривали — заводили интрижки, как только мужья уезжали из города. Но Шарлотт-Энн и подумать о таком не могла. Она жила только ради одного.

Луиджи.

Часто молодая женщина думала о том, что постоянно не оправдывает ожиданий мужа, и пыталась всеми способами загладить свою вину. Она знала, что Луиджи хочет сына, и была очень огорчена, когда после мертворожденного ребенка не смогла доносить другого до положенного срока.

— В следующий раз, сага, — каждый раз мягко говорил ей Луиджи, — в следующий раз. Но выкидыш следовал за выкидышем.

Время, когда Луиджи находился в командировках, ползло по-черепаши. Дни, которые он проводил с ней, пролетали мгновенно. Когда они навещали его семью или в те редкие случаи, когда княгиня Марчелла и князь Антонио приезжали в Рим с визитом, все выглядело вежливо и великолепно. Внешне княгиня и Шарлотт-Энн стали друзьями. За прошедшие годы они усовершенствовали спектакль. Только когда они оставались наедине, то показывали зубы.

— Я слышала, у вас снова был выкидыш, — как-то сухо сказала ей свекровь.

Шарлотт-Энн удивленно посмотрела на нее.

— Я вижу, Италия маленькая страна. Новости распространяются быстро.

— Для ди Фонтанези — да, — подчеркнуто ответила княгиня, давая понять, что для нее Шарлотт-Энн никогда не станет настоящей ди Фонтанези. — У нас уши повсюду.

На следующий же день Шарлотт-Энн поменяла гинеколога.

И тут ветры политических перемен превратили ее жизнь в смерч.

Командировки Луиджи становились все более длительными, и Шарлотт-Энн очень мало времени проводила с ним. Со все возрастающим ужасом видела она, как медленно ее муж, бывший раньше фашистом лишь символически, превращается в фанатика власти. Для небольших радостей жизни времени не оставалось. Германия стала для Луиджи вторым домом.

— Мне жаль, что ты так это воспринимаешь, — однажды сказал Луиджи, когда Шарлотт-Энн разволновалась из-за того, что его не будет почти два месяца. — Но это военные дела.

— Луиджи, ради Бога, ведь я твоя жена. Неужели для меня остается вдвое меньше времени, чем для этих немцев?

Муж смотрел на нее с каменным выражением лица:

— Прошу тебя, сага, не хнычь. Это непривлекательно.

Шарлотт-Энн смотрела на него во все глаза. Впервые за все время он заговорил с ней таким снисходительным тоном, и ей захотелось плакать. Ей удалось удержаться от слез, только напомним себе, какая ответственность лежит на его плечах. Она не должна добавлять

к этому еще и семейные скандалы.

Не изменилось только одно наравне с его все время растущей жадной власти и амбициозностью — его страсть. Когда Луиджи бывал дома, он жаждал близости с ней так же, как и раньше. Но иногда у Шарлотт-Энн возникало ощущение, что не Луиджи ди Фонтанези лежит в их постели. Незнакомец выглядел, как Луиджи, говорил, как он. Но все чаще ей казалось, что он уже не тот человек, за которого она выходила замуж.

Шарлотт-Энн хотелось вернуть прежнего Луиджи.

Ночью, накануне его отъезда в Германию на два месяца, они лежали вместе в постели. Луиджи быстро взял ее, быстро довел до оргазма, как раз в тот момент, когда сам он испытал наслаждение и издал мучительный, глубокий вскрик. Потом Луиджи устало рухнул рядом с ней.

Это выглядело пощечиной: Шарлотт-Энн только теперь увидела, как изменилась их близость. Из их спальни ушло мучительное наслаждение растянутого удовольствия. Даже занимаясь любовью, муж стал по-новому эффективен: он брал ее, достигал оргазма и падал от изнеможения. Словно для всего остального не оставалось времени.

— Луиджи, — прошептала Шарлотт-Энн, открывая глаза.

— Гмм? — Он уже почти спал.

— Луиджи, ты сказал, что уезжаешь почти на два месяца?

— Гмм.

— Я так давно не виделась со своими. Что ты скажешь, если я отправлюсь в Нью-Йорк и увидаю их, пока тебя не будет?

— Не думаю, что это получится. — Луиджи зевнул.

Шарлотт-Энн нахмурилась и села в постели.

— Почему нет?

— Потому... что ты не можешь ехать.

Кровь бросилась в лицо женщине от чувства неловкости.

— Ты хочешь сказать, что не отпустишь меня? — не веря своим ушам, переспросила она.

Луиджи снова зевнул.

— Если бы это зависело от меня, ты могла бы отправиться куда захочешь. — Он перекатился на кровати, и его дыхание стало ритмичным и замедленным. Муж уже спал.

Шарлотт-Энн долго смотрела на него, потом погасила свет и забралась под одеяло, натянув его до подбородка. Ей не спалось. Что он имел в виду, когда сказал: «Если бы это зависело от меня, ты могла бы отправляться куда захочешь»?

Все выяснилось на следующее утро, после отъезда Луиджи. Шарлотт-Энн отправилась в паспортную службу, сообразив, что после отказа от американского гражданства у нее на руках не было имеющего силу паспорта. До этого дня им не представилась возможность провести отпуск за пределами Италии, поэтому она об этом и не думала.

В паспортной службе ее ожидала неприятная новость: ей запрещено выезжать за пределы страны.

Шарлотт-Энн не могла этому поверить и позвонила министру обороны. Явно произошла какая-то ошибка.

— Мне очень жаль, княгиня, — мягко, но твердо ответил министр, — но происходят определенные события.

— Конечно, они происходят, — тон Шарлотт-Энн был резок. — Я не могу даже

путешествовать! Я здесь пленница.

Ее собеседник рассмеялся.

— Нет, княгиня. Просто ваш муж выполняет одну очень деликатную миссию, и по этой причине власти решили, что вам лучше оставаться в Италии. Пожалуйста, почувствуйте себя свободной, путешествуйте по нашей стране. У нас много красивых мест.

— Благодарю вас, — с сарказмом ответила Шарлотт-Энн и швырнула трубку. Она закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоить нервы. На мгновение ее неодолимо потянуло в американское посольство, но потом женщина поняла всю никчемность подобного шага.

Шарлотт-Энн отказалась от американского гражданства. Они ничем не смогут ей помочь.

С какой стороны ни посмотри на ситуацию, ясно одно: она пленница.

На следующий день, во вторник, пришло письмо. Шарлотт-Энн всегда так ждала новостей из дома и решила прочесть его на улице, в тени деревьев рядом с бассейном. Как обычно, письмо было написано наклонным, элегантным почерком матери, но она тут же заметила, что слова написаны чуть неровно, словно у Элизабет-Энн дрожала рука. На этот раз письмо было наполнено болью и нанесло ей удар.

«21 июля 1936 года

Моя дорогая Шарлотт-Энн!

Как я скучаю по тебе, особенно сейчас! И как тяжело писать тебе об этом. С прошлого моего письма прошло уже две недели, и я знаю, что ты гадала, отчего это. Но у нас плохие новости.

Вчера умерла твоя сестра Ребекка. Я знаю, что ты снова и снова будешь читать и перечитывать эти ужасные строки, прежде чем согласишься в случившееся. Ребекку положили в больницу с воспалением легких, но врачи не смогли спасти ее. О, Шарлотт-Энн, что же я буду делать? Ты, твой брат и две твои сестры — главное в моей жизни. Дети для женщины — это продолжение ее и ее мужа. Подобные мысли делают мою боль сильнее. Словно не только Ребекка, но и ваш отец снова умер. Я не знаю, смогу ли я справиться с утратой. Говорят, что время залечивает все раны, но не знаю, правда ли это. Я все еще ощущаю раны, полученные мною в детстве. Ничто до конца не заживает. Всегда остаются рубцы.

Когда позвонили из больницы и мы бросились туда, я не могла в это поверить. Ребекка лежала такая спокойная, словно отдыхала. Я была уверена, что это шутка, что меня просто разыгрывают. Она выглядела спящей.

Лэрри так добр ко мне, особенно сейчас. Знаешь ли, это так странно. Ведь он не ваш отец, но относится к вам ко всем так, как будто вы его дети. Кажется, смерть Ребекки поразила его тяжелее остальных. Прошлой ночью, когда я думала, что он спит, я обнаружила, что Лэрри плачет.

Я пишу тебе об этом, и у меня разрывается сердце, но как раз на этой неделе Ребекка начала подумывать о том, чтобы летом навестить тебя. Так хорошо было бы вам увидеться, но я понимала, что Италия слишком далеко от нас. Не ругай себя за то, что давно не виделась с ней. Мы все смертны и не можем предвидеть того, что уготовило нам будущее. Есть сила, недоступная нашему пониманию, в чьих руках и находятся наши судьбы.

Из твоих полных боли писем, в которых ты откровенно написала мне о выкидышах, я

знаю, что у тебя тоже не все в порядке. Но жизнь, увы, никогда не бывает совершенной. Теперь я понимаю, что, даже если бы вы с Ребеккой виделись чаще, это никак бы не повлияло ни на вашу жизнь, ни на смерть. Но кажется таким ужасным — и от этого так больно, — что такое молодое существо неожиданно покинуло нас. Ей было всего девятнадцать! Как же мало нам всем известно.

Моя дорогая девочка, я знаю, что ты должна чувствовать, когда будешь читать эти строки, но, пожалуйста, держись. Твоя сестра была хорошим человеком. Я знаю, что она на небесах, и когда-нибудь мы все там встретимся. Я не верю, что этим можно утешить женщину в горе. Но так уж был задуман наш мир, и, хотя мою душу переполняет печаль, я знаю, что, несмотря на все посылаемые нам испытания, Бог добр.

Может быть, в следующем году, если ты не сможешь приехать к нам, мы с Лэрри наконец-то доберемся до Рима. У него есть бизнес в Европе, который, по его мнению, учитывая ситуацию в мире, следовало бы ликвидировать. Возможно, нам удастся соединить дела с кратким визитом к тебе. Как же мне хочется снова увидеть тебя и обнять.

Будь осторожна, моя дорогая. По словам Лэрри, в мире сейчас очень беспокойно, а я привыкла доверять его суждениям. Если мы можем чем-то помочь тебе, пожалуйста, сообщи мне.

Любящая тебя мама».

Шарлотт-Энн опустила письмо на колени. Она закрыла лицо руками и заплакала. Ее боль усиливалась от того, что Луиджи не было рядом с ней, чтобы утешить ее. Ей хотелось, чтобы муж обнял ее, шептал ласковые слова и разделил с ней ее горе. Но он вернется из Германии только через два месяца. Именно сейчас Шарлотт-Энн поняла: несмотря на то что знакома в Риме с сотней человек, у нее нет ни одного близкого друга, к кому можно было бы обратиться за помощью.

Ей придется справляться с болью в одиночестве.

И как только она поняла это, ей стало ясно, что теперь важнее, чем когда-либо, получить паспорт и разрешение увидеться с семьей.

Но даже когда Луиджи вернулся, ее мечта оказалась невыполнимой.

— Мне очень жаль, *cara*, — в мягком голосе мужа слышалось сочувствие, — но они боятся.

— Боятся? Они? — Изумлению Шарлотт-Энн не было предела. — Кто такие *они*, и почему *они* боятся?

— Из-за моей работы. Это очень важно, ты же знаешь. А в связи с развитием событий в мире они боятся, что если я скажу тебе хоть что-нибудь, пусть во сне, и ты получишь информацию и случайно проболтаешься, не сознавая ее важности, то нашей стране будет нанесен большой вред.

Его слова привели ее в ярость, но Шарлотт-Энн поняла, что ничего сделать нельзя.

Если ди Фонтанези не может скинуть эти путы, то кто тогда может?

Элизабет-Энн и Лэрри приехали в Рим в первую неделю апреля 1937 года. Шарлотт-Энн была вдвойне счастлива. Она не только увидела родных после столь долгого перерыва, но и Луиджи несколько «скорректировал» свой график и постарался провести дома целую

неделю в связи с таким событием. А подобный отпуск — жена прекрасно это знала — не так просто было устроить. Шарлотт-Энн тронула его предупредительность. Ей казалось, что в ее жизни соединяются свидание с семьей и второй медовый месяц.

Луиджи отправился вместе с ней встречать прибывающих на вокзал. В тот момент, когда поезд, пыхтя, подползал к платформе, Шарлотт-Энн увидела Лэрри и мать, высунувшихся из окна вагона первого класса, и слезы радости потекли у нее по щекам. Она больше скучала по ним обоим, чем могла себе представить. Шарлотт-Энн с удивлением отметила, что ее мать очень изменилась. Она казалась постаревшей, но менее отчужденной. Молодой женщине пришлось напомнить себе, что они не виделись шесть лет. Элизабет-Энн уже исполнилось сорок два, а ей самой двадцать три.

— Мама, — всхлипнула дочь, когда поезд остановился и Элизабет-Энн торопливо спустилась по ступенькам. Они кинулись друг к другу и долго не разнимали объятий.

Элизабет-Энн тоже плакала.

— Ты только посмотри, на кого мы похожи, — сказала она, вытирая белоснежным кружевным платочком глаза сначала дочери, а потом себе. — Дорогая, дай же мне посмотреть на тебя! — Мать отстранила Шарлотт-Энн на расстояние вытянутой руки и покачала головой. — Мне все еще не верится, что это на самом деле ты. — Она снова прижалась щекой к лицу дочери.

— Я знаю. — Шарлотт-Энн улыбнулась и оторвалась от матери. — Мама, а это Луиджи.

Князь стоял в стороне, возвышаясь над толпой, несколько смущенный в своем мундире. Он церемонно поклонился. Элизабет-Энн разбила лед, тепло обняв и расцеловав его. Пока Лэрри обменивался рукопожатием с Луиджи и обнимал Шарлотт-Энн, носильщик подхватил их багаж и последовал за ними к ожидавшему «даймлеру». Женщины взяли друг друга под руку, а мужчины шли впереди, прокладывая дорогу, и, пользуясь случаем, познакомились.

— Я знаю, что ты предложила нам остановиться на вашей вилле, — заговорила Элизабет-Энн. — И нам это очень приятно. Я надеюсь, ты не обидишься, но мы заказали номер в «Эксельсиоре».

— В «Эксельсиоре»? — Шарлотт-Энн смотрела на нее с ужасом. — Но зачем же останавливаться в отеле? В нашем доме достаточно свободных комнат для гостей.

— Спасибо, дорогая, но я вынуждена сказать «нет», — улыбнулась мать. Они подошли к машине, и им пришлось подождать, пока шофер справится с откидными сиденьями. Элизабет-Энн нырнула в автомобиль и замолчала, ожидая, пока дочь сядет рядом. — В этом нет ничего личного, уверяю тебя. Я действительно предпочитаю остановиться в отеле.

— Не забывай, — проговорил Лэрри, пока они с Луиджи усаживались на откидные сиденья напротив женщин, — что твоя мать просто больна гостиницами.

Элизабет-Энн нагнулась вперед и добродушно хлопнула его по колену:

— Он опять за свое! Ему так нравится изображать, что отели — это все, что меня интересует в жизни, — потом тон ее стал серьезнее. — Но на самом деле я давно ждала случая и хочу им воспользоваться. Не каждый год мне удастся отправиться за океан и посмотреть, что там делается в крупных европейских отелях. Я решила останавливаться во всех, где мне только удастся, чтобы посмотреть, можно ли что-то улучшить в наших собственных гостиницах. Такая возможность появляется, только если получаешь информацию из первых рук, когда конкуренция это позволяет.

— В таком случае я даже не могу спорить с тобой, мама, ведь так? — поинтересовалась

Шарлотт-Энн.

— Нет, — засмеялась в ответ Элизабет-Энн, — боюсь, что не можешь.

Элизабет-Энн и Лэрри устроились в апартаментах в «Эксельсиоре». Шарлотт-Энн послала за ними машину, чтобы привезти их на ужин на виллу. С чувством гордости доставала молодая женщина темно-синий с позолоченными краями фарфор Джинори 1878 года, хрусталь баккара, фамильное серебро ди Фонтанези и тяжелую льняную скатерть, вышитую монахинями из монастыря Богородицы. Свечи распространяли мягкий, ласкающий зрение свет, и все были одеты для ужина. Шарлотт-Энн дала указание кухарке приготовить настоящий ужин в стиле Южной Италии, состоящий из подлинных крестьянских блюд, которым она отдавала предпочтение. И какая это была еда! За полным блюдом с закуской и холодными ломтиками угря на льду последовали *pasta alla siciliana* — спагетти с томатным соусом, баклажанами, кабачками и оливками. Потом подошел черед *saltim-bocca alla romana* — сэндвичей, состоящих из ломтиков телятины и ветчины с начинкой из тертого сыра «моццарелла». Красное вино доставили с виноградников ди Фонтанези, а только что испеченный горячий хлеб пах чесноком. На десерт можно было выбрать пирожные, спелые свежие фрукты или чашку горячего крепкого кофе.

— Если я съем еще кусочек, — объявил Лэрри, вытирая губы крахмаленной салфеткой и кладя ее на тарелку, — я думаю, что просто лопну.

Шарлотт-Энн улыбнулась. Глядя на сидящих за столом, она чувствовала, как ее переполняет радость. Кроме Регины и Заккеса, все, кого она любила, ужинали в ее доме. Это казалось слишком замечательным, чтобы быть правдой.

— Значит, вы возвращаетесь в Соединенные Штаты порознь? — вежливо поинтересовался Луиджи, когда все вернулись обратно в гостиную.

— Да, к сожалению. — Элизабет-Энн кивнула. — У Лэрри есть дела в Германии, но я туда не поеду. Он этого не хочет.

— Германия сейчас — пороховая бочка, это ясно, — озабоченно заметил Лэрри. — Ситуация слишком нестабильна. Мне кажется, без крайней необходимости никто не должен туда ехать.

Шарлотт-Энн посмотрела на Луиджи, чтобы поймать выражение его лица, но оно было абсолютно невыразительным. Он облокотился на край стола из ценного дерева и, когда слуга вошел с подносом, уставленным тонкими рюмками с ликером, взял ящичек с сигарами, открыл его и поднес Лэрри. Тот выбрал сигару, оценивающе понюхал ее и, прежде чем закурить, помял ее пальцами, прислушиваясь. Луиджи, не выбирая, тоже взял сигару и зажег ее. Мужчины уселись на стулья друг против друга и завели разговор о политике, пока Элизабет-Энн с дочерью, сидя на кушетке, обменивались новостями о семье и друзьях.

— Заккес очень высокого роста для своих тринадцати лет, — с гордостью рассказывала Элизабет-Энн. — И он стал таким красивым. Я привезла тебе его фотографию, но забыла ее в отеле. Завтра привезу. Ты и не узнаешь брата. Он точная копия своего отца.

— Он уже решил, чем будет заниматься дальше?

— Ну, *мне* бы хотелось, чтобы сейчас Заккес отправился в колледж, а потом вошел в гостиничный бизнес, но он категорически против этого. — Элизабет-Энн, словно не веря самой себе, покачала головой. — Заккес намеревается отправиться в Аннаполис^[22].

— Во флот?

Мать кивнула.

— И он не хочет, чтобы мы его от этого отговаривали.

— Ты тоже боишься надвигающихся событий, правда, мама?

На лице Элизабет-Энн появилось странное выражение.

— Да, — спокойно ответила она. — Боюсь. Особенно боюсь за Заккеса. Если начнется война, а Лэрри считает, что это неизбежно... — Женщина выразительно пожала плечами. — Ведь я мать. Ни одна мать на захочет, чтобы ее сын отправился воевать и сложил голову, не важно, во имя чего будет вестись война.

— Я понимаю, — отозвалась Шарлотт-Энн. — То же самое я чувствую в отношении Луиджи. Так как он военный... — Она мгновение помолчала, не желая беспокоить мать правдой. — Как бы то ни было, достаточно этой сентиментальной болтовни. — Она села поудобнее. — Как хам Регина?

— Она шлет тебе привет. Твоя сестра прекрасно окончила медицинский колледж. Мы отпраздновали окончание учебы вместе с ее двадцатипятилетием. Как бы мне хотелось, чтобы и ты присутствовала на нашем празднике. Знаешь ли, она, видимо, станет отличным педиатром. Но должна признаться, что мне не очень по душе ее свадьба. У жениха Регины ортопедическая практика в Сан-Франциско, следовательно, она отправится туда. — На лице матери отразилась боль. — Как тяжело матери видеть, что ее дети покидают родной дом. Ребекка умерла, Заккес собирается служить во флоте. Теперь и Регина уедет на другой конец страны, а между тобой и мной целый океан... Никто из моих детей не желает иметь ничего общего с «Отелями Хейл». — Она покачала головой. — А я уже знаю, что, если ты пытаешься держать тех, кого любишь, на коротком поводке и не давать им делать то, что им хочется, они разбегаются от тебя еще быстрее.

— Ты не выгоняла меня, мама, — негромко успокоила ее Шарлотт-Энн. — Я влюбилась.

— Я знаю, что ты полюбила. — Элизабет-Энн улыбнулась и пожала пальцы дочери. Ее голос упал до шепота. — Теперь я вижу, почему это случилось. Луиджи чертовски красив.

Они обе украдкой покосились на него и улыбнулись, но их хорошее настроение быстро улетучилось, как только обе женщины прислушались к разговору мужчин.

— Вы только что вскользь упомянули о проблемах в Германии, — говорил Луиджи, выпуская голубые облака сигарного дыма. — Какого рода проблемы, по-вашему, мучают Германию?

Лэрри криво, невесело улыбнулся. Его единственный глаз пристально смотрел на Луиджи.

— Гитлер.

— Разве вы не считаете, что немцы хотят, чтобы ими правил Гитлер?

Лэрри откинулся назад и устроился поудобнее.

— Насколько я понимаю, им не оставили выбора. Во всяком случае, сейчас его у них нет, — он выпустил струю дыма. Какое-то мгновение Хокстеттер молча смотрел на свою сигару. — В настоящее время Гитлер обладает всей полнотой власти. Теперь поздно что-либо предпринимать. Он никогда добровольно не отступится. Еще не так давно экономика Германии была в таком ужасном состоянии, что у людей появилось ошибочное впечатление, что в Гитлере их единственное спасение. Кроме всего прочего, он клянется вернуть Германии утраченное достоинство, разорвав Версальский договор, отказавшись от выплаты репараций и заняв войсками Рейнскую область. Немцы смотрят на него, как на спасителя. А почему бы и нет? Они отчаялись. И в своем отчаянии не могут ясно видеть существующее

положение вещей. Им не дано понять, что в перспективе все, что Гитлер действительно сможет дать им, это все то же отчаяние.

— Я довольно часто бывал в Германии, — небрежно заметил Луиджи. — Дуче и фюрер крепят узы дружбы.

— И Германия, и Италия поддерживают Франко. Мне это известно. Но мне кажется, что единственным результатом гражданской войны в Испании станет по-настоящему трагическая ситуация. Погибнут сотни тысяч, даже миллионы.

— В Испании? — с любопытством спросил Луиджи.

Лэрри медленно покачал головой, лицо его оставалось суровым.

— Я думаю, об этом вам известно больше, чем мне.

Князь безучастно пожал плечами и молча продолжал курить.

— Боюсь, что в Испании, да и во всей Европе прольется много крови. Такого кровопролития еще не бывало, — сказал Лэрри.

— Но почему вы думаете, что события захватят всю Европу?

— Я слушал речи Гитлера, — Лэрри говорил спокойно, но в голосе слышалось нечто зловещее. — Конечно, есть люди, слушающие его заворуженно, словно лунатики. Есть и такие, кто просто смеется или издевается над ними. — Лэрри выпрямился, его тело напряглось. — Лично я не подпишусь ни под одним из этих мнений. Вернее, я бы подписался под обоими, если бы ситуация не складывалась столь опасно. Гитлер готов выполнить все, что проповедует, заметьте. А он очень хорошо умеет убеждать.

— Тогда, может быть, людям не следовало бы к нему прислушиваться, — предположил Луиджи. — А что если он говорит именно то, что они хотят услышать?

— Так вот каково ваше мнение? — спросил Лэрри, пристально глядя на него.

Князь не ответил. Какое-то время все сидели тихо, молчание становилось неловким.

Шарлотт-Энн, прекрасная хозяйка, как и всегда, по опыту знала, когда надо сменить тему разговора. Она выпрямилась и хлопнула в ладоши.

— У меня идея, — радостно проговорила женщина, желая не только нарушить затянувшуюся паузу, но и удержать свою мать в Риме подольше. — Почему бы маме не побыть тут, пока Лэрри съездит в Германию? Потом вы здесь встретитесь, и мы проведем вместе еще неделю перед вашим возвращением в Штаты.

Элизабет-Энн покачала головой.

— Спасибо, дорогая, но я не могу. Мы продумали наше расписание, и оно не оставляет места для продления путешествия. Мы не можем оставаться здесь так долго. Нам обоим надо вернуться домой как можно скорее. И как я уже говорила раньше, мне очень хочется посмотреть, что могут предложить крупные отели в Европе. Отсюда я отправлюсь в Венецию посмотреть «Даниели» и «Гритти палас», потом в Париж посмотреть «Георг V», «Ритц», «Крийон» и «Плаза атене», затем в Лондон познакомиться с «Ритцем» и «Клэриджем». И, наконец, я поплыву домой из Лондона, а Лэрри отправится в Штаты из Германии. Мне кажется, пора Нью-Йорку обзавестись своим отелем мирового класса, как ты считаешь?

— В Нью-Йорке много отличных гостиниц, — дипломатично добавил Луиджи.

Элизабет-Энн смотрела на него высоко подняв брови.

— Несколько хороших есть, — поправила она зятя, не желая смягчать слова. — Но по-настоящему легендарный отель? Нет, ничего подобного у нас нет. И я намереваюсь подарить городу такую гостиницу. Когда мы купили отель «Шелбурн», у меня на него были свои виды.

И теперь я хочу, чтобы мои планы исполнились. Я собираюсь отремонтировать все здание, снизу доверху, все до единой комнаты. Это будет флагман всей сети отелей, и я изменю его название. Он будет называться «Палас Хейл».

— Мама! — рассмеялась Шарлотт-Энн. — Ты никогда не изменишься, правда? Все время строишь, строишь, строишь.

Элизабет-Энн слабо улыбнулась:

— А чем еще заниматься на этом свете? Человек может строить, разрушать или почивать на лаврах, наблюдая, как проходит время. Лично я из тех, кто не может усидеть на месте.

Семь дней пролетели так быстро, что Шарлотт-Энн показалось: не успели мать и Лэрри приехать, как уже пришла пора снова собирать чемоданы и уезжать. Лэрри в Германию поехал на поезде, а Элизабет-Энн — с ним вместе до Венеции.

— Мне бы хотелось, чтобы вы остались намного дольше, — с сожалением говорила Шарлотт-Энн в «даймлере» по дороге на станцию. Вечерело, глубокие пурпурные тени прочертили тротуары, медленно растекаясь по плитам.

— При других обстоятельствах мы бы остались дольше, — заверил ее Лэрри. — Но имея тридцать семь отелей и мотелей, твоя мать превратилась в необыкновенно занятую женщину. Что же касается меня, то я хочу покончить со всеми нашими делами здесь как можно быстрее и вложить полученные деньги в Штатах. Мир погружается в пучину бедствий у нас на глазах. Слово поставили бомбу с часовым механизмом. Осталось недолго ждать, чтобы кто-нибудь вывернул предохранитель.

Шарлотт-Энн вздрогнула.

— Не пугайте меня, Лэрри, — проговорила она тихо.

На его лице отразилась боль, и он похлопал ее по руке.

— Меня это тоже пугает, но я реалист. Таково положение вещей. Самообман никому не поможет. Кроме того, у любого события есть две стороны. Во времена войн и беспорядков меняется экономический порядок в стране. Иногда к лучшему, иногда к худшему. Сейчас самое время вложить часть наших денег в военные и авиационные заводы в нашей стране. Это вложение в будущее.

— Ты ни о чем не забыл? — поинтересовалась Элизабет-Энн, искоса глядя на него.

— Конечно же, нет. — Хокстеттер рассмеялся, снимая напряжение. — А отели, — подчеркнул он с насмешливой серьезностью, — продолжают расти.

На платформе вокзала Лэрри отвел Шарлотт-Энн в сторону и прижал к себе.

— Послушай, если тебе что-нибудь будет нужно, все равно что, ты нам сообщишь?

Она кивнула. Впервые молодая женщина смотрела на него не только как на второго мужа своей матери, но и как на своего отца. Шарлотт-Энн привстала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

— Да, палочка, — нежно сказала она, впервые не назвав его по имени.

Лэрри выглядел глубоко взволнованным и крепко обнял ее.

— Ты уверена, что не хочешь вернуться домой в Штаты и переждать там немного? Пока не кончатся все эти беспорядки? У нас всегда найдется местечко для тебя.

Шарлотт-Энн подумала, каким заманчивым было это предложение, но все впустую. Не могла же она признаться Лэрри и матери, что ей не разрешено выезжать из Италии.

— Я уверена, — просияла дочь самой радостной своей улыбкой, потом тихо добавила: — Мой дом здесь, рядом с Луиджи. Он мой муж, и я люблю его. И все-таки спасибо.

Ее переполняла печаль, когда она провожала их. Словно Шарлотт-Энн предчувствовала, что ее жизнь должна изменяться. Если Лэрри прав, то привычный порядок вещей будет нарушен. Она скоро не сможет управлять своими мыслями и поступками. Выйдя замуж, Шарлотт-Энн переступила черту, из-за которой не было возврата.

— Мы беспокоимся о тебе, — призналась дочери Элизабет-Энн, обнимая ее.

Шарлотт-Энн прижалась лицом к материнской груди.

— Почему? — прошептала она. — Я похожа на тебя, мама, такая же неукротимая. И потом, обо мне хорошо заботятся. — Молодая женщина мягко отстранилась, взяла Луиджи за руку и крепко сжала ее.

Дребезжащий свисток кондуктора разнесся по платформе, они обменялись последними быстрыми поцелуями, и Лэрри помог Элизабет-Энн подняться в вагон первого класса.

Шарлотт-Энн и Луиджи смотрели, как состав медленно отходит от перрона. Дочь следила за машущей рукой матери и махала в ответ белым платком. Вскоре рука и поезд исчезли из вида.

— Они очень милые люди, — заметил Луиджи, когда они возвращались к машине. — И очень тебя любят.

Шарлотт-Энн кивнула.

— И ты понравился им обоим, хотя Лэрри и не согласился со всеми твоими взглядами.

— Он очень умный человек. Может быть, Лэрри и не соглашается, но он понимает.

— Лэрри считает, что все это кончится трагедией. — Шарлотт-Энн остановилась и какое-то мгновение молча смотрела в темные завораживающие глаза мужа. — Ты тоже такого мнения, Луиджи? Ты никогда не говоришь об этом.

Тот пожал плечами:

— Я многое могу, *cara*, но не могу предсказывать будущее.

Тут Шарлотт-Энн рассмеялась и просунула руку ему под локоть. Этот визит им обоим пошел на пользу. Давно она не чувствовала себя такой живой, давно у нее не было так легко на душе. И как же давно они не проводили с Луиджи так много времени вместе, не разлучаясь.

— Но вот чего я никак не могу понять, — продолжила разговор Шарлотт-Энн, покачивая в недоумении головой, — так это того, что можно долететь из Германии в Нью-Йорк всего за пятьдесят один час. Лэрри доберется домой из Франкфурта за два дня, а мама будет плыть дней шесть-семь. Мир словно сжимается прямо у нас на глазах.

— Это все пустяки по сравнению с будущим, — задумчиво произнес Луиджи. — Когда-нибудь на это потребуются всего несколько часов.

— В тебе заговорил летчик, — поддразнила его жена.

— Так и есть.

— Что ж, нам остается только подождать, и мы все увидим. Лично я этого не понимаю. Но когда-нибудь мне захочется перелететь через Атлантику, как собирается сделать Лэрри. Это должно быть здорово.

— Однажды ты это сделаешь.

— Может быть, ты будешь моим пилотом.

Луиджи скорчил гримасу.

— Нет, до тех пор пока пассажирские самолеты не смогут летать на такие расстояния. Я

пилот самолета, *cara*, и не считаю эти дирижабли летательными аппаратами. Это всего лишь гигантские шары.

— Но летают они довольно быстро.

— Ты считаешь, что у них большая скорость? Они ни в какое сравнение не идут с самолетами. Они медлительны и неуклюжи.

И как показало 6 мая 1937 года, еще и небезопасны.

Ровно через год после открытия регулярного пассажирского сообщения между Нью-Йорком и Франкфуртом дирижабль «Гинденбург», чье место стоянки находилось в Лейкхерсте, Нью-Джерси, взорвался и сгорел. Из девяноста семи пассажиров, находившихся на борту гигантского дирижабля, тридцать шесть человек погибли.

Лэрри Хокстеттер был в их числе.

16

Много позже, когда Шарлотт-Энн вспоминала эти события, она поняла, что Лэрри по-своему повезло. Ей были известны слова, что смерть ужаснее для тех, кто остается в живых, любивших ушедших и оставшихся один на один с миром. Когда она думала о горе Элизабет-Энн, которое выражалось в длинных и многословных письмах, то не сомневалась в истинности этого утверждения. В чернильных строчках чувствовалась тоска Элизабет-Энн, нежелание поверить в то, что она снова потеряла мужа. Да и сама Шарлотт-Энн ощущала странную опустошенность после гибели отчима. Но ее мать недолго предавалась отчаянию. Она приучила себя к новой жизни в одиночестве и целиком посвятила себя работе, находя поддержку и утешение в управлении империей Хейл.

Но судьба уберегла Лэрри не только от этой борьбы за выживание. Несмотря на всю тяжесть личной трагедии, Шарлотт-Энн поняла, что ее намного больше пугает и подавляет надвигающаяся политическая драма. Потому что Лэрри оказался прав. Кровавое пролитие, предсказанное им, действительно началось, захлестывая всю Европу. Гитлер жаждал власти, и вместе с Муссолини они начали проглатывать целые страны и народы. Ситуация в Европе достигла крайней точки.

В 1937 году Италия захватила Эфиопию.

В 1938 году Италия последовала примеру своего союзника Германии и приняла антиеврейские законы.

31 марта 1938 года после четырехлетнего правления диктаторов Дольфуса и Шушнига Гитлер двинул войска из Баварии в Австрию, и последовавший аншлюс превратил самостоятельное государство в неотделимую часть Германии.

В январе 1939 года дуче объявил об аннексии Албании, что явилось сознательной имитацией «побед» Древнего Рима.

В 1939 году Гитлер подписал Пакт о ненападении с Советским Союзом.

Этот договор был очень скоро нарушен.

Тем временем Шарлотт-Энн перестала посещать светские увеселения, если Луиджи не было в городе. Она не могла больше выносить самодовольные речи или взволнованные дискуссии о новой, возрождающейся Римской империи. Казалось, никто не принимает в расчет то, что большинство из покоренных народов едва еще достигли только начала эпохи механизации. Слишком часто победа оказывалась не чем иным, как резней невинного народа, еще живущего в каменном веке, при помощи танков и автоматического стрелкового

оружия.

И наконец, между 1 и 27 сентября 1939 года пороховая бочка взорвалась. Нацистская Германия и Советский Союз одновременно напали на Польшу^[23], поделив между собой страну, пытавшуюся защитить себя в войне двадцатого века оружием века девятнадцатого.

Но планы Гитлера странным образом исполнились после трагической для Европы встречи фюрера с беспомощным британским премьером Невиллом Чемберленом в Мюнхене. Чемберлен и его французский коллега, стараясь уберечь свои страны от разыгравшегося аппетита стран «Оси Берлин — Рим», дали немецкому диктатору карт-бланш в расчленении Чехословакии. Франция и Англия пообещали не вмешиваться^[24].

Нервничая, Шарлотт-Энн прогуливалась по внешне мирным садам Виллы делла Роза и спрашивала себя: *«Куда еще все это приведет нас?»*

И никогда не отвечала на этот вопрос. Слишком уж пугающим казался ответ. Молодая женщина изо всех сил пыталась удержать мир на расстоянии. Для нее стены, окружающие Виллу делла Роза, превращали ее в оазис, отделенный от реальности.

В конце 1940 года, когда Луиджи вернулся домой после очередной секретной командировки, в которую его отправил дуче, они занимались любовью днем. Шторы были задернуты, скрывая их от заходящего солнца. Они лежали молча, ожидая, пока восстановится нормальный ритм дыхания, и Шарлотт-Энн облекла свои страхи в слова.

— Луиджи, — прошептала она, — что происходит с миром? Что же с нами будет дальше?

— Не волнуйся, сага, — небрежно отозвался он, лаская губами ее обнаженную спину. — Все идет к лучшему.

Женщина села в постели, прижимая к груди смятую простыню.

— Но только вчера я видела, как людей избивали на улицах и запихивали в грузовики. Я спросила у кого-то, в чем дело. И мне ответили, что это евреи.

— Я думаю, тебе не стоит беспокоиться о евреях, — мрачно проговорил Луиджи.

— Но как я могу? — с силой ответила она. — Гитлер пожирает Европу, словно какой-то изголодавшийся император, и бросает дуче объедки. Что будет, если все останется по-прежнему? Гитлер и Муссолини хотят завоевать мир! Луиджи, что будет, если вмешаются Соединенные Штаты?

— Заботы Европы не касаются Америки. Соединенным Штатам хватило прошлой войны. Вот увидишь, Америка благоразумно останется в стороне.

«Знаменитые слова», — подумала Шарлотт-Энн, когда 7 декабря 1941 года японцы напали на Перл-Харбор.

Это было незадолго перед тем, как союзники Японии Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам.

Соединенные Штаты, в свою очередь, объявили войну Германии 8 декабря 1941 года.

И Италии три дня спустя.

Шарлотт-Энн ди Фонтанези, рожденная в Соединенных Штатах и американка сердцем, неожиданно оказалась врагом всего, чем она дорожила. Кроме своего мужа.

* * *

По разные стороны Атлантики Элизабет-Энн и Шарлотт-Энн встретили известие об

объявлении войны с одинаковым чувством страха и ужаса. Дипломатические отношения между Соединенными Штатами и Италией были прерваны, и обмен письмами по традиционным каналам стал невозможен. Только благодаря усилиям кардинала Корсини, выступившего в роли посредника, матери и дочери удавалось продолжать переписку. Ватикан тайком переправлял их письма по длинной цепи архиепископов. Папское государство официально оставалось нейтральным, но Папу Пия XII Гитлер считал чумой. Ходили слухи, что фюрер рассматривает вариант перемещения Папы и его окружения в Германию или, упаси Боже, в Лихтенштейн, где Ватиканом будет куда легче управлять, и церковь потеряет свое могущественное влияние.

Таким образом, обмен письмами требовал времени. Иногда на это уходило от восьми до десяти недель, а иногда и пять месяцев. Каждый раз, получая весточку из дома, Шарлотт-Энн торопливо брала конверт, прижимала к груди и потом перечитывала снова и снова. Из Нью-Йорка приходили новости хорошие, плохие и так себе.

«Без Лэрри все пришло в такой беспорядок. Как же мне его не хватает. Иногда я спрашиваю себя, как мне все-таки удастся справиться со всем без него. Лэрри был таким отличным администратором, а я только сейчас поняла это. Он так все устроил, что империя почти самоуправляется...

Я только что добавила еще три мотеля к общей сети. Конечно, сейчас война, многие служащие отправились на фронт, и новое приобретение только прибавит мне работы. Мне пришлось нанять побольше женщин, и они отлично справляются...

Заккес воюет на Тихом океане. Сын так радовался возможности наконец попасть в «воюющий флот», как он это называл. Но ведь ему только восемнадцать! Я все время беспокоюсь о нем...

Я надеюсь, что в Риме все в порядке. Новости, доходящие к нам сюда, так расплывчаты. Я уже и не знаю, что думать. Но именно теперь я поняла, когда вы с Луиджи оказались по другую сторону фронта, что испытывали люди во время Гражданской войны, когда брат шел против брата...

Я чувствую себя опустошенной. Не знаю, как я смогу пережить эту новую трагедию. Заккеса отправили домой, сейчас он в госпитале. Не знаю, что делать, мне остается только молиться. Ему пришлось ампутировать обе ноги, и временами я очень боюсь, что он потерял волю к жизни...

Меня так радует сестра, которая ухаживает за Заккесом, Дженет. Она добрая, правда, некрасивая, но отзывчивая женщина и так хорошо о нем заботится. Кажется, впервые за долгое время к Заккесу вернулся прежний пыл...

Ты не поверишь мне, дорогая! Я проплакала всю церемонию. Из Дженет получится отличная и все понимающая жена для Заккеса. Прошел всего год после его ужасного ранения, а теперь они так нежно любят друг друга. Сознание того, что она будет хорошо заботиться о моем сыне, согревает мне сердце...

Дженет беременна! Меня просто переполняет радость. Наконец-то эта проклятая война принесла хоть что-то хорошее!»

Какое-то время Шарлотт-Энн не могла понять, какая же из сторон победит. Германию поддерживали Италия и Япония, но и в число союзников другой стороны входили Соединенные Штаты, Франция, Англия и Советский Союз. Каждое сражение казалось поворотным пунктом, склоняя чашу весов то в одну, то в другую сторону.

С того момента, как в войну вступили Соединенные Штаты, Шарлотт-Энн перестала пытаться спрятать голову в песок, а стала жадно следить за происходящим. Она начала снова появляться в свете только с одной целью — выяснить самые последние новости.

Знакомым Шарлотт-Энн было известно больше, чем остальным, потому что именно им принадлежала власть в Риме. Не все оказались такими скрытными, как Луиджи, поэтому слухи свободно носились по городу. Если генералы и их жены не лгали, то — как быстро догадалась американка — сообщения в газетах и по радио не говорили всей правды, иногда будучи довольно далекими от истины. Слушая официальные итальянские сводки, можно было подумать, что союзникам наносят разгромные удары. Сначала так и было на самом деле. Но время шло, и Шарлотт-Энн узнала от избранного круга своих знакомых, что союзники начинают одерживать верх. Она и виду не показала, насколько осчастливила ее эта новость.

И когда 9 сентября 1943 ^[25] года союзники вступили на землю Италии, Шарлотт-Энн расположилась в саду Виллы делла Роза, открыла бутылку шампанского и тихонько отпраздновала это событие сама с собой.

Но она рано устроила себе праздник. Это выяснилось совсем скоро.

10 сентября Луиджи вернулся в Рим. В его распоряжении была всего одна ночь, которую он мог провести с женой, прежде чем отправиться на юг Италии в составе пехотной дивизии, чтобы попытаться остановить продвижение союзников. Впервые муж не скрывал своей тревоги. Факт, что дуче отправил своего первого аса на поле боя, говорил сам за себя. Луиджи не мог скрыть своего беспокойства — завоевание Италии было лишь делом времени.

Никогда еще в своей жизни Шарлотт-Энн не была так напугана. Всем известно, что в любой войне пехота несет самые тяжелые потери. Теперь она так опасалась за его жизнь, что в глубине души ругала себя за то, что праздновала наступление союзников. Но у нее осталось слишком мало времени для угрызений совести. При Луиджи Шарлотт-Энн должна была держаться. После его отъезда она сможет сколько угодно изводить себя и беспокоиться.

Драгоценные часы пролетели. Когда за мужем пришла служебная машина, она проводила его до парадного подъезда. Ночь была тихой, Шарлотт-Энн придерживала рукой ночную рубашку у плеча. Серп месяца плыл в небе, словно гондола. Луиджи крепко поцеловал жену и буквально вырвал у нее обещание.

— Прощу тебя, *cara*. Есть кое-что, что ты должна для меня сделать. — Его голос прервался. — У меня нет времени, иначе я сделал бы это сам. Съезди в «Хрустальный дворец» и убеди моих родителей приехать в Рим и остаться в городе, пока все это не кончится. Здесь им безопаснее. Боюсь, что на юге будут жестокие бои и прольется много крови.

Кампания могла убаюкать кого угодно обманчивой безопасностью. Внешне, куда бы ни кинула взгляд Шарлотт-Энн, простирался мирный пейзаж. За виноградниками хорошо ухаживали, гроздья наливались соком.

Как ни старалась Шарлотт-Энн, княгиня Марчелла не позволила невестке убедить себя и князя Антонио отправиться в Рим.

— Я не собираюсь уезжать отсюда, — заявила она Шарлотт-Энн. — Ни один из ди Фонтанези никогда не поджигает хвост и не бежит.

— Но здесь становится опасно, — запротестовала молодая женщина. — И, в любом случае, это не моя идея. Вас об этом просит Луиджи.

Темные глаза свекрови оставались непроницаемыми.

— Сейчас везде опасно, даже в Риме.

— Но Луиджи думает, что Кампания станет полем битвы.

— Что ж, значит, так тому и быть. Что касается меня, то я отказываюсь покинуть мой дом.

— Но неужели вас не волнует ваше благополучие? — с недоверием спросила Шарлотт-Энн. — И ваша жизнь? Неужели вы настолько упрямы и эгоистичны?

— Прекратите эту мелодраму, — раздраженно оборвала ее княгиня. — Если *вы* хотите уехать и вернуться в Рим, вас никто не удерживает.

И Шарлотт-Энн подумала: *«Я бы и уехала, если бы только могла. Но я пообещала Луиджи проследить за тем, чтобы его родители были в безопасности, и позаботиться о них. Как же я смогу это сделать, если вернусь в Рим?»*

Итак, она осталась. Дни превратились в недели, а потом молодая женщина почувствовала недомогание. Первый раз, когда не началась менструация, она не обратила на это особого внимания. Такое частенько случалось и раньше. Но каждое утро и всякий раз при одном только запахе еды ее начинало тошнить.

Шарлотт-Энн теперь боялась не только за Луиджи и его родителей.

Еще до того как отправиться к врачу, женщина знала, что снова беременна.

Приближался срок родов, и война становилась все ближе, но Шарлотт-Энн все еще оставалась в «Хрустальном дворце». Обещание есть обещание, и Луиджи, пусть и заблуждающийся в политике, оставался ее мужем. Если его родители отказываются уезжать, то у нее нет другого выбора, как только остаться вместе с ними.

Кампания превратилась в бурлящий котел. Слухи об американцах множились. Люди поговаривали, что войска союзников очень продвинулись, а другие утверждали, что их сбросили обратно в море. Кое-кто шептался о чинимых ими зверствах.

Шарлотт-Энн к этим разговорам не прислушивалась. Ей-то было известно, что американцы никакие не монстры. Но она боялась за своего еще не родившегося ребенка. После первенца, появившегося на свет мертвым, ей еще ни разу не удавалось выносить малыша. День за днем Шарлотт-Энн молилась, чтобы на этот раз все обошлось. Теперь, когда мир сошел с ума и вокруг столько смертей, ей так хотелось получить немного радости, подарить этому миру новую жизнь.

Каждый прошедший день, не кончившийся выкидышем, казался чудом. Проходили месяцы, и ее живот округлился. Ей становилось все труднее ходить. Когда прошло восемь месяцев, она тихонько заплакала от радости.

Шел девятый месяц ее беременности, союзники громили отступающие немецкие и итальянские части всего в десяти милях южнее дворца.

Шарлотт-Энн снова попыталась уговорить Марчеллу, но та упорно стояла на своем:
— Здесь мой дом. Я никуда не поеду.

Теперь, когда дул южный ветер, до обитателей дворца доносился грохот канонады. Ночное небо выглядело так, как когда-то в Америке на День независимости. Потом им пришлось заботиться об отступающих раненых немцах и итальянцах.

И наконец, союзники оказались всего в двух милях от них.

Именно тогда Шарлотт-Энн выработала план. Ей немного было известно о военной стратегии, но она твердо знала одно: холм, на котором расположился «Хрустальный дворец», и холм на противоположном конце долины, занятый постройками монастыря, — это самые высокие точки в этой местности. И немцы, и союзники обязательно попытаются взять их под контроль, потому что владеющий ими сможет легко контролировать и все окрестности.

Она переправила еще одно, последнее, письмо своей матери, сообщая, что до родов ей остается всего две недели. Потом женщина приказала вырыть укрытие посреди виноградника, наподобие тех, что использовались в Техасе во времена торнадо.

Если случится самое худшее, то она и ди Фонтанези, оказавшись в самой гуще сражения, смогут спрятаться там и переждать в относительной безопасности.

Укрытие было почти готово, когда Шарлотт-Энн смогла только поблагодарить себя за предусмотрительность.

17

Шарлотт-Энн не знала точно, сколько прошло времени с тех пор, как они покинули дворец. Казалось, прошло по меньшей мере несколько дней, как они укрылись в винограднике.

Помещение оказалось тесноватым для троих, и они с трудом могли лечь все сразу. Беглецы прихватили с собой свечи и расходовали их очень экономно. У них над головой находилась наскоро сделанная дверь из толстого дерева, больше похожая на люк, замаскированная сверху виноградными лозами. Им удалось взять с собой немного еды, но она быстро кончилась. И теперь все трое устали, хотели есть и пить. Их нервы были на пределе. Шарлотт-Энн опасалась, что в любой момент они могут взорваться, потерять контроль над собой и наброситься друг на друга.

Темную пещеру убежища наполняло зловоние, исходившее от ведра в углу, и запах пота. Казалось, что сражение у них над головами никогда не кончится. Они слышали только рев и эхо канонады, приглушенную дробь автоматов и свист шальных пуль. Слишком часто снаряды ложились очень близко. Стены убежища содрогались, и камни и земля струйками стекали по стенам.

Шарлотт-Энн была уверена, что их похоронят заживо.

— Наш дом! — снова и снова принималась причитать княгиня Марчелла. — Все наши сокровища. Все, что мы имели, будет уничтожено! Поколения...

— Тише! — зашипел князь Антонио на свою жену. — Слава Богу, мы живы.

— Это ненадолго, — прохныкала она. — Подожди, сам увидишь. Мы все умрем. Когда Луиджи вернется, ему останется только похоронить нас. Если он, конечно, сумеет найти нас

здесь внизу. Для нас было бы безопаснее остаться во дворце!

Шарлотт-Энн почувствовала первые схватки в самый разгар бомбежки. Несколько раз она порывалась признаться в этом, но всякий раз ждала, пока боль стихнет. Но потом ей уже не удалось скрывать начало родов.

— Я вот-вот рожу, — сказала она.

— Что? Сейчас? — прошипела в темноте княгиня Марчелла. — Здесь? У нас нет еды, да и воды тоже.

Шарлотт-Энн постаралась лечь поудобнее.

— В данном случае ничего не могу поделать, — извиняющимся тоном произнесла она. — Я понимаю, что сейчас не самое лучшее время. Пожалуйста, вы должны помочь мне.

— Ты жена Луиджи. Конечно же, мы тебе поможем, — отозвался князь Антонио. — Ведь так, Марчелла?

— Только бы сражение закончилось, — заныла княгиня. Из ее голоса исчезли изысканные нотки. Она была испугана и хныкала, как уличная торговка рыбой. — Как мы можем помочь? Мы едва различаем в темноте, что делаем. У нас осталась только одна свеча. И здесь так *грязно*.

Шарлотт-Энн потянулась и коснулась руки свекрови:

— Но здесь мы в безопасности, хотя бы сейчас.

Еще один снаряд разорвался совсем близко, и земля заходила ходуном. Одновременно тысячи камней градом посыпались на дверь.

Княгиня Марчелла пронзительно взвизгнула.

— Это конец, — стонала она. — Конец!

— Успокойся, — велел ей муж. — Мы должны сохранять спокойствие.

— Спокойствие! — заголосила женщина. — Как я могу оставаться спокойной?

— Мы *должны*. Нам надо помочь ребенку родиться.

У княгини начался приступ истерического хохота.

— Если бы не *она* и *ее* драгоценный ребенок, мы бы не сидели теперь в этой дыре. Я уйду! Я должна выбраться из этой западни. Вы двое можете здесь оставаться, пока не умрете, мне все равно. — В ее голосе зазвучали насмешливые нотки. — Вот ведь ирония судьбы! *Ее* соотечественники оккупируют Италию. Это все из-за них...

Пощечина, которой князь Антонио наградил свою жену, прозвучала подобно выстрелу. Она взвизгнула и успокоилась. Потом начала негромко всхлипывать.

Часов шесть спустя, когда сражение было в самом разгаре, в убежище раздались сердитые крики ребенка.

— Это девочка, — сказал князь с тихой радостью. — В доме ди Фонтанези появилась еще одна княгиня.

Княгиня Марчелла засмеялась. Ее голос звучал хрипло:

— Еще одна княгиня! Это как раз то, что нам надо. Не так ли, старый дурень? Луиджи воюет, скорее всего, его убили. Кто продолжит нашу фамилию? Нашему дому нужен *сын*, а не дочь.

Несмотря на полный упадок сил, Шарлотт-Энн слышала истерические выкрики старухи. Она боялась, как бы князь снова не ударил жену. Но вместо этого его голос задрожал от сдерживаемого гнева:

— Успокойся, Марчелла. Не могла бы ты прочитать молитву?

Глаза Шарлотт-Энн наполнились слезами. Она старалась сдерживать их, выдержать это испытание ради ребенка. Но теперь темнота, грязь, истерика княгини и ее жестокость, собственное изнеможение — все это оказалось выше ее сил. Князь взял ребенка, и Шарлотт-Энн провалилась в черноту сна.

Она не имела представления, сколько проспала, но крик ребенка разбудил ее.

— Я должна ее покормить, — пробормотала Шарлотт-Энн.

Свекор осторожно передал ей ребенка.

— Привет, дочурка, — прошептала она голосом, полным любви.

— Как мы ее назовем? — поинтересовался князь Антонио.

— Не знаю, — ответила ему невестка. — Мы подождем Луиджи. — Она была слишком измучена, чтобы много говорить. Вместо этого Шарлотт-Энн расстегнула пуговицы на груди и повернулась к ребенку. Она положила девочку рядом с левой грудью. Малышка инстинктивно нашла сосок и начала сосредоточенно сосать. Холодная рука страха сжала сердце молодой матери. Ребенок сосал, но молока не было. Шарлотт-Энн приложила дочку к другой груди, но результат оказался таким же.

Холодный ужас охватил ее. Все бесполезно, подумалось ей. У нее нет молока, чтобы покормить младенца.

Она осторожно погладила ребенка. Девочка сосала изо всех сил, потом снова начала плакать. Шарлотт-Энн испуганно прошептала:

— *У меня нет молока.*

Княгиня Марчелла раздраженно вздохнула.

— Видишь? Что я тебе говорила? Эти современные американские девушки не способны даже на это. Ведь я тебе говорила, так? Почему Луиджи не женился на какой-нибудь симпатичной итальянке...

— *Заткнись, Марчелла!* — прорычал князь. — Можешь ты заткнуться хоть на минуту!

В голосе княгини, перекрывавшем плач ребенка, слышались интонации победительницы:

— Но что девочка будет есть? А? Скажи мне! Я думаю, нам надо отправиться на кухню и там поискать молока...

— Прошу вас! — попросила Шарлотт-Энн удивительно твердым голосом. — Прекратите! Вы только пугаете ребенка.

Снаружи грохот взрывов стал еще ближе, но в погребке наступила странная тишина. Даже малышка замолчала, явно утомленная. Но спустя немного она снова начала пищать от голода.

— Тише, тише, малютка, не плачь, — пела по-английски Шарлотт-Энн, испытывая не только страх, но и стыд за то, что не смогла исполнить основной долг матери. Колыбельная немного успокоила крошку, а Шарлотт-Энн заплакала от отчаяния.

Неожиданно ребенок заснул, задремала и Шарлотт-Энн. Но сон их был недолгим. Голод скоро разбудил новорожденную. Она кричала несколько часов подряд, но им нечем было ей помочь.

Шарлотт-Энн знала, что ее ребенок умрет.

Наконец она решилась. Поцеловав нежную щечку девочки, женщина прошептала:

— Пойду раздобуду тебе еды, мисс, не имеющая имени.

— Ты не можешь выйти, — подумав что ослышался, заговорил князь. — Только не сейчас. Сражение прямо над нами. И потом ты слишком слаба.

— Но кто тогда принесет молока ребенку? — спокойно спросила Шарлотт-Энн, поднимаясь и морщась от боли.

Свекор молчал. На этот раз даже княгиня не произнесла ни слова.

— Мама скоро вернется, — пообещала молодая женщина малютке, поцеловала ее и осторожно передала на руки князю. — Присматривайте за ней хорошенько.

— Обещаю, — торжественно ответил тот.

Шарлотт-Энн осторожно встала, подняла крышку люка и высунулась наружу. Стояла ночь, но вспышки орудийных выстрелов озаряли небо, и грохот взрывов напоминал раскаты грома. Женщина перевела дух.

— Мы будем за тебя молиться, — прерывающимся голосом напутствовал ее князь Антонио.

Шарлотт-Энн посмотрела вниз на своих родственников. В свете разрывов их глаза сверкали, в них были страх и опустошенность. Потом, не колеблясь больше, она осторожно вылезла из убежища, сражаясь с каждой ступенькой лестницы. Ей в нос ударил запах пороха. Вокруг бушевал адский огонь.

Медленно, мучительно она поползла. Каждое движение отзывалось болью, но в своем воображении Шарлотт-Энн все еще слышала крики ребенка и поэтому упрямо ползла вперед.

Ей не удалось проползти и пятидесяти ярдов, как она услышала автоматную очередь. Пули попали ей в бок и руку. Она перевернулась на спину и посмотрела в освещенное зарницами небо. Ничего, кроме удивления, она не чувствовала. Шарлотт-Энн попыталась встать, но не могла сдвинуться с места. Ей показалось странным, что, вместо того чтобы чувствовать боль, она совсем не ощущала своего тела.

И прежде чем потерять сознание, Шарлотт-Энн начала молиться. Не за себя, а за своего новорожденного ребенка. Она так боялась, что девочка умрет еще до наступления следующего дня.

18

Три старухи в изорванных черных платьях медленно передвигались по полю недавнего сражения. Жирные клубы черного дыма поднимались из воронок, рассеянных вокруг. Вся сцена напоминала ночной кошмар. Яркая голубизна безоблачного неба, высокие стволы кипарисов, пламя пожаров озаряет все неверным светом, разбитое оружие, лежащие на земле люди, стонущие или безмолвные, залитые кровью тела тех, кто только что умер или скоро умрет, — все казалось нереальным и, таким образом, более приемлемым.

— Все кончено, — прошептала одна из женщин сухим, прерывающимся голосом. — Они оставили после себя только смерть.

— И умирающих, — добавила другая, вцепившись в рваную шаль изуродованными артритом пальцами. Ее острые, пронизательные глаза впились в тело, лежащее лицом вниз у ее ног. Судя по форме, это был итальянский солдат.

Ногой она слегка подтолкнула его, чтобы перевернуть на спину. Окровавленное лицо взглянуло вверх невидящими глазами.

— Узнаешь его? — прошипела третья старуха.

Женщина покачала головой и осмотрелась. Сильный запах смерти ударил ей в нос. Она быстро перекрестилась. Для старой женщины смерть не была в диковинку. Трижды она сама

чудом избегала смерти. И разве не на ее глазах другие крестьяне умирали от голода? Не ее ли глаза видели, как расстрельная команда выстроила у стены ее родственников и друзей? И не она ли получала письмо за письмом с извещениями о смерти внуков и детей? В живых теперь остались только самые старые и самые юные. Да и тех немного.

До нее донесся радостный возглас другой старухи, увидевшей блеск золота на одном из пальцев руки, залитой кровью. Она покачала головой, пожевав губы беззубыми деснами. Ничто не ново, ни жизнь, ни смерть. Просто сейчас смертей было больше. Но разве она не предсказывала это? А ведь лишь у нее хватило смелости высказать свою ненависть к фашистским свиньям.

Ее губы все еще беззвучно шевелились, пока она обходила широкую воронку от бомбы и прокладывала себе дорогу мимо растерзанных, израненных тел. И вдруг она увидела это.

— Быстрее сюда, — позвала она остальных, жестом зовя их поторопиться.

Те подбежали и посмотрели вниз.

— Это княгиня, — прошептала первая из женщин. — Перед смертью все равны!

— Нет, она не умерла, — негромко отозвалась другая. — Видишь? Еще дышит, — и быстро осенила себя крестом.

— Тоже мне княгиня, — прошипела третья. — Она американка и вышла за него замуж только из-за титула. Плевать мне на нее! — И старуха плюнула на неподвижное тело. — Для нее и смерть слишком хороша!

— Не говори так об умирающей, — остановила первая, кладя сухую, сморщенную руку ей на плечо. — Пойдем, мы должны посмотреть, не лежит ли здесь кто-нибудь из знакомых.

— Да плевать мне на тебя! — снова прошипела та.

— Погоди-ка, — резко сказала первая. — Слушай!

Все трое насторожились, прислушиваясь: до них донесся приглушенный тонкий плач.

— Это ребенок, — заметила первая старуха.

— Нет, это стонет солдат, — отозвалась вторая. — Перед смертью даже мужчины плачут, как дети.

— Или это ветер, — добавила третья.

Черные видения медленно исчезли из виду, когда Шарлотт-Энн снова пришла в себя. Не поворачивая головы, она оглянулась, ее взгляд был рассеянным. Белые облака расступились. Их место заняла огромная голубизна неба, окружившая ее. Она была под водой и смотрела вверх. Черные тени — это были люди, заглянувшие в бассейн, где Шарлотт-Энн спокойно лежала, словно рыба, боясь пошевелиться и привлечь к себе внимание. Ей показалось, что она узнает запах, ускользавший от нее раньше, а теперь он ощущался сильно как никогда. Ей однажды доводилось встречаться с ним, много лет назад, когда ее забрали в больницу с приступом аппендицита. В это же время где-то на скоростном шоссе произошла авария, и именно тогда она впервые почувствовала этот всепоглощающий металлический запах.

Запах смерти.

Смерти? Шарлотт-Энн с удивлением смотрела в синее небо. Нет, она не может умереть, смутно подумала женщина. Только не в этом круглом прекрасном водном пространстве, где ей так хорошо в приятном оцепенении.

Медленно, даже очень медленно, она повернула голову и увидела рану на руке. Нахмурилась. На какое-то мгновение ей не удалось осознать увиденное. Потом на нее навалился страх, и, словно вспышка молнии, к ней вернулась память.

Взрывы бомб, свист пуль.

Землетрясение, поднявшее почву впереди нее.

Странное безболезненное оцепенение ее тела, после того как ее дважды обожгла волна боли.

Изнутри ее била дрожь.

Быстрый взрыв, и кровь устремилась к ранам, словно в поисках выхода из ее тела.

Фонтаны крови, густой и красной, полились вниз, вытекая наружу, будто рубиновые потоки обильного теплого дождя.

Ее мозг раскручивал ленту памяти, и ею овладевал страх. Сердце бешено билось, хотя она сделала слабую попытку успокоиться. Шарлотт-Энн постаралась выровнять дыхание и дышать поглубже. Через некоторое время пульс ее замедлился, и она снова почувствовала, что теряет сознание.

Она умирала. Осознание этого пришло неожиданно. Шарлотт-Энн подумала, как же это прекрасно... Силы постепенно оставляют ее, голова начинает кружиться, словно она тонет во всепоглощающем водовороте. Все окружающее теряет очертания, и вдруг впереди вспыхивает белый свет, ярче, чем тысячи солнц. Как легко было бы отдать себя этому обманчивому манящему сиянию!

Шарлотт-Энн почувствовала, как что-то мокрое ручейком потекло по ее щеке, с трудом разомкнула губы и ощутила соль слез. Она все еще была жива.

Картины водоворотом кружились в ее воображении, волшебным образом становясь моментами ее жизни...

Совсем еще девочка, скорбно поджав губы, медленно и осторожно идет рядом с матерью, несущей прах ее отца...

Вот школьница бежит, задыхаясь, вверх по лестнице, чтобы с гордостью показать табель...

Полуребенок, полуженщина истерически смеется, слезы текут у нее по щекам, а ее лучшая подруга Джина изображает завлекающую походку светской женщины...

Рассудительная молодая женщина стоит на палубе лайнера «Иль-де-Франс», она направляется в Европу, в школу, а каменные джунгли Манхэттена на берегу медленно отступают назад...

Нью-Йорк... дом...

Шарлотт-Энн медленно закрыла глаза, веки ее дрогнули. Она так устала. Ей больше не хочется оставаться под водой. Ей не хочется оставаться здесь. Ей только хочется вернуться назад, в то далекое время. В другой мир и другое время.

Княгиня ди Фонтанези, богатейшая женщина Италии, урожденная Шарлотт-Энн Хейл, увидевшая свет в маленьком городке в штате Техас и выросшая в Нью-Йорке, хочет вернуться домой, где все было таким чистым, теплым, безопасным и приятным.

Ее мысли снова перенеслись назад в прошлое, и ее жизнь, словно сон, прошла перед ней. Водоворот воспоминаний спрессовался в несколько коротких минут.

И теряющийся среди стонов и криков сотен смертельно раненных, лежавших вокруг нее, до нее долетел еще один звук, тонкий, сердитый и совсем не испуганный.

Плач ее ребенка.

Ее дитя, она оставила девочку в подземном убежище, а сама поползла сквозь ужас сражения, чтобы принести ей еды и воды, чтобы дочка могла жить...

— *Помогите мне. Кто-нибудь, помогите мне.*

Ее крики громоподобным эхом отдавались в воронке, взлетая и падая все с меньшей силой. Боль кругами расходилась по всему телу, потом снова уменьшалась до одной болезненной точки, а затем опять глубоко вонзилась ей в правый бок.

— *Помогите мне, пожалуйста...*

Два санитары с носилками, на рукавах белые повязки с красными крестами, измазанные кровью, остановились и посмотрели на нее.

— Да это же женщина! — удивленно воскликнул один из них. Опустив свой конец носилок, он встал рядом с ней на колени и положил руку ей на лоб. Потом взглянул на своего напарника: — Она холодная как лед.

— Рана тяжелая?

Он осмотрел ее бок. И когда увидел лужу подсыхающей крови, в которой лежала женщина, только бесстрастно пожал плечами:

— Все тяжело ранены.

— Здесь так много раненых. Будем ли мы сейчас отправлять ее в госпиталь? Или она станет дожидаться своей очереди? Нам сказали...

Мужчина, склонившийся над ней, только сжал губы.

— На море женщин и детей всегда пропускают вперед. Я думаю, что на войне то же самое. Мы отправим ее сейчас к сестрам милосердия.

Санитары осторожно подняли ее и положили на носилки. Шарлотт-Энн застонала от боли, но они, казалось, не обратили на это внимания. Потом подняли носилки и пошли. Каждый их шаг отдавался болью у нее внутри, разрывая ее тело на куски. Шарлотт-Энн все стонала и стонала в агонии, но было такое впечатление, что только она слышит эти стоны.

Когда они немного прошли, мужчина, идущий впереди, остановился и обернулся через плечо.

— Она так спокойна. Жива ли она еще?

Второй санитар посмотрел на нее и кивнул:

— Да, пока жива. Но ей очень больно. Я думаю, долго она не протянет.

— Может, оно и к лучшему, — философски отозвался его напарник, снова отправляясь в путь. — В конце концов, смерть даст ей покой, и она не почувствует своего несчастья.

Шарлотт-Энн смотрела на клубящийся черный дым. «*Вы не правы, — безмолвно кричала она, — все ошибаются. Смерть — это холод, сырость и боль. Не важно, что вам говорят, это проклятье ада*».

Все, что ей говорили раньше, оказалось бесстыдной ложью.

Теперь Шарлотт-Энн это знала.

* * *

Тогда ей не исполнилось еще и четырех лет. Шарлотт-Энн сидела у отца на коленях и внимательно слушала сказку. Когда отец закрыл книгу, она заерзала и взглянула на него.

— *И это все?* — спросила девочка с разочарованием.

Отец улыбнулся и отложил книгу в сторону.

— Боюсь, что все.

— А что произошло потом, после того как сказали «и зажили они счастливо»?

— Но это значит как раз то, что написано. Они были счастливы до конца своих дней.

Шарлотт-Энн медленно кивнула.

— Но ведь когда она откусила кусочек яблока, она умерла?

— Да... — осторожно ответил отец.

— А потом, когда принц поцеловал ее, принцесса снова проснулась?

Он кивнул.

— А что бы случилось, если бы он не поцеловал ее?

— Я так думаю, что она все спала бы и спала. — Отец улыбнулся. — Но об этом не волнуйся. Принц пришел и разбудил ее. Все произошло именно так, как написано.

— Папочка?

— Да, дорогая?

— Я больше никогда не буду есть яблоки.

Он рассмеялся.

— Ну, на твоем месте я не стал бы заходить так далеко. Это ведь просто сказка. Подобные вещи никогда не происходят в жизни. Я даже не уверен, знают ли люди, как можно отравить яблоки.

— Ах, так? — Шарлотт-Энн помолчала. — Но ведь люди умирают, правда?

— Да, — мягко ответил отец. — Когда-нибудь мы все умрем. Но тебе все равно не надо об этом беспокоиться. До этого еще так далеко. Ты же только недавно родилась.

— Но когда мы умираем, к нам тоже приходит принц, целует нас и мы просыпаемся? Когда у Билли умерла мама, никакой принц не пришел, и ее увезли.

— Шарлотт-Энн, так получается, что, когда мы проживем свою жизнь, мы умираем.

— Это больно?

— Да нет, не думаю.

— А что происходит потом?

— Потом приходит принц и будит нас. Только это не совсем принц. Это Бог. Он пробуждает наши души, и если мы прожили хорошую жизнь, то мы отправляемся на небеса и живем там счастливо рядом с ним и не умираем.

— А что там делают, на небесах?

— О, я не знаю. Что-нибудь, что доставляет нам удовольствие, я так думаю.

— Например, делают куличики? — С пылом поинтересовалась Шарлотт-Энн.

— Да, делают куличики. — Отец снова засмеялся и ласково поцеловал ее.

— Но... Бог нас разбудит? Не будем мы все спать и спать? Он не забудет про нас?

— Нет. Он никогда не забывает, — тепло сказал ей отец, крепко прижимая к себе хрупкое тельце. — Бог приходит и будит нас всех. Он наш настоящий принц.

Монастырь Пресвятой Девы был выстроен высоко на изрезанном уступами холме, возвышающемся над долиной. Лишь благодаря счастливой случайности, военной стратегии и близости более высокого холма — там, где раньше возвышался «Хрустальный дворец» ди Фонтанези, превратившийся в дымящиеся руины, — святая обитель спаслась от разрушения. Сражение длилось восемь дней, и сейчас открывающаяся глазам картина напоминала

видение ада.

Древние постройки монастыря относились к двенадцатому веку, его окружала массивная каменная стена, отрезающая его от мира. Внутри огромный главный зал с крестовым сводом заполняли очень близко поставленные друг к другу койки, так же, как дортуар и другой зал. Старинные потолки и своды эхом отражали стоны раненых, молитвы сестер и множество других звуков. Запах мочи и испражнений смешивался с медным запахом крови. Уже давно перевалило за полдень, а поток раненых все не иссякал, привнося еще больше шума и хаоса под обычно молчаливые своды.

Сестра Мария-Тереза сидела на краю кровати, вытирая губкой запекшуюся кровь с груди молодого солдата. Уже многие годы она не видела мужчин и до сегодняшнего дня ни разу не видела их обнаженными. Монахиня старалась отвести взгляд, действуя на ощупь и руководствуясь скорее стоном солдата, чем взглядом. Прямо перед ней остановились санитары, принесшие еще одного раненого.

— Я просто не представляю, где мы их всех разместим, — прошептал женский голос справа от сестры Марии-Терезы. — Они все несут и несут. Их, должно быть, сотни.

Сестра Мария-Тереза обернулась и столкнулась взглядом с сестрой Маддаленой. Несмотря на шум, Мария-Тереза тоже говорила шепотом. Вот уже семнадцать лет хранила она верность данному ею обету молчания, и теперь, когда его пришлось временно нарушить, собственный голос казался ей хриплым и чужим.

— Нам уже давно не хватает еды и лекарств, — негромко произнесла она. — Большая часть воды заражена. Что мы будем делать?

— Нам следует молиться, сестры, — раздался у них за спиной твердый голос.

Обе монахини обернулись и увидели мать-настоятельницу. Она стояла подчеркнуто прямо, ее врожденную силу не могла скрыть внешняя слабость тела.

— Сигарету, — прохрипел раненый солдат, с которого стирала кровь Мария-Тереза. — Можно мне сигарету? Пожалуйста!

Сестра Мария-Тереза беспомощно оглянулась вокруг.

Не говоря ни слова, мать-настоятельница взглянула вниз на мужчину. В ее глазах читалось сострадание. Она понимала, что перед ней почти ребенок, едва ли ему исполнилось семнадцать, и он был одним из тех, кто не переживет эту ночь.

Мать-настоятельница опустила руку в карман своего забрызганного кровью когда-то белого, а теперь порыжевшего одеяния и достала пачку американских сигарет, оставленных ей одним из освободителей. Она протянула ее Марии-Терезе. Та осторожно взяла пачку.

— Зажгите одну для него, — мягко попросила аббатиса.

— Да, матушка, — ответила сестра Мария-Тереза. Поджав губы, выудила сигарету из пачки, потом взяла спички, протянутые ей настоятельницей, и замешкалась, не зная, что делать дальше.

— Ну что же вы, сестра? Возьмите сигарету в рот, поднесите спичку и вдохните в себя, когда она загорится, затем дайте ему сделать несколько затяжек.

— Хорошо, матушка. — Дрожащими пальцами сестра Мария-Тереза исполнила приказание. Когда она закуривала, ее охватил приступ кашля. Потом она поднесла сигарету к губам солдата. Тот благодарно затянулся.

Монахиня протянула пачку обратно настоятельнице.

Аббатиса покачала головой.

— Нет, оставьте себе. Когда у вас кончатся сигареты, скажите мне. У меня есть еще.

Давайте по одной всем раненым, кто об этом попросит. Если только у них не повреждены легкие. — Мать-настоятельница отдала еще одну пачку и коробок спичек сестре Маддалене.

Аббатиса постояла еще минуту, разглядывая монахинь и солдата. Она понимала, что пришел час испытаний, ее вера проверяется, как никогда раньше. Все, происходящее вокруг, также пугало ее, но женщина понимала, что не может поддаться слабости. Но она так мало могла помочь, могла предоставить так мало удобств раненым. Вся ее жизнь была посвящена Богу, и через Него — человеку. Сколько она помнила себя, ее переполняла глубокая вера. В спокойные времена, куда бы ни падал ее взгляд, везде она видела Бога. Птицы, небеса, даже земля, по которой она скромно ступала. Еще будучи юной послушницей, она твердо верила, что все в руках Божьих и что Бог всегда побеждает. Но теперь женщина постарела, ее лицо высохло и сморщилось, обвислые щеки высоко подпирал чепец, обрамлявший ее лицо, белое одеяние и покрывало пропитались кровью. И сейчас ей приходила в голову святотатственная мысль, которую она пыталась прогнать прочь, что Бог потерял власть над миром и все теперь в руках дьявола.

Два санитаря подошли к ней.

— Где мы можем положить ее? — спросил один из них.

У аббатисы захватило дух при виде бледной женщины, тяжело раненной и почти потерявшей сознание, лежавшей на носилках. Она сразу же узнала в Шарлотт-Энн княгиню ди Фонтанези, невестку князя Антонио и княгини Марчеллы, всегда столь щедро одаривавших монастырь. Женщина приподняла простыню, укрывавшую несчастную, и вздрогнула при виде изуродованной руки. Потом она заметила рану в боку. «Почки», — с отчаянием подумала монахиня. Машинально аббатиса опустила простыню.

Повернувшись к сестре Марии-Терезе, настоятельница сказала:

— Идите, проводите их через дортуар. Пусть они положат ее в моей комнате. В мою кровать. И не отходите от нее, сестра. — Аббатиса повернулась: — Сестра Маддалена, найдите кого-либо из докторов и отведите его наверх, чтобы он осмотрел княгиню. И поторопитесь.

Шарлотт-Энн приподняла голову всего на несколько миллиметров. Веки отяжелели, но она постаралась оглядеться сквозь опущенные ресницы. Все медленно кружилось вокруг нее в туманной дымке. Бестелесные фигуры в белом бесшумно двигались, словно в замедленном танце. Ее окружали сотни оттенков белого. Только слева от нее какой-то рубиново-красный силуэт. Приглушенные голоса словно шептали монотонные заклинания.

Белое и красное снова медленно погрузились в темноту, уступая место черной пустоте.

Шарлотт-Энн оказалась в мире белоснежного атласа и приглушенных звуков. Она принцесса, лежит на огромной мягкой кровати. Резной хрусталь сверкает, горя холодным огнем. Из-за белых драпировок двери всплывает ее принц, одетый в белый атлас, он разбудит ее поцелуем. Шарлотт-Энн умерла и проспала сто лет сказочным сном. Вот принц подходит все ближе и ближе, приближаясь, он становится выше ростом. Его лицо совсем близко. Уснувшая, умершая, Шарлотт-Энн почти ощущает его губы, которые разбудят ее. И она отвечает на поцелуй, ее губы погружаются в атласный воздух. Женщина ощущает его нежное дыхание, видит бледные ноздри, белый атласный камзол с буфами на рукавах. Но на нем почему-то мягкие атласные галифе, похожие на те, что носили фашисты, заправленные в высокие белые сапоги. Его кожа нежна, а сквозь приоткрытые губы видны сверкающие зубы. Шарлотт-Энн чувствует, как ее губы тянутся к нему, но, прежде чем принцу удастся

коснуться их поцелуем, он начинает исчезать так же загадочно, как и появился. И уносит с собой свою силу, способную воскресить ее. Принц удаляется, становясь все меньше, и вдруг начинает кружиться все быстрее и быстрее, пока его не затягивает водоворот белого атласного сна.

Облака и туман были желтыми и теплыми, когда Шарлотт-Энн снова пришла в себя. Ей стало легче открыть глаза, веки уже не казались такими тяжелыми, как раньше. Молодая женщина смотрела в пространство. Она смогла понять, что происходит вокруг.

Не поворачивая головы, Шарлотт-Энн огляделась. Ее глаза глубокого зеленовато-голубого цвета наполнились смешанным чувством удивления и замешательства. Ей удалось рассмотреть все плоские поверхности возле себя. Она лежала в белой коробке. Увиденное ею желтое пятно оказалось электрической лампочкой. Шарлотт-Энн находилась в коробке, где не было ничего больше, кроме гигантской лампы у нее над головой. Казалось, от нее исходит тепло.

Коробка? Она снова уставилась в пространство. «Нет, это не может быть коробкой, — мечтательно подумала она. — Это вселенная, и я плавно перемещаюсь в ней». Чуть поблескивающий потолок оказался монотонным пейзажем, перевернутым вверх дном и удаленным от нее на расстояние сотен миль. Излом реки, удерживаемый земным притяжением, проходил по долине гор. Шарлотт-Энн беззвучно вздохнула, и свет стал постепенно меркнуть в ее глазах, пока не исчез совсем.

Она медленно поднималась сквозь облака, их клочки разлетались перед ней. Подъем требовал усилий. Шарлотт-Энн не была сейчас такой сильной, какой привыкла быть. Но когда последний туман рассеялся, молодая женщина снова оказалась в комнате.

Комната была крошечной, пустой и белой. Это больше напоминало камеру, чем комнату. Каменный пол, узкую железную кровать буграми покрывал тонкий матрас, а простой деревянный стул прислонен к стене. Над изголовьем висело старое многоцветное распятие. На маленьких окошках не было занавесок. Сознание то возвращалось к ней ненадолго, то снова оставляло ее, потом опять возвращалось. Шарлотт-Энн удалось сфокусировать взгляд, и она заметила фигуру в белом, сидящую на стуле.

Казалось, эта фигура поняла, что Шарлотт-Энн проснулась. Она встала и подошла к ней. Шарлотт-Энн удивленно уставилась на нее. Фигура, казалось, плыла по воздуху, огромная и белая. Перед ней предстал прекрасный ангел.

И тут ее сознание прояснилось. Это оказался совсем не ангел. Рядом с ее кроватью стояла одетая во все белое монахиня. Только розовый цвет лица и рук да черные четки, свисающие у пояса, нарушали белизну покрывала, чепца, передника и платья. Да еще пятна засохшей крови.

— Вы в безопасности, княгиня, — негромко сказала монахиня, и Шарлотт-Энн ее голос показался далеким, глухим и немного искаженным. — Теперь вам больше ничто не угрожает. Доктор осмотрел вас. Мы делаем все, что можем.

Что-то показалось Шарлотт-Энн очень забавным, и ей захотелось засмеяться, но она не смогла издать ни звука. Ее глаза удивленно смотрели на монахиню. Зачем это ей понадобился доктор? Она и не припомнит, когда еще так хорошо себя чувствовала. Шарлотт-Энн летит на мягком, пушистом облаке. Кругом все такое мягкое, ничто не причиняет боли. Она совершенно ничего не чувствует.

— Нам не хватает лекарств, но американцы привезли еще, — объяснила монахиня. — Мы дали вам морфий.

Шарлотт-Энн как будто не слышала ее. Она помнила, что должна сказать что-то очень важное, но ее мозг затуманивало мягкое, пушистое облако. Ей было так хорошо. Всякий раз, как женщина начинала что-то вспоминать, мысль играючи уносилась прочь, и Шарлотт-Энн не удавалось сосредоточиться.

— У вас все будет хорошо, княгиня, — ободряюще улыбнулась ей монахиня и пожала ее пальцы. — Мы молились о вас, княгиня. Все наши молитвы с вами.

Шарлотт-Энн попыталась заговорить. Слова рождались у нее во рту, но с губ не слетело ни звука.

— Не молитесь обо мне, — попыталась она сказать. И тут воспоминание, все время ускользавшее от нее, неожиданно всплыло и стало очевидным. Слеза выкатилась у нее из уголка глаза. — Я... не... нуждаюсь... в ваших... молитвах... сестра. Но... я знаю... кое-кого... кто... нуждается.

21

Шарлотт-Энн неожиданно вынырнула из омута забытья.

Несмотря на постоянную боль, раскаты грома и шум льющегося дождя, она то проваливалась в сон, то просыпалась. Женщина не представляла, сколько времени она проспала. «Достаточно долго», — сообразила Шарлотт-Энн. За это время ясное небо, которое она помнила, затянула тучами сильная буря. Чуть повернув голову набок, Шарлотт-Энн смотрела на мир сквозь полуопущенные ресницы. Монахиня склонилась над ней, ее свежее розовое лицо, обрамленное белым чепцом, светило в теплом желтом свете. Шарлотт-Энн слабо улыбнулась ей.

Как только сестра поняла, что княгиня проснулась, она постаралась стереть с лица озабоченное выражение и попыталась ободряюще улыбнуться. Шарлотт-Энн перевела взгляд дальше. Доктор, осматривавший ее раньше — это она смутно помнила, — стоял к ней спиной. Священник, прижавшись лицом к оконному стеклу, пытался хоть что-то увидеть в темноте, пронизанной ливнем.

Шарлотт-Энн с усилием подняла голову. В ее лице не было ни кровинки.

— Она умирает, — услышала женщина голос доктора.

Священник отвернулся от окна, его сутана водovorотом заструилась вокруг ног. Он печально покачал головой.

— Мой... ребенок, — попыталась сказать Шарлотт-Энн. Она смотрела на монахиню. — Мой... ребенок. Его... нашли?

Сестра ласково ей улыбнулась. Она склонилась над ней и отвела в сторону упавшую на лицо влажную прядь волос.

— Постарайтесь не разговаривать, — прошептала Мария-Тереза.

Шарлотт-Энн посмотрела на нее и негромко застонала, уверенная, что ее девочка умерла.

— Она умирает, — повторил доктор. — Я больше ничего не могу сделать. Все теперь в руках Господа.

Священник снова отвернулся к окну, молитвенно сложив руки.

Она умирает.

Отдаленный отзвук произнесенных слов ясно донесся до слуха Шарлотт-Энн. Она закрыла глаза, стараясь заглушить этот голос, настойчиво, словно пластинка, снова и снова

повторявший эти два слова.

Она умирает.

Она умирает.

Сестра Мария-Тереза тихонько молилась, только изредка с ее губ срывался отрывистый шепот.

Она все еще сидела рядом с кроватью Шарлотт-Энн в келье настоятельницы. Прошло уже два с половиной дня с того момента, как княгиню принесли в монастырь, и с тех пор ее состояние не изменилось. Казалось чудом, что она все еще жива.

Мария-Тереза связывала это с действием молитв, возносимых ею Господу. Она молилась за княгиню, за всех раненых и умирающих, за всю несчастную, разоренную Италию. Монахиня не могла уснуть, пока продолжались бомбардировки, а теперь ей все время приходилось ухаживать за ранеными, но, как ни странно, ей совсем не хотелось спать. Ее тело отяжелело, но разум оставался ясным. И это тоже было чудом. Словно Господь наделил их всех невиданной силой, чтобы перенести эту трагедию. Даже во время молитвы ее веки не опускались, и она не сводила глаз с распростертой на кровати раненой княгини.

Мать-настоятельница неслышно вошла в келью и положила руку на плечо сестры Марии-Терезы.

— Как она, сестра? — негромко спросила аббатиса.

Монахиня подняла голову и увидела, что обычно невозмутимое лицо настоятельницы стало печальным и измученным.

— Все так же, матушка, — прошептала Мария-Тереза.

— Мне кажется, это даже больше того, на что мы могли надеяться. Она в руках всемогущего Господа. На все Его воля. — Настоятельница кивнула и постаралась улыбнуться. — Не хотите ли отдохнуть немного, сестра? Кто-нибудь заменит вас. Впереди долгая ночь и еще более долгий день.

— Нет, благодарю вас, матушка. Со мной все в порядке. Может быть, немного позже, когда я буду в этом нуждаться.

— Благослови вас Бог, сестра. Я горжусь вами. Вы отлично держитесь.

Сестра Мария-Тереза промолчала.

Аббатиса склонила голову к плечу.

— А это что там за шум?

Обе женщины прислушались. До них донеслось многоголосое пение. Сестра Мария-Тереза поднялась со стула.

— По-моему, это снаружи, — заметила она.

Монахини подошли к окну и выглянули в темноту ночи. Посреди деревни горел костер, огонь осветил их лица розоватым отблеском.

— Повсюду факелы, — заметила сестра Мария-Тереза. — И эти песни... Похоже, там что-то празднуют. — Она посмотрела на настоятельницу.

— Может быть, и праздник или еще одна трагедия, — сурово промолвила та. — Как бы то ни было, эти песни не кажутся веселыми. Мне страшно подумать о том, что там может сейчас происходить.

Из выложенного камнем коридора донеслись возбужденные голоса и привлекли внимание Шарлотт-Энн. Приглушенный гул поднимался из долины внизу, проникая в

крошечную комнату и в ее сознание. Она была слишком слаба, чтобы двигаться или говорить, но в полудреме ее слух стал очень острым. Любой звук, любой шум, даже слабый отдаленный шорох громко отдавались у нее в ушах.

— Так сказала мать-настоятельница, — послышался неуверенный слабый женский голос. — Раненых все несут и несут, а внизу совсем не осталось места. Мы должны разместить их в наших спальнях.

— Здесь, сестра? — Этот голос звучал громче и грубее.

Шарлотт-Энн сразу сообразила, что он принадлежит санитару.

— Нет-нет, не сюда. Это келья настоятельницы. Княгиня должна быть одна.

— Даже после поражения фашистские княгини живут, как королевы, — недовольно проворчал один из мужчин.

Монахиня проигнорировала его замечание.

— Кладите его в эту комнату. Теснее ставьте кровати.

Грохот подбитых гвоздями ботинок заполнил коридор.

— Что происходит? — поинтересовался мужской голос.

Шарлотт-Энн он показался знакомым. Она не знала, где слышала его раньше, но казалось, это было уже после того, как туман бреда надвинулся на нее.

— Вся деревня походила с ума! — задыхаясь, прокричал кто-то. — Если это не остановить, то начнется безобразный бунт!

— Но почему? Я думал, что туда вошли союзники. Предполагается, что они должны поддерживать порядок.

Откуда-то издалека донеслись автоматные очереди.

— Видишь? Послушай! Даже американцы не могут этого остановить! Народ рассвирепел!

— Я не понимаю. Мне казалось, что все позади. Сражение продвинулось к Монте-Кассино.

— И я так думал. — Мужчина невесело рассмеялся. — Но то, что ты слышишь, это не звуки боя. Это толпа. Судя по всему, в деревню вернулся князь Луиджи ди Фонтанези, правая рука Муссолини. Они его отловили, когда он пробирался домой пешком, переодетый в крестьянское платье. Местные убили его и повесили вниз головой посреди площади. И... я боюсь, что это не для ваших ушей, сестра.

Торопливые шаги монахини, шум ее платья скоро замерли вдали.

— Ну, что дальше? — возбужденно поторопил санитар своего собеседника.

— Они отрезали ему член и яйца, вот что, — прошептал тот, — и засунули их ему в рот!

Сестра Мария-Тереза, спокойно сидевшая в своем кресле, слышала этот ужасный разговор. Ее рука медленно поднялась, и она перекрестилась.

— О Господи! — прошептала монахиня в ужасе от того, что подобные вещи обсуждаются в святом месте. Потом она быстро повернулась, чтобы взглянуть на Шарлотт-Энн, молясь, чтобы княгиня все еще спала.

Женщина, не мигая, смотрела в потолок своими очень светлыми глазами. Только много позже, когда княгиня так и не пошевелилась, сестра Мария-Тереза поняла, что она мертва. Произнеся молитву Деве Марии, монахиня закрыла глаза Шарлотт-Энн и накрыла ее простыней.

— Благодарю тебя, Господи, — произнесла она, опускаясь в углу на колени на каменный пол и склоняя голову. — Благодарю тебя за то, что ты избавил княгиню от таких

ужасных новостей. Это к лучшему, что она умерла и не услышала этой кошмарной истории.

Но сестра Мария-Тереза ошибалась. Только любовь к мужу заставляла Шарлотт-Энн все еще цепляться за жизнь. Как только она услышала страшные слова, женщина перестала бороться.

Узнав о судьбе своего любимого, Шарлотт-Энн позволила себе погрузиться в зовущее ее мирное ничто, называемое смертью.

Тени внизу у холма, увенчанного монастырскими постройками, стали длинными и лиловыми. Разбросанные повсюду следы невиданного разрушения казались неуместными на фоне привычного великолепия розовых лучей заката.

Никогда, даже в самых страшных ночных кошмарах, они не могли представить себе такого погрома.

На грязном лице княгини Марчеллы слезы прочертили белые полосы. Они провели больше недели в подземном убежище, а потом бродили среди руин, и ее одежда стала рваной и грязной. Теперь женщина больше походила на изможденную крестьянку, чем на гордую, ухоженную повелительницу рода ди Фонтанези.

Князь Антонио, спотыкаясь, брел за женой. Он снял свой пиджак и завернул в него новорожденную девочку, пытаясь согреть малютку. Старик осторожно нес ребенка, но его переполнял страх — малышка все время молчала и не шевелилась. Она больше не кричала часами и лежала тихо, заставляя деда бояться, что младенец уже мертв.

Откуда-то неподалеку раздался отдаленный гул артиллерийского обстрела. Армия союзников двинулась дальше, пытаясь занять следующий холм у Монте-Кассино. Снова смерть и новые разрушения. Князь мрачно покачал головой. Неужели кошмар никогда не кончится?

Княгиня рухнула на груды камней, когда-то бывших частью западного крыла «Хрустального дворца», и громко зарыдала, закрыв лицо руками. От гордого палаццо остались лишь обломки стен, устремленные к небесам, и горы битого хрусталя, отражавшие заходящее солнце, казались горами бриллиантов, равными по цене королевскому выкупу.

— Все, — сдавленно прошептала Марчелла сквозь слезы, — все *пропало*.

— Успокойся, *сара миа*, — мягко проговорил князь. — Нам пора двигаться дальше.

Жена повернулась к нему.

— Почему? *Почему так случилось?*

— Потому что мир сошел с ума, — ответил князь Антонио со странным спокойным достоинством. — Потому что многие, включая нашего сына, стали смотреть на дуче, как на божество. Ведь он пообещал вернуть Италии славу Римской империи. Слишком немногие понимали, что дуче всего лишь сумасшедший, жаждущий власти шут. — У него тоже потекли слезы, но в отличие от жены плакал он беззвучно. — Нам следовало извлечь урок из того пути, который привел Цезарей к бесславному закату. Невозможно воскресить призраки. Это был план сумасшедшего. — Антонио ди Фонтанези помолчал и вытер глаза. — Пойдем, а то, пока я тут болтаю вздор, становится уже темно. Нам надо найти пищу для ребенка и крышу для ночлега.

— Мне не нужна девчонка, — мрачно заявила Марчелла. — Эта американская шлюха навлекла несчастье на нашу семью. Ее отпрыск — исчадие дьявола.

— Замолчи! Не говори ерунды.

Ее глаза сверкнули.

— По-твоему, я говорю ерунду? А не кажется тебе странным, что она заранее приказала вырыть эту нору в винограднике, словно предвидела весь этот кошмар?

Князь не ответил.

— Это все она, Антонио. Говорю тебе, она приложила к этому руку. — Марчелла запрочитала громче. — Наша невестка оказалась шпионкой. А как иначе ей бы удалось подготовиться к ужасным событиям?

Князь взял жену за руку, рывком поставил ее на ноги, и они начали спускаться с холма, спотыкаясь, осторожно обходя вероломные зияющие воронки от снарядов, которыми была изрыта земля. Они изуродовали весь окружающий ландшафт.

Закат сменился сумерками, быстро опустилась ночь. Было очень темно, небо затянули облака, и лишь изредка сквозь них пробивался призрачный свет луны. Казалось, прошла вечность, прежде чем они спустились с холма.

— Послушай, — резко сказал Антонио, — мне кажется, я что-то слышу.

— Что ты можешь услышать, кроме грохота снарядов?

— Нет, я слышу, кто-то приближается. — Он снова прислушался, в его голосе послышалось возбуждение. — Я думаю, это лошадь.

— И дальше что? — прошипела жена. — Что нам проку от лошади?

— Может быть, никакого, — князь пожал плечами, — а может быть, и очень большой. Но что бы там ни было, Марчелла, сейчас не время изображать из себя великосветскую даму. Не говори никому, кто ты такая. Мы обычные люди, потерявшие все и не знающие, куда идти.

— Почему это я должна так себя вести? — выпалила она. — Я княгиня Марчелла ди Фонтанези!

— Потому, — терпеливо объяснил ей муж, — что Луиджи слишком хорошо известен в стране, и его слишком ненавидят за его работу для дуче. Поверь мне, так для нас будет безопаснее. Кроме того, одному Богу известно, какая судьба ожидает нас. Найдутся и такие, кто с радостью разорвет нас на куски.

Князь заметил, что последние слова заставили жену призадуматься.

Вдруг сверток в его руках чуть шевельнулся, и он снова возблагодарил Бога за то, что дитя еще не умерло.

Как только повозка приблизилась к ним, Антонио ди Фонтанези поспешил к ней навстречу. В сумрачном свете пробивающейся сквозь облака луны он увидел, что грубая, скрипящая повозка битком набита людьми. От лошади исходил сильный жар, и князь сразу понял, что она вот-вот упадет.

— Пожалуйста, помогите нам, — взмолился он, как только колымага остановилась. — Моя жена больна, и с нами новорожденный ребенок. Сжальтесь над нами, прошу вас. Мы должны раздобыть хоть какую-то еду, иначе малышка наверняка умрет.

Мужчина, сидевший на месте кучера, посмотрел вниз.

— Мы не можем вас взять. Придется вам идти пешком. Лошадь и так уже полудохлая.

— Погоди-ка, — раздался властный голос из глубины повозки. Люди зашевелились, и какой-то человек, спрыгнув на дорогу, быстро пошел к ним. — Пусть женщина сядет на мое место. Я могу идти. — Когда мужчина подошел ближе, князь Антонио разглядел сутану и белый воротничок священника.

— Благодарю вас, отец мой, благодарю, — пробормотал он.

Антонио подвел Марчеллу к задней части повозки и свободной рукой помог ей забраться в нее. Люди потеснились, давая ей место. Множество оценивающих глаз сверкали в темноте. Антонио поднял ребенка, протягивая его жене, но та с отвращением отпрянула и отказалась взять девочку.

— Тебе она нужна, ты с ней и возись, — бросила она.

Муж кивнул с несчастным видом. Он слишком устал и слишком хотел есть, чтобы спорить с ней.

Колымага снова двинулась в путь, Антонио и священник пошли рядом с повозкой.

— Куда вы направляетесь? — окликнул князь кучера.

— В монастырь, — раздалось в ответ. — Мы слышали, что сестры превратили его в госпиталь. Многие из нас голодны, больны или ранены. Говорят, что там есть еда и лекарства. И отец Одони говорит, что у них, наверное, не хватает рабочих рук. Он хочет предложить свою помощь.

Антонио ничего не сказал и опустил голову. Несмотря на всеобщую трагедию и разруху, с которой все столкнулись, неожиданно появились первые признаки человечности и любви — люди старались справиться с собственной болью и помочь другим. Иногда казалось, что несчастье выявило в них самое хорошее и самое плохое.

Лишь по прихоти судьбы пересеклись дороги ди Фонтанези и семьи Вигано. В мирное время, когда общество строго поделено на социальные слои, они могли встретиться только на дороге — одни шли бы пешком, а другие промчались мимо в роскошном и дорогом автомобиле с шофером. У них не было ничего общего, если не считать того, что в прошлые долгие годы Паоло Вигано среди сотен других трудился на плодородных виноградниках ди Фонтанези.

До того как началась стрельба, Паоло Вигано всегда считал себя счастливым человеком. Едва ли его, простого сборщика винограда, можно было назвать богатым, но он всегда *чувствовал* себя состоятельным. Честно говоря, иногда приходилось растягивать скудные запасы еды, но он не болел ни разу в жизни и никогда по-настоящему не голодал. Его простые размышления связывали голод с ленью, и Паоло старался побольше работать. Все говорили, что никто не разбирается так в винограде, как Паоло Вигано. И когда он слышал похвалу, то надувался от гордости. Ему даже удалось остаться в стороне от бойни и не расставаться с семьей из-за своей изуродованной ноги. Она не мешала ему работать, но для службы в армии мужчина оказался непригоден.

Его жена Адриана, крупная, обожженная солнцем женщина с добрыми глазами и спокойной приятной улыбкой, блондинка с голубыми глазами, в молодости радовала глаз редким для Италии типом красоты. Но ей никто, кроме Паоло, никогда не был нужен. Они любили друг друга взаимной, лишь растущей с каждым прожитым вместе годом любовью. Адриана помогала мужу во время сбора урожая, чтобы увеличить их доход. В остальное время она следила за домом, ухаживала за огородом, заботилась о козах и курах.

Их шестилетний сын Дарио рос приятным умным мальчиком. Он хорошо соображал и отлично себя вел, поэтому Паоло им гордился. Как-то Дарио удивил своих родителей, заявив, что станет священником, когда вырастет. И Паоло и Адриану обрадовало такое решение, хотя они и сожалели о том, что у них не будет внуков. Позже, через шесть лет после рождения первенца, Адриана снова забеременела. Паоло, узнав радостную весть,

ощутил наконец всю полноту жизни. Он почувствовал себя еще богаче.

Теперь, стоя у дороги, крестьянин больше не считал себя ни богатым, ни счастливым. Его жена — он почти нес ее многие мили — отдыхала у него за спиной, прислонившись к дереву. Дарио присматривал за ней. Паоло чувствовал такое же опустошение, какое царило вокруг него на расстрелянной, истерзанной войной земле. Двумя ночами раньше, в самый разгар обстрела, его жене подошло время рожать. Казалось, еще секунду назад она стояла у печи, выпекая хлеб, и вдруг ноги перестали держать ее. Невозможно было найти ни доктора, ни повитуху, и Адриана чувствовала себя плохо, горя в огне лихорадки. Рожденный ею ребенок умер через час. А женщина так бредила, что до ее сознания даже не дошла происшедшая трагедия. Паоло, уверенный в том, что жена тоже вот-вот умрет, ощутил себя испуганным и беспомощным. Он не мог себе представить жизни без своей любимой Адрианы.

Когда Паоло услышал цокот лошадиных копыт и шум приближающейся повозки, он затаил дыхание. Неужели удача все-таки не совсем отвернулась от него? С нарастающим беспокойством крестьянин ждал, пока колымага появится из-за поворота, потом сразу же кинулся к ней.

— Прошу вас, — отчаянно взмолился он, — моя жена очень больна. Я боюсь, что она того гляди умрет. Не сжалитесь ли вы над ней и не возьмете ли ее в повозку?

— А идти она не может? — резко поинтересовался возница.

— Нет, она слишком слаба. Я почти нес ее многие километры. Она так больна, что почти не может двигаться.

— Тогда тебе просто повезло, — сказал ему мужчина, указывая на холм и на темнеющий в слабом лунном свете монастырь. — Мы едем к сестрам. Мы слышали, что они превратили монастырь в госпиталь.

Паоло почувствовал прилив надежды.

— Значит, вы возьмете мою жену? — взмолился он.

Возница колебался.

— Только если кто-нибудь из сидящих в повозке согласится пойти пешком.

На какое-то мгновение Антонио ди Фонтанези овладело искушение приказать Марчелле выйти из повозки, но другая женщина вызвалась идти пешком. Князь подумал, что ему здорово повезло, что его жена не пойдет рядом с ним.

Как только освободилось место для Адрианы Вигано, отец Одони помог Паоло поднять крупную женщину наверх.

Когда его возлюбленная Адриана оказалась в повозке и вся процессия направилась вверх по холму к монастырю, Паоло еще раз подумал о том, насколько ему повезло. Может быть, только лишь может быть, все еще обернется к лучшему. Его больную жену везут в монастырь. Сын пережил войну. А под полой его куртки — две буханки хлеба, испеченного Адрианой перед тем, как начались роды. Они одеты, в монастыре им помогут, да еще у него хватило предусмотрительности прихватить с собой немного еды. Чего еще остается желать человеку?

Антонио, отец Одони, Паоло, малыш Дарио и женщина, добровольно спустившаяся с повозки, шли рядом с медленно двигающейся колымагой. Все ослабли, и равномерный подъем в гору отнимал силы. Молчание нарушил Паоло Вигано. Он заметил, что Антонио все время прислушивается к тому, что происходит в свертке, который он нес в руках.

Крестьянин похлопал князя по плечу.

— Что это вы там несете такое закутанное?

Не останавливаясь ни на минуту, Антонио приподнял полу пиджака. В лунном свете малышка казалась бледной и безжизненной.

— Это дочь моего сына, — грустно пояснил Антонио. — Что-то случилось с ее матерью. Может быть, она ранена, а может, и убита. Возможно, мы никогда этого не узнаем. У матери не оказалось молока. Она вышла из укрытия во время обстрела, чтобы найти еду ребенку, но так и не вернулась. А теперь я боюсь, что малютка умрет с голоду.

Паоло горестно покачал головой.

— Моя жена тоже только что родила, — сочувственно проговорил он. — Тоже была девочка, но она умерла. — Паоло задохнулся. — Сейчас я боюсь, что жена тоже умрет. Хорошо еще, что Адриана в бреду и не понимает, что дочурка, которую она носила, умерла.

— Не представляю, что мне делать, — прошептал Антонио. — Если у сестер нет молока...

Вдруг Паоло наклонился к свертку в руках у князя.

— Дайте-ка мне ребенка, — возбужденно заговорил он. — Я уверен, что у моей жены, несмотря на болезнь, груди полны молока.

Антонио сначала удивленно уставился на него, потом быстро протянул малышку крестьянину.

— Остановись-ка на минутку, — окликнул Паоло возницу, потом торопливо подошел к повозке, вскарабкался по откидному борту и нагнулся к жене.

Адриана лежала на спине, ее лицо покрывал обильный пот. Он коснулся ее лба — холодный как лед. Паоло расстегнул ей блузку и высвободил тяжелую, налитую грудь. Антонио последовал за ним и теперь наблюдал, как инстинкт возвращает ребенка к жизни. Девочка жадно схватила сосок и начала сосать молоко из полной груди Адрианы Вигано.

— Ты только посмотри, — пробормотал Паоло со слезами на глазах. Ему было грустно, и в то же время радость переполняла его. Он плакал по своему умершему ребенку, но потом вытер слезы и гордо улыбнулся — его больная жена, даже не подозревая об этом, спасла жизнь другой девочке.

«Пути Господни и вправду неисповедимы», — подумал Паоло. Все-таки Всевышний не совсем отвернулся от них. Посреди трагедии Господь продолжал творить чудеса.

Стоя в другом конце обширного помещения, Антонио смотрел, как Паоло низко склонился над кроватью и поцеловал жену. Койка стояла в импровизированной больничной палате, которая в обычное время была монастырской часовней. Скамьи вынесли и повсюду рядами поставили кровати. Молодая монахиня укачивала девочку, чуть похлопывая ее по спинке. Потом она протянула ребенка Паоло. Тот повернулся и посмотрел на Антонио, потом, сопровождаемый Дарио, обошел кровати и направился к Антонио и Марчелле, ожидающим у дальней стены рядом с алтарем.

— Адриана выкарабкается, — заговорил он, поравнявшись с Антонио. — Для полного выздоровления потребуется время, но сестры и доктор уверены, что все будет хорошо. Они говорят, что мы вовремя привезли ее.

Антонио улыбнулся и хлопнул крестьянина по плечу.

— Я очень рад это слышать.

— Мне так полегчало, — признался Паоло со слезами на глазах. Потом почти с неохотой протянул Антонио ребенка. — Ну и *проголодалась* же она. Малышка еще раз

поела. — Он недоверчиво покачал головой. — Не помню, чтобы мне приходилось видеть такую голодную малютку. Она, может быть, немного маловата даже для новорожденной, но очень красива. — Его лицо погрузнело, а голос упал до шепота: — Знаете, на минуту моя жена осознала, что рядом с ней ребенок. словно прикосновение губ девочки придало ей новые силы. Адриана вдруг совершенно сознательно посмотрела на меня, улыбнулась и сказала: «Моя красивая, красивая дочка». — Паоло закусил губу, и в уголках его глаз заблестели слезы. Он печально покачал головой. — Я не смог сказать ей правду. Не сейчас, когда она еще так больна.

Антонио кивнул:

— Я понимаю.

Паоло вытер глаза кулаком, обнял сына за плечи и прижал его к себе.

— Простите меня, — заговорил он, ни к кому собственно не обращаясь. — Обычно я никогда не плачу.

Антонио сухо улыбнулся:

— У меня тоже нет такой привычки, но сейчас я пролил немало слез.

Крестьянин взглянул на него:

— Вы уже узнали, есть ли в монастыре молоко?

— Нет, — ответил князь, качая головой. — Но нам велели подождать и обещали поговорить об этом с настоятельницей. Посмотрим, что она сможет сделать.

— Если вам понадобится, — вежливо сказал Паоло, — то у моей жены полно молока. Его все равно придется сцеживать, так или иначе.

— Благодарю вас, друг мой, — прозвучал полный признательности ответ.

— Да, кстати. Меня зовут Паоло. Паоло Вигано.

— Я очень благодарен вам за все, что вы сделали для нас, синьор. Меня зовут Антонио, а это моя жена Марчелла.

— Синьора, синьор. — Крестьянин вежливо поклонился, но Марчелла едва снизошла до ледяной улыбки и отвернулась.

— А вот и мать-настоятельница, — заметил Антонио. Он смотрел, как аббатиса входит в двери часовни, белоснежное одеяние запятнано кровью, и медленно движется вперед, останавливаясь каждые несколько шагов, чтобы произнести слова утешения раненым.

Когда настоятельница подошла ближе, она случайно встретилась взглядом с Антонио поверх ряда коек. На мгновение ее глаза скользнули дальше — женщина явно не узнала князя и княгиню в их грязной одежде, да и внешне они очень изменились. Но что-то сработало у нее в мозгу, прозвучал какой-то сигнал, и она снова перевела на них взгляд и заторопилась им навстречу, все так же останавливаясь около пациентов, но делая это значительно быстрее.

Подойдя к старикам, настоятельница натянуто улыбнулась.

— Князь ди Фонтанези, княгиня ди Фонтанези, — и склонила голову.

Паоло разинул рот от изумления.

— Так вы... князь? И княгиня? — Он уставился на них, потом опустил глаза и быстро склонил голову. — *Scusi, scusi*, — пробормотал крестьянин.

— Да за что же? — удивился Антонио.

— За фамильярность.

Антонио дотронулся до его подбородка и поднял вверх, чтобы видеть глаза Паоло.

— Я ни о чем не жалею. Я благодарен за вашу помощь.

Настоятельница кашлянула, прочищая горло, и сложила ладони вместе.

— Боюсь, что я превратилась в того, кто приносит дурные вести. Я вынуждена сообщить вам неприятную новость.

— Значит, Шарлотт-Энн умерла? — спросил Антонио.

Настоятельница кивнула.

— Мне очень жаль, примите мои глубокие соболезнования. Санитары нашли ее и принесли сюда, но было уже слишком поздно. У нее оказалось слишком много внутренних повреждений. Мы не могли сделать для нее ничего особенного, только устроили ее поудобнее. Она была и остается в руках Божьих. — Мать-настоятельница осторожно коснулась руки Антонио, утешая, и только тут заметила ребенка. В ее глазах появилось удивление, и впервые за весь день она позволила себе улыбнуться. Женщина наклонилась, чтобы рассмотреть малышку. — Новорожденная! — Она взглянула на Антонио.

— Да, и теперь она осталась без матери, — с горечью ответил князь. — И молока здесь не найти.

Аббатиса прикусила губу:

— Боюсь, что у нас его нет.

— И нам самим нечего есть, — проворчала Марчелла и с надеждой посмотрела на настоятельницу. — Мы не ели уже несколько дней.

— Мне очень жаль, княгиня, — последовал сухой ответ, — если бы у нас было чем поделиться, я дала бы вам все, что смогла. Но еды не хватает даже больным и раненым. Мы ждем, когда американцы привезут продукты.

Марчелла недовольно пробормотала что-то и отвернулась.

— У меня есть немного еды, княгиня, — предложил Паоло, с гордостью распахивая куртку. — Две ковриги хлеба. Посмотрите... — Он протянул одну из золотистых буханок настоятельнице. — Это все, чем я могу помочь, матушка.

— Благослови вас Бог, — отозвалась та.

Крестьянин отломил горбушку от второго хлеба и протянул ее Марчелле, которая тут же жадно вцепилась в нее. Она откусила огромный кусок и стала жевать его с таким видом, словно кто-то мог отнять у нее пищу в любой момент.

— Спасибо, — спокойно поблагодарил его Антонио. — Я всегда буду благодарен вам за то, что ваша жена накормила малютку, а теперь вы кормите нас. — Он опустил глаза.

Что же случилось? Почему его жена так быстро превратилась в животное? Или природа только ждала подходящего случая, чтобы показать ее истинную сущность? Ни разу за всю его жизнь ему не было ни за кого так стыдно, как сейчас за свою жену. За несколько дней Марчелла приобрела все худшие черты, которые она когда-то приписывала крестьянам. А крестьяне сейчас вели себя с достоинством.

— Но что мы будем делать с ребенком? — озабоченно пробормотал Антонио. — Молока нет, а его мать умерла.

— И отец тоже, — негромко сказала мать-настоятельница. — Вы, наверное, не слышали?

Антонио не отрываясь смотрел на нее, неожиданно его лицо потеряло все краски.

— Как он умер? Это случилось здесь?

Женщина отрицательно покачала головой. Судя по тому, что она слышала о смерти Луиджи ди Фонтанези, подобная информация наверняка могла подождать. Они и так все достаточно скоро выяснят.

Все молчали, силы, казалось, оставили Антонио ди Фонтанези. Словно догадавшись об ужасной судьбе своего сына, князь словно усох и постарел прямо у них на глазах.

Марчелла покончила со своим куском хлеба, и в ее глазах мелькнул расчетливый огонек. В своем полубезумии она не поняла, что Луиджи умер. Женщина уставилась на оставшийся хлеб в руках у Паоло.

— А почему бы вам не взять ребенка? — предложила княгиня хриплым шепотом. — У него нет больше ни отца, ни матери.

Паоло изумленно воззрился на нее:

— Прошу прощения, княгиня?

— Говорю вам, она ваша. За остаток буханки вы можете получить ребенка.

— Марчелла! — Антонио был шокирован. Его жена вела себя, словно торговка рыбой на рынке, и использовала ребенка в качестве разменной монеты. «Слишком много всего случилось», — подумал князь. Пока они шли по руинам «Хрустального дворца», в ней проснулись самые худшие стороны ее натуры. Увиденное dokonало ее.

Марчелла вырвала девочку из рук мужа и протянула ее Паоло.

— Посмотри-ка, какая она красивая, — шипела она. — Ангелочек. Твоя жена никогда и не узнает, что это не ее плоть и кровь. Вашей был всего один день. Эта не намного старше. Ты можешь взять ее вместо своей дочки. А видишь этот медальон, что ее мать повесила ей на шею?

Паоло смог только перевести взгляд на анютины глазки в стекле, оцепенев от изумления.

— Медальон тоже твой. Мне он не нужен. Ты можешь получить ее вместе с медальончиком! Все, что мы хотим за нее, это остаток хлеба. — В глазах Марчеллы появился сумасшедший блеск.

Антонио отвернулся к стене, по его лицу струились слезы. Матери-настоятельнице тоже пришлось отвернуться — ей невыносимо было видеть ужасное выражение на лице княгини.

— Ты что, не видишь, все устраивается наилучшим образом, — зашипела Марчелла на мужа. — Девочка хоть сможет поесть. У нее будут и мать и отец. И у нас будет хлеб, мы тоже сможем поесть.

— Вы... вы сделаете это? — негромко спросил Паоло.

— Да-да, — бросила Марчелла. — Держи! — она сунула малышку ему в руки и выхватила оставшийся хлеб. — Я ненавидела ее мать. Она была всего-навсего фашистской шлюхой. Как только я увидела ее, я поняла, что мой сын обречен. Именно из-за нее он погиб. Кому нужен ребенок девки, убившей своего мужа?

Паоло смотрел на малышку. Ее маленькое нежнорозовое личико было сама невинность, мягкие, словно пух, волосики отливали золотом, а большие глаза казались аквамаринными. Она и в самом деле напоминала ангела. И у его жены никогда не будет сомнений в том, что это ее девочка. У них так похож цвет волос и глаз. Паоло посмотрел на Марчеллу, но та уже уходила прочь, откусывая новый кусок хлеба. Ей и в голову не пришло поделиться с мужем, последовавшим за ней. Он шел медленно, опустив плечи.

Мать-настоятельница склонила голову в молитве. В другое время она бы вмешалась, но ситуация выходила за рамки привычного. Бесполезно ставить под сомнение авторитет аристократов ди Фонтанези. Повсюду смерть и разруха. Ребенку будет лучше в простой семье, где его согреют любящие сердца, чем рядом с этой сварливой бабой, захотевшей продать девочку за кусок хлеба.

Мать-настоятельница смотрела, как Паоло, обняв одной рукой шестилетнего сына за плечи, встал на колени, чтобы показать ему сестричку, и взял с него клятву никогда не говорить матери о том, чему он стал свидетелем.

Потом Паоло посмотрел на монахиню:

— Матушка, у девочки нет имени.

Она кивнула:

— Думаю, что нет, иначе бы они нам сказали.

— А как звали мать?

— Шарлотт-Энн.

Крестьянин задумчиво нахмурился.

— Анна. Да, нам следует назвать ее так же, как и мать. Мы должны назвать ее Анной.

Настоятельница одобрительно улыбнулась. Да, так будет лучше.

Что бы там ни было, Господь в своей мудрости решил, чтобы ребенка все-таки любили.

Настоятельница коснулась плеча плачущего Антонио и сказала ему об этом.

23

Открытые чемоданы лежали на кровати.

Элизабет-Энн молча смотрела, как Дженет складывает и упаковывает ее одежду. Потом перевела взгляд на Заккеса. Сын подкатил свое инвалидное кресло к окну и всматривался в холмы Кампании, словно постоянно ускользавший от него ответ прятался где-то там. Мать знала, о чем он думает, потому что сама думала о том же самом.

Они приехали в Италию, чтобы найти Анну, но в конце концов вынуждены были признать свое поражение. В этой головоломке оказалось слишком много фрагментов. Элизабет-Энн боялась, что, сколько бы она ни искала или как бы глубоко ни копала, ей никогда не удастся обнаружить их все.

Она пересекла комнату и встала позади Заккеса, утомленно положив руку ему на плечо. Сын обернулся и взглянул на нее. Лицо матери оставалось бесстрастным. Она чувствовала, что не следует показывать ту жестокую боль, которую испытывает, когда смотрит на ставшие знакомыми холмы.

Когда Элизабет-Энн приехала сюда в первый раз, ей представлялось, что в этом месте она почувствует себя ближе к Шарлотт-Энн — ведь дочь жила здесь. Теперь-то мать знала, что это была всего-навсего иллюзия. Эти холмы не могли помочь ей справиться с потерей. Шарлотт-Энн похоронили в Италии, но душа ее унеслась отсюда. Элизабет-Энн пришлось принять этот факт и смириться с трагедией. Ведь так произошло и с природой. Повсюду разбомбленные виноградники снова были засажены лозами. Из этого следовало извлечь урок.

«Жизнь продолжается», — вяло подумала она. Несмотря на то что мир пережил самую страшную трагедию, жизнь не стояла на месте.

Элизабет-Энн сцепила пальцы и поднесла их к губам. Она знала, что пострадала не только их семья. За несколько прошедших страшных лет миллионы жизней были сломаны. Но война собрала неплохой урожай с их семьи: искалеченный сын; дочь, погибшая в тридцать лет, а имя ее внушает такое отвращение, что итальянские крестьяне плевались и бранились при одном только его упоминании; пропавшая внучка; зять, на которого напали свои же сограждане, забитый вилами насмерть и потом изуродованный и подло повешенный

вверх ногами посреди деревенской площади, так как он оказался символом правительства, злоупотребившего властью и угнетавшего народ. Они сорвали свою злобу на Луиджи ди Фонтанези, потому что он был живым напоминанием о том, как вся страна сходила с ума.

Что же случилось с родом человеческим, если люди превратились в бешеных зверей?

Тысячу раз задавала себе этот вопрос Элизабет-Энн и не находила ответа. Перед ней стояло столько вопросов, и ни на один из них она не знала ответа.

Женщина медленно обернулась. Она решила, что должна помочь Дженет собирать вещи. Если бродить тут, словно зомби, то ничего хорошего из этого не выйдет прежде всего для нее самой. Они приехали сюда и сделали все, что смогли, но все безрезультатно. Теперь чем быстрее они упакуют чемоданы, тем быстрее уедут. Элизабет-Энн знала, что сейчас им лучше всего отправиться домой и постараться сжиться со своими потерями. Пришло время взглянуть правде в лицо. Ее внучка исчезла.словно нежеланного щенка или котенка, дедушка с бабушкой отдали ее чужим людям, случайно оказавшимся рядом. Неважно, как долго она будет продолжать поиски, это не принесет успеха. Ей никогда не удастся разыскать Анну. Семья, в которую ее отдали, наверняка слышала о ее поисках — ведь Элизабет-Энн этого не скрывала, поэтому они и сбежали среди ночи. Но хуже всего то, что даже в свои пятьдесят лет она так и не научилась мириться с поражением.

Элизабет-Энн хрустнула пальцами и беззвучно застонала от гнева и беспомощности. Голоса и события прошедших нескольких дней водоворотом кружились у нее в голове.

Мать-настоятельница, лицо грустное, голос измученный, в нем слышатся слезы:

— Синьора, ребенок счастлив. Вы должны мне поверить. Девочке будет только больнее, если вырвать ее из той единственной семьи, которую она знает и любит. Прошу вас, синьора. Будьте милосердны. Если вы настаиваете, хорошо, я скажу вам. Но, пожалуйста, синьора. Это будет огромной ошибкой.

Ее собственный голос, глухой и далекий:

— Я должна знать. Я должна. Это ребенок моей дочери.

Мать-настоятельница:

— Что ж, ладно. Анна. Анна Вигано. Ее крестил сам отец Одони.

И сосед Вигано, он же хозяин их земли:

— Они уехали среди ночи, словно воры, убегающие от закона. Кто знает, куда они отправились? Они остались мне должны за два месяца. Счастливое избавление, нечего сказать.

Душу и сердце Элизабет-Энн терзала боль. Она чуть было не нашла Анну. А теперь ее внучка снова уехала, потерянная навсегда. Кто знает, куда заберутся Вигано, чтобы оставить у себя ребенка?

Воспоминания, воспоминания нахлынули на нее. Произошло столько такого, за что она себя теперь ругает. Все могло быть иначе, если бы только...

Если бы я только не послала Шарлотт-Энн в Швейцарию, она была бы сейчас жива.

Если бы только я меньше времени уделяла отелям, а побольше своим детям.

Если бы я крепче держала ее в руках.

Как много этих «если бы».

И как много нового открылось только сейчас. Шарлотт-Энн была упрямой и непокорной, полной решимости идти своим путем. А эту черту характера, Элизабет-Энн знала, дочь унаследовала от нее. У них с дочерью было так много общего, но никто из них не хотел этого признавать. Но в отличие от матери Шарлотт-Энн забывала об осторожности. Ей

и в голову не приходило подумать о возможных последствиях своих поступков.

О, если бы я только направила Шарлотт-Энн по верному пути. Она именно в этом и нуждалась. Почему я этого не заметила? Почему я оказалась так слепа?

Но теперь уже слишком поздно ворошить прошлое, мечтать о том, чтобы изменить уже произошедшее. Шарлотт-Энн трагически погибла. Она ушла навсегда. А Элизабет-Энн должна вспоминать только хорошее.

Элизабет-Энн понимала, что когда-нибудь она примирится со смертью Шарлотт-Энн. Но она никогда не сможет понять того, что сделали ди Фонтанези. И в ее сердце не найдется для них прощения.

Как могли они отдать ребенка? Да еще в обмен на еду? Неужели они думали, что голодают только они? Только приход союзников и раздача ими продовольствия спасла всю Италию от голода. Но только любовь, несмотря на голод и болезни, поддерживала семьи и сохраняла их единство. «Может быть, — осмелилась она подумать, — Анне лучше вдалеке от таких лишенных способности любить людей, как княгиня Марчелла и ее муж?»

И все-таки она никогда не смирится с тем, что Анна потеряна. Только смерть приходит навсегда. Раньше или позже, все умирают. Но могила — это нечто конкретное. А исчезновение? Нет, вот это как раз то, с чем нельзя смириться. Неведение того, что случилось с Анной, будет грызть ее всегда. Но сейчас ей придется признать свое поражение, согласиться с тем, что, сколько бы усилий и денег она ни потратила на поиски, ребенка не найдут. Ей остается только молиться, чтобы те, кто взял малютку, окружили ее любовью.

Да, настало время вернуться домой и собрать осколки жизни. Генри, сын Дженет и Заккеса, ждал их возвращения в Штатах под присмотром гувернантки. Пришло время сконцентрироваться на настоящем, оставив прошлое, осмотреть раны.

Не говоря ни слова, Элизабет-Энн встала рядом с Дженет, взяла в руки блузку и аккуратно сложила ее. В глазах у нее стояли слезы.

Война кончилась, но страдания останутся надолго. Конечно, со временем они утихнут, их станет легче переносить, останутся только воспоминания и иногда острые приступы боли.

Жизнь должна идти вперед. Но это не означает, что хорошие воспоминания должны стереться. Она обязана впустить их в свой мозг, пусть они переполняют ее, ей нужно позволить себе как следует поплакать.

Несмотря на трагедию, любовь к умершей дочери и потерянной внучке никогда не умрет. В ее сердце любовь к ним так же сильна, как если бы они были рядом.

«И в этом, — подумалось ей, — ключ к выживанию».

Но Элизабет-Энн знала, что ее ждут бессчетные дни, когда навязчивая мысль будет стучать в ее сознание и останется там, отказываясь уходить:

— Так что же все-таки случилось с Анной?

Было уже без двадцати одиннадцать, когда хорошо известный всем римлянам автобус пересек мост Честио и перебрался на другой берег Тибра. Небо Италии — спокойный синий океан с плывущей по нему флотилией золотистых облачков. Но Анна Вигано нервничала.

«Опоздать именно сегодня!» — простонала она про себя. Именно сегодня ее новенький мотороллер «Веспа» сломался! Девушка так долго копила деньги, припрятывая то, что с трудом удавалось отложить, надеясь, что мотороллер избавит ее от приводящих в ярость пробок в утренние часы, когда все машины еле тащатся. Сначала так и было. Но как раз сегодня, в самый важный день в ее жизни, он неожиданно и загадочно сломался. Анна вызвала механика, чтобы починить машину, прождала его целый час, а тот заявил, что ничем ей не поможет.

И вот теперь она может упустить возможность, которую так долго ждала. У нее появился шанс наняться служащей отеля «Хейл Рома», которую компания посылает на стажировку в школу менеджеров в Нью-Йорк, а после этого стать помощником управляющего. Такая возможность выпадает раз в жизни.

Посмотрев в окно, девушка увидела, что автобус наконец-то приближается к месту назначения, и дернула за шнурок, чтобы водитель остановил машину. Пробираясь к выходу, она обругала мужчину, попавшегося ей на пути. Как это на нее непохоже! Ей следует последить за своими нервами. Обычно Анна — сама вежливость. Ее работа требует этого. В ее обязанности входило смягчать острые углы, устранять все неприятности в жизни постояльцев отеля. Да и к вечной римской толкучке девушка давно привыкла. За годы, проведенные в столице, у нее было достаточно времени, чтобы стать очень терпеливой.

Извинившись перед мужчиной с самой очаровательной улыбкой, Анна вышла из автобуса и торопливо пошла по тротуару. Она опаздывала. У управляющего случится удар, если он увидит, в какое время его подчиненная пришла на работу. Если даже кто-то и постарался прикрыть ее, то сейчас он уже наверняка выяснил, что ее все еще нет на месте.

При одной мысли об управляющем Анна поежилась. Напыщенный педант, двигается со скоростью света и бесшумно, словно паук. Создается впечатление, что он одновременно во всех местах. Ни у кого другого не было такого острого слуха и пронзительного взгляда змеи, как у Ромео Корви. Хотя ему уже давно перевалило за сорок, он тщательно скрывал свой возраст. Всегда начищенный и наглаженный, слегка презрительный, чуть елейный, он вел себя так, словно стоял за конторкой в магазине Ван Клифа или Картье. Анна содрогнулась при мысли о его густых черных волосах, строго зачесанных назад, и раздражающей манере очень высоко поднимать одну темную бровь, когда он рассматривал кого-нибудь с выражением глубокого презрения. После всего того, что ей пришлось выдержать этим утром, перспектива стычки с Корви ей совсем не улыбалась.

С такими мыслями девушка заторопилась к гигантскому зданию с окнами, украшенными фронтонами, прячущимися за классической колоннадой балконов. На пологой крыше прямо перед ней красовались крупные золотые буквы, отмечая конечный пункт ее пути: «Хейл Рома».

Анна еще только подходила к гостинице, когда увидела длинную вереницу такси, выстроившихся у входа в ожидании клиентов, выезжающих из отеля. Проходя мимо них, она постаралась глядеть вниз на тротуар прямо перед собой, чтобы избежать взглядов шоферов. И все-таки до нее донесся одобрительный свист, заставивший ее ускорить шаг. Ее каблуки отбивали мягкий ритм стаккато по плитам тротуара.

Не поворачивая головы, Анна Вигано прошла мимо парадного входа с широкими ступенями, покрытыми красным ковром, и сверкающими дверями из стекла и латуни, направляясь к служебному входу за углом, выходящему в вымощенный булыжником переулок. Приближаясь к нему, она несколько замедлила шаг из-за неровного булыжника. Не забывая о предательском переулке, она одновременно читала себе наставление: что бы сегодня ни случилось, неважно *что*, она не должна рисковать своей работой.

Если Ромео Корви начнет высказываться по поводу ее сегодняшнего опоздания, ей следует выслушать его словесную выволочку молча, держаться очень скромно и, кроме всего прочего, *не возражать*.

Ей не следовало делать того, что ее тысячу раз так и подмывало сделать и о чем в своих тайных фантазиях мечтает каждый служащий: схватить управляющего за высокомерную тонкую шею и задушить его.

Именно сегодня Анне надо быть осторожной. И не только из-за того, что есть шанс отправиться в школу менеджеров в Нью-Йорк. Служба в отеле очень важна для нее. Просто чудо, что ее первым местом стала такая гостиница. Для этого потребовались значительные связи. Когда около полутора лет назад «Хейл Рома» открыл свои двери, работа в нем стала просто наградой. Здесь больше платили в сравнении с другими гостиницами. По слухам, больше было и возможностей продвинуться, поскольку все начинали с нуля. Тысячи жаждали этой работы, и тысячам отказали. Всего двести счастливых римлян были приняты, и Анна Вигано стала одной из них.

Ее влиятельный кузен Фабио, имеющий связи повсюду, устроил так, чтобы она попала на собеседование. Но он смог только открыть ей дверь. Все остальное зависело от нее. Анна получила работу и двинулась вперед на всех парусах. За полтора года, что девушка проработала в отеле, она показала, на что способна, постепенно переходя от монотонного печатания документов в крошечной каморке на втором этаже к помощи всем, кому она требовалась: управлялась за стойкой администратора, когда дел было невпроворот, заменяла администратора по связям с общественностью, когда ту свалил приступ аппендицита, успокаивала истеричных гостей, помогала найти потерянные серьги, провожала женщин в лавочки, где можно было выторговать скидку на шелковые шарфы, или к уличным сапожникам, изготовлявшим туфли за три дня, искала подходящую няньку для ребенка, чьим родителям захотелось вдвоем повеселиться в городе, разыскивала единственную в городе аптеку, где могли приготовить редкое, но так необходимое постояльцу лекарство. И, справляясь со всем этим, Анна оставалась неизменно дружелюбной, вежливой, энергичной и терпеливой. Она ослепляла всех своей постоянной улыбкой, старалась услужить, и на нее можно было положиться. Анна Вигано стала незаменимой, создав сама себе работу, до этого никогда не существовавшую. Девушка вовремя появлялась там, где в этом была нужда. К ней хорошо относились все — и персонал, и постояльцы. Ее уважали.

Все, кроме Ромео Корви.

При одной мысли о нем кровь закипала у нее в жилах. В любом ее поступке он выискивал ошибку. И Анна наконец поняла почему Она была слишком наивна, чтобы

догадаться об этом самой, но после того, как кто-то другой упомянул об этом, девушка поняла, в чем дело. Анна Вигано действовала слишком эффективно, причем во многих областях. Ромео Корви боялся, что в конце концов она окажется более подходящей для его должности, чем он сам.

Анна знала, что она не из тех, кто будет отнимать у Ромео работу, но признавала, что не в ее силах разубедить его. Попытка поговорить с ним об этом лишь усугубила бы его паранойю. В подобной ситуации выиграть было невозможно.

Управление персоналом. *Как же она их всех ненавидела.*

Две недели назад их отношения с Ромео Корви достигли точки кипения. Штаб-квартира «Отелей Хейл» в Нью-Йорке попросила администрацию «Хейл Рома» представить список десяти лучших служащих, каждому из которых необходимо пройти собеседование со специальным представителем из Нью-Йорка, так как появилась вакансия на место помощника управляющего в этом отеле или в «Хейл Милано», строящемся сейчас. Помимо сохранения заработной платы на время обучения избранному кандидату оплачивали поездку в Нью-Йорк в школу менеджеров, организованную корпорацией «Отели Хейл».

Анна понимала, что такая возможность выпадает только раз в жизни. С деньгами всегда было трудновато, и ее переполняла решимость справиться с этой проблемой, пробив себе дорогу на самый верх иерархической лестницы в гостинице. Анна была уверена, что тяжелым трудом и преданностью делу она добьется того, чего хочет. С самого начала она с жесткой искренностью рассмотрела свои возможности, отдавая себе отчет в своих достоинствах и недостатках, и поняла, что больше говорит против нее, чем за нее. Ее образование соответствовало должности, но она окончила только среднюю школу. Молодая женщина, к тому же слишком привлекательная на свою беду.

В двадцать лет ее красота была явной и завораживающей. На высоких каблуках ее рост достигал почти шести футов. Свои прямые золотистые волосы она стригла на уровне плеч — привлекательная, но не легкомысленная стрижка, — они свободно разлетались в такт ее размашистой походке. Нежная кожа цвета бледного сливочного масла и удивительные синие глаза, слишком темные для аквамарина, но слишком светлые для морской синевы, тонкая талия, округлые бедра и длинные сильные ноги. Анна просто излучала здоровье. Мягкие экономные движения, словно она и шага не сделает без нужды. Женщина посреди мужского царства, Анна была полна решимости доказать, на что способна. Шанс поучиться на курсах менеджеров стал манной небесной.

Анна ожидала, что ее фамилия будет первой в списке. Если честно, то так должно было быть. Каждый согласится, что она знакома с управлением отелем лучше, чем человек, сейчас занимающий место помощника управляющего.

То, что девушке удалось взглянуть на список, явилось счастливой случайностью. По воле случая личный секретарь Корви Габриэлла ди Донато заболела. Девушка, заменяющая ее, оказалась новенькой и не знала, как обращаться с телексом, поэтому обратилась к Анне за помощью.

— Не волнуйся, — успокоила та ее, — я сама отправлю телекс.

Анна уселась за машину, держа в руке листок с отпечатанным текстом. В ту секунду, когда она сообразила, что у нее в руках список кандидатов, ее сердце почти остановилось.

Ее фамилия вообще в нем не значилась.

Ромео Корви за этим проследил.

Девушка готова была расплакаться, но тут ее осенило. Раз уж *она* посылает телекс, то

она просто включит себя в список. Проблема только в том, что Нью-Йорк настаивал на десяти кандидатах, а не на одиннадцати. Список состоял ровно из десяти фамилий.

На секунду Анна глубоко задумалась. Ее мучили угрызения совести — ведь кого-то придется вычеркнуть. Но тут она заметила фамилию под седьмым номером, и ей сразу стало легче дышать. Маурицио Корви, младший брат Ромео, получил работу всего неделю назад, оттеснив других претендентов, и все благодаря кумовству.

Сомнений быть не могло. Она вычеркнула Маурицио из списка и вписала свое имя. Отослав телекс, Анна подшила копию и стала ждать взрыва со стороны Корви. Рано или поздно это должно было случиться. Все дело во времени, когда именно он обнаружит подмену. Удовлетворение Анна испытывала только от того, что это было уже *fait accompli*^[26]. Ему уже ничего не удастся сделать, чтобы что-то изменить. Он мог только ее уволить. Если он пригрозит увольнением, ей придется изворачиваться и как-то выкручиваться.

На этой неделе, судя по слухам, пришел телекс — ответ из штаб — квартиры в Нью-Йорке. В нем сообщалось о дате прибытия представителя «Отелей Хейл» и подтверждался список кандидатов на собеседование. Ромео Корви чуть удар не хватил от ярости. Только его самодовольство помешало ему наброситься на Анну с ругательствами. Ромео зашел достаточно далеко и пригрозил ей увольнением, но девушка благоразумно намекнула ему, что это будет выглядеть весьма странно. Помимо всего прочего, никто не увольняет сотрудника, который еще неделю назад фигурировал в списке кандидатов на место помощника управляющего. Корви полиловел от гнева, его даже трясло от того, что ему приходилось сдерживаться. Потом, после строгого предупреждения, он несколько успокоился, его грудь опала, он высоко поднял голову и откинул ее назад.

Анну трясло всякий раз при мысли о том, насколько близка была она к тому, чтобы вылететь с работы. Если бы ее уволили, никто, даже Фабио, не смог бы ей помочь. Тем более что ей больше не хотелось пользоваться помощью Фабио Пегроне. Никогда больше.

Она ненавидела своего кузена Фабио лишь чуть меньше, чем презирала Ромео Корви. Насколько Анна могла припомнить, она только и слышала: «За это надо поблагодарить нашего кузена Фабио», «За это надо сказать спасибо нашему кузену Фабио». Иногда ей казалось, что еще одно слово о благодарности кузену Фабио, и она завизжит. Благодарность и любезность в его интерпретации означали возможность сесть вам на голову.

Фабио Пегроне был дальним родственником отца Анны, и мужчины никогда тесно не общались. Ее отец принадлежал к бедной ветви семьи Вигано, а Фабио был из Вигано-богачей. Когда Анне исполнилось три года и семья Вигано перебралась из Кампании в Рим, ее отец обратился к Фабио за помощью. Ему дали работу в строительной фирме кузена: физическую и тяжелую. Отец никогда не жаловался, даже в тот день, когда он упал мертвым от сердечного приступа.

И мать тоже никогда не жаловалась. Ни разу за все эти тяжелые годы.

С самого своего приезда в Рим они жили в одном из дешевых многоквартирных домов, принадлежащих Фабио. За это, по словам матери, они должны были быть очень признательны кузену. С дешевым жильем было трудно, и, если бы кузен Фабио не предоставил им квартиру, им бы пришлось жить на улице.

Только когда Анна немного подросла, она поняла разницу между дешевыми домами Фабио и роскошным двухэтажным пентхаусом, занимаемым семьей кузена в богатом районе Париоли. Эта несправедливость произвела на нее тяжелое непроходящее впечатление.

Роскошь жизни Фабио Пегроне мучила ее еще больше от сознания того, что он обеспечивает себе ее, вытягивая последнюю лиру у своих жильцов. Зимой в квартирах было прохладно или совсем холодно. Бойлеры постоянно выходили из строя, и месяцами их никто не чинил. Туалеты засорялись, и так продолжалось неделями. Крысы бегали по темным коридорам, кусая детей и разнося болезни, пока тараканы завоевывали полы и стены. Анна все больше ненавидела неотвязный запах стряпни, смешанный со зловонием отбросов, недостаток воздуха и света, визг детей и огромные семьи, ютящиеся в одной или двух крошечных комнатухах. Когда девочке исполнилось семь лет и она научилась читать, то первым делом расшифровала надписи, украшавшие стены и двери домов Фабио Пегроне: «Пегроне — свинья».

Анна стыдилась своего родства с ним. Но еще больше того, чтобы кто-нибудь узнал, где она живет.

Самую большую боль ей причиняло то, что после смерти отца, а ей исполнилось только восемь, ее матери пришлось стирать на семью Пегроне, чтобы свести концы с концами. То немного, что зарабатывала Адриана Вигано, казалось, тут же прыгает обратно в карман к Фабио. Замкнутый круг, из которого не было выхода. Дарио слишком мал, чтобы получить что-то, кроме непостоянной, мало оплачиваемой работы. Поэтому семья держалась только на зароботке матери-прачки. Снова и снова повторяла Адриана, что за все они должны благодарить Фабио. Иначе им пришлось бы голодать.

Деньги — или, скорее, их отсутствие — вот тот призрак, что постоянно пугал семью. Как часто Анна предавалась мечтам: если бы вместо каждого таракана, крысы или мыши, попадавших ей на глаза, у нее было по одной лире, насколько бы богатой она стала? Но это были пустые мечты, разбивавшиеся о гнев и бессилие, чувства, рожденные постоянной несправедливостью, среди которой она росла. Арендная плата за квартиру всегда повышалась без предупреждения. Ни слова не говоря матери, Анна и Дарио частенько ходили к кузену Фабио, но никакие мольбы не приносили пользы. Он отправлял их к своему управляющему, а тот настаивал на том, что никакие льготы им — очень дальним родственникам синьора Пегроне — не положены.

И все-таки чудом, но они выжили. Когда Дарио вырос, он отправился в семинарию, чтобы стать священником. Его мать так мечтала об этом, что отказывалась даже думать о том, чтобы отправить его работать и поддерживать семью. В конце концов, без него им стало полегче, все-таки одним ртом меньше. Но здоровье подвело Адриану, ей становилось все тяжелее и тяжелее работать прачкой. Место, полученное Анной в «Хейл Рома», буквально спасло их. Платили там, конечно, не шикарно, но все-таки на жизнь хватало. Девушка продолжала жить дома, чтобы увеличить доход семьи. Каждую неделю она отдавала чек матери. По ее мнению, она должна была оказывать матери материальную поддержку, которой так давно не хватало в доме.

И это только подстегивало ее амбиции. Она страдала не от жадности, а от отсутствия жизненно необходимых вещей.

«Если меня выберут для поездки в Нью-Йорк в школу менеджеров и я получу место помощника управляющего с его королевской зарплатой, мы сможем наконец сбросить с себя власть кузена Фабио раз и навсегда. Тогда я в конце концов смогу прогнать призраки голода и отчаяния. Но все зависит от многих «если». А денег все время не хватает, чтобы жить нормально», — подумала она с грустью.

Иногда Анне казалось, что, как бы тяжело она ни работала, все уходило в никуда,

словно в доме существовала бездонная дыра, всасывающая в себя последнюю драгоценную лиру. И нельзя сказать, чтобы ее мать не была бережливой. Куда там. Адриана Вигано берегла каждую лиру до тех пор, пока с ней не приходилось расстаться под давлением обстоятельств. Она чинила старую одежду до тех пор, пока та не разваливалась на части, но и после этого на что-то пыталась ее использовать. Женщина торговалась с бакалейщиком и покупала вчерашний хлеб. Но годы нищеты сделали свое дело, и сейчас Адриана болела. Докторам приходилось дорого платить. И к тому же прямо перед тем, как начать работать в гостинице, Анна и сама попала в больницу. И все из-за Амедео Баттистелло.

И из-за того, что она увлеклась им.

2

Амедео.

Анна встретила его почти два года тому назад. Господи, как же она его теперь ненавидела! Но сначала о ненависти не было и речи. Амедео ослепил ее, и Анна с головой кинулась в омут любви.

Тогда ей только исполнилось семнадцать, она заканчивала школу. Их встреча оказалась одной из тех, что дарит сама судьба. Специально такого не подстроишь. Каждый день, после занятий в школе, Анна садилась в автобус и отправлялась в район Париоли, чтобы забрать у Пегроне вещи для стирки. Каждое утро, по дороге в школу, она отвозила белью назад — выстиранное, высушенное и выглаженное, упакованное в коричневую хрустящую бумагу и перевязанное белой веревочкой. «Выглядит так же, как в самой дорогой прачечной», — с гордостью говорила Адриана.

Анне приходилось вставать очень рано, чтобы вовремя привезти заказ, потому что доходные дома находились довольно далеко от богатого района, облюбованного промышленниками, звездами кино, дипломатами и такими, как кузен Фабио. Однажды утром, отдав выстиранное белье, она буквально вылетела из дома родственника, боясь опоздать, и столкнулась с высоким красивым незнакомцем.

— Вы так спешите, — проговорил он, подхватывая ее под руку, чтобы она не упала.

— Простите меня, синьор, — поспешно пробормотала Анна, опуская глаза.

— Это мне следовало бы извиниться, — улыбнулся незнакомец. — Или, пожалуй, не стоит. Не каждый день мужчина встречает такую красивую девушку.

Анна, не мигая, смотрела на него секунду-другую, замороженная сиянием его глаз и теплом руки. Молодой, высокий, широкоплечий, в отлично сшитом темном костюме и белой рубашке. Одежда явно от портного. Галстук в черную и коричневатую-желтую полоску отлично гармонирует с темными волосами и глазами дикой кошки. Крупный нос, мягкие, чувственные губы. От его взгляда и прикосновения в голове Анны прозвенел колокольчик тревоги, и она быстро отстранилась и торопливо пошла по тротуару. Девушка слышала быстрые шаги за спиной. Поравнявшись с ней и легко приноровившись к ее размашистой походке, мужчина улыбнулся:

— У меня есть машина. Могу я вас подвезти?

Анна отрицательно покачала головой, упорно глядя себе под ноги.

— Нам следует подружиться, — раздался спокойный голос. — То есть я хочу сказать, что мы почти знакомы, разве не так? После того, как налетели друг на друга?

Анна остановилась и повернулась к нему. Незнакомец смеялся, показывая

великолепные белые зубы на загорелом лице. В уголке нижней губы расположилась родинка, похожая на веснушку, странная и франтоватая. Кожа на высоких, почти славянских скулах, была туго натянута, а его глаза, казалось, смотрели прямо ей в душу. Анна почувствовала, что в голове становится пусто, а потом в ней закружились дикие мысли.

Мужчина производил впечатление человека культурного и образованного, но его окружала аура опасности и приключений. Несмотря на то что на вид ему было слегка за тридцать, он обладал каким-то легким мальчишеским шармом, против которого очень трудно устоять.

— Мне надо идти, — сказала Анна с неожиданной горячностью, пытаясь избавиться от исходившего от него гипноза. — Я опаздываю.

— Подождите. — Мужчина схватил ее за руку. — Я даже не знаю вашего имени.

Она глубоко вздохнула. Кровь стучала у нее в висках, руки стали липкими от пота. Незнакомец стоял так близко, его лицо находилось всего в нескольких дюймах от ее лица. Анна ощущала приятный запах дорогого мыла и резковатый аромат еще более дорогого мужского одеколona. Но она не почувствовала, как его пальцы оторвали латунную пуговицу с ее легкого коричневого свитера, который девушка носила, набросив на плечи. Поймав ее взгляд, он спрятал добычу в карман.

— Я, правда, должна идти, — повторила Анна почти с грустью и пошла прочь. Ее низкие каблуки торопливо стучали при каждом шаге, потом она почти побежала. Повернув за угол, Анна оглянулась. Незнакомец не пытался ее преследовать. Девушка пошла медленнее и вздохнула с облегчением.

И почувствовала неожиданное разочарование.

Во второй половине дня, после школы, она вернулась в дом кузена Фабио, чтобы забрать ежедневный сверток с бельем. Глазами Анна искала знакомого, но его нигде не было. И снова ей показалось, что ее обманули.

Ночью, лежа на узкой кровати в своей маленькой сырой комнате, Анна долго — ей показалось, вечность — смотрела в потолок. Сон бежал от нее, зато воображение без всякого труда рисовало завораживающие глаза, глядящие прямо ей в зрачки, крошечную родинку в углу рта и эти белые-белые зубы, сверкающие в темноте. Девушка поняла, что мечтает о нем, пока не провалилась в глубокий сон без сновидений.

Утром Анна о нем не забыла. После того, как она отнесла белье кузену Фабио и вышла из дома Пегроне, направляясь в школу, незнакомец был тут как тут. Он стоял, прислонясь к входной двери, с кривой усмешкой на лице. Мужчина поднял руку, латунная пуговица отразила луч солнца и засияла ярким светом.

— О, так вы нашли ее! — воскликнула Анна восхищенно. — А я-то гадала, где могла ее потерять. — Она потянулась за пуговицей, но мужчина игриво убрал ее.

— Вы можете ее получить только при одном условии.

Анна молча смотрела на него.

— Вы пойдете со мной и мы вместе выпьем по чашке кофе.

Так это началось.

Амедео Баттистелло. Как легко было в него влюбиться! Он настолько отличался от молодых людей, населявших их многоквартирный дом. Утонченный, хорошо одетый, бумажник из крокодиловой кожи всегда полон денег. Он ездил на маленькой дорогой «альфа-ромео» с откидным верхом, а ребята из ее квартала только мечтали приобрести машину. Они боролись за любую низкооплачиваемую работу, а Амедео работал у своего

дяди, продюсера из «Чинечитты», итальянской сестры Голливуда. Соседские юноши могли поразвлечься, но предполагалось, что они найдут девушку, женятся на ней и обзаведутся детьми. Создание семьи — эту тему Амедео совершенно не был склонен обсуждать. С прочими бедными молодыми людьми его роднил только голодный блеск в глазах.

Анна поймала себя на том, что подстраивает свое расписание так, чтобы встретиться с ним. Она начала оставлять книги дома, упаковывая белье семейства Пегроне в школьную сумку. Девушка никогда не говорила Амедео о себе, и он принял как должное, что она живет в доме Пегроне. Солгав о своем возрасте, Анна уверила его, что работает. Ей нравилось фантазировать, что она не бедная Анна Вигано, дочка вдовы-прачки. Это был, в сущности, безвредный обман. Он никому не мог принести никакого вреда. Ведь так?

Сначала Амедео водил ее в уличные кафе съесть пирожное и выпить чашку кофе, а иногда бокал холодного вина, обычно на виа Систина, проходящую сверху Испанской лестницы. Они сидели на площадях, гуляли вдоль берега Тибра или мчались, ни о чем не думая, по улицам Рима в открытой машине. Амедео уводил ее далеко от тошнотворного запаха кухонь и коридоров, заполненных крысами. Он был обаятелен, олицетворял собой богатство и казался частью другого, чарующего мира. Анна безоговорочно поверила, что он самый волнующий мужчина на земле.

Потом Амедео сказал ей, что хотел привести ее к себе домой, так как он живет совсем рядом с ее домом, но вместо этого он отвел ее в отель «Хасслер», что наверху Испанской лестницы. Именно там Анна рассталась с девственностью.

Когда Амедео впервые записал их в книгу у регистратора в отеле «Хасслер», клерк, посмотрев на каракули в журнале, вежливо улыбнулся и назвал ее «синьора Баттистелло». Анна покраснела от гордости, польщенная мыслью о том, что кто-то мог подумать, будто она, Анна Вигано, принадлежит столь богатому и красивому мужчине, как Амедео Баттистелло. Сколько раз за эти прошедшие несколько недель она мысленно произносила фамилию Баттистелло, наслаждаясь самим вкусом этого имени на языке?

Все, что делал Амедео, было великолепно. Он опалил ее своим огнем, и она полностью изменилась. Анна всегда выглядела старше своих лет, но теперь она казалась поистине совершенной женщиной. Сначала она боялась заняться любовью, но с Амедео все оказалось просто. Это не было похотливое, целеустремленное совокупление, объект постоянных непристойных шуток обитателей их квартала. Как часто горячими, влажными летними ночами сквозь открытое окно до нее доносились стоны и сопение из других окон, выходящих во двор. От этих звуков невозможно было спрятаться. Но с Амедео все было не так. Его ласки напоминали изящный, нежный танец, полный страсти и обещания.

В тот первый раз он медленно отвел ее наверх, прошептал ее имя и обнял. Дверь была закрыта, ставни тоже, поэтому лучи позднего солнца косо прорезали полутьму. Анна следила за каждым его движением, ее сердце гулко билось от возбуждения, и ужасный страх грыз ее где-то в животе. С ней это происходило впервые, и Анна знала, что негоже быть с мужчиной до свадьбы.

Но ведь этот мужчина — Амедео. Мог ли он ошибаться? Они так сильно любили друг друга, что ничто другое не имело значения.

Как только сильные руки обняли девушку, все ее сомнения улетучились. Ее губы дрожали, они вдруг пересохли от предвкушения, смешанного со страхом. Анна наслушалась историй о том, как больно бывает в первый раз, но Амедео был таким ласковым, нежным и любящим, что ей не верилось в правдивость услышанного.

Он ласкал ее шею, касаясь легкими поцелуями, шепча страстные слова. Его руки нежно гладили ее плечи и груди, потом спустились к бедрам. Сквозь тонкий хлопок платья Анна чувствовала его обжигающие прикосновения. Она судорожно глотнула, закрыла глаза, ее губы приоткрылись. Анна не могла противостоять натиску собственной страсти, охватывающей ее при мысли о том, что он, Амедео Баттистелло, ласкает ее, наполняя острым жаром ее тело, а ее душу жаждой объятий.

Медленно, почти священнодействуя, он расстегнул пуговицы на спине ее платья и спустил материю с плеч. Платье, чуть зашуршав, скользнуло вниз, на пол. Девушка стояла молча, ее дешевые, грубые трусики казались неуместными в роскоши комнаты.

— *Анна, Анна.* — Его губы снова были на ее шее, язык описывал по коже влажные круги.

Она чувствовала его пальцы, гладящие ей плечи, дотрагивающиеся до затылка, перебирающие ее длинные волосы.

— *Анна,* — хрипло выдохнул он, прижимаясь, еще полностью одетый, к ее полуобнаженному телу.

Анна слышала все убыстряющиеся удары его сердца, бьющегося в такт с ее собственным, вдыхала пьянящий аромат одеколона, смешивающийся с более сильным, более ощутимым мужским запахом.

— *Анна.*

Она задрожала, когда Амедео взял ее лицо в ладони, поцеловал, потом быстро сорвал с себя одежду и снова поцеловал ее, помогая освободиться от белья. Они стояли обнаженные лицом друг к другу.

Анна в замешательстве отвела глаза, но он снова взял ее лицо в ладони и прошептал:

— Это прекрасно, не нужно стыдиться.

Но она не могла смотреть ему в лицо.

— *Посмотри на меня,* — резко скомандовал он.

Анна заставила себя сделать это, в глазах у нее стояли слезы.

— *Смотри,* — прошептал он чуть мягче, отошел на два шага назад и гордо выпрямился, словно танцор.

Как будто под гипнозом, ее глаза оторвались от его лица и скользнули вниз. У него были крепкие мускулы, но он оказался тонким и гибким, что удивило ее. В одежде он выглядел более плотным благодаря широким плечам. Все его тело покрывал загар, кроме узенькой белой полоски от плавок. В отличие от его ее тело выглядело очень белым. На его выпуклой груди виднелись колечки темных волос, отчего кожа казалась еще темнее. Поросль спускалась вниз к животу, в паху становилась еще гуще. Его пенис был великолепно огромен, напряженный, темно-красный.

— *Анна,* — шепот Амедео грохотом отозвался в ушах Анны.

Она подняла глаза и прямо посмотрела на него. Он подошел к ней, обнял, прижимаясь к ней всем обнаженным телом. Его тело, такое теплое и твердое, такое неподатливое, так отличалось от ее собственного. Его прикосновение обожгло ей кожу.

Она ощущала его язык, исследующий ее рот, наполняя ее теплом и заставляя забыть обо всем. Его горячий член прижимался к ее животу. Соски Анны затвердели, желая прикосновения его рук и губ, прося его взять ее.

Амедео без усилия поднял ее и легко отнес на кровать. Осторожно положил, словно боялся, что она разобьется, и медленно опустился рядом с ней. Его пальцы сжимали ее соски, а рот ласкал каждый дюйм ее тела, наполняя все клеточки ее кожи дрожащей,

трепещущей жизнью.

Анна выгнулась всем телом и сдавленно простонала, когда он начал погружаться в нее. Инстинктивно она напрягла мускулы, чтобы противостоять непривычному вторжению, но потом стала раскрываться навстречу ему, словно приглашая в самое сокровенное и драгоценное место своего тела. Ее глаза не отрывались от его лица, широко открытые, сияющие.

Короткими толчками он попытался глубже погрузиться в нее, пока девственная плева не стала для него препятствием. Амедео остановился и, удивленно посмотрев на нее, спросил:

— Ты... девственница?

— Продолжай, — прошептала она со слабой улыбкой. — Я хочу этого. Я хочу тебя. — Анна коснулась пальцами его щеки.

Амедео еще дважды попытался войти в нее, но маленький кусочек плоти не поддавался натиску. Анна напряглась в пугливом ожидании, и одним грубым, резким движением он овладел ею. От боли у нее перед глазами поплыли огненные круги, красные в середине и желтые по краям. Но взрыв неприятных ощущений Амедео превратил в раскаленное добела желание.

Анна вдруг осознала, что инстинктивно поднимает бедра и выгибает туловище, намеренно подстраиваясь под ритм его движений. Ее таз поднимался и опускался, волны наслаждения заставляли ее гореть желанием. Анна подняла ноги и согнула колени, открывшись навстречу Амедео.

Он глубоко погрузился в нее, все убыстряя и убыстряя темп, так что она начала задыхаться, издавая удивленные восклицания, когда одна горячая волна, захватывая ее, сменялась следующей. И всплеск наслаждения, такое ощущение полноты *бытия*, о котором Анна и не мечтала. Ее охватили тепло, желание и страсть, каждая клеточка тела трепетала. Она поняла, что рождена для этих ощущений, и с каждым новым ударом Анна почти умирала от наслаждения.

Вдруг Амедео резко вскрикнул, его тело выгнулось. Анна почувствовала его еще глубже в себе, а он ухватился за нее, наполняя ее лоно дрожью экстаза. Его голова запрокинулась, глаза зажмурились, он судорожно подергивался.

Их тела купались в наслаждении. Амедео рухнул рядом с ней, тяжело дыша. Его член съезжился. Анне казалось, что внутри нее еще живут отголоски сладчайшего удовольствия. Темнота окутала комнату. Сияющие горизонтальные полосы света, пропускаемого ставнями, исчезли, словно снаружи облачко набежало на предзакатное солнце. Даже теперь, когда минуты близости остались позади, их сердца бились в такт.

Откуда-то снизу Испанской лестницы доносился смех влюбленных парочек.

Эти первые дни ни с чем не могли сравниться. Радость поиска и открытий была столь же сильной, как их страсть и желание. В это время Анна превратилась из девочки в женщину.

Все казалось таким прекрасным, наполненным наслаждением, таким чистым, когда они лежали на свежих простынях в лучах заходящего солнца. Ей в голову даже не приходила мысль о том, что она может забеременеть в первый раз или позже, в течение последующих месяцев. Анне не хотелось портить переживаемые вместе с Амедео моменты даже мыслью о возможных последствиях. Конечно, она слышала о мерах предосторожности. Хотя церковь запрещала пользоваться противозачаточными средствами, достать их было можно. Сама

Анна никогда их не видела, а когда она сказала об этом Амедео, тот нахмурился и ответил, что ему не нравится ими пользоваться. Да и потом, кто может думать о последствиях в разгар всепоглощающего, упоительного экстаза?

Анна сообщила Амедео о случившемся. День был мрачный, почти без солнца, шел дождь. Несколько недель она боролась с эмоциями, неспособная ни примириться со своей беременностью, ни сказать ему о ней. Всякий раз, как Анна пыталась это сделать, храбрость оставляла ее, и она старалась забыть об этом, с головой окунаясь в страсть встречи.

Ей было страшно. Словно, сказав об этом Амедео, она еще раз подтвердит себе, что беременна. Молодая женщина знала, что чем дольше она выжидает, тем более необратимыми становятся последствия. Но что из этого? Изменить она уже ничего не могла.

Уже и мать заметила, что дочь прибавила в весе. Амедео тоже. Дважды, шутя, он назвал ее «толстушкой».

«Бедный Амедео, — думала она. — И бедная мама. Если бы они только знали правду». Анна поняла, что рано или поздно ей придется обоим сказать правду, но даже мысль о подобном разговоре наполняла ее ужасом. Она предпочла забиться куда-нибудь и умереть.

В тот роковой день, когда Анна наконец сообщила Амедео новость, они, как всегда, занимались любовью. Потом, когда они лежали в тихом сумраке комнаты, она смотрела в потолок невидящими глазами.

— Амедео, — все-таки начала Анна испуганным шепотом.

— Что?

Она глубоко вздохнула и закрыла глаза:

— Я беременна.

Эти слова произвели эффект взрыва. Амедео подскочил на кровати, словно сквозь него пропустили разряд электричества.

— *Что?* — Он уставился на нее.

— Не сердись, — взмолилась Анна охрипшим голосом, поворачиваясь к нему. — Пожалуйста, я так боюсь. — Она потянулась к его руке, но Амедео как раз протянул руку к ночному столику за сигаретами. Анна напряженно следила, как он чиркает спичкой и зажигает сигарету. Пальцы у него дрожали. Амедео затянулся, выпустил дым через нос.

— Как давно? — наконец спросил он.

— Я думаю... три месяца.

Амедео проворчал что-то и откинулся на кровать с такой силой, что спинка задрожала от удара. Он лежал молча и курил. В конце концов мужчина загасил сигарету и тяжело вздохнул.

— Конечно, ты должна избавиться от ребенка.

Анна похолодела и произнесла сдавленным шепотом:

— Я... не понимаю.

Смех Амедео был неожиданным и резким.

— Ты не понимаешь? — Он повернулся к ней, в глазах — лед. — Мне что, по буквам тебе произнести? Ты должна сделать *аборт*. — Амедео смотрел прямо ей в зрачки. — Теперь понимаешь?

Анна попыталась сесть, прижимая одной рукой простыню к обнаженной груди, и тихонько заплакала.

— Ведь... это противозаконно.

— Но не значит, что этого нельзя сделать, — сухо бросил он. — Я знаю множество девушек, сделавших аборт.

— Множество... девушек. — Ее голос сорвался. Анна подумала о том, сколько их с ним побывало до нее. Ей и в голову не приходило размышлять об этом раньше. Ее изумила собственная наивность. Конечно же, она была не первой. И не будет последней.

— Разумеется, — Амедео небрежно пожал плечами. — Они говорят, что это не больнее, чем вырвать зуб. Это правда пустяки.

— Пустяки? — Анна изумленно смотрела на него. — Это убийство. Это неправильно.

— А иметь незаконнорожденного ребенка — это правильно?

— Но он не обязательно должен быть незаконнорожденным, — возразила Анна. — Мы можем пожениться.

— *Пожениться?* — с недоверчивым изумлением переспросил Амедео. — Ты и я? Да ты шутишь.

Анна только молча покачала головой и отвернулась.

— О нет. Я не собираюсь ни на ком жениться. Мне нравится существующее положение вещей. И не спорь со мной. Я не передумую.

Ее голос был едва слышен:

— Я думала, ты любишь меня.

Амедео молчал.

— Ты говорил мне об этом.

— В постели люди всегда говорят не то, что думают, — раздраженно отозвался он. — Ты мне нравишься. Правда, ты мне очень нравишься. С тобой очень весело.

— Весело? — изумилась Анна. — И это все? Только весело?

Амедео неожиданно нахмурился.

— Вот с женщинами всегда так. Рано или поздно вы начинаете ныть. — Он сел в кровати, спустил ноги на пол и потянулся за пиджаком, порылся в карманах в поисках бумажника, потом протянул пачку банкнот. — Последний раз это обошлось мне в двадцать тысяч лир. Держи. Этого должно хватить.

Анна даже не шевельнулась, чтобы взять деньги, тогда он бросил ей их. Купюры осыпали ее, словно конфетти.

— Постарайся избавиться от ребенка, — сурово сказал Амедео. — И чтобы я больше об этом не слышал.

— Но... куда же мне идти?

— Откуда мне знать? Я же не женщина. Поспрашивай окружающих.

— Амедео, — прошептала она. — Я хочу нашего ребенка.

— А я не хочу, чтобы он у тебя был, — отрезал тот и начал одеваться.

— Амедео, прошу тебя, не сердись.

Он не обратил на ее слова никакого внимания.

— Почему ты мне раньше об этом не сказала? Почему ты ждала три месяца?

— Потому, — честно ответила Анна, — что я боялась, ты больше не захочешь иметь со мной дела, если я скажу тебе.

Его лицо оставалось бесстрастным, он застегивал ремень.

— Амедео... — Она попыталась схватить его за руку, но он уже шел к двери.

На пороге Амедео обернулся.

— *Избавься от ребенка,* — резко повторил он. — Вы все никак не научитесь. Вы все

думаете, что, как только вы забеременеете, я на вас женюсь. — С этими словами Амедео вышел, хлопнув дверью с такой силой, что по комнате пролетел порыв ветра.

Анна сидела сгорбившись, на душе было тяжело, тело болело. Больше они не увидятся, она знала это. Как ни странно, Анна уже не испытывала страха. С ее плеч будто скинули тяжелую ношу.

Она посмотрела на деньги и в неожиданном приступе ярости начала сбрасывать купюры с кровати. Не нужны ей его деньги. От него ей больше ничего не нужно.

Через некоторое время Анна вытерла глаза и оделась. Посмотрев в зеркало, она с трудом узнала себя в бледном, со следами слез на лице, безутешном отражении, медленно повязала голову шарфом.

Выйдя на улицу, девушка не стала пережидать дождь и, словно во сне, побрела мимо церкви Санта-Тринита деи Монти, здания с двумя колокольнями наверху Испанской лестницы. Вокруг все опустело, дождь загнал под крышу обычные толпы туристов.

Анна погладила живот рукой, снова вытерла слезы и стала медленно спускаться по ступеням. Она пошла быстрее, ее охватило неодолимое желание оказаться как можно дальше от Амедео и от того, что произошло, причем как можно скорее. Ее слепил дождь и слезы, наворачивающиеся на глаза, она уже почти бежала вниз и вдруг почувствовала, что скользит по залитой водой поверхности.

Анна вскрикнула, тяжело упав и покотившись вниз со ступеньки на ступеньку. Камень лестницы сдирал кожу, ломал кости и царапал лицо острыми краями. Когда девушка докатилась до площадки, то осталась неподвижно лежать там. Потом острая боль пронзила низ живота, Анна со стоном скрючилась и обхватила живот руками.

В больнице врач сказал ей, что ей повезло, она осталась жива, но, к сожалению, потеряла ребенка. Кроме того, объяснил он, ей теперь опасно снова забеременеть. Матка была повреждена при падении. Следующая беременность может убить ее.

Анна закрыла глаза, прикрыла лицо руками и заплакала.

Она все отдала Амедео, предложив ему свою любовь и девственность, и теперь не нужна ему. Из-за него она не сможет иметь ребенка. Если она забеременеет, то умрет.

Анна закрыла глаза и зарыдала. Даже когда Адриана пришла успокоить ее и сказать, что нечего стыдиться происшедшего, дочь едва слушала ее. Ненависть к любовнику огнем сжигала ей сердце.

Амедео.

Как же она презирает его.

3

В утреннюю смену Мирелла Брино стояла за стойкой регистрации. Когда она увидела Анну, торопливо идущую через холодный, напоминающий пещеру мраморный вестибюль по огромному, от стены до стены, зеленовато-розовому ковру, то оставила свой пост и перехватила ее на полдороге.

— Осторожно, — прошептала Мирелла, оглядываясь по сторонам. — Корви вышел на тропу войны. Мы постарались тебя прикрыть, но... — Она выразительно пожала плечами и не закончила фразу.

Анна улыбнулась.

— Все равно спасибо, — поблагодарила она, потрепав Миреллу по плечу.

Мирелла кивнула.

— Кстати, представитель компании «Отели Хейл» уже здесь. Он будет проводить отборочное собеседование для школы менеджеров. Оно состоится наверху в апартаментах «Амальфи».

— На какое время назначено мне?

Мирелла прикусила губу.

— Ты была одной из первых, кому назначено на сегодняшнее утро. Когда Корви обнаружил, что ты опаздываешь, он переделал расписание так, чтобы ты уж точно не успела вовремя. Ублюдок.

Сердце у Анны упало.

— Ну, что ж, я все-таки пойду наверх и посмотрю, что еще можно сделать. Может быть, мне удастся пройти собеседование позже.

— Может быть.

Что-то в голосе Миреллы заставило Анну насторожиться.

— Почему «может быть»?

Мирелла сокрушенно покачала головой:

— И отчего это мне все время приходится сообщать тебе такое?

— Мирелла, *в чем дело?*

— Корви воспользовался обстоятельствами и вместо тебя послал своего брата.

— Маурицио? — удивилась Анна. — Да ты шутишь!

— Хотелось бы мне пошутить.

— Ладно, все равно стоит попробовать. — Анна распрямила плечи.

— Кстати, догадайся, кого прислали проводить собеседование! — В глазах Миреллы светилось удовольствие.

— Кого?

— Генри Хейла. Второго в руководстве компании, представляешь? — На лице девушки появилось мечтательное выражение. — Он такой красивый. И такой молодой! Говорят, он гениален. — Она вздохнула. — Мне кажется, это мой тип. И он не носит обручального кольца. Я проверила.

Против своей воли Анна рассмеялась.

— Мирелла, ты неискривима! Любой мужчина в твоём вкусе, не замечала?

— Когда тебе исполнится тридцать, а ты все еще не выйдешь замуж, сама увидишь, — хмуро отозвалась Мирелла. — В любом случае, остерегайся его. Он холоден, словно рыба. Когда я встретила синьора Хейла, я улыбнулась, опустила ресницы, постаралась его очаровать. И все впустую. — Она снова вздохнула. — Явно он сделан из камня. Или, может быть, я ошибаюсь.

Анна сочувственно погладила подругу по руке.

— Не беспокойся, Мирелла. Очень скоро какой-нибудь мужчина откроет для себя твоё очарование, и ты положишь его на лопатки. Если не внешностью, то своими кулинарными способностями.

— Это точно, — ответила Мирелла со слабой улыбкой.

Анна глубоко вздохнула. Она оглянулась на двери лифтов, сверкающие зеркалами и латунью.

— Что ж, я потеряла достаточно времени. Пойду-ка я лучше наверх. Пожелай мне удачи.

Мирелла подняла руки и скрестила пальцы. Анна ответила таким же жестом. Обычно это вселяло в нее уверенность, но сегодня она боялась, что удача отвернулась от нее.

— *Маурицио!* — выругалась она сквозь зубы. — Если о его пошлют в Нью-Йорк, я ему прежде ноги переломаяю. Я заслужила эту поездку, как никто другой. Но маленький братец Ромео Корви — пустое место. Он и делать-то ничего не умеет, но, кажется, это никого не волнует.

С этими горькими мыслями она быстро вошла в распахнувшиеся двери лифта и нажала кнопку с надписью «10».

На десятом этаже Генри Хейл старался сконцентрировать внимание на деле, но мысли разбегались. Несмотря на всю роскошь апартаментов «Амальфи», они едва могли сравниться размерами с его нью-йоркским офисом. Хотя Генри был чисто выбрит, лицо выглядело одутловатым и усталым. И все-таки ему удавалось подбадривающе улыбаться в течение шести собеседований для отбора в школу менеджеров. Потом он попросил Ромео Корви сделать перерыв на пятнадцать минут.

Оставшись наконец в одиночестве, Генри встал с вышитой золотом кушетки и налил себе столь желанные полстакана виски «Джонни Уокер». Он вынес хрустальный стакан на террасу и разглядывал терракотовые черепичные крыши Вечного города.

Крепко сжав стакан, Генри застонал от отчаяния. Он чувствовал себя одновременно изношенным и скучающим. Хейл давно уже привык к физическому напряжению сверхперегруженного расписания и изнуряющим перелетам по всему земному шару. Но не это вызвало кипевший в нем гнев. Будучи Хейлом, он знал, чего именно от него ждут. С грустью Генри подумал о своих родителях, погибших в автокатастрофе два года назад. Ему все еще их не хватало. Его воспитывала любящая мать, но, как бы он ни любил Дженет Хейл, он всегда смотрел на своего отца и свою бабушку как на пример для подражания.

Генри не часто виделся с отцом. Пока мальчик рос, Заккес Хейл-младший казался загадочной фигурой, постоянно поглощенной работой. Это было большим достижением, учитывая то, что он инвалид. Его отец душой и сердцем принадлежал своей короткой, но блестящей карьере. Возможно, так он пытался компенсировать физическое увечье. Может быть, Заккес знал, что безногие долго не живут. Но меньше всего он ожидал внезапной смерти, которая подстерегала его.

Всепоглощающая преданность его бабушки своему бизнесу стала легендарной. Глядя на нее и отца, Генри поставил перед собой четкие цели.

Он начал работать в двенадцать лет на кухне в отеле во время школьных каникул и занимался случайной работой после школы, чтобы лучше познакомиться с тем, что достанется ему по наследству. Для других детей родной город представлял собой целый мир, а для Генри он стал главным городом четырех континентов. Больше всего на свете он любил сопровождать бабушку в ее поездках по всему миру, когда она следила за развитием все время растущей империи. Как единственный наследник фамилии Хейл (у тети Регины детей не было), Генри в раннем возрасте понял, что от него потребуются работа и преданность делу, и это казалось ему естественным. К тому времени, как ему исполнилось шестнадцать, все семь дней в неделю он работал, в школе или в семейном бизнесе. Уже очень давно Генри не проводил полноценных каникул. Он окончил Гарвардский университет и Гарвардскую школу бизнеса за рекордно короткий срок. Таким образом, к двадцати трем годам Генри Хейл был готов занять высшую исполнительную ступень.

Даже теперь, когда он носил желанный титул самого молодого вице-президента одной из крупнейших международных корпораций, шестнадцатичасовой рабочий день оставался скорее правилом, чем исключением. Женщинам не удавалось заманить его в свои сети, как и многих других знаменитых американских холостяков. Казалось, у него просто не хватает на них времени. Если бы кто-нибудь предположил, что он слишком холоден, стал бы он смеяться? Нет, решил Генри, смеяться бы он не стал. Он просто не понимал, над чем смеяться, потому что серьезно относился к своей карьере и вовсе не собирался совмещать работу с развлечениями. От других Генри требовал только одного — такой же преданности делу, даже в мелочах. К сожалению, Хейл быстро понял, что требовать подобного в Риме значило желать невозможного.

Оранжевые крыши слабо поблескивали на солнце, словно мягко колышущееся море, опоясывающее все семь холмов итальянской столицы. Несмотря на то что это город ошеломляющей красоты и великой истории, Генри понял, что каши здесь не сварить. Он просто удивлялся, как это Рим еще стоит и в нем кто-то умудряется жить. Римляне являлись людьми особой породы, столь же непохожие на северян-миланцев или южан-сицилийцев, как скандинавы отличаются от арабов. Они безмерно гордились тем, что они римляне, поэтому все делали по-своему и в свое время. Их не изменить.

Генри чуть вздохнул и сжал губы. Сегодня явно не его день, подумалось ему. Правда, день вчерашний оказался ничем не лучше.

Для начала перелет из Нью-Йорка, обычно без приключений и очень утомительный. Тем не менее вчера у «Боинга-707» начались неполадки с мотором прямо над Атлантикой, и он еле дотянул до Азорских островов, где ему пришлось совершить вынужденную посадку. Посадка, хотя и вынужденная, прошла без сучка и задоринки, так что пассажиры, у которых камень с души свалился, разразились восторженными аплодисментами в адрес пилота. Как бы там ни было, приключение оказалось не из приятных. В результате непредвиденной задержки на Азорах Генри попал в Лондон в тот момент, когда его самолет на Рим уже давно улетел, и ему пришлось ждать четыре часа до следующего рейса. Для того чтобы съездить из аэропорта Хитроу в Лондон, времени было мало, но для того, чтобы спокойно сидеть в зале ожидания, его было слишком много. Время — деньги, и потерянные четыре часа стоили дорого.

Когда Генри наконец прибыл в Рим, то лимузина, который должен был ожидать его в аэропорту Леонардо да Винчи да Фьюмичино, на месте не оказалось. Когда он добрался до «Хейл Рома», Ромео Корви преувеличенно приветствовал его, чуть не падая ниц, снова и снова извиняясь за непростительную путаницу с машиной. Он лично проводил Генри в апартаменты «Портофино».

На первый взгляд все в комнатах выглядело отлично. Корви предусмотрел приветственный набор от администрации — бутылка шампанского и букет цветов, а также позаботился о том, чтобы бар был полон. Генри привел в смятение Корви, отказавшись остаться в этих апартаментах и настояв на том, чтобы жить в менее просторных апартаментах «Амальфи». Элизабет-Энн придерживалась твердого правила: если она или кто-нибудь из членов семьи останавливался в каком-либо из отелей корпорации «Отели Хейл», то комнаты или апартаменты менялись несколько раз без предварительного уведомления персонала. Это было утомительно для служащих, но очень полезно, как теперь выяснил Генри. Только таким образом мог представитель из Нью-Йорка держать в напряжении персонал и лично убедиться, что может оказаться не в порядке в тех комнатах

или апартаментах, где его не ожидали увидеть. Пока что в Риме слишком многое требовало улучшения.

Когда он принимал душ, сток оказался засоренным и в поддоне скопилась вода.

Пытаясь зажечь лампу на ночном столике, Генри выяснил, что лампочка перегорела.

Он хотел позвонить в Нью-Йорк, но телефонистка, не предупрежденная о том, кто расположился в апартаментах «Амальфи», потратила слишком много времени, чтобы соединить его.

Генри отправил свой костюм погладить, но служащие перепутали номер комнаты, когда возвращали его, и Костюм так и затерялся.

И такие проблемы в апартаментах, за которые постояльцы платят около сотни долларов в день.

В довершение всего, когда он вызвал Корви на ковер и приказал устранить все неполадки — и *pronto*^[27], — то для этого потребовалось слишком много времени. А когда Генри во второй раз напомнил о неполадках, этот скользкий маленький ублюдок имел наглость ответить ему, что «в Риме все по-другому».

Глаза Генри угрожающе сощурились, и Корви наконец зашевелился. К половине пятого большинство проблем было решено, но злополучный костюм так и не нашли. У Генри появились серьезные сомнения, что он когда-нибудь еще его увидит. Вместо того чтобы ждать, молодой человек надел другой костюм и отправился к продавцу автомобилей — забрать новенький «мазерати». Он собирался увезти его с собой в Нью-Йорк после отъезда из Рима.

Когда Генри вернулся обратно в отель, этот масляный, елейный, самодовольный Корви — с каждым часом Хейлу становилось все труднее и труднее выносить его — все пытался подлизываться к нему. Венцом усилий Корви явилось то, что даже сегодняшнее собеседование прошло далеко не гладко. По какой-то причине расписание переделали в последнюю минуту, поэтому беспорядку не было конца.

Генри покачал головой и допил остатки виски. Ему нужно подкрепиться. Впереди беседа еще с шестью служащими, а он совсем не уверен в том, что ему этого хочется. Судя по всему, Ромео Корви принимал на работу только таких же недоумков, как и сам. Если подумать хорошенько, то Генри казалось невероятным, чтобы дела в отеле шли так гладко. Это уж точно не могло быть заслугой Корви или тех служащих, с которыми он разговаривал. Ему нужно поспрашивать персонал и выяснить, кто из-за кулис руководит всем этим хозяйством. Кто бы это ни был, он заслуживает благодарности... и даже перемещения на место Корви.

Так или иначе, Ромео Корви с этой должности надо убирать. И чем быстрее это произойдет, тем будет лучше и для отеля, и для всей корпорации «Отели Хейл» в целом. Но не только он получит уведомление об увольнении. Маурицио Корви ждет такая же судьба. Более путаного собеседования и представить себе невозможно. Да и одинаковые фамилии этих двух служащих не ускользнули от внимания Генри.

Гостинице «Хейл Рома» следует устроить хорошенькую встряску, но Генри знал, что надо выждать несколько дней. Элизабет-Энн следовала твердому правилу никого не увольнять прежде, чем будет готова замена. Как только подыщут подходящую кандидатуру, операцию можно будет произвести с хирургической точностью, безболезненно для всего организма.

«В целом, — подумал Генри, покачивая головой и возвращаясь в комнату, — «Хейл

Рома» слишком похожа на отели «Хейл» в Мексике и Гонконге». Там тоже все было до безумия неряшливым. Было до того момента, пока не вмешался Генри и не положил всему этому конец. В настоящее время «Ацкапотцалько», «Косумель» и «Виктория Хейл» работали очень эффективно. Для мужчины его возраста Генри стал просто виртуозом в наведении порядка. Устранение помех входило в его обязанности, а талант, так помогающий ему управлять самой дорогой сетью гостиниц в мире, был у него в крови.

Генри собрался было вызвать следующего служащего, когда его внимание привлек громкий голос в коридоре.

— Какого черта... — пробормотал он, направляясь к двойным дверям и настежь распахивая их.

Пока лифт поднимался все выше, уровень адреналина у Анны в крови тоже рос. К тому времени как она вышла на десятом этаже, девушка была вне себя от ярости.

Корви, этот лживый, отвратительный, надменный маленький *мерзавец*. Он не упустил свой шанс подставить ей ножку. Ей необходимо с ним все *выяснить*. Если он думает, что Анна проглотит его последнюю выходку, то его ожидает сюрприз. Ублюдок несчастный.

Она сжала пальцы в кулак и перевела дыхание, стараясь успокоиться. Выйдя из лифта, Анна посмотрелась в зеркало в витиеватой раме, висящее над позолоченной консолью в коридоре, проверяя свой внешний вид. Косметики на ней было мало, и гнев странно утяжелил черты лица. Не в таком виде хотелось бы ей предстать перед тем, кто проводит собеседование, но ничего не поделаешь. Гнев придаст ей силы войти к Генри Хейлу.

Она прошла по кремовому ковру до белой лакированной двери в апартаменты «Амальфи» и на минуту заколебалась. Сжав челюсти, Анна подняла кулачок, собираясь постучать, и тут же услышала шепелявый Голос. Рука ее застыла на полпути.

— И что это вы собираетесь сделать, синьорина Вигано?

Анна обернулась — перед ней стоял Ромео Корви. Она прямо смотрела на него, ее ноги сами встали в боевую стойку.

«Спокойно, — сказала девушка самой себе, ее сердце гулко билось в груди. — Не теряй самоконтроль. Он собирается поймать тебя на крючок, а ты не должна проглотить наживку, словно голодная рыбешка».

Анна заговорила, теперь уже вслух, стараясь, чтобы ее голос звучал, как обычно:

— Я собираюсь поговорить с вами о моем собеседовании.

— Вашем *собеседовании*? — Корви улыбнулся противной самодовольной улыбкой, его губы и тонкие ноздри делали его странно похожим на акулу. — Боюсь, что вы *не* значитесь в списке, синьорина Вигано.

Анна почувствовала, как волосы дыбом встанут у нее на затылке.

— Я войду туда, — объявила она спокойно, но твердо, — и вы не сможете остановить меня.

— Я бы на вашем месте не стал даже пытаться. — Улыбка застыла на губах Ромео.

— А почему бы и нет?

— Потому что, как только вы переступите порог, вы будете уволены.

Анна смотрела ему в лицо, пытаясь оценить серьезность угрозы. Но вместо этого она увидела нечто другое, удивившее ее, — страх. Корви боялся Генри Хейла. Осознание этого придало ей необходимую смелость.

— Скоро увидим, — отрезала она холодно. Анна взялась за полированную латунную

ручку, но его рука, быстрая, словно кобра, перехватила ее пальцы. Анна свирепо взглянула на него, запах его одеколona казался приторно сладким на близком расстоянии.

— Вам лучше дать мне войти, — сурово произнесла она.

— Вы уволены, синьорина Вигано, — прошипел он. — С этой самой минуты. Соберите ваши вещи и вон отсюда сию же секунду.

Что заставило Анну действовать — решимость или дикая ярость, — она так и не узнала. Она сделала вид, что отпускает ручку двери, и Корви освободил ее пальцы. Как только его хватка ослабела, она снова попыталась открыть дверь, но Корви схватил ее за плечи и грубо оттолкнул.

— Дайте мне... *войти*, — крикнула она, пытаясь дотянуться до ручки двери. Но Ромео тянул ее назад. — Дайте мне войти, вы... вы *червяк!*

И именно в эту секунду дверь в апартаменты открыли изнутри. Корви и Анна застыли на месте, их руки еще были сплетены в пылу борьбы. Они оба смотрели на высокого, красивого, белокурого человека, появившегося в дверях.

Глаза Анны сверкнули. Какое-то мгновение она не могла взять в толк, что это действительно *он*. Встретиться с представителем из Нью-Йорка в таком виде Силы оставили ее, весь пыл борьбы пропал.

Генри Хейл долго молча смотрел на них. Он никак не мог понять, что за представление перед ним разыгрывают, и в первый момент почувствовал отвращение к очередной выходке Корви. Потом он заметил девушку.

Прежде всего Генри обратил внимание на ее васильковые глаза. Ему еще не доводилось видеть таких глаз — таких сияющих, таких влекущих. И тут он сообразил, что вообще еще никогда не встречал никого, похожего на нее. Она не только стала для него первой женщиной, на которую он по-настоящему обратил внимание, Генри был уверен, что перед ним самая красивая женщина на земле.

Все эти мысли молнией пронеслись в мозгу Генри, а Анна и Корви все стояли, застыв в странной живой картине. И тут Корви вдруг сообразил, что он все еще цепляется за плечи Анны. Он отошел от нее, покраснев от смущения, достал белоснежный носовой платок и вытер лоб. Анна стала растирать пальцами плечи, словно старясь избавиться от следов прикосновения Корви.

— Кто-нибудь наконец скажет мне, что, черт возьми, здесь происходит? — спросил Генри.

Корви заговорил первым.

— Эта женщина хотела войти к вам без предупреждения, — презрительно заявил он на английском с сильным акцентом.

— Неужели? — Брови Генри вопросительно поднялись. — И почему она хотела так поступить?

— Потому, — объявил Корви, поднимая подбородок, — что это прирожденная смутьянка. — Он подчеркнул слово «смутьянка» быстрым, коротким, почти птичьим, кивком, сверкнув глазами на Анну.

— Это правда, синьорина? — поинтересовался Генри, глядя на девушку.

Ее глаза блеснули, пальцы застыли на плечах.

— Смотря как на это взглянуть, — ответила она со всем возможным достоинством.

Генри удивленно поднял брови. Ее английский был очень хорош, лишь с легким итальянским акцентом.

— Ее уволили, — бросил Корви, пользуясь моментом. — Ее уволили, но она отказывалась уйти. Нахалка. — Он выпрямился, спрятал платок обратно в карман и поправил шелковый галстук.

Анна молчала.

— И почему же вас уволили? — спросил ее Генри.

— Потому что она отказалась подчиниться... — начал было с жаром Корви.

Спокойный, но суровый голос мистера Хейла прервал Ромео на полуслове:

— Я спросил у синьорины.

Корви закрыл рот, но с трудом сдерживался.

— Меня уволили, — пояснила, насколько могла спокойно, Анна, — за то, что синьор Корви взял на себя смелость переделать расписание собеседований для поступающих в школу менеджеров и не предупредил меня. Я опоздала, а он воспользовался случаем и отправил к вам своего брата вместо меня.

— Маурицио Корви, — задумчиво произнес Генри, потирая подбородок костяшками пальцев. Лицо его оставалось суровым, но в зрачках запрыгали смешливые искорки. Все начинало становиться на свои места.

— Да, Маурицио Корви. — Имя слетело с языка Анны с явным презрением.

— Могу ли я добавить, — вступил в разговор Ромео, — что Маурицио с самого начала был внесен в список? Правда, когда список отправляли по телексу, синьорина Вигано собственноручно вычеркнула его и вписала свою фамилию.

Генри вопросительно посмотрел на нее.

— Да, я так и сделала, — согласилась она. — Но Маурицио не заслуживал поездки в Штаты. Если кто-то этого и заслужил, то только я.

— Все может быть. — Генри повернулся к Корви: — Синьор Корви, как управляющий этого отеля, вы должны лучше, чем кто-либо другой, знать, что служащие не должны драться в коридорах гостиницы. В отеле много служебных помещений, там и выясняйте отношения. Наши гости не для того дорого платят, чтобы смотреть на ваши перебранки. Мы в отеле, а не в цирке.

Корви сглотнул слюну, в горле у него неожиданно пересохло.

— А вы, синьорина, — продолжал Хейл так же холодно, — как служащая не только должны так же заботиться об этом, но и прежде всего выполнять указания вашего управляющего.

Анна опустила глаза. Она почувствовала, как на них выступили слезы гнева, но стыдилась показать их. Внутри у нее все кипело, но девушка понимала, что для взрыва сейчас не время. Она должна держаться безупречно. Единственными внешними признаками кипевшей в ней ярости стали только крепко сжатые губы и тяжелое дыхание.

— Мне кажется, — предложил Генри, — что мы все только выиграем, если просто забудем об этом злосчастном инциденте. Вы, синьор Корви, возвращайтесь к вашим обязанностям.

— Но... как насчет нее? — бессвязно пробормотал Корви.

— Синьорина может войти. Это, конечно, несколько смягчит ее гнев. — Генри повернулся к Анне, его глаза блестели.

Анна облегченно кивнула и прошла мимо него в комнату. Генри вошел следом, аккуратно закрыл за собой дверь, прислонился к ней и захохотал.

Анна рассердилась и в ярости устала на него. Оставшись наедине с ним, она не

смогла не заметить, насколько Генри хорош собой, — золотистые волосы, твердый профиль и его раздвоенный подбородок. Крупный мужчина, загорелый, хорошо одетый. Когда ее глаза встретились с его синими глазами, у нее перехватило дыхание. Она догадалась, что он примерно ее лет, но явно из другого мира — из мира *избранных*. Все это, помимо его внешней привлекательности, которую она предпочла бы не замечать, — Анна верила, что никогда больше не будет обращать внимания на мужчин, — его веселый смех над ее неприятным положением вывели ее из себя.

— Я полагаю, что вас все это забавляет? — поинтересовалась она насколько могла холодно.

— Вы имеете в виду драку? — спросил он, продолжая смеяться.

Анна решительно кивнула.

Но Генри продолжал улыбаться.

— Нет, это не смешно. А вот вы смешная.

— Я?!

— Вы. — С видимым усилием Генри взял себя в руки и вновь приобрел свою суровую деловую манеру держаться. — Мне кажется, я еще никого не встречал, кто был бы полон такой же решимости, как вы.

— Я делала только то, что должна была сделать, — прозвучал ее ответ.

— Конечно-конечно, — подтвердил он. — Вы довольно смело воспользовались случаем.

Но его слова не подбодрили ее.

Генри поднял одну бровь и взглянул на часы.

— Время ленча. Не могли бы вы порекомендовать хороший ресторан для деловой встречи?

На глазах Анна словно стала меньше ростом. У него явно не хватало для нее времени, и он позвал ее в свои апартаменты, чтобы лишний раз унижить.

— А как же собеседование? — сурово спросила она.

Генри Хейл подошел к ней и взял за руку.

— Я собираюсь провести ленч с вами, — мягко сказал он.

— Вы хотите сказать... что у меня все еще есть шанс отправиться в Нью-Йорк?

— Да.

Анна наконец улыбнулась, ее лицо засветилось. Она не могла поверить своим ушам. Несмотря на старания Ромео Корви, шанс, ради которого она так тяжело работала, все еще был на расстоянии вытянутой руки. Анна Вигано облегченно вздохнула.

Но Анне так и не пришлось поехать в школу менеджеров в Нью-Йорке. Туда в конце концов отправилась Мирелла Брино. Потому что после ленча Генри провел остаток дня с Анной. Их связала какая-то волшебная нить, и им не пришлось долго копаться в своих ощущениях, чтобы разобраться в чувствах. Они немедленно, почти инстинктивно, почувствовали это.

На выходные они отправились в Неаполь, на пароме переправились на остров Искья и провели эти дни вместе, нежась на солнышке днем и занимаясь любовью ночью.

Генри Хейл, который не сделал ни одного непродуманного шага в своей жизни, и Анна Вигано, поклявшаяся после неудачи с Амедео никогда не влюбляться ни в одного мужчину, поженились, прежде чем уик-энд подошел к концу.

Впервые в своей жизни Генри совершил нечто невообразимое. Все, знавшие его, были изумлены. Генри, ни разу в жизни не пропустивший ни одного рабочего дня, сорвался на целых две недели.

— Мы отправимся в свадебное путешествие прежде, чем поедem в Нью-Йорк, — объявил он изумленной Анне, когда они лежали рядом в постели на другое утро после свадьбы.

— Но... что же будет с твоей работой! — запротестовала она.

— Меня не будет всего две недели. Бабушка проследит, чтобы все было в порядке.

— А что скажет твоя семья? Они даже не знают, что мы поженились.

— Скоро они все узнают, — заверил жену Генри. — Но сейчас ты должна принадлежать только мне. — Он крепко, но осторожно обнял ее и прижал к себе.

— Куда мы отправимся? — поинтересовалась Анна.

Он поцеловал ее в кончик носа. Все произошло так быстро. Генри все еще изумляло счастье, обретенное с Анной. Любить кого-то до такой степени, чтобы мечтать провести каждый час вместе, было радостью, не испытанной им раньше.

— Мы поедem туда, куда ты захочешь, — нежно пообещал он, — только как можно дальше от отелей корпорации «Хейл». И мы будем вдвоем, только ты и я. Назовите место, миссис Хейл.

Анна запрокинула голову и засмеялась.

— У меня нет никаких идей на этот счет!

Генри улыбнулся — на ее лице светилось смешанное выражение смущения и наслаждения.

— Не важно. У меня есть идея. Мы сыграем в старую американскую игру. Она называется «прикрепи осла хвост».

— Прикрепи... что?

— Сейчас увидишь, — успокоил жену Генри, хлопнул ее по спине, позвонил администратору и попросил женщину-клерка прислать карту мира. — И, прошу вас, пусть из магазина принесут шарф, желательно из темного шелка. Да, и еще брошь. И доставьте все в мой номер. — Когда женщина ответила, что не уверена, есть ли в отеле карта мира, Генри просто заметил: — Я уверен, что вы сможете что-нибудь придумать.

Анна молчала. Если сказки и сладости принадлежали к разряду детских мечтаний, то сейчас перед ней разыгрывался вариант для взрослых. Магия больших состояний оставалась пока для нее недоступной. Иметь возможность собраться в любую минуту и отправиться в самый далекий уголок земного шара, не думая, во что это путешествие обойдется, такое положение вещей оказалось для нее внове.

Бюро путешествий отеля не смогло прислать карту мира, но администратор принесла нечто более ценное — множество брошюр и проспектов, предлагающих различные маршруты по всему миру. Генри молча кивнул. Это подойдет. В каждом из них нашлась карта какой-то страны, и он быстро выдрал их все. Потом, отодвинув кушетку и сняв картину, Генри повесил карты на стену, пытаясь соблюдать очертания полушарий. Отошел назад, проверяя свою работу. Они оба рассмеялись. Перед ними расположился плохо скроенный мир, состоящий из огромного района Средиземного моря, гигантской Мексики, крошечной Скандинавии, малюсенькой Восточной Африки и кусочков Дальнего Востока.

Генри достал шарф из подарочной коробки, сложил его в несколько раз, чтобы ничего не было видно, и торжественно завязал Анне глаза.

— Право, Генри, — слабо запротестовала она, инстинктивно ощупывая повязку.

— Тсс, — сказал муж, нежно целуя ее в губы. — Доставь мне удовольствие. Теперь возьми брошь и вколи ее острым концом в стену. Куда попадешь, туда мы и поедem. Осторожно! Ты же не хочешь уколоть себя. Вот, держи... так, пошли. — Он положил руки ей на плечи и подвел ее к карте.

Анна осторожно шла вперед, неловко чувствуя себя с этой повязкой. Генри стал поворачивать ее, пока она совсем не потеряла ориентацию.

— А теперь вколи иголку. Помни, куда ты вколешь брошь, там мы и проведем наш медовый месяц.

— Генри. — Она повернулась на его голос.

— Я совершенно серьезен. Делай так, как я говорю.

Анна послушно кивнула и шагнула вперед, вытянув вперед руку, чтобы не споткнуться. Она держала брошь в руке, с сомнением то поднимая ее вверх, то опуская вниз, ведя то налево, то направо, и наконец вколола ее в стену.

Он снял с нее повязку, и Анна посмотрела на стену.

— К-Косумель? — Она повернулась к мужу, глядя на него широко открытыми глазами.

— Едем на Косумель, — улыбнулся тот.

— Но... но ведь у нас нет одежды, чтобы ехать в Мексику, — запнулась она.

— Мы купим все, что нужно, по дороге, а если чего-нибудь у нас не окажется, то, я уверен, мы сможем приобрести это на месте.

— Генри... — Анна заплакала.

— Разве ты несчастлива? — забеспокоился тот, крепко прижимая ее к себе.

Она шмыгнула носом и покачала головой.

— Не всегда плачут только от печали, — всхлипнула Анна, уткнувшись ему в грудь.

Они провели на Косумеле две счастливейшие недели в своей жизни. Молодожены не стали останавливаться ни в одном из огромных отелей на побережье. Генри позвонил другу, кинопродюсеру по фамилии Шалкин, и узнал, нельзя ли снять его дом. Двумя годами раньше Элизабет-Энн вложила деньги в один из его фильмов. Генри тоже принимал в этом участие, поэтому, когда фильм принес прибыль, они все подружились. Вот почему теперь Берни Шалкин не только согласился сдать дом, но и поклялся могилой своей матери, что никому не скажет о местонахождении Генри.

— Я все понял, сукин ты сын, — смеялся Берни по телефону. — Спешешь в любовное гнездышко, а? И сколько же девочек ты берешь с собой?

— До свидания, Берни.

Берни с завистью вздохнул:

— Пусть любовь тебя не оставит.

— Да, нам двоим это бы не понравилось, — сострил Генри, и за полмира от него Берни посмотрел на свой белый телефон в веселом недоумении.

Никогда раньше он не слышал шуток от Генри Хейла.

— Если где-то есть рай, то это здесь, — выдохнула Анна, когда «джип» остановился перед виллой.

Вдалеке от огромных отелей побережья поместье многочисленными террасами спускалось к океану. Величественный дом не был перегружен мебелью. Построенная из грубого камня вилла изобиловала арками, среди которых не нашлось бы и пары одинаковых, придающими дому своеобразное очарование и открывающими доступ океанским бризам. Всего в особняке насчитывалось двадцать комнат и два бассейна, один с морской водой, другой с пресной. Оба бассейна выдолбили в скале при помощи взрывов таким образом, чтобы несколько валунов осталось в воде. За садом следил садовник, в чьи обязанности входило поддерживать в таком порядке похожие на джунгли заросли пальм, эвкалиптов, дикого винограда, бугенвиллей и страстоцветов, чтобы вмешательство человека никак не ощущалось. В доме работали две постоянные служанки, а садовник исполнял также обязанности шофера. Он и встретил молодоженов в аэропорту.

Поместье оказалось уединенным раем. Каждый день Генри и Анна плавали, ходили под парусом, обедали на балконе и занимались любовью. Через неделю они оба загорели до черноты.

Убаюканные ароматом цветов и тропическим бризом, ни Генри, ни Анна не заметили, как пролетели две недели. Время отлета в Нью-Йорк приближалось, и Анну стали мучить дурные предчувствия.

В последний день их отдыха, когда они загорали в шезлонгах, Анна спросила:

— Генри, а что будет, если я не понравлюсь твоей семье?

Тот заметил ее испуганное лицо и улыбнулся:

— Обязательно понравишься.

— Но ведь они даже не знают, что мы уже поженились. Мы никому не говорили.

— У нас не такая большая семья. Две минуты, и все все узнают.

Анна кивнула, но губы ее оставались сжатыми.

— Но... твоя бабушка... — Она поднялась со своего шезлонга и опустилась на колени рядом с ним.

— Моя бабушка. — Генри помолчал с минуту, думая об Элизабет-Энн. — Я бы на твоём месте не стал беспокоиться о её реакции. Ты ей наверняка понравишься. — Он взял лицо жены в ладони. — Не волнуйся ты так. Тебя никто не укусит. А теперь допивай свой коктейль, пойдем искупаемся.

— В бассейне с пресной водой. Соль щиплет мне глаза.

— Мои тоже щиплет, — согласился муж с улыбкой.

Они оба одновременно обернулись и посмотрели на виллу. Где-то в глубине дома зазвонил телефон. После третьего звонка он умолк.

— Это не нас, — заметил Генри, качая головой. — Я до сих пор не могу привыкнуть, насколько хорошо не быть привязанным к телефону. Даже сейчас, стоит мне услышать телефонный звонок, я тут же порываюсь на него ответить. Мне кажется, у меня рефлекс, как у павловской собачки. Условный.

— Простите меня, сеньор.

Они обернулись. Служанка принесла с собой аппарат с длинным шнуром.

— Что случилось? — спросил Генри, испытывая почти шок.

— Это вас, сеньор. — Она протянула ему трубку.

— Насколько я знаю Берни, он наверняка хочет, чтобы я оказал ему ещё одну услугу, — с улыбкой сказал Генри жене, несмотря на собственное смущение. — Старый добрый Берни. Служанка покачала головой:

— Нет, сеньор. Это не сеньор Шалкин.

— Но никто не знает, что мы здесь, — теперь Генри по-настоящему встревожился.

— Кто-то знает, — вежливо произнесла служанка. — Это сеньора Хейл.

Анна резко повернулась к Генри, вставшему, чтобы взять трубку. Какое-то время он смотрел на нее, потом поднес трубку к уху:

— Бабушка?

— Генри, дорогой! — голос Элизабет-Энн доносился из трубки, лишь слегка измененный расстоянием. — Как там солнце? — Она говорила весело, но достаточно сухо, чтобы привести Генри в чувство.

— Как ты узнала, что мы здесь? — строго спросил он.

Элизабет-Энн рассмеялась.

— Ты оставил за собой следы. Не забывай, что «Хейл Рома» заказывал билеты до Искьи, а тамошний отель заказывал билеты до Косумеля.

— Этот предатель Берни, — выругался Генри сквозь зубы.

— Берни? Но это вовсе не он. На самом деле моей секретарше хватило четырех часов, чтобы проследить твой путь до виллы, что она и сделала.

— Что ты ей посулила? Предложила поощрительную премию?

Женщина засмеялась.

— Возможно, мне *следует* сделать это. Что бы там ни было, я рада, что ты смог наконец отдохнуть.

— Разве я этого не заслужил?

— Конечно же, заслужил, — успокаивающе проговорила Элизабет-Энн. — И все-таки ты бы мог сообщить мне, где ты находишься. — В ее голосе не было и тени упрека, лишь констатация факта.

— Да, наверное, мне следовало это сделать.

— Ты хорошо проводишь время?

Генри посмотрел на Анну и встретился с ней взглядом. Он не смог не улыбнуться.

— Очень хорошо, — ответил он бабушке, думая о том, что бы сказала Элизабет-Энн, если бы знала, насколько он действительно счастлив.

— Отлично. Тогда наслаждайся последним днем отдыха.

— Как ты узнала о?... А, я догадался. Бронирование обратных билетов.

— Все правильно, — подтвердила Элизабет-Энн. Она помолчала. — Завтра увидимся. Когда вернешься, зайди в «Мэдисон Сквайр». Я буду дома весь вечер.

— Обязательно.

— И, знаешь что, Генри...

— Да, бабушка?

— Передай мои наилучшие пожелания твоей жене.

Прежде чем Генри смог что-то ответить, связь прервалась. Он задумчиво опустил трубку на рычаг.

— Что такое? — спросила Анна.

Он ошеломленно посмотрел на нее.

— Она уже знает. Невероятно. Не знаю, как она это делает, но ей всегда все известно. — Он криво улыбнулся и покачал головой. — Она просила передать тебе привет.

Они приехали в «Мэдисон Сквайр» почти в десять часов вечера. Генри не пришлось называть себя у стойки администратора. Большинство служащих отеля ребенком качали его на коленях и теперь тепло приветствовали.

Когда Генри вошел в вестибюль, его наполнило странное чувство ностальгии. Ничто в «Сквайре» не изменилось. Здесь никогда ничего не менялось. Почти половина служащих провели в этой гостинице лучшие годы своей жизни. Паула Келли, начальница телефонной службы, работала здесь сорок девять лет. И она не была единственной в своем роде. Многие работали уже после того, как им пришло время уходить на пенсию. «Сквайр» стал для них смыслом жизни, и они собирались работать в нем до своего последнего часа на этой земле. Гордость, чувство принадлежности к избранным, ощущение, что ты часть семьи, — все, что было в «Сквайре» и чего так не хватало большинству отелей.

В то же самое время Элизабет-Энн не позволяла расцвести показухе. Она придавала большое значение радушному персональному обслуживанию, а несколько безвкусная роскошь уже чуть потускнела, благодаря чему появилась приятная и удобная атмосфера. В результате «Сквайр» обзавелся верными постояльцами. Многие предпочитали останавливаться именно здесь, а не в других отелях корпорации «Хейл», и служащие гостиницы гордились тем, что запоминали имя клиента после первого пребывания в отеле.

— Кажется, тебя здесь все знают, — заметила Анна, когда они выходили из лифта в пентхаусе.

Генри кивнул с задумчивым выражением на лице.

— Да я практически вырос в отеле.

— Мне нравится. От этого становится... *теплее*.

— Лично мне кажется, что здесь можно было бы все подновить. Потрепанность становится более заметной, чем следовало бы.

— Но тогда все будет испорчено! — воскликнула Анна.

— Мне тоже так кажется, — отозвался четкий голос из конца коридора.

Молодые люди обернулись и увидели Элизабет-Энн, озаренную теплым светом настенного канделябра. Она стояла очень прямо и отлично выглядела. Впрочем, как всегда, — леди до кончиков ногтей.

Казалось, время остановилось, когда взгляды двух женщин встретились. Какое-то время они откровенно оценивающе рассматривали друг друга. Так могут смотреть при первом знакомстве только женщины, делящие любовь одного мужчины.

Но для Элизабет-Энн эта встреча была чем-то большим, чем могло показаться на первый взгляд. Внешне сдержанная, с теплой улыбкой на лице, элегантная, красивая женщина шестидесяти девяти лет в отлично сшитом цвета устриц шерстяном костюме от Шанель. Но ее сердце разрывалось от разноречивых чувств, а голова гудела от тревожных мыслей. Глядя на высокую, с хорошей осанкой молодую женщину с очень синими глазами, стоящую перед ней, Элизабет-Энн чувствовала себя, словно подросток на первом свидании. Она пристально рассматривала лицо Анны, пытаясь найти хотя бы намек на знакомые черты, и, близко заглянув в эти синие глаза, так похожие на глаза Генри, женщина вздрогнула.

«*Неужели это может произойти?*» — спросила она себя.

Слезы навернулись ей на глаза. Сначала она не хотела в это поверить. Неожиданная новость о том, что Генри женился, глубоко поразила ее, открыв старые раны, которые, вероятно, так никогда и не затянутся. Все началось в тот момент, когда, позвонив внуку в

Рим, она услышала, что синьор Хейл и синьорина Вигано отправились на Искью.

Вигано.

Имя застыло у нее на языке, вызвав в памяти безудержный хоровод воспоминаний о поражении, тысяче несбывшихся надежд. Когда к Элизабет-Энн наконец вернулся дар речи, она торопливо спросила, как зовут синьорину Вигано.

Анна.

«Этого не может быть!» снова и снова повторяла женщина самой себе. Это всего лишь жестокая шутка. Только шутка! Анну отдали в чужие руки, она исчезла. Неожиданное воскрешение могло быть только чудом, а в чудеса Элизабет-Энн не верила. Этой поддельной Анне нужны только деньги. Это, должно быть, хитрая, коварная охотница за состоянием, каким-нибудь образом разузнавшая об Анне и решившая занять ее место. Это не так-то трудно было бы сделать. В конце концов, никто никогда Анну не видел.

Но какой же неискренней она должна быть, если смогла так быстро проложить путь к сердцу Генри! Генри, никогда в жизни дважды не смотревшего на женщину. Генри, никогда не слышавшего историю об Анне, даже не подозревавшего о существовании двоюродной сестры. Элизабет-Энн, Дженет и Заккес считали разговоры о потерянном ребенке Шарлотт-Энн слишком болезненными. Эта тема стала в доме табу.

После того как Элизабет-Энн узнала о существовании этой Анны, она все время ждала: вот-вот позвонит Генри и скажет, что нашел кузину. Ведь женщина, выдающая себя за Анну, должна была сама навязать ему знакомство, разве нет? Раз она претендовала на часть состояния семьи Хейлов, таков должен был быть ее следующий шаг. И Генри, ничего о ней не знающий, Должен был в смятении позвонить своей бабушке.

Но женщина, очевидно, еще не была готова выложить свои карты на стол, по крайней мере, пока не готова. Молчание Генри только увеличивало душевное смятение Элизабет-Энн. В конце концов она не выдержала и кое-куда позвонила.

И тут узнала об их свадьбе.

Новость поставила ее в тупик. Генри женился? Даже не позвонив ей?

Но для обид не хватало времени. Она вступит в борьбу с этой псевдо-Анной, и *немедленно.*

Элизабет-Энн беспокоило то, что этот брак не имел смысла. Если, конечно, думать о том, что охотница за состоянием нашла неожиданный, но более легкий путь к семейным сундукам. Да, могло быть и так. Или...

Элизабет-Энн простонала вслух, не желая даже подумать о другой возможности. Именно из-за свадьбы у нее появились новые назойливые сомнения.

Если эта девушка на самом деле Анна, то она, вероятно, и сама об этом не знает.

Может ли она *на самом деле* быть Анной Вигано? Ведь иногда происходят чудеса, разве не так?

Неожиданно все стало бессмысленным. Элизабет-Энн знала только одно. Ей необходимо выяснить, кто такая на самом деле эта Анна Вигано.

Поэтому она и обратилась к частному детективу, который провел расследование, пока счастливая пара проводила медовый месяц, коричневея под солнцем на Косумеле.

— Мне нужно узнать о ее прошлом, — инструктировала Элизабет-Энн детектива. — Особенно, кто она такая. Ее личная жизнь меня не интересует. Мне не нужны никакие сплетни о ней. Я только хочу знать, где она родилась и кто были ее родители. Усыновляли ее или нет. Больше ничего. Вам ясно?

Детектив оказался быстрым и компетентным. Он вернулся с такими новостями, что они укрепили слабые надежды Элизабет-Энн.

По сведениям детектива, Анна Вигано прожила в Риме девятнадцать лет. Приехала в столицу из Кампании в возрасте трех лет. Ее отец, рабочий, умер. Ее брат Дарио стал священником. Мать только что переехала из трущобы в более приличный квартал по соседству. Деньги на новую, более комфортабельную жизнь ей явно дала дочь, недавно очень удачно вышедшая замуж. Судя по всему, ее мать считает дочь собственной плотью и кровью, хотя и признает тот факт, что была больна во время рождения девочки, поэтому точно ничего вспомнить не может.

Этого оказалось достаточно, чтобы совершенно невозможное стало возможным. Но Элизабет-Энн понимала, что правду еще предстоит выяснить при последнем испытании. Ей надо самой увидеть Анну Вигано только для того, чтобы решить, есть ли хоть что-то в лице девушки от ее любимой Шарлотт-Энн.

И вот теперь ее сердце бешено билось. Во взгляде молодой женщины Элизабет-Энн увидела нечто, разрывающее сердце и очень знакомое. Если это и не были глаза Шарлотт-Энн, то очень, очень похожие. И этот царственный нос ди Фонтанези... Да, пожилая женщина узнала в ее лице и отцовские черты. Но гораздо важнее для Элизабет-Энн было то, что, увидев девушку теперь, она *убедилась*. Перед ней стояла Анна.

Ее Анна.

Все эти мысли пролетели в ее сознании в первые секунды их встречи. Обе женщины словно застыли, глядя друг на друга в слабо освещенном коридоре. Потом одновременно Элизабет-Энн и Анна решили, что надо делать. Они бросились навстречу друг другу и обнялись. И тут Элизабет-Энн увидела *это*. На тонкой серебряной цепочке на шее у Анны висели те самые анютины глазки, что когда-то принадлежали ей.

— Добро пожаловать, Анна, — мягко сказала Элизабет-Энн, слезы текли у нее по щекам. Она нежно коснулась пальцами щеки Анны. — Добро пожаловать. Добро пожаловать... в твой дом.

— Благодарю вас, — прошептала молодая женщина. На глаза у нее навернулись слезы, когда ее поразило странное чувство — в крепких объятиях этой женщины она действительно дома.

Тут Элизабет-Энн повернулась к Генри. Он широко улыбался. Его глаза сияли так, что она поняла — сейчас он счастливее, чем когда-либо раньше. И только в это мгновение бабушка поняла, с какой ужасной ситуацией столкнулась. *Генри женился на своей двоюродной сестре*. Ни он, ни Анна ничего не знали. Но, если обнаружится правда, это убьет их любовь. Что в свою очередь — теперь Элизабет-Энн видела наверняка — убьет Генри.

Поэтому Элизабет-Энн заставила себя по-прежнему радостно улыбаться и повернулась обнять внука. Сейчас она насладится моментом, а о последствиях подумает на досуге.

Генри был потрясен. Никогда еще он не видел бабушку такой. Внук крепко обнял ее и поцеловал в щеку, думая про себя, что хотя он и надеялся на то, что бабушка примет Анну и полюбит ее, но он и ожидать не мог такого искреннего приема для своей молодой жены.

совестью. Она провела в этой борьбе уже несколько часов, после того как Генри и Анна уехали из «Мэдисон Сквайр». Лампы под шелковым абажуром образовывали небольшие островки теплого желтого света посреди залитой мраком гостиной двухэтажных апартаментов «Мэдисон Сквайр». Глаза Элизабет-Энн были прикованы к фотографии в серебряной рамке, которую она держала в руках.

Самый последний снимок Генри застал его в момент, когда он чуть повернулся. Красивые черты лица застыли, казались почти суровыми. Бабушка смотрела на фотографию и вспоминала, какую радость видела в его глазах чуть раньше этим вечером. Душа ее разрывалась на части.

Могла ли она *не* сказать Генри и Анне, что они родственники? Брак между двоюродными братом и сестрой считается незаконным во многих штатах. А законно ли это в Нью-Йорке? Это легко выяснить, но Элизабет-Энн не была твердо уверена, хочется ли ей узнать правду.

А что с моральной стороной брака? Анна — католичка, для нее подобный брак — кровосмешение, один из самых отвратительных смертных грехов. Как она сможет жить и любить, зная об этом?

Сказать или не сказать правду молодым людям — все зависит только от Элизабет-Энн. Ее мозг терзал вопрос: как поступить? Должна ли она принять Анну как невестку или как внучку. Ее желание обнять дитя Шарлотт-Энн, найти наконец хоть малую часть того, что она потеряла, все еще преобладало над прочими чувствами. Поступить так значило исполнить многие давно похороненные мечты... Но это были ее мечты, старые мечты. Во что превратит такой ее эгоизм надежды Генри и Анны на будущее?

Какова же, в конце концов, ее ответственность как главы семьи? Может ли она сделать правильный, с точки зрения морали и закона, выбор за Генри и Анну? Сказать им правду значило бы поступить «правильно», но одновременно положить конец их браку.

И счастье, обретенному ими вместе. Генри всегда был таким серьезным, его переполняла решимость сыграть свою роль в империи «Хейл», доказать всем, что он самый молодой и самый блестящий бизнесмен во всем мире. И вот теперь неожиданно он открыл для себя другую сторону жизни, узнал радость и непосредственность, познакомился с женщиной и полюбил ее.

Элизабет-Энн так давно потеряла Заккеса... Пережила эту невыносимую боль от потери Лэрри. Возможно, Хейлы уже испили предназначенную им чашу страданий до дна?

Может ли она во имя правды взять этот деликатный, изысканный цветок — любовь Генри и Анны — и погубить его признанием, что они совершили кровосмешение? Может ли она быть такой жестокой? Такой бессердечной? Такой *праведной*?

Неожиданно Элизабет-Энн поняла: они никогда не должны ничего узнать, *никогда*. Этот секрет необходимо сохранить любой ценой, его она унесет с собой в могилу. Они так любят друг друга. Это очевидно уже по тому, как они смотрят друг на друга, какими теплыми взглядами обмениваются.

Ее нерешительность и сомнения унеслись прочь.

«Оставить их в покое, — сказала она самой себе. — Дать им возможность жить».

С улыбкой облегчения она подумала, что не много найдется бабушек, способных так глубоко любить жену внука, как она.

Нет, они не должны ничего узнать. И только от нее зависит, чтобы этого не произошло.

Элизабет-Энн еще долго сидела так, потом поднялась наверх в спальню, меньше всего

подозревая, что она только что заронила семя, которое разрушит счастье ее еще не родившейся правнучки.

Когда Генри, Анна и Элизабет-Энн вышли из холодного, темного дома на улицу, их ослепил сияющий солнечный свет. Спотыкаясь, они спустились вниз по парадной лестнице и обошли древний черно-желтый «роллс-ройс», начищенный шофером. Они пошли по подстриженной лужайке. Анна шла впереди, дав возможность Генри и Элизабет-Энн поговорить. Они шли медленно, склонив друг к другу головы, внук обнял бабушку за талию.

Анна засунула руки в карманы своей шерстяной клетчатой юбки, остановилась и глубоко вздохнула. Насколько здесь все отличалось от города, насколько здесь чище и свежее! Ей с трудом верилось, что это великолепное поместье находится всего в сорока пяти минутах езды от центра Манхэттена. Здесь тишину нарушают только трели птиц и шорох листьев. В воздухе стоит сильный запах свежескошенной травы.

Обернувшись, она снова залюбовалась домом. Элегантный, в колониальном стиле, он возвышался на вершине холма над водами Гудзона.

До нее доносилось журчание голосов Генри и Элизабет-Энн, и она заторопилась вслед за ними по пологому склону холма. Когда Анна подошла к ним, они все еще были поглощены разговором.

— Я знаю, что дом *большой*, — сказала Элизабет-Энн. — Но тебе и нужен большой дом. В конце концов, Генри, вам с Анной надо подумать и о вашем положении в обществе.

— Но, бабушка, такого подарка к свадьбе мы меньше всего ожидали.

— Надеюсь. У меня нет привычки швыряться домами. Кроме того, я знаю, что подарок несколько запоздал. Мне потребовалось довольно много времени, чтобы найти его. Поместья, подобные этому, оказываются выставленными на продажу не каждый день.

— Оно должно стоять целое состояние.

Элизабет-Энн повернулась к внуку и засмеялась.

— Тебе оно не будет стоить ни гроша, поэтому перестань волноваться. И тебе известно, что я могу себе это позволить. Для меня это капля в море, не более того. Все, что тебе понадобится, это несколько человек, которые займутся всем этим... — Она сделала широкий жест рукой, обводя окрестности.

— Несколько человек! Нам понадобится целая *армия* слуг, чтобы поддерживать здесь порядок. Несколько садовников...

— Тогда ты наймешь армию, — твердо ответила Элизабет-Энн, не давая внуку возможности разубедить себя. Потом рассмеялась и дернула его за рукав с насмешливым смирением. — Не будь таким консерватором все время, Генри. Ради Бога, если бы у нас было плохо с Деньгами, я могла бы понять твои сомнения. Но это не так.

— Если мы будем благоразумными, — строго заметил он, — с деньгами ничего не случится.

— Ты говоришь, как банкир, — раздраженно заявила Элизабет-Энн. — Все-таки ты должен согласиться, что, когда мы делаем определенные капиталовложения, никому не повредит потратить на это немного денег. Недвижимость — одно из вложений. — Элизабет-Энн помолчала, потом оглянулась, проверяя, может ли Анна ее услышать, и снизила голос до шепота. — А одежда — другое. Знаешь ли, Анне пора иметь новый гардероб.

— Зачем? Она счастлива тем, что имеет. Когда ей что-нибудь нужно, она идет в магазин и покупает.

— Когда ей что-нибудь нужно, — поправила внука Элизабет-Энн, — она выжидает и отправляется к Гимбелсу или Александру на распродажи. Неужели, Генри, ты не можешь отвести ее к Саксу или Бергдорфсу? Я хочу сказать, ей не нужны парижские новинки. Она очень привлекательна и может надевать что угодно. Но что-нибудь хорошее, так?

— У нее есть одна черта, — медленно заговорил Генри. — Она всегда бедствовала, а теперь боится бросать деньги на ветер.

— Нет, она боится их тратить. Вот в чем разница. — Элизабет-Энн не смогла удержаться от слабой иронической улыбки, искривившей ее губы. Впервые услышав о существовании Анны, она испугалась, что это охотница за золотом Хейлов. Теперь, оглядываясь назад, она понимала, насколько была не права. Если Генри был сверхконсервативен, то Анна оказалась чрезвычайно экономной. Элизабет-Энн догадывалась, что Анна не выбрасывает пластиковые пакеты и стеклянные банки, а использует их снова. — Разве ты не говорил ей, что мы богаты? — спросила она Генри.

— Она об этом знает.

— Но говорил ли ты ей, насколько мы богаты?

— Говорил.

— И что?

— Она в это не верит. Анна говорит, что в мире не бывает таких денег.

— Иногда, — заговорила Элизабет-Энн, размышляя вслух, — даже я не могу в это поверить. Двести пятьдесят миллионов долларов! — Она покачала головой и снова засмеялась. — Ладно. Вернемся к вопросу о доме. Ты в замешательстве из-за него. Ты знаешь, что его нельзя пойти и поменять, как столовый прибор у Тиффани. За это заплачено, и с твоей стороны будет проявлением дурного тона отказаться от него. Это мой подарок, ты должен принять его с благодарностью.

— Бабушка, ты просто душка. Но совершенно невозможная.

— Ты и Анна — мои внуки. Дайте мне побаловать вас хоть разочек, — проворчала она.

— Тогда мы благодарим тебя.

— Ты уже не один раз это сделал. — Элизабет-Энн остановилась и огляделась. — Ты только подумай о преимуществах этого места. До города добраться легко. Если захочешь, ты всегда сможешь избежать пробок.

— Каким образом? — заинтригованно спросил Генри.

— Купив яхту. Агент по продаже недвижимости сказал мне, что последний владелец добирался до города на собственной скоростной яхте. Я догадываюсь, что он просто позаимствовал идею у тех миллионеров, что жили здесь до Великой депрессии.

Генри улыбнулся:

— Посмотрим.

— Мы не потеряли Анну? — забеспокоилась Элизабет-Энн, оглядываясь по сторонам. — О, да ты прямо позади нас. — Она выставила локоть, чтобы Анна смогла просунуть под него свою руку, и все трое отправились бродить по периметру поместья. — Не могу дождаться, когда вы увидите фруктовый сад. Но сегодня туда слишком далеко идти. Всего земли здесь сорок три акра^[28]. Но они вам пригодятся, так же как и лишние спальни в доме. Растущим семьям нужно побольше места. Вы ведь собираетесь подарить мне кучу правнуков или нет?

Элизабет-Энн обезоруживающе улыбнулась Анне, а та побледнела.

— Что-нибудь не так? — озабоченно спросила Элизабет-Энн.

Анна улыбнулась, но бабушка успела заметить неумолимую безутешную печаль, притаившуюся глубоко-глубоко в синих глазах.

— Нет-нет, — торопливо заверила ее Анна. — Я просто подумала в этот момент о другом, вот и все.

Анна, словно каменная, сидела на скамейке в Центральном парке и наблюдала за парадом нянь, толкающих перед собой дорогие импортные коляски с младенцами. Было позднее утро великолепного сияющего дня, всюду светило солнце. Но Анну охватила тоска. Она и припомнить не могла, когда еще чувствовала себя такой несчастной.

До сегодняшнего дня у нее все не находилось времени остановиться и подумать. Обдумать ее жизнь с Генри. А теперь мысли переполняли ее.

Генри. Как же она его любит! Если Анна в чем и была уверена в этой жизни, так это в своей любви. С самого начала они оба не сомневались друг в друге. Никому из них не требовалось сомневаться или анализировать свои чувства. И все-таки как мало она о нем знала. И как мало знает до сих пор. В этом и крылась частица их любви, радость ежедневных открытий.

Но теперь со всем этим было кончено.

«О Господи», — подумала Анна, ее глаза потускнели, как только она ощутила знакомую тупую боль в животе. Уже много дней она испытывала эти неприятные ощущения, всегда заканчивающиеся тошнотой. Это ее боль и несчастье поселились где-то в желудке. Как только она чувствовала себя подавленной, депрессия всегда заявляла о себе подобным образом.

«Почему, ну почему, — спрашивала она себя, — я ничего не сказала ему об Амедео?»

Но на самом деле она понимала, что только выигрывает от того, что ей нет нужды все ему рассказывать. С их первой ночи Генри знал, что она не девственница. Казалось, для него это не имеет никакого значения.

Но Анна понимала, что должна все ему объяснить. Потому что Генри имел право знать, что, падая с Испанской лестницы и потеряв ребенка Амедео, она потеряла и *их* будущих детей.

Почему она не сказала об этом Генри прежде, чем вышла за него замуж?

Но тогда Анна была слишком счастлива. После того как они встретились и полюбили друг друга, она стала такой эгоисткой и думала только о себе. Ей хотелось, чтобы Генри без остатка принадлежал только ей, а о детях она тогда и думать забыла. И вот теперь Анна осознала, какую огромную ошибку совершила. Генри носил фамилию *Хейл*, был наследником империи и сам нуждался в наследнике. Человек, занимающий положение Генри, не имел права просто влюбиться.

Анна прижала пальцы ко лбу. Ее переполняло чувство вины и сожаления. Она медленно поднялась и пошла прочь от скамейки. Прошла мимо няни и розовощекой малышки, играющих в пряжи. Женщина закрывала лицо руками и спрашивала:

— А где Риа? — потом отводила ладони и ворковала: — *Вот* она где.

Анна уже далеко отошла от них, но до нее все еще доносился веселый смех ребенка и женщины. Их счастье словно дразнило ее, и она с тяжелым вздохом прикрыла глаза. С того самого дня в Тарритауне, когда Элизабет-Энн подарила им дом, Анне казалось, что она

всюду видит детей, особенно малышей, и это напоминало ей то, чего не могло дать ее собственное изуродованное тело.

Она еще раз глубоко вздохнула, потом встряхнулась. Посмотрев на часы, Анна увидела, что до ее встречи с Генри в «21» остается всего пятнадцать минут. Ей придется поторопиться, если она хочет успеть вовремя. Распрямив плечи, она быстро пошла из парка. Что бы ни происходило, женщина пообещала себе не говорить Генри о том, что ее беспокоит и как сильно. Эту проблему создала она сама, и ей самой придется искать решение. Не имеет она права осложнять его жизнь своими трудностями, во всяком случае, пока сама не решит, что делать. Анна слишком любила мужа. Для нее он был всем. Она любила его достаточно для того, чтобы...

Анна резко остановилась, ее сердце бешено колотилось. Неужели это правда? Неожиданно решение всех ее проблем возникло перед ней. Чувства переполняли ее. Ей пришлось глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться и еще раз все обдумать. Но думать тут было особо не над чем. Ее решение было таким же внезапным, таким же инстинктивным, как и ее любовь к Генри. Потому что именно любовь подсказала ей это решение.

Она достаточно сильно любит Генри, чтобы попытаться родить ему ребенка.

Осознание этого переполнило ее радостью и ощущением собственной всемогущности. Тяжесть депрессии куда-то испарилась. Она чувствовала себя всемогущей, свободной и такой *счастливой* от того, что встретила такую любовь.

Но, даже испытывая прилив необыкновенной радости, Анна знала, что Генри не должен узнать о величине приносимой ею жертвы. Он не должен догадаться о том риске, которому она себя намеренно подвергает, не должен узнать, что, давая жизнь их ребенку, она, весьма вероятно, расстанется со своей собственной. Только она сама могла рискнуть и принять такое решение, Генри никогда бы не позволил ей этого сделать, если бы знал. Но для Анны теперь только одно имело значение — их любовь должна продолжиться в ребенке. Следовательно, она постарается все держать в секрете от Генри любой ценой.

Женщина сразу же поняла, насколько трудно будет осуществить свой план. Сколько моментов следует принять в расчет. Доктор и гинеколог семьи были самыми лучшими в городе, но их услугами пользовалась и Элизабет-Энн. А Анна прекрасно знала, что бабушка в дружеских отношениях с обоими врачами.

Что ж, значит, ей придется просто-напросто найти другого врача. Вряд ли это будет так уж трудно сделать. В конце концов, Нью-Йорк не Италия. Штаты — одна из самых передовых стран мира, истинная земля обетованная для терапевтов, специалистов и больниц. Народ съезжается сюда из всех уголков земного шара с различными недугами и расстройствами здоровья. Вполне возможно, что при такой квалифицированной медицинской помощи она не только сможет выносить ребенка, но и выживет сама. Ради осуществления своей мечты стоило бороться, это была очень заманчивая возможность. Да, если человек любит так сильно, как она, для него нет ничего невозможного.

Анна дошла до Пятой авеню и торопливо зашагала по тротуару, переполненная возбуждением. Ее глаза блестели, каждый глоток воздуха словно пьянил ее. Женщина почти бредила от радости. Она чуть ли не танцевала, идя по улице, улыбаясь каждому прохожему, особенно детям, младенцам!

Да, теперь, когда Анна приняла решение, она чувствовала, как все внутри нее трепещет от переполняющей ее любви, чувствовала себя непобедимой и абсолютно *живой*.

Генри и Элизабет-Энн были в Греции на переговорах по поводу заключения контракта на строительство курорта Иерапетра-Вилледж, когда раздался телефонный звонок. Снял трубку в апартаментах «Перикл» отеля «Хейл Афины» Сотириос Киркос, местный представитель компании «Отели Хейл».

— Это вас, мистер Хейл, — обратился он к Генри, прикрывая микрофон рукой. — Офис в Нью-Йорке.

— Я отвечу, спасибо. — Генри встал с белой кушетки и прошел по отполированному мраморному полу к столику, на котором стоял аппарат.

Элизабет-Энн осталась сидеть, изучая стоящий перед ней макет Иерапетра-Вилледж, задуманного ею курорта на Эгейском море. По ее замыслу, это должна была быть идиллическая рыбацкая деревушка с прибрежными тавернами и ветряными мельницами. Уловив, что тон Генри изменился, она взглянула на внука и стала внимательно прислушиваться.

Когда Генри положил трубку на рычаг, его лицо побелело, как мел. Он смотрел через комнату на Элизабет-Энн.

— Звонил доктор Дадурян, — еле слышно сказал он. — Анну положили в больницу.

— Что? — Элизабет-Энн быстро поднялась на ноги и подошла к нему. — Он сказал, что произошло?

Внук покачал головой:

— Только, что она может потерять ребенка.

— О, Генри!

Тот отвернулся и вышел на залитую солнцем террасу. Глубоко засунув руки в карманы, ничего не видящими глазами Генри смотрел на возвышающийся вдали над панорамой города Акрополь. Элизабет-Энн пошла за внуком и встала рядом, зажмурившись от сияния солнца Греции. Она взяла его под руку.

— Анна и сама может умереть, — только и произнес Генри.

Элизабет-Энн показалось, что эти слова вонзились в нее, словно острый нож. *Нет, этого не может быть.*

Но когда Генри обернулся к ней, она увидела холодный ужас в его глазах и поняла, что это правда. Но потом страшное отчаяние, проступившее на его лице, будто придало ей силы. Она сказала себе, что сейчас не время давать волю собственному страху. Не имеет значения, насколько сильно волнуется она сама, ей надо быть сильной. Генри нуждается в ней.

— Оставайся здесь, дорогой, — твердо сказала Элизабет-Энн к торопливо ушла в комнату, чтобы переговорить с Сотириосом Киркосом.

— Мистер Киркос, не могли бы вы заказать для нас билеты? Нам необходимо немедленно вылететь в Нью-Йорк.

Грек не знал, что за новости получили Хейлы, но их горе было очевидным.

— Мне очень жаль, миссис Хейл, но ни сегодня днем, ни вечером нет рейсов. Боюсь, что вам придется ждать до завтрашнего утра.

— Завтра утром — это слишком поздно, — Элизабет-Энн помолчала, прокручивая про себя другие варианты. — У нас есть только один выход — зафрахтовать самолет. Вы можете организовать это для нас? Мне подойдет любой самолет, только бы он смог перелететь через океан. Расходы меня не волнуют.

— Хорошо, миссис Хейл.

— И пожалуйста, распорядитесь насчет машины, которая доставит нас в аэропорт немедленно. Мы подождем там, пока самолет будет готов к вылету.

— Да, миссис Хейл. — Сотириос Киркос вежливо поклонился и вышел из комнаты.

Элизабет-Энн снова вышла на террасу. У нее возникло ощущение, что ее лицо застыло, словно маска.

— Не будем тратить время на то, чтобы укладывать чемоданы, — сказала она Генри. — Персонал может сделать это за нас и переслать вещи или мы сами заберем их, когда снова вернемся сюда. Нам нужны только наши паспорта. Мы уезжаем прямо сейчас.

Генри медленно повернулся к ней. В его глазах стояли слезы.

— Я люблю ее, — заговорил он прерывающимся голосом. — Господи, как же я люблю ее. Если с ней что-нибудь случится... — Его голос прервался рыданием.

Элизабет-Энн обняла внука и прижала к себе. Она закрыла глаза, пытаясь сдержать слезы, не имея силы взглянуть ему в лицо и увидеть на нем отражение собственных страданий.

— Я это знаю, Генри, — мягко произнесла она. — Я тоже люблю ее.

«Больше, чем ты можешь даже себе представить».

В половине третьего утра они были уже в клинике при Колумбийском университете. Доктор Дадурян мерил шагами вестибюль, поджидая их. Как только он увидел входящих Элизабет-Энн и Генри, сразу же торопливо пошел им навстречу.

— Как она, доктор? — не тратя времени на приветствия, спросила Элизабет-Энн.

Не останавливаясь ни на минуту, все трое направились к лифтам.

— Боюсь, что не очень хорошо, — Дадурян нажал кнопку вызова, и они с нетерпением стали ждать лифта. — Последние восемь часов она провела в операционной.

— А в чем дело? — Элизабет-Энн прямо посмотрела ему в глаза.

С тяжелым вздохом врач заговорил:

— Ей вообще не следовало заводить ребенка. Я думаю, что Анна все знала с самого начала. Проблема возникла из-за травмы, произошедшей несколько лет назад.

Генри уставился на него:

— Но... она никогда не говорила...

Доктор Дадурян печально покачал головой.

— Даже я не знал, что она беременна, до сегодняшнего дня, когда миссис Хейл позвонила мне и сказала, что с ней что-то не в порядке. Я не видел ее около десяти месяцев. Она сказала мне, что как только забеременела, то обратилась к другому врачу. Но этот врач уехал из города, и она чрезвычайно напугана.

— Анна никогда мне ничего не говорила, — тупо повторил Генри.

— Она выкарабкается? — спросила Элизабет-Энн.

— Если честно, то я не знаю.

— А ребенок?

— Да кому нужен этот ребенок?! — неожиданно спросил Генри резким шипящим голосом.

Элизабет-Энн и доктор Дадурян обменялись взглядами, но, прежде чем они смогли сказать хоть слово, приехал лифт.

Они поднимались молча. На четвертом этаже доктор отвел их в комнату медсестер. В

коридорах цвета беж было пусто и тихо, в воздухе стоял острый запах лекарств, пропитавший все больницы на свете. Элизабет-Энн атмосфера показалась невыразимо гнетущей, но она заметила, что Генри был в таком глубоком состоянии шока, что даже не обратил на это внимания.

Доктор Дадурян переговорил с сестрой. Та сказала, что Анну уже перевезли из операционной в палату, но им придется подождать дежурного хирурга, доктора Лумиса, чтобы узнать все подробнее. Сестра провела их в зал ожидания со стеклянными стенами и пластиковыми стульями.

— Проходите и садитесь. — Мистер Дадурян принес стулья Элизабет-Энн и Генри. — Нам остается только ждать, больше мы ничего не можем сделать.

Ровно двенадцать минут спустя к ним присоединился доктор Лумис, высокий, изысканный мужчина с седыми висками и руками артиста. Его лицо выглядело усталым, а глаза за толстыми стеклами очков покраснели. Он сменил свой зеленый костюм хирурга, залитый кровью. Врач уже давно понял, что подобное одеяние не приносит успокоения родственникам его пациентов.

— Как она, доктор? — спросил Генри, вскакивая на ноги.

Доктор Лумис озабоченно вздохнул.

— Сначала хорошие новости. Нам удалось спасти ребенка. Мои поздравления. — Он слабо улыбнулся. — У вас прекрасная дочка. Она в инкубаторе. Как вы знаете, она появилась на свет раньше срока. Нам пришлось делать кесарево сечение. Ей придется побыть в больнице несколько дней. Вы можете навещать ее, когда захотите.

— Черт бы вас побрал, — прорычал Генри, хватая Лумиса за рукав. — Моя жена! Как моя жена?

Доктор моргнул.

— Боюсь, что плохо. Мы делаем для нее все, что в наших силах.

Генри закрыл глаза, его лицо побледнело. Он стоял молча, только чуть покачивался. Казалось, что он потерял опору и раскачивается на ветру. Когда Генри снова открыл глаза, было очевидно, что ему требуется огромное усилие, чтобы контролировать себя.

— Я... хочу ее видеть, — его голос стал совсем тихим, словно шелест.

— Разумеется, — ответил доктор Лумис. — Сюда, пожалуйста. — Он пошел обратно к лифтам и по дороге, пока они поднимались по лестнице, объяснял состояние Анны: — Судя по всему, миссис Хейл не стоило пытаться иметь ребенка. Я думаю, что несколько лет назад ее матка была серьезно повреждена. Просто чудо, что это не выяснилось намного раньше. Или она должна была пройти осмотр, но боялась за ребенка. Нам бы пришлось прервать беременность, и, возможно, ей это было известно.

— Она будет жить? — тихо спросила Элизабет-Энн.

Доктор помолчал минуту, потом ответил:

— Конечно, всегда есть шансы на выздоровление. Человеческое тело — замечательный инструмент. Никто до конца не знает его возможностей. У каждого человека все по-своему.

Элизабет-Энн встретила с ним взглядом.

— Но вы думаете, что она не выживет.

Доктор Лумис не отвел взгляда.

— В этом случае я бы сказал, что шансов мало, — мягко произнес он. — Даже очень мало. Мне правда жаль.

Элизабет-Энн глубоко вздохнула и кивнула, слабо держась за руку Генри. Хотя ей

казалось, что жизнь ушла из нее, она заметила, что именно она поддерживает внука, а не наоборот.

У двери в палату интенсивной терапии доктор Лумис снова остановился.

— Я знаю, что для вас это очень трудно, — мягко заговорил он, — но постарайтесь не задерживаться надолго. И даже если она не узнает вас или все еще находится... Короче, помните, что ей сделали укол успокаивающего. И соблюдайте тишину. — Врач открыл перед ними дверь.

Лумис и Дадурян остались в коридоре, а Элизабет-Энн и Генри вошли внутрь.

Дежурная сестра избегала смотреть им в глаза. Элизабет-Энн крепко держалась за Генри, пока они подходили к кровати. Генри упал на колени, нашел руку Анны и сжал. Ладонь была ледяной.

Генри с недоверием смотрел на жену. В последний раз они виделись всего несколько дней назад. Анна была такой здоровой, такой живой, так светилась радостью своего материнства. Теперь она побледнела и осунулась. На какое-то мгновение он со страхом подумал, что она уже умерла. Но, взглядевшись пристальнее, Генри уловил слабое движение ее груди при каждом вздохе. Нет, еще нет. Она еще не ушла от него.

Генри чувствовал себя оцепевшим и опустошенным. Как может это слабое, беспомощное существо быть Анной? Ею Анна всегда была цветущей, наполненной бьющей через край энергией. А теперь, в реанимации, с трубками, идущими от руки и от носа, она будто стала меньше ростом.

— Анна, — прошептал он. — Ты слышишь меня, любовь моя?

Генри в отчаянии молча смотрел на ее неподвижное лицо, пока Элизабет-Энн тихонько не подошла к нему и не положила руку ему на плечо. Он обернулся и взглянул на нее. Генри все прочел в глазах бабушки, но не смог примириться с этим и почти с бешенством снова посмотрел в спокойное лицо Анны. Но увидел то же самое. Перед ним была не Анна, его жена. Этого не могло быть. Перед ним была ее тень.

— Анна. — Генри протянул руку и коснулся дрожащими пальцами ее нежного лица. Слезы туманили ему глаза. — Анна, — снова прошептал он.

Генри не знал, как долго он простоял на коленях у ее кровати. Только после того, как подошедшая сестра осторожно высвободила руку Анны из его ладони, он понял, что Анна теперь очень далеко от него.

Анна умерла. Она так и не пришла в себя. Он даже не смог попрощаться с ней.

Генри рухнул на кровать, рыдания сотрясали его сильное тело. Элизабет-Энн обняла его и стала тихонько баюкать. Она тоже плакала.

— Я понимаю, Генри, — шептала она прерывающимся от горя голосом, в ее аквамаринových глазах блестели слезы. — Я понимаю. Не плачь, мой мальчик. Пожалуйста, не плачь.

Элизабет-Энн решительно вошла в потрепанный, темный бар на самом нижнем этаже Пенн-стейшн. Она прошла через бар к маленькой кабине в самом дальнем углу. Генри сидел там, вцепившись обеими руками в стакан. После прошедших три дня назад похорон он, побледневший и осунувшийся, исчез из дома. Элизабет-Энн понадобилось приложить усилия, чтобы найти его. И нашла она его совершенно случайно. Один из служащих корпорации «Отели Хейл», каждый день ездящий из Нью-Йорка в Порт-Вашингтон, дважды видел Генри в этом баре. Именно он сообщил об этом Элизабет-Энн, подсказав, где можно

найти внука.

— Генри, — мягко позвала она, — пойдём домой, Генри.

Он поднял на нее совершенно стеклянные глаза. Когда Генри заговорил, то едва шевелил языком, но ему удалось произнести простейшую фразу:

— Оставь меня в покое.

— Генри. — Элизабет-Энн села напротив него и взяла его руки в свои.

Генри вырвался, расплескав виски из своего стакана. Элизабет-Энн охватило отвращение, когда она почувствовала исходящий от него перегар.

— Так дальше не может продолжаться, Генри. Пойдем домой.

— Домой? — Внук неприятно усмехнулся и уставился на нее. — Куда это — домой? К тебе или ко мне?

— Не имеет значения. И там, и там твой дом.

Генри только покачал головой и сделал новый глоток из стакана.

— Генри, пожалуйста, не надо, — взмолилась Элизабет-Энн. — Все и так достаточно тяжело.

— Она повсюду, — голос Генри упал до хриплого шепота. — Она повсюду. Я ощущаю запах ее духов. Я вижу ее одежду. Картины, купленные ею. Она повсюду.

— Анна в наших сердцах. И навсегда останется там. Поедем со мной домой, в «Мэдисон Сквэйр».

— Нет.

Элизабет-Энн нагнулась к нему через стол.

— Послушай, Генри. Мы все оплакиваем Анну, ты переживаешь сильнее остальных. Но топить горе в выпивке — это не дело.

— Нет? — Его мрачный взгляд оставался все таким же стеклянным. — А что же мне делать?

— Ты можешь хорошенько выплакаться, — предложила Элизабет-Энн.

— Я плакал. — Генри сделал очередной глоток бурбона.

— Генри, пожалуйста, послушай меня, — в отчаянии заговорила она. — *Анна умерла!* Ничто не может вернуть ее назад. Но ты не должен накачиваться алкоголем. *Прошу тебя.*

— Почему нет, бабушка? Это моя жизнь. — Он опустошил стакан и с грохотом поставил его на стол.

— Потому что у тебя есть ребенок, Генри, — негромко произнесла бабушка. — Ваш с Анной ребенок. Вот почему тебе надо взять себя в руки.

— Я тебе уже говорил. Мне этот ребенок не нужен.

— Генри, она твоя дочь, — в отчаянии сказала Элизабет-Энн.

— Ну и что? — Тяжелый взгляд блестящих глаз Генри встретился со взглядом Элизабет-Энн.

Та вздохнула.

— Пойдем, Генри. Наверху нас ждет машина. Пойдем. — Она отодвинула стул, помолчала, а потом мягко добавила: — Сегодня твою дочь выписывают из больницы. Давай заберем ее, Генри, принесем домой. Мы сделаем это вместе, ты и я.

— Нет.

Элизабет-Энн утомленно вздохнула:

— Ну как же ты не понимаешь? Ведь она дочь Анны! Я думала, что ты любил свою жену.

— Да, я любил ее, — прозвучал неожиданно яростный ответ. — Я любил ее больше жизни. А ребенок *убил* ее.

— Ребенок *не* убивал ее, — резко возразила Элизабет-Энн. — Анна знала о возможных последствиях. Но ей хотелось иметь ребенка. Она хотела ребенка *от тебя*. Ей так сильно этого хотелось, что она рисковала своей жизнью, чтобы подарить тебе наследника. — Элизабет-Энн помолчала. — Ты что, хочешь обо всем забыть?

Генри нахмурился.

— Тебе нужен этот младенец? Ради Бога, бери ее себе. Я не желаю ее видеть. Никогда. — Он знаком заказал официанту еще порцию, потом снова повернулся к бабушке. — А теперь, оставь меня в покое.

Элизабет-Энн встала и вышла, столкнувшись по дороге с официантом, несущим грязный стакан, до краев наполненный бурбоном.

Поднимаясь по эскалатору наверх, она все гадала, почему все на нее смотрят. Элизабет-Энн поняла это только тогда, когда уже сидела в «роллс-ройсе».

Она плакала.

9

Медсестра в белой униформе улыбалась, протягивая Элизабет-Энн мяукающий сверток. Девочку одели в белоснежную хлопчатобумажную распашонку из шитья, украшенную бельгийским кружевом. Элизабет-Энн купила ее специально для малышки, и теперь ее тронуло, насколько наряд подчеркнул поистине ангельскую нежность ребенка.

Элизабет-Энн баюкала свою правнучку на руках, осторожно поддерживая крошечную, покрытую пушком головку одной рукой. Казалось, ребенок почувствовал себя в безопасности, его окружало тепло и любовь, и малышка неожиданно перестала плакать. Словно они разговаривали друг с другом на тайном языке. Крошечный кукольный ротик сложился в булькающую беззубую улыбку.

— Я думаю, что вы отлично поладите, — улыбнувшись, заметила медсестра, хлопывая Элизабет-Энн по руке.

Элизабет-Энн кивнула и тоже улыбнулась. Она качивала ребенка и рассматривала крошечное личико. Девочка выглядела такой знакомой, точная копия всех четверых ее детей через несколько дней после рождения. Но эта малышка казалась еще более прелестной, если такое только возможно.

В глазах Элизабет-Энн заблестели слезинки. Младенец был таким маленьким, таким светленьким, таким голубоглазым — все знакомые черты. Она — настоящая Хейл.

Держа на руках правнучку, Элизабет-Энн почти забыла о своем горе. Только когда она уже спустилась вниз по лестнице и опустилась на мягкое кожаное заднее сиденье желто-черного «роллс-ройса», отчаяние снова придавило ее своей тяжестью.

Это дитя. Ребенок Анны.

У нее на руках было нечто большее, чем просто первая правнучка. Элизабет-Энн держала на коленях самую дорогую, живую часть Шарлотт-Энн, потерянной ею дочери, и своей внучки Анны, тоже ушедшей от нее. Горе, которое она испытала после смерти Шарлотт-Энн и потери Анны, старые раны, которые никогда не заживают до конца, и новые, что еще не успели затянуться, теперь наконец успокоились. Даже смерть Анны, безвременная, трагическая, ужасная, казалась теперь более терпимой. Сейчас Элизабет-Энн

могла с ней примириться. Благодаря ребенку.

Элизабет-Энн задумчиво смотрела в боковое окно, пока машина направлялась в город по Риверсайд-драйв. Сквозь густую листву деревьев и кустарников иногда серебристо поблескивал широкий Гудзон.

«По всем правилам я должна была бы сейчас везти ее из города по Генри Гудзон-Парквей в Тарритаун, в ее собственный дом. Но вместо этого она едет в город вместе со мной. И не потому, что она мне не нужна. Еще как нужна! Но ей следовало быть сейчас со своим отцом, а не со мной, и не важно, что это лишь временно».

Элизабет-Энн вздохнула и мрачно покачала головой. Как ни странно, она чувствовала себя печальной и обиженной, а не отчаявшейся и злой. Отец не должен заявлять, что не хочет видеть свою дочь, и сбегать в неизвестном направлении, вне зависимости от причин. Конечно, когда Генри справится со своим горем, он придет в себя, смирится с потерей и поймет, что он приобрел нечто очень важное. Его дочь, в конце концов, — это его собственная плоть и кровь. Для того чтобы раны затянулись, нужно время. Но они заживают.

«Кому это может быть известно лучше, чем мне!»

Но если этого не случится, что тогда?

Ее аквамариновые глаза помрачнели, она вскинула подбородок. В таком случае она будет заботиться об этом прелестном ребенке столько, сколько сможет. Наймет няню и изменит свое деловое расписание. Как бы там ни было, она найдет время, чтобы заниматься этой девочкой и любить ее, пока Генри не придет в себя и не найдет выход из депрессии.

Да, пока ей придется взять девочку под свое крыло. Со временем Генри примет ее. «Он обязан это сделать, — сурово сказала самой себе Элизабет-Энн. — Бедная крошка потеряла мать, она нуждается в отце в два раза больше».

«Кто знает, что может принести будущее», — мрачно размышляла пожилая женщина. До этого дня она возлагала все свои надежды на Генри, рассчитывая, что он станет ее преемником и возглавит «Отели Хейл» после нее. Но раньше ей и в голову не приходило, что внук такой непрочный... такой *слабый*. Его реакция на смерть Анны доказала это. Не просто от горя, а от слабости он возлагает всю вину на ребенка. Разве малышка виновата в том, что ее мать умерла при родах? Как он не может этого понять?

Неужели ему не ясно, что Анна продолжает жить в своей дочери?

Элизабет-Энн мягко укачивала, что-то воркуя, лежащую у нее на коленях девочку.

— Не волнуйся, дорогая моя крошка, — тихонько прошептала она правнучке. — Я буду любить тебя и присматривать за тобой, даже если никто другой не захочет этого делать. Все, что сейчас принадлежит мне, однажды станет твоим. — Элизабет-Энн наклонилась вперед и потерлась носом о крошечный носик девочки. — Ведь, в конце концов, ты носишь фамилию Хейл.

Малышка торжественно смотрела на нее большими голубыми глазами. На крошечном личике промелькнул отблеск осмысленного внимания. Или Элизабет-Энн это только показалось?

— И конечно же, мы начнем с того, что придумаем тебе имя, — продолжала Элизабет-Энн. — Я так полагаю, что этим придется заняться мне, раз твой папочка не желает ни в чем принимать участия. Давай-ка посмотрим... — Она задумчиво вздохнула. — Адель... Нет, что-то ты не *выглядишь*, как Адель. Алиса? Барбара? Нет, нет. Карла? Дороти? Да! *Дороти*. Мы назовем тебя Дороти-Энн Хейл. По-моему, это звучит хорошо.

Девочка неожиданно радостно засмеялась, ее пальчики зашевелились, словно ей

хотелось схватить собственное имя, витавшее в воздухе.

Именно в этот самый момент их связали особые узы, которые они пронесут до конца жизни. И казалось, что они обе чувствуют это.

С годами эти узы станут только крепче.

— Твой отец изменится, Дороти-Энн, — пообещала Элизабет-Энн. — Запомни мои слова. Такое состояние долго не продлится. Сейчас ему больно, но он с этим справится.

Но Элизабет-Энн ошиблась.

Генри так и не смог перебороть неприязнь по отношению к собственной дочери. Даже тогда, когда девочка переехала вместе с ним в большой дом в Тарритауне. Для него она стала постоянным напоминанием обо всем, что он ненавидел. О боли и утрате. О смерти.

Для него Дороти-Энн навсегда осталась убийцей его возлюбленной Анны.

Ветер метался в залитых потоками дождя посадках, тусклый свет одинокой свечи оставлял комнату практически в темноте. Фредди наклонился к Дороти-Энн, лежащей на кровати. Та судорожно всхлипывала и тяжело дышала. Все ее тело стало мокрым от пота, а лицо заливали слезы.

Судя по всему, ее заявление не ошеломило Фредди. Он просто старался успокоить ее.

— Дороти-Энн, дорогая моя, как ты можешь говорить такое? Твоя мать умерла при родах. Тебя нельзя обвинить в ее смерти.

— Нет, Фредди, это я виновата, — с трудом выговаривая слова, ответила ему жена. — Они сказали мне... Я слышала, как они об этом говорили.

— Что ты имеешь в виду?

— Ох, Фредди... — Ее лицо исказила боль, Дороти-Энн судорожно вцепилась ему в руку — ее опоясала новая схватка.

Ее тело напряглось, спина выгнулась, и довольно долго они молчали. Когда боль наконец прошла, она почувствовала, как расслабляются ее мускулы, словно в тепле плавится масло. Фредди видел, что она не сможет уснуть. Скоро схватки станут повторяться все чаще и чаще, ей понадобятся все ее силы. Но ее паника была очевидной для него, Фредди беспокоился и поэтому вынужден был спросить:

— Дороти-Энн, что ты имела в виду, когда говорила: «Они мне сказали»?

Дороти-Энн только помотала головой, не открывая глаз.

— Мой отец... Мой отец сказал это... Он сказал, что ненавидит меня... когда мне исполнилось десять лет. — Она не смогла продолжать. Ее засасывала теплая черная дыра, где-то далеко от мотеля «Хейл». Дороти-Энн время относило назад, в прошлое. События пролетали мимо нее все быстрее и быстрее, пока ей не стало десять лет, и она не очутилась в Тарритауне. Здесь карусель событий неожиданно остановилась: день ее рождения, она снова вернулась в огромный дом, смотрящий сверху на реку.

Дороти-Энн стояла в одиночестве в гостиной. Назойливо тикали часы на каминной полке. Чуть повернувшись в их сторону, она увидела, что уже почти час дня.

Девочка поджала губы и снова повернулась к большому, доходящему до пола окну. Река широко раскинулась у подножия холма, необычно голубовато-серая и безмятежная. На затянутом дымкой голубом небе ярко сияло солнце. На другом берегу реки холмы оделись в оранжевый и желтый наряд. На дворе стояло бабье лето, и мать-природа постаралась приукрасить себя. Но Дороти-Энн не чувствовала очарования пейзажа. Она ощущала себя самой несчастной на свете. Такого с ней раньше не случалось.

Девочка отвернулась от окна и плюхнулась на кушетку перед камином. Она старалась не смотреть по сторонам. Гостиная ей не нравилась. Как и большинство комнат в доме, ее обставили громоздкой массивной мебелью. Ей было неуютно в единственном месте, которое она могла назвать домом.

Дороти-Энн так и сидела не шевелясь, пока в комнату не вошла ее гувернантка.

— Твой отец не смог освободиться, — мягко сказала Нэнни, входя в гостиную величественной походкой. Она держала перед собой огромную, красиво перевязанную лентами подарочную коробку. Женщина улыбнулась своей подопечной. — Но он оставил для тебя что-то очень симпатичное.

Дороти-Энн даже не подняла глаз. Отчаяние, душившее ее последние два дня, свинцом легло у нее где-то в животе. Впервые ей даже не хотелось увидеться со своей прабабушкой. Ей никого и ничего не хотелось видеть. Ей только хотелось, чтобы кончились боль и одиночество. Желание, чтобы голова стала пустой, желание проснуться и стать кем-то другим охватило ее. Ей бы очень хотелось... Ей бы очень хотелось умереть.

— Папа меня не любит, — заговорила она. — И никогда не любил.

Гувернантка сочувственно прищелкнула языком:

— Что ты, что ты, деточка. Не надо грустить. Твой папа любит тебя.

— Нет, не любит. Его никогда не бывает дома, особенно в день моего рождения. — Дороти-Энн продолжала сидеть спокойно, что совершенно не было свойственно детям ее возраста. — Почему всегда прабабушка празднует со мной мой день рождения вместо палы?

— Я же сказала тебе, милая, он очень занятой человек.

Дороти-Энн повернулась, чтобы посмотреть Нэнни прямо в глаза.

— Прабабушка занята еще больше папы, — спокойно продолжала она. — Она владеет «Отелями Хейл» и управляет ими. Папа только работает на нее.

— Твой отец — президент компании. — Ответ Нэнни прозвучал сурово.

— А прабабушка управляет всеми делами. — Дороти-Энн не сводила с нее взгляда.

Недаром Нэнни была гувернанткой. Она знала, когда ей нечего возразить. Вздохнув, она положила перевязанную лентами коробку на обитую розовым шелком скамеечку для ног.

— Ты не собираешься посмотреть, что тебе подарил папа?

Дороти-Энн взглянула на коробку.

— Нет, — сказала она, вспыхнув. — Папа не покупал мне подарка. Кто-то другой сделал это вместо него. Я подслушала, как он говорил по телефону со своей секретаршей и просил ее позвонить в магазин. — Девочка замолчала и закрыла глаза. — И вовсе даже он не на работе. Он в «Ла Джолле». С женщиной.

— Вот еще! Откуда ты можешь это знать? — Нэнни в отчаянии села и сложила пухлые руки на коленях. Она посмотрела на Дороти-Энн. — Я вижу, в последнее время ты много подслушиваешь.

Девочка ничего не ответила и сидела согнувшись.

— Настоящие леди, — раздельно произнесла гувернантка, — не подслушивают под дверь или у замочной скважины.

Дороти-Энн не поднимала глаз. Она уже по опыту знала, какое выражение в данный момент на лице у гувернантки. Черты лица суровы, в глазах неодобрение.

— Я не подслушивала у замочной скважины, — с неожиданной яростью взорвалась Дороти-Энн. И снова замолчала.

Нэнни тоже не говорила ни слова. Она понимала, что вспышка девочки лишь скрывает ее боль.

Дороти-Энн закусила нижнюю губу. Она чувствовала, что слезы вот-вот брызнут из глаз. Нет, не даст она им воли. Девочка медленно встала:

— Мне нужно в ванную.

— Что ж, тогда тебе лучше поторопиться, — напутствовала ее Нэнни. — Твоя

прабабушка через несколько минут будет здесь.

— Да, Нэнни.

Дороти-Энн вышла из комнаты. Она не пошла в ванную рядом с холлом внизу, а поднялась на второй этаж. Там Дороти-Энн быстро оглянулась, чтобы удостовериться, что никого из слуг нет поблизости, и вошла в апартаменты своего отца, плотно прикрыв за собой дверь.

В его огромной ванной стоял легкий запах дезинфекции. Дороти-Энн встала на цыпочки и нашла то, что искала, в его аптечке.

И полоснула себе по запястьям.

А все из-за вчерашнего телефонного звонка.

Дороти-Энн как раз спускалась по широкой лестнице, когда зазвонил телефон, стоящий в холле. Девочка побежала вниз, чтобы снять трубку. В этот день у слуг был выходной, а ее отец был чем-то занят наверху в своем кабинете. Поднеся к уху трубку из слоновой кости, Дороти-Энн только открыла рот, как почти одновременно раздался второй щелчок.

— Генри Хейл слушает.

Девочка узнала голос отца и хотела уже повесить трубку, как услышала приятный, мурлыкающий женский голос на другом конце провода. Что-то заставило ее слушать дальше. Может быть, потому что звонила женщина.

— Номер второй, это ты, дорогой?

— Я не номер второй, Чесси, — прорычал Генри. — Тебе прекрасно известно, что меня зовут Генри.

— Ну, ну, — в грудном голосе послышались насмешливые нотки. — Какие мы сегодня утром чувствительные.

— Послушай, Чесси, — раздраженно начал он.

Игривый голос сразу же изменился.

— Прости меня, дорогой, — быстро сказала женщина. — Ты же знаешь, как мне нравится дразнить тебя.

— Иногда твои шутки совершенно не смешны.

— Ах, так. Но ведь ты не возражаешь против моих шуток по ночам, разве не так, дорогой? — Женщина мягко рассмеялась. — Ладно. Послушай, милый, я позвонила потому, что ты хотел выбраться в «Ла Джоллу». А так как завтра у Си Си день рождения...

Дороти-Энн оживилась. День рождения у Си Си? Кто это Си Си? Может быть, это ее прозвище, о котором она не знает? В конце концов, завтра *ее* день рождения...

— Ох черт, — резко выругался Генри.

Дороти-Энн затаила дыхание и постаралась унять бешеное биение своего сердца. Неужели она шумела? Неужели ее отец догадался, что она подслушивает?

— Что такое, дорогой? — забеспокоилась женщина. — Что-то не так?

— Да нет, пустяки. Я только что вспомнил, что завтра у моей дочери тоже день рождения.

— О Генри, прости меня. Я не собиралась разлучать тебя с твоей малышкой. Тебе надо быть дома.

— Нет, Чесси, все в порядке. Я буду счастлив присоединиться к вам в «Ла Джолле». Мне нет никакой нужды оставаться дома. Честное слово, это необязательно.

— Генри, как ты можешь так говорить? Ведь она же твоя дочь...

— Я предпочитаю не думать о ней в таком контексте.

— Генри, — женщину шокировали его слова, — ты говоришь так, словно ненавидишь бедняжку. — Она натянуто рассмеялась, чувствуя неловкость от того, какой неожиданный оборот приобрел их разговор.

Генри помолчал минуту, потом заговорил странно невыразительным голосом:

— Да, я ее ненавижу. Я не могу быть рядом с ней. Видишь ли, завтра как раз годовщина смерти моей жены. Я ненавижу девчонку. Особенно в тот день, когда она убила мою жену.

Сначала Дороти-Энн почувствовала, как ангелы жужжат вокруг нее. Холодный ветер, поднимаемый их крыльями, ласково касался ее лица. Она слышала слабый, эфемерный шепот. Девочка прислушалась, но ничего не смогла разобрать. От этих звуков у нее возникло живое ощущение, что она плавает. Но это вовсе не было неприятно. словно она медленно, лениво плывет в бассейне. Вода такая нежная и теплая и чуть-чуть пахнет хлоркой. Сквозь полуприкрытые веки девочка постаралась оглядеться. Огромные мягкие фигуры грациозно двигались по кругу. Дороти-Энн не узнавала этого места и не понимала, что происходит. Да ей не очень-то этого и хотелось. Ощущать себя поплавком так приятно. Так приятно...

Дороти-Энн закрыла глаза и отдала себя на волю приятной пустоты. Все отступило.

Потом она заметила, что чувствует запахи. Острый запах лекарств, казалось, исходит ото всего, что ее окружает. Запах наступал и отступал, словно морской прибой, дразня ее ноздри.

Дороти-Энн подняла голову на несколько дюймов. Веки отяжелели, но ей удавалось смотреть сквозь завесу ресниц. Окружающий мир заволокла дымка, словно девочка глядела на него сквозь туман. Белые фигуры, словно тени, двигались в пологом на сон замедленном танце. Все кругом было белым, сотни различных оттенков белого. Только тоненькая рубиновая трубочка поднимается от ее руки и тонет в этой всепоглощающей белизне. Приглушенные монотонные голоса, похоже, читают молитву.

Белоснежное царство и красная полоска медленно погрузились в темноту. Дороти-Энн снова заснула.

Облака и белая пелена превратились в желтые и теплые, когда она снова проснулась. Теперь ей было легче открыть глаза. Веки уже не казались такими тяжелыми, как раньше. Дороти-Энн смотрела в пространство. Над головой у нее виднелось что-то ровное.

Не поворачивая головы, Дороти-Энн оглянулась. Ее глаза потемнели, в них притаилось недоумение. Облака расступились. Вместо них девочка смогла разглядеть ровную поверхность вокруг нее. Она лежала в двухцветной комнате. Верхняя часть стен была белой, а нижняя — раздражающе зеленой. Теплый желтый свет исходил от электрического освещения. Дороти-Энн подумала, что узнает этот странный запах, успокаивающий ее. Она уже сталкивалась с ним раньше. Три года назад, когда ей вырезали аппендицит. Она находилась в больнице.

Больница? Дороти-Энн осмотрелась. «Нет, это не может быть больницей», — мечтательно подумала она. Полуосвещенный потолок представлялся монотонным изогнутым ландшафтом, увиденным за сотни миль из космоса. Река, изгибаясь, удерживаемая притяжением, плавно текла между горами. Дороти-Энн почувствовала странное желание. Ей не хотелось летать в космосе, ей хотелось оказаться дома.

Девочка повернула голову набок и увидела маленькую бледную ручку, перевязанную у запястья. Ее глаза широко открылись. Сначала, она ничего не поняла. Но как только Дороти-

Энн почувствовала тяжесть в груди, то воспоминания вернулись к ней.

Серое металлическое лезвие бритвы, тонкое, словно бумага. Настолько тонкое, что она почти согнула его пополам.

Странно, но никакого ощущения боли, когда лезвие вошло в мягкую руку.

Неожиданный взрыв, когда артерия была повреждена.

Мощный, пульсирующий поток. Это кровь устремилась к ране, желая вырваться на волю из ее тела.

Фонтан крови, густой, мощный у основания и разбрызгивающий вокруг себя рубиновые капли, падающие вокруг нее, словно теплый дождь.

У нее скрутило живот от воспоминаний, ее обдало жаркой волной. Почувствовав вкус желчи во рту, девочка нагнулась и поднесла руку ко рту. Дороти-Энн глотнула, отчаянно, глубоко дыша.

Но через некоторое время в голове у нее прояснилось. Она вспомнила все до мельчайших, причиняющих боль подробностей. Теперь малышка знала, почему у нее нет мамы, как у других детей. Потому что это она убила ее. Девочка не спрашивала себя, каким образом и почему. Дороти-Энн не могла припомнить, чтобы хоть однажды видела свою мать. Но раз папа сказал, что она убила ее, значит, так и есть. И он так сильно ненавидит ее за то, что сделала Дороти-Энн. Вот из-за этого она и попыталась покончить с собой.

И у нее ничего не вышло.

Выдохнув воздух, Дороти-Энн рухнула обратно в кровать. Матрас был жестким, простыни — накрахмаленными, они царапали кожу. Это были не ее простыни.

Она *находилась* в больнице.

Дороти-Энн закрыла глаза, чувствуя себя беспомощной. Ей было стыдно. Она не могла даже смотреть на кого-либо. Только не сейчас, после того, что сделала.

Смерть. Какой же приятной она казалась... Ощущение падения, словно тебя затягивает медленный, мощный водоворот. Темнота, сначала поглотившая ее, становится ослепительным светом тысячи солнц. Как легко отдать себя этому манящему, чарующему свету!

Дороти-Энн почувствовала, как что-то мокрое течет у нее по щекам и попадает на губы. Она коснулась влаги языком. Слезы оказались солеными. Вдруг Дороти-Энн почувствовала радость от того, что жива.

Она услышала, как открылась дверь. К ней подошла мужеподобная медсестра, остановилась, повернулась на каблуках и тут же вышла. Дверь закрылась, потом открылась вновь. До Дороти-Энн донеслось слабое шуршание пневматических шин. Она приподнялась на кровати. Сестра придерживала дверь, пока Нэнни вкатывала в палату коляску с прабабушкой.

Если не считать инвалидной коляски, то прабабушка ничуть не изменилась с того момента, как Дороти-Энн помнила ее, хотя девочка знала, что Элизабет-Энн перевалило уже за восемьдесят. Прямая, царственная осанка, сияющие, словно серебро, волосы отлично причесаны. Даже морщинки в уголках глаз, казалось, остались прежними. Изменился только способ передвижения. Раньше бы прабабушка не позволила себе двигаться так медленно.

У Дороти-Энн отлегло от сердца: ей не придется встречаться ни с кем другим, кроме Элизабет-Энн. Если кто и мог ее понять, то только она.

В жизни Дороти-Энн прабабушка была единственным человеком, всегда показывающим, насколько сильно любит девочку. Только она, единственная, понимала ее,

оказывалась рядом, когда ей кто-то был нужен. Да, Дороти-Энн была рада, что выжила, хотя бы ради прабабушки. Между ними всегда складывались особенные отношения, словно они признавали, как похожи друг на друга, хотя Дороти-Энн была еще ребенком.

Все эти мысли вихрем пронеслись в голове девочки. Элизабет-Энн подняла правую руку и произнесла:

— Достаточно. Пожалуйста, теперь оставьте нас.

Нэнни кивнула. Она бросила обеспокоенный взгляд на Дороти-Энн, но все-таки вышла из комнаты и закрыла за собой дверь. Элизабет-Энн положила руки на колеса своей коляски и подъехала поближе к кровати.

Она улыбнулась своей правнучке.

— Добрый вечер, Дороти-Энн. — Прабабушка наклонилась и взяла перевязанную руку девочки в свою ладонь. — Как ты себя чувствуешь?

Дороти-Энн застенчиво посмотрела на нее.

— Ты ведь на меня не сердишься, правда, прабабушка? — тихонько спросила она.

— Нет, я не сержусь, — ответила та. — Но я очень разочарована. Если тебя что-то беспокоило, тебе следовало прийти ко мне.

Дороти-Энн прикусила губу, приготовившись выслушать строгий выговор. Но она забыла одну вещь — Элизабет-Энн была женщиной особенной. Она знала, чему отдать предпочтение. Заговорщически улыбаясь, прабабушка сунула руку под кашемировый плед, прикрывавший ее колени, и достала стопку комиксов.

— Мне достоверно известно, что Нэнни не разрешает тебе это читать, но на этот раз, мне кажется, мы можем отступить от правила. А то, о чем Нэнни не знает, вреда ей не причинит, так?

Дороти-Энн ощутила благоговейный ужас.

— Как же тебе удалось протащить их мимо нее?

— Я послала Нэнни с поручением, а в это время мисс Бант завезла меня вместе с коляской в книжный магазин. — Элизабет-Энн в изумлении покачала головой. — Я сама их выбирала. Ну и ну, теперь нигде не найдешь обычных комиксов про Супермена. Кругом эти страшные создания вроде Гидрамена и Гранитной женщины. Брр! — Женщина передернула плечами от отвращения. — Спрячь-ка их под одеяло. Нэнни скоро придет. — Она помолчала, пока девочка убирала драгоценные книжки под покрывало. — Тебе больно?

Дороти-Энн покачала головой:

— Нет. Но я чувствую себя как-то... странно.

— Могу себе представить. Возможно, это следствие потери крови. Я говорила с доктором Сиднеем. Он заверил меня, что тебя очень скоро выпишут. Слава Богу, что мы с Нэнни вовремя тебя нашли. Иначе ты могла умереть. — Элизабет-Энн замолчала, склонила голову и посмотрела на свои руки. — Я всегда придерживалась той точки зрения, что ничего не случается без причины. Некоторые утверждают, что иногда для поступка нет никаких оснований, но я не из их числа. Как правило, люди делают что-то по вполне определенным причинам. — Она подняла голову и посмотрела на Дороти-Энн. — Не хочешь поговорить об этом?

Дороти-Энн покачала головой:

— Ты... не поймешь.

В глазах Элизабет-Энн появилось выражение боли. Девочка тут же почувствовала раскаяние.

— Я не то хотела сказать, прабабушка. Я знаю, ты поймешь. Это просто... — Дороти-Энн набрала полную грудь воздуха, нахмурилась, потом снова покачала головой. — Просто потому, что я не могу говорить об этом. Во всяком случае, пока.

Элизабет-Энн склонила голову набок.

— Я прожила довольно долгую жизнь, как ты знаешь, и уж точно научилась хотя бы одному — никогда не держать в себе то, что причиняет боль. — И, помолчав, добавила: — Тебе станет легче. Помни только одно: если не хочешь об этом говорить, что ж, я пойму, хотя я бы тебе не советовала. — Элизабет-Энн нежно улыбнулась.

Дороти-Энн ответила ей улыбкой, в глазах у нее стояли слезы.

— Спасибо, — прошептала она.

Элизабет-Энн поправила плед у себя на коленях.

— Ну, я, пожалуй, пойду, пока сюда не пришла дежурная медсестра и не выставила меня вон. Мне сказали, пять минут и ни секундой больше.

И, словно по волшебству, дверь отворилась и мужеподобная медсестра просунула голову в палату.

— Пять минут прошли, миссис Хейл, — объявила она.

— Ухожу, ухожу, — покачала головой Элизабет-Энн. — Для многих тысяч людей я босс, но, когда дело касается докторов и медсестер, со мной обращаются очень строго. — Она засмеялась и покатила кресло обратно к двери. — Ты должна быть твердо уверена, что о тебе хорошо позаботятся, — добавила пожилая женщина. — Ведь прежде всего ты носишь фамилию Хейл. Не зря же я делала жертвования на строительство нового крыла больницы.

— Прабабушка!

Элизабет-Энн остановилась.

— Да, дорогая?

— Почему мужчины такие?

Элизабет-Энн в замешательстве молчала. Потом ее глаза затуманились. Она развернула кресло так, чтобы сидеть лицом к кровати.

— Честно сказать, я не знаю, дорогая, — отозвалась она. — Это один из тех вопросов, на который я так и не смогла найти ответа.

— А прадедушка? Каким он был?

— Заккес? — Элизабет-Энн сцепила пальцы и поднесла их к губам. Ее взгляд стал каким-то далеким. — Он был добрым. И я любила его.

— Он был похож на папу?

Глаза пожилой женщины сверкнули. Так вот оно что. Это Генри стал причиной того, что малышка чуть не умерла. Она все время умоляла его больше уделять внимания девочке. Правда, нет ничего труднее, чем изображать любовь, которой нет.

— Твой отец не хотел быть жестоким, — сказала Элизабет-Энн. — Дело в том, что он все еще страдает из-за того, в чем не было ничьей вины. Он сердится из-за того, что не может все держать под контролем.

Дороти-Энн долго молчала, потом спросила:

— И все мужчины такие?

— Нет, моя любимая, не все. Когда-нибудь ты сама поймешь. Только потерпи немного, и все увидишь сама.

В тот день, когда Дороти-Энн выписали из больницы, ее прабабушке пришлось вылететь в Токио на открытие нового отеля «Хейл империял палас». Самый престижный из всех отелей компании «Империял палас» расположился среди древнего сада камней, озер и вишневых деревьев. Гостиница сочетала в себе современную роскошь с традиционным японским дизайном. Элизабет-Энн наградили аплодисментами, когда она настаивала на том, что подлинный дизайн как можно меньше портит древнюю архитектуру.

— Искусство нужно уважать и хранить, — сказала миссис Хейл репортерам на очень многолюдной пресс-конференции перед началом строительства отеля, — вне зависимости от цены, которую за это приходится платить.

В данном случае потребовался миллион долларов сверх сметы.

— Об этом столько трубили, что мне придется отправиться туда, — объяснила Элизабет-Энн правнучке, навещая ее в больнице перед отъездом. — Там будет и пресса, и американский посол, и посланник самого императора. Я поговорила с доктором Сиднеем. Тебя выписывают сегодня после обеда. В распоряжении Нэнни будет моя машина, и она за тобой заедет. Кроме того, я поговорила с твоим отцом. Он будет дома сегодня вечером.

Дороти-Энн кивнула. Она пробыла в больнице два дня, и ей хватило времени для размышлений. Девочка надеялась, что, когда ее отец вернется домой и ему скажут, что она сделала, положение вещей изменится. Теперь-то она знала, за что он ее ненавидит. Это было начало. Дороти-Энн пообещала самой себе, что постарается наладить отношения с отцом. Может быть, со временем, если она будет очень стараться, он найдет в себе силы, чтобы простить ее за то, что она убила свою мать. Вдвоем они отлично справятся. Он сможет научиться любить ее. Будет праздновать с ней вместе дни ее рождения. Будет возить ее в ресторан на обед. Или даже в свой офис, где представит ее своим служащим.

Но теперь, когда она должна была вот-вот увидеть отца, Дороти-Энн желала, чтобы этого не произошло. Она рассчитывала на то, что прабабушка будет рядом, поддержит ее. Но без нее мечты о примирении оказались напрасными. Несмотря на то что ей это было нужно, Дороти-Энн знала, что не сможет объяснить отцу, почему она пыталась покончить с собой. Хуже того, Дороти-Энн казалась себе глупой и слабой оттого, что пыталась это сделать. Ей было известно, насколько ее отец презирает слабых людей.

Пока они ехали домой, девочка чувствовала себя несчастной. Оказавшись дома, она оставалась в своей комнате до тех пор, пока отец не приехал и Нэнни не поднялась наверх за ней.

Когда Дороти-Энн вошла в гостиную, ее ожидал сюрприз. Там сидели четыре человека: ее отец, красивая женщина, которую она никогда раньше не видела, и две девочки примерно ее возраста. Женщина была высокой блондинкой, сочетание женственности и мужественности, элегантной и атлетически сложенной. Она рассматривала Дороти-Энн большими голубыми глазами, украшавшими загорелое лицо. Девочки были зеркальным ее отражением, маленькими, но такими же самоуверенными.

Ее отец откашлялся:

— Дороти-Энн!

Она смущенно сделала шаг вперед, ощущая всем существом свои перевязанные запястья. Девочка сложила руки за спиной.

— Да, папа?

— Это Чесси, — начал отец, указывая на красивую женщину. — А это ее дочери, Си Си и Диана. — Он указал на девочек.

Дороти-Энн сначала посмотрела на женщину, потом на девочек. Она не понимала, зачем они здесь. Дочь несколько глуповато смотрела на отца.

— Чесси и я были в Лас-Вегасе этим утром и поженились, — объявил Генри Хейл. — Ты не собираешься поцеловать свою новую маму?

Дороти-Энн окаменела. Какое-то мгновение она не могла поверить своим ушам. Это было невыносимо.

— Ты не моя мама! — гневно выкрикнула девочка. — Ты *никогда* не будешь моей мамой! — Расплакавшись, она бросилась вон из комнаты вверх по лестнице и заперлась в своей спальне.

Чесси встала, собираясь пойти за ней, но Генри Хейл усадил ее обратно.

— Оставь ее в покое, — сурово сказал он.

Чесси посмотрела на него с сомнением, но послушно села.

— Он даже не спросил меня, почему я сделала это или как я себя чувствую, — рыдала Дороти-Энн, прижимая к себе подушку. — Он бы не беспокоился даже, если бы я умерла.

Девочка проплакала всю ночь. Слез уже не было, но, когда наступило утро, она все еще всхлипывала. Ее лицо покраснело и распухло, глаза превратились в щелочки, а сбитое в комок розовое покрывало смялось и стало влажным. Но слезы пошли ей на пользу. Они как будто успокоили боль.

Дороти-Энн медленно села, вытерла кулаками глаза. За время этой бесконечной ночи ответ сам пришел к ней. Она была слишком чувствительной и уязвимой. Мучить себя бесполезно, это не принесет никому никакой пользы, прежде всего ей самой. Вместо этого ей нужно найти собственный способ защиты. Она стойчески вынесет все. Станет уравновешенной. Никогда больше не покажет своих чувств, никогда не покажет, насколько ей больно.

Дороти-Энн станет такой, как ее прабабушка Элизабет-Энн.

2

Фредди последний раз затянулся сигаретой. При последней затяжке пепел зарозовел в темноте комнаты, и мужчина загасил окурок в блюдце. Миссис Рамирес протянула ему чашку кофе. Он поднял на нее глаза.

— Спасибо, — благодарно произнес Фредди, беря чашку обеими руками.

— *De nada*^[29]. — Фелиция Рамирес кивнула головой в сторону кровати. — Как там ваша жена?

— Отдыхает. — Он подул на горячий кофе и осторожно отхлебнул. Напиток оказался густым и крепким, он поможет ему не заснуть. Поможет ему сделать то, что Фредди должен сделать. Теперь это стало для него очевидным.

Миссис Рамирес сделала глоток из своей чашки, потом негромко заметила:

— Я попробовала позвонить, пока варила кофе.

Фредди посмотрел на нее, вопросительно подняв брови.

— Телефон все еще не работает.

Мужчина взглянул на свои часы. Циферблат светился чуть зеленоватым светом. Стрелки показывали немногим больше десяти. А ему-то казалось, что уже намного позднее. Минуты еле ползли, создавая впечатление, что прошли часы. Фредди снова посмотрел на мексиканку.

— Как вы думаете, не выйти ли мне на дорогу и не посмотреть, вдруг кто-нибудь проедет мимо?

Миссис Рамирес отрицательно покачала головой.

— Этой дорогой теперь, кроме местных, больше никто не пользуется. А этим не придет в голову путешествовать в такую грозу. Ниже по дороге есть мост, так его часто сносит.

Фредди посмотрел на спокойно спящую Дороти-Энн.

— Ей нужен доктор.

Фелиция положила руку ему на плечо.

— Нам придется подождать, пока стихнет буря.

Фредди покачал головой:

— Тогда может быть уже слишком поздно.

Миссис Рамирес смотрела на него. По ее лицу пробегали тени от колеблющегося света свечи. Она понимала, что мужчина прав. Схватки стали более частыми, молодая женщина горела в лихорадке.

— Что вы предлагаете?

Фредди закусил губу.

— Я пойду в город. Вы покажете мне дорогу, и я приведу доктора.

— Самый короткий путь — через посадки. — Ее глаза потемнели. — Вы можете заблудиться. Это неблизко.

Он встретился с ней взглядом.

— Мне придется попытаться, — мягко ответил Фредди. — У меня нет выбора.

Несколько минут спустя Дороти-Энн постаралась встряхнуться. Как только она открыла глаза, все окружающее показалось ей скрытым в тумане. Потом ее взор прояснился. Женщина увидела Фредди в ногах кровати — муж натягивал куртку. Миссис Рамирес протянула ему черный дождевик и негромко сказала:

— Держите, он вам пригодится.

Мужчина взял плащ, его лицо оставалось мрачным.

— Фредди!

Муж резко обернулся и выдавил из себя улыбку.

— Эй, любимая, — весело отозвался он. — Тебе получше?

— Да, немного. — Дороти-Энн запнулась. — Куда ты идешь?

— Раздобыть для нас несколько пончиков. — Фредди подошел к жене, присел на край кровати и взял ее ладони в свои.

— Я тебя серьезно спрашиваю, — слабо улыбнулась она.

— Я иду за доктором.

— Но...

— Тсс! Это всего лишь небольшая прогулка через посадки до города. — Фредди обернулся. — Миссис Рамирес показала мне дорогу.

— Но я не хочу, чтобы ты оставляя меня одну, — в тоненьком голосе Дороти-Энн слышался страх.

— Но ты ведь хочешь, чтобы у нас родился здоровый ребенок?

Женщина торжественно кивнула.

— Тогда ты должна доверять мне. Ведь ты же веришь мне, любимая, правда? — Муж рукой коснулся ее потного лба.

— Да, — прошептала Дороти-Энн. — Я верю тебе.

Особенно сильный порыв ветра ударил в тонкую крышу над их головами. Железо выгнулось внутрь, потом снова с грохотом выпрямилось — так в театральных постановках обычно изображают раскаты грома.

— Я люблю тебя, — чуть слышно, но настойчиво произнесла Дороти-Энн.

— И я люблю тебя.

— Ты будешь осторожен?

Фредди поднес ее ладонь к щеке и крепко прижал:

— Конечно же, я буду осторожен.

— Я не хочу...

— Чего ты не хочешь?

— Такой ветер... Я не хочу, чтобы что-нибудь случилось.

— Не забивай свою хорошенькую головку беспокойными мыслями обо мне. — Фредди нагнулся, поцеловал ее и встал.

Дороти-Энн смотрела на него снизу вверх. Он казался таким высоким, таким крепким и таким уверенным в себе. Ее переполняли благодарность и любовь к нему и его ребенку, которого она носила.

— Я люблю тебя, — снова прошептала Дороти-Энн. — Я полюбила тебя сразу, как только впервые увидела.

Фредди улыбнулся, вспомнив их первую встречу, и отозвался тоже шепотом:

— И я полюбил тебя тогда, Дороти-Энн.

Они молча смотрели друг на друга, воспоминание связало их почти осязаемой нитью.

17 октября 1983 года. Ветреный осенний день в Чикаго. Гигантские небоскребы четким рельефом выделяются на фоне покрытого редкими облаками неба. В ноздри бьет запах озера Мичиган, расположившегося тремя кварталами дальше. В его берега с грохотом вгрызаются волны. Когда Дороти-Энн вышла из взятой напрокат машины, из-за облака выглянуло солнце.

Девушка запрокинула голову, глядя вверх на огромное мрачное здание, и безнадежно покачала головой. Да, вдохновиться было нечем. Но раз ее прабабушка послала ее выяснить, как работает Фредди Кентвелл, значит, она это выяснит. И все-таки Дороти-Энн никак не могла понять, что она здесь делает.

Громко хлопнув дверцей машины, девушка бодро направилась мимо развалин к доскам, ведущим к высокому подъезду. Ступени уже кто-то снял. Тротуар был разломан, песок оказался плотным и глубоким. Ей предстояло преодолеть десять футов по этому песку, прежде чем ее нога коснулась бы досок.

Как только ее ступня увязла в мягком песке, Дороти-Энн почувствовала раздражение. Она заплатила сто пятьдесят долларов за туфли от Мод Фризон, а теперь их можно будет выбросить. Дороти-Энн не предвидела подобной неприятности. Все, это в последний раз она надела хорошую одежду для поездки на незнакомую ей строительную площадку. Но у нее все равно не было выбора. Девушка прилетела в Чикаго, взяла напрокат машину и должна была вернуться в Нью-Йорк этим же вечером. У нее не осталось времени, чтобы вернуться в отель и переодеться.

Неожиданно ее левая лодыжка подвернулась, и Дороти-Энн вскрикнула от острой боли. Согнувшись, она принялась энергично массировать ногу.

Плотный рабочий-негр в серебристой каске и майке без рукавов торопливо направился

к ней.

— С вами все в порядке, мисс? — спросил он.

Дороти-Энн подняла голову, чтобы взглянуть на него. Совсем даже не в порядке, хотелось ей отрезать, но она лишь кивнула, скрывая боль, и не стала высказывать даже свое раздражение.

— Да, спасибо, со мной все в порядке.

— Вы, конечно, не могли этого предвидеть. То есть я хочу сказать, что вы здорово выглядите в своем наряде, но для этого места он не годится. — Рабочий сдвинул каску назад и поскреб свои седые волнистые волосы. На его лице появилось удивленное выражение. — А что это вы тут, собственно, делаете? — Он строго оглядел Дороти-Энн. — Вы из банка?

Девушка выпрямилась и отрицательно покачала головой. Ее золотистая челка и волосы, подстриженные «под пажа», качнулись в такт.

— Хорошо. — Негр облегченно ухмыльнулся.

Но, как только Дороти-Энн сделала несколько пробных шагов, он автоматически бросился ей на помощь.

— Спасибо. — Она слабо улыбнулась ему. — Вы работаете на Фредди Кентвелла?

Мужчина широко улыбнулся:

— А как же! Да и, по правде сказать, не хотелось бы мне работать на кого-то другого.

— Вот оно что! И почему так?

— Так ведь он просто гений. Он может взяться за старое здание, ну, вроде этого, распотрошить его и сделать его лучше, чем оно было построено. Да и выглядеть домик будет красивее. Ему удастся перекраивать конструкции и снижать расходы, но он умеет за это взяться. — Негр улыбнулся еще шире. — Но в основном потому, что он нанимает таких вот парней, как я. — Рабочий заметил удивление на лице Дороти-Энн. — Видите ли, — пояснил он, — у меня было маловато шансов получить работу. Да и у других тоже. У всех нас в прошлом были проблемы — тюрьма, наркотики и тому подобное. Кентвелл — единственный, кто дал нам шанс.

— Понятно.

— Вы хотите его видеть?

— Я для этого и приехала.

— Он во-он там. — Негр снял каску, запрокинул голову и показал пальцем на крышу здания, сопроводив жест многозначительным взглядом. Башенный кран подхватил поддон с кирпичом, вознес его к небесам и элегантно движением унес свой груз из пределов видимости.

— Отлично. Только дорогу покажите.

— Вот путь вверх. — Рабочий мотнул головой в сторону крана. — Немного обождать придется, пока он разгрузит кирпичи.

— Вы хотите сказать... — Голос Дороти-Энн дрогнул. — Это *единственный* путь вверх?

— Боюсь, что так. У нас нет денег на что-нибудь еще. — Мужчина улыбнулся, словно извиняясь. — Но я поднимусь с вами. Я не дам вам упасть, не беспокойтесь.

Быстрее, чем она могла вообразить, Дороти-Энн обнаружила себя стоящей на поддоне и плавно взмывающей вверх. Девушка вцепилась в плечо огромного негра. Она почти застонала от отчаяния, когда, поглядев вниз сквозь отверстия в днище, обнаружила, как быстро уносится из-под ног земля. Дороти-Энн покосилась на своего спутника,

предусмотрительно держащегося за стропы.

— Крановщиком у нас старина Зепп. — В голосе рабочего слышалось восхищение. — Эта малютка слушается его, словно шелковая.

Дороти-Энн кивнула и заставила себя поднять глаза. Она ненавидела высоту, но не сказала ни слова. Минуту спустя поддон аккуратно подплыл к крыше и опустился на нее, даже не качнувшись.

— Ну что? Видели? А я что вам говорил? Слушается, как шелковая.

Дороти-Энн благодарно улыбнулась.

— Вы поможете мне? Я имею в виду спуститься?

— Нет проблем. Только дайте знак. Меня зовут Лютер. А вот и мистер Кентвелл. — Мужчина указал на дальний конец крыши.

Дороти-Энн посмотрела туда, куда указывал его палец. На крыше, спиной к ним, на коленях стоял мужчина. Все пространство перед ним устлало чертежи, прижатые по углам кирпичами.

— Алло! Мистер Кентвелл! — позвала Дороти-Энн.

Мужчина, казалось, ее не слышал. Девушка нахмурилась, распрямила плечи и направилась к нему.

— Мистер Кентвелл, — резко заговорила она, как только ее тень легла на чертежи. — Я — Дороти-Энн Хейл из корпорации «Отели Хе...».

Тут Кентвелл наконец обернулся, и юная Хейл вдруг потеряла голос. Без всякой видимой причины.

Может быть, из-за его улыбки, или завораживающей, бездонной глубины его глаз, или исходящего от него неуловимого обаяния. Дороти-Энн показалось, что она неожиданно оказалась в вакууме, кувыркаясь в безвоздушном пространстве и утопая в его гипнотическом взгляде.

В это мгновение ее мозг словно сделал моментальный снимок, выдав четко сфокусированную фотографию такой немислимой яркости, такой нереальной четкости, что Дороти-Энн поняла — эта картина отпечатается в ее воспоминаниях навсегда. Ее память запечатлела его лицо, ее заморозили его светлые серые глаза с проблесками янтаря и тонкими полосками изумруда. Ей никогда не забыть грязной майки без рукавов, обнажавшей мускулистые плечи, сужавшиеся к тонкой, крепкой талии. Мужчина был красив. Загорелое, обветренное лицо, улыбка прорезает глубокие морщины вокруг глаз. Иссиня-черные волосы коротко подстрижены, на твердом подбородке — ямочка, чувственные губы крупного рта.

Еще секунду назад Кентвелл был незнакомцем, и вот сейчас Дороти-Энн не могла думать ни о чем другом, кроме его прикосновения. Ей так хотелось, чтобы он прижал ее к своей крепкой груди.

Еще секунду назад Дороти-Энн была молодой девушкой, почти девочкой, только что окончившей школу, и вот сейчас она превратилась в женщину в расцвете красоты, сгорающую в огне желаний.

В это самое мгновение все ее недовольство из-за испорченных туфель, вся боль в подвернутой ноге испарились. Зато она увидела его и поняла с устрашающей определенностью, что он также страстно желает ее. Они долго не могли отвести глаз друг от друга.

Дороти-Энн почувствовала, как густой румянец заливает ей щеки.

— Я проделала весь этот путь из Нью-Йорка, чтобы встретиться с вами, мистер

Кентвелл, — произнесла она странно неуверенным голосом.

— Да неужели! — Его глаза будто смеялись над ней.

— Именно так, — ответила Дороти-Энн немного резковато. Она глотнула, пытаясь вновь обрести спокойствие. — Я здесь в качестве представителя компании «Отели Хейл». Нас заинтересовала ваша работа. У вас репутация человека, который не только снижает расходы, но и реконструирует, следуя новому дизайну, здания, которые... — Ее голос снова сорвался, так как Кентвелл смотрел на нее не мигая. Дороти-Энн чувствовала себя в высшей степени неудобно.

— Да? — спокойно спросил он.

Неожиданно девушку охватил гнев. Она не привыкла, чтобы с ней обращались подобным образом. Впервые незнакомому человеку удалось настолько сбить ее с толку. А этот не только явно понимал ее дискомфорт, но еще и наслаждался ее замешательством. Дороти-Энн вдруг поняла, что он и не собирается приходить ей на помощь и прерывать ее монолог.

— Я приехала для того, — продолжала она, стиснув зубы, — чтобы самой посмотреть на вашу работу.

— Но в основном для того, — добавил Кентвелл резко, — чтобы посмотреть, не смогут ли враги меня купить, так? — Он подмигнул ей.

Дороти-Энн проигнорировала и подмигивание, и насмешку.

— Ну как? Покажете мне вашу вотчину?

Кентвелл упер руки в бока и обезоруживающе улыбнулся.

— Нет, — со всей определенностью ответил он.

Ее глаза расширились.

— Могу ли я узнать, почему нет?

— Потому, — Кентвелл не сводил с нее глаз, — что, во-первых, я пропущу ленч.

— Тогда я могу отвезти вас на ленч.

— Прошу прощения, — мужчина покачал головой, — но у меня нет времени. Мне слишком много нужно закончить сегодня.

Дороти-Энн застонала от отчаяния.

— Мистер Кентвелл, — резко заговорила она. — Я прилетела сюда из Нью-Йорка только для того, чтобы увидеть вас.

— О чем ни я, ни кто другой из присутствующих здесь вас не просил, — напомнил он ей.

Дороти-Энн склонила голову в полупоклоне:

— Согласна. — И, подняв к нему лицо, резко вздернула подбородок. — Но при сложившихся обстоятельствах мне казалось, что вы будете только счастливы увидеть меня и все мне показать.

— Да? С чего бы это?

— Мне достоверно известно, что у вас финансовые затруднения. Вы вложили все средства, бывшие в вашем распоряжении, в этот проект, а стройка еще далека от завершения. Будет чудом, если вы когда-нибудь вообще завершите строительство.

— Ах вот оно что. Значит, вы наводили обо мне справки. И как же глубоко вы заглянули в мои дела, мисс...

— Хейл. Дороти-Энн Хейл. — Она пожала плечами. — Мы проверяли вас довольно поверхностно. Но нам известно, что вам нужны деньги, и немалая сумма.

— И вы можете их мне дать. Я правильно понял? В том случае, если я примкну к вашей организации?

— Может быть.

— Мне не нужны ваши деньги.

— А я вам еще их и не предлагала.

— Но предложите, так? — Кентвелл не сводил с нее настойчивого взгляда. — Иначе для чего вам было лететь сюда? — Он помолчал. — Мой ответ — нет.

— Вы хотите сказать, что не станете показывать мне стройку?

— Я хочу сказать, что не хочу ваших денег. Представьте себе, я люблю свою независимость. И не хочу работать ни на кого другого, кроме самого себя. Поймите, в этом нет ничего личного.

Ее улыбка получилась суровой.

— Неужели? Тогда в чем же дело?

Кентвелл снова обезоруживающе улыбнулся:

— Я просто всегда придерживался точки зрения, что мужу и жене не следует вместе работать.

Дороти-Энн в изумлении уставилась на него. Была в его голосе какая-то мягкая настойчивость, заставившая ее колени задрожать. Но она тут же взяла себя в руки.

— Мистер Кентвелл, — спокойно заговорила Дороти-Энн, подчеркивая каждый слог, — я шуток не люблю. И к своему бизнесу отношусь очень серьезно. Представьте себе, мое время дорого стоит.

— Мое тоже не дешевое. — Кентвелл подошел к ней и, ослепительно улыбаясь, взял ее за руку. От его неожиданного прикосновения по ее телу пробежала дрожь.

— Давайте... — Дороти-Энн сделала глубокий вдох. — Давайте говорить серьезно, мистер Кентвелл.

— Фредди, — спокойно поправил он. — Ты должна называть меня Фредди. В конце концов, мы живем не во времена королевы Виктории, когда мужа и жены обращались друг к другу по фамилии.

— Прекратите шутить, — прошептала Дороти-Энн.

— Я абсолютно серьезен.

— Но... вы ведь даже меня не знаете, — бессвязно выговорила она. Ей вдруг стало невыносимо смотреть ему в лицо, и девушка опустила взгляд на его руку. Он все еще держал ее ладонь в своей.

— Я знаю достаточно, — доверительно сообщил Кентвелл.

Они надолго замолчали. На площадке раздавался звон строительных инструментов, показавшийся им далеким и нереальным. Откуда-то снизу до Дороти-Энн донесся резкий, пронзительный голос, отдававший приказания. Она слышала даже свое дыхание. Дороти-Энн почувствовала, как смягчился взгляд Фредди. Его прозрачные темно-серые глаза нежно смотрели на нее. Кентвелл сиял белозубой улыбкой, добродушной и естественной. Он действовал на нее своим искрящимся обаянием, произнося невозможные слова:

— Естественно, я не жду, что ты мне ответишь прямо сейчас. Можешь сначала все обдумать. Даю тебе времени сколько хочешь.

— Вы настойчивы, не так ли? — произнесла Дороти-Энн с невольным восхищением. Она улыбнулась, ее холодность словно растаяла.

— Настойчив. И, как я уже тебе сказал, у нас есть время. Много времени. Потому что

прежде чем жениться, я собираюсь закончить этот проект. Причем без посторонней помощи.

— А почему так? — неожиданно для себя спросила Дороти-Энн. — На это может уйти год или даже два.

— Мне бы не хотелось, чтобы у тебя появились не те мысли, — улыбнувшись, Фредди выпустил ее руку.

— Что вы имеете в виду?

— Мне бы не хотелось, чтобы ты думала, что я гоняюсь за твоими деньгами. Я тебе уже говорил. Я независимый человек. Ну а теперь, когда мы все выяснили, могу ли я пригласить леди на чашечку кофе? — поинтересовался он.

И, словно маленькая дурочка, Дороти-Энн густо покраснела и услышала собственный ответ:

— Да, благодарю вас... То есть я хочу сказать... если вы действительно хотите...

— Хочу, — вежливо подтвердил Кентвелл, беря ее под руку и ведя к поддону.

Его слова эхом отдавались у нее в ушах. Дороти-Энн не могла поверить в то, что этот человек только что пообещал ей.

«Согласен ли ты, Фредерик Кентвелл, взять эту женщину в законные жены, любить и почитать ее, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит вас?»

«Да».

Да. Короткое простое слово. И слова великой ответственности. Но они прозвучали почти год спустя. А до этого дня Дороти-Энн и Фредди проводили вместе выходные. В рабочие же дни этих долгих-долгих недель Фредди трудился в Чикаго, а она путешествовала по всему миру, выполняя свою работу. Пока здание, над которым работал Кентвелл, не было закончено без всякой помощи с ее стороны, он отказывался связать себя с ней брачными узами.

В день их первой встречи Дороти-Энн отправилась обратно в Нью-Йорк. Самолет парил в небесах, а девушка летела на крыльях чувств, которые не могла забыть. События этого дня несли ее душу, словно огромная волна, а из головы не выходил взгляд Фредди Кентвелла. Только когда Дороти-Энн приземлилась в Нью-Йорке и встретила с Элизабет-Энн в аэропорту, она вспомнила, что это был за день. И то прабабушке пришлось ей напомнить об этом.

Ночь в Нью-Йорке выдалась ясная, небо усеяли звезды. Машин на Лонг-Айлендском скоростном шоссе было немного. Они быстро проносились мимо. Элизабет-Энн открыла свою большую сумку и, порывшись в ней, достала толстый веленевый конверт.

— Вот, возьми, дорогая! — протянула она его Дороти-Энн.

— Что это?

— Пожалуйста, прими это, будь добра.

Дороти-Энн взяла конверт и зажгла боковую лампочку со своей стороны «роллс-ройса». Она посмотрела вниз на пакет, в замешательстве отводя от глаз непослушную прядь волос. В левом углу красовалась синяя печать с обратным адресом: Шацкин, Моррис, Бернштейн и Бидгуд, 666, Пятая авеню, Нью-Йорк, Н. й., 10019.

Дороти-Энн медленно открыла конверт, вынула пачку юридических документов, поднесла к свету и повернулась к Элизабет-Энн.

— Но... но ведь это же документы, — удивленно пробормотала девушка.

— А ты думала, я об этом не знаю, — ответила Элизабет-Энн с сердитой

насмешливостью.

— Но...

Прабабушка подняла руку, затянутую в перчатку, словно обороняясь.

— Никаких «но», дорогая. Мы долго ждали этого дня.

— Что ты хочешь сказать?

— Только не говори мне, что ты забыла! — Взгляд миссис Хейл царапнул правнучку. — Дороти-Энн, милая, сегодня тебе исполнилось восемнадцать лет. Неужели ты не помнишь? С сегодняшнего дня отель «Палас Хейл», которым ты управляла по доверенности с девяти лет, официально стал *твоим*.

— Ох, прабабушка, я и забыла. Но... я думала, что, может быть...

— Может быть что?

— Ну...

— Если я дарю что-нибудь кому-нибудь, значит, дарю. — Элизабет-Энн слабо улыbnулась.

Дороти-Энн обняла прабабушку. В эту минуту серебряная луна спряталась, и им удалось увидеть в отдалении поблескивающую огнями гряду Манхэттена, показавшуюся из-за индустриальных зданий и фабрик Лонг-Айленда.

Вспышка молнии осветила маленькую комнату неживым белесым светом, превратив все происходящее в словно застывшую от мороза картину. Прошрое плавно перетекло в настоящее, и Дороти-Энн вернулась в мотель неподалеку от города Квебек, штат Техас. Она взглянула на Фредди. Ее лицо побледнело, а в глазах появилось какое-то торжественное выражение.

— Снова боли? — спросил муж.

Женщина отрицательно покачала головой и глубоко вздохнула.

— Фредди! Я не хочу, чтобы ты выходил на улицу в такую грозу.

— Все будет в порядке, любимая.

— Ты будешь осторожен?

Фредди усмехнулся и поднял вверх руку, словно давая клятву:

— Слово чести скаута.

— Ты никогда не был скаутом, — слабо запротестовала Дороти-Энн. Муж улыbnался, но ее не покидало волнение. — Фредди!

— Гм?

— Я боюсь.

— Не надо, — Кентвелл улыbnулся ей. — Все, что я собираюсь сделать, это пойти и привести доктора. Вспомни, что ты рассказывала мне. Когда ты была ребенком, стоило тебе услышать вой сирены, ты пугалась, и что тогда тебе говорила твоя прабабушка?

— Что это не значит, что произошло что-то плохое, — прошептала она. — Это значит, что кто-то идет на помощь.

— Правильно. Вот и вспоминай об этом. — Фредди помолчал, потом улыbnулся жене самой загадочной из своих улыbnок. — Кто любит тебя, детка?

Это была их старая игра. Дороти-Энн чуть улыbnулась.

— Кадьяк^[30], — шепнула она.

Муж поцеловал ее в лоб.

— Умница.

И ушел.

Дороти-Энн снова погрузилась в беспокойный сон, но стоило миссис Рамирес вернуться в комнату, как она тут же проснулась. Молодая женщина попыталась сесть.

— Сколько времени прошло после ухода Фредди? — озабоченно спросила она.

Фелиция Рамирес посмотрела на часы.

— Не так уж много, — легко соврала она. Мексиканка отвернулась от своей подопечной и занялась почти догоревшей свечой, вынула огарок, вставила в подсвечник новую свечу, зажгла ее и поставила подсвечник обратно на тумбочку у кровати.

Дороти-Энн разглядывала потолок и прислушивалась к шуму дождя. Казалось, ливень стал еще сильнее.

— Буря все не прекращается, — дрожащим голосом произнесла она.

— Пока нет, но скоро кончится, — отозвалась мексиканка.

— По-моему, она только усиливается.

Миссис Рамирес склонила голову к плечу и прислушалась. Потом кивнула.

— Иногда ливень припускает сильнее как раз перед тем, как прекратиться, — успокаивая Дороти-Энн, сказала она. Наклонилась к молодой женщине и взбила подушку. — Отдыхайте пока и не сбрасывайте одеяло. — Фелиция хлопнула Дороти-Энн по руке. — Вам понадобятся все ваши силы. — И, улыбнувшись, она опустилась в кресло, которое придвинула к кровати. — Не беспокойтесь, я вас одну не оставлю, — мягко произнесла миссис Рамирес.

Дороти-Энн благодарно кивнула и, вздохнув, опустилась обратно на подушку. Она закрыла глаза, прислушиваясь к мощному грохоту дождя. Капли резко стучали по крыше, как и в тот день, когда ей исполнилось пять лет.

Тогда тоже лило как из ведра.

Произошло это в 1970 году. За окнами бушевала и сверкала гневными вспышками гроза. А в гостиной большого дома в Тарритауне царили тепло и уют. Огонь потрескивал в обоих каминах.

Дороти-Энн сидела на детском стульчике в стиле Людовика XVI, собирая деревянную головоломку, подаренную ей Нэнни на день рождения. Нахмурившись, она смотрела на гигантского Микки Мауса, нарисованного на крышке, и гадала, каким же образом сложить картинку. Нэнни с абсолютно прямой спиной сидела напротив нее на расшитом золотом диване и пристально смотрела на девочку, но не подсказывала Дороти-Энн, куда следует положить деревянный фрагмент головоломки, который та держала в руке. Дороти-Энн знала, что просить о помощи не имеет смысла. Нэнни твердо верила в то, что каждый должен сам решать свои проблемы.

Нэнни, казалось, обрадовалась появлению плотного негра-дворецкого. Она обернулась к нему.

— Машина вас ждет, — объявил он.

Гувернантка кивнула:

— Спасибо, Франклин. — Она поднялась на ноги и поправила платье. — Нам пора ехать, Дороти-Энн.

Девочка подняла на нее глаза, продолжая держать фрагмент головоломки в руке. Она выглядела очень расстроенной. Ей не хотелось уезжать.

— Я еще не закончила, — расстроено проговорила она. — Мы не можем немного

задержаться?

— Боюсь, что нет, — твердо ответила гувернантка.

Дороти-Энн вздохнула и поднялась со стула. Нэнни подошла к ней, встала на одно колено и поправила воротничок ее выходного платья.

— Мне хочется, чтобы ты хорошо выглядела, — сказала она девочке. — Твоя прабабушка — большая поклонница аккуратности. И я тоже, — подчеркнуто добавила гувернантка.

— А почему прабабушка не приехала сюда? — поинтересовалась Дороти-Энн.

— Я уверена, что она бы так и сделала, если бы могла, но миссис Хейл позвонила и сказала, что очень занята сегодня, — объяснила Нэнни. Женщина выпрямилась и взяла свою воспитанницу за руку. — Пойдем. Нам пора ехать. — Свободной рукой гувернантка подхватила ярко-красный пластиковый плащ Дороти-Энн.

Малышка посмотрела на него с отвращением. Он ей не нравился. В нем сразу становилось жарко и душно.

— Я не хочу ехать в город! — неожиданно заявила Дороти-Энн, вырывая руку из пальцев Нэнни. — Там слишком шумно и так много народу. — Она передернула плечами и обхватила их руками. — Меня это пугает.

— Тебе не о чем беспокоиться, — успокоила ее Нэнни, нежно обнимая девочку.

Дороти-Энн не отрываясь смотрела на нее снизу вверх.

— И, кроме того, твоя няня будет с тобой, ведь правда? — говорила гувернантка. — И прабабушка будет с тобой. Ведь тебе хочется увидеть ее, разве нет?

Дороти-Энн торжественно кивнула.

— Я узнала, что твоя прабабушка собирается тебя отвести в очень интересное место.

Глаза Дороти-Энн сверкнули от предвкушения удовольствия.

— Правда?

Нэнни кивнула утвердительно:

— Да. Но я не могу сказать тебе большего. Предполагается, что это должно стать для тебя сюрпризом.

Личико Дороти-Энн расцвело улыбкой. Она потянула гувернантку за руку.

— Ну что? — спросила она. — *Поехали!*

Когда они въехали в город, дождь так и не прекратился. По дороге Нэнни объясняла, что обычно гроза продолжается двадцать минут. Следовательно, над Нью-Йорком проходят один за другим несколько грозовых фронтов. Дороти-Энн слушала как зачарованная, глядя на капли дождя, разбивающиеся о стекла отлакированного черного лимузина, принадлежащего ее отцу. Она еще глубже забилась в уголок обитого серым бархатом сиденья. Одной рукой малышка вытерла запотевшее стекло. Оно оказалось холодным и мокрым на ощупь. Мир за окном предстал перед ней серым и туманным. Дороти-Энн робко покосилась на гувернантку.

Нэнни протянула к ней руки, и девочка быстро вскарабкалась к ней на колени, укрывшись в ее теплых объятиях.

— Мы почти приехали, — объявила Нэнни, когда машина свернула на Семьдесят вторую улицу, а потом въехала в Центральный парк. Десятью минутами позже лимузин остановился около высокого здания — исключительно сталь и стекло, — выходящего на Парк-авеню и Пятьдесят первую улицу.

— Ну вот мы и на месте, — сказала гувернантка и протянула Дороти-Энн плащ. —

Надень его, а то вымокнешь до нитки.

Дороти-Энн скорчила рожицу.

— Тебе придется его надеть, — твердо заявила Нэнни. — Иначе мы сейчас же отправимся назад в Тарритаун.

С мрачным видом девочка облачилась в плащ. Шофер открыл дверцу и держал над ними зонтик, пока они торопливо шли под дождем к вращающимся стеклянным дверям.

Оказавшись внутри, Дороти-Энн засмотрелась на огромный мраморный вестибюль. Потолок был так далеко наверху, и все вокруг, казалось, покрывал мрамор.

— Это один из отелей прабабушки? — поинтересовалась она у Нэнни, крепко держащей ее за руку. Они шли через заполненный людьми вестибюль к лифтам.

Гувернантка покачала головой.

— Нет, это не отель. Здание занимают разные офисы. Здесь работает много людей, в том числе и твоя прабабушка. Видишь ли, ее гостиничный бизнес настолько велик, что ей приходится иметь несколько офисов, чтобы всем управлять. Ей принадлежат гостиницы по всему миру.

Дороти-Энн кивнула с умным видом, обдумывая услышанное.

— И все здание принадлежит ей? — спросила она, когда они остановились перед дверью лифта.

Нэнни усмехнулась:

— Да нет же, малышка. Но, насколько я знаю, она арендует целых два этажа. А это очень большое помещение для офиса, поверь мне.

Дороти-Энн взглянула на гувернантку:

— А папочка тоже здесь работает?

На лицо Нэнни будто опустилась маска.

— Я не уверена, — быстро произнесла она. — Тебе придется спросить об этом у твоей прабабушки.

Личико Дороти-Энн погрузнело.

— Никто никогда мне ничего о нем не говорит, — спокойно сказала она. — Всякий раз, когда я спрашиваю, мне говорят, что надо спросить кого-нибудь другого.

Нэнни посмотрела на нее с печальным сочувствием, но Дороти-Энн была слишком мала, чтобы распознать его.

— Это оттого, что правила хорошего тона предписывают каждому заниматься своими делами, — смущенно пояснила гувернантка.

— Но ведь папа это *мое* дело? — Дороти-Энн проявила ту самую невероятную детскую пронизательность, которой все так боятся.

От ответа Нэнни спас приехавший лифт. Они вошли в кабину, и Дороти-Энн увидела, как няня нажимает кнопку с цифрой «32». Как только ее палец коснулся кнопки, та загорелась. У Дороти-Энн глаза стали совсем круглыми. Она осторожно потянулась и нажала на другую цифру. И взвизгнула от восхищения, когда кнопка засветилась. Девочка коснулась еще одной кнопки, потом еще одной.

Нэнни легонько шлепнула ее по руке.

— Ну-ка, прекрати это, — приказала гувернантка. Она с извиняющимся видом посмотрела на других пассажиров, но никто не обратил на девочку внимания.

Обиженная шлепком Нэнни, Дороти-Энн поджала губы. Ей хотелось плакать, но она изо всех сил старалась сдержать слезы. Но тут двери лифта разъехались в разные стороны, и

девочка оказалась лицом к лицу с совершенно незнакомым миром.

— Здесь прабабушка работает? — задала она вопрос, как только они вышли из лифта.

Нэнни торжественно кивнула:

— Да.

Дороти-Энн почувствовала неведомую ей ранее гордость за то, что все это принадлежит ее семье. Приемная была обставлена таким образом, что все свидетельствовало о роскоши, комфорте и солидном финансовом положении.

Стены скрывались под панелями красного дерева, а пол устилал нежно-розовый ковер. Уютные диваны и кресла были произведением известного декоратора Эндрю Гроулта и стоили небольшого состояния. Гигантский мраморный камин был всего лишь имитацией, но производил впечатление подлинного. Единственной черточкой, напоминающей посетителю, что он не в вестибюле дорогого отеля, а в штаб-квартире огромной деловой империи, была золотая табличка со скромной гравировкой, красующаяся над головой секретаря, восседающего за столом персидской работы. Надпись гласила «Отели Хейл инкорпорейтед».

Секретарша в приемной оказалась молодой блондинкой. Создавалось впечатление, что ее привело в замешательство появление ребенка, но она быстро взяла себя в руки и приветствовала их холодной улыбкой.

— Чем могу служить? — поинтересовалась она у Нэнни.

— Мы хотели бы встретиться с миссис Хейл.

— Вы договаривались о встрече?

Нэнни фыркнула:

— Да.

— И как о вас доложить?

Нэнни улыбнулась Дороти-Энн и сжала ей руку.

— Мисс Дороти-Энн Хейл, — объявила она.

Произнесенные слова оказались волшебными. Дежурная улыбка секретарши растаяла.

— Пожалуйста, присядьте на минутку, сейчас за вами кто-нибудь придет, — сказала она с неожиданной теплотой. Девушка сняла трубку телефона из слоновой кости, а гувернантка повела девочку к дивану. Но не успели они сесть, как высокие двери, ведущие в длинный коридор, затянутый красным ковром, открылись и перед ними предстала безупречно одетая женщина с волосами цвета воронова крыла.

— Мисс Хейл? — спросила она, склоняясь к Дороти-Энн и улыбаясь ей. — Я миссис Голдстейн, секретарь миссис Хейл.

— Здравствуйте, как поживаете? — торжественно произнесла девочка, и они обменялись рукопожатием. Но внутри у Дороти-Энн пробежала дрожь. Рука миссис Голдстейн оказалась сухой и холодной.

— Благодарю вас, отлично, — с улыбкой ответила секретарша, повернулась к Нэнни и кивнула головой. — Прошу вас. — Она сделала элегантный жест рукой. — Пойдемте со мной. — И женщина пошла так быстро, показывая дорогу, что и Нэнни, и тем более Дороти-Энн пришлось поторопиться, чтобы успеть за ней.

Коридор казался невозможно длинным. Они прошли мимо бесчисленного количества закрытых дверей, потом повернули за угол и почти уткнулись в стеклянную стену, отделяющую от коридора огромное помещение без окон, заставленное рядами столов.

— Машинописное бюро, — пояснила миссис Голдстейн.

— Вот где бы мне хотелось работать, когда я вырасту, — заявила Дороти-Энн. — Из-за

бассейна^[31]. — Девочка вытянула шею. — Но *где* же он?

— Это всего лишь выражение. Просто здесь одновременно работает очень много людей.

— Ну что ж, может быть, мне и не захочется здесь работать. — Задумчивая гримаска исказила личико Дороти-Энн.

— Я думаю, — сказала миссис Голдстайн, — что у твоей прабабушки более интересные планы на твой счет, чем машинописное бюро. Надо только подождать, когда ты вырастешь.

Чуть дальше они прошли мимо еще одной комнаты за стеклянной стеной.

— Еще одно бюро? — весело спросила Дороти-Энн.

— Это финансовый отдел, — объяснила миссис Голдстайн. — Люди, которых ты здесь видишь, занимаются теми деньгами, что приносят отели твоей прабабушки, расположенные по всему миру.

Дороти-Энн кивнула.

— Неужели вы никогда не теряетесь здесь? — удивилась она, продолжая идти.

Миссис Голдстайн рассмеялась.

— Я и правда *была* несколько сконфужена вначале, — доверительно сообщила она, — но ко всему быстро привыкаешь. — Они снова свернули за угол. — Вот мы и пришли.

Первый кабинет принадлежал миссис Голдстайн. Его украшал большой стол в стиле ренессанс, а кресла затягивала искусно вышитая ткань. Смежный с ним офис занимала Элизабет-Энн Хейл. Гости остановились перед высокими французскими дверями с полированными зеркальными стеклами и матовыми голубыми портьерами.

Миссис Голдстайн постучала и широко распахнула одну из створок. Дороти-Энн остановилась на пороге, ладони Нэнни придерживали ее за плечи, и смотрела через комнату на свою прабабушку.

Элизабет-Энн стояла около дивана и говорила по телефону. В тот момент, когда ее взгляд упал на дверь, она произнесла короткую фразу и повесила трубку.

С той самой минуты, как Дороти-Энн помнила себя, она всегда была под огромным впечатлением от Элизабет-Энн. Прабабушка казалась такой сдержанной, она так владела собой, и ни один волосок не выбивался из ее серебристо-седой прически. Она оставалась высокой и стройной и выглядела намного моложе своих семидесяти пяти лет в персиковом шерстяном костюме классического покроя. Единственная нитка бесподобного жемчуга обвивала ее шею.

— Прабабушка! — воскликнула Дороти-Энн и бросилась со всех ног в объятия Элизабет-Энн.

— Миссис Голдстайн, — попросила миссис Хейл, обнимая правнучку, — пожалуйста, не соединяйте меня ни с кем.

Секретарша кивнула и улыбнулась.

— Я подожду в приемной, — скромно сказала Нэнни.

Французские двери бесшумно закрылись, и Элизабет-Энн и ее правнучка остались в комнате одни. Какое-то время они продолжали обнимать друг друга. Потом прабабушка отодвинула девочку на расстояние вытянутой руки и внимательно посмотрела ей в глаза.

— Неужели весь этот офис твой, прабабушка? — мечтательно спросила малышка.

— Да, — ответила та. — Тебе нравится?

Дороти-Энн оглянулась. Огромные, от пола до потолка, окна гигантской комнаты выходили в парк. Внизу выстроились жилые дома Вест-Сайда, протянулась широкая серебряная лента Гудзона и панорама Нью-Джерси. За окнами все было серым от дождя, но

мрачная погода не смогла нарушить мягкий комфорт офиса. В комнате было тепло и уютно. Мебель походила на обстановку в приемной, только здесь преобладали ярко-синие оттенки и теплый цвет дерева. Стол Элизабет-Энн представлял собой резной шедевр итальянского искусства, перед ним расположились два бархатных кресла. Дороти-Энн все показалось очень красивым, и чувствовала она себя в кабинете как дома.

Аквамариновые глаза Элизабет-Энн скользнули по залитому дождем стеклу.

— Все еще льет, — заметила она. — Но ничего страшного. Нас ждет машина, так что мы не промокнем.

— Хорошо, гром больше не гремит, — тихонько сказала Дороти-Энн. — А то мне было страшно.

— Я тебя понимаю. Я тоже боялась, когда я была того же возраста, что и ты.

— Правда?

— Конечно. — Элизабет-Энн подошла к телефону и набрала номер. Она не назвала собеседника по имени и не представилась сама. Ее ясный резковатый голос невозможно было не узнать.

— Теперь я готова отправиться на ленч. Встретимся здесь, в моем кабинете. — Женщина повесила трубку и заговорщически подмигнула Дороти-Энн.

— Кто это был?

Элизабет-Энн загадочно улыбнулась:

— Скоро увидишь.

— Нэнни сказала, что мы отправимся в какое-то особое место.

— Так мы и поступим. — Элизабет-Энн подошла к девочке и похлопала ее по плечу. В этот момент дверь открылась, и прабабушка повернулась на звук.

Дороти-Энн сделала то же самое. Ее глаза недоверчиво округлились. Увидеть отца во плоти и крови было не просто чудом. Хотя она и жила с ним под одной крышей, их пути редко пересекались. Девочка была слишком мала, чтобы понять, что это не случайно, но в отличие от нее многие дети ежедневно видели своих отцов, а ее отец старался по возможности избегать встреч с ней. Откуда было знать малышке, что, нанимая Нэнни, Генри Хейл сказал ей, что в ее обязанности будет входить не столько забота о ребенке, сколько роль сторожа. Он объяснил гувернантке, что хочет видеть свою дочь так редко, насколько это вообще возможно. Нэнни все это очень не понравилось, но, увидев нежное личико Дороти-Энн, похожей на эльфа, она не нашла в себе сил отказаться от места. Ребенку явно был нужен кто-то рядом.

Хотя Дороти-Энн и огорчалась из-за постоянного отсутствия отца, к счастью, его поведение не казалось ей странным, потому что ничего другого она никогда не знала. Девочка просто любила его всем своим маленьким сердцем и не задавала никаких вопросов. Для нее Генри Хейл был самым красивым мужчиной на свете. И сейчас, когда она смотрела на него через комнату, ее переполняла любовь к нему.

— Папочка! — взвизгнула Дороти-Энн и побежала к нему по темно-синему ковру. Ее ручонки обхватили его за ноги, и малышка повисла на отце.

Генри тяжело вздохнул и словно сжался. Он крепко прижал руки к бокам, его лицо потемнело. Он посмотрел на бабушку.

— Это и есть свидание за ленчем? — спросил он недоверчиво.

Элизабет-Энн вздернула подбородок.

— Да, Генри, — подтвердила она. — Следует ли мне напомнить тебе, что сегодня день

ее рождения? — Глаза Элизабет-Энн с вызовом смотрели на внука.

Но он не моргнув встретил ее взгляд.

— Смогу ли когда-нибудь об этом забыть? Сегодня пятая годовщина...

— Генри! — В голосе Элизабет-Энн слышалось предупреждение, и это заставило его замолчать. Она подошла к Генри, обняла Дороти-Энн и увела ее от отца. — Будь умницей, дорогая, подожди нас в приемной вместе с Нэнни и миссис Голдстейн, — попросила Элизабет-Энн правнучку напряженным голосом, ведя ее к дверям. — Нам с твоим отцом надо кое-что обсудить наедине. Это займет всего минутку, обещаю тебе. — Элизабет-Энн постаралась улыбнуться. Ей оставалось только надеяться, что малышка не увидит, насколько фальшива ее улыбка.

Личико Дороти-Энн вытянулось. Она не могла до конца понять, что происходит, но чувствовала, как напряжена прабабушка. А этого девочка никогда раньше не видела.

Узенькие плечики Дороти-Энн опустились, когда она вышла из комнаты, и дверь за ней закрылась. До нее донеслись гневные голоса. Дороти-Энн беспомощно посмотрела на Нэнни, сидящую на одном из вышитых кресел перед столом миссис Голдстейн. А секретарша яростно стучала по клавишам сверкающей красной машинки, явно пытаясь, хотя и впустую, заглушить тирады, доносящиеся из кабинета Элизабет-Энн.

— Черт побери, бабушка! — резко заговорил Генри Хейл. — Неужели ты не можешь не вмешиваться? Неужели ты все время будешь совать нос в *мои* дела?

— Ты мой внук, — спокойно возразила Элизабет-Энн. — А Дороти-Энн — моя правнучка. Кроме того, она еще несовершеннолетняя, и кто-то должен защищать ее интересы. Мне кажется, мне не стоит напоминать тебе, Генри, что она еще и твоя дочь. Твоя дочь, на которую ты совсем не обращаешь внимания.

— Ты думаешь, я этого не знаю? — Генри, обычно холодный, собранный исполнитель, совершенно потерял контроль над собой. Его лицо покраснело, а жилы на шее рельефно проступили и напряглись. — Да как ты *смеешь* стоять здесь и говорить мне, кто мой родственник, а кто нет? — проорал он. — Как ты *смеешь* указывать мне, как я должен обращаться с этим ребенком? Я так полагаю, ты сейчас попытаешься мне сказать, что я должен простить ее и все забыть, так ведь? После всей той боли, что она мне причинила, после того как она разбила мне сердце?

Элизабет-Энн была разгневана, но не могла позволить себе такую роскошь, как поддаться эмоциям.

— Генри, — заговорила она, — то, что случилось, трагедия, но в ней нет вины Дороти-Энн, и ты об этом знаешь. Если кого и можно ругать, так только Анну. Доктор предупреждал ее, но она игнорировала его совет. Жена ведь даже не сказала тебе, какой опасности подвергает себя.

Генри резко взмахнул рукой и отвернулся.

— Не могу поверить, что ты можешь говорить такое, — с гневным отвращением произнес он.

— Что ты хочешь сказать?

— Как ты можешь говорить подобным образом об Анне... *Осуждать* ее! Ты ведешь себя так, словно она ничего не значит, словно ты думаешь только об этом ребенке!

— Только девочка теперь и имеет значение, Генри, — грустно отозвалась Элизабет-Энн. — Она твоя дочь и моя правнучка. Дороти-Энн — наше живое наследство. Все

остальное принадлежит вчерашнему дню. А Дороти-Энн — *день сегодняшний*. Малышка — это все, что мы имеем. Не упусти этого, Генри, не надо жить прошлым. Что ушло, то ушло. Тебе придется оставить прошлое позади.

— Ну конечно. — Внук горько засмеялся. — Целовать ее на ночь. Рассказывать сказки. Баловать.

— Да, Генри. Именно это я имею в виду.

— *Никогда*, — прозвучал ледяной ответ. — И... я ничего не могу с этим поделать.

Ужасные слова, произнесенные со странной горячностью, обнажили неприятную правду. Элизабет-Энн покачала головой и поджала губы. Ее ошеломило сознание того, что Генри никогда не изменится. Он не может сделать этого. Внук не просто игнорировал свою дочь, не просто оставался к ней равнодушен, он ненавидел ее. После смерти Анны пораженный горем Генри настолько «накрутил» себя, что в его сознании Дороти-Энн превратилась в своего рода злодейку. И теперь он цеплялся за эту мысль, ставшую основой его душевного здоровья. В этом был смысл его жизни. Не найдя в себе сил взглянуть правде в лицо, не смирясь с потерей, Генри мог жить, только переложив на кого-нибудь вину за случившееся, на бесчеловечного дьявола. Этим дьяволом он считал свою дочь.

И теперь Элизабет-Энн поняла почему. Для Генри Дороти-Энн стала не только символом смерти, но и живым свидетельством того, что он тоже смертен. Генри считал себя непобедимым, способным ответить на любой вызов. Но ту битву, которая действительно имела значение, он проиграл, и проигрыш низвел его до уровня простого смертного. Смерть победила, и в этом он винил ребенка.

— Генри, — мягко попросила Элизабет-Энн. — Неужели ты не можешь забыть прошлое?

— Забыть? — недоверчиво переспросил он. — *Забыть*. — Внук снова повернулся к ней, но в его глазах горел такой огонь, что женщина испугалась. У нее не осталось больше сил бороться с ним. — Запомни только одно, бабушка, — прошипел он. — Ты можешь натягивать вожжи здесь, но я не позволю тебе командовать в моем доме. Твоя власть кончается здесь, в корпорации «Отели Хейл». Моя жизнь принадлежит только мне. — Генри развернулся и направился к двери. Уже держась за ручку, он холодно закончил: — И раз уж *этот ребенок* существует, можешь забрать его себе. Я бы предпочел никогда больше девочку не видеть.

С этими словами Генри вышел, стрелой пролетел через приемную и даже не оглянулся.

Элизабет-Энн закрыла лицо ладонями. Она выглядела ужасно старой, словно все прожитые годы неожиданно обрушились на нее.

Дороти-Энн вертела головой, оглядываясь по сторонам, смущенная таким уходом отца. Она посмотрела на Нэнни, но ха стоически хранила безучастное выражение на лице. Миссис Голдстайн продолжала печатать, словно пытаясь продемонстрировать, что не случилось ничего необычного.

Наконец Нэнни встала с дивана.

— Пойдем, дорогая, — нежно сказала она, беря Дороти-Энн за руку. — Мы можем снова войти к прабабушке.

Они вместе направились в кабинет к Элизабет-Энн. Но, бросив взгляд на пожилую женщину, Нэнни нахмурилась и выпустила руку девочки. Элизабет-Энн нетвердо покачивалась, потом начала медленно падать. Гувернантка кинулась вперед, стараясь подхватить ее. Нэнни уложила пожилую женщину на пол и расстегнула узкий воротник

блузки.

Обернувшись, она крикнула:

— Миссис Голдстайн, срочно вызовите «скорую»!

В приемной стук пишущей машинки резко оборвался. Миссис Голдстайн вскочила со стула. Выглянув из-за двери, она прижала руку к груди и, не теряя ни минуты, бросилась к телефону.

Дороти-Энн спокойно стояла у двери, разные картины вихрем проносились у нее в голове. Она не знала, что произошло, понимала только, что ее прабабушка и папа серьезно поругались.

И вот теперь ее прабабушка неподвижно лежит на мягком синем ковре.

Дороти-Энн стало невыносимо страшно, ее бил озноб, и она тихонько заплакала.

3

Пока они дожидались приезда «скорой», миссис Голдстайн не отходила от телефона. Элизабет-Энн не случайно наняла Натали Голдстайн, годами тренировала ее и платила по-королевски — пятьдесят пять тысяч долларов в год. Она считала, что это не так уж и много за те услуги, которые могла оказать ее секретарша. И именно сейчас миссис Голдстайн доказывала, на что она способна.

Первым делом она позвонила терапевту, многие годы лечившему Элизабет-Энн, доктору Вартану Дадуряну. Тот не стал попусту тратить драгоценное время.

— Сделайте так, чтобы ее отвезли в клинику Колумбийского университета. Я встречу вас там. — И он повесил трубку прежде, чем миссис Голдстайн успела поблагодарить его.

Потом попыталась найти Генри, но тот оказался куда более крепким орешком, чем она предполагала. За те несколько минут, что прошли после того, как он молнией вылетел из кабинета Элизабет-Энн, Генри успел уже покинуть здание.

— Он отправился на ленч. И, насколько мне известно, у него не назначено никаких встреч после обеда, — сообщила его секретарь Руби Шейбер. — Я не знаю, когда он вернется.

— Обзвоните все рестораны, где он может быть, и найдите его, — с раздражением приказала миссис Голдстайн. — Если это не поможет, обзванивайте всех, у кого он может быть в городе. Скажите ему, что это срочно. Мы будем ждать его в клинике Колумбийского университета.

— Но когда он выходил, то выглядел таким... таким рассерженным, — неуверенно запинаясь, возразила Руби Шейбер. — Я не знаю, должна ли я беспокоить его...

Помимо всех прочих талантов, Натали Голдстайн была женщиной, умеющей собирать слухи и использовать их.

— Мисс Шейбер, если вы дорожите своей работой, то вы сделаете все, что в ваших силах, чтобы найти мистера Хейла как можно быстрее. И вы можете позвонить по тем номерам, что записаны у него в маленькой черной книжке, к которой, как вы всем так неосторожно сообщили, имеете доступ.

И миссис Голдстайн повесила трубку, но даже вдохновленные страхом усилия мисс Шейбер не смогли вернуть Генри к тому моменту, когда приехала машина «скорой помощи».

Миссис Голдстайн, Нэнни и Дороти-Энн спустились следом за санитарями в

вестибюль. Они знали, что Элизабет-Энн серьезно больна, но решили не звонить ее единственной оставшейся в живых дочери Регине, одиноко живущей в Калифорнии после смерти мужа, пока не доберутся до клиники и не переговорят с врачом.

— Я поеду с миссис Хейл, — сказала миссис Голдстайн Нэнни, когда они подошли к машине. — А вы с девочкой поезжайте следом в машине миссис Хейл. Мы встретимся в клинике.

На лице Нэнни явно читалось сомнение, ей не хотелось выпускать Элизабет-Энн из виду. Если той суждено умереть, то, может быть, перед смертью она придет в себя и захочет увидеть Дороти-Энн.

Миссис Голдстайн, казалось, читала ее мысли. Она коснулась рукой плеча Нэнни:

— Я не думаю, что ребенку следует уже сейчас познакомиться с ужасами машины «скорой помощи». Как вы считаете?

Нэнни кивнула, и миссис Голдстайн забралась в машину через заднюю дверь. Санитары прыгнули следом, захлопнули дверцы, и автомобиль с ревущей сиреной осторожно двинулся вперед, пробираясь сквозь густой поток транспорта.

Нэнни подвела Дороти-Энн за руку к знакомому желто-черному «роллс-ройсу» Элизабет-Энн, припаркованному неподалеку. Ее острый взгляд успел заметить, что черного лимузина Генри, в котором они приехали утром в город, на стоянке нет. Хозяин, очевидно, воспользовался им для своего бегства.

Они встретились с миссис Голдстайн в крыле «Хейл» клиники Колумбийского университета.

— Как она? — спросила Нэнни, как только они присоединились к миссис Голдстайн в приемной.

Натали только покачала головой:

— Пока ничего не известно. Боюсь, еще слишком рано для каких-либо заключений. Доктор Дадурян в приемном покое. Нам надо подождать, там будет видно.

Все сели, и началось беспокойное ожидание. Шумы зала ожидания, примыкающего к приемному покою, — торопливые шаги врачей и сестер, крики пациентов, озабоченные перешептывания их близких, — казалось, отдалились от них. Дороти-Энн погрузилась в другой мир — страха и смятения.

Лицо Нэнни исказилось, на него легла печать тревоги. Миссис Голдстайн все время беспокойно двигалась, постоянно поглядывая на маленькие золотые часики на запястье и срываясь к телефону-автомату, чтобы позвонить.

— Они сумели до него дозвониться? — спросила Нэнни у миссис Голдстайн, только что вернувшейся после телефонного разговора с мисс Шейбер.

Секретарь Элизабет-Энн сурово покачала головой:

— Никто не знает, где его искать, а телефон в машине не отвечает. Это так на него *не похоже*.

И потом всякий раз, как миссис Голдстайн возвращалась после телефонного разговора, она лишь отрицательно качала головой, молча отвечая на вопросительный взгляд Нэнни.

— Я принесу всем что-нибудь попить, — наконец сказала Натали, отчаянно пытаюсь найти себе какое-нибудь занятие. Она принесла три пластиковых стаканчика из автомата. Но женщины отпили лишь по глотку кофе, и тут же поставили стаканчики. Дороти-Энн допила свой горячий шоколад до конца. Он оказался не таким густым и жирным, как готовила дома кухарка, но ей хотелось пить. Девочка так долго сидела и ждала в этой

огромной душной комнате.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем к ним вышел доктор Дадурян, высокий, толстый, с кустистыми седыми бровями. Как только миссис Голдстайн и Нэнни увидели его, они вскочили на ноги. А Дороти-Энн, чье знакомство с доктором Дадуряном ограничивалось бесчисленными детскими прививками, постаралась стать как можно незаметней. Она не дыша сидела в зеленом виниловом кресле, прямо вытянув перед собой ноги.

— Миссис Хейл перенесла серьезный удар, — сказал доктор Дадурян. В его голосе слышался густой, гортанный акцент.

— Мы можем ее увидеть? — спросила Нэнни.

— Боюсь, что сейчас это невозможно.

— А когда мы *сможем* ее увидеть?

Доктор Дадурян вздохнул:

— Может быть, завтра. Но я не уверен, что вам захочется.

Нэнни с тревогой посмотрела на него:

— Скажите же, в чем дело?

Врач посмотрел на Нэнни и миссис Голдстайн, потом перевел взгляд на Дороти-Энн и отвел глаза.

— Миссис Хейл не сможет с вами говорить, — спокойно пояснил он. — Она в коме.

Дороти-Энн не слышала его слов, но увидела, как побелели лица Нэнни и миссис Голдстайн. Через минуту гувернантка подошла к ней.

— Пойдем домой, — негромко произнесла она.

Таким Дороти-Энн и запомнила свой пятый день рождения.

4

Гроза разбушевалась еще сильнее. Вспышки молнии сопровождались оглушительными раскатами грома, а порывы ветра кидали мощные потоки дождя на рифленое железо крыши и в окна. Сквозняки гуляли по дому, словно насмехаясь над хрупкостью человеческого укрытия и грозя оставить без света их убежище. Дороти-Энн казалось, что все окружающее плывет у нее перед глазами, словно живое существо.

Стихия.

Ярость богов.

Страх.

И боль.

Боль, вынести которую оказалось выше ее сил.

Женщина лежала теперь совершенно спокойно, ее лицо ужасающе побледнело. У нее не осталось сил даже шевельнуться. Последняя схватка показалась ей тяжелее предыдущих, наполнив все ее тело всепоглощающей болью. Озноб пробегал вверх и вниз по позвоночнику, где-то глубоко в ее теле живое существо, дождавшись своего времени, пыталось выбраться наружу, но оно располагалось вопреки природе.

И попало в ловушку.

Миссис Рамирес сидела в наполненной страхом тишине. Она размышляла уже долгое время, копаясь в памяти, пытаясь найти спасительное решение. Давно позабытые события выплывали из темных глубин сознания. Когда-то рассказанная история появилась на

поверхности, тронув рябью пруд воспоминаний.

Но тут же исчезла, и в мозгу снова стало пусто. «Я должна вспомнить!» — приказала Фелиция самой себе.

Мексиканка перекрестилась и взглянула на молодую будущую мать. Взгляд Дороти-Энн будто затерялся в тумане мыслей, где-то далеко, очень далеко отсюда.

Фелиция Рамирес гадала, куда воспоминания унесли ее подопечную и что она там видела.

Далеко-далеко.

Другое время.

Другое место.

Отдельная палата в крыле «Хейл» клиники Колумбийского университета.

Неделю назад Элизабет-Энн вышла из комы, в которой пробыла четыре месяца и три дня. Как только она пришла в себя, первым посетителем, которого она потребовала к себе, оказался ее внук Генри. Элизабет-Энн предупредила его, чтобы он был готов. Она ожидала от него подробного доклада о состоянии дел.

Войдя в палату, Генри удивился. Элизабет-Энн была прикована к постели, так как после удара ноги отказались ей служить. Внук знал, что прогноз врачей не оставлял надежды на то, что бабушка когда-либо сможет ходить. Но, к счастью, по заключению медиков, удар не оставил других более серьезных последствий. Врачи также заверили его, что вскоре Элизабет-Энн вновь обретет силу и сможет заниматься делами.

Но Элизабет-Энн явно не собиралась сидеть и дожидаться, пока это произойдет. Она никогда в своей жизни не болела и сейчас не собиралась сдаваться. Если ее сила должна вернуться, то уж она проследит, чтобы это произошло как можно скорее.

Хотя персонал настаивал на сохранении щадящего режима, Элизабет-Энн убедила доктора Дадуряна, что достаточно хорошо себя чувствует для встречи с внуком. И постаралась выглядеть для этого как можно лучше.

Элизабет-Энн воспользовалась косметикой и подняла шум, пока ей не разрешили пригласить парикмахера от Кеннета. За время комы ее волосы значительно отросли и стали совершенно седыми. Теперь пришлось чуть подкрасить их до привычного серебристого оттенка и сделать химическую завивку.

Когда Генри вошел в палату, Элизабет-Энн выглядела хорошо, как никогда. Она прямо сидела в кровати, одетая не в больничную ночную рубашку, а в красиво вышитую пижамную куртку. Вокруг нее громоздились горы финансовых газет — прошлые выпуски «Форбс», «Форчун», «Бизнес уик», «Уолл-стрит джорнэл» и финансовые страницы «Нью-Йорк таймс». На ночном столике рядом с кроватью всегда поддерживался горячим чайник с водой, а до серебряного сервиза и коробки с травяным чаем легко было дотянуться. В палате стояло множество цветов, но букеты с достаточно официальной аранжировкой, присланные друзьями и знакомыми, прятались за зарослями розовых пионов. Элизабет-Энн ненавидела официальные букеты и распорядилась убрать их с глаз подальше.

Генри наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Ты выглядишь так, словно проводишь отпуск на Лазурном берегу, — подчеркивая каждое слово, заметил он.

Элизабет-Энн улыбнулась в ответ.

— Спасибо, дорогой Генри. Но, боюсь, вынужденный отпуск — это совсем не отпуск.

— Как ты себя чувствуешь?

— Я буду чувствовать себя намного лучше, как только узнаю о том, что произошло в «Отелях Хейл» за эти четыре месяца. Возьми стул и садись поближе. Предлагаю начать немедленно.

Они занимались делами целых два часа. Позже, когда медицинская сестра настояла на уходе Генри, Элизабет-Энн послала за Дороти-Энн и миссис Голдстайн. Она вздремнула перед их приходом. Им разрешили зайти всего на пятнадцать минут. Элизабет-Энн вовсе не собиралась следовать этому распоряжению, и в конце концов самому доктору Дадуряну пришлось прийти и лично вывести из палаты миссис Голдстайн и Дороти-Энн. Он не был ни удивлен, ни рассержен подобной ситуацией. Долгие годы Вартан Дадурян был другом Элизабет-Энн и прекрасно знал ее упрямство. Его также не застала врасплох просьба Элизабет-Энн оставить Дороти-Энн еще на минутку.

— Ради Бога, Вартан, я только хочу посмотреть на мою правнучку. В конце концов, мы с ней не виделись четыре месяца. Неужели ты не сжалишься над бедной старой женщиной, а?

Он посмотрел ее медицинскую карту.

— И с каких это пор ты считаешь себя «старой» женщиной?

Элизабет-Энн упрямо вздернула подбородок:

— С тех пор как это меня устраивает.

Доктор покосился на нее:

— Я примерно так и думал.

Дороти-Энн позволили остаться, и она стала свидетелем необыкновенного противоборства характеров. Потому что был один вопрос, в котором доктор Дадурян не собирался уступать ни миллиметра. Он настаивал, чтобы Элизабет-Энн отправилась на какой-либо европейский водный курорт. А та намертво стояла на том, что ее этот план не устраивает.

— Вартан, я *не* больна. Возможно, немного слаба и растеряна. Но в этом нет ничего удивительного, учитывая то, что я чувствую себя как Рип Ван Винкль^[32] после своего пробуждения. Мне необходимо некоторое время, чтобы нагнать упущенное и собраться с мыслями. Вот и все. — Воспитанная годами гордость не позволяла признаться, что она нуждается в ласковом уходе. Ее глаза сверкали, словно холодная сталь. — Пусть меня черти заберут, если я позволю уложить себя вместе с больными.

— Но эти курорты не имеют ничего общего с больницами, — поправил ее Дадурян.

— Что касается меня, то для меня это одно и то же. — Ее взгляд оставался твердым. — И не говори мне, что это фешенебельное место отдыха. Ты же знаешь, что я *ненавижу* любые курорты. Я *не выношу* расписанные по часам дни и ночи. Я отказываюсь сидеть вокруг источника или принимать участие в групповой терапии. Благодарю тебя, у меня *нет* никакой необходимости принимать минеральную воду. Вода, текущая из крана у меня дома, вполне меня устраивает.

Врач вздохнул:

— Знаешь ли, иногда ты просто испытываешь мое терпение.

— Вартан, если бы тебе не приходилось препираться со мной, ты бы умер со скуки.

— Ты на самом деле нуждаешься в отдыхе и профессиональном уходе, — мягко настаивал доктор. — Тебе нужно время, чтобы приспособиться, повторяю, *приспособиться* к жизни, свыкнуться с тем, что у тебя парализованы ноги. Ты нуждаешься в *переходном*

периоде. — Он позволил себе такую редкую для него улыбку. — Не забывай, ты уже больше не молоденькая курочка.

— Кому же это известно лучше, чем мне? — На губах ее заиграла улыбка, но глаза смотрели тяжело и пристально.

Дадурян был отличным врачом, лучшим из всех. Правда, и самым дорогим. Но, что более важно, он был достойным человеком, ее другом в течение многих лет. Может быть, если он считает, что она нуждается в отдыхе и лечении, то делает это от чистого сердца. Но только не один из этих унылых санаториев, где прогуливаются разряженные в меха пациенты. Этого она не хочет, значит, этого не будет.

Неожиданно Элизабет-Энн вспомнила слова Генри, когда тот навещал ее. Ей в голову пришла мысль.

— Вартан... — задумчиво начала она. — Знаешь, может быть, ты и в самом деле *прав*. Возможно, *отпуск*, — Элизабет-Энн подчеркнула это слово, — пойдет мне на пользу. Господи, я не брала его десятилетиями. — Она поджала губы. — Но я не хочу ничего, что хоть отдаленно напоминало бы больницу, клинику или санаторий.

Вартан медленно, с подозрением, кивнул.

— И я не хочу ехать одна, — добавила Элизабет-Энн. — Я буду невыносимо скучать и совсем не отдохну. — Ее глаза шаловливо блеснули, когда она посмотрела через комнату на Дороти-Энн. — Я-то вообще не хочу ехать. Хочу, чтобы ты это запомнил. Но я не буду возражать при одном условии.

Дадурян чуть слышно вздохнул:

— И что же это за условие, могу я узнать?

Элизабет-Энн улыбнулась правнучке.

— Я хочу, чтобы Дороти-Энн сопровождала меня.

Дадурян повернулся и посмотрел на девочку. При нынешних обстоятельствах пятилетняя правнучка Элизабет-Энн Хейл могла быть только помехой. Все, в чем нуждался его старый друг, — это лечение и покой. Правда, у ребенка есть няня. Возможно, компания пойдет Элизабет-Энн на пользу. Это тоже может оказаться своего рода терапией. Особенно учитывая то, что пожилая женщина и маленький ребенок такие большие друзья. Вартан снова повернулся к Элизабет-Энн.

— Я так полагаю, что ты все равно возьмешь ее с собой, нравится мне это или нет, — наконец произнес он.

— Я знала, что могу рассчитывать на тебя, Вартан.

Элизабет-Энн решила отправиться на юг Франции. Позвали агента по торговле недвижимостью, и тот прочесал все приморские Альпы, пока не нашел подходящую виллу внаем. Позвонили местному врачу и договорились о ежедневных визитах. Он будет присматривать за Элизабет-Энн. Тем временем Генри вел переговоры с лучшими частными сиделками, чтобы они сопровождали Элизабет-Энн. Их было три. Первую, мисс Хеппл, Элизабет-Энн сразу же возненавидела. Маленького роста, толстая, с тонкими губами, грубая. По мнению миссис Хейл, они слишком быстро ладили с Генри. А Элизабет-Энн быстро вычисляла шпионов. Пожилая женщина подозревала, что сиделка получила инструкции сразу же сообщать внуку о малейших нарушениях предписаний доктора Дадуряна, и понимала, что ей придется соблюдать осторожность. В планы Элизабет-Энн совершенно не входило только лежать в шезлонге и загорать на солнце. Они с Натали Голдстайн собирались решать массу проблем по телефону, что прямо противоречило инструкциям

доктора Дадуряна. Но две другие сиделки, мисс Бант и мисс Кинни, ей понравились. Элизабет-Энн сразу поняла, что они тоже совсем не в восторге от суровой, властной мисс Хеппл.

Путешествие спланировали быстро. Принадлежащий семейству Хейл самолет доставит Элизабет-Энн, Дороти-Энн, ее гувернантку и трех сиделок в Париж, а потом в Ниццу. Оттуда, взяв напрокат машину, они доберутся до Сен-Поль-де-Ванса.

Утром в день отъезда Варган Дадурян нанес Элизабет-Энн последний визит.

— Беспokoиться ни о чем не придется, — заверил он ее. — Мисс Хеппл, мисс Кинни и мисс Бант — отличные сиделки. Я, кстати, договорился с фройлен Ильзе Ланг, что она встретится с тобой в Сен-Поль-де-Вансе. У нее очень хорошие рекомендации и репутация лучшего физиотерапевта в Европе.

— Я так полагаю, что следующая твоя фраза уверит меня о том, что если кто и может помочь мне снова встать на ноги, то это она, так?

У Дадуряна вырвался жест раздражения.

— Вовсе нет. Тебе это отлично известно. Я никогда ничего не скрывал от тебя в прошлом и не собираюсь делать этого сейчас. Конечно, все возможно, но никто из нас не думает, что ты снова сможешь ходить. Удар был слишком сильным.

Элизабет-Энн кивнула:

— Спасибо, Варган. Это жестоко с твоей стороны, но я должна знать правду, а не утешаться ложью.

Врач с сожалением посмотрел на пожилую женщину:

— Если бы я только мог...

— Я знаю, что ты сделал бы все возможное. — Элизабет-Энн взяла его за руку и улыбнулась. — Я очень тебе благодарна, правда, благодарна. Возможно, отпуск даже пойдет мне на пользу. — Она закусил губу и закончила фразу почти шепотом: — Если только мисс Хеппл не поедет.

— Она тебе не понравилась?

Элизабет-Энн встретилась взглядом со своим старым другом.

— Ни капельки. Генри выбрал ее, чтобы она шпионила за мной. В этом я уверена. Она будет доносить ему обо всем, что я делаю.

— Я могу рекомендовать другую сиделку.

Женщина отрицательно покачала головой:

— Не стоит беспокоиться. Насколько я знаю Генри, он постарается, чтобы она стала второй мисс Хеппл. В конце концов, мне известно, кого следует остерегаться.

Глаза Дадуряна опасно блеснули.

— Но ведь это не значит, что ты меня обманываешь, правда?

— Обманываю тебя?

— Вспомни, что я тебе говорил. Тебе совершенно противопоказано работать. Во всяком случае, пока. — Он замолчал. — *Абсолютно* никакой работы.

Элизабет-Энн была не из тех, кто лжет, даже при вынужденных к этому обстоятельствах. Поэтому она ограничилась неопределенным кивком, который, как она представляла себе, доктор Дадурян мог истолковать по-разному. Элизабет-Энн взяла торжественную клятву с миссис Голдстайн регулярно сообщать ей по телефону обо всех важных сделках. Она уже предчувствовала, что международные переговоры по телефону будут происходить часто. Ей было слишком хорошо известно, что, если она — сердце

империи «Хейл» — будет слишком долго вне досягаемости, Генри все возьмет в свои руки и никто ничего и знать об этом не будет. Он может уволить преданный ей персонал и заменить его своими ставленниками. Только сама Элизабет-Энн могла этому помешать. Она понимала: стоит ей потерять контроль за происходящим, вернуть его будет очень трудно.

Генри — ее горячо любимый внук, несмотря на совершенные им ошибки. Но он жаждет власти. Слишком жаждет. Как только она уйдет, Генри слишком легко удовлетворит свои аппетиты.

Как бы то ни было, Элизабет-Энн постарается его придержать.

Альтернатива слишком ее пугала.

Вилла носила название «La Fleur de Matin» — «Вьюнок» — и казалась ожившей цветной открыткой. Расположившаяся на поросшем лесом склоне холма высоко над Канном, самая старинная часть здания относилась к тринадцатому веку. Укрепленная, отремонтированная и достроенная множество раз с тех времен, вилла представляла собой в настоящее время странный ансамбль разросшихся строений разной высоты — от одного до четырех этажей. Некую общность ансамблю придавали высокие стены, окружавшие со всех сторон участок земли в шесть акров. Они же служили гарантом уединенности.

Элизабет-Энн рассматривала дом, пока шофер осторожно пересаживал ее из машины в инвалидное кресло. У нее вырвался вздох облегчения, когда она увидела, насколько комфортно будет ей здесь. Перед ней был дом-мечта, причудливое сочетание темных стволов деревьев и крепких камней, окруживших с трех сторон террасу с колоннадой и крестовыми сводами. Сквозь огромные арки террасы открывался вид на многие мили, а сразу за ней расположились внутренний дворик и сад — величественное собрание аккуратно подстриженных платанов и буйного кустарника.

Пока шоферы выгружали горы багажа из трех машин под присмотром мисс Кинни и мисс Хеппл, агент по продаже недвижимости показывал Элизабет-Энн и Дороти-Энн окрестности. Пейзаж подчинялся определенному плану. Здесь росли и зеленые дубы, их плотные короткие стволы покрывала серовато-черная кора, и оливковые деревья, под которыми раскинулись скрывающие землю клумбы темно-синих бархатных фиалок, и фисташковые деревья с красными ягодами, которые скоро созреют и станут коричневыми.

Весной все здесь превратится в цветущий буйным цветом рай. Всего в саду росло девятьсот розовых кустов, были тут и клумбы с маргаритками, бесчисленные кусты жасмина, нежные деревья мимозы и несметное количество цветов, тепло лета заставит их пышно расцвести. А потом август принесет цветы фуксии, благоухающую нежность олеандров, ослепительную красоту бугенвиллей и бледно-голубые вьюнки, благодаря которым вилла и получила свое название. Еще даже не войдя в дом, и прабабушка и правнучка были очарованы. Они нашли свой сад, свой собственный уединенный рай.

Внутри дома возникли некоторые проблемы с креслом Элизабет-Энн, поэтому ей пришлось ограничиться первым этажом. Главным для нее было то, что она могла не прибегать к помощи других и пользоваться определенной свободой передвижения. В целом вилла сочетала в себе красоту, комфорт и уединение.

Но даже в раю есть свои отрицательные стороны.

Несмотря на то что дни были заполнены упражнениями, рекомендованными Ильзе Ланг, несмотря на общество Дороти-Энн и часы, проведенные в телефонных разговорах с Натали Голдстайн, носящей кодовое имя Алиса, чтобы обмануть бдительную мисс Хеппл, Элизабет-Энн ощущала растущую усталость. Она чувствовала себя больной и утомленной от постоянного сидения, сидения, сидения. Пожилая женщина начала испытывать ненависть к своей коляске, одновременно ставшей для нее и средством передвижения, и символом ее несчастья.

Но больше всего она ненавидела свое ничегонеделание. Терапия, игры, телефонные звонки — все было лишь временной заменой, а не настоящей работой. И это было хуже всего. Всю свою жизнь Элизабет-Энн строила и создавала, расширяла свои владения и управляла ими. Она жаждала удовлетворения от выполненной работы, напряжения каждого

рабочего дня. Работа скрывала в себе столько возможностей проигрывать всяческие комбинации, что эта игра никогда не могла наскучить.

Элизабет-Энн ощущала себя так, словно ее отодвинули в сторону.

Ей придется сидеть в прохладном, тенистом внутреннем дворике, и лишь одна-единственная мысль будет мучить ее мозг.

«Если бы я только нашла, чем здесь заняться».

Все началось с обыкновенной детской игры.

И обернулось сетью «Пти Палэ» — «Маленьких дворцов», — совершенно новой ветвью сверхроскошных маленьких отелей под флагом «Отелей Хейл».

Стрелка часов едва перешла за поддень, когда, закончив с ленчем, накрытым во дворике, Элизабет-Энн и ее правнучка углубились в одну из своих привычных, довольно занудных игр. Дороти-Энн бросала огромный надувной пляжный мяч прабабушке, та его ловила, потом бросала обратно девочке и, обогнув на своей коляске дерево, занимала новую позицию. Дороти-Энн очень быстро устала, за что Элизабет-Энн была ей в крайней степени благодарна. Эта игра казалась ей невыносимо скучной и сильно утомляла ее.

— А теперь будем играть в гостиницу, — заявила Дороти-Энн.

Элизабет-Энн чувствовала себя усталой. Она печально взглянула на малышку и на минуту закрыла глаза.

— Если бы мы только могли, дорогая, — произнесла она. — Но это не отель.

— Нет, гостиница! — Дороти-Энн энергично кивнула в такт своим словам, уверенная в своей детской правоте. — Дом — это не просто четыре стены. Он может быть и коттеджем, и замком, и даже отелем. Мы *представим* себе, что это отель. Все, что можно представить, так и есть на самом деле. — И она вприпрыжку побежала к дому. Потом обернулась и жестом приказала прабабушке следовать за ней.

Покачав головой, Элизабет-Энн взялась за надувные колеса инвалидного кресла.

— Куда мы отправляемся?

— К парадному входу, на стоянку для машин. Мы представим, что только что приехали и ждем, пока выгрузят наши чемоданы. Ведь с этого все начинается в гостинице, правильно?

— Именно так, юная леди. — Элизабет-Энн посмотрела с теплотой и нежностью на Дороти-Энн, очарованная ее прекрасным воображением. Но пожилой женщине еще меньше хотелось играть в эту игру, чем в мяч. Это только подчеркнет, насколько далека она теперь от своей империи, от страсти всей своей жизни, заставлявшей ее действовать. Но Элизабет-Энн переполняла решимость не огорчать свою маленькую любимицу. И, кроме того, если бы не общество правнучки, ее жизнерадостность, жизнь стала бы совершенно невыносимой.

Итак, Элизабет-Энн последовала за Дороти-Энн вверх к дому по специально устроенному пандусу, через высокий порог, потом через холодный мрачный холл нижнего этажа и на улицу, к широкой, усыпанной гравием площадке для парковки по другую сторону ограды. Она с интересом посмотрела на девочку:

— Ну? Что же мы будем делать дальше?

Глазки Дороти-Энн сверкнули.

— Я еду в машине. Видишь? — И она галопом припустила на широкую подъездную аллею, выложенную гравием, обсаженную с двух сторон рядами вытянувшихся, как часовые, кипарисов, не обращая внимания на призывы Элизабет-Энн быть осторожной. Потом резко повернула назад и вернулась обратно тем же путем, но ее походка изменилась. Девочка

изображала, что ведет машину, ее руки сжимали невидимый руль. Она остановилась возле Элизабет-Энн с таким воплем, что прабабушке пришлось закрыть ладонями уши.

Дороти-Энн одним глазом подмигнула Элизабет-Энн.

— Теперь я выхожу, потом вынимаю багаж, — пояснила она.

И девочка отлично изобразила все это — величественно вышла из автомобиля, небрежно хлопнула дверцей, открыла багажник, достала два невыносимо тяжелых чемодана и поволокла их к парадной двери.

— Подожди, — быстро окликнула ее Элизабет-Энн. Вопреки нежеланию играть пантомима ее захватила. — К тебе должен подбежать носильщик и взять у тебя чемоданы. Леди никогда не приходится самой нести свой багаж. Только не в приличном отеле!

— О да! А вот и он. — Дороти-Энн быстренько поставила воображаемые чемоданы и уперла руки в бока. — Опаздываете, молодой человек! — угрожающе прошипела она, пародируя кого-то, слышанного ею раньше. — Так и гроша не заработаешь. — Она оглянулась на Элизабет-Энн: — А теперь что мне делать?

— Ты говоришь ему, что у тебя забронирован номер.

Дороти-Энн высоко, поистине по-царски, вскинула голову.

— У меня забронирован номер, — важно объявила она.

Игра продолжалась почти час. Дороти-Энн «отметилась» у «регистрационной стойки», чью роль выполнял обеденный стол в холле. Элизабет-Энн подкатила туда свое кресло и сыграла роль клерка. Потом воображаемый посыльный отвел Дороти-Энн к воображаемым лифтам. Она поднялась наверх, в свой номер, который на самом деле оставался все на том же первом этаже, а потом съела свой ленч во внутреннем дворике.

Пока Элизабет-Энн следила за этой фантастической игрой, что-то медленно начало шевелиться у нее в мозгу.

Маленький вестибюль со стойкой регистрации, именно там, где стоит обеденный стол.

Картинка отчетливо возникла у нее в воображении, и она прикрыла глаза.

Вокруг нее строения, казалось, ожили. Она почти слышала звон посуды во внутреннем дворике, рокот приглушенных разговоров, всплески серебристого звонкого смеха. Элизабет-Энн даже ощущала, как люди выглядывают из-за колоннады на террасе над ней.

Спокойные, приглушенные шаги посыльных.

Звон колокольчика на столе администратора.

Шум опускаемых на пол чемоданов.

Зачарованная Элизабет-Энн открыла глаза и оглянулась. Легкие, танцующие мурашки забегали вверх и вниз по позвоночнику. Мощная волна возбуждения подхватила ее, глаза заблестели горячим огнем.

— Прабабушка! — настойчиво окликнула ее Дороти-Энн. — Что случилось? Что-то не так? Ты не принесла мне выпить!

Но Элизабет-Энн не слышала правнучку. Ее захватили мысли. Она перенеслась в другой мир. В тот самый мир, который Дороти-Энн только что ей описала.

Все, что ты представишь, будет существовать на самом деле.

Да! Так и будет!

Медленно Элизабет-Энн развернула инвалидное кресло и посмотрела вверх на огромное, построенное без плана здание. Чем больше она о нем думала, тем лучше понимала, что этот дом *может* стать чем-то большим, чем вилла. На самом деле может! Он

может стать...

Гостиницей.

Маленьким, уединенным, шикарным отелем в самом сердце Прованса. Судя по тому, что ей говорили слуги, наверху бесчисленное количество спален.

Жилой дом на соседнем участке пустовал. Галерея свяжет два здания.

Во внутреннем дворике разместится ресторан.

Элизабет-Энн посмотрела на колоннаду первого этажа. Здесь разместится еще один ресторанчик.

В здании установят лифт.

Надо будет найти персонал.

Устроить побольше ванных комнат.

Но кухня достаточно большая. Она ее видела.

Мысли пробегали одна за другой.

Неожиданно Элизабет-Энн потянулась и притянула к себе Дороти-Энн.

— Дорогая! — Ее шепот был торжественным и напористым, лицо сияло. — Как тебе нравится идея превратить этот дом в отель? *Настоящий* отель?

Дороти-Энн в изумлении смотрела на нее.

— Ох! Прабабушка! — наконец выдохнула она. — *Да!*

— Но это будет секретом, — предупредила Элизабет-Энн. — Никто не должен знать.

— Я умею хранить секреты. Я обещаю.

Пожилая женщина с удовлетворением вскинула подбородок. Она нашла себе занятие.

А теперь надо составить план.

Купить это владение и соседнее тоже. *Если* они продаются.

Потом финансовое обеспечение — ведь ее банки расположены за три тысячи миль отсюда. Придется перевести крупные суммы на счет местного банка. Она не сможет воспользоваться деньгами корпорации «Отели Хейл», иначе Генри сразу же обо всем узнает, Но у нее есть собственные миллионы, вложенные в другие предприятия.

Нанять подрядчика. И отличный персонал.

И, раз уж все это затевается, ей следует удостовериться в том, что мисс Хеппл об этом не пронюхает. С сегодняшнего дня она переведет ее в ночную смену. Есть кое-что еще, что не ускользнуло от ее пристального взгляда. Элизабет-Энн заметила, что ее суровая сиделка поглядывает на молодого садовника, живущего в доме. Конечно, она деловая женщина, а не сводница. Но как бы там ни было, кто лучше, чем она сама, знает, что особые обстоятельства требуют неординарных решений.

Тысяча франков возымела свое действие. Садовник начал разговаривать с мисс Хеппл. Та была холодна, говорила оскорбительные вещи, но происходящее ее заинтриговало.

Агент по продаже недвижимости, сдавший Элизабет-Энн дом, отправился по ее поручению в Париж и успешно провел переговоры о продаже имения.

Два миллиона долларов были переведены из Нью-Йорка в местный банк.

Пустовавший дом по соседству тоже скоро стал ее собственностью.

Садовник получил еще тысячу франков. Мисс Хеппл растаяла, и вскоре он уже возил ее на длительные прогулки по окрестностям. Молодой человек получил особые инструкции: держать сиделку подальше от дома настолько долго, насколько это в человеческих силах. Мисс Хеппл быстро стала знатоком красот окружающего района и местных обычаев.

Вскоре подошло время решительных действий. Элизабет-Энн вручила садовнику

двадцать тысяч франков и пообещала ему, что он ни в коем случае не потеряет работу. Тогда мужчина заманил мисс Хеппл в спальню наверху, где его и ничего не подозревающую сиделку «случайно застали», когда они занимались любовью. Садовника немедленно «уволители», а мисс Хеппл с позором отправили домой. Элизабет-Энн позвонила Генри и заверила его, что двух сиделок и одного врача вполне достаточно. Кроме того, не преминула она вкрадчиво заметить, после случившегося ей трудно в будущем полагаться на суждение Генри в выборе сиделок. Молодого садовника немедленно снова приняли на службу.

Деньги сделали свое дело. И продолжали делать.

Ремонт виллы шел полным ходом. Элизабет-Энн с головой ушла в работу, ее жизнь стала чудесной. Никогда еще она так хорошо себя не чувствовала и так хорошо не выглядела. Пожилая женщина лично следила за каждым шагом в переделке особняка. Это была игра — игра, стоившая миллионы, но даже Ильзе Ланг согласилась, что для Элизабет-Энн подобное развлечение самое лучшее лечение.

Миссис Хейл строила еще один отель, но настолько отличающийся по замыслу от всех прочих, что это стало истинным новаторством. К тому же все делалось за спиной Генри и Вартана Дадуряна. Элизабет-Энн получала удовольствие просто от того, что выигрывает и доказывает самой себе раз и навсегда, что прикованная к инвалидному креслу старая женщина вовсе не *должна* отказываться от жизни и от работы. Но ключом к успеху стало то, что все принимавшие участие в превращении виллы «Вьюнок» в отель отдавались этому занятию с любовью.

Никогда еще Элизабет-Энн не была знакома с таким количеством людей, работающих рука об руку. Строители быстро превратились в ее друзей. Особенно двое из них — Бертран Делакруа и Франсуа Брикте, ставшие не только ее опорой, но и такими же заговорщиками, как и она. Однажды утром они подняли Элизабет-Энн вместе с креслом на свой грузовик, привязали как следует коляску, а потом подняли и Дороти-Энн к ее прабабушке. И грузовик отправился в путь с восседающей, словно на троне, Элизабет-Энн, держащей в руках зонтик от солнца, и Дороти-Энн, выглядывавшей из-за борта. Эта картина сделала миссис Хейл знаменитой по всему Провансу.

Но необыкновенный выезд вовсе не был лишь тренировкой для эксцентричной старой женщины. У Элизабет-Энн было дело. Бертран и Франсуа провезли ее по всему Провансу и соседним провинциям, Дофине и Лангедоку, прочесав всю округу в поисках чего-нибудь, что могло бы украсить ее похожий на драгоценность маленький отель.

Их частые вылазки в поисках антиквариата всегда окупались. Каждый раз они возвращались на виллу ночью, но натруженные ценными находками. В частности, в одном замке пятнадцатого века, подлежащем сносу, они выторговали огромный баронский камин высотой в пятнадцать футов. В поисках каминов пришлось ездить очень далеко, ведь они требовались в каждую комнату. Они купили старинные провансальские кровати и кресла, а потом их порадовала великолепная, совершенно неожиданная находка — огромный мраморный саркофаг дохристианской эпохи. Ему предстояло превратиться в стойку бара во внутреннем дворике. Когда они привезли саркофаг на виллу, выяснилось, что тот слишком велик и не проходит в ворота. Неустрашимая Элизабет-Энн приказала снять часть стены, и саркофаг занял свое место.

Здание виллы соединили с соседним домом двухэтажной галереей с арками, и они стали единым целым. Новое сооружение казалось построенным без всякого плана куда в большей степени, чем раньше, и от этого еще более очаровательным, чем его

предшественник. Колоннада, нависшая над двором, по замыслу Элизабет-Энн превратилась в террасу, где можно было пообедать, и женщина проводила здесь целые часы благодаря установленному лифту, давшему ей свободу передвигаться по всем четырем этажам.

Элизабет-Энн решила, что персонал должен быть в высшей мере приятным, и сама отбирала каждого от клерка до шеф-повара, которого она переманила из трехзвездочного ресторана в Дофине. Немногие могли предположить, что со временем «Вьюнок» станет своего рода клубом для избранных. Потом все говорили, что провести время в этом отеле — все равно что остановиться у друзей. Элизабет-Энн могла себя поздравить — именно этого она в первую очередь и добивалась.

Как бы там ни было, даже Элизабет-Энн не рискнула предсказать феноменальный успех нового отеля. Это было прежде всего лечение, поэтому она готова была согласиться даже на работу в убыток. Но Элизабет-Энн ждало приятное разочарование. Хотя «Вьюнок» со своими двадцатью пятью номерами для гостей стал самым маленьким из отелей в империи «Хейл», он быстро превратился в самый знаменитый из всех и наиболее известный в мире. С первого сезона у него установилась репутация любимого убежища людей искусства, пользующихся мировой известностью, и кинозвезд. Пребывание в отеле сочетало в себе невероятную дороговизну, потрясающий комфорт и некоторую изысканную небрежность, но при этом полную уединенность, комфорт и дружескую атмосферу. Такого уровня первоклассные отели еще не достигали.

Шли годы, и Элизабет-Энн создала другие «Пти палэ» — «Маленькие дворцы», как она их называла. Все они строились по тому же плану, что и «Вьюнок», сочетая в себе красоту и избранность, и пользовались таким же огромным успехом. Второй в ряду этих отелей стала тосканская вилла в горах над Флоренцией, с фресками в комнатах и строго распланированными садами. Потом Элизабет-Энн нашла белый, словно вышедший из сказки, замок с башнями на берегу Луары, притаившийся среди парка в сотню акров, наблюдающий с высокого берега за рекой и окружающим пейзажем. За ним последовала пятнадцатэтажная оштукатуренная вилла, стоящая на берегу в Пуэрто-Вальярта, где на каждом этаже располагался выложенный изразцами плавательный бассейн, нависший над океаном. За этим последовали другие, каждый более красивый и гостеприимный, чем предыдущий.

В этом состояла гордость Элизабет-Энн и ее подлинная страсть. С «Пти палэ» ее роль хозяйки гостиницы еще больше приблизилась к тому идеалу, к которому она стремилась всю жизнь. Миссис Хейл стала владелицей разбросанных по миру дворцов и вилл и одновременно другом и доверенным лицом большинства известных гостей. Даже руководители государств останавливались в этих уединенных отелях, большинство — чтобы писать мемуары, другие — чтобы отдохнуть в их милой атмосфере. Избранность стала ключом к успеху «Пти палэ», так как в них заключалась квинтэссенция стиля жизни богатых и знаменитых. Они быстро стали самым плохо хранимым секретом в мире.

Хотя никто об этом и не знал, но в начале 1985 года дни Элизабет-Энн были уже сочтены. О некоторых вещах она рассказывала всем, что-то доверяла только самым близким и самым дорогим, но кое-что держала про себя и никогда не рассказывала ни одной живой душе. Рак был именно тем, о чем Элизабет-Энн не говорила никому. Она не видела

необходимости огорчать свою семью и друзей, рассказывая о болезни. И так все всё скоро узнают.

Кроме всего прочего, Элизабет-Энн не хотела, чтобы об этом узнала правнучка. Дороти-Энн и Фредди были слишком счастливы. А у плохих новостей длинные ноги. «Слишком длинные», — думала Элизабет-Энн, пока черно-желтый «роллс-ройс» пробирался сквозь сильный дождь в Нью-Джерси.

Она оперлась подбородком на руку и смотрела на залитое водой стекло. Шуршали шины, «дворники» на ветровом стекле равномерно постукивали, отгоняя вбок тяжелые, плотные полосы дождя.

Неожиданно Элизабет-Энн нажала на кнопку, и стекло, отделяющее ее от шофера, стало опускаться. Серебряным набалдашником своей палки она постучала по медленно ползшему вниз стеклу.

— Быстрее, Макс, — настойчиво попросила миссис Хейл.

Макс колебался. Он посмотрел на хозяйку в зеркало заднего вида. Она казалась такой сильной, такой уверенной в себе. Но ее обычное ничем не пробиваемое спокойствие сейчас покинуло ее.

— Мы идем и так уже на пределе, миссис Хейл, мадам, — вежливо ответил шофер. — Дорога скользкая. Все вокруг сбросили скорость.

— Я по-прежнему хорошо вижу, спасибо, — ядовито отозвалась Элизабет-Энн. — Возможно, этим людям некуда спешить. — Она специально сделала паузу. — Но я *тороплюсь*. И ты должен запомнить, Макс, что я *не* все.

Макс глубоко вздохнул и крепче взялся за руль. Впервые за все время его работы на миссис Хейл она указала, как вести машину, и дала ему нагоняй. Он еще раз медленно и тяжело вздохнул:

— Слушаюсь, мадам, миссис Хейл.

— Ну? Тогда жми на газ!

Элизабет-Энн с трудом подвинулась вперед на сиденье и вытянула шею так, чтобы видеть спидометр. Стрелка медленно поползла вверх, пока не остановилась на семидесяти пяти милях в час. «Роллс-ройс», напоминающий танк — почти три с половиной тонны отлично отлаженных механизмов, — и, набрав нужную скорость, он величественно ринулся вперед сквозь ливень.

В аквамариновых глазах Элизабет-Энн появилось выражение удовлетворения. Она снова села поудобнее и нажала кнопку. Стекло перегородка медленно двинулась вверх.

Элизабет-Энн отогнула манжет белой шелковой блузки, взглянула на часы и вздохнула. Спешить не спеши, но, если смотреть в кастрюлю, вода в ней быстрее на закипит. Она решила чем-нибудь заняться, надеясь, что, погрузившись в работу, потеряет счет времени.

И все-таки Элизабет-Энн не могла удержаться от мысли, что ей не стоило быть такой гордой. Добраться в Балтимор самолетом было бы куда легче, но тогда Максиму пришлось бы нести ее из машины в самолет, а после прилета фактически совершенно чужой человек должен был бы ее оттуда вынести. Ее тяготила даже сама мысль об этом. Да и потом Макс был единственным человеком, которому она доверяла, — он будет держать язык за зубами. Любой другой обязательно проговорится. Пока еще слишком рано сообщать кому бы то ни было, зачем она ездит в госпиталь университета Джонса Гопкинса.

Поскольку дорога на машине занимала не более четырех часов, Элизабет-Энн предпочла автомобиль полету на самолете. Долгое пребывание в машине было достаточно

трудным для нее. Эти поездки она всегда планировала заранее, ограничивая себя в жидкости за двенадцать часов до отъезда, чтобы не приходилось останавливаться. Теперь даже сходить в туалетную комнату было непросто. О, как она ненавидела свою немощность! Беспомощные, атрофированные ноги без конца причиняли боль ее неистовой независимости. Элизабет-Энн ненавидела себя за то, что приходится пользоваться инвалидной коляской. Она провела в ней уже много лет, но так и не смогла привыкнуть. Ей оставалось только благодарить судьбу за то, что у нее достаточно денег, чтобы нанять людей, которые компенсируют ей отсутствие ног.

Элизабет-Энн сердито вздохнула. Всю жизнь она ненавидела людей, жалеющих самих себя. Пополнить их ряды — только этого ей не хватало!

Не сомневаясь больше, она потянулась за своим кейсом, лежащим рядом с ней на сиденье. Стойкий чемоданчик служил несколько десятилетий, и теперь один только взгляд на него придал ей уверенности в себе.

Элизабет-Энн положила его на колени, открыла и поискала свои очки «Бен Франклин» для чтения. Водрузив их на нос, она включила лампочки и взяла отчет толщиной в три дюйма в прозрачной пластиковой папке. Посмотрела на него. В правом верхнем углу страницы было напечатано:

Правление по приобретению недвижимости
корпорации «Отели Хейл»
Эмпайр Стейт билдинг
350, Пятая авеню
Нью-Йорк, Нью-Йорк 10001

Логотип в левом верхнем углу страницы представлял собой эмблему корпорации «Отели Хейл», всеобъемлющей корпорации, родоначальницы огромной империи, созданной Элизабет-Энн. Символ ее родного штата Техас был искусно вплетен в эмблему — стилизованное пекановое дерево, шляпа и пересмешник внутри звезды, обведенной синим контуром. По другую сторону звезды расположились четыре маленькие красные звездочки, символизирующие не только штат, в котором взяла старт ее империя, но и самое редкое, что встречается в отельном бизнесе — конгломерат пятизвездочных отелей по всему миру.

Сводная докладная записка

Возможное преобразование участка земли в южной части Центрального парка и здания, расположенного на нем, в «Замок Хейл»

И ниже располагались необходимые сведения:

Собственность все еще подлежит продаже.

Другие возможные претенденты: отсутствуют.

Подозреваемые тайные претенденты: отсутствуют.

Возможность строительства отеля рассмотрена:

* «Бест Вестерн»

* «Хелмси»

* «Шератон».

Лицо Элизабет-Энн нахмурилась. Ей предстоит точно выяснить, почему три другие

гостиничные корпорации отказались от этой площадки. Но ей доставили удовольствие штамп красного цвета на титульной странице и на каждой следующей из 526 страниц доклада. Простое слово предупреждало: **«Секретно»**. Маленькие красные буквы другой печати также сообщали: **«Оригинал. Только одна копия. Ни при каких обстоятельствах не делать копии с оригинала»**. Подобные меры предосторожности, в конце концов, были необходимы. Элизабет-Энн давно выяснила, что промышленный шпионаж стал обычным делом даже в гостиничном бизнесе. Кроме того, как только становилось известно, что «Отели Хейл» приглядываются, пусть и не очень рьяно, к какой-либо собственности, то Элизабет-Энн могла не сомневаться, что цена на недвижимость обязательно взлетит, как ракета, от жадности хозяев. Исходя из этого, раз Правление по приобретению недвижимости корпорации «Отели Хейл» рекомендовало купить какую-либо собственность и она на это соглашалась, то сделка совершалась тайно, через третьих лиц.

Элизабет-Энн открыла докладную и начала читать.

Возможность создания нового отеля, учитывая все существующие «за» и «против», которые могли возникнуть, обсуждалась в мельчайших деталях. Докладная начиналась с непредвзятой оценки собственности и существующего слегка безвкусного здания в стиле Бель Эпок в долларах и центах, далее следовала предполагаемая цена одного лишь участка в будущем при инфляции или депрессии. Докладная также предсказывала, в какую сумму обойдется превращение здания в отель, противопоставляя ее астрономической цифре, необходимой для того, чтобы снести старое здание и начать стройку с нуля. Составители докладной даже запланировали количество комнат, чтобы из состояния дефицита бюджета прийти до приносящих прибыль операций.

Юридический отдел в основном уделил внимание главному феномену Нью-Йорка: реакции возможно ущемленных в чем-то групп граждан на строительство или даже перестройку старого здания, если решат бороться за сохранение существующей постройки, придав ей статус исторического памятника.

Служба независимого маркетинга давала рейтинг отелей, существующих в Нью-Йорке. Были разосланы пятнадцать тысяч анкет деловым партнерам корпорации «Отели Хейл», чьи адреса хранились в памяти компьютера банка данных корпорации, Возвращенные анкеты — корпорация оплатила почтовые расходы — давали ответы, в частности, на вопрос о том, что привлекает туристов в том или другом отеле.

Отдел дизайна предлагал возможный неповторимый стиль отеля, начиная с бального зала, не обходя вниманием рестораны, и кончая последним колечком для салфетки.

Управляющие существующими отелями компании докладывали о том, какие услуги предлагает гостиничный бизнес по всему миру, какие особые услуги предоставляют своим клиентам отели корпорации, чего недостает в том или ином отеле, и особенно обращали внимание на то, что может предложить новый отель системы «Хейл», чтобы он стал более желанным для клиентов, чем любой другой в городе или даже в мире.

Все возможности были прокручены так и эдак.

Элизабет-Энн докладная ошеломила. Ничего подобного вначале не было. В докладной не осталось даже маленького местечка для предвидения, инстинкта, шанса и простора для игры ума. Она почувствовала себя ненужной, словно осталась единственным динозавром, бродящим по современному миру. И у нее не возникало чувство удовлетворения тем, по какому пути пошел мир бизнеса. В эпоху компьютеров и космических съемок ей не оставалось ничего другого, как склониться перед трудом составителей докладной. Но это не

значило, что Элизабет-Энн должна полюбить все это. Документ оказался таким... таким сухим и кратким. Возможность ошибки сводилась до минимума. Но словно от этого из дела ушла жизнь.

Элизабет-Энн почувствовала укол сожаления и всплеск благодарности. Именно благодарности за то, что родилась в свое время, когда человек мог еще мечтать, трудиться и воплощать свои замыслы, имея только веру и тяжело работая для этого.

Она закрыла докладную, заложив большим пальцем место, где остановилась. Сняла очки, потеряла переносицу и засмотрелась в залитое дождем стекло. Видимость стала еще хуже, чем раньше, и барабанная дробь капель по крыше, хотя и приглушенная, не затихала ни на минуту.

Резким жестом Элизабет-Энн бросила доклад обратно в кейс. Глупо было вообще открывать его. У нее совсем не было сейчас настроения работать. Элизабет-Энн не удавалось просто отвлечься от душевной боли, мучившей ее. Не было возможности увернуться от правды. Может быть, после окончания путешествия ее мозг вернет себе рациональность и спокойствие, когда она снова будет уверена в своем будущем, она сможет взяться за доклад. Но не раньше, чем это произойдет.

Не раньше, чем опухоль, о которой знают только она и врачи, будет вырезана, извлечена из ее тела.

Врачи заверили, что у нее хорошие шансы, несмотря на возраст.

Но почему тогда ее не оставляла мрачная уверенность в том, что она умирает? Что это лишь начало конца?

7

Воспоминания. Так много воспоминаний.

Время будто остановилось, минуты перестали уходить.

Дороти-Энн почувствовала что-то мягкое и восхитительно холодное у себя на лбу. Открыв глаза, она слабо улыбнулась миссис Рамирес.

— Я боюсь, — прошептала молодая женщина.

— Не надо бояться. — Мексиканка улыбнулась ей мягкой, успокаивающей улыбкой. — Все будет отлично. Все обернется к лучшему. Видите? — Миссис Рамирес перестала вытирать лоб Дороти-Энн, поднесла руку к воротнику блузки и достала маленький сверкающий медальон на тонкой золотой цепочке. — На этом медальоне изображена Богородица. Я его никогда не снимаю. Хосе, один из моих племянников, вместе с женой совершили паломничество в Фатиму^[33] и принесли его оттуда. — Она помолчала. — Медальон был освящен. — Вдруг, повинувшись порыву, Фелиция отложила тряпку, подняла руки, расстегнула цепочку и надела ее на шею Дороти-Энн. — Теперь вы будете носить его. Пресвятая Богородица хранит меня. А теперь она будет хранить и вас тоже.

— Спасибо, — прошептала Дороти-Энн.

Она провожала взглядом миссис Рамирес, пока та полоскала тряпку в тазу. Потом крупная женщина пересекла комнату и остановилась в тени около порога.

— Пойду посмотрю, что там с телефоном. Может быть, его уже починили.

До Дороти-Энн доносился голос миссис Рамирес, но лицо ее вдруг изменилось и перестало быть лицом мексиканки. Перед ней неожиданно предстало красивое лицо с упрямым подбородком и правильной линией скул, серебристые волосы и чарующие

аквамариновые глаза, мудрые, все понимающие.

Дороти-Энн негромко вздохнула и закрыла глаза.

— Прабабушка, — прошептала она, понимая, что этого не может быть. Ни здесь, ни сегодня, ни вообще больше никогда.

* * *

В этот день она видела свою прабабушку живой в последний раз.

Еще три коротких дня, и жизнь, продолжавшаяся большую часть этого века, закончится.

Это был вечер самого большого триумфа Элизабет-Энн Хейл. Империя, основанная на пустом месте, обрела свой венец.

Драгоценным камнем в короне явился «Замок Хейл».

Он стал блестящим свершением Элизабет-Энн, прочным памятником ей, ее семье, ее мечте.

Только теперь, оглядываясь назад, Дороти-Энн поняла, что тот день, когда прабабушка задумала «Замок Хейл», и был началом конца. Ей следовало понять это сразу — самый большой из всех гранд-отелей станет последним делом Элизабет-Энн. Но откуда она могла знать об этом? Прабабушка создавала и расширяла свои владения всю жизнь. В этом заключался смысл ее жизни. Только когда все было кончено и Элизабет-Энн умерла, правнучка поняла правду.

Долгие годы прабабушка втайне от всех сражалась с раком, никому не говоря ни слова. Она отсылала тех, кого любила, в деловые поездки или в путешествие или исчезала сама, как предполагалось, для отдыха, но на самом деле отправлялась в больницу на операцию или лечение. Все это миссис Хейл проделывала спокойно, за спиной у всех. И пока рак все глубже и глубже вгрызался в тело, а ее время подходило к концу, Элизабет-Энн начала строить самый большой отель из всех построенных ею и сражалась за жизнь до того дня, пока все не было завершено.

Случившееся только доказало Дороти-Энн, насколько мало знала она эту замечательную женщину, с которой была так близка всю свою жизнь.

Все эти годы, проведенные вместе. И даже в конце Элизабет-Энн не доверила так тщательно хранимую тайну.

«Ох, ну как же я могла быть такой слепой?»

Трое суток бессонными днями и ночами мучила себя Дороти-Энн этим вопросом.

«И даже в тот последний вечер я не поняла, что она вот-вот умрет».

Но как она могла догадаться? Даже в тот последний в жизни Элизабет-Энн вечер, в течение церемонии открытия новейшей звезды в ожерелье ее отелей, старая женщина собрала все остающиеся силы, и создалось полное впечатление, что все в порядке и с миром и с ней самой.

Открытие отеля оказалось чем-то большим, чем просто церемония. Оно стало прощанием Элизабет-Энн со всем, что ей было дорого, со всеми, кого она любила.

Но об этом никто и не догадывался, пока все не было кончено.

Огромный бальный зал в «Замке Хейл» был заполнен до предела возможности. Приглашение получили две тысячи человек, пришли больше восьмисот. По просьбе

Элизабет-Энн Дороти-Энн стояла на помосте с правой стороны инвалидного кресла, а Фредди — с левой. Они оба держали прабабушку за руки. Позади стояла мисс Бант, молча, с суровым выражением лица — сфинкс, лишенный эмоций, только ее глаза выдавали недовольство настойчивым желанием Элизабет-Энн посетить мероприятие, которое сиделка считала совершенно бессмысленным. Немного в стороне стояли Генри и Чесси. Регина не решилась проделать путешествие из Калифорнии ради такого случая.

Лицо Дороти-Энн сияло от гордости. Ей казалось, что никогда еще она не видела прабабушку такой красивой, как в этот особенный вечер. В том, как пожилая женщина сидела в инвалидном кресле, проглядывало нечто царственное, словно она находилась не в коляске, а на троне. «А почему бы ей и не вести себя так?» — спросила Дороти-Энн у самой себя. В конце концов, Элизабет-Энн — верховный правитель империи, раскинувшейся по всему земному шару. Она истинная королева с головы до пят.

В девяносто лет ее глаза блестели, а аквамаринное шелковое платье придавало ей нежную, сияющую красоту. На лице застыло выражение церемонного интереса, словно ее развлекала армия придворных шутов. Иногда она чуть поворачивала голову и посматривала на Дороти-Энн, едва заметно подмигивая ей, словно говоря: «Видишь? Видишь, что мы сделали с тобой вместе, ты и я? Все веселятся, пируют. Они раболепствуют передо мной и говорят то, что, как им кажется, мне хотелось бы слышать, но в глубине души они все ненавидят меня. И знаешь, почему? Они гадают, как это нам удалось сделать такое, вот почему! Но мы им никогда не откроем тайны. Интуиция и тяжелый труд, преданность мечте, отдача каждой частички своей энергии — вот благодаря чему мы достигли этого. А эти дураки ни о чем и не догадываются! Им всем кажется, что это своего рода удача, или волшебство, или, что еще хуже, мой талант! Ох, если бы они узнали правду, как бы они были разочарованы».

Дороти-Энн прочитала это во взгляде прабабушки и, пожав ей руку, счастливо кивнула, а на глаза ей навернулись слезы. За многочисленными складками ее платья для беременных ребенок дожидался своего срока, до которого оставалось совсем немного времени. Скоро родится малыш, первый из праправнуков Элизабет-Энн.

— Я надеюсь, что это будет девочка, — поделилась она с правнучкой несколько дней назад. — В этой семье женщины задают тон. Но только не пойми меня превратно. У мужчин своя роль. Но женщины — это сила, это хребет! Да, я очень надеюсь, что это девочка! Чего еще может желать выжившая из ума старуха?

Праправнучка.

И «Замок Хейл», задуманный и построенный вопреки всем случайностям, наконец готов.

Действительно, чего еще желать?

«Ничего странного, что она выглядит такой счастливой, — подумала Дороти-Энн. — Это ее час погреться в лучах славы. Господи, она этого заслуживает. Она заслуживает всего — комфорта, любви и уважения. Девяносто, на этой неделе прабабушке исполнится девяносто один, а она до сих пор никогда не почивала на лаврах».

Вместо этого она построила «Замок Хейл». Все говорили, что цена достигла четверти миллиарда долларов, после того как заплатили за участок, дизайн, строительство и отделку. По слухам, отель стал самым дорогим сооружением в мире.

Он представлял собой башню в семьдесят два этажа на Пятой авеню в самом центре города. Только для того, чтобы купить необходимый участок земли, потребовались годы

терпеливой, тайной торговли. Десятки агентов по продаже недвижимости, ни один из которых не подозревал о том, кто является его клиентом, скупали по одному участку земли, принадлежавшие частным лицам. Потом существовавшие здания были снесены, обломки вывезены, и началось строительство. Чтобы создать «Замок Хейл», Элизабет-Энн пригласила цвет американских архитекторов. Эти современные коробки из стали и стекла, сделанные как под копирку, не для нее. Ей требовалось что-то такое, что добавит особый колорит — ее собственный — в силуэт Нью-Йорка.

Дороти-Энн присутствовала на всех встречах архитектора и заказчика, поэтому она близко видела все фазы продвижения проекта.

— Я даю вам карт-бланш, — безрассудно заявила Элизабет-Энн архитектору, полушутя-полусерьезно. — Главное, чтобы в конце концов я получила то, что хочу.

Архитектор посмеялся, но у Элизабет-Энн оказалось свое видение проекта, и он сам не заметил, как вдохновился им. Миссис Хейл хотела получить современное здание в средневековом стиле. Площадь перед гостиницей должен был украсить подъемный мост в современном варианте, а роль рва будет исполнять узкий бассейн, в котором отразится здание. Элизабет-Энн хотелось, чтобы все помещения отеля, кроме номеров, были выполнены в величественном, своеобразном готическом стиле. А наверху должны были располагаться башни и башенки, словно в детских волшебных сказках.

Архитектору удалось блестяще справиться с задачей. Как только проект стал достоянием публики, вокруг него разгорелась настоящая битва среди архитекторов по всему миру. Некоторые критики оценили дизайн как сочетание пятнадцатого и двадцать первого века, другие называли его кошмаром.

Элизабет-Энн поняла, что ей удалось заявить о себе.

Она наслаждалась этим. Ярость только подогревала всеобщее возбуждение, это было своего рода рекламой, которую нельзя купить ни за какие деньги.

И как только здание было готово для того, чтобы в нем разместился отель, а также кондоминиумы и офисы, Элизабет-Энн снова удивила своих подчиненных.

— Назначайте самую высокую цену, — инструктировала она. — Сделайте помещения такими роскошными, чтобы ими могли воспользоваться лишь избранные.

Как и предполагала Элизабет-Энн, «Замок Хейл» собрал всех самых богатых, наиболее известных и влиятельных. Один арабский бизнесмен приобрел целых три этажа и превратил их в самые большие и самые дорогие в Нью-Йорке, а может быть, и в мире, апартаменты, включающие в себя даже бассейн. Здание еще не было сдано, а семь из девяти кондоминиумов уже были проданы.

И теперь, стоя рядом с Элизабет-Энн, ее правнучка возбужденно смотрела на разворачивающееся перед ней действие. Их гости прибыли и издалека, и из самого Нью-Йорка. Мэр, губернатор и вице-президент толпились вместе с судьями Верховного суда, светскими львицами, бизнесменами, промышленными магнатами, представителями прессы, писателями и кинозвездами. Все те, кто двигал миром, собрались здесь, чтобы отпраздновать открытие.

Все происходящее напоминало премьеру в Голливуде, вплоть до красных ковровых дорожек и прожекторов, чьи лучи пересекали крест-накрест небо над отелем.

К десяти часам прием был в самом разгаре, о провале даже речь не шла, чему Элизабет-Энн была бесконечно рада. Ладони у нее стали влажными. Она чувствовала себя усталой, и ей хотелось, чтобы вечер уже закончился, но женщина твердо намеревалась дойти до конца

и объявить свою последнюю волю. Как только она сделает то, что должна сделать, — отдохнет. Ее ждет долгий отдых, вечный покой.

Элизабет-Энн посмотрела на оркестр и встретила взглядом с дирижером. Получив условный сигнал, он украсил несколькими цветистыми нотами финальные аккорды танцевальной мелодии и перешел к синкопированному ритму песни «Загадай желание, пока падает звезда».

— Ну вот. — Элизабет-Энн повернулась к правнучке. — Пожелай мне удачи.

Дороти-Энн улыбнулась, нагнулась и поцеловала ее в щеку.

— Удачи тебе, прабабушка. Хотя я уверена, что тебе это не нужно. Ты никогда не нуждалась в пожеланиях.

— Лесть проложит путь куда угодно, — заметила пожилая женщина. Она повернула голову, взглянула на мисс Бант и царственно кивнула. Преданная сиделка подкатила кресло к краю помоста. Как только музыка достигла самой высокой ноты, свет стал приглушеннее и единственный белый луч окутал Элизабет-Энн сверкающим серебристым сиянием.

В бальном зале стало очень тихо. Люди прокладывали себе дорогу и поворачивались лицом к помосту. Седовласый мужчина во фраке установил микрофон перед Элизабет-Энн.

Она поблагодарила его улыбкой. Потом чуть откашлялась и заговорила звенящим отчетливым голосом:

— Леди и джентльмены, я благодарю вас всех за то, что вы пришли, и поэтому церемония открытия этого здания стала подлинным успехом. Я также очень благодарна вам за то, что вы согласились выслушать излияния старухи. — По залу прокатился вежливый смех, и, переждав его, Элизабет-Энн продолжала: — Как вам, вероятно, известно, многие говорили, что сделать это невозможно. Невозможно построить подобное здание. — Элизабет-Энн сделала театральный жест рукой. — Нельзя сочетать магазины, офисы, квартиры внаем, кондоминиумы и отель. На самом деле, — она помолчала и позволила себе нервный смешок, — я и сама до недавнего времени не была уверена в успехе собственного начинания. — Элизабет-Энн сделала вид, что вздыхает с облегчением.

Присутствующие снова доброжелательно засмеялись.

— Но как бы то ни было, — она сложила ладони вместе, — что сделано, то сделано. И я рада, что все закончилось. В панораме Нью-Йорка снова произошли некоторые изменения, и именно такая изменчивость придает этому волшебному городу его магический характер и возбуждает. Мне нравится постоянная перемена декораций. Я горжусь тем, что долгое время была частью постоянно меняющейся жизни. Я люблю наш город. Приехав сюда в тысяча девятьсот двадцать восьмом году, я больше никогда его не покидала. Я горжусь тем, что могу назвать себя жительницей Нью-Йорка. Город был добр ко многим из нас, но больше всего ко мне.

Элизабет-Энн снова помолчала. По залу пробежал одобрителный шумок.

— Тем не менее, чтобы показать вам, как изменились времена, и не задерживать надолго вашего внимания, я хотела бы прочитать вам объявление, помещенное «Отелями Хейл» в «Нью-Йорк таймс».

Она обернулась назад и протянула руку. Мисс Бант достала очки для чтения и газетную вырезку. Элизабет-Энн осторожно надела очки.

— Должна предупредить вас, что я даже не знала о том, что такое объявление поместили в газете. Естественно, откуда мне было знать? Корпорация «Отели Хейл» стала такой большой, что я и в самом деле не знаю, что происходит в каждом ее отделении. Как бы

там ни было, я увидела объявление и прочла его. Теперь я хочу зачитать его вам.

«Аналитик по техническому обеспечению. Корпорация «Отели Хейл» имеет срочную вакансию на замещение должности специалиста по обработке данных, занимающегося также разработкой новых редакций программ, оценкой новых пакетов программ, устранением повреждений, настройкой IBM-38 и обеспечением работы группы программистов-аналитиков в рамках заданных процедур и стандартов. Требования к кандидату: высшее образование, минимум трехлетний стаж работы на RPG-III и отличное знание IBM-38». — Элизабет-Энн сняла очки, положила руки на колени и посмотрела на море повернувшихся к ней лиц. — *Черт побери*, кто знает, что такое «пакет программ», «обработка данных» и «RPG-III»?

По залу прокатился смех и раздался гром аплодисментов.

Элизабет-Энн кивнула.

— Я ощущаю то же самое. Это только доказывает, насколько изменились времена. Ведь, Господь свидетель, когда я начинала создавать отели, я даже колледжа не окончила! Как бы там ни было, сейчас я слишком стара и сварлива и слишком привыкла идти своим путем, чтобы меняться. Итак, в свете вышесказанного и того, что на этой неделе мне исполнится девяносто один год...

Ее слова утонули в громе аплодисментов. Ей пришлось выждать, прежде чем продолжить свою речь. Элизабет-Энн чуть склонила голову.

— Спасибо, спасибо, — проговорила она немного скрипучим голосом. — Все-таки большая продолжительность жизни не заслуживает аплодисментов сама по себе. Да и успех, связанный только с долгожительством, того не стоит. «Форбс мэгэзин» процитировал недавно мои слова из последнего интервью: «Каждый может достичь того, что и я. Вам надо только пожить подольше».

По залу снова прокатился смех, раздались аплодисменты.

— Теперь перейдем к серьезным делам. Раз уж я выросла и наконец решила примкнуть к старшим жителям города, мне следует подумать и о том, чтобы застраховаться. Поэтому мне хотелось бы сейчас назвать имя моего преемника. Один Бог знает, как долго все ждали этого момента. Наконец время пришло. *Наконец-то*. Мне кажется, я могу немного пожить в тишине и покое. Ведь все-таки я уже не такая молодая, какой привыкла быть.

И снова раздались теплые аплодисменты. Оркестр сыграл несколько тактов мелодии «Минувшие времена».

Элизабет-Энн подняла ладони, чтобы успокоить гостей.

— Возможно, — продолжала она с обычной прямоотой, — когда вы впервые увидите, кого я выбрала своим преемником, вы скажете себе: «В конце концов, у старушки поехала крыша». — Она терпеливо улыбнулась, покачала головой и погрозила пальцем. — Поверьте мне, это не так. Я создала корпорацию, будучи одинокой матерью, воспитывавшей четверых детей. И хотя я больше не наивная девочка, я как была, так и *остаюсь* в здравом уме и твердой памяти. И все-таки, как показывает прочитанное мною вам объявление, пора дать дорогу молодым. — Элизабет-Энн помолчала и сделала глубокий вдох. — Леди и джентльмены, с гордостью представляю вам моего преемника, нового и, возможно, самого молодого председателя правления корпорации такого уровня, Дороти-Энн Хейл Кентвелл. — И с этими словами Элизабет-Энн взяла руку своей правнучки и высоко подняла ее.

Дороти-Энн с открытым ртом смотрела на свою прабабушку. В глазах у нее показались

слезы.

— Я? — не веря своим ушам, переспросила она.

— Да, ты, — подтвердила Элизабет-Энн. — Ты станешь вместо меня возглавлять империю, созданную мной.

Под гром аплодисментов Элизабет-Энн отъехала немного назад, все еще держа Дороти-Энн за руку.

— Так же, как и я, когда только-только начинала, ты скоро станешь матерью, — сказала она правнучке. — Но это не имеет значения. Женщины могут так же, как и мужчины, вести дела, и у матерей такие же возможности, что и у одиноких женщин. Ты сможешь доказать это и разрушить существующие мифы. — Элизабет-Энн улыбнулась. — Поверь мне, дорогая, никто так не соответствует тому, чтобы управлять «Отелями Хейл», ни у кого нет большего таланта, чем у тебя. И никому другому я не доверяю так безоговорочно, как тебе. Ты же живешь в отелях еще с тех времен, когда была малюткой. Помнишь?

Дороти-Энн выглядела так, словно вот-вот расплчется.

— Помню ли я? — прошептала она. — Как же я могу забыть?

Тут молодая женщина рассмеялась, чувствуя, как спадает напряжение, и вытерла глаза. Наклонившись настолько низко, насколько ей позволял округлившийся живот, она обняла Элизабет-Энн. Потом Фредди поцеловал их обеих. Другие члены семьи вышли вперед, чтобы поздравить Дороти-Энн. Но только Генри сделал это небрежно. Его глаза оставались холодными и непроницаемыми. На какое-то мгновение Дороти-Энн почувствовала угрызения совести. Она знала, что ее отец всегда рассчитывал на то, что именно он займет место Элизабет-Энн, когда та отойдет от дел. В сорок один год случившееся стало для него большим разочарованием. Но Дороти-Энн знала, что тут уж ничего не поделаешь. Пропасть между ними так и не уменьшилась, поэтому теперь Дороти-Энн не могла сделать шаг ему навстречу.

Элизабет-Энн вздохнула, в ее по-прежнему ясных глазах блеснули слезы.

— А теперь, — негромко сказала она правнучке, — тебе придется простить меня. Я немного устала. Мне пора ложиться спать, сегодня вечером я смогу уснуть спокойно. «Отели Хейл» в хороших руках. Все бумаги уже подписаны, все, что собиралась, я сделала. Теперь я хочу отправиться домой и отдохнуть. Прямо сейчас, хорошенько выспавшись ночью и позавтракав прямо в постели завтра утром. Может быть, мне даже удастся посмотреть немного телевизор. — Потом заговорила громче, обращаясь ко всем: — А вы оставайтесь и продолжайте веселиться. Но вам лучше прислушаться к моей правнучке, когда она предложит вам разойтись. Она твердый орешек. Вроде меня. — И с этими словами Элизабет-Энн немного откинулась назад, ее лицо осунулось, словно от боли.

— Прабабушка, — забеспокоилась Дороти-Энн, — с тобой все в порядке?

Элизабет-Энн открыла один глаз и посмотрела на нее с выражением крайнего изумления.

— Конечно, я в порядке! — рявкнула она в притворном раздражении. — А почему бы мне не быть в порядке? Неужели нельзя оставить пенсионерку в покое? — Потом она повернулась и подняла одну руку, указывая вперед жестом полководца. — Домой, мисс Бант!

Шумно сопя, мисс Бант покатила Элизабет-Энн. Толпа расступилась, давая им дорогу. И пока кресло катилось по бальному залу, их сопровождали музыка и аплодисменты.

Старая королева отреклась от власти. Новую королеву только что короновали.

Когда они вернулись в «Мэдисон Сквайр», Элизабет-Энн обратилась к мисс Бант:

— Я хотела бы немного посидеть одна на террасе, если вы не... — Она говорила тихо, но острый приступ боли, исказивший лицо и заставивший выгнуть, словно кошка, спину, прервал ее на полуслове.

Мисс Бант узнала симптомы. За прошедшие несколько месяцев она к ним привыкла.

— Кончилось действие вашего обезболивающего? — хрипло спросила сиделка. — Дать вам еще одну таблетку?

Но приступ прошел, и Элизабет-Энн теперь только тяжело дышала. Ее ум снова прояснился.

— Зачем мне это нужно? — раздраженно спросила она.

Сиделка знала, что нет смысла спорить с Элизабет-Энн, и опустила глаза.

— Отлично. — Элизабет-Энн снова выпрямилась, ее губы сурово сжались. Она никогда не обсуждала свою болезнь с сиделкой, но знала, что лекарства, тайные визиты в больницу и недавние послеоперационные швы говорят сами за себя. Все-таки мисс Бант — опытная сиделка. Элизабет-Энн была благодарна ей за молчание и тактичность, уважение к очевидному желанию ее пациентки не допустить, чтобы кто-то узнал о ее состоянии. Было большим облегчением не объяснять, даже мисс Бант, насколько широко распространились метастазы в ее теле. Хирургам никогда не удалить их все. Это невозможно было сделать, и теперь они были всюду, вцепившись во все жизненно важные органы крепкой, неотторжимой хваткой. — На террасу, мисс Бант, — негромко велела Элизабет-Энн.

Сиделка кивнула и прокатила кресло между французскими дверями. Поставила его на ручной тормоз и осторожно закутала женщину в плед.

Элизабет-Энн усмехнулась, потом бросила добродушно:

— А теперь, ради Бога, оставьте меня в покое. Я не ребенок.

Мисс Бант колебалась.

— Вы... Хотите, я побуду с вами?

— Нет, я действительно хочу остаться одна. — Элизабет-Энн взяла сиделку за руку и пожата ее, слабо улыбаясь. — Верная мисс Бант, — мягко сказала она. — Что бы я без вас делала?

Сиделка покачала головой. Она готова была заплакать.

— Не надо, не плачьте, — строго прошептала Элизабет-Энн. — Слезы для тех, кто сожалеет о чем-либо. У меня нет сожалений. Никаких. Я прожила достойную жизнь. — Она помолчала. — Я вам оставляю хорошие средства. Вы сможете наконец уйти на пенсию. Вы были очень добры ко мне, и я благодарю вас.

Мисс Бант молча кивнула, не находя слов, и повернулась, чтобы уйти.

— Я хочу попросить вас о последнем одолжении.

— Да? — хрипло откликнулась сиделка.

— Не приходите сюда, чтобы проверить, как я. Оставьте меня здесь до утра. Никому не звоните. Обещаете?

Мисс Бант не смогла повернуться и взглянуть в лицо Элизабет-Энн. Она только прошептала:

— Да.

— Не стоит портить всем вечеринку. Они скоро обо всем узнают. Дайте им сегодня повеселиться. — Она заговорила громче. — А теперь оставьте меня.

Мисс Бант торопливо пошла в комнату, не прикрывая за собой двери.

Элизабет-Энн спокойно сидела в инвалидном кресле. Ее ясные аквамариновые глаза скользили по небу над городом, который в течение почти шестидесяти лет она называла домом. Ясная августовская ночь была влажной, но налетавший бриз приятно охлаждал ей лицо. Повсюду вокруг нее небоскребы Манхэттена сверкали, словно драгоценные камни. Она могла видеть возвышающиеся над ними освещенные прожектором башни «Замка Хейл».

Элизабет-Энн глубоко, с удовлетворением вздохнула. Аромат роз, растущих в ящиках из красного дерева, наполнял воздух, бриз шелестел ветками берез. Стояла великолепная бархатная ночь. Где-то далеко внизу на Мэдисон-авеню видный сквозь металлические прутья ограды асфальт отливала рубиновым светом, отражая огни проезжающих машин.

Как хорошо чувствовать себя живой! Какой волшебный город, огромное пульсирующее сердце, чудовище, разрушающее и создающее с одинаковой легкостью. Именно этот город дал ей самый большой шанс в жизни.

Услышав шум пролетающего над ней самолета, Элизабет-Энн посмотрела на его мигающие огни, проплывающие мимо.

Элизабет-Энн улыбнулась самой себе. Насколько изменилась эта терраса за десятилетия, прошедшие с того времени, как она впервые въехала в пентхаус. Тогда еще даже самолетов не было. Как выросли деревья, их стволы становились с каждым годом все толще. Глициния и плющ, давно посаженные ею, теперь расползлись по кирпичным стенам, совершенно скрыв их под своей зеленью. Отсюда она наблюдала за тем, как меняются времена года, в течение стольких лет. Как часто Элизабет-Энн улыбалась неяркому зимнему солнцу, потрясающим весенним закатам над Нью-Джерси, встречала лимонные летние восходы. И как часто растения на террасе роняли листья, чтобы снова одеться зеленью следующей весной.

Она так много и далеко путешествовала в жизни, наблюдая за своей широко раскинувшейся империей, но всегда очень радовалась возвращению в любимое убежище. Как давно она живет и борется, строит и путешествует, наблюдает, как рождаются и умирают ее дети? И какими короткими кажутся теперь прожитые годы. Сколько она пережила боли, радости, горечи и наслаждений. Как хорошо было жить! И Господи, как же хорошо теперь будет отдохнуть. Последний раз закрыть глаза.

Настало время прекратить борьбу и склониться перед неизбежным. Она прожила долгую, наполненную, хорошую жизнь. Ее последняя воля и завещание уже давно готовы, и свидетели поставили свои подписи. Все лежало в надежном месте у ее адвоката в сейфе. Какое счастье, что у нее хватило времени и предусмотрительности все привести в порядок. Обеспечить своих потомков. Поставить Дороти-Энн во главе империи.

А ведь это действительно была империя. Отели и мотели, капиталовложения и богатство. И прежде всего Дороти-Энн, ожидающая ребенка.

Самый большой подарок.

Элизабет-Энн счастливо вздохнула, задумавшись о том, почему именно сейчас, когда силы медленно покидают ее, она чувствует такое удовлетворение. Ей так и не удалось понять за всю свою жизнь, почему люди так боятся жить и так страшатся умереть. Жизнь и смерть должны быть испытаны до дна.

Элизабет-Энн откинула голову назад и засмотрелась в усыпанное звездами небо, представив, что каждый мерцающий огонек на небосводе — это живая душа. Там были ее родители, ее тетя, Заккес и Дженет, Ребекка и Шарлотт-Энн, ее любимый Лэрри, ее столько

раз оплаканный Заккес-старший, Анна, неожиданно обретенное сокровище. Ей чудилось, что все они кивают ей, безмолвно зовут ее присоединиться к ним.

Элизабет-Энн закрыла глаза, наслаждаясь призрачной музыкой их голосов, и почувствовала, как силы медленно уходят из ее тела. Она осознавала, что нарастает боль, но почему-то не чувствовала ее. Элизабет-Энн откинула голову назад, и слабая загадочная улыбка застыла у нее на губах. Она потеряла сознание. Утром миссис Хейл уже не проснется. Улыбка навсегда останется у нее на губах.

8

Сверкнула молния, за ней прогрохотал гром и установилась устрашающая тишина, наполненная только автоматными очередями падающего дождя. Сильный запах горящего воска свечей наполнил комнату.

Теперь схватки повторялись все чаще, мучая ее тело приступами боли, стремящейся вырваться наружу, терзая ее, словно раскаленными добела щипцами, доходя до самых кончиков ног и рук. Дороти-Энн зажмурилась, но перед глазами плясали огненные узоры, потоки искр.

Боль.

И сожаления. Так много сожалений. Они бешено кружились у нее в мозгу. Она сожалела о тысяче вещей, которые могла сделать для прабабушки и не сделала. О том, что столько раз хотела сказать ей и не сказала. О том, что не осталась дома до рождения ребенка, а поехала сюда. Но откуда ей было знать? Как могла она не сделать этого, все время видя перед собой наполненный ожиданием, беспокойством и усталостью взгляд прабабушки? Это видение все время вилось в ее измученном, затуманенном сознании.

Сожаления. О глупости и эгоизме. Но откуда ей было знать?

Она ни о чем не думала на борту «Боинга-727-100», принадлежащего «Отелям Хейл». С высоты в двадцать тысяч футов над Мексиканским заливом самолет описал многомильную дугу и опустился на посадочную полосу. Еще тогда Дороти-Энн могла передумать, но ей это и в голову не пришло.

Салон самолета напоминал гостиную своими обтянутыми бархатом цвета беж диванами и легкими креслами, прикрепленными к полу. Они с Фредди сидели рядом в напряженном молчании. Он держал ее за руку, но ничего не говорил. Он понимал, что если физически она рядом с ним, то мысленно далеко отсюда. Ее мысли блуждали где-то, осаждаемые потоком воспоминаний, вызванных смертью прабабушки.

Фредди сжал руку жены, чтобы напомнить ей о своем присутствии. Дороти-Энн повернулась к нему, благодарно кивнула. Ее губы изогнула печальная, усталая улыбка. И тут глаза ее наполнились слезами. В них появилось какое-то отсутствующее выражение, словно волна за волной воспоминания накатывались на нее. Их было так много. И все они были хорошими.

Дороти-Энн закрыла глаза, и у нее в ушах зазвучали голоса — одновременно из далекого прошлого и из недавнего.

Прабабушка в день ее рождения, когда Дороти-Энн исполнилось девять лет: *«Палас Хейл» принадлежит тебе и только тебе».*

Мистер Моррис, седовласый старший партнер юридической фирмы, читающий завещание с последней волей Элизабет-Энн и ее завещание: *«Большую часть моего*

состояния, которое включает в себя всю мою собственность, как недвижимость, так и личные вещи, всю сеть отелей и мотелей, я завещаю моей любимой правнучке Дороти-Энн».

Фредди, смотрящий на нее горящими глазами во время кремации: *«Она никогда не умрет, Дороти-Энн, никогда по-настоящему. Никогда до тех пор, пока мы будем помнить о ней. Никогда, пока будет стоять хотя бы один из отелей Хейл».*

Доктор Дэнверс, отличный педиатр, исполненный самых лучших намерений: *«Дороти-Энн, я знаю тебя еще с тех пор, когда ты сама была ребенком. И ты всегда прислушивалась к моим советам. Пожалуйста, сделай это сейчас. Отложи путешествие. Срок родов слишком близок».*

И последняя воля прабабушки, озвученная резким, лишенным эмоций голосом мистера Морриса: *«Я хочу вернуться в Техас. Пусть мой пепел развеют там же, где много лет назад был развеян прах моего мужа Заккеса Хейла».*

В глазах Дороти-Энн заблестели слезы.

Элизабет-Энн Хейл наконец-то возвращалась домой.

9

Дождь бил Фредди по лицу, с силой царапая кожу, словно иголками. Он поскользнулся, его тело изогнулось вперед — Фредди шел, опустив голову. Сверкнула молния, озарив темноту вокруг пульсирующим серебряным светом.

Фредди воспользовался случаем и огляделся. Он находился в середине плантации. Ровные ряды цитрусовых деревьев уходили во все стороны, каждый ряд точная копия предыдущего. Листья с веток оборвал ветер, и плоды дождем сыпались вниз с раскачивающихся деревьев. Куда бы он ни поворачивался, его окружали одинаковые ряды посадок.

Ему оставалось только надеяться на Бога, чтобы не сбиться с пути.

Фредди, спотыкаясь, двинулся вперед, глядя под ноги. Ветер пронзительно завывал на высоких нотах, его стоны напоминали агонию умирающего. Мокрая земля липла к подошвам. Каждый шаг давался с огромным трудом. Фредди все время повторял про себя, словно молитву: он не может не выполнить свою задачу. Он не может заблудиться. Он должен дойти до города и найти врача.

Мысли о смерти неотвязно преследовали его. Лицо Дороти-Энн, исказившееся от боли... Ребенок в ее лоне...

Смерть заняла почетное место. Она была повсюду, так было всегда, и так будет вечно.

Но он может отвести в сторону суровую руку с косой.

Фредди продолжал с трудом идти вперед, закрыв глаза, борясь с ветром, пока нога за что-то не зацепилась. Руки инстинктивно протянулись вперед, он ощупывал воздух, пытаясь сохранить равновесие. Под ногой ничего не было. Какое-то мгновение казалось, что он висит в воздухе. И тут Фредди рухнул в воду, весь дрожа, хотя она была тепловатой.

Он свалился в ирригационный канал.

Вода сомкнулась у него над головой, его ноги коснулись вязкого дна. Отплевываясь, Фредди вынырнул на поверхность, потряс головой и стал продвигаться к берегу. Зацепившись за землю, он подтянулся на руках, потом медленно поднялся на ноги, оглянувшись, дожидаясь, пока вспышка молнии высветит ему дорогу.

Но когда сверкнула молния, он только и мог, что стоять в растерянности, пытаясь

вспомнить, с какой стороны пришел. Куда он направлялся? Фредди даже не мог сказать, перебрался ли он через канал или вернулся на тот же берег, с которого упал. Ряды деревьев были чертовски одинаковыми, все то же во всех направлениях, каждое дерево, словно калька с другого, третьего.

Мужчина не имел представления, в какую сторону идти, но он не мог терять время. Если он идет не туда, то чем раньше это выяснится, тем лучше.

Теперь все зависело только от него. Его жене нужен врач. Еще не родившемуся ребенку нужен врач.

Все зависело от него. Только Фредди мог отвести смерть от дверей дома, где находилась его семья.

Ветер завывал, будто ярмарочный зазывала: «*Торопись! Торопись! Торопись!*»

Миссис Рамирес молча смотрела на свои руки — широкие натруженные ладони, толстые пальцы и запястья. А ей нужны были маленькие, нежные ручки, с блестящими ноготками, с суживающимися к концу пальчиками и очень тонкими, элегантными запястьями.

— Я не акушерка, — пробормотала она, полная отвращения к самой себе.

Дороти-Энн задыхалась, борясь с болью настолько долго, насколько хватало сил. Ее крик, когда не стало больше возможности терпеть, разорвал ночь. Ее спина выгнулась — она попыталась отбиться от движения миссис Рамирес. Пальцы Фелиции казались грубыми и чужими, чужеродным вторжением в безопасное мягкое тепло ее матки.

— Пожалуйста, пожалуйста, — задыхаясь, просила мексиканка. Ее темная кожа заблестела капельками пота. Ей непривычна была поза — полусогнув колени, полулежа между согнутых ног молодой женщины, она пыталась понять, что происходит в ее лоне. Фелиция была слишком стара для такого рода акробатических трюков. — Ваши схватки. Они теперь повторяются каждые полминуты. Мы *должны* повернуть ребенка! Вы понимаете? — Ее глаза сверкали.

— Но ведь Фредди приведет кого-нибудь на помощь.

— У нас нет времени. Потом может быть уже слишком поздно. Подумайте о ребенке! Пожалуйста, вы должны меня послушать!

Дороти-Энн смотрела на нее круглыми от ужаса глазами.

— Я не собираюсь делать вам больно. Вы должны мне поверить.

Дороти-Энн слегка кивнула.

— Это тяжело, я знаю. Но вы должны быть храброй. Вы должны глубоко дышать и тужиться. — Гигантская грудь миссис Рамирес поднялась и упала, когда она показывала. — Вы можете так? — Она нахмурилась.

Дороти-Энн зажмурила глаза и сымитировала ритмичное дыхание.

— Вот так. Отлично. А теперь давайте попробуем еще раз, — попросила миссис Рамирес успокаивающим голосом. Насколько могла осторожно, она снова начала вводить пальцы одной руки во влажное тепло влагалища Дороти-Энн. Вторую руку она положила сверху на живот.

Признав свое поражение, Фелиция вытащила руку.

— Теперь все в порядке? — с надеждой спросила молодая женщина.

Миссис Рамирес уставилась на нее, потом покачала головой.

— Нет, — негромко ответила она. — Это невозможно. — Фелиция поднялась на ноги

подошла к эмалированному тазу, стоящему на ночном столике, и начала мыть руки. Вдруг она застыла, потом вскрикнула: — Теперь я вспомнила! — Женщина широко улыбнулась, а затем даже рассмеялась.

— Что такое? — прошептала Дороти-Энн.

От возбуждения Фелиция даже голос повысила.

— Есть способ! Теперь я вспомнила. — Неожиданно в памяти всплыла та самая история, которую она пыталась вспомнить всю ночь. Хорхе, ее второй по возрасту племянник, тоже лежал неправильно. Доктор настаивал, чтобы ее сестре Мариане сделали кесарево сечение, но местной мексиканской повитухе удалось повернуть ребенка без хирургического вмешательства. Всю ночь Фелиция пыталась восстановить в памяти, *как* она это сделала. И вот наконец вспомнила! Это оказалось так просто.

— Давайте сделаем это, — задохнулась Дороти-Энн, пытаясь сесть.

— Не шевелитесь. — Миссис Рамирес пересекла комнату, потирая подбородок. — Есть только одна проблема. — Она постучала по нижней губе. — Мне понадобится помощь.

— Помощь?

— Мне нужен помощник. Кто-нибудь, кто поможет нам с вами, — она заговорила тише, все время качая головой. — Как же я не вспомнила об этом раньше? Я бы не отпустила бедного мужа бродить по плантациям. *Estupida*^[34]!

Фредди взглянул сквозь серебристые струи дождя и сдавленно вскрикнул.

Бледный свет из окон привел его к дому, снова придал ему надежду. Он побежал навстречу огонькам и в спешке наскочил на что-то металлическое, стоявшее прямо перед ним.

Машина.

Он, не понимая, уставился на нее. Огромный «линкольн-континенталь» оказался слишком хорошо знакомым.

Фредди закрыл глаза и опустил на колени рядом с автомобилем. Он даже застонал от отвращения к самому себе. Как он мог оказаться таким дураком? Уйти, потерять дорогу и вернуться как раз туда, откуда ушел.

Словно для того, чтобы усугубить его трагедию, вспышка молнии осветила мотель. Железные крыши и покосившиеся крылечки засветились серебром, и потом снова все погрузилось в темноту.

Тяжело вздохнув, Фредди поднялся на ноги и пошел вдоль машины. Его мысли метались. Он мог попытаться еще раз пересечь посадки или мог потерять драгоценные минуты, чтобы зайти к Дороти-Энн и еще раз увидеть ее.

Она была так близко. Надо только перейти дорогу.

Фредди колебался всего минуту. Потом побежал через асфальтированное шоссе к мотелю.

Когда Фелиция Рамирес услышала тяжелые шаги на крыльце, ее сердце забило быстрее. Пресвятая Богородица услышала ее молитвы и ответила на них. Именно тогда, когда ей был нужен хоть кто-нибудь, этот кто-нибудь появился.

Она благодарственно перекрестилась и поспешила к двери. Но когда Фелиция открыла ее и увидела Фредди, ее лицо нахмурилось.

— Доктора нет? — спросила она.

— Нет. Я сбился с пути. — Мужчина глубоко вздохнул и тяжело прислонился к стене. Фелиция покачала головой.

— Все в порядке. Вы мне нужны. Я кое-что вспомнила.

Он вцепился ей в руку, прежде чем женщина успела отойти в сторону.

— Как она? — В его глазах заметался страх.

— Все так же, — чуть вздохнула миссис Рамирес. Потом улыбнулась. — Но я думаю, что, возможно, нам удастся кое-что сделать. Идем. Мы не можем терять времени. — Она сделала нетерпеливый жест рукой.

Фредди заметил свет надежды в ее темных глазах и торопливо пошел следом за ней.

— Фредди, — простонала Дороти-Энн изможденным шепотом, когда он вошел в спальню. Она лежала бледная, совсем обессиленная, и едва могла шевелиться. — Ты вернулся. Я так рада.

— Привет, любимая. — Фредди крепко пожал ладонь жены, пытаясь подбодрить ее улыбкой.

— Мне нужна ваша помощь, чтобы изменить ее положение, — не мешкая, заговорила миссис Рамирес. — Мы *должны* поставить ее на колени.

— Я так устала, — слабо запротестовала Дороти-Энн.

— Позже вы сможете отдохнуть, — резко отозвалась Фелиция Рамирес. — Сейчас нам предстоит поработать. — Она кивнула Фредди. — Становитесь с той стороны кровати. Я останусь с этой стороны. — Мексиканка сбросила простыню, и молодую женщину зазнобило от неожиданного холода. Не считая ее огромного живота, она выглядела изможденной, костлявой и измученной. Ее зубы выбивали дробь.

— Мне холодно, — прошептала Дороти-Энн.

Миссис Рамирес не обратила на нее внимания.

— Теперь по моей команде переворачиваем ее на левый бок. Потом мы поставим ее на колени. — Она вопросительно подняла брови. По выражению ее лица было ясно, что спор неуместен. — Вы готовы?

Фредди кивнул, все еще во власти сомнений.

— Отлично. Теперь мы оба поднимаем ее и осторожно переворачиваем.

Медленно они оба подтолкнули Дороти-Энн, переворачивая ее на бок. Она приглушенно застонала. Фредди съежился от страха и побледнел.

— А теперь поставим ее на колени. — Миссис Рамирес нагнулась и заговорила прямо в ухо Дороти-Энн: — Нам понадобится и ваша помощь. *Помогите нам.* Опирайтесь на локти.

Дороти-Энн стиснула зубы, пока Фредди и миссис Рамирес помогали ей занять необходимое положение. Это был нелегкий маневр, учитывая ее изнуренное состояние и неуклюжий, мешающий огромный живот. Оказавшись наконец на коленях, молодая женщина низко опустила голову, ее треугольные лопатки выступили на обнаженной спине подобно акульим плавникам, а мягкие волосы свесились на лицо.

— Хорошо. Очень хорошо, — в голосе Фелиции Рамирес слышалось удовлетворение, несмотря на то что Дороти-Энн явно обессиленна. Мексиканка встала на колени рядом с молодой женщиной и начала легонько надавливать сверху на живот ладонями обеих рук. Кожа на грушевидном вздувшемся животе натянулась. — Так лучше? — спросила она.

— Да... Да, мне кажется, — с удивлением прошептала Дороти-Энн. — Сейчас как будто уже не так больно.

Миссис Рамирес удовлетворенно кивнула.

— Это от того, что я сделала. Малыш больше не давит туда, куда не нужно. — Она жестом подозвала Фредди. — А теперь двигайте ее вперед-назад. Осторожно. Вот так. Словно она плывет на лодке. — Женщина согнула руки и изобразила равномерное качающееся движение. — А я тем временем займусь ребенком. Начинайте!

Фредди начал раскачивать Дороти-Энн, держа ее осторожно, но крепко, чтобы не дать ей упасть на бок.

Вдруг Дороти-Энн тяжело задышала.

— Что случилось? — озабоченно воскликнул Фредди. — Я сделал тебе больно?

— Нет. Ребенок. — Она покосилась на мужа сквозь завесу светлых волос. В ее голосе появились удивленные нотки. — Он... Он *двигается*. Я чувствую его *движение*. — Ее спина выгнулась и напряглась, молодая женщина подняла голову и взглянула широко открытыми изумленными глазами сначала на Фредди, потом на миссис Рамирес.

Но мексиканка на нее не смотрела. Ее взгляд был прикован только к провисшему животу. Даже снаружи можно было увидеть, как выпуклая линия — голова ребенка — явственно поворачивается.

Миссис Рамирес затаила дыхание.

— Ну еще чуть-чуть, — шептала она сквозь зубы, пощипывая волосы над верхней губой. — Ну еще чуть-чуть.

Выпуклость перестала двигаться. Потом через мгновение снова начала поворачиваться.

Фелиция облегченно вздохнула.

— Оставайтесь так, — скомандовала она. Затем изменила свое положение на кровати, так чтобы ей было удобно ввести пальцы во влагалище Дороти-Энн. Какое-то время она ощупывала внутри, потом зажмурилась и глубоко вздохнула.

— В чем *дело*? — прошептал Фредди.

Миссис Рамирес медленно вытаскивала руку. И вдруг рассмеялась.

— Головка! Я нащупала головку! Младенец повернулся головкой вниз, как и должно быть. *Dios mio*^[35]! Мы сделали это. *Мы сделали это*. — Слезы облегчения покатались из темных глаз. — А теперь, быстрее. Нам необходимо перевернуть ее.

— Вы хотите сказать... что теперь все в порядке? — недоверчиво спросил Фредди.

— Все отлично, — миссис Рамирес радостно закивала головой. — *Быстро* положите ее на спину. — Потом добавила тихонько: — Еще будет больно. Но это будет нормальная боль... Теперь мы сможем родить. Вы слышите? — Ее глаза сверкнули торжеством. — Мы сможем *родить* маленького. Мы сделали это!

КВЕБЕК, ШТАТ ТЕХАС

15 августа 1985 года

Дороти-Энн никогда раньше не переживала моментов такого торжества, не была так преисполнена изумления, как тогда, когда услышала первый крик новорожденного ребенка.

— Посмотрите, красивая девочка! — радостно воскликнула Фелиция Рамирес. — У вас великолепная маленькая дочка.

Слезы застилали глаза Дороти-Энн, но это были слезы радости. Ужасная боль тяжелой ночи родов осталась позади, ушла вместе с грозой, грохотавшей и стонавшей так же яростно, как кричала она сама. Но теперь это останется лишь воспоминанием. Утреннее солнце ворвалось в маленькое окно спальни и залило комнату теплым светом. И радость затопила ей сердце.

Фредди сидел рядом. Когда он взял ребенка на руки, слезы потекли у него по щекам. Дороти-Энн наслаждалась этой картиной, а потом ее взгляд переместился на урну Буччеллати, стоящую на туалетном столике. Она гордо сияла в лучах рассвета.

Дороти-Энн глубоко вздохнула. Она чувствовала себя необыкновенно измученной, но и необычайно счастливой тоже. До ее слуха доносились крики птиц и стрекотание сверчков. Миссис Рамирес кудахтала над малюткой. Дороти-Энн ощущала влажную приглушенную свежесть, смешанную с запахом цитрусовых. Горький комок застрял у нее в горле, и она почувствовала, как слезы печали потекли по щекам. Дороти-Энн смотрела на урну. Она казалась выцветшей, пока первый луч солнца не ударился в нее и не зажег ослепительным сиянием.

Голос прабабушки донесся до нее сухим шепотом:

— Посмотри вверх, Дороти-Энн!

Она откинула голову назад, ее глаза следили за пальцем прабабушки, указывавшим вверх на «Палас Хейл». Тысячи и тысячи тонн бледного известняка казались мягкими, словно масло, и невесомыми. Солнце залило окна и превратило их в серебряные зеркала. Две башни, украшавшие отель, доставали до быстро бегущих по синему, цвета фарфора Уэджвуда, небу.

Может ли кто-нибудь отблагодарить за такой подарок, за флагман империи, на создание которой ушла целая жизнь? Чем сможет Дороти-Энн расплатиться за наследство, что Элизабет-Энн оставила ей?

И вдруг Дороти-Энн поняла. Ночь прошла, и теперь начинался новый день. Пятнадцатое августа.

День рождения Элизабет-Энн Хейл. Сегодня ей бы исполнился девяносто один год.

Дороти-Энн повернулась и протянула руки. Фредди осторожно передал ей ребенка.

Молодая мать посмотрела на свою крошечную дочку и улыбнулась. Такая живая, такая маленькая и хрупкая. Ее личико сердито морщилось, словно малышка протестовала против недостойной для ее рождения обстановки. Крошечные ручки были меньше, чем у куклы, она сжимала и разжимала пальчики, словно пытаясь ухватиться за воздух. Золотистый пушок на голове выдавал в ней истинную Хейл, а широко раскрытые требовательные глазки светились аквамарином.

Дороти-Энн крепче прижала к себе дочку и посмотрела на Фредди.

— Элизабет-Энн? — тихонько спросила она.

Тот кивнул.

— Пусть будет Элизабет-Энн, — согласился муж, — только я должен тебя предупредить, ей нелегко будет пойти по стопам ее тетки.

— Конечно, нелегко, — задумчиво проговорила Дороти-Энн. Потом улыбнулась. — Но она сделает это. — Губы Дороти-Энн медленно и беззвучно дрогнули. Так беззвучно, что даже Фредди не смог ничего расслышать: — С днем рождения, прабабушка.

Из справочника «Четыреста избранных Форбса», 1988 год.

Дороти-Энн Кентвелл

Наследство, «Отели Хейл», капиталовложения. Живет в Нью-Йорке. 24 года. Замужем, трое детей. Воспитывалась прабабушкой, Элизабет-Энн Хейл. Самый молодой председатель правления компании, доставшейся от прабабушки. Ориентирована на семью. Живет тихо. Занимается благотворительностью в Нью-Йорке, но все-таки крайне скрытна. Никаких фотографий, интервью, служащие хранят молчание, если хотят сохранить работу. Несмотря на материнство, продолжает расширять сеть сверхроскошных отелей. Последние вложения в «городки» для отпуска — этим занималась еще Элизабет-Энн Хейл — составили предположительно 500 миллионов долларов за пять лет. Уже потратила 100 миллионов долларов, чтобы усовершенствовать существующие отели. О своих делах предпочитает не рассказывать. Годовой доход — 83 миллиона долларов. Заняла место самой богатой женщины мира, ранее принадлежавшее ее прабабушке. И безусловно является самой молодой из них. Муж Фредди расширяет интересы корпорации в сфере недвижимости, жилых комплексов, курортов, ресторанов, туристических агентств, банков и приисков по всему миру. Отказывается подтвердить, что ее состояние составляет 2,6 миллиарда долларов, или указать доход. «Я хорошо устроена. Этого достаточно».

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

1 миля — 1,609 км. — *Здесь и далее прим. пер.*

1 фут = 12 дюймам = 0,3048 м.

Дело сделано (*франц.*).

Сударь (*франц.*).

1 унция = 28,3495 г.

Маленькая церковь за углом — церковь Преображения близ Пятой авеню, в одном из богатейших кварталов Нью-Йорка.

Волосы, растущие мысиком на лбу, согласно примете предвещают раннее вдовство.

Добрый вечер, мадам Морган (*франц.*).

Херст Уильям Рэндольф (1863–1951) — американский магнат, владелец сорока журналов и газет, основоположник цветных и многотиражных изданий.

Гаспарри Пьетро — кардинал, статс-секретарь Папы Бенедикта XV и Папы Пия XI, подписал т. н. Латеранские соглашения (конкордат) с режимом Муссолини.

В этом перелете А. Эрхарт участвовала в качестве пассажира. Атлантику самостоятельно она перелетела в 1932 году.

1 ярд = 0,9144 м.

Шафлборд — игра с передвижением деревянных кругов по размеченной доске.

Извините (*итал.*).

Анархист (*итал.*).

Проституткой (*итал.*).

Дорогая моя (*итал.*).

Иов — страдающий праведник, главный персонаж ветхозаветной книги Иова.

ЛЮБОВЬ (*итал.*).

Великолепно (*итал.*).

Не правда ли? (нем.).

Здесь находится Военно-морская академия ВМС США.

Так у Гулд.

Имеется в виду Мюнхенская конференция Англии, Франции, Германии и Италии 29–30 сентября 1938 года.

Имеется в виду высадка войск 5-й американской армии в районе Салерно.

Свершившийся факт (*франц.*).

Быстро (*итал.*).

1 акр = 0,404687 га.

Не за что (*исп.*).

Самый крупный из бурых медведей, обитает на побережье и островах Аляски.

Английское слово pool означает и бюро, и бассейн.

Герой рассказа американского писателя Вашингтона Ирвинга (1783–1859), проспавший двадцать лет и оказавшийся в совершенно незнакомом ему мире.

Город в Португалии, место паломничества с того времени, как в 1917 году три местных пастуха рассказали, что им здесь шесть раз являлась Богородица.

Дура (*исп.*).

Боже мой! (*исп.*).